

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + Refrain from automated querying Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях. Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.

Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  - В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  - Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Muccus Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

A P Slav 620.5

HARVARD COLLEGE LIBRARY

4 P Slav 620.5

HARVARD COLLEGE LIBRARY

!		
T.		
0		

ДЕКАБРЬ.

30**2E C** 98

1898.

PYGGROG ROYATGTRO

№ 12.

СОДЕРЖАНІЕ:

I.	АВДОТЬИНЫ ДОЧКИ. Разсказъ	
	(Окончаніе)	О. А. Шапиръ.
2.	ЗЕМЛЯ И КАПИТАЛИЗМЪ. (Окон-	· ·
	чаніе)	С. Зака.
3.	ФАЙЗУЛЛА. Разсказъ	А. Евреинова.
4.	СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ВЗГЛЯДЫ	•
•	ДЮРКГЕЙМА. (Окончаніе)	П. Ю.
5.	ЧАРЫ. Разсказъ	
•	ОЧЕРКИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	
	О ТРУДЪ ВЪ ГЕРМАНІИ. (Оконч.).	
7.	РАЗСКАЗЫ. І. Подарокъ пруссака.	
	II. Парижскія развлеченія. Переводъ	
	съ англійскаго.	Дэнгля.
8.	ЧЕРЕЗЪ СЕНЪ-БЕРНАРЪ	• •
	*. * Стихотвореніе	
	НАРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НА-	
	БРОСКИ. Средняя семья въ Воронеж-	!
	ской губерніи	Н. А. Карышева.
ıı.	читатель народной газеты.	
	новия книги:	o. ripodposa.
12.		
	К. Бальмонтъ. Тишина.—Ив. Бунинъ. Подъ открытымъ небомъ.—В. Микуличъ: Чере- муха.—Заренцы.—Мимочка.— Н. А. Вербиц-	
	муха.—Заринцы.—Мимочка.—Н. А. Вербиц-	
		(См. на оборотъ).

	кій. Очерки изъ охотнечьей жизин.—Кенетъ Грээмъ. Золотой возрасть.—П. Николаевъ. Альфонсъ Додэ.—А. Pachalery. Dictionnaire phraséologique de la langue française.— Н. Череванскій. Двіз волим.—В. И. Семевскій. Рабочіе на себерсинхъ волотихъ промислахъ. — И. С. Вліохъ. Будущая война въ техническомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніи.—Э. В. Тайлоръ. Антронологія.—А. Сквордовъ. Основанія политической экономіи.—Книги, поступившія въ редакцію		
13.	ТЕОРІЯ РЫНКОВЪ въ ея отношеніи		
	къ вопросу объ экономическомъ раз-		
	витіи страны (По поводу книги С. Бул-		
	гакова: «О рынкахъ при капиталисти-		_
	ческомъ производствъ)	M. 6,	Ратнера.
14.			
	янскомъ банкъ	В. Р.	•
15.	КЪ ВОПРОСУ О НЕУРОЖАЯХЪ		_
	послъднихъ лътъ		
	RICHARII RIPARIOI RABOH	Дюне	80.
17.	идейное пробуждение фран-		
- 0	ЩИ. (Письмо изъ Франціи)	п. п.	
18.	ПОЛИТИКА. Мирный трактатъ между Соединенными Штатами и Испаніей.—		
	Новое положение, занятое Амери-		
	кой.—Мирная конференція.—Оконча-		
	тельное улаженіе критскаго вопроса.—		
	Французскія внутреннія д'ала. — Гер-		
	манія.—Текущія событія.	СН	Mwanopa
τn	хроника внутренней жизни:	U. 11,	iomanoba.
• 7.	Продовольственная нужда и помощь		
	благотворительности. — Власть «недо-		
	разумъній» въ области народнаго про-		
	свъщенія.—Къ вопросу объ отмънъ		
	тьлесных наказаній.—Оффиціальное		
	разъяснение по андижанскому дълу.	M. A	\. Плотникова.
	М. В. Загоскинъ.		
20.	ОБЪЯВЛЕНІЯ.		

При этомъ номерѣ прилагаются объявленія изданій: П. П. Сойкина («Научное Обозрѣніе» и др.), «Жизнь», «Деревня», «Журналь для всѣхъ» и «Юный Читатель».

PYCEROE ROTATETRO

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

N 12.

С.-ПЕТЕРВУРГЪ. Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъйзжая, -15. 1898.

4-4

 $PSlav 620.5 \left(\frac{1898}{12} \right)$

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY 18 MAY 1066

содержаніе.

	•	
_	Accompany December O 4 Western (O	CTPAH.
I.	Авдотыны дочки. Разсказъ О. А. Шаниръ. (Окон-	
	чаніе)	5- 54
2.	Земля и капитализмъ. С. Зака. (Окончаніе)	55 <del></del> : 83
3.	Файзулла. Разсказъ А. Евреннова	·84— 98.
	Соціологическію взгляды Дюркгейма. П. Ю. (Окон-	. /
	чаніе)	99-149
5.	Чары. Разсказъ С. Жемпяняю	150-175
-	Очеркъ законодательства о трудъ въ Германіи. Г.Б.	
	Іомоса. (Окончаніе)	176-201
7.	Разсназы Дэнья: І. Подарокъ пруссака. П. Па-	
μ.	рижскія развлеченія. Переводъ съ англійскаго.	
Q	Черезъ Сенъ-Бернаръ. Діонео	
	• • • • • • • • • • • • • • • • • • • •	•
9.	* Стихотвореніе П. Я.	220-
10.	Народно-хозяйственные наброски: Н. А. Карышева.	
-0.	Средняя семья въ Воронежской губ	1— 16
	Читатель народной газеты. В. Арефьева	16— 40
		10 40-
13.	Новыя книги:	
	В. Бальнонтъ. Тишина.—Ив. Бунинъ. Подъ отвритимъ	
	мебомъ. — В. Микуличъ: Черемуха. — Заринцы. — Ми- мочка. — Н. А. Вербицкій. Очерки изъ охотичьей	
	жизни.— Кенетъ Грээмъ. Золотой возрасть.— П. Нико-	
	даевъ. Альфонсъ Додэ.—A. Pachalery. Dictionnaire phra-	
	séologique de la langue française.—H. Череванскій. Двъ	
	волны.—В. И. Семевскій. Рабочіе на сибирских воло-	
	тыхъ промыслахъ.—И. С. Бліохъ. Будущая война въ тех-	
	инческомъ, экономическомъ и политическомъ отноше-	
	мін.—Э. Б. Тайлоръ. Антропологія.—А. Скворцовъ.	
	Основанія политической экономін.—Книги, поступившія	
	RE DATARRID	41- 77

	CTPAH.
гз. Теорія рынковъ въ ся отношеніи къвопросу объ	
экономическомъ развитіи страны. (По поводу	
книги С. П. Булгакова: «О рынкахъ при капи-	
талистическовъ производствъ») М. Б. Раннера.	78—101
14. Г. Евгеній Марковъ о крестьянскомъ банкъ. В. Р	102-113
15. Нъ вопросу о неурожаяхъ послъднихъ лътъ. $H.~ heta.$	•
	**4*27
16. Новая біографія Парнелля. Діонео	137-106
17. Идейное пробужденіе Франціи. (Письмо изъ Фран-	
цін). <i>Н. К</i>	166—183
18. Политина. Мирный трактать между Соединен-	
ными Штатами и Испаніей.—Новое положеніе,	
занятое Америкой. — Мирная конференція. —	
Окончательное улажение критскаго вопроса.—	
Французскія внутреннія діла.—Германія.—Те-	
кущія событія. С. Н. Южакова.	183—197
	103—197
19. Хроника внутронней жизни. Продовольственная	
нужда и помощь благотворительности.—Власть	. •
«недоразумьній» въ области народнаго просвъ-	
щенія.—Къ вопросу объ отмінь тілесныхъ	
наказаній.—Оффиціальное разъясненіе по анди-	
жанскому дълу. М. А. Плотитева	198-214
Mandalous April 22. 22. 22. 22. 22. 22. 22. 22. 22. 22	-70 -14

214-215

20. Объявленія.

Открыта подписка на 1899 годъ на вженъсячный литературный и научный журналь

PYCCKOE BOTATCTBO,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

подписка принимается:

- Въ С.-Петербургъ въ конторъ журнала—уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.
- Въ Москвъ-въ отделени вонторы Никитскія ворота, д. Гагарина.

При непосредственном обращении съ контору или съ отдъление, допускиется раворочка:

для городскихъ и многородныхъ подписчиковъ съ доставкой:

Не приславшимъ доплатъ въ означенные сроки высылка журнала прекращается.

Для городскихъ подписчиковъ въ Петербурге и Москве безъ доставки допускается разсрочка по 1 р. въ месяцъ съ платежомъ впередъ: въ декабре за январь, въ январе за февраль и т. д. по імъ включительно.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могуть удерживать за коминскію и пересынку денегь только 4O коп. съ каждаго годового закомпляра.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается.

Въ конторажъ журнала «РУССКОЕ БОГАТСТВО»

(въ Петербурга и Москва) имбются въ пропажв:

50 E.

Н. Гаринъ. Очерки и разскази. Т. І. Изд. второе. Ц. 1 р. 25 к. —Очерки и разсказы. Т. П. Ц. 1 р. Гимназисты. 2-е изд. Ц.1 р. 25 к. — Студенты. Ц. 1 p. 25 к. Вл. Короленко. Въголодний годъ. Изд. третье. Ц. 1 р. Очерки и разсказы. Книга первал. Изд. седьное. Ц. 1 р. 50 к. - Очерки и разсказы. Книга вторал. Изд. третье. Ц. 1 р. 50 к. - Савпой музыванть. Этюдъ. Изд. шестое. Ц. 75 к. Л. Мельшинъ. Въ мірѣ отверженныхъ. Записки бывшаго ка-торжника. Два тома. Цъна за каж-дый 1 р. 50 к. Н. К. Михайловскій. Шесте юмось сочинскій. Ц. по 2 р. за томъ. С. Н. Южаковъ Сопіологическіе этюды. Т. І. Ц. 1 р. 50 к. - Сопіологическіе этюды. Т. П. Ц. 1. р. 50 к. - Дважды вовругь Азін. Путевыя впечативнія. Ц. 1 р. 50 к. - Вопросы просвищения. Ц. 1 р. 50 E. С. Я. Елпатьевскій. Очерки Сибири. 2-е изданіе. Ц. 1 р. О. Немировскій. Напасть. Повъсть. Ц. 1 р. П. Я. Стихотворенія. Печатаются 2-мъ изд. Ц. 1 р. А. Шабельская. Наброски карандашонъ. Ц. 1 р. 50 к. А. Осиповичъ. (А. О. Новодвор-

 Арнольдъ. Светь Азін. Жизнь и ученіе Будди. Ц. 2 р. С. Сигеле. Преступная толпа. Ц. 40 E. В. В. Лесевичъ. Опить вритическаго изследованія основоначаль позитивной философіи. Ц. 2 р – Цисьма о научной фило**софі**м Ц. 1 р. 25 к. Этюды и очерки. Ц. 2 р. 60 к. Что такое научная философія? Ц. 2 р. Р. Левенфельдъ. Графъ Л. Н. Толстой (на простой бумагь). П.

скій). Собраніе сочиненій. Ц. 1 р.

— (на веленевой бумагь). Ц. 1 р. 50 к. Поль-Луи-Курье. Сочиненія.Ц.

2 руб. Е. Н. Водовозова. Жизнь европейскихъ народовъ. І т. Жители Юга. П т. Жители Съвера. Ш т. Жители средней Европи. Ц. за каждый томъ 8 р. 75 к. Умственное и нравственное

развитіе детей. Ц. 2 р. В. И. Водовозовъ. Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к. Словесность въ образцахъ и

разборахъ. Ц. 1 р. 25 к. — Очерки изъ русской исторів XVIII въка. Ц. 1 р. 50 к. С. А. Ан-скій. Очерки народ-

ной литературы. Ц. 80 к.

Цолные экземпляры журнала «Русское Богатство» **за** 1893, 1894, 1895, 1896 и 1897 г. Ціна за годъ **8** р.

Пересылка книгь за счеть заказчика изложеннымъ Подписчики «Русскаго Богатства» за пересыдку не платить:

шесть томовъ сочиненій

Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО

Изданіе редакцін журнала «Русское Богатство».

УДЕШЕВЛЕННОЕ

наданіе большого формата, въ два отолбца, въ 30 печатных лиотовъ каждый томъ, Съ портретомъ автора.

Цѣна 2 р. за томъ.

СОДЕРЖАНІЕ І Т. 1) Предисловіе. 2) Что такое прогрессь? 8) Теорія Дарвина и общественная наука. 4) Аналогическій методъ въ общественной наука. 5) Дарвинизмъ и оперетки Оффенбаха. 6) Ворьба за индивидуальность. 7) Вольница и подвижники. 8) Изъ литературныхъ и журнальныхъ зам'ятокъ 1872 и 1878 гг.

СОДЕРЖАНІЕ ІІ Т. 1) Преступленіе и наказаніе. 2) Геров и толпа. 3)Научния письма. 4) Патологическая магія. 5) Еще о герояхъ. 6) Еще о толпъ. 7) На вънской всемірной выставкъ. 8) Изъ литературнихъ и журнальныхъ замътокъ 1874 г. 9) Изъ дневника и переписки Ивана Непомнящаго.

СОДЕРЖАНІЕ III Т. 1) Философія исторіи Луи Блана. 2) Вико и его «новая наука». 3) Новый историкъ еврейскаго народа. 4) Что такое счастье? 5) Утопія Ренана и теорія автономін анчности Дюринга. 6) Критика утилитаризма. 7) Записки Профана.

СОДЕРЖАНІЕ IV Т. 1) Жертва старой русской исторін. 2) Идеализмъ, ндолоповлонство и реализмъ. 3) Суздальцы и суздальская критика. 4). О зитературной д'язгельности Ю. Г. Жуковскаго. 5) Карлъ Марксъ передъсудомъ г. Ю. Жуковскаго. 6) Въ перемежку. 7) Письма о правдъ и венравдъ. 8) Литературныя зам'ятки 1878 г. 9) Письма къ ученимъ людямъ. 10) Житейскія и художественныя доамы. 11) Литературныя зам'ятки 1879 г. 12) Литературныя зам'ятки 1880 г.

СОДЕРЖАНІЕ V Т. 1) Жестокій таланть. 2) Гл. И. Успенскій. 3) Щедринь. 4) Герой безвременья. 5) Н. В. Шелгуновь. 6) Записки современня. І. Независящія обстоятельства. П. О Писемскомъ и Достоевскомъ. ПІ. Начто о лицемарахъ. IV. О порнографіи. V. Мадиме мом и варення души. VI. Послушаемъ уминкъ людей. VII. Три мизантропа. VIII. Паснь торжествующей любви и насколько мелочей. ІХ. Журнальное обозраніе. Х. Торжество г. Ціона, чреда образованности и проч. ХІ. О накоторыхъ старыхън новихъ недоразуманіяхъ. ХІІ. Все французъ гадитъ. ХІІІ. Смерть Дарвина, ХІV. О доносахъ. XV. Забытая азбука. XVI. Гаментвированные поросата. 7) Письма посторонняго въ редакцію «Отечественныхъ Записовъ».

СОДЕРЖАНІЕ VI Т. 1) Вольтеръ-челов'явъ и Вольтеръ-мислитель.
2) Графъ Бисмарвъ, 8) Предисловіе къ книгі объ Ивані Грозномъ.
4) Иванъ Грозний въ русской интературі. 5) Палка о двукъ концакъ.
6) Романическая исторія. 7) Политическая экономія и общественная наука. 8) Дневникъ читателя. 9) Случайныя замітки и письма о разникъразностякъ.

Изданія редакціи журнала «РУССКОЕ ВОГАТСТВО»:

С. А. Ан—скій. Очерки народной литературы. Ц. 80 к.

Н. Гаринъ. Очерки и разоказы. Т. І. Изд. второе. Ц. 1 р. 25 к.

Его же. Очерки и разсказы. Т. П. Ц. 1 р.

Его же. Гимиазисты. Изъ семейной хроники. Изд. второе. Ц. 1 р. 25 к.

Его ме. Студенты. Изъ семейной хроники. Ц. 1 р. 25 к.

С. Я. Елпатьевскій. Очерки Сибири. Изд. 2-ое. Ц. 1 р.

Вл. Короленко. Въёголодный годъ. Изд. третъе. Ц. 1 р.

Его же. Слепой музыканть. Изд. шестое. Ц. 75 к.

- Л. Мельшинъ. Въ мір'в отверженныхъ. Записки бывшаго каторжника. Два тома. Ц. 3 руб.
- Н. К. Михайловскій. Сочинскія въ шести томахъ. Удешевленное изданіе большого формата, въ два столбца, въ 30 печатныхъ листовъ каждый томъ. Съ портретомъ астора. Ц. 12 р.
- А. О. Немировскій. Напасть. Пов'єсть изъ временъ холерной эпидемін 1892 г. Ц. 1 р.
- С. Н. Южановъ. Дважды вокругъ Азін. Путевыя впечатайнія. Ц. 1 р. 50 к.
- П. Я. Стихотворенія. Печатаются 2-мъ изд. Ц. 1 р.

новая книга:

Л. Мельшинъ.

ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ.

Записки бывшаго каторжника.

томъ второй.

Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство».

Цѣна 1 руб. **50** коп.

авдотьины дочки.

Разсказъ.

IIIV

Афанасій Ивановичь Картышевь тімь временемь не зналь, что ему и думать... Авдотья точно какъ умерла. Съ тіхь порь, какъ началось сватовство, она то и діло забізгала къ нему на вокзаль; забіжить, побранить нынішнихь дочекь, которыя совсімь оть рукь отбились, повздыхаеть о своей дружбі съ покойницей и внушить, что онь на нее можеть положиться, все равно какъ на каменную стіну: она себі не врагь!— Спать будеть спокойно, когда отдасть за него Аришу... Погодить надо немножко, и все уладится.

Афанасій Ивановичъ понималь, что Авдотья прибъгаеть затъмъ, чтобы себя успокоить, своими глазами увидъть, что желанный женихъ не вовсе еще потерялъ терпъніе Теперь больше недъли Авдотья глазъ не кажеть на вокзаль.

Афанасій Ивановичь и самъ давно уже пришель въ сомнъніе на счеть того, хорошо ли онъ тогда сдълаль, намекнувъ ей про Сашу... Сказаль это тогда въ увлеченіи, не даль себъ времени разсудить какъ надо...

... Очень ужъ раззадорила она его въ тоть день, сидя на окошечкв, словно птичка на жердочкв! Однако благоразуміе брало свое—не мальчишка онъ и въ самомъ двлв, чтобы на ствну квзть. Не пойдеть за него Саша. Главная причина, что на умв у нея теперь не то; а дальше, какъ оперится да на свои ноги встанеть, тогда и вовсе нуждаться не будеть, чтобы за старика выходить. У такой дввицы недохватки въ женихахъ никогда не будеть. А съ другой стороны, Ариша всегда привлекала его больше, —бълокурая и степенная.

... Авдотьины дочки словно какъ съ отметинкой: скучно даже и думать о другихъ невестахъ... воть тебе скучно и скучно!

Всёхъ свахъ Афанасій Ивановичъ разогналъ, передъ всёми барышнями невёжей оказался и начиналь уже чувствовать,

какъ вокругъ него растетъ глухое недовольство. А самъ-то ужъ и избаловаться успъль за полгода своего вдовства; точно и всегда ему такое житье будеть, что вездъ онъ желанный гость. Но пуще всего Афанасій Иванычъ боялся самой Саши: непремънно разскажеть она сестръ... погубить его Саша! Кабы не этотъ страхъ, давно ужъ женихъ не утерпълъ бы и сходилъ самъ на Фонтанку.

Въ такомъ вотъ смутномъ состояни души Картышевъ въ одинъ прекрасный день получилъ по городской почтв письмо. Письмо безъ подписи, написанное очень хорошо.

«Если Вамъ желательно переговорить объ интересующемъ Васъ дѣлѣ, то пожалуйте въ Александровскій садъ въ воскресенье, въ двѣнадцать часовъ, около новаго памятника».

Отъ изумленія Картышевъ прочиталь вслухъ собственный адресъ— ошибки какой не вышло ли? Впрочемъ, въ первую минуту онъ не почувствовалъ ровнехонько никакого волненія передъ такимъ приключеніемъ, напротивъ, — только одно неудовольствіе. ... Непремѣнно опять новое сватовство ватѣвается! На квартиру къ нему свахи сунуться не смѣютъ, а платье, выговоренное въ случаѣ удачи, или салопъ какой нибудь получитъ хочется, вотъ и пустились бабы на хитрость!..

Какъ разъ въ ту пору печка въ комнатѣ весело потрескивала казенными дровами. Женихъ небрежно швырнулъ въ огонь глупое письмо, увѣренный, что больше онъ и не вспомнить объ немъ, а на мѣсто того, какъ только бумажка сгорѣла, такъ онъ сейчасъ и спохватился: батюшки свѣты, гдѣ у него голова была?!. Развѣ возможно, чтобы у свахи Авдѣевой былъ такой благородный почеркъ? Она, поди, каракули неразберимыя ставитъ, а не то, чтобы въ такихъ отборныхъ словахъ написать могла!..

Просто побиль бы себя собственными руками обстоятельный Афанасій Иванычь за такую небывалую оплошность... проворонить такой деликатный случай! Письмо-то этакое можеть быть и обратно потребують... Что-жь, такъ и сознаваться, что онъ его въ ту же минуту въ печку сунуль?..

Въ результате всего этого получилось то, что въ воскресенье, ровно въ двенадцать часовъ Афанасій Иванычъ, одетый по праздничному, вылёзъ изъ конки у входа въ Александровскій салъ.

... Съ какой же стати ему показать себя невѣжей?... Почерки женскіе онъ, правда, отличать не мастеръ, однако столькото можеть смекнуть, что такого письма мужчина не напишеть. Потому, причины никакой нѣть: мужчина и безъ писемъ найдеть, гдѣ ему съ нужнымъ человѣкомъ встрѣтиться.

Въ жизни Афанасія Иваныча это было еще первое приключеніе романическаго характера, и теперь вся досада закаючалась въ томъ, что онъ сдуру взялъ да туть же и сжегъ письмо. То есть, кабы не трезвехонекъ ходилъ всю недѣлю, такъ подумать бы, что все это ему примерещилось съ веселыхъ глазъ! Когда Афанасій Иванычъ былъ уже на серединъ сада, ему внезанно вступило въ голову новое соображеніе: а ну, какъ совсѣмъ незнакомая?.. Пожалуй, письмо-то это самое онъ въ рукахъ долженъ держать для примъты?.. Такая злость на себя взяла, что онъ даже ногой по снъгу притопнулъ. Хорошъ кавалеръ, за учеными барышнями ухаживать вздумалъ!..

У памятника Пржевальскому Картышевъ украдкой оглядълся.

Публики было совсёмъ мало, только у входа скамейки по обыкновенію всё заняты. Дама въ длинномъ траурномъ вуалё съ дёвочкой огибала площадку. Отставной военный въ сильно потрепанномъ пальто и засаленной фуражкё громко свисталъ, сзывая забёжавшихъ въ снёгъ собачекъ, двухъ породистыхъ таксъ, одна какъ другая, въ новенькихъ звенящихъ ошейникахъ. Дёвочка на ходу то и дёло оглядывалась на собакъ, дама сердилась. Вдали, наискосокъ, отъ сената къ Невскому двигалось нёсколько группъ.

Вдругъ средняя группа, изъ нъсколькихъ женщинъ, стала забирать влъво, и Картышеву показалось, что одна изъ нихъ— Авлотьина Саша.

Въ жаръ всего бросило. Онъ остановился передъ памятникомъ и спиной повернулся. Была смутная надежда, что обознался, пока не долетълъ до него веселый голосъ Саши... Она прощалась со своими спутницами; постояла съ ними, оболтая, съ минуту, потомъ быстро пошла къ площадкъ.

... «Скажу, что пріятеля поджидаю... вмѣстѣ ѣхать... ну... ну... хоть въ Галерную гавань!.. именины... святого-то какого сегодня, прости Господи?»

Точно пойманый школьникъ, Афанасій Иванычъ старался схватить разб'ягающіяся мысли, прислушиваясь къ скрипу быстрыхъ шаговъ по сн'ягу.

— Афанасій Ивановичъ, здравствуйте!— издали звонко крикнула Саша.

Картышевъ, красный, забормоталъ сейчасъ же про Гавань и про пріятеля. Саша съ усмъщечкой поглядывала на него.

— A воть я такъ никогда въ Гавани не была. Хорошо тамъ?..

Афанасій Иванычъ съ жаромъ принялся расхваливать: будто какъ и не Петербургъ, точно въ провинціи гдѣ нибудь! А самъ безпокойно косился по сторонамъ: коли сейчасъ та, другая, подойдетъ... какъ же тогда быть?...

- Вы съ подругами гуляли? спросиль онъ.
- Нъть, не гуляла. По дълу ходила. Я теперь три раза

въ недѣлю должна бѣгать въ Галерную улицу—кончикъ не близкій!

— Господи помилуй... да зачёмъ же это?

— А массажу учиться буду, воть зачёмъ!—крикнула радостно дёвушка, точно про что-то невёсть какое веселое: — Поздравьте меня, Афанасій Иванычы Я вёдь думала, что никакъ мнё этого дёла не обломать, а вмёсто того нашлись добрые люди, соглашаются въ долгь меня учить...

Саша сіяла. Ну, ужъ, что теперь Ариша будеть про сча-

стіе ея говорить!.. Картышевъ покачаль головой.

— Удивительное д'вло... всегда-то у васъ одно только ученіе на ум'в.

— А по вашему, когда же учиться, коли не теперь! Посл'в то, небось, и близокъ локоть, да не укусишь. Я вотъ и Аришу нашу тоже уговариваю...

Саша помочала и поглядела на него вбокъ.

— Пріятель-то вашъ что-то не идеть?.. Походимте немножко, стоять очень холодно...

Афанасій Иванычь почувствоваль такую тревогу оть этихь словь, что туть же приняль внезапное рёшеніе: къ чорту письмо! Не упускать же ему такого случая объясниться съ Сашей! Уйти только надо подальше отъ памятника.

Онъ съ жаромъ выразилъ дѣвушкѣ свою радость, что встрѣтился съ нею. Признаться сказать, боялся, что она на него сердится... И Авдотья Кузьминишна совсѣмъ забыла его. Окончательно безо всякихъ новостей оставили!

Саша его сейчасъ же успокоила. Съ какой это стати на шутку сердиться? Не такой у нея вовсе характеръ. А, главное, что совсёмъ не до пустяковъ ей теперь. Перво на перво надо на настоящую дорогу выбраться, судьбу свою надежно устроить... было бы изъ-за чего стараться! Тоже не велика фигура простая-то акушерка! А на это не годъ и не два уйдеть.

— Ариша заладила, что мнѣ во всемъ счастіе, а только это глупости! Всякая чего нибудь добиться можеть, коли только захочеть. Только ужъ надо крѣпко хотѣть, чтобы ни объ чемъ другомъ и не думать... Правду я говорю, Афанасій Ивановичъ?

Картышевъ потрясъ головой въ безмолвномъ восхищении.

— А который человъкъ можеть въ люди выбраться, тотъ и долженъ объ этомъ одномъ думать, коли онъ не дуракъ!— постановила съ увлеченіемъ Саша:—Добьешься-то чего нибудь не для одной же себя. Небось, нашимъ дътямъ столько биться не придется—имъ легко будеть!..

Картышевъ, наконецъ, отважился возразить, что не такъ

все это легко, какъ ее послушать; а между женскимъ поломъ и вовсе немного такихъ найдется...

Саша нетеривливо остановила его.

— Ну, что вы объ этомъ знаете? вы такихъ-то дъвушекъ и не видали никогда! Конечно, всему помъха деньги. Барышни гимназистки и тъ бъются, не то что мы, горькія. Чего, чего у насъ не наглядишься, да не наслушаешься!

Но Афанасій Иванычь понималь свое возраженіе совсёмь въ особомъ смыслів. Деныш деньгами, да много ли такихъ діввушекъ, которыя, такъ сказать, въ цвітів юности только объ одномъ діяльномъ думають? Молодость-то одинъ разъ бываеть!

Саща съ досадой тряхнула головой.

- Говорять вамъ, не знаете, ну такъ и не говорите! Она остановилась и повернулась къ нему всей фигурой.
- Ну, вотъ, пусть меня теперь кто угодно посватаетъ, хоть бы докторъ какой нибудь! такъ и то я не подумаю ученія бросить.

Картышевъ громко разсменися.

- На васъ поглядъть—пожалуй, и повъришь, что правда! Ха-ха-ха...
- Да ужъ повърьте!.. Я и Аришъ то же говорю. Насъ только и есть, что двъ сестры—надо, чтобы у насъ съ ней все подъ одно шло.

Афанасій Иванычъ споткнулся отъ неожиданности; а Саша, точно нарочно, еще шибче пошла.

- Да ничего, Ариша меня послушаеть! А то она сама-то совсѣмъ нестоющее затѣяла...
- ... На что же она свести хочеть?! про Аришу... конець, стало быть?.. Развѣ возможно такъ съ серьезнымъ человѣкомъ поступать?! Онъ никакого обстоятельнаго отвѣта и не слыхаль еще ни отъ кого! Такіе разговоры для него довольно удивительны.

Саша выслушала его претензіи съ такимъ видомъ, какъ будто она не ожидала услышать ничего подобнаго.

- ... А онъ что же себѣ воображаеть?.. Да, признаться, и не понимаеть она, ему-то самому что за охота свататься къ молодой дѣвушкѣ? Ну, что его жена должна дѣлать день деньской? Неужели же хоть бы Аришѣ съ этихъ лѣтъ засѣсть, сложа руки, —кофе распивать съ разными кумушками по пять разъ на день? Самъ онъ цѣлыми днями на службѣ. Дѣтей не будетъ.
- Да еще пріятельницы ваши заклюють оть зависти... воть-то веселое житье, нечего сказать! Для пожилой женщины, вдовы какой нибудь, конечно, другое діло.

Можно сказать, что сразила Саша! Женихъ прямо ушамъ своимъ не върилъ, чтобы кто нибудь могъ усомниться въ завиднъйшемъ житъв, ожидающемъ его супругу. Можетъ, кажется, дълатъ, что самой вздумается: хочетъ—прогуляться пошла; захочетъ—гостей къ себв назвала. А въ достаточномъ домъ хозяйкъ найдется, слава Богу, около чего похлопотатъ. Совътъ Саши насчетъ пожилой вдовы женихъ принималъ не иначе, какъ за личную насмъшку.

Но Саша смотрѣла при этомъ такъ гордо, что Афанасій Иванычъ не отваживался рисковать своимъ уязвленнымъ са-

молюбіемъ, пускаясь въ дальнайшія разъясненія.

— Да сами-то вы что же мнѣ говорили въ прошлый разъ?.. или не помните? — заговорила вдругь дѣвушка еще строже.

Афанасій Иванычь мучительно покраснёль и забормоталь что-то невнятное.

— Да вы не бойтесь! вы мнѣ это тогда о-очень хорошо сказали!—протянула Саша неожиданно ласково.—Или пошутили только, пожалуй?...

И опять нахмурилась. Она сама начинала зам'тно волноваться.

— Вы сказали... кабы я сама за васъ пошла, такъ вы мнѣ въ школѣ учиться не помѣшали бы! — досказала Саша торжественно: — Сказали вы это, Афанасій Иванычъ?..

Теперь Картышевъ ничего больше не понималъ: за Аришу отказываеть, на себя разговоръ переводить... такъ неужели же?..

Онъ боялся дохнуть и смотрёлъ растерянными глазами. Саша вспыхнула отъ досады:

— Ну, что же вы молчите?.. воть славно!.. однако, не выдумала же я эти слова про вась?!.

— Александра Петровна! не гибвайтесь,—Господомъ Богомъ васъ прошу! Я не знаю, что мив и думать. Сами же

вы давеча наотръзъ мнъ объявили, будто вы...

— Что?.. Что?!..—крикнула грозно Саша:—да вы и не понимаете ничего, я вижу! Я вамъ про школу говорю, что вы сами тогда мнѣ про школу сказали! Стало быть, вы соглашаетесь, чтобы ваша жена училась, а потомъ своимъ ремесломъ занималась? Такъ я думаю это ужъ все равно — я или другая кто нибудь!

Картышевъ только развелъ руками. Саша, повидимому, при-

няла это за знакъ согласія.

— Ну, вотъ, я про это самое и говорю! — спѣшила она дальше. — На Аришиномъ мѣстѣ я бы такъ откровенно и сказала вамъ: согласна за васъ пойти, коли вы мнѣ обѣщаетесь модную мастерскую устроить. Вѣдъ Ариша портниха, да? — ну, такъ чего же другого ей добиваться, сами подумайте!

Видимое дъло, ей это представлялось неопровержимо ясно.

Афанасій Иванычъ сдернулъ съ головы шапку, въ надеждѣ, что это сколько нибудь приведеть въ порядокъ его мысли.

А дѣвушка начала съ жаромъ доказывать, что для открытія мастерской денегь надо не очень много: кому не изъэтого жить, такъ непремѣнно должна на ноги стать! Только надо самой быть закройщицей, да безъ этого и правъ изъуправы не выдадуть. Значить, для начала всего надо какую нибуль школу получше выбрать.

Долго Саша горячилась одна. Ее это ничуть не затрудняло, потому что ничего она такъ не любить, какъ развивать подобные планы: какъ изъ ничего, однимъ только трудомъ и упорнымъ желаніемъ, всякій человѣкъ можетъ совершенно передѣлать свою жизнь. Въ школѣ Саша всѣхъ подругъ такими разговорами перебудоражила; она во всѣхъ стремилась вдохнуть собственное честолюбіе. Для каждой дѣвушки ухитрялась придумать что нибудь такое, чего той и во снѣ не снилось. И негодовала, что люди такъ вялы и боязливы!..

Послѣ разговора въ ванной — Саша только все объ одномъ

и думала; даже на лекціяхъ плохо слушала.

... У Ариши своя мастерская, а она мъсто казенное получить—отгадай-ка тогда кто нибудь, что мать у нихъ кухарка безграмотная! Сначала мать у Картышевыхъ поживеть, пока она учится, а потомъ она къ себъ ее возьметь.

Картышеву она старалась внушить, насколько ему самому придасть важности, если жена у него будеть хозяйка мастерской, серьезная, дёловая женщина. Тоже и глупостей разныхъ бояться не будеть... А то съ молодыми-то женами извёстное дёло, какая у мужей сухотка: ревность ихъ всёхъ гложеть за дёло и безъ пёла.

Афанасій Ивановичь машинально ходиль взадъ и впередъ по аллеямъ или сидълъ на скамейкъ рядомъ... Краснълъ, пых-тълъ—и разражался одними только восклицаніями.

Изъ восклицаній этихъ Саша съ великимъ трудомъ поняла, наконець, что онъ ничего не имѣлъ бы противъ мастерской,— конечно, если это не грозить ему разореніемъ,—но главное затрудненіе оказывалось въ школѣ. Женихъ былъ того мнѣнія, что школа школѣ рознь... Помилуйте, какъ же не разница! Ну, вотъ она въ акушерскомъ заведеніи обучается: первое дѣло, заведеніе это казенное, званіе серьезное. Это всякій понимаеть. А въ швейныхъ мастерскихъ, вмѣстѣ со всякими дѣвчонками, какому же служащему человѣку можетъ быть лестно свою супругу отпустить? Просто даже сказать зазорно какъ-то! Непремѣнно онъ бы и самъ смѣяться сталъ надъ товарищемъ. А на него и безъ того всѣ кругомъ злы изъ-за этого самаго сватовства.

Воть ужъ чего Саша никакъ ожидать не могла! Побилась

она, побилась, внушая жениху, что онъ говорить сущія глупости, да вдругь равсердилась и бросила. Очень нужно! Еще подумаеть, что его упрашивають, страшно нуждаются въ немъ...

Такъ не хочеть онъ, стало быть? Его дёло. Воть она, Богь дасть, учиться кончить, мёсто получить и тогда сама номожеть Аришё. Заживуть на славу! А надоёсть такъ жить—мужей возьмуть.

— Дѣтей-то мы своихъ, знаете ли, какъ учить будемъ? — съ пяти лѣтъ за книжки засадимъ! Будутъ они у насъ въ гимназіяхъ учиться—не заставимъ съ дѣтства по мастерскимъ мучиться! На мѣсто ученія, по лавкамъ съ образчиками во всякую погоду бѣгать, а тамъ, не разгибая спины, до поздней ночи глаза слѣпить!.. Вонъ, я чуть не ослѣпла, а, спросите, многому ли научилась за это?!

Саша даже потемніва какі-то вся оть этих воспоминаній и такі энергично зашагала по снігу, точно каждымі своимі шагомі попирала невзгоды своего дітства и спішила на встрічу світлому будущему.

Въ эту минуту Саша спешила въ выходу. Афанасій Ива-

нычь взмолился:

... Какъ же онъ понимать все это долженъ?! Ему съ самой

Ариной Петровной переговорить необходимо!

Саша рѣшительно воспротивилась. Не станеть Ариша съ нимъ разговаривать... куда какъ ловко для дѣвушки такіе переговоры вести! Ужъ развѣ черезъ нее сладились бы какъ нибудь, а самому ему нечего и соваться. Да изъ чего ему и клопотать, коли онъ всего боится? Мало ли невѣсть, которыя радехоньки будуть палецъ объ палецъ не ударить, на шею мужу сѣсть!

Вернуться въ одной конкъ съ нею Саша тоже не позволила, и оставила его среди улицы, вспотъвшаго на морозъ,

точно какъ изъ бани.

— А пріятель-то вашъ такъ и не пришель! — крикнула Саша на прощаніе и засм'вялась.

IX.

На другой день вечеромъ Саша совершенно неожиданно явилась домой.

У генеральши собрались гости. Авдотья готовила ужинъ, сердитая—не подступись. Впопыхахъ она даже не стала разспрашивать, зачъмъ Саша прибъжала не во время, а прямо ее къ дълу приспособила.

— Сдёлай милость, поверти ты мнв провансаль хошь сколько

нибудь! Съ Аришкой ничего не дождешься! Да сбъгай къ дворникамъ, пускай льду кусокъ поскоръе отколють!

Ариша носилась взадъ и впередъ, во весь день не присъла. Днемъ по лавкамъ гоняли въ нъсколько пріемовъ, къ портнихъ посылали; потомъ комнаты прибирала, лампы зажигала, въ прихожей торчала.

Передъ объдомъ онъ съ матерью такъ переругались, что теперь не разговаривали. Чай гостямъ разносили по комнатамъ. Богъ одинъ знаетъ, какъ Ариша ухитрялась и наливать, и подавать одна. Ноги ломило, какъ отшибленныя.

Ариша влетвла въ кухню съ пустой бутылкой отъ сельтерской воды, потребованной въ кабинетъ, и увидала Сашу, вертввшую въ плоской чашкъ провансаль. Саша засмъялась и кивнула ей головой. Что-то показалось Аришъ подозрительнымъ въ ея играющихъ глазахъ; она еще больше насупилась.

- Не суй на столъ! Не видишь, что я тъсто катать хочу!— крикнула Авдотья и пихнула поставленный Аришей стаканъ. Стаканъ полетълъ на полъ.
- Да что вы съ ума сошли, посуду на полъ швырять?! вышла изъ себя Ариша.
- Ахъ, Господи! тише вы! этакъ гости услышать, какъ вы скандалите!

Саша въ волненіи вскочила съ табурета. Давно ужъ ее поражаеть, что мать и сестра—когда ни приди домой—всегда сердитыя. Пожалуй, и всегда такъ было, только онъ дъвчонки были, не смъли съ матерью считаться... Съ чужими горничными воевали.

Саша успъла отвыкнуть отъ домашней свары. Суетливая работа, всегда наспъхъ, по чужому приказу, всегда нъсколько дълъ заразъ... Кажется, что угодно стала бы дълать лучше, чъмъ такъ мотаться взадъ и впередъ!

Раздраженіе, воспринятое въ комнатахъ, доносится до кухни и обрушивается на первую попавшуюся голову. Аришу узнать нельзя съ тъхъ поръ, какъ горничной служить. Съ матерью слова добраго не скажетъ. Нътъ ужъ, въ прислугахъ спокойно жить—такой надо характеръ имъть... Вродъ какъ за человъка себя не считать!

Передъ Сашей всплывала массивная, разволнованная и растерянная фигура Афанасія Ивановича... Досада прилила къ сердцу: такъ бы воть она повернула и подтолкнула куда надо эту неповоротливую фигуру своими проворными и сильными руками.

...Дуракъ... ну, развѣ не дуракъ?! Чего боится и самъ не знаетъ! Ариша ушла въ комнаты. Авдотья металась между столомъ и плитой, гдѣ что-то шипъло. Изъ духовки разносился вкусный запахъ жарившихся рябчиковъ.

Отъ плиты, не остывавшей съ ранняго утра, и отъ пы-шихъ лампъ съ жестяными рефлекторами въ кухнѣ стояла адская жара, насыщенная разными жирными запахами. Не помогала и раскрытая настежъ дверь. Ряды мёдныхъ кострюль, сковородокъ и самоваровъ на двухъ полкахъ точно еще прибавляли жары своимъ красноватымъ блескомъ. Вся эта сіяющая огненными бликами мёдь казалась раскаленной въ горячемъ воздухв.

Авдотья все время, не переставая, ворчала:

...Въ порядочныхъ домахъ прислуга во время знаеть, когда надо ужинъ готовить - а у нихъ что? Прикажуть за часъ, а, глядь, дома-то и нъть ничего. За каждымъ фунтикомъ муки и скачи въ лавку! Все время, да время. Рыба-то еще остынуть должна, да съ гарниромъ этимъ проклятымъ провозишься!

До смерти надовло Сашв слушать эту воркотню. Она стала

разспрашивать про гостей.

Въ гостиной играли на рояли въ четыре руки. Въ кабинеть на двухъ столахъ въ карты играють. Нъть, не рожденье сегодня, - кто ихъ знаетъ, съ чего вдругъ вздумалось гостей назвать! Что денегь въ одинъ вечеръ ухлопано!..

— Катю не просватали ли?—замътила Саша.

Авдотья всполошилась. А гдв они, женихи-то? И сейчасъ офицерикъ одинъ, - Викторъ Николаевичъ намедни приводилъ, такъ развъ это женихъ для генеральской барышни?..

Саша заинтересовалась. По ней это не бъда, коли женихъ молодой, если изъ хорошаго дома. Пора Катеринъ Николаевнъ замужъ! Саша выставила готовый соусь за окно и пошла въ прихожую, поглядеть на офицера. Сделала видь, что ищеть чтото на столь, заваленномъ шляпками и муфтами.

Офицеръ любезничалъ съ молодой хозяйкой. Катя, въ свътломъ новомъ платъв, какъ-то особенно причесанная и съ разгоръвшимися щеками, громко что-то разсказывала и все время смвялась.

— Точно и не смѣшно самой, для виду смѣется! - подумала Саша и рѣшила, что офицеръ-женихъ.

Въ эту минуту мимо двери прошель Викторъ Николаевичъ: оглянулся и сейчась же завернуль въ прихожую.

- Сашенька, мое вамъ почтеніе! что это вы туть д'власте? Онъ сталъ ее разглядывать съ приветливой улыбкой. Ей неловко, что ее накрыли, какъ она на гостей изъ дверей выглядываеть... Но офицеръ, повидимому, находиль это совершенно естественнымъ.
- Давно, однако, мы съ вами не видались, Сашенька! Говорять, вы совсёмъ ученая стали? а?..
  — Куда ужъ намъ въ ученыя!—скромно жеманилась Саша
- и вдругъ точно обожгла блеснувшимъ взглядомъ.

- Ха-ха-ха! сколько угодно! А вы такая же сердитая, какъ сестра ваша, или нътъ? Бъда просто, съъсть готова! Ха-ха-ха!
  - За дъло стало быть, коли сердитая.
- А развѣ не бываеть сердитыхъ безъ дѣла? Характеръ сердитый. Впрочемъ, это очень идетъ къ нѣкоторымъ женщинамъ. Вамъ, небось, тоже пальца въ роть не клади?
  - Не совътую.
- Прелестно! ха-ха-ха! Такъ бы сейчасъ и пригласилъ васъ къ намъ въ гостиную... Скучища, я вамъ скажу! Видите, барышни наши разговаривать не мастерицы, такъ принялись въ четыре руки барабанить.

Мимо двери прошла Ариша съ подносомъ въ рукахъ, по-

глядъла на нихъ мрачными глазами.

Викторъ мѣшалъ Сашѣ пройти; она взяла вбокъ, чтоб обойти его.

— Куда вы?!

Дъвушка только поглядъла на него.

...Воть дуракъ! должно быть, ей надо сесть въ прихожей съ нимъ разговаривать!..

Цълый вечеръ Сашъ не удавалось съ сестрой хоть словомъ перекинуться. Бъгаетъ взадъ и впередъ и не глядитъ, подступиться нельзя. Саша, наконецъ, тоже терпънье потеряла; ночевать сегодня она не собиралась, и голова разболълась отъ жары.

— Да ты скоро ли со мной хоть слово вымолвишь? для чего нибудь я бъжала къ тебъ, на ночь глядя,—сказала она сердито.

Аришу и такъ все время тревога грызеть. Она и сама не рада своему характеру. Ничъмъ Саша не виновата, что онъ съ матерью переругались, да еще этихъ проклятыхъ гостей принесла нелегкая...—Но ужъ коли Ариша сердится на что нибудь, такъ ейточно обидно забыть и смягчиться хоть на минуту.

Не выпуская изъ рукъ бутылки и штопора, она нехотя прошла за Сашей вълюдскую. Тамъ царилъ такой же хаосъ и жара, какъ и въ кухнъ. Единственный столъ весь загромож-

денъ посудой и бутылками.

Разговаривать теперь все равно некогда. Саша позвала ее завтра зайти за ней въ школу. Проводить въ Гагаринскую и поговорять дорогой.

— Выдумаеть тоже глупости! — крикнула запальчиво Ариша: — куда это я въ будни проситься могу середи дня? Я завтра платье барышнъ кроить должна.

Саша ушла. Сказала только, что она съ Афанасіемъ Ива-

нычемъ видълась, но разсказывать ничего не стала.

По прежнему не выпуская изъ рукъ бутылки съ ввинченнымъ штопоромъ, Ариша проводила ее мучительнымъ взглядомъ. ...Вотъ теперь и ломай себѣ голову одна, сколько хочешь! Она согнулась и изо всѣхъ силъ потянула пробку. Безсознательно съ такой же силой она стискивала челюсти.

Кат'в кажется, что въ гостиной сегодня необыкновенно весело. Ея подруга, Леля, и молоденькая сестра Зв'вздочкина играли въ четыре руки. Музыка—самый подходящій фонъ для захватывающаго ее все сильн'ве страннаго настроенія...

…Да, это несомнънно, Звъздочкинъ за ней ухаживаеть. И такъ открыто, какъ ухаживають, когда хотять дать понять, что подъ этимъ кроются серьезныя намъренія...

Все случилось внезапно — какъ горячій вихрь вдругъ налетить и закружить среди голой степи...

Катя не можеть собраться съ духомъ, чтобы оглядъться и вдуматься—куда же влечеть ее этоть вихрь?.. Точно она боится очнуться... Разомъ она попала въ атмосферу, отъ которой кружится голова; когда къ самому обыкновенному разговору, къ самымъ простымъ словамъ и невиннымъ поступкамъ само собой примъшивается что-то не простое, неуловимое и важное.

...Что это такое?! почему же нельзя, нельзя этому помъ-

Катя говорить себь, что это смышно, чтобы за ней, двадцати восьми-льтней дывицей, ухаживаль юноша, товарищь ея младшаго брата. Каждую минуту ей напоминаеть объ этомь бользненное чувство, скользящее поверхь всыхь ея ощущеный...

Но... Звъздочкинъ съ ласковыми улыбками и заразительнымъ смъхомъ болтаетъ какой-то молодой вздоръ—и она не можетъ сдълатъ, чтобы это ей не было пріятно... не можетъ!! Катя знаетъ, что въ этомъ что-то смѣшное, стыдное. Только она не можетъ заставить себя хотъ разъ подумать объ этомъ полными словами, одними мыслями—безъ смятенія острыхъ, то мучительныхъ, то сладкихъ ощущеній. Какой-то вихрь безостановочно проносится въ душт, заволакивая мысль душнымъ туманомъ... Проносится. Ощущенія разростаются со сказочной быстротой. Вчера, сегодня, завтра—все новое, другое... Вихрь мчитъ куда-то впередъ, и вотъ именно тутъ, въ этомъ ощущеніи открывающагося будущаго— сладкое и острое до боли предчувствіе счастья. Ей кажется, что Богъ знаетъ какъ давно былътотъ день, когда запаль въ душу первый звукъ ласковаго молодого голоса...

Иногда она почти не различаеть, что именно говорить Звёздочкинъ. Только видить, какъ миловидно шевелятся розовыя губы подъ темными молодыми усиками и размыкаются надъ влажной полоской крёпкихъ бёлыхъ зубовъ. Все равно, каждое слово волнуеть ее своимъ звукомъ... Веселые сёрые глаза беззаботно и ласково ищуть ея взгляда.

Катѣ хотѣлось... хотѣлось, чтобы они были одни. Не для чего-нибудь особеннаго, о, нѣтъ!—только чтобы не было кругомъ никого, ни чужихъ, ни своихъ, для того, чтобы никто не наблюдалъ за черезчуръ продолжительнымъ разговоромъ на диванѣ; чтобы никто не припоминалъ въ эту минуту—сколько лѣтъ каждому изъ нихъ, никто бы не дѣлалъ никакихъ предположеній на ихъ счетъ.

Тогда имъ было бы только весело и радостно другъ съ другомъ! Она бы слушала его внимательно. Онъ—онъ, можетъ быть, говориль бы о другомъ... Но имъ мѣшають. Онъ говорить свои пустяки, потому что ему не дають говорить иначе. Она это понимаеть. И онъ чувствуеть, что она понимаеть. Оттого изъ пустяковъ съ жуткой быстротой само собой выростаеть что-то большое, серьезное...

При каждомъ удобномъ случав Зввздочкинъ вплетаетъ наскоро какой-нибудь безцеремонный комплиментъ, отъ котораго у Кати пылаютъ уши. О! она ввдь такъ искренно «презираетъ» комплименты... Но она увврена, что онъ сказалъ бы это иначе, «если бъ могъ», если бы не было чего-то запретнаго, что тягответъ надъ ними. Она отбрасываетъ слова, схватывая одинъ тайный смыслъ, отъ котораго въ ней что-то загорается. Да, да! всвмъ существомъ своимъ она чувствуетъ, что должна спѣщитъ! Какая-то холодная тѣнь гонится за ними—надо спастись отъ нея...

Ни на минуту Катя не забываеть, что должны думать окружающіе, когда они ловять отрывки разговора на диванѣ, слышать его безпечный смѣхъ, видять ея пылающее, счастливое и виноватое лицо. Она знаеть, что у нея виноватое лицо.

Катя поднимаеть смущенные глаза, когда къ дивану подходить Викторъ. Онъ присаживается около стола; вертить въ рукахъ альбомы, которые знаеть наизусть, смотрить имъ въ лицо снисходительно усмъхающимися глазами и отходить, не сказавъ ни слова.

Мама нѣсколько разъ вставала изъ за карточнаго стола, между двумя робберами. Постоить около рояля, скажеть, что барышни прелестно играють, и тоже подойдеть мимоходомъ къдивану.

Катя краснѣеть сильнѣе и боится встрѣтиться съ ея взглядомъ. Звѣздочкинъ сейчасъ же вскакиваеть и безъ малѣйшаго смущенія развязно разговариваеть о винтѣ.

Боже мой, какъ было весело въ гостиной!

Наконецъ барышни кончили играть. Женичка Звёвдочкина подлетьла къ брату и съ лукавымъ смёхомъ спросила—замётилъ ли онъ, что именно онъ играли? Можно его проэкзаменовать?? Ея глазки лукаво перепархивали отъ него къ Катѣ, ласкавшей вздрагивающей рукой Дружка.

Дружовъ смотрълъ на нее жалобно слезящимися глазами и вилялъ хвостомъ. Въ первый разъ еще его хозяйка забывала, что Дружку давно пора ужинать.

Прощаясь, Викторь ущиннуль сестру за локоть и шепнуль:

— Помни!.. мнъ за него дюжина шампанскаго!

Офицеры скрылись въ дверяхъ съ громкимъ смѣхомъ. Чему смѣется Звѣздочкинъ?..

Катя прижимала къ груди Дружка и боролась съ желаніемъ расплакаться. За ея спиной, въ освёщенныхъ жаркихъ комнатахъ разомъ упала тишина. Точно захлопнулась тяжелая крышка. Жизнь вырвалась на лёстницу—сбёжала внизъ по гулкимъ каменнымъ ступенькамъ...

Мать ласково взяла Катю за подбородокъ и повернула къ себъ ея лицо, какъ дълають съ совсъмъ молоденькими дъвоч-

— Eh bien??—шепнула она шутливо.

Но вдругъ, совсъмъ непроизвольно, ея собственное лицо дрогнуло, слова остановились въ горлъ. Рука выпустила Катинъ подбородокъ.

 Она прехорошенькая, эта Женичка! на него похожа, сказала генеральша черезъ минуту.

— Она играеть гораздо хуже Лели!—подхватила, внезапно одушевлялясь, Катя. —Я вовсе не нахожу ее хорошенькой!

— Неть, неть, зачемь быть несправедливой? Совсемь куколка изъ бисквитнаго фарфора.

— Да, если любить кукольную красоту! Глупое лицо...

Женичкъ едва минуло семнадцать лътъ. У нихъ нътъ ни отца, ни матери... Въ нъсколько визитовъ Катя узнала всъ подробности ихъ біографіи. Женичка объщала въ слъдующій разъ привезти показать портреты родителей.

Катерина Николаевна не задала сама ни одного вопроса. Съ перваго взгляда въ ней вспыхнула безотчетная антипатія къ этой институточкъ, ласкавшейся къ ней съ видомъ ребенка,

которому старшіе сказали, что это «добрая тетя».

Катя была рада, когда она осталась одна въ своей тихой комнать..

...Боже мой... отчего было такъ весело сегодня?! Мысль безсильно билась въ отуманенномъ мозгу и попрежнему не подсказывала ничего яснаго, что могло бы успокоить... Но рядомъ съ слабъющимъ сознаніемъ, въ ней кръпнетъ что-то новое, непривычно-твердое и упорное съ страстной силой увлекаетъ въ открывшійся внезапно просвъть... Просвъть изъ томительнаго прозябанія пустого дъвичества—куда-то въ просторъ жизни, гдъ любятъ, страдаютъ, наслаждаются... Если не кинуться сейчасъ, безповоротно въ этотъ просвъть—все будетъ кончено навсегда, потеряно—жизнь проиграна!..

Она сама не знала до этой минуты, что такъ страстно любить жизнь. Любить эту просыпающуюся способность любить и страдать... Звъздочкина любить ли она?

Когда Катя старается сосредоточить на немъ свои мысли, она видить, какъ живой, весь его обликъ. Слова безпечно льются, льются, льются... Все равно о чемъ слова — лишь бы ввучалъ свежий и звонкій голосъ, улыбались розовыя губы, ласкалъ открытый взоръ веселыхъ глазъ.

Больше она ничего не знаеть о немъ. Онъ приближается. Идеть прямо на нее съ этимъ загадочнымъ ласкающимъ смѣхомъ... Онъ въ чемъ-то безмятежно увъренъ, чего-то хочетъ. О, пусть онъ возьметь ее и унесеть въ жизнь изъ этой мертвой барской квартиры...

Развъ того она ждала? Она ничего, ничего не узнавала теперь изъ своихъ книжныхъ знаній жизни, изъ своихъ смутныхъ ожиданій. Это было совству другое.

Въ этотъ день генералъ вернулся изъ клуба въ три часа; проходя черезъ гостиную, онъ замътилъ свъть въ комнатъ дочери. Вступивъ осторожно въ темную спальню, онъ сейчасъ же почувствовалъ, что и жена тоже не спитъ.

— Что это у васъ за soirée сегодня? a?.. У Кати до сихъ поръ огонь!..

Генераль сказаль это возбужденнымь голосомь человыка, который совершенно неожиданно почувствоваль себя въ пріятной гармоніи съ окружающимь.

— Неужели она не спить?.. Впрочемъ, такъ и надо было ожидать!—протянулъ значительно въ темнотв голосъ жены.

Мужъ зажегъ свъчу и сталъ предлагать одинъ за другимъ цълый рядъ вопросовъ: что за гости? почему именно сегодня? отчего его никто не предупредилъ?

Ни на одинъ изъ вопросовъ не послѣдовало отвѣта. Должно быть въ этомъ не было ничего необыкновеннаго, или собственные вопросы интересовали его не настолько живо, чтобы стоило настаивать. Однако черезъ порядочный промежутокъ времени, въ самый разгаръ его мысленныхъ колебаній—какой именно изъ первоклассныхъ ресторановъ выбрать для предстоящаго интимнаго ужина?—жена неожиданно спросила его:

- Ты не знаешь, кто быль отець этихь Звіздочкиныхь?
- Что такое?? en voila un fameux nom de famille. Откуда его выкопали?!.

Разумъется, съ его стороны это было прямо неосторожно. ...Выкопали — выкопали!.. Конечно, почему же и не быть разборчивыми при ихъ-то общирномъ знакомствъ? У нихъ въдь

такой богатый выборь!! У отца поль города пріятелей,—за женихами діло не станеть!..

Генералъ нервно жевалъ усы и выжидалъ момента, когда метафоры прервутся за истощениемъ дыханія. Свѣчу онъ потушилъ и только было успѣлъ почувствовать, какъ пріятномирно вытянуться на свѣжемъ бѣльѣ. Въ носу, во рту, въушахъ еще чувствовалась клубная копоть.

- Послушай, ma chère... Moi, je trouve ça un peu lourd pour trois heures du matin... hein? Откуда вдругъ женихъ?.. Какъ этоговорится—не было алтына... не было алтына...
- Ахъ, оставьте, по крайней мъръ, русскія пословицы!.. удивительно какъ это къ лицу вамъ! Какъ еще вы говоритьто не разучились въ обществъ французскихъ кокотокъ!

Супругъ снисходительно хихикнулъ въ темнотъ.

— Ну, что вы можете знать о моемъ обществъ? Русскія, жены ничего не умъютъ вообразить себъ, кромъ французскихъкокотокъ. С'est trop vieux jeu ça! Право, mesdames, давно пора изобръсти что нибудь свъженькое.

Циничная выходка сошла съ рукъ безнаказанно: жена была.

слишкомъ поглощена собственными думами.

Въ обыденномъ течени жизни этотъ глава семьи почти совершенно стушевывался. Давно уже его невъдомое отдъльное существование не имъло никакой связи съ монотоннымъ прозябаниемъ маленькой приличной семьи. Черезчуръ приличной: для того, чтобы въ ней возможны были неожиданныя встръчи, интересныя приключения, случайности—какое нибудь свободноевторжение внъшняго міра, отъ котораго она пряталась въ своей прекрасной квартиръ. Если генералъ пользовался безусловной личной свободой, заставлявшей его подчасъ забывать, что въдь, въ сущности, онъ женатый человъкъ, то за то и домашнимъ своимъ онъ не предъявлялъ ръшительно никакихъ стъсненій: его дамы могли проживать, гдъ и какъ имъ угодно, вполнъ приличный бюджетъ, ассигнованный для нихъ. Тъмъ хуже для нихъ, если онъ были неизобрътательны!

Такъ безмятежно катится жизнь до поры до времени. Ноесть роковые моменты въ семейныхъ существованіяхъ, когдакаждый изъ членовъ семьи, какъ бы разрознены они ни были, помимо своей воли ощущаетъ неразрывную связь, образующую изъ нихъ одно п'ёлое, — вопреки ихъ волъ, желаніямъ, не-

ръдко вопреки интересамъ.

Веселый генераль не часто вспоминаль, что у него есть дечь. Его супруга многое въ своей жизни помнила несравненно живъе наивныхъ перипетій далекаго дъвическаго романа, въ которыхъ она всю свою жизнь раскаивалась. Но, конечно, генераль любиль Катю и минутами ея судьба его озабочивала.

По правдъ сказать, онъ не имълъ ровно никакихъ пред-

«ставленій о вкусахь и симпатіяхь молчаливой Кати. За кого могла бы выйти замужъ такая серьезная, благовосинтанная, не бъдная дъвушка?.. Да, въроятно, за каждаго приличнаго молодого человъка, которому пришла пора жениться (къ счастію, наивные люди еще не перевелись на бъломъ свъть!). Она могла выйти за каждаго, кто ищеть въ женитьбъ спокойнаго счастья, не подозравая, что его ждеть невыносимая скука... Chacun à son tour, mes enfants! — въдь и онъ тоже женился въ двадцать пять лъть на хорошенькой дъвочкъ, и они прожили свой въкъ не хуже другихъ. Семейныя драмы изобрётаются любителями трагических ощущеній - жизнь вовсе не такъ замысловата, если только смотръть на вещи трезво! Жизнь слагается изъ вполнв опредвленныхъ, неизбъжныхъ стадій: діти рождаются, крестятся, дізлають вубы, больють; ихъ отдають въ школы, претерпъвають экзамены, переэкзаменовки, выпуски; потомъ ихъ выдають замужъ и женять. Все -это сопряжено съ большими расходами и большими женскими слевами. Это семейная жизнь.

Генераль слышаль въ темнотъ, какъ его жена плакала. Она долго не хотъла сказать ему, кто же, наконецъ, этотъ Звъздочкинъ?..

Nuit porte conseil. Ничего не можеть быть полезнъе, какъ выплакаться до сыта съ вечера.

Утромъ супруги перекинулись всего нъсколькими фразами въ то время, какъ генералъ собирался на службу; при этомъ онъ каждый день непремънно называеть себя «кръпостнымъ человъкомъ». Вопросъ самъ собою сталъ ясно, безъ ни къ чему не ведущихъ сантиментальностей. Если Катъ нравится Звъздочкинъ, то какое право имъютъ они мъщать? . . . . .

X.

На другой день, сверхъ ожиданія, Аришъ всетаки удалось вырваться изъ дому. Когда она прибъжала въ Надеждинскую, Саша была уже одъта и не соглашалась ждать ни минуты.

Ариша должна была проводить ее до Симеоніевскаго моста и, что называется, свёта не взвидёла, выслушивая залномъ одну за другой ея поравительныя новости. Нальто она принуждена была разстегнуть на морозё и едва поспевала вос-клицать:

- Да никакъ ты рехнулась?!
- Да ты хоть бы словомъ однимъ меня-то спросила сначала!..
  - Да что я тебъ, дъвчонка далась безсловесная?!

За Симеоніевскимъ мостомъ Саша остановилась на минутку и объявила: коли Аришѣ все это не нравится, такъ вѣдь никто ей не мѣшаеть сказать Картышеву, что она передумала. Кажется, ее не перевѣнчали еще ни съ кѣмъ? и бумаги никакой она не подписывала? и подарковъ отъ жениха не принимала?

— Ну, и на здоровье! Отказывайся, коли не хочешь! Жди

у моря погоды, да скачи въкъ свой по вчерашнему.

Саша кивнула головой и побъжала дальше, нагоняя по-терянное время.

Ариша осталась одна среди сумятицы бойкаго перекрестка. Два раза чуть-чуть подъ дышло не угодила, пока не выбралась на тихую набережную.

...Ноги подкашиваются. Кажется, такъ бы и присъла на первую тумбу. Всегда въ такія минуты ее тянетъ сунуться куда нибудь въ тишину. Осиливаетъ ураганъ, бушующій внутри... Но сколько она на свътъ живетъ, никогда еще ей это не удавалось! По какимъ, какимъ угламъ не приходилось прятаться въ мастерской, выплакивая какую нибудь непереносную обиду, — и быть сейчасъ же со скандаломъ открытой, изгнанной, выруганной за лъность...

А теперь, кажется, и того хуже! День деньской у матери на глазахъ. Дълать ей больше нечего, какъ только слъдить за ея каждымъ вздохомъ! А ужъ, не приведи Богъ, поругаются—по стуку машинному хочеть отгадать, объ чемъ Ариша думаеть.

Въ этотъ день Авдотья была увърена, что Ариша нарочно старается выводить ее изъ себя. Все у нея изъ рукъ валится, слова толковаго не добъешься. Даже и не огрызается, какъ обыкновенно, — молчить тебъ, точно какъ дура какая нибудь, да мечется безъ толку.

— Вотъ ужъ когда прогнала-то бы я тебя на мъстъ господъ, сейчасъ бы прогнала! — донимала Авдотья: — Да ни за что не стала бы за свои деньги держать такую рохлю! Ну, чего ты, точно какъ отравила кого нибудь?!

Не подозрѣвала Авдотья, что этотъ день Ариша переживала лицомъ къ лицу съ любезнымъ ей Афанасіемъ Ивановичемъ. Нейдетъ онъ у нея съ ума, да и полно! Каждымъ словомъ своимъ Саша гвоздемъ вбивала его ей въ голову. Разъ десять, по крайней мѣрѣ, Ариша гнѣвно сказала себѣ: «и думать-то объ немъ я не хочу»! Вотъ, стало быть, сколько ужъ разъ подумала.

Мастерскую Саша такъ расписала нѣсколькими словами, что теперь Ариша точно видѣла ее передъ своими глазами. Веселенькая квартирка—не такой «гробъ», какъ у ихней нѣмки... и школу французскую сейчасъ же вспомнила, которой нѣмка передъ мастерицами хвасталась. Да, пожалуй, еще и лучше той найдется какая нибудь!

...Господи, воля твоя... и придумаеть же человъкъ!---шептала Ариша подъ вечеръ, уже окончательно выбившись изъсиль.

Точно подслушала Саша, какъ она иной разъ объ собственной мастерской мечтаеть. Крадучись, отъ самой себя пряталась...

На другой день горничная въ полосатомъ платъв прибвгала изъ Надеждинской съ запиской. Саша велвла отдать записку младшему дворнику и попросить передать Аринв Петровнъ въ собственныя руки. Молодецъ Егоръ давно заглядывается на Сашу и обдълалъ поручение въ лучшемъ видъ. Пришелъ за помойнымъ ведромъ и шепнулъ:

— Выдь-ка на лъстницу. Дъло есть до тебя.

Бумажка точно обожгла пальцы Аришъ.

Саша писала, что она получила отвъть отъ Картышева. Онъ на все соглашается и спрашиваеть, можно ли ему явиться къ Аринъ Петровнъ или ждать, когда ему знать дадуть? «Что мнъ отвътить ему?» — спрашивала Саша.

Ариша въ эту минуту сама на себя подивилась: важное извъстіе не сдълало на нее особеннаго впечатлънія, точно въ своихъ мысляхъ она и не допускала уже ничего другого. Какъ будто со вчерашняго дня что-то было ръшено безъ словъ.

Наконедъ, генеральша обратила вниманіе на то, что въ

Аришу нътъ возможности удержать въ комнатахъ—точно паркетъ горитъ у нея подъ ногами: не дослушавъ хорошенько приказанія, кидаетъ свое машинальное «слушаю-съ»—только чтобы улизнуть въ кухню!

Авдотья точно голову потеряла на старости лѣтъ: готовитъ изъ рукъ вонъ небрежно, все забываетъ; крикъ поднимаетъ изъ за каждаго лишняго шага.

На кухив постоянно какое-то шмыганье. Саша прибъгаетъ чуть не каждый день, гости какіе-то повадились — совъщанія да угощенья нескончаемыя.

— Да у нихъ тамъ такая кипучая жизнь, что скоро, должно быть, намъ ужъ придется вмъ прислуживать! — восклицала раздосадованная барыня. — Вотъ что значить, здорово живешь, поселить у себя цълое семейство! J'en ai pardessus ma tête!

Впрочемъ, эти жалобы не имѣли никакого практическаго значенія. Къ «семейству» всѣ до такой степени привыкли, что даже и подумать невозможно поселить на кухнѣ какихъ нибудь чужихъ людей. Лишиться несносной Авдотьи представлялось чѣмъ-то прямо опаснымъ: все равно, какъ оставить открытой дверь на улицу. Но у облагодѣтельствованной кухарки появился совершенно нестерпимый тонъ, точно каждую минуту она грозить все бросить и уйти.

— Что жъ, ищите лучше, коли я вдругъ никуда не годна стала! — бушевала она, не слушая резоновъ: —И всего-то въдъ двадцать лътъ послужила!

Всякая попытка доказать ей неисправность сейчась же превращалась въ вульгарную перебранку съ собственной прислугой, гдв преимущества всегда на сторонъ тъхъ, въ комъ больше нуждаются.

— Мѣстовъ что ли въ Петербургѣ нѣтъ! — кричала воипственно кухарка, въ то время какъ барыня...

Чтожъ, сознаемся! — бывали минуты, когда барыня плакала, и преобидными слезами.

Большую роль во всемъ этомъ играло особенное стеченіе обстоятельствъ: непривычная нервозность кухни и усиленная требовательность горницъ выступали особенно замътно оттого, что прежняя тихая и уединенная жизнь маленькой семьи сильно измънилась за послъднее время.

Теперь чуть не каждый день Екатерина Николаевна принимаеть гостей, или сама отправляется съ ними на прогулки, выставки, въ театры или концерты. Катя переодъвается по нъскольку разъ въ день; Ариша завалена спъшной и нежданной работой. Ее разсылають съ записками, по лавкамъ и портнихамъ; ее торопять съ утра до ночи. Ея дурное расположеніе духа, ея разсъянность на взволнованную Катю дъйствують, точно незаслуженная обида. Въ кои-то въки разъ судьба улыбнулась ей... Хотълась, чтобы всъ екружающе сознавали, какъ для нея это важно; чтобы всъ эти веселыя заботы и радостные сборы принимались сочувственно, а не съ досадными минами и нетернъливымъ ропотомъ.

Катя наивно не отдавала себъ отчета въ томъ, что для ея горничной это только лишняя работа, отрывающая еще больше отъ ея собственной жизни. Ничто, конечно, не могло сравниться съ важностью готовившагося событія... Чтобы за дверью, раздѣляющей два міра, въ это же самое время могли готовиться свои событія, барышнъ попросту никогда не приходило на умъ.

— Нѣтъ, этихъ людей ничѣмъ нельзя купить, ничѣмъ!— повторяла Катя все чаще любимую фразу своей матери.

Между тымь «семейство» въ людской каморкы и не подозрывало, что оно проявляеть черную неблагодарность...

— Бьешься, бьешься день деньской, точно каторжная!— жалуется ежеминутно Авдотья съ тъхъ поръ, какъ въ мечтахъ ея носится казенная квартира на вокзалъ и представительная фигура нареченнаго зятя, до смерти любящаго угостить по всякому поводу.

Престижъ Саши выросъ въ глазахъ матери до совершенне сказочныхъ размъровъ; о своей любимицъ Авдотья не мо-

жеть говорить безъ умиленныхъ слезъ. Шутка ли, съ какимъ умомъ дѣвочка оборудовала такое дѣло! Ужъ можно сказать, что Арина упряма, какъ стѣна, и о Картышевѣ даже и слышать не хотѣла. Такъ вѣдь нашла же Саша, чѣмъ взять ее!

Теперь Ариша летаеть, точно какь на крыльякъ. Важная стала такая, что мать то и дёло должна напоминать: «Погоди, еще не вовсе барыня! На-ка, воть, сбёгай въ лавочку— луку забыла взять на двё копёйки».

Не то, чтобы Ариша лінилась: напротивь, она вся горівла страстнымь желаніемь скоріве схватиться за работу. Но только работать для себя: трудиться надъ мудреной, огромной задачей передвиженія изъ того темнаго угла, гді забрезжила для нихъжизнь. Она была охвачена безпокойнымъ и увлекательнымъ ощущеніемъ путника, нежданно-негаданно собравшагося въдалекій, невіздомый путь...—Ариша отъ іды отбилась и поночамъ спать не могла до зари; а утромъ вставала, отуманенная безпокойными снами.

Чужія заботы, постылая будничная работа совсёмъ непроизвольно выпадають изъ памяти...

- И какъ это они могуть день деньской, сложивши руки. сидъть, въ книжку глядъть?..—Хоть бы для моціону Катерина Николавна пыль у себя сама смахнула!—резонируеть Ариша, раздосадованная заслуженнымъ выговоромъ.
- A ты-то тогда за что десять рублей получать будешь? парируеть сейчась же мать.
- Найдется за что... не великій капиталь! Въ мастерской за одно платье порядочное десять рублей заплатять.

Теперь для Ариши не существуеть ужъ другого масштаба. Стучить швейной машинкой и мысленно съ горечью высчитываеть, на какую сумму она за цълый годъ наработывала на своихъ генеральшъ.

И передъ женихомъ положеніе казалось унизительнымъ Только сядуть чай пить, и Афанасій Ивановичъ развернетъ гостинецъ, безъ котораго онъ никогда не является къ невъстъ,—а въ корридоръ, точно какъ нарочно, заливается ужъ проклятая трещетка.

Туть важный разговорь: женихь смету мастерской принесь, которую для него знакомый опытный человекь сдёлаль, а Катерина Николаевна стакань воды спрашиваеть или вы лавочку за почтовой маркой посылаеть.

— Да что у нихъ—капиталу не хватаеть, чтобы разомъ на почтъ закупить?—возмущается раздосадованный женихъ.

Афанасій Иванычь торопить свадьбой, но Ариша не хочеть, пока для себя мало-мальски всего не справить. Хоть приданое и справляется на жениховы деньги, но самолюбивая Ариша понимаеть разницу, привезти ли его готовымъ въ собственныхъ сундукахъ, или потомъ шить украдкой отъ вокзальныхъ сплетницъ.

Въ сущности, Ариша не успъла еще разобраться хорошенько въ собственныхъ чувствахъ; она переживала первый приливъ гордаго удовлетворенія. Теперь съ радостнымъ чувствомъ собственности, вмъсто прежней безотчетной дъвичьей досады, невъста слушаетъ, какъ мать разсыпается въ восторгахъ передъ дъловитостью, важностью и щедростью жениха. Онъ становился неотъемлемой принадлежностью завътной мастерской; не дорожитъ имъ все равно, что не дорожить всъмъ этимъ блестящимъ будущимъ.

Думаеть и мечтаеть Ариша всегда только объ этомъ внезапномъ переворотъ всего ея существованія, такомъ заманчивомъ и неясномъ... Сама того не сознавая, она уклоняется останавливаться мыслью на самомъ женихъ, на этомъ пожиломъ человъкъ, осторожно и какъ-то несвободно порывающемся показать ей свою любовь.

Очень ужъ не способно было Афанасію Иванычу развернуться во всю широкую натуру въ тёсной кухонной каморків, на глазахъ у старой пріятельницы Дуни и у красавицы Саши, волновавшей его не меньше самой невісты... Два раза женихъ водиль барышень въ театръ и въ циркъ; но, конечно, тамъ отъ начала и до конца онів не уділили ему ни одной минутки своего вниманія. Упрашиваль женихъ Аришу погулять съ нимъ вдвоемъ въ праздничный день, да такъ и не могь этого дождаться: невіста дорожила каждой свободной минуткой для своей работы.

Саша, сколько могла, тоже помогала сестрѣ шить приданое. Но такой ужъ у нея характеръ безпокойный: переживаемыя событія, съ той минуты, какъ онѣ совершенно налажены, больше не удовлетворяютъ Сашу; она ужъ ломаетъ голову надъ тѣмъ, что дальше будетъ, какъ будто необходимо напередъ все предрѣшить, чуть не до гробовой доски.

Сашу особенно озабочивало одно соображеніе: не будеть дітей, должно быть, у Ариши, коли оть первой жены никогда не было. А тогда, что же за семья безъ дітей? Саша находила, что тогда и стараться какъ будто не изъ за чего. И она пресерьезно принималась теперь же уб'ждать сестру, чтобы она взяла себъ пріемыша. Жалко, коли не свои, да чтожъ съ этимъ дізать? — Не для себя же самой трудиться, работать, деньги наживать... Саша бралась даже въ случать нужды уговорить Картышева, а въ Надеждинскомъ, слава Богу, есть изъ кого выбрать славнаго ребеночка. Подъ вліяніемъ такихъ мыслей Саша начала даже съ особенной ніжностью присматриваться къ каждому новому гостю

земной юдоли, среди которыхъ проходила ея жизнь,—точно хотъла заранъе намътить будущаго племянника.

Дътей Саша всегда любила. Конечно, въ свое время будетъ у нея собственная семья, но это еще такъ далеко, что думать скучно. Ея личныя желанія и надежды еще разбъгались безпорядочно, какъ черезчуръ звонкое эхо по лъсу, когда и не схватищь сразу—съ какой стороны оно откликается? Она какъ будто боялась прогадать, поставиеъ себъ какія нибудь опредъленныя рамки.

Не загадывая далекс, Саша находила, однако, что ей необходимо нужно поучиться «хоть сколько нибудь» французскому и немецкому языкамъ. У хорошей акушерки практика во всякихъ домахъ случается.

Какъ водится, изъ-за этого онъ съ Аришей горячо повздорили. Не легко Аришъ переварить такую новую дерзость Саши! Передъ къмъ? Она сама не отдавала себъ отчета, но закипала вся какимъ-то строгимъ и раздражительнымъ чувствомъ.

Саша только тёмъ ее и успокоила, что все равно на такую затёю денегъ взять неоткуда. Развё что сама Ариша, какъ замужъ выйдеть, такъ въ долгъ ей повёрить. Но, разумёвтся, Саша подразумёвала при этомъ не Аришу, а самого Афанасія Иваныча и про себя считала эту затёю гораздо менёе несбыточной, чёмъ говорила. Отношенія съ будущимъ зятемъ были у нея наилучшія.

Картышевъ не разъ высказывалъ съ большимъ чувствомъ, что онъ всъмъ своимъ счастіемъ обязанъ ей одной. И еще точно было что-то такое между ними... Тотъ глупый разговоръ, можетъ быть, когда она чай пила, сидя на подоконникъ?...

...Глупый не глупый, а безъ того разговора ничего бы теперь и не было! Сашъ весело думать объ этой свадьбъ, которой никогда бы не бывать безъ ея смълаго вмъшательства. И чего это люди всего трусятъ?.. До сихъ поръ Сашъ никогда еще не приходилось раскаяваться въ своей смълости, и смълость только росла въ ней вмъстъ съ успъхами.

Но какъ во внёшнемъ ходё событій, такъ и въ двигавшихъ ими внутреннихъ побужденіяхъ роль самихъ людей была лишь второстепенная. Надъ личностью здёсь властно царили жизненные интересы, всё сложныя условія того созидательнаго процесса, какимъ долженъ осуществиться тяжкій подъемъ на одну ступеньку вверхъ по общественной лёстницё.

XI.

У господъ помолвка Екатерины Николаевны все еще не была объявлена. Саша всякій разъ какъ прибѣжитъ — такъ первымъ вопросомъ справляется:

— Ну, что? Сдълалъ офицеръ предложение или нътъ еще?

Авдотья каждый разъ разсердится:

— Поди сама въ горницы, да спроси! Какъ это тебъ не доложено до какихъ поръ!

Саша хохочеть. Да ужъ чего и скрывать, коли все равно на лбу все написано! Обработаль всёхъ мальчуганъ, молоко на губахъ не обсохло...

Впрочемъ, Авдотья избъгаетъ пускаться въ обсужденіе этого вопроса по существу. Дъвчонкамъ «потакать» не хочется, а и защищать тоже сама не знаешь какъ... Быть генеральской дочери за поручикомъ, да еще сестренка эта у него на шев!.. Итенчикъ безперый, едва изъ гнъзда, а тоже съумъль выглядъть, гдъ бы ему въ чужомъ гнъздъ потеплъе пріютиться.

Въ своей средъ кухарка Авдотья находила бы подобную комбинацію какъ нельзя болье въ порядкь вещей—въдь ставила же она въ величайшую заслугу хорошо обезпеченному Картышеву то, что онъ не польстился на приданое. Но для господъ у Авдотьи имъется совершенно иной кругъ понятій, и туть безденежный женихъ не заслуживаетъ съ ея стороны ничего, кромъ искренняго презрънія. Но осуждаетъ Авдотья не Катеньку, а генеральшу. Потерпъли бы еще хоть маленько! можетъ быть и павернется еще человъкъ стоющій.

За то дочки Авдотьины безо всякой жалости высмъивали между собой «старую дъву». Однако и туть осуждается не самый факть— онъ для дъвушекъ вполнъ понятенъ: до какихъ же лъть ей еще дожидаться? Возмущала ихъ именно эта очевидная, безпомощная влюбленность Кати. Тоть же самый шагъ, сдъланный по холодному разсчету, ничуть не унизилъ бы ее въ ихъ глазахъ, а, напротивъ, заслужилъ бы одобрене.

— «Ну!.. распустилает вся, словно медъ!» — думала не разъ съ негодованіемъ Ариша, глядя на то, какъ барышня не знаетъ ужъ, чъмъ и угодить желанному гостю.

Наряды, прически, вывзды—все это двлало Катю еще болье жалкой въ ихъ глазахъ и не заслуживающей снисхожденія... Было бы для кого разрываться!.. Что касается жениха, то Авдотьины дочки давно разобрали его по косточкамъ, живого мъста не осталось.

Передъ праздниками Катерина Николаевна, послѣ мучительныхъ колебаній, рѣшилась поѣхать на балъ медицинскихъ студентовъ. Уже нѣсколько лѣтъ какъ Катя перестала выѣзжать на публичные балы; кавалеровь знакомыхь нёть, а за скуку каждый разъ еще поплатишься головной болью. Но Зв'яздочкины собирались на этоть баль, и Катю охватила лихорадка. Точно ей нужно было доказать другимъ или себ'в самой, что для нея 'вхать на баль совершенно также естественно, какъ и для вчерашней институтки, мечтавшей о танцахъ, захлебываясь отъ восторга. Было что-то невыразимо горькое, больное, обидное въ одной уже мысли остаться дома, отпустить гуда его безъ себя... точно добровольно сознаться въ чемъ-то!

Къ вящшему смущенію Кати, ее въ этомъ никто не поддер-

живалъ.

— Какъ хочешь... Но ты не боишься, что будешь лежать на другой день?..—процедила неопределенно мать.

— Да?! ха, ха!.. чтожъ! пустимся ужъ и въ плясъ за одно!..— разсмъялся Викторъ и туть же чмокнулъ ее въ щеку, чтобы сиягчить грубость.

Теперь каждый день Катя съ матерью разъвзжають по магазинамъ и портнихамъ. Проводивъ ихъ какъ-то послв завтрака, Ариша отложила въ сторону господскую работу и поспвшно принялась за свою собственную. Сквозь напряженный стукъ машины она услыхала звонокъ въ прихожей и попросила мать отпереть, чтобы не отрываться отъ работы.

- Ступай, Викторъ Николаичъ тебя спрашиваетъ, сказала, вернувшись, Авдотья.
- Такъ ты рази не сказала, что въ гостиный дворъ убхали?!—переспросила для чего-то Ариша.

— Говорю—тебя спрашиваетъ!

Викторъ Николаевичъ за последнее время пріважаль домой чаще обыкновеннаго, но для Ариши онъ пересталь существовать. Ея разсеянные глаза, всегда полные жадныхъ думъ, встречались съ его взглядами, не замечая ихъ красноречиваго языка. Поручикъ попрежнему ловилъ горничную, где только могъ, чтобы шепнуть: когда же она перестанетъ дуться на него?!—и попрежнему не верилъ ея сердитымъ ответамъ.

Разумъется, Ариша сейчасъ же поняла, зачъмъ молодой баринъ остался дожидаться своихъ, хотя ему всъ по очереди докладывали, что онъ только сейчасъ уъхали.

— Чтожъ... видно побесъдуемъ разочекъ на прощанье, Викторъ Николаевичъ! Надо этому конецъ сдълать, — сказала себъ Арита съ внезапной ръшимостью.

Какое-то сложное чувство зашевелилось въ ней въ эту иннуту. Страстное желаніе доказать свою независимость передъ этимъ человъкомъ, такъ упрямо ее преслідовавшимъ—и въ то же время проститься навсегда съ чімъ-то горькимъ, въ чемъ всетаки мерцала искорка молодого счастья... Затоптать ее скорье, эту искорку!..

Офицеръ успълъ самъ снять пальто и ожидаль ее, стоя въ дверяхъ гостиной.

- Соблаговолили, г-жа принцесса?! Я думаль, что мнъ придется самому на кухню вамъ представиться!—встрътиль онъ ее съ натянутымъ смъхомъ.
- Что вамъ угодно, Викторъ Николаевичъ? спросила важно Ариша.

Вмѣсто отвѣта онъ взялъ ее за руку повыше кисти, какъ беруть упрямящихся дѣтей, и повелъ въ комнату матери. Къ его изумленію, дѣвушка и не думала сопротивляться; она спокойно шла съ нимъ рядомъ и чуть-чуть улыбалась кончиками губъ.

Викторъ не понималь, какая перемьна произошла съ Аришей со времени знаменательной сцены въ темной ванной, которая, по всъмъ соображеніямъ любовной психологіи и практическаго опыта, должна была окончательно отдать влюбленную дъвушку въ его власть. На другой день онъ просидълъ до вечера дома, увъренный, что она покорно явится съ забытымъ портсигаромъ... Каждая новая встръча разочаровывала его; и въ то же время еще больше сбивала съ толку... Викторъ чувствовалъ, что прежней тревоги нътъ въ ней — почему-то ему больше не удавалось вызвать ее...

Въ комнатъ генеральши Ариша высвободила свою руку и сейчасъ же принялась переставлять съ мъста на мъсто мелкія вещи на туалетномъ столикъ. Викторъ бросился въ качалку и разсматриваль ее съ безпокойнымъ чувствомъ.

«Тоже горничная! Много ихъ теперь такихъ развелось пока не заговорила и не отличить отъ барышни»,—подумаль онъ.

— Вы меня зачёмъ звали, Викторъ Николаичъ? У меня работы не обобраться.

И повернулась въ польоборота, точно готовясь уходить. Викторъ остановилъ ногой качалку.

— Жалуются на тебя всѣ, такъ я хочу знать, что это означаеть,—сказаль онъ, помолчавъ.

Видно, что ей это непріятно; покраснівла, и на столів что-то стукнуло.

— Ты, можеть быть, жить больше не хочешь? Я такъ догадываюсь.

Ея взглядъ скользнулъ по немъ съ удивленіемъ: неужто онъ забыль, что она тогда сказала ему?

— А я, внаешь, думаю, что теб'в жить зд'всь совс'вмъ недурно!.. И врядъ ли даже гд'в нибудь будеть лучше... Право!

Качалка опять начала подниматься и опускаться плавными взмахами. Пара стройныхъ блестящихъ сапогъ замелькала передъ опущенными глазами Ариши

— Или это ты на меня такъ ужъ страшно сердишься?— договорилъ онъ тише и засивялся съ самодовольной безпечностью мужчины, увъреннаго, что въ него влюблены.

Ариша смъло пошла на этотъ разговоръ. Но вотъ... противъ всъхъ ея ожиданій, насмъшливый голосъ съ вызывающими интонаціями быстро пробирается въ душу какими-то готовыми путями... Сердце забилось скоръе, точно повинуясь внакомому призыву.

внакомому привыву. Но она была вся настороже. Густыя брови сурово сдви-

нулись, лицо побълъло.

— Напрасно вы, Викторъ Николаичъ. Я вамъ сказала же, что я замужъ иду,—выговорила она твердо.

Викторъ, какъ подброшенный, вскочиль на ноги.

— A-a-a! я вёдь совсёмъ позабыль объ этомъ!.. Просто не повёриль, признаться... Такъ ты не шутишь?? Ведемъ, значить, свою линію?!

Онъ близко заглянулъ ей въ лицо блестящими глазами; они лукаво подмигивали: понимаю, молъ, что сей сонъ означаеть!

Девушка отстранилась; безсознательнымъ взмахомъ откинула голову, и две нары глазъ столкнулись.

«Шалишь, милая, меня не переглядишь!»—усмъхнулся побъдоносный поручикъ. И правда: въ его взглядъ съ каждой секундой приливали волны задорной ласки, а взоръ дъвушки ускользалъ, отступалъ передъ внезапнымъ натискомъ... Въ лицо тяжело ударила краска и залила его до самыхъ волосъ.

Воть, изъ его груди вылетьль не громкій, хриплый звукъ...

Руки нервно потянулись къ ея плечамъ.

Ариша трепетно вздохнула, точно охнула, и ръзкимъ взма-

хомъ отголкнула его руки.

— Бога въ васъ нътъ... стыда! И сами не любите ни чуточки... на что я вамъ далась?! Такъ, ни за что... погубить добиваетесь... Человъка никогда въ глаза не видали, а ужъ на обманъ подбиваете...

Теперь глаза, гортвшіе гитвомъ, твердо смотртли ему вълицо; лобъ побълтьль.

- Вамъ кто сказалъ, что я безчестная?.. На шею вамъ кинуться давно могла, кабы хотъла. Зачъмъ же мнъ неповиннаго человъка запутать понадобилось?
- Тсс... скажите на милость!! Чёмъ это не проповёдь! воскликнуль офицерь, отступая на шагь назадъ.
- Разстаньтесь вы съ этими мыслями! Оставьте меня!!. взмолилась вдругъ тоскливо дъвушка и всплеснула въ отчаяніи руками.

Сама собой, внезапно вырвалась мольба прямо изъ сердца.

— Кабы не зналь, что ты, глупая, любишь меня, такъ и

самъ давно бы оставилъ, — какая невидаль, подумаешь! — засмъялся онъ; — не лги, не лги, напрасно! отчего же ты боишься меня, коли не любишь??

— Какъ же не бояться-то, коли въ васъ нъть совъсти! За

что мив любить вась?! Что было-то?—Слезы...

Она не знала сама, зачемъ говорить это. Страстная тоска давила сердце, точно на волю вырывалась...

— Ха! а кто виновать, что ничего хорошаго не было? подхватиль онъ горячо:-Воть тоже славно, она же еще и попрекаеть меня этимъ!

Онъ опять попытался овладёть ея руками, но Ариша мет-

пулась къ двери.

— Ну, ну, не трону—кошка дикая! Викторъ Николаевичь съ досадой кинулся въ качалку; руки точно отъ искушенія засунуль за спину и злобно оттолкнулса ногой отъ пола. Блестящіе глаза, полные нетерпъливыхъ желаній, напряженно следили за дівушкой. Онъ больше не улыбался.

Ариша колебалась. Уйти теперь, такъ все по старому съ нимъ останется... Теперь-то съ полгоря, а съ мужемъ какъ разъ въ бъду попадешь.

— Послушай, Ариша... подойди-ка сюда! — заговориль вдругъ Викторъ, какъ будто не своимъ голосомъ; серьезно, точно весь вдругь старше сделался.

Дъвушка недовърчиво пододвинулась къ качалкъ.

— Говори всю правду... ты зачёмъ замужъ идешь за какого-то урода? Извъстное дъло, у васъ если хорошій женихъ, вначить — старый чорть какой нибудь! Говори, зачёмъ тебё это понадобилось, если ты и въ самомъ дъль отъ меня отдълаться собираешься?! ну?? Или... или ломаешься только, кокетничаешь? а?.. Аришенька!..

Онъ поймаль ея руку и мяль ей пальцы, холодные и вялые въ его горячихъ рукахъ.

- Побожилась бы я вамъ... такъ въдь вы въ Бога не върите!-выговорила не сразу Ариша.

Тоскливо такъ, горько...

- A-a!.. Hy, стало быть, пристроиться хочется? Работать надовло... думаешь, что и въ самомъ двлв барыней заживешь!.. Д-дуры вы, дуры!!

Ариша вырвала у него руку, грудь ея высоко поднялась, голось вылетёль изъ нея звенящимъ металлическимъ звукомъ.

— Да! слугой вашей больше не буду... не хочу!! Что жъ за бъда, что старый, коли онъ честно любить меня?! Ничего не жалфеть для меня...

Офицеръ весь красный вылетель еще разъ изъ кача чего не жальеть?» Такъ воть, стало быть, въ чемъ весь и секреть! — Отчего же ты со мной сначала не поторгуещься?! Можеть быть, я дороже дамъ. Я въдь не зналъ, что тебя можно купить! Квартиру нанять могу... Сдёлай милость, коли тебъ барыню разыгрывать надо...

Тогда, задыхаясь отъ обиды, путаясь въ словахъ отъ волненія, Ариша пыталась нарисовать ему великолѣпную картину своей будущей жизни. Воть когда она проклинала свое неумѣніе говорить складно и красиво, какъ Саша! О, Саша живо вагоняла бы дервкаго барина, а она сама приходила въ отчаяніе отъ своихъ сухихъ, блѣдныхъ словъ.

Поняль бы и ее, кто захочеть, а Викторъ Николаевичь слушаль, слушаль, да вдругь началь хохотать долгимъ презрительнымъ смъхомъ. Такъ что снова въ качалку повалился и на глазахъ выступили слезы.

- Охъ!.. уморила совсёмъ... Такъ вотъ чёмъ онъ купилъ тебя! Хозяйка? мадама? madame Julie на вывёске напишешь? А по моему, валяй лучше madame Arina—этакъ на испанское смахиваетъ! ха-ха-ха! вотъ въ чемъ честолюбіе наше, оказывается!!
- Должно быть, любовницей офицерской лучше быть? честь какая!

Викторъ Николаичъ пересталъ смѣяться и впился въ нее! горѣвшимъ взглядомъ. По мѣрѣ того какъ тянулась эта сцена, въ немъ точно какой-то клубокъ разматывался. Заполнялось быстро сердце чѣмъ-то и новымъ, и знакомымъ вмѣстѣ... Недаромъ это что-то, заброшенное, стиснутое небреженымъ комочкомъ, всетаки упорно продолжало жить и по временамъ безпокоило его своимъ присутствіемъ...

Теперь онъ вдругъ ясно почувствовалъ, что маленькая Ариша, мимолетная героиня его дътства, превратившаяся въ красивую сердитую дъвушку, что эта упрямица, холодная, вовсе не въ шутку мила ему. Смътно, а сейчасъ никого и нътъ милъе этой горничной, съ ея несокрушимымъ упорствомъ и первобытными мъщанскими мечтами.

Въ первый разъ еще они такъ разговаривали на свободъ, какъ разные, а не обмънивались украдкой отрывочными фразами, которыя онъ насильно вырывалъ у нея.

...За старика .. мастерская!.. Неть, шалишь! такъ дешево онъ не уступить ее...

Не предчувствовала Ариша, что ждеть ее, когда рѣшилась пойти на это послѣднее объяснение съ бариномъ.

Оглушенная, растерянная, она едва върила своимъ ушамъ, когда Викторъ Николаевичъ—безъ обычныхъ насмъшекъ и нахальства, а горячо и просто—сталъ предлагать ей точно такую же мастерскую, какую ей объщалъ женихъ. Онъ тоже можетъ устроить ей это. Будетъ она сама хозяйка, станетъ на ноги съ его помощью — только не будеть стараго, не милаго мужа. Будеть вм'есто него молодой баринъ, тоть самый, кого она съдетства любить...

И все, что будеть, все блаженство искренней страсти, молодая радость, счастіе,—все, все это онъ объщаеть, клятвы даеть... Обнимаеть, ласкаеть ее всю своими жгучими взглядами, дыханіемъ, голосомъ... Дотронуться до нея не смъеть— убъжить! Но Аришъ всетаки кажется, что она въ его объятіяхъ. Точно онъ цъловалъ ее, какъ тогда въ темной ванной... какъ давно, давно, подъ розовыми цвътущими яблонями деревенскаго сада...

Ариша не зам'єтила, какъ она опустилась на первый стуль. Какъ во сні, она боялась вздохнуть громко, вся застыв-

шая отъ испуга.

...Ураганъ.. Гроза разразилась надъголовой нежданно... съ трескомъ и блескомъ. Только бы не убила до смерти гроза!..

Викторъ Николаевичъ перевелъ дыханіе, подошель и нетерпъливо тронулъ ее за плечо.

— Ну... что же?! ты молчишь! Ариша?!

Нътъ, не убила гроза Ариша глянула ему вълицо огромными, растерянными глазами и отчаянно потрясла головой.

— Нельзя. нельзя такъ!.. Голубчикъ Викторъ Николаевичъ,

нельзя!.. Я должна честно-не могу я такъ!..

Онъ оттолкнулъ плечо и забъгалъ по комнатъ. Честно... туда же!

— Старику продаться — честно? А по любви — гръхъ?!

Эхъ, вы тьма безвыходная!..

Арища поднялась со стула. Ноги плохо держали ее. Въ ушахъ гулъ, точно гдв-то вода льется, а сердце въ груди еле шевелится, жалкое, какъ избитое...

Онъ грубо остановилъ ее.

— Постой! Мало, можеть быть? Такъ говори прямо, чего же ты хочешь?!......

Не сразу Ариша опомнилась послѣ этой сцены. Не скоро да за то хорошо. Вмѣстѣ съ нежданно налетѣвшимъ и теперь отхлынувшимъ смятеніемъ, точно какой-то туманъ постепенно разсѣивается въ ея душѣ.

Дошла до последняго края, где уже дальше ступить некуда, остается только внизе головой ве пропасть кинуться... И Ариша поняла, каке совсеме, совсеме ей не нужно этого! Навсегда поняла. Неть, неть! Кабы никакой другой судьбы не было, и тогда не пошла бы на это. Прямо людямь въглаза глядёть – гордиться своей жизнью — воть чего она хотёла.

• Передъ живымъ соблазномъ страсти, опалившей ее такъ близко своимъ огненнымъ дыханіемъ, въ этой молодой душъ сильнъе и сознательнъе зазвучали въ отвътъ совсъмъ иные толоса. Любовь и благоговъніе передъ жизнью. Передъ трудомъ жизни. Страхъ личнаго произвола, отвращеніе отъ всякаго незаконнаго пути—и страстная, ревнивая ръшимость уйти своимъ путемъ какъ можно дальше. Обогнать на немъ многихъ, многихъ въ этомъ стремленіи снизу вверхъ! Влекло не пониманіе, не идея, нътъ: простой инстинктъ созидательныхъ силъ, заложенныхъ въ природу человъка. Случай разбудилъ эти силы; ихъ кипъніе давало ей, какъ и Сашъ, своеобразное ощущеніе счастія. Счастія, заключенаго въ нихъ самихъ, а потому надежнаго, яснаго.

На другой день Ариша встала какъ встрепанная. На серддъ у нея было такъ тихо, чистенько, точно въ новой съ иголочки

жвартиркв, гдв только что разставились.

Целое утро Ариша все думала о Картышеве. Хорошо думала, какъ никогда еще не случалось до сихъ поръ: объ немъ самомъ думала – про мастерскую свою точно какъ позабыла. При этомъ оказалось, что Ариша ужъ много, и даже очень много хорошаго знаетъ про своего жениха. Добрый онъ, ласковый. Не жадный и характеръ пріятный. Дурой надо быть, чтобы съ такимъ мужемъ не ужиться!

А Афанасій Ивановичь точно воть почуяль что нибудь—объявился на Фонтанку въ самое неурочное время, между завтракомъ и объдомъ. Пальто онъ не снималъ; стоя околостола въ людской, бережно вытащиль изъ кармана какой-то пухлый бумажный свертокъ.

Ариша полоскала графинъ подъ краномъ и черезъ откры-

тую дверь на него поглядывала.

— А ну-ка, пожалуйте сюда взглянуть, Арина Петровна! — позваль важно гость: — Безъ вашего рёшенія не согласенъ действовать, а завтра у меня съ утра маляры на работу становятся.

Ариша подошла къ столу, и глаза ея жадно заблествли на пвътистые образчики обоевъ, которые Картышевъ одинъ за другимъ вытаскивалъ изъ своего пухлаго свертка.

Для того, чтобы вникнуть вполн'в въ то, сколько гордаго торжества можеть заключаться въ простомъ факт'в выбора грошевыхъ обоевъ для собственной квартиры; для того, чтобы проникнуться всемъ скрытымъ символизмомъ такого обыденнъйшаго занятія—для этого надо... надо быть Аришей! Надо

родиться незаконной дочерью кухарки—вырости изъ милости, прячясь и стушевываясь, въ чадной каморкъ, именуемой комнатой для прислуги—надо вытянуть пятилътнюю лямку столичной мастерской, и еще многое, многое другое, что ужесамо собой всему этому приложится...

Ариша отобрала образчиковъ гораздо больше, чѣмъ былонужно, и ни на чемъ не могла окончательно остановиться; съ каждымъ изъ нихъ ей теперь жалко было разставаться. Наконецъ, на томъ порѣшили, чтобы вечеромъ еще съ Сашей посовѣтоваться.

— Ну, какъ же! — безъ Саши и обоевъ не выбрать! — отмътила съ насмъшкой Авдотья.

Объ — родныя дочери, а мать словно какъ соперничаеть съ Аришей за Сашу. Каждое доказательство ея превосходства. наполняеть сердце матери новымъ приливомъ гордости.

Ариша вышла проводить жениха по лестниць. Ариша волновалась. Все, что она перечувствовала со вчерашнягодня, теперь просилось выразиться какъ нибудь. Въ первый еще разъ невъстъ точно какъ стыдно стало. Человъкъ для нея не знаетъ ужъ, что и выдумать, а отъ нея за все время ни одного душевнаго слова не слыхалъ еще... Ариша сама не знала, но ей вдругъ точно какъ страшно чего-то сдълалось.

На второй площадкъ Ариша остановилась около окна; низко нагнула голову, точно ей непремънно нужно было разглядъть свои башмаки.

— Я вамъ сказать хотела, Афанасій Ивановичь, — заговорила она быстро и тихо: — Я давеча объ васъ все думала... какой вы, право, добрый! Не знаете, какъ и баловать меня, авета по настоящему вы вовсе даже и не знаете хорошенько, какая я! Можеть быть, я вовсе даже и не стою всего этого...

Афанасій Ивановичъ стоялъ передъ ней оторопѣлый, красный какъ изъ бани, загораживая всю лѣстницу своей пышной фигурой въ толстомъ драповомъ на ватѣ пальто, и громкодышалъ. Ариша подняла голову, взглянула на него и смущенно засмѣялась.

— Не молодой вы человёкь, а какой довёрчивый... Тольковы не бойтесь со мной! Я худой женой вамь не буду...

И она робко дотронулась рукой до топорщившагося борта. драноваго пальто.

— А-ариша, Аришенька!!— залепеталь женихь, захлебываясь отъ нежданнаго счастія:— да я для тебя! Господи... Боже мой! Развѣ я не понимаю?!. молоденькимъ дѣвочкамъ всегда хочется подъ пару себѣ выбрать, чего туть не понимать! Только ты увидишь, птичка моя, сама увидишь! Мальчишки такъ не умѣють любить, какъ я тебя любить буду... увидишь! Ахъ ты Боже мой!— такъ воть ты, стало быть, какая? t

На грязномъ подоконникъ черной лъстницы Афанасій Иватновичь впервые осмълился горячо обнять свою молодую нетвъсту. Ариша прильнула къ толстому пальто въ безсознательной жаждъ ощутить опору, защиту противъ другой страшной любви, витающей вокругъ нея.

Снизу послышались чьи-то шаги.

— Я ужо вечеркомъ опять забёгу... приходить что ли? -а.? — зашепталь влюбленный голосъ.

Въ глазахъ Афанасія Ивановича стояли слезы.

XII.

Въ это самое время по Литейному проспекту гуляла дру-

Саша, въ своей ненавистной тесной шубке и приличной шляпке, шла отъ Невы къ Невскому рядомъ со студентомъ медикомъ; должно быть последнихъ курсовъ, судя по солидной растительности на худощавомъ ширококостномъ лице и по почтенному возрасту пальто, висевшаго уныло на его высожихъ плечахъ.

Они возвращались отъ больной барыни, жены другого студента, куда Андрей Михайловичъ водилъ Сашу. Теперь студенть горячо убъждаль въ чемъ-то свою спутницу, размахивая руками безъ перчатокъ.

Саша не глядъла на него, а читала по сторонамъ вывъски, какъ будто то, что онъ говорилъ, ничуть не интересовало ее. Всю Литейную безъ малаго прошли, а онъ и не знаетъ, сдается ли она на его доводы или нътъ.

- И въдь вы изъ одного только самолюбія упрямитесь! Откуда въ васъ столько фанаберіи набралось, право даже непонятно!
- Фанаберіи... это что еще за слово?—спросила подоврительно Саша.
  - Обидное! обижайтесь скорве...
  - Понимаю и безъ васъ, что обидное.
- Xa!.. Это я-то васъ обидъть хочу?!. А правда!.. есть за тто. Простого удовольствія мнъ сдълать не хотите.

Они молча прошли нъсколько сажень.

- И что вамъ такъ этого захотвлось, Андрей Михайлычь? заговорила серьезно Саша. — Куда ужъ мнв на балы вздить... Я и танцовать не умвю.
- Тамъ въдь не неволять, не танцуйте, коли не умъсте. Кадриль-то, небось, знаете—воть и спляшемъ съ вами на «лаву... Эхъ!.. весело-то какъ будеть!

Саша и сама знаеть, что весело. Ей страстно хочется на

этотъ студенческій баль, о которомъ Андрей Михайлычъ твердить съ самой осени. Ученицы бывають на такихъ балахъ, вакушерки, и фельдшерицы. Ее и въ прошломъ году приглашали.

Но Саша не рѣшается; какая охота быть хуже всѣхъ?.. Не бальное платье, а всетаки мало мальски прилично надо одѣться... Но своему кавалеру Саша ни за что не хочетъ сказать настоящей причины – только вѣдь и отгадать такой секретъ небольтая мудрость!

- Фанаберія вотъ что значить, Александра Петровна, а это вамъ сейчасъ объясню! горячился все сильнъе студенть: Вы теперь къ учащейся молодежи принадлежите, а развъ въмастерской вашей вы могли мечтать о чемъ нибудь подобномъ?! Васъ на балъ приглашаютъ въ дворянское собраніе, а не куда нибудь! Будете вы тамъ, какъ и всякая барышня, наравнъ... Музыка великольпная... Ну, воть а вамъ всего этого ещемало!
  - Кто вамъ сказалъ что мало?.. смутилась Саша.
- Само собой мало! изъ за чего же иначе вы отказываетесь?.. Вамъ, должно быть, бальное платье понадобилось?.... Студентки въ простыхъ платьяхъ плящутъ, а вы не можете?
- Да вы зачёмъ же раньше мнё не сказали?!—воскликнула съ обидой Саша,—вы развё понимаете, можно или нётъ справиться въ два дня? У кого деньги есть, тому, конечно, все можно...

Андрей Михайлычъ замётиль, что они какъ будто ужъ ссорятся и поспёшиль сбавить тонь.

— Какъ бы я вамъ сказалъ, если я двѣ недѣли не видалъ васъ?.. Я думалъ, что вы и такъ помните... А вы, должно быть, и не подумали обо мнѣ за все время ни разу?.. Въ двѣ-то недѣли и къ праотцамъ отправиться немудрено.

Саша покосилась на его похудъвшее лицо, вспомнила, что онъ былъ боленъ, и вдругъ замътила, что погода сегодня холодная. Безразсудно послъ болъзни по такой погодъ разгуливать! ()на стала торопливо прощаться, но кавалеръ ея и слышать объ этомъ не котълъ. Двъ недъли не видались, не переговорили еще ни о чемъ, а она уже бъжитъ? Вотъ такъ корошій другъ, нечего сказать! Холодно—такъ кто же неволитъ ихъ по улицамъ шататься? давно Саша объщала чай пить къ нему придти.

— Что вы, что вы!.. даль такую!..

На морозъ у нея всегда щеки что твои розаны горять, и не понять— покраснъя ли она при этомъ или нътъ...

— Ну, такъ знаю же я, куда мы пойдемъ погръться! Извольте направо заворачивать! — скомандовалъ весело студентъ на углу Невскаго и разсмъялся на испуганный взглядъ Саши.

— Кутежъ съ шоколадомъ въ кондитерской Филиппова по случаю моего выздоровленія!

Они оживленно разговаривали за маленькимъ мраморнымъ столикомъ, на которомъ появился шоколадъ и стаканъ кофе.

Въ кондитерской уже горъли газовые рожки. Въ яркомъ веселомъ свътъ Саша, разрумяненная морозомъ и сегодня особенно возбужденная, казалась еще свъжъе, еще краше, чъмъ она рисовалась въ его воспоминанияхъ во время тоскливой бользни. Такихъ блестящихъ глазъ, такихъ яркихъ налитыхъ губокъ, такихъ розовыхъ щекъ съ задорными ямочками онъ никогда не видалъ у петербургскихъ барышень... Олицетворенная жизненность!

Хоть для начала и невозможно было не пожеманиться, однако въ концъ концовъ Саша съ аппетитомъ принялась за шоколадъ, звучно втягивая его съ ложечки и разглядывая веселую кондитерскую сіяющими глазами. Въ лицъ съ каждой минутой все прибываетъ жизни.

«А что на балу-то будеть!»—пришло ей внезапно на учъ, и она почувствовала, что не въ силахъ отказаться отъ такого счастья... Придется у Ариши попросить шелковую кофточку, которую ей барышня подарила къ Пасхъ..

Узнавъ, что Саша надумалась, Андрей Михайловичъ, хоть и обрадовался, но не могь удержаться, чтобы не отчитать ее.

- ... Такъ онъ и зналъ, что все дѣло въ тряпкахъ! Какая дѣльная дѣвушка ни будь, а всетаки для нея главное, чтобы ее отъ барышни отличить нел зя было. До какихъ поръ женскія головы будуть этой трухой завалены! И вѣдь сколькихъ наслажденій добровольно себя сами лишають. Воть ее, куда ни позови, у нея всегда какія нибудь затрудненія окажутся.
- А потому что всёмъ вамъ непременно себя показывать хочется... А вы бы не съ того начинали—вы бы сначала на другихъ поглядели! И то ведь занятно въ новинку.

Саша пыталась объяснить ему, какъ обидно быть «хуже

другихъ», но онъ не хотълъ признавать ея логики.

- Вы мое пальто видёли? Отчего же мнё ничуть не стыдно?
  - Такъ вы мужчина!

— Да вѣдь, коли на то пошло, мужчинѣ-то и стыдно, что у него денегъ нѣтъ – дѣвушкѣ и взять не откуда!

- Да ничего и нѣтъ хорошаго въ вашемъ пальто, вы какъ думаете?—просвътила его неожиданно Саша: —куда красивъе было бы, кабы вы въ новенькомъ щеголяли.
- Что жъ, тогда я вамъ больше нравился бы?..—поставилъ онъ сурово вопросъ.
  - Ну, а вы мою старую шляпку помните? Скажите-ка по

совъсти, красивъе ли я въ этой вотъ или нътъ? — допрашивала, смъясь, Саша.

— Да я и не видаль даже никогда! Это жь обидно... Ну, вамь-то, вамь съ какой стати прививать себв искусственно пороки совершенно чуждой среды?!. Развв вы о томъ должны думать, какъ бы всвхъ обмануть, заставить принимать васъ за барышню?.. Все равно барышней не будете...

Воть и всегда у нихъ такіе споры. «Дебри» въ хорошенькой головъ Саши туго поддаются культивировкъ; но онъ не можеть отказаться отъ надежды освътить этотъ первобытный умъ, какъ не могь бы видъть хладнокровно безобразной болячки на ея цвътущемъ лицъ.

Увы! возмущаеть его часто Саша не одними только заботами о тряпкахъ. По обыкновенію, дівушка принялась разсказывать, какія событія случились съ тіхъ поръ, какъ они не видались—и юному другу стало очевидно, что ей и въ самомъ діять было не до него. Аришу Андре Михайловичъ прекрасно знаеть по ея разсказамъ; зналъ даже о тревожившемъ Сашу романъ съ офицеромъ, и о солидномъ женихъ мелькомъ слыхалъ.

Саша съ торжествомъ разсказывала, какъ она ловко это дъло обдълала; остроумно изобразила въ лицахъ свиданіе въ Александровскомъ саду и радовалась, что сестра на всю жизнь ей своимъ счастьемъ будеть обязана, — никакой каши они не сварили бы съ Аришей безъ ея вмѣшательства!

И, какъ всегда, въ этой оцѣнкѣ предстоящаго брака живые люди, едва промелькнувъ, стушевались сейчасъ же передъ всесильными формами жизни. Саша, какъ начала говорить о будущей мастерской, такъ ужъ и не могла кончить, пока еа собесѣдникъ не потерялъ терпѣніе слушать. Она даже не замѣтила, что лицо его становилось все сумрачнѣе; не видѣла, какъ онъ нетерпѣливо возился на своемъ стулѣ и такъ лобно затягивался папироской, что каждый разъ точно крошечный костеръ разгорался въ его зубахъ.

— Да бросьте вы, что ли, дрянью этой восхищаться,— надобло! Чему, чему вы обрадовались??. Раскиньте мозгами, пожалуйста— да не по вашему, не съ точки зрвнія закройщицы изъ французскаго магазина— а по человъчески, какъ всякая честная женщина должна разсуждать!

Саша насторожилась. Самолюбивыя струйки перебѣжали въ ея оживленномъ лицѣ; оно быстро принимало натянутое вы раженіе, котораго онъ въ ней терпѣть не можеть. Съ такимъ деревяннымъ лицомъ съ нею нелегко бываеть поладить.

— Вамъ и тутъ не угодили? — спросила Саша язвительно, и голосъ пересталъ ввенътъ. — Должно быть лучше въкъ свой въгорничныхъ маячиться?..

- Съ чъмъ сравнивать можеть быть и лучше. Работы позорной не существуеть; есть трудная или легкая, пріятная или непріятная. Прислугой быть непріятно — а всетаки для молодой дъвушки должно быть легче, чъмъ за старика замужъ процаться. И честнъе!..
- И напрасно вы такъ гордитесь, что Аришу на этотъ торгъ подтолкнули! Еще увидите, поблагодаритъ ли она васъ когда нибудъ!—пригрозилъ студентъ запальчиво.

Въ глазахъ Саши засверкали слезы горячей обиды.

— Для всёхъ отлично, лучше не надо, а ужъ для васъ

непременно худо... точно какъ нарочно!

Она не внала, куда ей отвернуться, чтобы онъ не видѣлъ обидной дрожи въ ея лицѣ. Увлеченная всецѣло своей распорядительной ролью, она не успѣла еще и подумать о томъ, какъ отнесется къ ея подвигамъ Андрей Михайлычъ.

...Да развъ угадаешь впередъ, когда онъ похвалить, а когда разносить накинется, какъ сейчасъ².. Гдъ у него важное, гдъ неважное... Что можно себъ позволить, чего нельзя... А у него это все такъ ясно, даже удивительно! Не задумается ни на минуточку, въ тотъ же мигъ аттестатъ свой выдастъ.

Саша себя всегда зубъ за зубъ отстаиваетъ. Въ нервую минуту никогда ни за что не согласится съ нимъ. А какъ только разойдутся въ разныя стороны, такъ и пойдетъ это все волобродить въ умѣ, что онъ наговоритъ ей... И прощай вся радость, и вся гордость! Какъ бы раньше ни нравилось, а ужъ тутъ непремѣнно опротивѣетъ...

За то до смерти любить Саша, когда Андрей Михайлычь ее похваливаеть, — точно у нея крылья оть этого выростають! Да вёдь больше-то кому и похвалить? Ариша точно какъ завидуеть, мать всего понять не можеть. Начни-ка съ ними совётоваться, такъ далеко уйдешь! За руки держать готовы, а когда удастся, тогда хвалить примутся. Да, пожалуй, что и всётакъ! Одинъ Андрей Михайлычь все по своему повернеть. Нёть, и онъ тоже ничего не боится, а воть... осуждаеть! Все то у него не довольно честно, да суетно, да вздорно... Трудно съ нимъ.

Но и ему тоже стало досадно на себя. Сколько разъ онъ убъждался, что ръзкость ни къ чему не ведеть съ этой своенравной, самолюбивой натурой... Только бъда въ томъ, что въ подобныхъ случаяхъ ему ръшительно негдъ взять мягкости и выдержки. Душа вся кипить возмущениемъ. Такъ бы взялъ и вытрясъ изъ нея сразу все, что онъ понимаетъ подъ словомъ «труха». Самой опасной операции не побоялся бы, чтобы отсъчь на въки гниль и заразу...

— Слушайте... вы не обижайтесь—это же глупо! точно вы меня не внаете?—заговорилъ онъ хмуро.— Кабы мнв все равно было, тогда отчего же и не поддакивать? Вы, какъ солнце, вся васвътитесь, — сиди, знай, да любуйся! многимъ въдь ничего другого и не надо отъ женщины, да развъ я могу къ вамъ такъ относиться?!

Онъ пустился въ новыя разъясненія, такія же нетерпимыя, ръзкія и безпорядочныя, и которыя опять не сдълали для Саши понятнъе, какъ могла бы Ариша «выбиться» безъ чьей нибудь помощи? И слушать его ей стало скучно.

Выходить, какъ будто ничего и добиваться нельзя. Сиди честно въ своемъ углу, по одежкъ протягивай ножки.. Что туть и проповъдовать? На это довольно охотниковъ найдется! Нътъ! ее такъ воть и подмываетъ все впередъ и впередъ. И другихъ хочется толкать да тащить за собою.

— Да ужъ довольно вамъ, право! остановила его дъвушка нетериъливо: — Я думаю, я-то Аришу свою лучше вашего понимаю. И ничего такого не будеть! Заживуть какъ нельзя лучше. Ариша упрямая, своего добьется. И гордая, тъни никакой на себя не положить. Ужъ коли она отъ Виктора Николаича своего уйти сумъла, значить, и бояться за нее нечего!

Туть, изъ за офицера, они снова столкнулись, да какъ еще! Что только человъкъ сказать можеть!!

...Лучше Аришѣ съ этимъ офицеромъ сойтись, чѣмъ замужъ нелюбя продаться. Коли она любитъ барина, значитъ не на содержаніе пойдеть, а просто свободно жить стануть, пока любится. Ничего въ этомъ нѣтъ безнравственнаго. Жениться на ней офицеру слишкомъ трудно, и для нея же самой, пожалуй, хуже было бы. А разлюбитъ, броситъ,—такъ развѣ мужъ жену не можетъ разлюбить?..

Сашѣ точно чѣмъ-то виски стиснуло. Вся поблѣднѣвшая отъ негодованія, она страстно отбивалась отъ этой упрощенной морали.

Въдь и тамъ, гдъ до сихъ поръ складывались ея понятія, тоже царить упрощенность отношеній, и она близко внасть, къ чему это приводить женщинъ. Разница та, что тамъ отсутствуеть мораль: тамъ царять всецьло эгоистическіе разсчеты и слыше инстинкты. Но углубляться до такихъ тонкихъ равличій для Саши задача непосильная. Она всымъ существомъ своимъ стремилась уйти изъ этого міра случайностей. Подняться туда, гдъ жизнь получаеть внышнее благообразіе и внутреннюю осложненность, придающую ей ея внушительность.

И всякая попытка развѣнчать это видимое благообравіе прежде всего настранвала ее враждебно.

Ея другъ давно уже почувствовалъ это. Онъ сознавалъ, что съ ней надо обращаться осторожно. По юности и по склонности къ проповъдничеству, всякое слъпое поклоненіе передъ формой, все предразсудочное возмущало его и вызывалю

на бой. Но дружбу свою съ Сашей онъ берегъ инстинктомъ искренняго чувства; онъ понималъ, что и самъ не выиграетъ и ей не дастъ ничего, кромъ смуты, навязывая непосильныя задачи...

Но минутами юность брала свое: строгій менторъ увлекался, не могъ «сдержать души» и выпускалъ какой нибудь пробный шаръ. На этотъ разъ шаръ оказался черезчуръ великъ. Саша не знала ужъ, что и наговорить ему. Она готова была раскаяваться, что такъ довърчиво сближалась съ нимъ.. Ей казалось, что теперь на въки ихъ дружба отравлена... она сама не знала, какой смутный страхъ охватилъ всю душу.

Онъ опомнился. Ему хотелось упокоить ее, но не могь же онъ взять назадъвысказанную мысль! И если бъ даже могь, то не захотель бы.

Они разстались взволнованные, хуже чёмъ въ ссорѣ. Не въ первый ужъ разъ это съ ними случается. Жизнь внезапно ставила ихъ лицомъ къ лицу—точно на краю бездны, гдѣ, какъ въ чудовищномъ котлѣ, кипять, сталкиваясь и переворачиваясь, понятія и чувства: все то, съ чѣмъ каждому предстояло вступить въ жизнь... Какъ бы мирно и дружно ни подходили они къ роковому мѣсту, тутъ они всего чаще оказывались на разныхъ берегахъ.

Саша заторопилась домой; студентъ расплатился и они вышли изъ веселой кондитерской, гдв имъ такъ недолго было весело. Дорогой они не разговаривали. Саша, какъ вътеръ, неслась по троттуару, погоняемая внутреннимъ смятеніемъ; онъ шелъ за ней, мрачный, какъ туча.

Его все сильнье смущало то, что столкновение произошло на этотъ разъ на такомъ щекотливомъ пунктв. Чортъ знаетъ, какие выводы она сдвлаетъ изъ подобнаго разговора! О такихъ вещахъ нужно говорить до конца, а не такъ сразу цвлое пугало на нее выпустить! Онъ проклиналъ свое увлечение и не зналъ, въ какой формъ высказать намекъ, который долженъ ее успокоить.

— Да вы хоть проститесь-то со мною! — остановиль онь, когда Саша съ разбъга завернула было въ свои ворота. — Я васъ убъдительно прошу, Сашенька, бросьте, не думайте вовсе объ этомъ разговоръ! Если бъ вы знали вы не знаете, до какой степени вы можете ошибаться на мой счеть! Вы это скоро увнаете... А пока, пока, сдълайте милость за негодяя меня не считайте, оттого что вамъ непонятна моя точка зрънія!

Сашу мало интересовали «точки зрвнія», когда слова звучали такъ пагубно для ея слуха. Она ничего не сказала. Но никакая догадка не осввтила ея разстроеннаго лица.

- Интересно, сколько времени теперь вы будете донимать

меня погребальными минами? — спросиль онъ съ кривой усмѣшкой.

— По вашему, мив радоваться, что ли! — разжала, наконецъ, губы Саша.

Онъ безпокойно метнулся къ ней.

— Да ужъ и плакать вамъ не объ чемъ, можете мнв повърить! Очень нужно было споры заводить! Не видались цвлую ввчность... Соскучился по васъ какъ чорть... Ерунда такая

Въ эту минуту изъ подъвзда бокового флигеля вышли двъ женщины и пошли обходомъ по узкому троттуару, направляясь къ воротамъ. Саша посившно сунула на прощанье руку своему спутнику. Мало про нее и такъ сплетничаютъ въ школъ! Но онъ медлилъ; онъ непремънно хотълъ, чтобы она объщалась никакой чепухи про него не придумывать...

Цълый вечеръ потомъ Саша ловила себя, что она въ мысляхъ какъ будто оправдывается передъ къмъ-то. Всю исторію опять сначала перебираеть, точно и такъ не надовло еще Богъ знаеть какъ...

Свадьба Аришина сразу померкла въ ея воображения. Терпёть она не можеть знать, что кто нибудь осуждаеть ея поступки. Всегда готова передъ всёми на виду стоять и за свой каждый шагь отвёть держать. А туть развё кто нибудь? Туть каждое слово такъ и вопьется въ нее, хочеть она или не хочеть! Ничёмъ не сбросить...

Раза два Саша поплакала, короткими приступами, безъ мыслей, съ нетерпъливой, саднящей болью въ сердиъ.

XIII.

Въ день ежегоднаго бала медицинскихъ студентовъ генеральская квартира на Фонтанкъ могла бы навести на любопытныя размышленія какого нибудь охотника до широкихъ обобщеній. На разныхъ концахъ квартиры двъ дъвушки собирались на этотъ балъ.

Въ людской, передъ крошечнымъ туалетцемъ, приставленомъ вплотную къ снятой со стѣны лампѣ съ жестянымъ рефлекторомъ—Саша мастерила модную прическу изъ своихъ тяжелыхъ, блестящихъ и гладкихъ волосъ. Правда, она закрутила волосы съ вечера на бумажки, смочивъ ихъ квасомъ по совѣту подруги но, должно быть, дѣло мастера боится... «Волнъ» никакихъ не вышло, а за день и въ конецъ все разгладилосъ.

Ариша принесла отъ барышни щипцы въ нѣсколько зубцовъ—но Саша не умѣеть съ ними обращаться; а Аришу не отпускають изъ комнать, гдѣ французъ парикмахеръ причесываеть Екатерину Николаевну. Противъ обыкновенія, на этотъ разъ Ариша отнеслась совсѣмъ добродушно къ сборамъ младшей сестры на студенческій балъ; свою розовую шелковую кофточку на нее приладила и теперь вся кипѣла досадой на то, что нельзя урваться изъ комнатъ, чтобы помочь сдѣлать прическу.

Ариша сама на себя дивилась: воть же ни чуточки ее и не тянеть на этоть баль! не завидно на Сашу, что ей вдругь стало можно многое, чего другимь никакь нельзя. Куда и дввалась вся горечь, бывало, такь легко вскипавшая по всякому поводу! несносное чувство опаски: точно каждый шагь впередь, сдъланный Сашей, ее еще больше толкаеть назадъ... Невольно удержать хочется—не пускать...

Теперь зачёмъ завидовать – есть вёдь и у нея своя судьба. Есть надъ чёмъ работать, усиливаться, добиваться... Въ рядъ съ сестрой пойдуть: каждая своей дорогой—да вмёстё!..

Изъ прежнихъ ревнивыхъ ощущеній, полныхъ противорѣчій и тревоги, въ сердцѣ Ариши выростало успокоенное и свѣтлое чувство горячей дружбы къ сестрѣ. Въ это чувство какъ будто влилась и видоизмѣнила его еще посторонняя струйка: струйка иной, обреченной нѣжности... Какъ будто той нѣжности такъ легче было умирать: въ порывахъ чистаго, просвѣтленнаго чувства, гдѣ нѣжность не можеть быть ни дурной, ни опасной... Даже и въ привязанности къ будущему мужу Саша нужна, необходима Аришѣ. И тутъ она должна что-то пополнить, чего въ этой привязанности не будеть хватать... Поможеть—облегчить.

Ариша не могла дать себв во всемъ отчета, но одно она чувствовала вполнъ ясно: никогда она такъ не любила Сашу, какъ теперь. Ссориться онъ больше никогда не будуть... Ей весело и радостно такъ любить. Не смотря на все неоспоримое превосходство Саши, въ чувствъ Ариши теперь впервые появлялся оттънокъ покровительства старшаго къ младшему.

Въ комнатахъ Екатерина Николаевна, закутанная до горла во что-то бълое, сидъла, вытянувшись передъ большимъ зеркаломъ, и безпокойно слъдила въ глубинъ стекла за движеніями пары выхоленныхъ мужскихъ рукъ, ловко распоряжавшихся мутной массой ея волосъ—того тусклаго, неопредъленнаго оттънка, отъ котораго проигрываетъ тонъ кожи и не выигрываютъ цвъта матерій.

Непривычная прическа все сильные мыняеть ее. Катя выбрала прическу по журналу, но теперь съ ужасомъ убъждается, что она вовсе не идеть къ ней: замысловатая постройка изъволосъ удлиняеть лицо, дылаеть его еще болые унылымъ... Старить ее...

Дъвушка волнуется; каждую минуту она дълаеть какое нибудь неопредъленное замъчаніе, выводящее изъ терпънія француза. Онъ показываеть ей картинку: онъ не виновать—mademoiselle сама выбрала. Можно причесать по тому или другому
образцу онъ знаеть больше двадцати—но ни одинъ мастеръ
не согласится смёшивать различные жанры. Тогда не выйдеть
никакой прически.

Заствичивая Катя не можеть настаивать. Впрочемь, она сама не знаеть, чего собственно требовать, какой жанрь быль бы ей къ лицу. Ей кажется только, что она бываеть гораздо интересние въ своей домашней прически, и ее охватываеть какое-то суевирное ощущение неудачи. Наконець, оть отчаяния, она перестаеть думать о томь, чтобы эта прическа украшала ее; она тоже начинаеть слидить за работой француза, какъ ва какимъ-то самостоятельнымъ сооружениемъ, гди всего важние «выдержать стиль». Оть напряжения на ея малокровномъ лици, на худой шей выступають пятна; въ кожи появляется зудь, въ виски летучая сверлящая боль...

Въ гостиной на роялѣ разложено бальное платье, шелковое съ газомъ, блѣдно палевое съ голубымъ. Генеральша рѣшила сдѣлать дорогой туалеть, который могъ бы остаться въ приланое.

Звъздочкинъ объяснился нъсколько дней тому назадъ. Объдалъ у нихъ; Катя отъ стола увела его въ свою комнату. Мать у себя легла на кровать и, уныло затихнувъ, ждала, будеть ли сегодня конецъ... И думала о судьбъ.

Вся семья ждала этой минуты—и никто не радовался. Съ каждымъ днемъ росло не то угнетеніе, не то смущеніе... точно передъ сомнительнымъ поступкомъ, котораго избъжать нельвя. Состоялось безмолвное соглашеніе, и остается только пассивно отдаться теченію...

Матери обидно за свою Катю. Безформенныя и именно потому все да такія пышныя дівическія надежды подтаивали по каплі... годь за годомъ, день за днемъ... Какъ гора снівга таеть незамітно для глаза

Съ Катей только въ самомъ началѣ было нѣсколько разговоровъ, короткихъ, оборванныхъ... Она такъ страдала, что, очевидно, всѣ слова были излишни и безсмысленно жестоки.

Мужчины—отецъ и Викторъ—находили, что тутъ не можетъ быть вопроса. Всёмъ хотёлось только поскоре проскользнуть черезъ предварительную процедуру ухаживанія и сватовства, вырисовывавшую положеніе съ такой досадной отчетливостью. После свадьбы—а! сдёлайте одолженіе!—тогда будеть совсёмъ другой разговоръ...

Викторъ Николаевичъ, одътый по бальному, но очень кислый, ждалъ въ гостиной въ обществъ одного только бальнаго илатья. Онъ явился съ каретой, чтобы везти сестру въ дворянскій залъ. Весь этотъ балъ злилъ его. Прекрасное платье на рояль точно дразнило. Онъ зналь, что Катя будеть въ этомъ туалеть неудачна, гораздо хуже обыкновеннаго, и не понималь ея желанія разыгрывать ingénue, въ парь съ семнадцатильтней институткой.

Братъ точно заранве боялся подмвтить какой нибудь такой взглядъ Зввздочкина, отъ котораго ему захочется схватить своего пріятеля Петьку за плечи и крикнуть въ это упитанное и добродушно-лукавое розовое лицо: крикнуть, что онъ не стоитъ мизинца смвшно влюбленной дввушки, со своими грошовыми разсчетами въ двадцать два года, со своими наивно-подловатыми пріемами ласковаго теленка.

Вообще за послѣднее время Викторъ Николаевичъ чувствоваль себя точно приподнятымъ нравственно: какъ бы то ни было, а онъ еще не дошелъ до того, чтобы расцѣнить свою особу въ два десятка тысченокъ хоть проклятые долги и его донимаютъ все сильнѣе, а возможность изворачиваться предательски сокращается. Ба! это не помѣшало ему обѣщать Аришѣ модную мастерскую, если бъ эта дурочка захотѣла бросить для него жениха! Зрѣлище чужой трусости передъ жизнью наполняло веселаго поручика благороднымъ волненіемъ, которое онъ называеть вѣрой въ свою звѣзду.

Наконецъ, Ариша въ послъдній разъ пробъжала изъ кухни съ горячими щипцами, и французъ кончилъ свое дъло. Сейчасъ въ залъ начнется важная процедура надъванія бальнаго платья.

Офицеру пришлось перебраться въ столовую. Но и тамъ тоже изъ кухни доносилась какая-то возня, голоса, восклицанія, перебъганія...

Наконецъ, Авдотья вошла въ столовую, пробралась до двери истала возбужденнымъ шопотомъ вызывать изъгостиной Аришу.

Викторъ Николаевичъ отъ скуки заглянулъ мимоходомъ въ неплотно притворенныя двери—и, какъ бомба, въ одинъ мигъ пролетълъ дальше.

Саша была готова. Она стояла по серединъ кухни и въ неръшимости поворачивала въ рукахъ бутоньерку изъ живыхъ цвътовъ, только что поднесенную ей нареченнымъ зятемъ.

Афанасій Ивановичь заб'яжаль полюбоваться на сестрицу; проходя мимо цв'яточнаго мага ина, онъ вдругь ощутиль ревнивое желаніе отли иться передъ своими прекрасными барышнями. Теперь награда сіяла на лиці Афанасія Ивановича—эффекть подарочка превзошель вс'я его ожиданія.

Саща колебалась, приколоть ли цвёты на плечо, или въ волосы, какъ настаивала Авдотья.

Викторъ Николаевичъ сталъ безцеремонно выражать свои восторги...

... Скажите, пожалуйста, когда это Сашенька успыла превратиться въ настоящую красавицу?!

Старательно причесанная и перетянутая, она выходила изъ гладкой черной юбочки роскошнымъ розовымъ букетомъ, своими пышными плечами, высокой грудью и сіяющей головкой.

— «Воть бы на кого бальное-то платье надъть! небось, тутъ декольте не чета оконному переплету моей сестрицы!» -- подумалъ Викторъ, разглядывая девушку разгоравшимися глазами.

Саша сконфуженно попросила барина такъ не шутить.

— Какія шутки, помилуйте!—настоящая роза махровая! Смотрите, вы у сестры жениха не отбейте. Оно всегда въдь съ цветочковъ начинается... ха-ха!

Баринъ фамильярно кивнулъ на солиднаго человека въ пальто, котораго онъ видёль въ первый разъ. Онъ пожелаль знать, куда это Сашенька такъ расфрантилась.

— Въ театръ, что ли?

Такое скромное предположение задъло Сашу. Она казалась себь въ эту минуту несравненно великольшеве.

— Неть-съ, не въ театръ. А должно быть такъ, что туда же, куда и ваше благородіе изволите собираться съ сестрицею.

Это отчеканиль въ ответь Афанасій Ивановичь. И съ особеннымъ удовольствіемъ.

Викторъ вопросительно посмотрълъ на Сашу, но въ эту минуту въ кухню вбежала Ариша, какъ человекъ, которому остается жить всего нёсколько минуть.

— Гдѣ?.. что?.. покажите!!.

Съ видомъ знатока и съ апломбомъ будущей закройщицы. Ариша выхватила у Саши цветы; приложила сначала къ груди, потомъ приставила къ узлу волосъ, а сама вся перекинулась назадъ, чтобы лучше судить.

— Такъ, такъ! прикалывайте въ волосы! — вмъшался не-

ожидано Викторъ Николаевичъ.

Онъ еще колебались. Тогда баринъ подошелъ, нетериъливо взяль у Ариши цвёты, отбросиль на поль стекляшку и приложиль ихъ по своему къ блестящей черной головкв.

— Шпилекъ давайте! Такъ будеть хорошо.

Такъ оригинально начался для Саши этотъ знаменательный сечеръ.

Андрей Михайловичъ ждаль ее у вороть. Туть же стояла карета молодого барина. Сердце дъвушки радостно дрогнуло: жизнь раздвигала передъ нею одну изъ своихъ перегородокъ...

XIV.

Растерянность Саши длилась недолго, всего нъсколько минуть, пока они поднимались среди толпы по ярко освъщенной лестнице, и она ловила въ зеркалахъ какую-то смутную розовую твнь и не была увврена — двиствительно ли это она... и не знала, какъ держать руки въ бвлыхъ перчаткахъ, отъ которыхъ руки сдвлались большія и неловкія.

Саща сразу почувствовала себя гораздо спокойные, какъ только поднялась наверхъ по узенькой лысенкы, оставивь въ стороны блестящи залъ, съ ослыпительными люстрами, былыми колоннами, красными скамейками и гудящей тысячной толной. На хорахъ было не такъ свытло и была почти одна молодежь. Женщины не особенно нарядны, а среди студентовъ Саша чувствуетъ себя совсымъ свободно. Андрей Михайловичъ усадилъ свою даму въ первомъ ряду, гды такъ удобно смотрыть внизъ,—въ свытлую бездну, откуда поднимаются кверху волны свыта, красокъ и звуковъ.

Концертное отдъленіе длилось долго и не сдълало на Сашу ожидаемаго впечатлънія. Андрей Михайловичь считаль своей обязанностью все время давать разъясненія, близко пригибаясь къ розовому шелковому плечу. чтобы не безпокоить сосъдей. Онъ пустиль въ ходъ всё свои музыкальныя познанія, но этоть непрерывающійся потокъ незнакомыхъ словъ и чужихъ именъ только мъшалъ слушать и утомлялъ Сашу. Раза два онъ поймалъ, какъ она зъвнула, и долженъ былъ убъдиться, что въ оцънкъ голосовъ, льющихся съ эстрады, его дама руководствовалась исключительно однимъ соображеніемъ: у кого выходитъ громче.

Андрей Михайловичь обожаеть музыку. Въ первый разъеще онъ испытывалъ н'якоторое раздражение передъ такимъ отсутствиемъ впечатлительности.

Сашъ казалось, что перепонки въ ушахъ могутъ лопнутъ отъ грохота аплодисментовъ; а имъ все еще мало, каждаго насильно повторять заставляють! Казалось, что это никогда не кончится. Сидъть неподвижно слишкомъ три часа и только слушать—привело ее въ томительное оцъпенъніе. Она сразу ожила, когда толпа вокругъ заволновалась и загудъла.

Въ антрактъ студентъ отвелъ свою даму внизъ, въ буфетныя залы, гдъ отъ тъсноты люди двигались плечо къ плечу и видны были одни головы и бюсты. Онъ ввялъ приступомъ уголокъ какого-то стола и принесъ Сашъ стаканъ чаю. Она ждала его встревоженная, такъ долго онъ проходилъ за нимъ.

- Ну, вотъ... а я думала, что вы потерялись!—улыбнулась она ему съ облегчениеть.
- Я-то не потеряюсь!—воть вы отсюда никуда не извольте шевелиться Я сейчась!

Онъ опять нырнуль въ толпу. Саша жадно разглядывала проплывавшихъ мимо женщинъ. Она вообразила себъ, что на балу всъ должны быть какъ нибудь невъроятно нарядны и

красивы; теперь чувствовала себя разочарованой — безъ всякой непріятности... Все оказывалось гораздо проще, легче, пріятнъе! Даже совершенно несомнънно, что на нее много смотръли. По выраженію лицъ, по долетавшимъ словамъ видно, что она замътна въ этой огромной толиъ.

Викторъ Николаевичъ былъ правъ: двѣ живыя розы въ волосахъ оттѣняли еще ярче ея удивительную свѣжесть и жизненность. Ничто такъ не украшаеть женщинъ, какъ цвѣты, но мода всесильна; въ цѣломъ морѣ женскихъ головокъ не было видно цвѣтовъ, и увѣнчанная двумя розами высокая, цвѣтущая дѣвушка у стола невольно каждому бросалась въ глаза.

«Махровая роза»!—вспомнилось вдругь восхищенное восклицаніе молодаго барина, и Саша вся зард'влась подъ прастальнымъ взглядомъ какого-то высокаго инженера.

Инженеръ сказалъ что-то, улыбаясь, своему штатскому сосъду. Дойдя до конца комнаты, пріятели повернули обратно, и минуты черезъ двъ опять смотръли на Сашу и улыбались... Когда Андрей Михайловичъ вернулся съ буттербродами—инженеръ проходилъ мимо стола въ третій разъ.

Сашъ вдругъ показалась, что онъ сейчасъ заговоритъ съ нею. Откуда-то изъ самой глубины поднимались теплыя и трепетныя волны безотчетнаго веселья и искрились влажнымъ блескомъ въ широко-раскрытыхъ прозрачныхъ глазахъ.

— Какъ жарко! уйдемте отсюда!—позваль ее безпокойно студенть.

Ему вдругъ что-то не понравилось въ выраженіи ея лица. Ему необходимо очень серьезно поговорить съ ней.

Они вернулись на хоры, гдѣ было разсѣяно только нѣсколько уединенныхъ парочекъ. Внизу натирали паркетъ и гремѣли, точно ружейные залпы, ряды связанныхъ на палкахъ стульевъ, ловко вскидываемыхъ на эстраду. Посреди эстрады военные музыканты устанавливали свои пюпитры. Люстры сіяли тусклѣе сквозь поднятую пыль. На хорахъ казалось свѣжо послѣ душныхъ маленькихъ залъ, гдѣ стѣснилась вся толпа.

— Сядемте—все равно куда! Мнѣ нужно сказать вамъ нѣсколько словъ, — приступилъ къ разговору Андрей Михайловичъ.

Лицо у него было серьезное, голосъ странный, какого Саша никогда еще не слыхала. Она тревожно взглянула на него. Неужто опять примется отчитывать ее за Аришу? Нашелъ время!.. Однако, она не рѣшилась ничего сказать и только тихонько вздохнула. Онъ сейчасъ же насторожился.

...О чемъ она?-устала? - ей не весело??

...Господи! — не весело!!. Саша принялась горячо благодарить за балъ, радостно и благодарно взглядывая на него.

Кажется, это еще больше мѣшало приступить къ разговору. Онъ вдругъ оказался такимъ тяжеловѣснымъ, сложнымъ и жуткимъ. Вдругъ жаль стало согнать радостное сіяніе съ розоваго лица. Какой-то смутный страхъ пропо въ по горячему -сердцу, точно прикосновеніе чего-то холоднаго...

Между тыть на хорахъ прибывала публика. Уединенныя парочки смъщались съ шумно разсаживавшимися и весело болтавшими группами. Молодой смъхъ звенълъ на всъхъ концахъ. Внизу грянулъ оркестръ. По пустому еще залу весело носились группы студентовъ, волновались распорядители съ бълыми бантами, на красныхъ скамейкахъ зрители спъшили занятъ мъста.

Балъ закипалъ.

Андрей Михайловичь опомнился: какъ могь онъ думать, что въ эту минуту возможны серьезные разговоры! Получивь отъ Саши отвъть невпонадъ, онъ весело разсмъялся и вскочиль на ноги.

— Идемте плясать! Слышите?—начинается!.. Когда устанете, тогда вернемся сюда разговаривать.

Но вернулись они на хоры только къ концу бала.

Саша танцовала — Богъ ужъ одинъ знаетъ какъ! Ее упрашивали, тащили, и ей самой страстно хотелось. Она танцовала что-то такое, что она называла «простымъ вальсомъ»... Ейоттого было ничуть не меньше весело. Кучка знакомыхъ студентовъ съ безобиднымъ смехомъ передавала ее съ рукъ на руки; Андрей Михайловичъ не отходилъ отъ нея ни на шагъ, совсемъ не танцовалъ съ другими. Въ толив Саша видела мелькомъ Екатерину Николаевну, въ ея прелестномъ платъв и высокой прическе надъ напряженнимъ, жалкимъ лицомъ. Видела Виктора Николаевича, откровенно хохотавшаго надъ ея импровизированнымъ вальсомъ, и чужого инженера, преследовавшаго ее красноречивыми взглядами.

...Такъ воть какіе бывають настоящіе балы!—воть какъ веселятся всё эти избранницы—блёдныя, вялыя, усталыя, мало-кровныя петербургскія барышни. Пульсъ Саши биль сто двад-цать ударовь; въ головё стояль сладкій чадъ...

Въ томъ же чаду она снова очутилась на хорахъ-далеко гдв-то, въ самой глубинъ. И началось объяснение...

Вирочемъ, онъ говорилъ нескладно, страшно волнуясь, долго. Это дало ей возможность сколько нибудь собраться съ мыслями.

Андрей Михайловичъ хотёлъ выяснить совершенно свои взгляды на бракъ и хотёлъ изгладить фальшивое впечатлёніе, какое должно было остаться у Саши отъ ихъ послёдняго спора. Предварительно между ними должно быть до конца

понятно и выяснено что-то главное, основное... Что то, къ его отчанню, не укладывавшееся въ немногихъ простыхъ словахъ.

...Какъ тутъ поймешь, коли въ однихъ случаяхъ Андрей Михайлычъ признаетъ бракъ-а въ другихъ отридаетъ! Ноговориль онь больше о любви; и опять такъ, какъ не умееть ее понимать Саша. Его любовь кажется Сашъ слишкомъ. строгой, нерадостной и мудреной... Кажется черезчурь больщой. Та любовь, которую Саша понимаеть, несравненно проще. свътлъе и скромнъе.

Андрей Михайлычъ чёмъ-то ужасно огорчается. Должнобыть темъ, что, какъ бы внимательно Саша ни слушала ему въ угоду. -- въ глазахъ ея онъ читаеть, что ея мысли илуть. своимъ путемъ. О, да! онъ огорченъ... Но онъ не можетъ помириться съ этимъ, не въ силахъ допустить этого, - а въ такихъ случаяхъ всегда открываются внезапно какія нибудь новыя, неведомыя тропинки... По этимъ тропинкамъ можно пуститься въ обходъ большой дороги, загроможденной препятствіями.

— Не ясно? нътъ? Ну не бъда! Не все вдругъ...-утвшаеть онь себя, неистово потирая туго свернутымъ носовымъ. платкомъ свой высокій. мокрый лобъ.

Она это называеть «ссориться»-съ какой стати такая пошлость?! Не ссориться, а, какъ говоритъ Щедринъ-«другъ. о друга околачиваться». Все равно, безъ этого двумъ людямъ не сжиться.

— Надо только одно: чтобы вы мнв вврили! Вврите вы. что я не собираюсь какое-то превосходство, что ли, разыгрывать? Совсемъ напротивъ! Я хочу, чтобъ вы сами - сами дошли до моихъ точекъ во всемъ... И дойдете! я помогу вамът Вы о многомъ совствиъ еще не думали. Это гораздо лучше. чёмъ засорять себе мозги готовой трухой!

Саша слушала молча. Липо ея легонько дрожало, точноона удерживается, чтобы не заплакать. Она стала бледнее. Одна изъ розъ упала во время танцевъ, другая свернулась и жалобно повисла надъ ухомъ. Внизу музыка гремить не такъ уже весело издали. сквозь стоящій надъ залой смішанный гуль движенія и криковь.

Саша смущена, но она не предчувствуеть, какое словодругь ея скажеть сейчась. Кажет о речь идеть о чемъ-тотуманномъ, далекомъ, отчего слад и грустно волнуется ея ичша...

Онъ сказалъ. Дъвушка бевсов ательно вскочила на ногиточно хотвла бъжать.

— Что вы!.. что вы!.. развѣ возможно!? — зашептала она. трепетно.

Можно 'подумать, что она вовсе и не рада. Онъ сказалъ,

что имъ надо теперь же обвѣнчаться, чтобы не тратить силъ напрасно на какую-то нелъпую борьбу. Чтобы все это сгладилось легко, само собою, въ ихъ счастьъ...

Надо. Точно рѣчь шла о чемъ-то предрѣшенномъ безповоротно—какъ будто иначе не могло и быть. Онъ именно такъ это чувствовалъ.

это чувствовалъ.

Онъ заставилъ Сашу състь опять на скамейку и спросилъ просто—любить ли она его?

- Да мало ли что люблю—развѣ въ этомъ дѣло?!—восаликнула она тоскливо.
  - О, да-да-да только въ этомъ все дъло!!.

То быль ликующій крикь страсти. Но въ смятенной душъ дъвушки росла тревога... Саша не стала увърять его въ своей любви.— Какъ объ этомъ говорить? и зачъмъ?.. Онъ и самъ внаетъ. Этого просто не могло не быть. Ее это вполнъ удовлетворяло.

Саша стала говорить о жизни.

— Никогда никто вамъ не позволить жениться на кухарвиной дочери! Не одинъ же вы какъ перстъ на свътъ?!

...Ну, хорошо, хорошо!.. Пусть онъ ни на кого не поглядить—съ родными поссориться не побоится—да самъ-то онъ что будеть чувствовать?!. Въдь мать она ей! Сыномъ его звать будеть... Безграмотная.

Полгода тому назадъ, послъ блестяще выдержаннаго экзамена Саша, поддразнивая Аришу, твердила, что замужъ она пойдетъ не иначе какъ за студента. Теперь она отбивалась въ страхъ. Она видитъ жизнь цъликомъ, какъ рисуется она въ ея несложныхъ понятіяхъ, и собственныя чувства безсильны заслонить хоть на мигь эту строгую картину... Для такихъ чувствъ въ ея душъ нътъ мъста.

— Ты не любишь!.. Не любишь!!.—восклицаль онъ въ отзаяніи.

Увърять его Саша опять не стала. Поглядъла на него съ тоской.

- Не знаю... Можеть быть не такъ люблю! Вамъ лучше знать, какая вамъ любовь нужна.
  - Саша!.. какъ ты говоришь это?!. Ты соглашаешься?.. Она покраснъла.
- Не соглашаюсь я вовсе! да какъ же мив спорить съ вами?.. Я въдь не барышня, любви расписывать не умъю. Сами внаете... Къ чему же тогда и допращивать?.. Только напрасно мучаете!.. Кого же мив любить, коли не васъ?.. Знаете сами.

Опять они чувствовали по разному. Нёть, онь не хотёль вовсе ее мучить... Хотёлось насладиться словами—музыкой любви—всёмъ, что въ нашихъ понятіяхъ составляеть ея сіяющій и благоуханный ореоль...

Но у Саши нътъ такихъ словъ—и пожалуй, никогда ихъу нея не будетъ. Ея любовь не тепличный роскошный цвътокъ—это простой актъ жизни, какъ и всв ея чувства. Любовь будетъ сливаться съ жизнью, воплощаясь во всвхъ ея мельчайшихъ дёлахъ и заботахъ. Не будетъ ова ни лежать роковымъ баластомъ на сердцв, ни витать надъ жизнью самодовлёющимъ идеаломъ. Черезчуръ безплотнымъ, въ которомъ часто таятся зародыши всвхъ разочарованій. Андрей Михайлычъ любить ее и, Саша будетъ счастлива. Если бъ онъ не любилъ — они оставались бы друзьями, и она не была бы несчастна.

Двадцатишести-лътнему философу, отважно шагавшему черезъ всъ условности и предразсудки, казалось, что и онъ понимаетъ любовь точно также «трезво», серьезно, безъ всякой распаленности воображенія. Очень искренно казалось.

...Но, вотъ, однако, въ эту минуту ему не хватаетъ привычныхъ звуковъ, знакомыхъ красокъ. Не хватаетъ словъ, хотъ онъ знаетъ и въритъ, что Саша любитъ его, — какъ знаешь, не спрашивая, не размышляя... Какъ читаешь въ раскрытомъ безпомощномъ взоръ, въ голосъ, звучащемъ впервые для собственнаго слуха этими новыми, невъдомыми колебаніями...

Вопросъ долженъ быть решенъ теперь же; прежде чемъ они спустятся съ опустевшихъ хоръ громаднаго зала, где замирали последне взрывы бала.

Саша его любить. Онъ этого хочеть. Она не можеть со-

противляться ему.

— А вы потомъ не пожалѣете?!. Никогда не пожалѣете?— допрашивала дѣвушка, строго заглядывая въ самую, самую глубину влюбленныхъ глазъ.

Внизу упорно звенѣлъ колокольчикъ. Они были одни на хорахъ. Вмѣсто всякаго отвѣта, онъ привлекъ ее къ себѣ и поцѣловалъ въ губы.

Ръшеніе, продиктованное житейской мудростью. И вся его пылкая любовь должна была разбиться объ него, какъ разбиваются могучія живыя волны о неподвижный и холодный утесъ.

Саша рѣшила ждать. Она не хочеть сворачивать съ своего пути.

Ольга Шапиръ.

Земля и капитализмъ.

IV.

Выше или наже норма прибыли въ сельскомъ хозяйствъ, чъмъ въ обрабатывающей промышленности? Прежде всего разсмотримъ главный факторъ, регулирующій норму прибыли—норму прибавочной стоимости. Норма прибавочной стоимости зависить отъ интенсивности труда, которая въ свою очередь опредъляется состояніемъ техники въ данной промышленности. Техника вліяеть на промышленность двоякимъ образомъ: съ одной стороны, совершенствуя такъ называемую рабочую машину, она увеличиваеть производительность труда, а съ другой, замёняя живого двигателя механическимъ и совершенствуя его, она поднимаетъ напряженность труда и при этомъ дълаеть его болье равном рнымъ во все продолжение рабочаго дня. Капиталистическая промышленность всемъ своимъ могуществомъ обязана именно механическому двигателю. Пока работа ткацкаго станка зависвла отъ усердія рабочаго, который могь по собственному усмотренію или въ зависимости отъ строгости падзора дёлать въ минуту 30 и 40 оборотовъ, она не могла выйти нзъ извъстной средней нормы, опредължемой среднимъ усердіемъ и средней способностью рабочаго. Иначе при механическомъ двигатель. Работу станка опредъляеть телерь не рабочій, а механизмъ; рабочій долженъ поспъть за нимъ во что бы то ни стало, или онъ будетъ выброшенъ изъ фабрики, какъ негодная тряпка. «Въ мануфактуръ и ремесленномъ производствъ инструменты служатъ рабочему; на фабрикъ же рабочій служить машинь. Тамъ движеніе средствъ производства исходить отъ него; здёсь же онъ долженъ слёдить за нимъ. Въ мануфактуръ рабочіе образують члены живого организма. На фабрикъ же существуеть мертвый механизиъ, отъ рабочаго независимый, къ которому рабочій присоединенъ какъ живой придатокъ *). Таково вліяніе техники въ обрабатывающей промышлен-

Этого вліянія мы въ сельскомъ хозяйстві не находимъ. Та раг бочая машина, которая произвела перевороть въ обрабатывающей

^{*) «}Капиталъ», т. І, стр. 370 (изд. 2-е).

промышленности, явилась следствіемъ наивысшаго раздёленія, а потому и наивысшаго усовершенствованія труда. Она тамъ призвана была заменить трудъ- не простой, а улучшенный сначала коопераціей, а потомъ разділеніемъ труда, трудь десятковъ и сотень рабочихъ, представлявшихъ собою въ совокупности первообразъ одной рабочей машины. Въ земледвији раздвленія труда не было к нътъ; вдъсь даже простое сотрудничество въ ръдкихъ случаяхъ играеть какую вибудь роль. Одинъ и тоть же земледалець приготовляеть землю для обработки, самъ ее обрабатываеть, самъ следить за ростомъ хлебовъ, самъ убираеть хлебъ, самъ молотить его, даже самъ доставляеть на рынокъ. И эта самоличность во всёхъ работахъ для него возможна и даже обязательна, если онъ хочетъ посвятить хозяйству наибольшее число рабочихъ дней, потому что когда возможна одна изъ перечисленныхъ операцій, невозможна ни одна изъ другихъ, и занимайся онъ, напримъръ, только обработкой почвы или только уборкой хлебовъ, хозяйство отнимало бы у него незначительную часть сельско-хозяйственнаго рабочаго времени. Единственное что въ сельскомъ хозяйстви возможно, ето простое сотрудничество, да и оно возможно не при всъхъ операціяхъ и не имъетъ особенно ощутительныхъ выгодъ. Поэтому н усовершенствованіе орудій труда возможно вдёсь только въ очень слабой степени; такъ называемыя рабочія машины крайне просты, дають весьма ограниченное повышение производительности труда и притомъ относительно очень дешевы. Это последнее обстоятельство въ особенности невыгодно для развитія капитализма въ земледвлін. Значеніе усовершенствованной машины для капитализма завлючается не въ томъ только, что она увеличиваетъ производительность труда, но и въ томъ, что она доступна только капиталисту, а не мелкому производителю. Разъ машина доступна и последнему, какъ въ сельскомъ ховайствъ усовершенствованные плуги, съядки и даже молотилки,--то увеличенная производительность труда вся уходить на удещевленіе товарныхъ цінъ, не производя никакого дійствія на прибавочную стонмость. Еще хуже обстоить въ сельскомъ хозяйствъ съ механическими двигателями. Выгодность парового двигателя прямо пропорціональна сумив поставляемой имъ рабочей энергів. Но высокосильный двигатель требуеть или весьма сложной рабочей машины или целой системы более простыхъ рабочихъ машина. Что сельско-хозяйственныя рабочія нашины относятся къ простайшимъ, мы только что говорили. Что касается соединенія двигателя съ цтлой системой машинъ, то въ сельскомъ хозяйствъ это не мыслемо, такъ какъ дъятельность двигателя должна была бы въ такомъ случай охватывать сотии десятивъ. Вообще разстояніе---это то вло, воторое является въ сельскомъ хозяйствъ важнымъ препятствіемь въ дъль эксплоатаціи механическихь двигателей. Никакіе передаточные механизмы не могуть побороть этого зла, к потеря полезной силы, при эксплоатаціи въ сельскомъ хозяйствъ

парового двигателя, достигаеть такой громадной величины, о которой обрабатывающая промышленность и понятія не имбеть. Прибавьте къ этому, что двигатель въ сельскомъ хозяйствів не можеть стоять въ закрытомъ поміщеній, такъ что на увеличеніе расходовъ на топливо вліяеть дійствіе атмосферы на цилиндръ машины и котель. При такихъ условіяхъ вполит понятно, почему даже лучшее открыте сельско-хозяйственной техники, паровой плугь, постигла печальная участь — остаться на всегда предметомъ сельско-хозяйственной роскоши.

Если техника въ сельскомъ хозяйствъ не участвуетъ въ образованів прибавочной стоимости, то, очевидно, норма прибавочной стоимости въ сельскомъ хозяйстве исключительно зависить отъ дляны рабочаго дня и величины заработной платы. Нёгъ сомнёнія, что какъ бы рабочій день ни быль великъ, а заработная плата низва, эта элементарная форма образованія прибавочной стоимости викогда не дасть техъ резу ьтатовъ, которыхъ д стигаеть обрабатывающая промышленность, благодаря усовершенствованіямь техники, при умъренномъ рабочемъ див и нормальной заработной плать. По этому то, не смотря на то, что наемный трудъ въ сельскомъ хозяйстве находится въ крайне тяжелыхъ условіяхъ, капиталь всетаки не считаеть себя удовлетвореннымъ. Для характеристика положенія сельско-хозяйственнаго рабочаго, интересно отмітить следующее. Какъ известно, переходъ кустари изъ собственной мастерской на фабрику сопровождается нъкоторымъ улучшениемъ его матеріальнаго состоянія, которое въ известной степени вознаграждаеть его за потерю независимости. Наобороть, въ сельскомъ козяйстве потеря независимости сопровождается еще ухудшеніемь матеріальнаго состоянія. Земскій врачь Н. Тезяковъ, *) отмічая факть сильной выбольвыемости въ средв наемныхъ сельско хозийотвенных рабочих , объясняеть его тыкь, что «вообще рабочів лишены техъ удобствъ, которыми пользуются крестьяне, трудящіеся надъ своимъ клочкомъ земли». Что значить быть лишеннымъ «тёхъ удобствъ, которыми пользуются крестьяне», — это не трудно понять. Это значить до крайности изнурительная работа, плохое питаніе, скверное жилище и т. д., и т. д.

Почему-то существуеть мивніе, что въ сельскомъ ховяйствів не можеть быть вопроса о нормальномъ дий. Откуда взялось это мивніе, безразлично, но оно безусловно ошибочно. По даннымъ анкеты, снаряженной измецкимъ обществомъ соціальной политики (которая, кстати сказать, въ своей уміренности дошла до того, что ограничилась опросомъ однихъ работодателей), рабочій день въ сельскомъ козяйствів Германіи проложжается літомъ отъ восхода солица до заката или отъ 5 и 4 часовъ утра до 9 и 9 і часовъ вечера. Это

^{*)} Н. И. Тезяковъ. Сельско - хозяйственные рабочіе въ Херсонской губ. Херсонъ, 1896, стр. 112.

называется обязательнымъ рабочемъ двемъ. Кромв того, во многихъ мъстностяхъ хозяева скромно отмъчане фактъ существованія у вихъ сверхурочной работы (очевидно, после 9-9% часовъ вечера) и работы по воскресеньямъ и праздникамъ. Такъ работають одинаково и взросаме, и дъти *)... Въ Англін, гдъ борьба за нормальный рабочій день длится въ обрабатывающей промышленности уже около полустольтія, «действительный рабочій день (въ сельскомъ хозяйствъ колеблется между 9 и 101, часами въ сутки лътсиъ и 8 и 9 часами звиой. Номинальный на 1-11/1 часа выше... Разстоянія рабочихь жилищь оть изста работы нельзя опредвлеть, такъ какъ один желища блезки, другія далоки, такъ что нельзя учесть и время, потребное на ходьбу. Въ скотоводческихъ мъстностяхъ запада рабочій день... нъсколько длиниве... Въ Валисъ рабочій день длиннье, чъмъ въ Ацглін: $10^{1/2} - 11^{1/2}$ (номянальный, значить, $11\frac{1}{2}-13$ ч.) часовъ летомъ, а зимній отъ восхода до заката солнца» **)... Даже въ Соединенныхъ Штатахъ рабочій день въ сельскомъ хозяйствів продолжается оть 6 часовъ утра до 7 часовъ вечера ***). Значительно продолжительные рабочій день въ русскомъ сельскомъ хозяйствъ. Въ Херсонской губерній «рабочій день экономических» рабочих начинается съ ранняго утра, часто до восхода солнца, и продолжается до поздняго вечера... Какъ исключеніе, въ очень жаркіе дин въ нѣкоторыхъ экономіяхъ днемъ на нісколько часовъ работы прекращаются, пока не спадеть дневной жарь; время, потерянное днемь, наверстывается тогда ночными работами, часто при искусственномъ освъшенін (факслами)...» ****). Чрезмірно длинный въ сельскомъ козяйствъ рабочій день, особенно льтомъ, сопровождается весьма изнурительной работой. «Всй сельскія работы производятся подъ отврытымъ небомъ, въ жаркое время, следовательно, поль постоян нымъ вліяніемъ палящихъ лучей солица, д'яйствіе которыхъ, отра жаясь на изменени въ кровообращение мозга, часто вызываеть у рабочихъ мозговыя забольванія (insolatio), рызкія и столь частыя температурныя колебанія обусловливають такъ частыя въ средъ рабочихъ ревматическія заболіванія и пораженія дыхательныхъ органовъ. Помимо этихъ общихъ условій, при которыхъ сельскохозяйственный рабочій исполняеть свои обязанности, на его здоровью вредно отражаются некоторыя сельско-хозяйственныя работы, каковы работы при конныхъ и паровыхъ молотилкахъ, при которыхъ, помемо частыхъ травматическихъ поврежленій, отъ постояннаго пребыванія рабочихъ въ пыли, заболівають неизбіжно глава

^{*)} Die Verhältnisse der Landarbeiter in Deutschland, Leipzig, 1892.

^{**)} W. Hasbach, Die englische Landarbeiter, Leipzig, 1894, crp. 364 is 375.

^{***)} H. Semler. Die Wahre Bedeutung d. nord-amerikanischen Conkurrenz, 1881, crp. 109.

^{****)} H. Тезяковъ, стр. 92.

и часто дыхательные органы... На долю полурабочихъ женщинъ и мальчиковъ приходятся болье пыльныя, а следовательно и болье вредныя для здоровья работы. Самая трудная и опасная работа-«барабанщиковъ», т. е. твхъ, которые непосредственно кладутъ снопы въ барабанъ. Изъ барабана прямо въ глаза барабанщикамъ быть крупная растительная пыль, отделяющанися отъ измельчаечыхъ колосьевъ; такая же пыль, но уже более мелкая, поднимается сназу молотилки изъ подъ «соломотриса»; пыль эта даже при незначительномъ вътръ столбомъ поднимается надъ машиной и поврываеть всехъ работающихъ такимъ густымъ слоемъ, что трудно у нихъ разглядъть лицо и цевть платья: все это сливается въ одинъ сплошной сърый цветь. Работа подавальщиковъ происходить всегда въ этой пыли и подъ постояннымъ къ тому же вліяніемъ жары. Полавальщики и другіе рабочіе для защиты глазъ отъ пыли рѣдко прибъгають къ очкамъ, а послъднія скоро покрываются словмъ пыли, мъщающимъ что-либо видъть, и рабочіе по необходимости сбрасывають ихъ *).

Какъ же вознаграждается этотъ каторжный трудъ? Въ Германіи, гдь средній фабричный рабочій, не разбирая возраста и пола, вырабатываеть въ годъ 628 марокъ **), что, при 300 рабочихъ дняхъ въ году, составляеть поденную плату 2,1 марки, взрослый сельско-103 яйствонный рабочій, по данным работодателей, получаеть: аттомъ 1—2 марки, а зимой 0,8—1,5 марки. Въ округв Moers въ 1891 году отъ 1 апръля по 20 ноября работали рабочіе, вывезенные изъ русской Польши. За всв эти 8 почти мъсяцевъ средвій заработокъ взрослаго мужчины равнялся 275 маркамъ (фабричный рабочій за этоть срокь вырабатываеть минимумь 418 марокъ), а женщины—на 40 марокъ менье ***). Въ Россіи «средній ваработокъ заводско-фабричнаго рабочаго (не разбирая пола и возраста) равняется 187 руб. 60 коп. въ годъ, считая годъ въ 288 дней, а день въ 12 часовъ» ****). Въ сельскомъ козяйства самую высшую заработную плату даеть югь. И воть по норманъ Херсонской губернін місячный полных рабочій, имінощій работу въ теченіе цілаго года, могь вырабатывать въ относительно благопріятномъ 1894 году въ среднемъ 111,9 руб., а считая и харчи (20% оть заработной платы), около 134 руб.; годовой же полимий рабочій получаль съ харчами 87,3 руб., а считая и харчи-104,8 руб. *****). Но и эта заработная плата редко достается сельско-хозяйственному рабочему цільком і; штрафы, обсчеты и просто недоплаты такъ распространены въ сельскомъ хозяйствъ,

^{*)} H. Тезяковъ, стр. 92-93.

^{**)} H. Lux, стр. 40.

***) Die Verhältnisse d. Landarbeiter, B. II, S. 735 H B. III, стр. 807-819

^{*****)} Фабрично-заводская пром., стр. 465.
*****) Статистико-эконом. обзоръ Херсон. губ. за 1894 г., стр. 47.

какъ нигит въ обрабатывающей промышленности. Кн. Н. Шаховской, котораго ужъ никовиъ образомъ нельзя упрекнуть въ сгущенін красокъ, указываеть на следующіе «способы уменьшить плату рабочимъ»: «къ нимъ (къ этимъ способамъ) следуетъ отнести врупные штрафы и вычеты въ техъ саучаяхъ, когда они переотають быть мерой карательной или возмещающей убытки, причиненные рабочими экономическому добру, а становится злоупотребленіемъ со стороны ковяєвъ. Къ тому же далеко не единичными явленіями следуеть признать и обсчитываніе рабочаго при окончательномъ разсчетв» *). Бывають и болбе сельные «способы уменьшить плату рабочимъ». «Заведывавшій лечебно-продовольственнымъ пунктомъ въ Голте въ своемъ отчете сообщаеть, что на пункть являлось болье 10 партій, ушедшахь оъ работы, но не подучившихъ на платы, на паспортовъ; некоторыя изъ нихъ не получили даже котомокъ. Воб онб выставляли причиной ухода дурную пищу и систематическія прижимки и даже побон, направленныя къ тому, чтобы рабочихъ заставить уйти, а, следовательно, потерять право на заработную плату» **).

Харчеваніе рабочихь экономіей, за что дімаются извістные вычеты изъ заработной платы, является также заметнымъ средотвомъ сокращения заработной платы, такъ какъ харчи доставдяются въ скудныхъ количествахъ и не всегла доброкачественные. «Пища (калифорнійскаго сельско-хозийственнаго рабочаго) страшно однообразна, свиное мясо, картофель и былый хлыбъ съ кофе безъ молока-воть все, что имъ полагается ***). Но это петаніе было бы роскошью для русскаго сельско-хозяйственнаго рабочаго «На завтракъ дается хиббъ и жидкая горячая кашица. Объдъ состоить изъ хавба, горячаго борща и каши или галушекъ съ саломъ... На полденкъ въ лучшихъ экономіяхъ дается кулешъ наи галушки, въ другихъ только огурцы, иногда кусокъ сухой рыбы. Въ общемъ пища почти всегда состоить изъ растительныхъ продуктовъ и отличается крайнимъ однообразіемъ. Мясо, молоко, сыръ н другіе продукты животнаго происхожденія рабочіе получають только въ редкихъ случаяхъ и то какъ лакоиство-по праздникамъ». Но и это считается вдеаломъ, опредължемымъ договоромъ. Много ли хозяевъ соблюдаеть договоръ? «Мы вправь думать, что рабочій въ большенствъ случаевъ получаетъ питательныя начала въ меньшемъ количествъ, чъмъ это опредъляется пайкомъ ****).

Даже на жилищахъ работодатели стараются экономить. Въ Германіи «имъются еще тысячи рабочихъ жилищъ (въ экономіяхъ), въ коихъ здоровье обитателей подвергается серьезнайшей опасности,

^{*)} Кн. Н. Шаховской, Сельско-хоз. отхожіе промыслы, М., 1896, стр. 133.

^{**)} H. Тезяковъ, стр. 66.

^{***)} H. Semler, crp. 54.

^{***)} Н. Тезяковъ, стр. 92.

которыя не вибють и подобія сколько нибудь удобныхъ для жилья помъщений и въ которыхъ обитателямъ немыслимо соображаться оъ обыкновенными правилами нравственности» *). Для характеристивн жилищъ сельско-хозийственныхъ рабочихъ Германіи интересенъ упрекъ, посланный графомъ Gröben'омъ овоимъ собратьямъ, что они больше заботятся о хабвахь для свин й чёмъ о казармахъ для рабочихъ **) Въ Калифорніи, въ хозяйствахъ съ десятками тысять акровь пахатной земли, казармой для рабочихь служать «простые досчатые сараи, обназанные извествой... Въ такой палаткъ устранваеть себъ рабочій изъ соломы постель, если хозяннъ настолько гуманный человекъ, что предоставляетъ рабочему мъшокъ соломы... Во время уборки, когда требуется много рабочихъ, палатки не вивщають всёхъ и большая ихъ часть должна разм'вститься подъ открытымъ небомъ. Между твиъ ночи въ Калифорнін довольно холодныя» ***). Въ Херсонской губернін «літомъ все время рабочіе проводять въ степи..., гдв располагаются таборами прямо подъ открытымъ небомъ. Какихъ-лебо приспособленій для защеты рабочихъ отъ жары, дождя и холода въ степи при таборахъ владъльцами не устранвается. Рабочимъ въ ненастную погоду и поздней осенью самимъ предоставляется изыскивать способы для защиты себя отъ холода и дождя»... Еще хуже положеніе зимнихь рабочихь. Зимнія «пом'вщенія для рабочихь только въ меньшинствъ экономій болье или менье удовлетворительны, хотя отсутствіе почти во всёхъ осмотренныхъ помещеніяхъ какихъ либо приспособленій для вентиляціи, всегда болье или менье грязное ихъ содержаніе, чему способствують всюду земляные полы; отсутствіе, нередко, отдельныхъ помещеній для мужчинь и женщинъ и пр.,-все это заставляеть насъ высказаться ва то, что помъщеній вполив пригодныхъ для рабочихь въ экономіяхъ мало. Очень крупнымъ недостаткомъ многихъ казармъ, во многихъ отношеніяхь удовлетворительныхь, служить прасутствіе въ нихь варистыхъ печей. При варкъ пищи въ значительныхъ размърахъ образуется паръ, который, постоянно сгущаясь на болве холодныхъ ствихъ помвщеній, поддерживаеть въ последнихъ сырость. Есля при этомъ припомнить еще, что здесь же надъ нарами рабочіе развышивають свое грязное мокрое платье для просушки, то не трудно себв представить пропитанную разными міазмами атмосферу, въ которой на грязныхъ нарахъ, на грязной соломенной полотилкъ, прикрывансь также грязнымъ, а иногда и сырымъ вожухонъ, вплотную располагаются на ночлегъ рабочіе, измученные дневной работой, нередко мужчины и женщины рядомъ». Но и

***) H. Zemler, crp. 51-52 u 54.

^{*)} T. von GoItz, Die ländliche Arbeiterfrage, 1872, crp. 16.
**) Versamlung der berliner Konferenz ländlich. Arbeitergeber, 1872, crp. 68.

подобныя казармы считаются такою роскошью, которую не всякій козяннъ себё доволяеть. «При осмотрё хозяйствъ въ Еланецкомъ участке докторъ Пашковскій не видёль ни въ одной изъ 20 эконойій такихъ поміщеній, которыя были бы спеціально ностроены для рабочихъ или хотя сколько нибудь приспособлены для ихъ нуждъ. Рабочіе въ большинстве случаевъ ютятся въ квартирахъ годовыхъ рабочихъ. Нівкоторые изъ такихъ квартиръ, пока оне служатъ только для постоянныхъ своихъ обитателей, можно еще назвать сносными, терпиными, но когда по нимъ размістятся еще, кроміт того, сотни рабочихъ, то за тіснотой и неизбіжными последствіями ея и семейныя квартиры являются невозможными для жилья. Часть экономическихъ рабочихъ разміщается по кухнамъ, сараямъ и пр. Нівкоторые поміщаются на нарахъ, гді таковыя есть, остальные на полу и гді придется. Если случаются больные, то они лежать по большей части въ кухняхъ, вийсті съ здоровыми» *).

Таково положеніе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ: таковы тъ условія, при которыхъ въ сельскомъ хозяйстві вырабатывается прибавочная стоимость. Тёмъ не менёе со стороны работодателей жалобы на дороговизну труда одинаково раздаются и въ Россіи, и въ Англіи, и на континенте Европы, и въ Америке. И жалобы эти имъють основаніе: какъ бы трудь въ сельскомъ хозяйствъ ни быль дешевь, въ какой бы ужасной матеріальной обстановкъ сельско-хозийственный рабочій ни жиль, онъ относительно всегда будеть дорогь, -- будеть дорогь потому, что будеть оставлять невыгодную для работодателя прибавочную стоимость, что норма прибавочной стоимости въ сельскомъ хозяйствъ всегда будеть ниже, чъмъ въ обрабатывающей промышленности, такъ какъ техника въ сельскомъ козяйстве не даеть никакихь преимуществъ капитализму. Конечно, рабочіе совершенно неповинны въ этомъ обстоятельствъ, и вопіющая несправедивость, если они должны расплачиваться за него своею жизнью, въ прямомъ смысле слова. Но неповенны п работодатели. Вся вина лежить на тахъ историческихъ условінхъ, которыя создали капиталистическое сельское хозяйство. Поэтому такъ не целесообразны все филантропическіе проекты улучшенія положенія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, не затрагивающіе основъ сельско-хозяйственнаго капитализма. Если въ обрабатывающей промышленности улучшеніе положенія рабочихь должно только совратить норму прибавочной стоимости, то въ сельскомъ хозяйствъ оно должно низвести ее къ нулю. **) Освобождение сельскаго хо-

^{*)} Н. Тезяковъ, стр. 85-90.

^{**)} Справедивость этого доказывають данныя народно-хозяйственной переписи 1880 г. въ Соединенныхъ Штатахъ. Вса валовая доходность сельскаго хозяйства опредълена переписью въ 2960 мил. дол. и обрабатывающей пром.—въ 5114 мил. Сырье въ обрабат, пром. оценено въ 3234 мил. Для сельскаго хоз. точной стоимости сырья нетъ. Допустимъ.

зяйства отъ капиталистическихъ путь—вотъ единственное средство вывести сельско - хозяйственнаго рабочаго изъ его теперешняго положенія.

V.

Итакъ, норма прибавочной стоимости въ сельскомъ хозяйствъ несравненно ниже, чъмъ въ обрабатывающей промышленности. Это одно, конечно, еще не говорить о низкой нормъ прибыли. Послъдняя, какъ извъстно, зависить еще отъ органическаго строенія капитала и отъ отношенія времени производства къ рабочему времени.

Весьма распространено мивніе, что постоянный капиталь (въ него не входить стоямость земли или такъ называемый земельный капиталь, объ особенныхъ свойствахъ котораго мы будемъ говорить особо) играетъ въ сельскомъ хозяйствъ слабую роль и, слъдовательно, органическое строеніе капитала благопріятно для прибыли. Върно ли это мивніе или ніть, должно показать спеціальное и тщательное статистическое изслідованіе. Во всякомъ случат тъ данныя, которыя имбются по этому вопросу, не подтверждаютъ традеціоннаго мивнія. Мы говоримъ о матеріалахъ, собираемыхъ американскими хозяйственными переписами (цензами). Относительно сельскаго хозяйства переписи не даютъ оцінки сырья, употребляемаго въ производствт. Поэтому мы сопоставимъ только стоимость строеній и инвентаря въ сельскомъ хозяйства и въ обрабатывающей промышленности*).

что она равняется 10°/, валового дохода. Что это минимумъ, видно наъ того, что въ обраб. прои. сырье составляеть больше 63% валового дохода. Затыть въ погашение стоимости построекъ и инвентаря (въ обр. пром.—2657 мил. дол. и въ сельскомъ хоз. 4456 мил.) отчисливъ для обраб. пром. 5% этой стоимости или 138 милл. и для сельскаго хоз., гдъ нивентарь скорве портится, 7% или 812 мил. долл. Сбросивъ съ валовой доходности стоимость сырья и погашенія, мы получемъ, что «новонаросшая» ценность составная въ обработ. пром. 1747 мная. доля. н вь сельскомъ коз. 2852 милл. Въ обработ, пром. было занято 2,74 милл. человъвъ, въ сельскомъ коз.—7,54 милл. Слъд., въ первой важдый рабочій доставниъ новой ценности на сумму въ 638 долларовъ, во второмъ-въ 307 долг. въ годъ. Средняя годовая заработная плата въ обр. пром. составния 380 доли; допустнив, что въ сельскомъ коз. заработовъ на 20%. ниже, т. е. составиль 264 доля. Отсюда прибавочная стоимость въ обр. аром. 908 дол., а норма приб. стоимости—93,3°/₀, а въ сельскомъ хоз. 43 долл. и 16,3%. Но стоить въ сельскомъ коз. поднять зараб. плату до уровня хотя бы фабрично-ваводской, чтобы не осталось вовсе прибавочной стоимости, а наобороть, еще дефидить въ 23 долд.

^{*)} Данныя эти собраны переписью 1990 г. Въ «Extra Census Bulletin» стоимость сельско - хозяйственной земли и строеній показана одной цифрой. Мы ее расчленняя такимъ образомъ, что стоимость строеній приняли въ 25% общей стоимости земли и строеній. Въ виду дешевизиы

Oбj	рабатывающая промышленность.					
Стонмость	строеній 878,83 мил. дол.					
" машинъ и рабочихъ						
	инструментовъ . 1 84,16 "					
_	Всего 2462,99 мнл. дол.					
Рабочихъ :	ванято 4,25 мыл. чел.					
Капитала	на 1 рабочаго 579,53 доллара					
Сельское козяйство.						
Стонмость	строеній 3319.75 мил. дол.					
n .	машинъ 44.25 " "					
n	скота 2208,77					
	Всего 6022,77 мил. дол.					
Рабочихъ	занято 8.76 мил. чел.					

Итакъ, въ обрабатывающей промышленности на 1 рабочаго приходится капитала 579,53 доллара, а въ сельскомъ козяйствъ 687,53 доллара, т. е. на 18,6 процента больше.

Капитала на 1 рабочаго . . . 677,53 доллара.

Какъ ом ни были приблизительны и мало точны эти цефры, въ нихъ во всякомъ случат трудно найти под вержденіе для вывода, что строеніе капитала даеть сельскому хозяйству какія нибудь преимущества по отношению къ высотв прибыли. Что касается отношения времени производства въ рабочену времени, то здъсь условія сельскаго хозяйства абсолютно невыгодны. Нъ умфренномъ климать время, пригодное для произрастанія растеній, не превышаеть 200 дней. Но рабочее время не продолжается и во всё эти 200 дней Врядъ ли будеть преувеличениемь если мы рабочее время определямь въ 100 дней. Въ обрабатывающей промышленности работа возможна въ теченіе всего года, т. е. 365 дней. Кром'в того какъ бы ни быль продолжетелень рабочій день въ сельск мъ хозяйстві, онъ никогда не охватываеть цвамхъ сутокъ, такъ какъ ночная работа въ сельскомъ хозяйствъ невозможна. Все это приводитъ къ тому что рабочее время, maximum котораго въ обрабатывающей промышленности можеть простираться до 24 ×365=8760 часовъ (поотавляеть ли одинъ рабочій всв эти часы или нісколько, по системъ сивнъ, это безразлично), не превышаеть въ сельскомъ хозяйствъ, даже и при максимальномъ рабочемъ дяъ, 15×100=1500 часовъ. Но капиталъ лежитъ въ предпріятія сельско-хозяйственномъ, какъ и фабрично-заводскомъ, 8760 часовъ. Следовательно,

земли въ Штатахъ наша оценка строеній должна быт чорве ниже, чень выше действительной. Цифра сельско-хоз населет зята у г. Николая—она. Но она, очевидно, выше действительной, такъ действительно принимаетъ число фермеровъ въ 5 милл., м жду темъ действительно фермеровъ 4. 564,641 чел. Такъ какъ эти ошибки только смягчаютъ наше заключевіе, а не усиливаютъ его, то оне еще больше подчеркиваютъ ошибочность господствующаго взглада на строеніе сельско-хозийственнаго капитала.

сельско хозяйственный капиталь, благодаря несоотвітствію времени производства съ рабочимь временемь, можеть въ теченіе операціоннаго періода приводить въ движеніе въ 5,84 раза менье труда, чімь фабрично-заводскій капиталь, а отсюда—производить и меньше, въ соотвітствующей степени, прибавочной стоимости, даже въ томъ случай, если норма прибавочной стоимости не ниже.

Итакъ, сельское хозяйство, съ одной стороны, характеризуется низкой нормой прибавочной стоимости, а съ другой стороны — безусловно неблагопріятнымъ отношеніемъ времени производства кърабочему времени и такимъ строемъ капитала, который едва ли можно считать особенно выгоднымъ для разсчета нормы прибыли. Все это приводить къ низкой норм'я прибыли. Одн'я эти особенности сельскаго хозяйства, не выходящія изъ сферы производства, дільють эту отрасль промышленности неудобной ареной для кацитализма. Но положеніе капитализма здёсь еще бол'я ухудшается, благодаря особенному характеру распред'яленія сельско-хозяйственной прибавочной стоимости, который логически вытекаеть изъ роли въ сельскомъ хозяйстве, такъ называемаго, земельнаго капитала.

VI.

Съ точки зрвнія производства капиталь не то же самое, что съ точки вренія капиталиста. Для капиталиста капиталь — все то, что даеть ему возможность овладывать прибавочной стоимостью; происхожденіе, сущность и функціи капитала для него безразличны. Иначе съ точки зрёнія производства. Такъ какъ задача производства-создавать мановыя цанности, въ которыя капиталь, вось ние частью, входить элементомъ, то, очевидно, онъ самъ долженъ быть меновой ценностью, долженъ быть продуктомъ того, что совдаеть меновыя пенности-продуктомъ труда. Съ другой стороны, такъ какъ капиталъ обязательно входить элементомъ въ новопроизводимыя ценности, то онъ въ производстве долженъ тереть овою первоначальную физіономію, его цінность должна растворяться въ мроизводствъ и частично переходить на новопроизводимые товары. Въчный капиталь также немыслимъ, какъ и въчный рабочій. Имъеть ли всъ эти свойства земля? Составляеть ли она продукть труда и тернеть ин она въ производстве свою первоначальную физіономію? Какъ изв'єстно, старая экономія давала на этоть вопросъ утвердительный ответь. «Поземельные участки, говорить Молинари, точно также какъ и зданія, плуги, рабочій скоть и другіе предметы матеріальнаго состава производства, отнюдь не даромъ достались своимъ владальцамъ. Каждая частица земли, употребляемая для производства, можеть быть разсматриваема какъ машина, которой элементы, какъ и элементы всехъ другихъ машинъ и самого человека, доставлены природой, -- но окончательное образованіе которой и приспособленіе къ производству принадлежить д'ятельности челов'яка... Приданіе земл'я свойства произведенія происходить посредствомъ: во первыхь, открытія, во вторыхъ, замятія и, въ третьихъ, разработки. Открытіе есть первое д'якствіе, необходимое для производства орудія-земли. Въ XV и XVI столітіяхъ эта операція составляла предметь особаго промысла... Разъ земля открыта, ее необходимо занять, т. е. снабдить средствами защиты, проложить пути сообщенія и пр. Открывъ и занявъземли, правительство уступало ихъ на разныхъ условіяхъ... различнымъ лицамъ... Піонеры цивилизаціи проникають въ пустыни, гді выбирають себі участки земли, которые покупають на первомъ аукціоні, уплачивая такимъ образомъ издержки открытія и занятія... Новый владілець очищаеть почву, осущаеть и огораживаеть ее» и процессъ образованія земли-произведенія, земли-орудія оконченъ.

Для поясненія приведенной аргументаціи возьмемъ обывновенный примерь. Фабриканть обращается въ вомиссіонеру за пріобрітеніемъ машины. Оплативъ трудъ комиссіонера, онъ тамъ самымъ оплачиваеть трудь отпрытия машины. Затыть онь занимаеть машину — перевозить ее въ себъ, ставить ее такъ, чтобы ея не стащим, завъшиваеть ее брезентами, чтобы она не испортилась н т. д. Наконецъ онъ разрабатываетъ машину — собираеть ее, устанавливаеть, соединяеть ее съ двигателемъ и т. д. Когда все готово, является прежній собственникъ машины и уб'ядившись, что фабриканть ею доволень, требуеть за нее денегь. Будь на мъсть фабриканта Молинари, онъ быль бы, конечно, озадаченъ; ущиативъ изъ соботвеннаго кармана расходы по открытію, занятію и разработив машины, онъ считаль бы ее уже своей собственностью: вакъ же объяснить претензів прежняго владільца машины? На это прежній владівного отвітняю бы Молинари такъ: «Для того, чтобы ты могь открыть, занять и разработать машину, я должень быль ее создать. Правда, я не создаль техъ элементовъ, которые лежать въ основании машины, я не создалъ вещества, но я целесообразно видоизмениль это вещество, придаль ему полезную для тебя форму; это я называю совиданіемъ машины, это отняло у меня месацъ труда и, если ты желаешь оставить машину у себя, верии мизэтоть ивсяць труда или эквиваленть его стоимости». Будеть ли правъ прежній владелець машины? Безусловно да, такъ какъ Молинари совсемъ упустиль изъ виду, что для того, чтобы можно было открыть капиталь, онъ должень существовать до открытія, т. е. до момента, съ котораго, по мевнію Молинари, начинается его существованіе въ качестве капитала; а для того, чтобы онъ существоваль, его нужно сдёлать. Этого-то послёдняго момента по отношению къ земив не можеть быть, почему ее и нельзя разсматрявать какъ обыкновенный капиталь.

Итакъ, земля не имъетъ главнаго свойства капитала: она-н

продукть труда. Не будучи продуктомъ труда, она не можеть быть и міновой стоимостью, а потому и капиталомъ. Раставраторы старой экономін это прекрасно понимають, но, рабы факта, который они принимають безь всякаго анализа и проверки, они всетаки могуть поставить вемлю на свойственное ей место. И воть на сцену выступаеть понятіе о вемять, какть о контюнктирном в вапиталь (Леруа Болье и др.) Конъюнктурный капиталь, это, такъ сказать, условный капиталь, капиталь для даннаго времени. Что такіе «вашеталы» возможны, доказываеть вся действительность. Но можно ин такіе капиталы вводить въ сферу народно-хозяйственныхъ повятій? Красота современной женщины, безъ сомивнія, ея капитакъ. Правда, красота не котируется на товарной бирже, но онавесьма ходкій товарь на житейской биржі. Эластичная совість, «патріотизмъ» извъстнаго сорта-это также не плохой капиталь. Но войдуть ин всё эти «виды» капитала въ кругь народно-хозяйственныхъ понятій? Очевидно нётъ, такъ какъ всё эти капиталы доходная статья отдёльных лиць, но не общества въ цёломъ.

Нёть сомейнія, и въ экономін возможны конъюнктурные капиталы. Это такіе капиталы, которые, не будучи продуктомъ труда, все таки растворяются въ производстве, теряють свою первоначальную форму и начинають существовать въ качестве элемента новопроизведенныхъ товаровъ. Случайно открытая золотая руда, которая не отняла на открытіе и пяти минуть труда, можеть быть названа конъюнктурнымъ капиталомъ, но не потому, что она составляеть чью нибудь собственность, а потому, что разработка этой руды сопровождается ея истощеніемъ. Можеть ли этоть случай быть приложень въ землё? Воть что объ этомъ говорить агрономъ, человакъ всего ближе стоящій къ землё, а потому и хорошо знакомый съ ея свойствами: «Земля неистощима... Производительныя силы земли можно уменьшить хищнической эксплоатаціей (раціональная эксплоатація ихъ еще увеличиваеть), но нельзя ихъ исчерпать окончательно» *).

Вопросъ о томъ, капиталъ ли земля, весьма важенъ. Если земля капиталъ, то она самостоятельно управляетъ трудомъ, способствуетъ его эксплоатаціи и, слёдовательно, служитъ самостоятельнымъ факторомъ производства прибавочной стоимости, а потому и капитальстической прибыли. Если же земля—не капиталъ, то доходъ землевладёльца можетъ имътъ двоякое происхожденіе: или капиталистъ уступаетъ ему часть присвоенной имъ прибавочной стоимости, или же, тамъ, гдъ земля принимаетъ участіе въ производствъ, имъется источникъ прибыли и помимо прибавочной стоимости. Рикардо, какъ извъстно, придерживается второго взгляда.

Теорія ренты Рикардо—это образецъ силы его діалектики. Ея несостоятельность объясняется лишь ошибочностью тёхъ двухъ

^{*)} T. Goltz. Handbuch d. Landw. Betriebslehre, 1886, crp. 17.

исходныхъ пунктовъ, на которыхъ основана вся блестящая постройка. Рента (т. е. доходъ землевладъльца), по мивнію Рикардо, есть разница въ производительности земель разнаго качества. Чтобы эта разница имълась, необходимо, чтобы рядомъ съ лучшей землей эксплоатировалась и худшая, -- эксплоатировалась, не смотря на то, что она ренты не даеть; невче для производительности лучшихъ земель не будеть предмета для сравненія. Изъ этого затрудненія Рикардо вышель при помощи исторической ощибки; для него факть частной собственности на землю не предшествуеть ренть. а слыдуеть за нею, — точка зрвнія безусловно ошибочная. И стоить устранить эту ошибку, чтобы нанести теоріи непоправимый ударь. И дъйствительно, если частная собственность на землю предшествуеть рентв, то могуть ин обрабатываться такіе участки земин, которые фенты не дають? «То обстоятельство, что его (арендатора) капиталь можеть при этомъ (при обработки худшаго участва) подучить обычную прибыль, если онь не будеть платить ренты, для землевладъльца ръшительно не представляется основаніемъ, чтобы онъ его ссудиль вемлею даромъ, и быль бы настолько филантропиченъ, что отврыль бы для него crédit gratuit. Такое предположеніе подразуміваеть непринятіе въ соображеніе землевладінія, уничтоженіе земельной собственности» *). Следовательно, возможно одно изъ двухъ, или что и худшая земля платить ренту и въ такомъ случав рента уже не будеть только разницей въ производительности земель разнаго качества, или что худшая земля не обрабатывается. То и другое противорвчить теорія Рикардо.

Другой исходный пункть теоріи ренты Рикардо-это цінность продуктовъ земли. «Ценность хлеба, говорить онъ, опредвляется колечествомъ труда, употребленнаго на его производство на участкахъ такого качества, которые не платить ренты (**), т. е. на худшихъ участвахъ. Это опредвление не противорвчить его опредъленію цінности вообще. Но теорія пінности Рикарло-это только первоначальный остовъ научной теоріи довершенной К. Марксомъ. который внесъ въ трудовую теорію цінности принципь общественной необходимости; ценность, по Марксу, определяется не темъ рабочимъ временемъ, которое лично необходимо данному единичному производителю для производства даннаго комичества товара, или отдельных товаровь, но определяется общественно-необходимынь рабочинь временемь, - рабочинь временемь, требующимся при данныхъ среднихъ общественныхъ условінхъ. Трудъ на худшей земий-это не трудъ при среднихъ условіяхъ; средними общественными условіями земледваьческаго труда необходимо считать обработку земли средняго качества и, следовательно, только этогь трупь и должень определять ценность земледельческихь продуктовъ. 🛦

^{*)} K. Mapket, III, 618.

^{**)} Д. Рикардо. Собраніе сочиненій, пер. Н. Зибера, стр. 34.

въ такомъ случай средняго качества участки не должны давать ренты; ее должны давать только участки съ землей качества выше средняго. Это значить, что рента можеть быть только исключительнымъ явленіемъ, такъ какъ участки съ плодородіемъ выше средняго составляють, конечно, относительную радкость.

Ученіе о ренті поставлено на новую почву Марксомъ; однако, въ нъкоторыхъ частяхъ своихъ построеній и Марксъ повторяєть ошибочные выводы Рикардо. Ошибочность первой исходной точки рикардовской теоріи ренты,—что рента предшествуеть частной соб-отвенности на землю,—Марксъ поняль вполив ясно и устраниль ее введеніемъ новой категорін ренты—абсомотной ренты, которую уплачивають арендаторы всёхъ безъ исключенія земель. Но затёмъ Марксъ обращается опять къ Рикардо, такъ какъ его «дифференціальная рента» въ общихъ чертахъ ничто иное, какъ рента Рикардо: «дифференціальная рента, говорить Маркоъ, возникаеть изъ различія... въ природномъ плодородіи родовъ земли... слёдовательно, нять ограничения размъра дучшихъ земель и изъ того обстоятельства, что вапеталы должны быть затрачены одинаковые на неодинаковые роды земель, которыя, следовательно, на одинаковый капиталь давоть неодинаковый продукть» *). Въ общемъ, конечно, это върно: если земли бывають разнаго качества, то землевладелець лучшей земли всегда будеть требовать отъ арендатора надбавки къ абоодютной ренть, т. е. будеть требовать еще дифференціальной ренты. Но лишены ли дифференціальной ренты только худшія земли, или также и среднія? Если дифференціальная рента есть только преимущество мучших земель предъ худшими и средними, то она должна быть разсматриваема какъ такое же исключительное явленіе, вакъ Surplusprofit—тотъ излишекъ надъ прибылью, который дають предпріятія, поставленныя случайно въ лучшія условія, чёмъ другія подобныя имъ предпріятія. Но эта роль дифференціальной ренты кажется Марксу недостаточной, и, распространяя дифференціальную ренту и на среднія земли, онъ повторнеть ошибку Рикардо, не смотря на то, что, опредъляя цънность земледъльческихъ продуктовъ трудомъ по обработкъ худшихъ земель, онъ становится въ противоръчіе со своей собственной теоріей цънности, справединво считающейся гордостью всей новъйщей экономіи. Эта поправка, которую Марксъ произвольно вносить въ свою теорію цънности, лишь бы оправдать дифференціальную ренту для всьхъ земель, кром' худшихъ, темъ более не понятна, что въ одномъ. мъсть онъ прямо отождествляеть дифференціальную ренту съ до-бавочной прибылью (surplusprofit); а въ такомъ случав не было никакей надобности искать для дифференціальной ренты источника, отанчнаго отъ того, который доставляеть добавочную прибыль-«Лифференціальная рента, говорить онъ, обладаеть той особенно.

^{*)} B. Mapret, III, 543.

стью, что землевладение при этомъ лишь перехватываеть добавочную прибыль, которая иначе попала бы въ карманъ арендатора... Земельная собственность есть при этомъ только причина передачи части товарной цены, возросшей безъ ея содействия, и которая сводится къ добавочной прибыли—передаче этой части цены однимъ лицомъ другому, капиталистомъ землевладельцу» *).

Гораздо болье важное значеніе, чымь ученіе о дифференціальной ренть въ построеніяхъ Маркса свідуеть приписать его теорію абсолютной ренты. Здёсь лежить центральный пункть всего вопроса: абсолютная рента занимаеть то же мёсто по отношенію къ дифференијальной рентв, которое прибыль занимаеть по отношению въ добавочной прибыли. Такъ какъ ренту, въ техъ или иныхъ размерахъ, смотря по качеству земли, платять одинаково арендаторы вовхъ земель, то, очевидно, разница въ плодородіи земель не можеть быть источникомъ ренты, следовательно, земля не предоставляеть землевладыльну спеціальнаго источника дохода. Это значить, что землевладелець должень получать свой доходь (ренту) изъ того же источника, что и капиталисть — изъ прибавочной стоимости. Другими словами, тамъ, где землевлавладелецъ имеется на лицо, онъ является претендентомъ на участие въ прибавочной стоимости. Можеть ин терпеть претензін землевладельца капиталисть? Безь сомнънія только до тъхъ поръ, пока это для него неубыточно, т. е. пока участіе вемлевладальца въ прибавочной стоимести не машаеть капиталисту держать прибыль на свой капиталь на средней для даннаго мъста и времени нормъ. Разъ это условіе теряется, у капиталиста нътъ мотива держать свой капиталь въ невыгодномъ предпріятіи и онъ его переносить въ болье выгодное.

Итакъ, земля не капиталъ, а потому въ производствъ прибавочной стоимости она не участвуеть, т. е. на свою долю она прибавочной стоимости не производить; кром' того, она не открываеть ниваких новых источниковъ дохода, которые могли бы идти, въ качествъ ренты, землевладъльцу,--и если тъмъ не менъе наличность частной земельной собственности делаеть существование ренты необходимымъ-иначе земля не можетъ обрабатываться,-то источникомъ ренты является одна прибавочная стоимость, производимая капиталомъ. Изъ этого логически вытекаеть, что въ тахъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ земля играетъ особенно большую роль, норма прибыли должна быть выше, чемъ въ другихъ отрасляхъ: она должна удовлетворять и капиталиста, который требуеть средней прибыли на капиталъ, и землевладъльца, который, затративъ на землю такія же деньги, какія капиталисть потратиль на инструменты и проч., требуеть для себя и такого же, какъ у капиталиста, дохода.

Въ сельскомъ хозяйствъ земля играетъ особенно выдающуюся

^{*)} К. Марксъ, III, 622.

роль, между тыть какъ «промышленный трудь въ своемъ производствъ въ землъ не нуждается вовсе, или нуждается въ ней только какъ въ мъстоположения... Но потребность въ мъстоположения имботоя у человака для палей его личной жизни, почему она едва ин можеть быть разсматриваема какъ потребность, вызываемая промышленнымь трудомъ» *). Относительное значение земли въ сельскомъ хозяйствъ и обрабатывающей промышленности выражается, приблизительно, въ следующихъ данныхъ. Перепись 1890 года въ Соединенныхъ Штатахъ опредъима стоимость земель, лежащихъ подъ фабриками и заводами въ 776 мил. долг., а стоимость всёхъ видовъ капитала фабрично-заводской промышленности въ 8.032 миля. доля. Въ сельскомъ хозяйствъ агрономъ Goltz считаеть необходимымь, чтобы вапиталь составляль: при интенсивной культурь 35 процентовъ стоимости земли, при средней культурь 28 проц. и при экстенсивной культурь 21 проц. **). Такимъ образомъ, въ то время какъ въ обрабатывающей промышленности стоимость земли болье чымь въ 10 разъ ниже стоимости капитала, въ сельскомъ хозяйствъ она въ 3-5 разъ емше. Это значить, что есян въ обрабатывающей промышленности землевладълецъ можеть требовать для себя одиннадцатую долю прибавочной стоимости, то въ сельскомъ хозяйствъ-отъ 3/4 до 5/6. Следующій примеръ показываеть, какъ осложняется дело всявдствіе этой разницы. Кашеталисть А, предположимъ, вложилъ въ фабрику капиталъ въ 1000 руб. капиталисть Б. такой же капиталь вложиль вь землелельческое предпріятіе. Оба капиталиста получають одинаковую сумну прибавочной стоимости—100 руб. Изъ этой прибавочной стоимости оба должны вознаградить землевладельца — фабриканть отдаеть ему одиннадцатую долю прибавочной стоимости, землевладелець 3/4—1/2 нии въ среднемъ 19/₂₄ прибавочной стоимости. Следовательно, прибыль фабриканта составить 91 рубль, что, относительно всего капитала, составить норму прибыли въ 9,1%; прибыль землевладельца ограничится 20% руб., что составить норму прибыли въ 2,2%. Эта глубовая разница обязательна при той роди, какую играеть земля (въ качествъ фиктивнаго капитала) въ сельскомъ хозяйствъ.

Но при сильной подвижности капитала, которая характеризуетъ настоящее время, всякій капиталь стремится къ средней норм'я прибыли. Какъ эта ціль достигается въ сельскомъ хозяйств'я и достигается ли она вообще? Откуда въ сельскомъ хозяйств'я берется тоть избытокъ надъ прибылью, который капиталисть, безъ ущерба для себя, можеть уділять землевладільцу? «Трудность, говорить справедливо Марксъ, заключается не въ томъ, чтобы объяснить

^{*)} Carl Dietzel. Die Volkswirthchaft u. ihre Verhältniss zur Gesellschaft u. Staat., 1864. crp. 291.

^{**)} G. Schönberg. Handbuch d. politisch. Oeconomie, изд. первое, стр. 606.

вообще возникновеніе прибавочнаго продукта, произведеннаго земдодальческимъ капиталомъ, и соответствующей ому прибавочной отонности. Этоть вопросъ, собственно говоря, разрвиенъ при анадез прибавочной стоимости, которую производить всякій произвопительный капиталь, въ какой бы отрасли онь помещень ни быль-Трудность заключается вы томъ, чтобы доказать, откуда возникаеть избыточная часть прибавочной стоимости на капитамь, помещенный въ женев, которую капиталисть платить землевиадельну въ виде земельной ревты, откуда возникаеть такой избытокь, оставиційся пость равномърваго распредъления прибавочной стоимости между ракличными капиталами въ виде средней прибыли, соответственно ихъ относительнымъ величинамъ, после распределения всей прибавочной стонмости, произведенной общественнымы капиталомы во вобуь отрасыяхь производства виботе взатыхь, откуда после такого. повилимому, уже совершившагося распределения всей прибавочной стоимости, которая вообще подлежама распределению, является еще вакая-то избыточная часть прибавочной стоимости, платимая въ видъ ренты землевладъльцу» *)? Разръшеніе вопроса Марксъ находить въ предположении, что строение вапитала въ земледели ниже средняго общественнаго капитала, т. е. что перемънная часть капитала въ земледелін относительно больше. «Для формы ренты. говорять онь, которую им изучаемь въ настоящее время (т. е. для абсолютной ренты), достаточно сділать такое предположеніе. Тамъ, гдв оно сдвлано быть не можеть, ясчезаеть также и соотвътствующая ому форма ренты» **). Мы выше видъи, что весь вопросъ о рентв долженъ быть сведенъ именно въ абсолютной ренть. И воть, чтобы найти эту ренту, Марксъ считаеть необходимымъ (и единственно возможнымъ) предположить назвое строеніе земледельноского капитала, --факть, который, по его же соботвенному мивнію, можно доказать только статнотическимъ путемъ ***). Не значить ин это оставить вопросъ объ источника ренты отврытымъ? Для насъ затрудненіе еще темъ сильнее, что, какъ мы показали въ своемъ мъсть, тъ фактическія данныя, которыя имаются по этому предмету (правда отрывочныя и неполныя), не говорять о низкомъ строенін земледвивческого капитала, а если бы оно даже нивлось на лицо, то оно было бы парализовано действіемъ неблагопріятнаго отношенія между временемъ производства и рабочимъ временемъ и низкой нормой прибавочной стоимости.

Марксъ относится отрицательно въ монопольной цвив, какъ ноточнику ренты. «Насколько земледвльческая рента, говорить онъ, представляеть простую монопольную цвиу, рента эта можеть быть только незначительной» ****). Этого положенія онъ не доказываеть. Но въ

^{*)} Капиталь, III стр. 645. **) Тамъ же, стр. 626—627.

^{***)} Тамъ же, стр. 626.

^{*****)} Тамъ же, стр. 636.

другомъ мёстё, говоря о разницё между цённостью и рыночной цёной, онъ ее принимаеть регуляторомъ нормы прибыли въ промышленностяхъ съ разнымъ строемъ капитала, разной нормой прибавочной стоимости и разнымъ отношеніемъ времени производства и рабочаго времени, — регуляторомъ, исходящимъ изъ конкурренціи капиталовъ между собою *). Если промышленность находится въ невыгодныхъ условіяхъ, то рыночная ціна ея продуктовъ поднимается до уровня ихъ цвиности, не смотря на то, что продукты другихъ отраслей промышленности продаются ниже ихъ цвиности. Но разъ можно допустить это исключеніе для невыгодной промышленности, то почему нельзи идти далье и допустить, что если промышленность до того невыгодна, что даже реализація ся продук-товъ по ихъ цённости не дасть средней нормы прибыли, то рыночная цвна продуктовъ поднимается сыше цвности, т. с. достигаетъ монопольной ціны? Суди по тімъ невыгоднымъ условіямъ, въ которыхъ находится земледільческое производство,—низкая норма прибавочной стоимости и сильный перевісь времени производства надъ рабочимъ временемъ,—и тому исключительному характеру, который импеть распреділеніе земледільческой прибавочной стоимости, по причинъ громаднаго значенія здёсь земли и поэтому ренты,—судя по всему этому, нужно думать, что тамь, гдё капи-тальстическое земледёліе существуеть и гдё, слёдовательно, капи-таль должень имёть извёстную среднюю норму прибыли, а земле-владёлець—извёстную ренту, монопольная цёна обязательна. Поэтому-то въ то время, когда всемірная торговля еще не успъла наложить свою руку на сельское хозяйство, капитализмъ въ этой промышленности себя прекрасно чувствоваль въ техъ странахъ гдѣ преобладало крупное землевладѣніе и гдѣ, слѣдовательно, мельсе хозяйство, не считающееся со средней нормой прибыли и съ наличностью ренты, не являлось болье или менъе серьезнымъ препатствіємъ въ поднатію цёны до уровня монопольныхъ цёнъ. При-шеромъ такой страны можетъ служить Англія, гдё капиталисти-ческое сельское хозяйство процвётало до конца 60-хъ годовъ. Иначе было въ странахъ съ преобладаніемъ мелкаго землевладінія. Тамъ тотъ процессъ, который обострился начиная съ 70-хъ годовъ, въ менке різкой формъ дійствоваль во все время существованія капиталнотическаго сельскаго хозяйства, т. е. мелкое хозяйство не только прекрасно функціонировало рядомъ съ капиталистическимъ, но временами даже вытёсняло его. Въ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи, по разсчету Конрада **), отъ 1858 по 1878 годъ врестьянскія владінія оть 1,25 гектара до 75 гект. увеличились на 7%, нежду тімь какъ владінія болье 50 гектаровъ сократилась на 8%. Въ Бельгіи въ 1846 году хозяйствъ съ участками свыше 20 гек-

^{*)} Тамъ же, стр. 147,

Землевлядение и сельское хозяйство, изд. Водовозовихъ, стр. 98.

таровъ было 3,4% всехъ хозяйствъ, въ 1866 г. ихъ осталось уже 2,7%. а въ 1880 году всего 1,7% *). Въ боле резкой форме тотъ же факть выражается во Франціи. Monny de Mornay въ своемь докладъ министру земледёлія о результатахъ анкеты 1870 года укавываеть на то, что «большія иманія, за радкими исключеніями, раздробились; имънія въ 100 гектаровь въ каждомъ департаменть на перечеть... Число имъній средней величины сокращается все болъе и болье... Что крупное землевладение потеряло и что среднее теряеть изо дня въ день, все это достается мелкому землевладению... Мелкое замлевладвије владветь большей частью сельско-хозниствонной площади и его размёры безпрерывно увеличиваются» **). Особенно поучительна исторія русскаго сельскаго хозяйства въ пореформенное время. Уже съ первыхъ дней освобожденія крестьянъ и русскаго денежнаго хозяйства, помъщичье хозяйство начинаеть жаловаться на плохія дёла, и судя по тому, какъ земля все болье таетъ (прямо-чревъ продажу, и косвенно-чрезъ сдачу въ аренду) въ рукахъ крупныхъ владъльцевъ, нельзя не сознаться, что эти жалобы имели основаніе. Въ Московскомъ убяде за десятильтіе 1865—1875 г. площадь дворянскаго землевладьнія сократилась на 24,75 процента, купеческое землевладение увеличилось въ 2,85 раза, мъщанское въ 2 раза; крестьянское же увеличилось въ шесть разъ ***). Во всей Московской губернін въ медкомъ ховяйстви (до 50 десятинь) было въ 1865 году 24,901 десятинь, а въ 1876-77 г.-27,601; за 11-12 леть произощие увеличение на 11 почти процентовъ. Наоборотъ, среднее хозяйство (50-200 дес.) потеряло 13,493 десятинъ или 9,6 проц. собственности и крупное— 84,075 десятинъ или около 9 процентовъ ****). Признакомъ сравнительной устойчивости хозяйства служить также періодъ полной мобилизацін земельной собственности. Во вторую половину 60-хъ годовъ въ Тамбовской губ. этотъ періодъ стояль на минимум'в у дворянъ, у которыхъ онъ равнялся 32 годамъ; у купцовъ онъ составдяль 56 леть: максимальный же періодь мобилизацін-59 леть, дали крестьяне. Также интересны данныя объ участи въ пріобрътеніяхъ разныхъ категорій владіній. Максимумъ-28,4-33 процента даже участки до 50 десятинъ (мельое хозяйство); среднее хозяйство дало 12-20,7 процента, а крупное (свыше 500 дес.) дало всего 2,6-8,3 процента *****). Въ Путивльскомъ увадъ Курской губернін «дворяне пріобратають земли насколько менае, нежели от-

^{*)} Tome, crp. 97.

^{**)} General-Bericht über die französische Ackerbau—Enquête, erstattet an den Minister für Ackerbau von I. Le Monny de Mornay. Deutsch bearbeitet v. dr. Bauer, 1871. Crp. 9-10.

^{***)} Сборнивъ статист. сведений по Московской губ., т. I, стр. 6—7.

^{*****)} Тамъ же, т. V, вып. I, приложенія.

*****) Н. Романовъ. Движеніе земельной собственности Тамбовской губ., стр. 98-99 и 101.

чуждають, купцы пріобрётають въ 31/, раза болёе, чёмъ отчуждають, ивщане-въ 3 раза, а крестыне въ семнадиать разъ (данныя касаются 1879—1884 гг.) *). Въ Воронежскомъ увадв за десятильто 1873—1883 гг. дворяне продали земли болье, чъмъ купили, на 32,1%, купцы купили болье на 63,8%, а крестьяне на 94,6% **). Въ Екатеринославской губерніи за 20 леть отъ 1866 по 1887 г. произошли въ характере землевладенія такія перемёны: въ Екатеринославскомъ убеде изъ потерянной дворянами земин пріобран: мащане 3 тысячи, купцы 15 тысячь и крестьяне и нъмпы-колонисты 73 тысячи десятинъ; въ Верхнеднъпровскомъ увадь инщане пріобрели 12 тыс. десятинь, купцы 39 тысячь и крестьяне и немим 93 тысячи; въ Павлоградскомъ уезде врестьяне и нъмцы пріобрели 83 тыс. дес., а купцы и мъщане вместь 26 тыс.; въ Бахмутскомъ увядь перван группа пріобрыва 61 тыс. десятинъ, купцы 42 тыс. и мъщане 3 тыс.; въ Александровскомъ увадь вся отчужденная дворянами земля почти перешла къ креотъянамъ и нъмцамъ-колонистамъ ***). Въ Херсонской губ. отъ конца 60-хъ до конца 80-хъ увеличили свое землевладение на счетъ дворянскаго: купцы и евреи на 268 тыс. десятинъ, нъмцы и иностранно-подланные на 349,8 тысячь, а крестьяне и мащане на 379,5 тыс. десят. ****).

Но врестьянскія земельныя пріобрітенія не могуть быть достаточнымъ показателемъ вытесненія крупнаго хозяйства мелкимъ. Для того, чтобы врестьянинь могь пріобрёсть землю, мало того, чтобы его хозяйство было выгодно; оно должно его обогащать, о чемъ при нашемъ малоземелін, при скудости витвемледальческихъ промысловъ, при обременительности податного обложения и т. д., повятно не можеть быть рачи. Всладствіе этого гораздо болае важное значение имъеть у насъ другой видь вытёснения капиталистическаго земледелія—посредствомъ перехода владёльческой земли въ руки крестьянъ на правахъ аренды. Этому вопросу посвятила много вниманія основная земская статистика. Такъ какъ статистическія изследованія производились главнымъ образомъ до средины 80-хъ годовъ (изъ всёхъ опубликованныхъ до 1890 подворныхъ переписей, охватившихъ 150 увздовъ, изследования производились по 1885 г., т. е. годъ, когда стали у насъ говорить о сельско-хозяйственномъ кризись въ 110 убздахъ) *****), то, очевидно, полученные результаты должны карактеризовать, такъ сказать, нормальное

^{*)} Сборн. стат. свёд. по Курской губ. Путивльскій у., стр. 467.

^{**)} Сб. ст. свёд. по Воронежской губ., т. І, отд. І, стр. 208.

***) Н. Турба Движеніе земельной собственности въ Екатеринославской губ. «Новор. валендарь», 1892 г., отд. ІV, стр. 37—38.

^{****)} Н. Борисовъ Движеніе частной земельн. собствен. въ Херсонгуб. «Нов. кал.», 1898, IV, 88.

^{*****)} Итоги экономич. изследованія Россін, т. І. А. Фортунатовъ. Общій обзоръ земской статистики крестьянскаго хозяйства, стр. VIII.

положеніе вещей,—положеніе вещей, на которое кризись еще не усп'яль повліять.

Сдача въ аренду крестьянской надальной земли, котя и случается, но какъ радкое явленіе, вызываемое такими ничего общаго съ сущностью мелкаго хозяйства не имающими причинами, какъ крайнее малоземелье, при которомъ козяйство на собственномъ участка немыслимо, какъ сильная задолженность, которая нерадко заставляеть крестьянина на тоть или иной срокъ сдать свой надаль кулаку, какъ случайныя потери инвентаря, отсутствіе въхозяйства взрослыхъ рабочихъ и т. д. Регистраціи подчиняются, главнымъ образомъ, два изъ перечисленныхъ причинъ — малоземелье и отсутствіе взрослыхъ рабочихъ въ семът. Роль этихъ двухъпричинъ въ дала сдачи въ аренду крестьянскихъ надаловъ виднанзъ сладующей таблички *).

	% ховяйствь, сдающихь на- двим въ ренду.	На 1 мужчину приходится десятинъ на- дъльной земли.	% хозяйствъ безъ работни- ковъ.
Бывшіе госуд. крестьяне.	7,9	4,6	5,7
Крестьяне-собственники.	8,6	4,5	6,1
Быв. пом'вщ. крестьяне.	9,4	2,4	6,9
Дарственники	10,2	0,8	6,9

Т. е. чъмъ меньше десятинъ приходится на мужчину и чъмъвыше проценть безработных дворовь, темь проценть хозяйствь, сдающихъ надълы въ аренду, выше. Но и сдающаяся въ аренду крестьянская земля радко выходить изъ своей среды; чаще всегоарендаторомъ является свой же брать-крестьянинъ. Следовательно, съ точки зрвнія классовыхъ интересовъ этоть факть вовсе не свидетельствуеть о сокращении площади мелкаго хозяйства. За то крестьянская вивнадальная аренда является несомивнинымъ факторомъ сокращенія площади крупнаго хозяйства. Какъ велика вообщевивнадвльная крестьянская аренда, видно изъ того, что въ 126увздахъ, въ которыхъ все крестьянское землевладвніе опредвляется 36,35 милл. десятинъ, крестьяне въ общей сложности врендуютъне менье 7 милл. десятинъ вивнадвльной земли, т. е. болье 19 процентовъ своей собственности **). Сивдовательно, крестьяне не только крепко держатся за собственную землю, но усиленно расширяють свое земленользование на счеть собственности другихъземлевладвльческихъ группъ. Иначе относится въ двлу частновладъльческое ховяйство. Изъ 42-хъ убядовъ, о которыхъ нивотся.

^{*)} Н. А. Благов'ященскій. Сводный статист. сборникь козайствонныть св'ядіній по земскимъ подворнымъ переписамъ. Т. І. Крестьянскоекозяйство. Стр. 189 и 191.

^{**)} Итоги экономич. изслъдованія Россіи. Т. П. Н. Каришевъ. Крестьянскія вифиадальныя аренды, стр. VII.

болье или менье достаточныя данныя, только въ 7-ми крестьяне арендують менье 10 процентовъ владъльческой земли, въ 15-ти увздахъ крестьянская аренда достигаеть 10—19 процентовъ, въ 10-ти увздахъ 21—30 проц., въ 5-ти 31—37 проц., въ 5-ти 40—47 проц. и въ одномъ 67 процентовъ *). Чтобы понять все значеніе этихъ цифръ, необходимо знать, что річь туть идеть исключительно объ аренді пахатной земли **), сопоставляемой съ общей пифрой частнаго владінія, въ которую входять всі безъ исключенія угодья. Между тімъ пахатная земля составляеть всего около 27,6 проц. владільческой собственности. Очевидно, если сопоставить аренду съ одной пахатной землей, отношеніе должно еще выше подняться.—Интересна роль аренды въ разныхъ классахъ частнаго землевладінія. По нікоторымъ убздамъ данныя этого рода приводятся въ слідующей таблиці ***).

Въ увадахъ:	Менвое земле- владвніе (до 50 десятинъ).	Крупное и среднее землевладъ- ніе (свыше 50-ти десятинъ).
	Сдается въ аренду.	% владвнія.
Ямбургскомъ	. 6,6	61,0-93,3
Курскомъ	. 34,2	60,0
Саратовскомъ	. 7,0	51,0-74,0
Царицынскомъ	. 0,0	24,0-60,0
Грайворонскомъ	. 21,8	45,2
Рыльскомъ	. 7,2	33,5
Фатежскомъ	. 6,8	32,9
Динтровскомъ	7,2	32,9
Суджанскомъ	. 14,3	31,9
Льговскомъ	. 6,2	29,9
Обоянскомъ	. 29,3	36,4-41,7
Щигровскомъ	. 19,8	28,3
Казанскомъ	. 18,2	32,1—46,2
Мценскомъ	. 7,9	18,9—28,5
Зеньковскомъ	. 7,0	16,2—26,0
Лубенскомъ		14,9—26,0
Славяносербскомъ	. 0,0	3,2—41,2
Елецкомъ	. 8,8	6,1—16,3

Эта таблица не нуждается въ комментаріяхъ, такъ какъ и при самомъ б'єгомъ обозр'єній не трудно въ ней просл'єдить тотъ общій для вс'єхъ перечисленныхъ у вздовъ фактъ, что какъ бы доля собственности, сдаваемой частными влад'єльцами въ аренду, ин колебалась, она въ среднемъ и крупномъ землевлад'єній всегда выше, ч'ємъ въ мелкомъ.

^{*)} Н. Каришевъ, стр. 77.

^{**)} Тамъ же, стр. 78.

^{***)} Тамъ же, стр. 93—106.

Зашитники крупнаго сельскаго хозяйства объясняють затрудненія нашего пом'ящичьяго (напоминаемъ, что мы говоримъ о времени до кризиса) хозяйства недостатьомъ оборотнаго капитала. Но они упускають изъ виду одно важное обстоятельство. Если даже допустить, что освобождение врестыянь застало наше частное вемлевладение вовсе безъ оборотнаго капитала, то оно его получило въ достаточной степени въ ближайшее же двадцатипятильте. По 1886 годъ владальческое хозяйство получило: отъ выкупной операціи 439 милліоновъ руб. и отъ операцій по закладу иміній въ земельныхъ банкахъ 659 миля.; всего, следовательно, не считам суммъ, вырученныхъ отъ продажи владельческихъ земель, отъ сдачи земель въ аренду и проч., притекло новаго капитала въ наше помъщичье ховяйство 1,098 миля. руб. *). Такъ какъ по даннымъ 1878 года. площадь пахотныхъ земель, составляющая частную собственность, ночисляется въ 30 мил. десятинъ, то, очевидно, на каждую десятину притекло новаго капитала 36,6 руб. Если принять стоимость вемли въ 100 руб. за десятину, — цифра несомивнио слишкомъ высокая, то и тогда окажется, что если оборотнаго капитала во владвльческомъ хозяйствъ раньше даже вовсе не было, то только выкупная операція и земельные банки его доставили болье тыть въ достаточной степени-36,6 процента стоимости вемли; между темъ какъ Goltz считаеть достаточнымъ, даже для интенсивнаго хозяйства, капиталь въ 35 процентовъ стоимости земли, а для экстенсивнаго, котораго наше частное землевладение главнымъ образомъ и придерживается, только въ 21 проценть. Можно ле туть говорить о недостатив оборотнаго капитала?..

Итакъ, капитализмъ въ сельскомъ хозяйствъ, располагающій поразнымъ причинамъ, о которыхъ было говорено выше, нормой прибыли болье низкой, чымь вы обрабатывающей промышленности, а нуждающійся, наобороть, въ норыв прибыли боле высокой, всявдствіе того выдающагося м'єста, которое здісь занимаєть рента, этоть вапитализмъ можеть существовать только при монопольны хъ ценахъ на сельско-хозяйственные продукты. До расцвета мірового обивна сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, препятствіе въ отношеній установленія монопольных цень капиталивмь находиль только въ мелкомъ хозяйствъ, которое по разнымъ историческимъ причинамъ было въ Европъ мало развито и потому было безсельно въ дъл ограничения капиталистическихъ аппетитовъ; тамъ же, гдт этихъ историческихъ причинъ не было, сельско-хозяйственный капитализмъ всегда влачиль жалкое существование, изнемогая въ борьбъ съ врестьянскимъ хозяйствомъ. Теперь на помощь мелкому хозяйству пришли молодыя страны.

Сила этихъ странъ заключается не въ томъ, что земля ихъ

^{*)} Временникъ Центр. Стат. Комитета, № 2. О задолжение ти земменладания, 1888. стр. X.

плодороднее или ховийственные расходы ниже, чемь въ западной Европъ, — то и другое вовсе не составляеть ихъ отличительной черты, -- а въ томъ, что для нихъ венля не капеталъ. Въ этомъ отношение мы туть находимь ту же особенность, что въ мелкомъ хозяйствъ, хотя и по инымъ основаніямъ. Въ мелкомъ хозяйствъ земля — не капиталь не потому, что она ничего не стоить, — въ Германів и Францін, напримірь, крестьянская земля, наобороть, цвинтся дороже владельческой, —а потому, что мелкій хозяннь—не капиталисть, почему онъ и не смотрить на «земельный капиталь» какъ на особый источникъ дохода. Въ молодыхъ же странахъ этотъ взглядь на землю не обязателень, но земля тамъ всетаки не капиталь, такъ какъ она имботь ничтожную рыночную стоимость. Приведемъ некоторыя данныя, характеризующія этотъ факть. Въ Великобританіи гектаръ вемли всёхъ родовъ, по разсчету Керда (для 1886 года) стоить 1,440 франковъ. Во Франціи вообще не застроенная вемля ценится въ 1,700 франковъ (1889 г.), а пахотная земля—въ 2,197 франковъ (1879 г.) за гектаръ. Въ Бельгін (1880 г.) гектаръ земян стоить 3,975 франковъ, а пахотной земян-4,261 франкъ *). Въ Пруссін (1879—81 гг.) средняя ціна гектара— 1,849 франковъ (1497,64 марки), а въ старыхъ провинціяхъ Пруссів—4,916 франковъ (3981,85 марки), въ районъ рейнской крестыяской собственности — даже 5—10 тысячь франковь (4—8 тысячь марокъ) **). Такова, прибливительно, стоимость земли въ западной Европъ. Посмотримъ, какъ обстоить это дъло въ конкуррирующихъ на хивономъ рынкв съ нею странахъ. Здёсь самую дорогую земию мы находимь въ старыхъ штатахъ Съверной Америки и въ Европейской Россіи. Акръ обработанной и застроенной земли продается въ Массачуветей по 85 долларовъ (гектаръ-около 1,102 франковъ), въ Нью Джерсей—по 82,4 дол. (гектаръ—1,068 фр.), въ Нью-Іоркі— 45,75 дол. (гектаръ-600 фр.) ***). Въ Россій въ 1889 году земли продаванись по 90 рублей за десятину (гектаръ — 238 франковъ) въ черноземной полосв и по 51 рублю (гектаръ-135 франковъ) въ нечерновенной полось ****). Следовательно, уже въ этихъ районахъ дорогихъ земель мы находимъ относительно западной Европы чувствительную разницу. Но въ молодыхъ странахъ въ строгомъ сиысле земля значительно еще дешевле. Къ западу отъ Миссисипи земля ценится оть 246 франковъ (акръ 18,86 дол. — штать Кентуки) до 78 франковъ (акръ — 5,89 дол. — штатъ Дакота); государственныя же земли (не обработанныя и не застроенныя) продаются по 25-32 франка за гектаръ (14-21/, дол. за акръ); даже земли женванодорожныхъ компаній продаются по 64 франка *****). Въ

^{*)} Foville. La France économique, 1889, crp. 76-77 m 81-82.

) M. Sering. Die landw. Konkurrenz Nordamerikas, 1887, crp. 183. *) Тамъ же, стр. 463.

^{****)} А. Фортунатовъ. Сельско-хозяйственная статистика, стр. 93. *****) Sering, crp. 463.

Австраліи въ 1889 году вемля продавалась на аукціонахъ по такимъ цёнамъ: въ Южной Австраліи и Новой Зеландія по 69 франковъ за гектаръ (акръ—1 фунтъ 2 шил. 6 пенсовъ), а въ Западной Австраліи по 12,3 франка (акръ—3 шил: 10 пенсовъ) *).

Такая крупная разница въ земельныхъ цёнахъ давала большія преинущества даже капиталистическому ховяйству молодыхъ странъ передъ капиталистическимъ хозяйствомъ старой Европы. Но въ этомъ фазисв кривиса, когда европейскому хозяйству приходилось считаться тольво съ капиталистическить хозяйствомъ молодыхъ странъ, его положение еще было сравнительно сносно, такъ какъ н его конкурренты, въ качествъ капиталистовъ, нуждались, котя и въ болве умвренной, вследствие низкихъ земельныхъ цвиъ и потому нечтожной ренты, монопольной цене, но всетаке достаточно высокой, чтобы покрыть среднюю норму прибыли (которой, какъ мы внаемъ, одна прибавочная стоимость не даеть въ сельскомъ хозяйствъ). Дъло приняло совершенно новую форму, когда молодыя страны, эти демократы по призванію, поняди, что безъ демократическаго землевладенія не можеть быть демократизма. Тогда пробиль последній чась монопольной цены, сельско-хозяйственный ванетализмъ молодыхъ отранъ очутился въ критическомъ положеніи, а положеніе западно-европейскаго сельско-хозяйственнаго капитализма сдължнось отчаннымъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ ноторія демократизаціи вемлевладенія начинается съ изганія 20 мая 1860 г. закона о Homstead'ахъ, который въ 1874 и 1878 годахъ подвергся сильнымъ измененіямъ съ целью дучнаго обозпеченія за медкимъ хозяйствомъ государственной земли **). Въ Австралін, аналогичный закону о Homstead'ахъ, быль издань въ 1885 году законъ о продажь государственной земли небольшими участками (не свыше 320 акровъ) на условіяхъ постепенной выплаты, въ теченіе 32-хъ льть, по цвив 1 фунта стерминговь за акръ (62 франка за гектаръ), которая раворочивается такимъ образомъ: задаточныхъ вносется по 2 шил. за акръ (около 6,2 франка за гектаръ или около 21/, рублей за десятину), въ вонцё третьяго года долженъ быть едыльнъ на каждый акръ взнось въ 1 шиллингъ, который после этого делается въ конце каждаго года — до конца 32-хъ-летняг) срока, когда земля переходить въ полную собственность земледъльца при уплать добавочной суммы въ 1 шил. 3 пенса за акръ **). Въ Викторіи такой же участокъ можно выкупить въ теченіе 6 леть взносами въ 1 шиллингъ ежегодно ***). Благотворное действіе этихъ законовъ, развязавшихъ руки мелкому хозяйству, плохе

^{*)} Ed. Greville, 1891, ctp. 156.

^{**)} Sering, стр. 119—121. Подробности о Homstead'ахъ у Л. Ходскаго («Земля и земледъльци», т. I) и у Орбинскаго («Хлъбная торговля въ С. Штатахъ.).

^{***)} Ed. Greville, crp. 165-169.

^{*****)} Тамъ же, стр. 188.

снабженному денежными средствами, прекрасно выяснилось въ Соединенныхъ Штатахъ Свверной Америки, гдв хозяйственными переписами было найдено на среднюю ферму акровъ земли: въ 1850 году 203, въ 1860 году 199, въ 1870 году 153 и въ 1880 году 134; причемъ, въ последнемъ году въ рукахъ крупныхъ владельцевъ было всего 0,7 проц. земледельческой площади, въ рукахъ среднихъ (500—1000 акровъ) около 12 процентовъ, въ рукахъ мелкихъ (20—500 акровъ или 8—202,5 гектара) 77,5 проц., а остальные 9,8 проц. составляли участки ниже 20 акровъ *).

VII.

Подведемъ итоги.

Въ сельскомъ хозяйствъ капиталивиъ не можетъ ниъть того же значенія, что въ обрабатывающей промышленности. Въ последней онъ находить себъ могучую поддержку въ крупномъ производствъ, въ тыхь техническихъ усовершенствованіяхъ, въ той экономіи времени и труда, которыя связаны въ обрабатывающей промышленности исключительно съ крупнымъ производствомъ и потому составдають приведегію капитализма. Эта поддержка имбеть тамъ крупное значеніе. Она обезпечиваеть капитализму такую прибавочную стоимость, которой вполив хвадаеть, съ одной стороны, для удо-влетворенія потребности капитализма въ средней нормв прибыли, а съ другой-для реализаціи производимыхъ товаровъ ниже ихъ приности-факть восьма важный вр друг борьбы капитализма съ естественнымъ своимъ врагомъ, мелкимъ производствомъ. Крупное производство имъеть свои преимущества и въ сельскомъ хозяйствъ, во здесь эти преимущества ограничены. Они выражаются только въ нъкоторой экономіи производственнаго потребленія построекъ н мивентаря; но ни техника, ни экономія труда почти не приходять на помощь капитализму, или если и приходять въ исключительныхъ случаяхъ (напр. при молотьбв), то приносять ему въ общемъ небольшую пользу. Поэтому сольско-хозяйственный капитализмъ располагаеть относительно малою прибавочной стоимостью, которая, при реализація въ прибыль, сталкивается съ новыми особенностями сельско-хозяйственнаго производства (главнымъ образомъ, съ неблагопріятнымъ отношеніемъ времени производства и рабочаго времени) и даеть въ результать еще болье низкую норму прибыли. Между тыть и эта низкая норма прибыли должна здёсь еще подвергнуться дальнъйшему сокращенію, вслъдствіе выдающейся роли, которую играеть въ сельскомъ хозяйства земля и обусловливаемая ею, при частномъ и крупномъ землевладеніи, ірента. Все это приводить въ тому, что существование сельско-хозяйственнаго капиховяйственные продукты. Но если въ «доброе старое ;время» въ своемъ стремленіи къ монопольнымъ цанамъ сельско-хозяй-

^{*)} Sering, ctp. 138.

^{№ 12.} Отдъль I.

ственный капитализмъ встръчалъ противодъйствіе со стороны одного мъстнаго мелкаго хозяйства, — противодъйствіе, значительно ослабленное цёлымъ рядомъ историческихъ несправедливостей, то теперь онъ нашелъ новаго, могущественнаго противника въ молодыхъ странахъ, гдѣ мелкое хозяйство имъетъ широкій просторъ для своего развитія. Новыя условія хозяйства, получившія ръшающую силу, благодаря выдающимся успѣхамъ техники перевозочнаго дѣла, а отсюда— широкому развитію мірового товарнаго обмѣна, нанесли тяжелый ударъ сельско-хозяйственному капитализму. Пока въ полной степени ударъ коснудся только земледѣлія. Но в положеніе скотоводства ухудшается съ каждымъ годомъ и, если дальнѣйшій ходъ развитія техники перевозочнаго дѣла оправдаетъ возлагаемыя на него надежды, то не далекъ и тотъ день, когда каниталисты-скотоводы окажутся въ критическомъ положенів.

Можно ли разсчитывать на возврать, въ болье наи менье ближайшемъ будущемъ, времени монопольныхъ цвиъ? Во ими прогресса и справедливости, во имя интересовъ той массы населенія, которая не объ обогащения думаеть, а объ обезпечения себъ трудами рукъ своихъ одного человъческого существованія, существованія не рабочей машины, которая существуєть лишь потому, что должна работать и которан съ потерей работы теряеть право на жизнь, а разумнаго человъка, по имя всего этого нужно желать, чтобы это будущее никогда не наступило. Да врядъ ли оно и можеть наступить, по крайней мъръ, въ ближайшее отъ насъ столетіе. Правда, оптимисты капитализма находять въ настоящемъ состоянін мірового хозяйства рядь симптомовь, свидетельствующихъ, будто бы, что монопольныя цены на сельско-хозяйственные продукты не за горани. Но справедливо ли это предсказаніе? Много надеждъ возлагается на начавшійся въ Соединенныхъ Штатахъ Съверной Америки процессъ сокращения хавонаго производства; но сокращение это объясняется тамъ, что центръ тажести ильбной промышленности переходить изъ старыхъ штатовъ, гдв сельско-хозяйственный капитализмъ успѣлъ въ свое время свить себъ гиъздо, въ молодые штаты, гдѣ земля еще составляеть государственную собственность или баснословно дешева и, следовательно, вполнъ отврыта для мелкаго хозяйства. Какъ быстро въ последнихъ штатахъ развевается сельское хозяйство, можно видеть изъ того, что въ 70-хъ годахъ сельско-хозяйственный кризисъ быль вызвань производствомь въ 312 миля. бущелей пшеницы во всёхъ штатахъ, между темъ какъ въ 1889 году только 10 молодыхъ штатовъ-Миневота, Калифорнія, Дакота, Индіана, Илекнойсъ, Огейо, Канзасъ, Мичиганъ, Іова и Миссури — произвели пшеницы 3431/, милл. бушелей *). Западъ Соединенныхъ Штатовъ теперь только заселяется и если онъ уже достигь такихъ выдаю-

^{*)} Juraschek, crp. 11 H 15.

щихся результатовъ, то чего слъдуетъ ждать въ ближайшемъ будущемъ? И можно ли въ настоящее время считаться съ одними Штатами, когда предъ нами имъется Южная Америка, хлъбная промышленность которой ростеть съ изумительной быстротой, Австралія, объщающая наводнить Европу своимъ хлъбомъ, Сибирь, которой строющанся желъзная дорога широко раскрываетъ двери міровыхъ рынковъ, Кавказъ, Остъ-Индія, Японія, Китай и т. д., и т. д.? Кто-то выразился, что близко то время, когда цъны, приводящія теперь сельскихъ хозяевъ въ изступленіе, сдълаются предметомъ ихъ мечтаній. Намъ румается, что въ этихъ словахъ нътъ никакого преувеличенія.

Итакъ, капиталистическое сельское хозяйство быстрыми шатами приблежается къ своей естественной смерти. Но формы европейскаго землевладенія таковы, что со смертью сельско-хозяйственнаго капитализма связано сокращение европейскаго сельскаго ховяйства вообще-исходъ весьма не желательный ни для вакой отраны. Очевидно, необходимы мёры для борьбы съ наступающимъ несчастіемъ. Міры эти возможны двухъ родовъ: можно спасти капитализмъ, обезпечивъ ему необходимую, единственно логическую для него обстановку-монопольныя цены, или можно предоставить мелкому хозяйству тѣ условія, при которыхъ оно въ состояніи за-полнить то мъсто, которое освобождается оть кризиса капиталистическаго хозяйства. Монопольныя цены могуть быть обезпечены только посредствомъ обложенія привоза высокими пошлинами. Но эта мара доступна лишь для странъ, нуждающихся въ привозномъ клабъ. Между тамъ именно здась весьма ограниченная доля населенія заинтересована въ сельскомъ хозяйстві вообще, а въ капиталистическомъ сельскомъ хозяйствъ еще меньшая доля; въ делиевомъ же хлъбъ заинтересовано все населеніе. Можеть ли цълая отрана жертвовать—не въ теченіе одного или двухъ лёть или даже цвиаго десятильтія, а всегда своими интересами въ пользу одной вучки людей? Въ Германіи, Франціи и т. д. сельско-хозяйственный протекціонизмъ мыслимъ лишь до тахъ поръ, пока о немъ можно говорить какъ о временномъ явленіи. Спасенія сельскаго хозяйства стараго міра нельки ждать съ этой стороны. Это хозяйство можеть существовать, только отрышившись оть теперешней капиталистической формы. До сихъ поръ совивщение въ одномъ лицъ работника, капиталиста м землевиадъльца составляеть коренную особенность только мелкаго козяйства; по этому это хозяйство и имветь больше, чемь крупное. залоги устойчивости, не смотря на нѣкоторыя техническія преиму-щества крупнаго производства. Если тѣ же основныя свойства, которыя характеризують теперь мелкое сельское хозяйство, перейдуть и на козяйство крупное,—будущее можеть принадлежать ему. Но вопросъ о возможной эволюціи и въ этомъ направленіи крупнаго **сельскаго хозяйства не входить въ задачу нашей статьи.**

Сам. Закъ.

ФАЙЗУЛЛА.

(Разсказъ).

. I.

Какъ сейчасъ номню старика Файвуниу; помню его съ дътства, съ того самаго дня, когда въ первый разъ, мальчикомъ лъть десяти, прівхаль на льто въ дядь на хугорь. Мой дядя, среднихъ въ то время леть холостякъ, съ увлечениемъ занимался сельскимъ хозяйствомъ на арендованной у башкиръ замив, водиль овець, засввань хивбь, покупаль его, выстроильмельницу, чтобы возить въ городъ более ценный продуктьмуку и, любя природу, являлся въ городъ только налетомъ подъламъ. Онъ много разсказывалъ о степномъ крав, пороюувлекательно и живо, не уставаль хвалить его просторъ и приволье, и мив его жизнь тогна казалась похожею на жизнь первых в американских поселенцевъ - романы Купера были уже мив знакомы. Конечно, я зналь, что башкиры не краснокожів индійцы, что въ степи ніть тіхь опасностей, какія окружали монхъ любимыхъ героевъ, но меня, невнакомаго съ деревней, тянуло на этоть таннственный хуторъ и, наконецъ. при помощи дяди я уговориль матушку отпустить меня наценое лето; она сама даже обещала прівхать недели на две. Не стану описывать первыхъ впечатленій, — всякій пойметь виъ, представивъ себъ немного мечтательнаго мальчика, вырвавшагося на свободу изъ подъ строгаго родительскаго надвора, въ первый разъ получившаго, правда, полудътское ружье. лошадку для верховой вады и собаку. Все это было приготовлено дядей для меня не безъ сопротивления со стороны матушки. Кром'в того, было решено приставить кого нибудь ко мев вроде дядыки. По строгому размышленію, дядя остановился на одномъ изъ своихъ работниковъ — Файзуллъ. — «Овъ, правда, плутъ, — тутъ же ваметилъ дядя, но ловокъ на всв руки, хотя и старъ! Плаваеть, какъ рыба, стрвлять могь бы на призъ, а верхомъ вздить такъ, какъ будто родился въ сталт. Матушка была въ этотъ день въ самомъ благодушномъ настроенів и согласилась безъ сопротивленія, хотя и твердила многократно, что этоть башкиръ, въроятно, до противности грязенъ.

II.

Первое лёто быль какой-то сплошной угарь. Все было ново, все было, на мой взглядъ, замъчательно, но лучше всего была полная свобода. Подъ руководствомъ Файзуллы, я могъ по желанію віздить верхомъ, рыбачить, ходить на охоту. Даже это единственное условіе, присутствіе всюду стараго башкира, было такъ же, какъ все остальное, мив по душв. Трудно было бы найти лучшаго товарища; онъ не проявляль, конечно, и тыни гувернерства, но, видя, какъ онъ дълаеть все, чего я не умъль, какъ ловко таскаетъ большихъ окуней и деней, какъ мътко бъетъ куликовъ и утокъ, какъ легко перепрыгиваеть черезь кусты, чуть-чуть гикнувь на пошадь, я чувствованъ къ нему полное довъріе и уваженіе и полюбиль его отъ души, не смотря на безобразную наружность. Представьте себъ хорошо сложеннаго, но нивенькаго человека, крайне тощаго, такъ что кожа точно обтягивала всюду углы костей, тамъ даже, гдв ихъ вовсе не полагается. Это были, однако, не все кости, а мышцы, врвикія, какъ стальные канаты. Человекъ этоть стояль всегда, по гусиному вытянувъ шею впередъ, точно готовый броситься въ быть, на растопыренныхъ, дугою согнутыхъ въ колъняхъ ногахъ; на лошади же онъ былъ неузнаваемъ. Широкое скуластое лицо его, совершенно гладкое на щекахъ, украшалось ръдкой, уже съдой бородкой, росшей откуда-то сниву; темнокаріе глаза, глубоко прятавшіеся въ увкопрорізанныхъ косыхъ щеляхъ, плоскій носъ, широкій роть съ двумя пучечками съдыхъ волось на верхней губь, замынявшихь усы-воть остальныя черты его типичнаго лица. Монголъ былъ виденъ сраву самый честокровный, только густыя клочковатыя брови и кругой высовій лобь, уходившій вийсти съ бритымъ черепомъ подъ засаленую тюбитейку, могли бы принадлежать иной расъ. Костюмь его, крайне несложный, всегда быль мъстами раворванъ и запачканъ, сапоги въ проръхахъ, а вытертая лисья шанка, которую онъ носиль и явтомъ, давно потеряна всякій видь и всякій цвіть. Но мастерь онь быль, дійствительно, на всв руки и, самъ того не заменая, сумень вножить въ мою дътскую душу неизсякаемую любовь къ природъ и разбудить сознанье той великой связи съ нею, безъ которой достойно жалости не только счастье, а и самая живнь человъка.

Автомелькнуло, какъ сонъ, подошла осень; я долженъ былъ вхать въ городъ и, увы, поступать въ гимназію. Со слезами просилъ дядю сохранить до будущаго года ружье и лошадь, а глав-

ное—Файзулну, и, подъ условіемъ успѣшнаго ученія, получиль отъ него объщаніе.

III.

Почти взъ года въ годъ съ техъ поръ я веделъ на каникулы въ дядъ. Мънялись, конечно, впечативнія по мъръ того, какъ я росъ, но природа, какъ дорогая любимая книга, въ которой, много разъ ее перечитывая, находишь все новыя красоты, неистощима. Давно пересталь я воображать себя поселенцемъ «Дальняго Запада», давно Файзулна потеряль въ монкъ глазакъ остатокъ сходства съ вождемъ дикихъ племенъ. Я началь понимать жизнь, и первые плоды пониманія не показались мив сладки. Старый башкиръ самъ, повидимому, привязался ко мей, но отношенія наши, покоряясь вре-мени, должны были изм'йниться. Я перешель уже въ пятый классь, когда, прівхавь на хуторь, не засталь старика. Мив казалось тогда, хотя въ последній годь между нами уже не было прежнихъ отношеній, что я потеряль друга, и я непремънно заплакалъ бы, если бы не совнаніе, что я уже боль-шой; въ этотъ годъ мать подарила мив превосходную двухстволку и вмісті со мной изъ города привели «настоящую», какъ навываль я, лошадь. Тімь не меніе уже за завтракомъ я приставаль въ дядё съ разспросами, куда дёлся старый башкиръ? Дядя долго не отвъчалъ и, наконецъ, разравился филиппикой:

- Старый негодяй взяися за прежнее ремесло. Осенью, после твоего отъезда, сталь онь просить разсчета. Я не хотель было отпускать—за эти годы, признаться, и я къ нему привнавался: ловокъ, услужливъ, хотя и грязенъ,—но онъ говорилъ, что ему скучно, что его «тянетъ». Я зналъ уже, что это значитъ, и отпустилъ его. Какъ волка ни корми...—начанъ было дядя желчно, но я не далъ докончить.
  - Гив же онъ?
- Чортъ его знаетъ! Шляется гдё нибудь; въ деревне неживетъ, да и что ему въ деревне? У него ни кола, ни двора. Говорятъ, ушелъ на прінски; онъ и раньше, до поступленья ко мив, ходилъ туда каждую зиму.

Мив было грустно, и даже пріятное сознаніе, что я становлюсь вврослымъ, потеряло часть своей прелести.

IV.

Я увидаль, однако, старика въ то же лъто. Гордясь новож дошадью, недъли черезъ двъ послъ прівада я не преминуль

повхать верхомъ на кочевье къ башкирамъ, желая, между прочимъ, довазать и себь, и другимъ, что могу вполев свободно обходиться безъ провожатаго. Вывхаль я около четырехъ часовъ, когда жаръ начинаеть спадать; дорога была не изъ близкихъ: около тридцати версть пришлось сдёлать по залитой горячимъ совищемъ степи. Достались и мив, и ношади эти тридцать версть, но за то-какое наслаждение охватило меня, когда, уже около заката, я подъбхаль къ живописно раскинутымъ на берегу чистаго, какъ хрусталь, огромнаго степного овера, войпочнымъ кибиткамъ и сколоченнымъ изъ лубковъ лачугамъ. Еще издали доносился острый рёзкій запахъ кизяка, всюду, полувакрывъ смуглыя лица, то яркими новыми, то изодранными грязными чадрами, сновали женщины, звонко перекликаясь гортанными голосами. Ржаніе лошадей, блеяніе овецъ н козъ вийсти съ крикомъ полунагихъ, кучей толпившихся на солнив ребятешемъ, стономъ стояли въ воздухв. Мужченъ не было видно; онисидъли въ кибиткахъ и пели кумысъ. Вотъ и кибитка моего знакомаго, Нургалія Сафирбаева. Онъ часто бываль у дяди и въ деревив игралъ выдающуюся роль. Безъ этого человъка, замъчательно толстаго и внушетельнаго, не обходилось ни одно событіе. Сдача земли, наемъ рабочихъ, повунка скота, все, что касалось деревни, проходило черевъ его руки. Зимой онъ, если не пиль чай целые дни, то быль готовъ въ этому ванятию; летомъ, не отвазывая себе и въ этомъ удовольствін, онъ съ утра до вечера, кром'в того, потягиваль душистый кумысь. Бойко промчавшись по широкой улица кочевья, я осадель лошадь около жилища Сафирбаева и, соскочивъ съ нея, искалъ кому бы поручить проводить неостывшаго коня. Мое ввумленіе не витью гранець, когда на толоть моего ганопа поднялся край цветной кошмы, заменявшей дверь, и оттуда выглянуло хорошо знакомое лицо Файзуллы.

— Файзулна! — прикнуль я съ радостной дрожью голоса.

— Здорово, бачка, — оскаливъ оба ряда зубовъ, отвъчалъ онъ и залился смъхомъ, причемъ его козлиная борода вмъстъ съ головой закачалась изъ стороны въ сторону. — Ай, какой больной сталъ, — заговорилъ онъ, переставъ смъяться. Смъхъ всегда выражалъ величайшую мъру его удовольствія. Я выпрямился не безъ гордости, — мнъ всъ говорили въ последнее время, что я очень выросъ и возмужаль, — и велълъ ему выводить лошадь.

٧.

Нургалій встрітиль меня радушно. Въ гостяхь у него сиділю нівсколько такихь же старыхь и толстыхь, какъ онъ самь, баликирь. Медленно потягивая изъ большихь плоскихь чашекь любимый напитокъ, они такъ же медленно цедили слова. Разговоръ, повидимому, инкого не интересовалъ, и собесъдники были въ томъ настроенін, которое предшествуеть сытному об'єду, въ ожидани котораго проголодавшиеся гости отъ времени до времени передають другь другу никому неинтересныя замечанія и выслушивають ихъ съ притворнымъ вниманіемъ, важно покачивая головами. Меня усадили на коверъ, подложили подъ спину нъсколько подушекъ и подали чашку того же напитка; ватемъ я, повидемому, пересталь существовать для можхъ ховяевъ. Таково восточное гостепріниство! Я свиъ, какъ истый сынь степей, поджавь подъ себя ноги, чёмь заслужиль одобрительную улыбку ховянна, отпель огромный глотокъ кумыса н громко, истово крякнуять, по правда сказать, потому, что глотокъ быль очень великъ, но оказалось, что, самъ того не вная, я выказаль величайшую вежливость. Гость, вышивь первый глотокъ, долженъ крякнуть-это выражаеть благодарность ховянну и похвалу угощенію. Нісколько голосовь оживленно сразу заметили по башкирски другь другу,-я понямаль немного явыкъ, — «совсвиъ, какъ башкиръ»! Въ свою очередь это было высшей любезностью въ ихъ устахъ. Меня, однако, при всей гордости и важности моихъ чувствъ, смущало одно обстоятельство: солнце быстро садилось, быстро надвигались сумерки, -я, въроятно, много плуталъ по степи, - возвращаться приходилось ночью. Конечно, говориль я себв, бравируя положеніемъ, опасности ніть никакой, даже волки не ходять адівсь летомъ, но всетаки... Это «всетаки» порядочно смущало меня.

Я держался, однако, на высоте положенія. Какт полагается гостю, я первый вступиль въ разговорь (иначе никто не постать бы обезпоконть моего молчанія до отъёзда), разспрашиваль о приплодё жеребять, о ростё травы и о многомъ другомъ; не отказался отъ жирной баранины, поданной вскорё въ видё ужина, причемъ во вниманіе къ моей неумёлости мнё подали расписанную крупными синими цвётами тарелку, вилку и ножъ (гости же и хозяинъ ёли просто пальцами съ общаго блюда). Наконець, выпивъ еще чашку кумыса и видя, что гости одинъ за другимъ стали расходиться, я поднялся, въ свою очередь, крёпко, обёмми руками, какъ дёлали остальные, пожалъ жирную руку хозянна и, приглашая его къ себё, спросиль о лошади. Хозяннъ хитро и тонко улыбнулся; развалось, онъ видёль меня насквовь.

— Псё готова, — проговориль онь, идя за мною всийдь до дверей и, остановясь на порогь, крикнуль: — Файзулла!

Файзулла тотчасъ явился, ведя за поводья двухъ пошадей.
— Онъ твоя провожалъ, — объясниль инъ Нургалій. — Степь

широко, ночь темно, домъ далеко.

Мив стало страшно совестно, но въ то же время прошло мое тайное безпокойство. Не смотря въ глаза Нургалію, я еще разъ врепко стиснуль его руку и, вскочивъ въ седло, поднялъ своего жеребца въ галопъ. За мной слышался топотъ другой лошади.

VI.

Мы проехали не больше версты. Вдали еще мелькали непотухшіе костры кочевья; съ озера доносилась свёжесть воды съ примъсью запаха тины; еще слышно было оханье выпи въ камышахъ и тороплевый хозяйственный кряхть кряковыхъ утовъ, которому отвъчало попискиванье утять; явственно доносился, точно мърное дыханіе, легкій шорохъ и движеніе ложившагося на ночь скота, когда мы поднялись на низкій уваль, 8а которымъ, повернувъ вверхъ по ръкъ, должны были держать дальнъйшій путь. Ввошла луна; ввошла она сраву надъ широкой гладью степи-такъ, зам'етиль я после, она всплываеть надъ моремъ-и сразу облила все вокругь молочносеребристымъ блескомъ. Невозможно описать врасоту дунной ночи въ степи. Каждая былинка, каждый стебелекъ ковыля кажется вблизи литымъ изъ серебра, даль же блестить и дрожить, точно затянутая серебристой, слегка колыхающейся тканью. Вокругь ни малейшаго звука, но это не мертвая тишина, а точно замирающее ожидание чего-то, что сию минуту должно случиться, точно чуткое прислушиванье, при которомъ даже дыханіе прервано на секунду, чтобы не ившало слушать. Теплый, ласковый воздухъ, напитанный смёшаннымъ благоуханьемъ цевтовъ, нежно щекочетъ щеки. Шаги лошадей, я невольно замедлиль ходь, очарованный, неподдающейся описанію, прелестью ночи-были не слышны въ мягкой травъ.

Файзулла поровнялся со мной. Не знаю, что чувствоваль онъ въ эту минуту, но онъ молчалъ, молчалъ и я, а сердце прыгало и билось, точно и вправду сейчасъ должно было случиться что-то... И это что-то случилось! Внезапно, неожиданно раздались неувъренные сперва, робкіе, скрипучіе, ръзко гортанные звуки, точно неопытный мастеръ пробуеть низкія струны свринки вренко наканефоленным смычкомъ, и они, еще не слитые, не только въ гармонію, даже въ мотивъ, отдёльные, несвязные, режуть ухо. Степь вздрогнула и насторожилась, но дальше, дальше, ширясь и разростаясь, по всему простору разливался глубокій грустный мотивъ и поднимался, казалось, въ небу вивств съ благоуханіемъ травы. Не могу передать, что сталось со мной, когда, какъ туго натянутая струна, какъ внезапно брошенный на полъ стаканъ изъ тонкаго стекла, задрожавъ и зазвенввъ, напввъ оборванся на высокой ноть. Я не върилъ ушамъ, я оглядывался во всъ стороны, точно ожикінэжпододи вад

- На чемъ ты игралъ? спросиль я Файзуллу. Чебывга?
- Горломъ, отвъчалъ онъ, тажело переводя духъ, н, нъсколько мгновеній спуста, затакулъ тоть же напъвъ.

Теперь мив чудилось иное. Мив казалось, это не звукъ человъческаго голоса, а серебристыя нити, протянутыя отъ луны къ земль, задъваемыя копытами нашихъ лошадей, звенятъ и трепещуть въ неподвижномъ воздухъ. Томно и грустно становилось на душъ: вотъ, вотъ эти звуки должны оборваться отъ напряженія... И они, дъйствительно, оборвались.

- Это трудно?—спросемъ я, прислушиваясь въ дыханію, со свистомъ выметавшему изъ груди смолкшаго пъвца.
- Больно трудна,—отвічаль онъ.—Рідкій человінь долга терпить, надо грудь большой.

Несколько минуть отдыхаль онь и затянуль снова.

Мотивъ былъ все тотъ же, но теперь, казалось, цёлый рой насъкомыхъ, пчелъ, осъ, шмелей съ ихъ жужжаніемъ, звонкихъ стрекозъ, рёзкихъ степныхъ цикадъ, загудёлъ и зашумёлъ вокругъ; общій хоръ выводилъ тотъ же напёвъ, унылогрустный, широкій, какъ окружавшій насъ просторъ, и замеръ на этотъ разъ тихо, незамётно, точно удаляясь куда-то. Пёвецъ смолкъ.

- Есть слова у этой песни?—допытывался я.
- Есть, отвъчаль Файзулла.
- Отчего ты раньше никогда не пъль мив ее?

Старый башкиръ не мало передалъ мив преданій и пісенъ своего народа.

— Грудь больнъ. Теперь опять пъть можно. Старикамъ сталъ, — грустно покачавъ головой, продолжалъ онъ. — Скоро дыхать надо, прежде долга тянулъ.

Я изумился. Сколько же могь тянуть онъ прежде, задаваль я себв вопросъ, когда и теперь, казалось мнв, мотивъ тянулся каждый разъ до мучительности долго, такъ что и у меня даже не хватало воздуха въ груди.

VII.

Я подняль на него глаза. Ярко освёщенный съ одной стороны луннымъ блескомъ, онъ весь казался вылитымъ изъ темной бронзы. Худое лицо его похудёло еще больше, плоскій носъ точно заострился и особенно ясно выдёлялась въ профиль торчавшая впередъ бороденка.

- Гдъ ты пропадаль всю зиму? спросиль я.
- Прінскамъ гудяль, не сразу и неохотно отв'ятиль онъ.
  - Трудно тамъ работать?

— Трудно, охъ, трудно! работа тяжелый.—Вода, кольнамъ вода, тачка тяжелый, начальникъ много, начальникъ строгій. Худо говоришь—бьеть, наструменть сломаль—бьеть.

— Зачемъ же ты не остаешься зимовать въ деревие, зачемъ

Ущень оть дяди?

- Здёсь хороша, легка работать—скучно. Какъ ваша монаха, монастырь,—улыбаясь и поворачивая ко мий лицо, говориль онъ.
  - Но въдь нъсколько пъть ты жиль адъсь?
- Тогда приходиль вовсе больной, шибко больной, теперь здоровъ. Тамъ зиму работай, лётомъ кочевкамъ лежи весело! закончиль онъ.

Тогда я не могь объяснить себъ этого веселья дикаря, вырвавшагося на волю изъ подъ строгой ферулы мусульманскихъ обычаевъ; не могъ понять неудержимаго влеченія этихъ дітей природы къ обратнымъ сторонамъ нашей культуры, не могь представить себв неистоваго, безшабашнаго разгула, кажущагося имъ подъ часъ враше объщаннаго Магометомъ рая и заставляющаго забывать почти каторжную обстановку тяжелаго труда. Но, даже не понимая, я чуяль чтото недоброе; мив стало тяжело; кромв того, я усталь и чувствоваль, какъ тяжельють и смыкаются въки. Я просиль Файзуллу спъть еще, но теперь, ссылаясь на усталость, онъ уже не играль горломъ, а запъль одну изъ обывновенныхъ степныхъ мелодій, безконечно переливистую, тихую, мечтательную. Подъ звукъ ея сладко дремалось, и не разъ ловилъ я себя на томъ, какъ голова невольнымъ движеніемъ склонялась въ самой холкъ ношади, а передняя лука съдла ударяла въ грудь.

Густо краснъль востокъ; потянуль свёжий вётеръ; золотыя, пурпурныя, блёдно-желтыя облака быстро неслись отъ края горизонта въ глубине темно-синяго неба, когда мы прівхали домой.

Я получить заслуженный выговоръ. Оказалось, что дядя разослаль конныхъ работниковъ въ поиски за мной и негодоваль теперь вслухъ, осыпая меня попреками, но сквозь дре моту я едва ихъ слышалъ.

— Вотъ, дай волю эгимъ мальчишкамъ, отпусти только возжи хоть на палецъ!

Увы, всё разсужденія пропали. Я уснуль, еще сидя въ креслё, и, съ трудомъ разбуженный, сейчась же погрузился въ глубокій сонъ, едва добрадся до кровати.

VIII.

Въ это лъто я больше не встрвчавъ Файзуллу. Въ кочевью, куда я часто ъздилъ, его не было.

—Пропадаеть гдё-то, — объясниль Нургалій, отворачивая въсторону глаза. Зам'єтивъ этоть маневръ, я пересталь разспрашивать. Вопреки укоренившемуся мнінію о чрезм'єрномъ любопытств на восток , н'єть деликатн'є людей въ этомъ отношеніи, чімъ башкиры: назойливых , лівущих въ душу вопросовъ празднаго россіянина вы здісь не встрітите.

Лъто вончилось, я увхалъ. Еще вимой дядя, будучи въ городъ, разсказывалъ о готовящихся съ лъта крупныхъ перемънахъ въ окрестностяхъ хутора. Большая партія переселенцевъ, съ осени высылавшая ходоковъ, зимой заключила формальное условіе съ башкирами сосъдней деревни и съ весны должны были появиться «первые піонеры цивилизаціи», какъ, смъясь, называлъ ихъ дядя.

- Интересно, закончиль онъ, посмънваясь, и обернулся ко мнъ, — это то, что пріятель твой, Файзулла, встим силами и, говорять, не безь краснортия, противился этому нашествію иноплеменныхъ.
  - Файзулла?—переспросиль я, ему-то что же?
- Воть то-то и дело! Бездомникъ, бобыль, —а горяче всёхъ голвоваль о томъ, что русскіе стёснять, что русскіе испортять землю, испортять степь и, вёдь, чуть было, говорять, не разстроиль всего дела. Деревня раздёлилась на двое: беднота, которой всего больше нужны были бы деньги и у которой давно и скота нёть, стояла виёстё съ нимъ, а богачи, въ томъ числе Нургалій, съ превеликой охотой соглашались. Земля, однако, у нихъ родовая, въ общей межё нёсколькихъ деревень, и, вотъ, туть-то, на общемъ сходё, три четверги котораго нужны для законности сдёлки, проигралъ Файзулла. Дальнія деревни, которымъ, конечно, вовсе не стёснительно новое сосёдство, перевёснии. Да,—закончилъ дядя,—плуть и шелопай твой Файзулла несомиённый, но безусловно человёкъ съ поэзіей.
- Ему, видишь ли, полному пролетарію, обратился онъ въ матери, — жаль стало простора, жаль степной тишины, жаль этой цъльной, отъ созданія міра нетронутой рукой человъка, земли. Кто знаеть, быть можеть, онъ пожальль и степной цвётокь, и степного волка, — того и другого прогонять въ глушь шумъ русской деревни и остріе плуга.
- Въроятиве всего, замътила матушка, его позабыли одарить и онъ хотълъ показать, что имъетъ вліяніе, что нужно купить и его голосъ.
  - Я самъ сначала подумаль такъ, —живо возразиль дядя, —

мало того совѣтоваль ходокамъ,—они приходили ко миѣ,—купить его. Представь, денегь и подарковь онъ не взяль, и толькоприсутствоваль на каждомъ даровомъ угощеньи, напиваясь подъ шумокъ, вопреки заповъди Магомета, до положенія ризъ. Быть можеть, эта злополучная страсть лишила его не малаго числа. союзниковъ.

Переселенцы, дъйствительно, прівхали ранней весной и ивтомъ жались въ мазанкахъ и землянкахъ, по другую сторону ръчки, протекавшей около коренной башкирской деревни. Странное впечатавніе производили эти дві деревни, стоявшія рядомъ: въ одной уныван, обычная летомъ, тишина, въ другой съ утра до поздней ночи спешная работа, говоръ, возня, громкіе крика. Стучать топоры, скрипать возы, больше рогатые быка медленно тащать закупленный лёсь и лубки. -- Жизнь и смерть. Точно шумный городъ и рядомъ кладбище. Народъ явился, видно, зажиточный, веселый, статный, красивый. Эти люди не походили на техъ, какіе двинулись потомъ цельми волнами; эти, очевидно, пришли гонимие не нуждой, а какой-то особой потребностью простора и воли. «Тесно стало на старине ». объяснями они. Отношенія съ башкирами установились добродушно-пріявненныя. Башкиры нерідко съйзжались по двое, по трое, чтобы посмотрёть стройку новыхъ избъ или пашню на волахъ, глубоко вздеравшую тучный девственный черноземъ. На четверть и болье поднимались пласты черной, сочной, точно обмаванной жиромъ, земли, и не разъ замвчалъ я, какъ при этомъ легкое подобіе вздоха шевелило грудь какого нибудь всадника оборванца.

Файзулла, не ходившій въ эту зиму на работу,—у него опять разбольнась грудь, — ръдко ноказывался около новой стройки, а когда быль, то совстив не добрымъ огонькомъ горъли его глаза, глубоко ушедшіе въ глазныя впадины.

Уже подъ осень я встрётиль его въ степи. Онъ быль пёшкомъ и, по обыкновеню, оборванъ и грязенъ.

- Файзупла, окликнуять я, куда ты?
- Туть,—онъ протянуль руку къ степи,—барсукамъ петли ставить.
  - Удачно ли?
- Хорошимъ удачамъ, глухо проговорияъ онъ, степь кончалъ, повернуться негдъ. Барсукъ уходилъ, барсукъ не любить шумъ. Барсукъ уходитъ, задумчиво повторилъ онъ, точно съ большой тяжестью укладывая въ слово свою и ысль, барсукъ уходить башкуртъ та уйдетъ.
- Куда же уйдеть башкирь?—спросиль я, не ясно понимая смысль того, что онь сказаль.
  - Землямъ, землямъ, два раза произнесъ онъ, топнувъ

о землю ногой, и медленно, точно удрученный тяжестью, за-

Теперь я поняль своего стараго пріятеля.

IX.

Зимой дядя разсказываль, что новые сосёди, башкиры и переселенцы, въ наилучшихъ отношеніяхъ, хотя, — зам'ётиль онъ,—не вся деревня настроена одинаково... И вообще въ тон'ё его разсказовъ слышалась неспокойная нота.

— Иные, Файзулла въ томъ числё, попрежнему дуются, продолжалъ дядя. — Слабетъ старикъ, полагаю, отъ хронической голодовки. На прінски онъ уже больше не годится и скрипитъ, и чахнетъ зимой, какъ башкирская лошадъ. Ну, да дай срокъ, придетъ весна, придетъ кумысъ, расцейтетъ, пожалуй, опять.

Меня безпокомим эти въсти.

- Дядя,—заговориль я однажды, набравшись смёлости (дядя не любиль разговаривать серьезно съ «младенцами»,—хотя я въ это время уже перерось его). Дядя, сказаль я, тебъ самому не жаль этой степи? въ ней было такъ хорошо!
- Видишь ли, мальчикъ, не сразу отвётиль онъ, есть въ мір'в законы сильн'ве воли и законовъ челов'вческихъ. Людямъ тесно, по тому ли, по другому ли, тесно; имъ нужны новыя м'еста. Что за дело, что эти м'еста уже заняты. Займеть, въ конц'в концовъ, тотъ, за к'емъ сила, слабые должны уступить.
  - Какъ же рёшить, кто именно сильнёе?
- Исторія рѣшить, другь мой, —тихо отвѣчаль дядя. —Мнѣ самому стало тѣсно, —внезапно разгорячаясь, прибавиль онь, —но вѣдь отсюда не сиѣдуеть, что я должень дѣлать гадости, что я должень бороться тайкомъ, что я...—дядя внезапно смолкъ.
  - Что же?-спросиль я, весь насторожившись.
- А то, также внезапно успоконвшись, проговориль онъ, что не все хорошо теперь возлѣ насъ. Идеть глухая, темная, скрытая борьба; никто не виновать въ ней, быть можеть всѣ правы, но жить такъ пе годится; по крайней мѣрѣ, это не по мнѣ! Я думаю бросить хуторъ.
- Въ чемъ же дело? допытывался я, но на этотъ разъ такъ и не допытался.

Въ другой разъ, той же зимой, дядя прівхаль разстроенный, въ такомъ состояніи духа, какого я въ немъ еще не замічаль. На вопросъ матушки, какъ здоровье?—онъ раздраженно отвітиль:

— Будешь здоровъ, когда того и жди, что спалять, когда

пришлось завести цёлую свору злёйшихъ псовъ, когда кругомъ творится что-то такое, чего не пожелаешь и лютому врагу.

Матушка обезпокомлась, предложила послать за врачемъ, — ея обычная мъра во всъхъ несчастьяхъ и тревогахъ жизни, — но понемногу все вошло въ колею, и за ужиномъ, совсъмъ успокомвшись, дядя разсказывалъ:

— Представить нельвя, что у насъ лворится. Недвли двв назадъ ночью у переселенцевъ вспыхнуль пожаръ. Вътеръ быль адскій. Цізлый порядокъ занялся въ одну минуту и сгорыль до тва. Люди обезумъли, и было отчего... Ну-съ, сначала все, какъ водится, приписами случаю, несчастью, потомъ, когда прошли первые дни, улегся страхъ, — стали разсуждать и, внаете, подовржніе пало на башкирь. Почему, побъяснить не съумъю. Одно върно: еще съ осени начались мелкія кражи: тамъ мука пропадаетъ изъ амбарушки, тамъ одежа. Люди внають другь друга, увёрены въ сосёдяхъ. Это ли, другое ли что навело на мысль, мужние озлобились. Учредили правильные караулы, не смотря на страшные моровы, дежурили по ночамъ. Встревоженный ихъ настроеніемъ, и я приняль меры... на мельницъ всякій бываеть народъ, —но у меня, слава Богу, до сихъ поръ все благополучно. Надняхъ караульные поймали башкира. Съ чвиъ шель онъ, неизвестно, парень еще молодой, но русски говорить плохо, свазывають въ влетямъ подбирался. Дело кончилось страшнымъ избіеніемъ, быть можеть, и неповиннаго человъка. Башкиры озлобились въ свою очередь, и до чего все это дойдеть, одному Богу извёстно.

У меня вертвися на языкв вопросъ, но я не смвиъ его предложить.

— Да,—задумчиво закончилъ дядя, — пора кончать. Такъ козяйничать не стоить; не страхъ двигаеть мною, другое: противно быть на ножахъ.

Зная склонную къ добродушію натуру дяди, я не удивился выводу. Ховяйства, однако, онъ не бросиль, — слишкомъ свыкся со степной жизнью и безъ нея, въроятно, не зналъ бы куда дъваться. Но не разъ еще въ ту же зиму онъ пугалъ матушку возможностью страшныхъ осложненій, чуть не до взрыва башкирскаго бунта включительно.

X.

Ни въ этотъ, ни въ следующій годь, я на хуторе не быль. Обстоятельства заставили насъ переселиться на югь, где я кончаль гимназію. Матушка была сильно больна, и чудный воздухъ Крыма не принесъ ей здоровья. Въ тотъ годъ, когда я быль въ восьмомъ классе, ея не стало и, окончивъ курсъ,

томясь и глубово тоскуя, я не зналь, что делать съ собою до осени, когда передо мной откроются двери университета. Быль памятный для Россів 77 годъ, но душа моя, пораженная первымъ непоправимымъ ударомъ, не откинкалась на жизнь, кипъвшую вокругь. Много товарищей ушло въ то время на войну; я еще не быль на призывной очереди, и громъ нашехъ нушекъ на берегахъ Дуная не шевелиль моего воображенія. Я точно быль охвачень свинцовымь сномь и жиль но инерціи. Въ это время получиль я письмо отъ дяди: писаль онь иемного, но оть немногихь строкь въядо не только теплотой и участіемь, ввяло чвить-то большимъ... Казалось, я нужень оку, онь зваль моня, жалуясь на наступившую старость, на одолъвающія больвии, на темный страхъ будущаго. Какъ всегда бываеть, это подействовало сильнее утвшеній, сильние самаго мягкаго виниательнаго ухода. Я встрепенудся и черезъ несколько дней уже быль въ дороге. Длинный путь до Нижняго по рельсамъ, оттуда на нароходъ н опять по жельной дорогь изъ Самары мелькнуль, не оставивъ никакого впечативнія. Но, воть, я свиъ на своихъ лошадей, высланных въ Оренбургъ, свистнулъ знакомымъ посвистомъ старый дядинъ кучеръ, и черезъ полчаса, выбхавъ изъ душнаго пыльнаго города, мы потонули въ привольной степи. Невольный возглась вырвался у меня, и въ немъ сказалось все, что было на сердив: и тягость постигшаго горя, и прелесть детских воспоминаній, вдругь охватившихь душу, и восхищение действительной красотой окружающаго.

Старый кучеръ обернулъ ко мий загорйлое пыльное бородатое лицо, чуть-чуть усмихнулся, оглянулся вокругъ и вдругъ, вытянувъ руки, особеннымъ образомъ гикнулъ на лошадей. Тройка подхватила сразу, колеса мягко зашуршали по гладкой, какъ столъ, степной дорогъ; отъ быстроты захватывало духъ, я закрылъ глаза...

XI.

Дядю засталь я постарѣвшимъ, осунувшимся. Онъ не разспрашиваль о смерти матушки, я не говориль о ней; мы избъгали этого вопроса точно по взаимному уговору; за то тъмъ съ большимъ оживленіемъ толковаль старикъ обо всемъ на свѣтѣ: объ урожат этого года, который объщаетъ быть великолъпнымъ, о войнъ, которая, по его мнѣнію, былабезполезна, о будущности Европы, словомъ, обо всемъ, что приходило ему въ голову. Голосъ его былъ не всегда твердъ, порою, поднимая глаза, я замѣчалъ въ его глазахъ слезы. Наконецъ, пришло время ложиться спать. Провожая меня в целуя по обыкновению въ лобъ, онъ вдругъ точно еще вспом-

- Да, забыль теб'в сказать: помнишь Файзуллу?
- Конечно.
- Погибъ, братъ...
- Какъ? —съ живостью спросиль я.
- Присядь на минуту, исторія длинная, сказаль дядя, и самъ присвлъ. Помнится, говориль я тебъ, какъ онъ вель себя во время переселенія.
  - Какъ же, какъ же.
  - Потомъ пошли туть разныя неурядицы...
  - Помню и это.
- Конечно, по первому времени только. Все это на второй же годъ сгладилось. Одно было не хорошо: лошади стали пропадать у престыянь... Да и у меня, — улыбнувшись продолжаль онъ, - въроятно для виду, пропали двъ кобылы. Недвли черезъ двъ я нашель ихъ въ собственномъ денникъ. Сильно въ то время скалили зубы переселенцы на этого Файзуллу. Дело язвестное, злость еще съ первыхъ дней. Я, однако, не берусь судать и не скажу, что онъ виновать. Неть, грема на душу не возьму, хотя увъренъ, дъло безъ него не обощлось. Это все пустявъ, однако, — продолжалъ онъ. — Самое скверное разыгралось нынъ весной. Знаешь, всь ждали войны, население тихо волновалось; волновались и башкиры, еще тише. Правда ли, нёть ли, мнё говорили въ городё, адёсь появилось нёсколько турецких эмиссаровъ. Къ этому времени переселенцы заложили фундаменть новой церкви. Какой дуракъ пустиль среди башкерь слухь, что война ведется для того, чтобы всёхь шхь крестить въ русскую въру, не знаю, но самъ Нургалій, -онъ знаешь, не глупъ, — прітажаль ко мнв и осторожно выпытываль: правда ин это? Разумвется, я, насколько могь, объясниль ему положеніе вещей. Онъ уб'єдился, но призывъ очередныхъ рекругъ подлияъ масла въ огонь, и въ одинъ прекрасный день, върнъе, въ одну прекрасную ночь весь лъсъ, заготовленный для церкви, вспыхнуль яркимъ пламенемъ. На этоть разъ быль захвачень виновникъ-Файзулла. Сколько били его, вымещая старые счеты, быть можеть и невърные, сказать не сумёю, едва удалось мнё отбить его отъ разсвирепевших мужиковъ. Теперь онъ въ тюрьме и судится чуть ли не за возбуждение въ отврытому бунту.

Дядя поднялся.

Моя постель стояла въ той самой комнать, гдь жиль я раньше. Надъ кроватью, на ковръ висъло мое дътское ружье... Забытыя коллекціи бабочекъ и цвътовъ, въ ящикахъ подъ стекломъ, стояли на простенькомъ столь въ углу. На меня пахнуло дътствомъ, неувядаемой предестью первыхъ впечат-

дъній, пробуждаемых ощущеніемъ природы, и долго еще, ворочаясь съ боку на бокъ, пытался я разръшить вопросъ: кто же мой съдой товарищъ дътскихъ забавъ? кто онъ? Озлобленный ли фанатикъ, потерянный ли человъкъ, полный ненависти ко всему, что носить печать порядка и трудолюбія, дикарь ли, наконецъ, которому правятся разрушеніе, кровь, стоны, сами по себъ, какъ волку нравится не голько ъсть, но еще и терзать добычу.

Я заснуль, припоминая нашь разговорь: «барсувь уйдеть, башкурть та уйдеть!»—Куда, спрашиваль я, засыпая... «Землямь», отвёчаль мий глухо старческій голось, и вслёдь затёмы понеслись, замирая и тая, точно удаляясь оть земли, гортанные, рёзкіе звуки; звуки, которые теперь напоминали почему-то морской прибой, вой вётра, стоны, и дышали могильной скорбыю.

А. Евреиновъ

Соціологическіе взгляды Дюркгейма.

Статья вторая.

I.

Не отъ кого не скрыта все усиливающимся тенденція обществъ въ разділенію труда, тенденція, дающая себя знать не только въ области экономических явленій, гді она впервые была замічена, но и въ любой области соціяльных явленій. Даже боліє: благодаря изслідованіямъ послідняго времени, она является фактомъ біологическаго порядка, такъ что оказывается чуть-ли не однимъ изъ существенныхъ свойствъ организованной матеріи, частной только формой котораго является разділеніе общественнаго труда. И воть является вопросъ, какъ намъ относиться къ этому факту: подчиниться ли ему, или бороться съ нимъ? «Должим ли мы стать законченнымъ, полимиъ существомъ, самодовліющимъ цілымъ, или, наобороть, только частью цілаго, органомъ организма?» (4. Div.). Словомъ, предстоять разобрать, представляеть ли разділеніе труда моральное правило поведенія.

Обыкновенно, говорить Дюркгеймъ, при такомъ разборй сравимвають данное правило съ какой-нибудь общей формулой нравственвости и, смотря по тому, согласно ли оно, или ийть, съ этой формулой, его признають или не признають правственнымъ. Но это
методъ ненаучный; общая формула, служащая критеріемъ, не представляется неоспоримой истиной, и это лучше воего видно изъ того,
что всякій моралисть имбеть свою собственную формулу. Кром'й
того, эти формулы не охватывають всей выражаемой ими дійствительности, между тімь какъ всё моралисты, скрыто или явно, привнають, что он'й имбють значеніе только; въ томъ случай, если
дають отчеть во всёхъ фактахъ, моральный карактеръ когорыхъ
неоспоримъ.

Анализъ изкоторыхъ изъ наиболто выдающихся системъ иравственяюти приводить Дюркгейма въ убъждению, что онт действительно не удовлетворяють этому условию. Впрочемъ, удевительнаго въ этомь вичего итъ. Общая, обнимающая вст факты правственмой жизин, формула можеть быть получена не въ начале изследо-

ванія, а въ концё его. «Какъ можно отолковаться насчеть общаго. принципа моральной жизни, когда еще исть согласія относительно отнальныхъ, частныхъ обязанностей и правъ» (15). Необходимо поэтому предварительное изследованіе фактовъ моральной жизни: и необходимость эта покажется еще настоятельные, если обратить внеманію на всю сложность нравственности, которая в'ядь не состоить изь двуха-трехь общихь правиль, служащихь намь путеводной нетью въ жазни. Неть одной единственной обязанностисуществують иногія обязанности. Во всёхь важныхь случаяхь жезне, когда мы хотемъ знать, каково должно быть наше поведеніе, намъ нёть нужды восходить до общихъ принциповъ, чтобы разбирать затемъ, насколько оне пременемы въ данеому частвому случаю. Для этого вивются опредвленные и спеціальные способы поступать, - представляющіе аналогію оъ рефлексами въ органической жизни, -- которые повелительно навизываются намъ. Когда мы. напримаръ, повинуемся правилу, предписывающему стыдливость; MIN CORCEME HE RETEDECTENCE TEME OTHORHERISME, BE KOTOPHINE OHO состоить съ основными аксіонами правственности.

Словомъ, міръ нравственности такъ общеренъ и сложенъ, что нельзя добраться до управляющаго имъ верховнаго закона однимъ скачкомъ, какъ это обыкновенно дълаютъ моралисти. Нужно бы создать особую науку, которая занялась бы классификаціей моральныхъ фактовъ, выясненіемъ условій, отъ которыхъ они зависять и т. д.

Но спрашивается, какимъ же образомъ узнавать факты, относящіеся къ этой наукі? Какъ отличать нравственные факты отъненравственныхъ?—На это Дюркгеймъ отвічаеть, что руководствоваться туть нужно какимъ-нибудь внішнимъ, ведимымъ признакомъ, а не формулой, выражающей сущность нравственности, подобно тому, какъ біологь узнаетъ біологическій факть не на основаніи какого-нибудь философскаго понятія о жизин, а на основаніи нікоторыхъ видимыхъ признаковъ.

Двіз черты отличають, по мейнію Дюркгейма, нравственных правила отъ другихъ правиль поведенія. 1) Когда поступовъ, который по своей природі долженъ согласоваться съ какемъ-нябудь правственнымъ правиломъ, удаляется онъ него, то общество—разъ оно объ этомъ внасть—препятотвуеть такому уклоненію мли вообще актявно реагируетъ противъ вниовника. Убійца или воръ терпятъ матеріальное наказаніе, человікъ, пренебрегающій правилами чести, подвергается общественному презрінію и т. д. Не такъ относится общество къ другимъ поступкамъ: если я веду коммерческое предпріятіе не такъ, какъ слідуеть, то я рискую потерпіть неудачу, но общество не мізмаєть мніз поступать по моему. 2) Это соціальное воздійствіе обязательно слідуеть за нарушевіємъ; оно иногда даже опреділено напередъ до подробностей. Всякій зараніє внастъ, что ожидаеть его, если совершонный кмъ поступокъ будеть при-

внанъ противнимъ правилу судомъ или общественнымъ мийніемъ. Между твиъ, если я уклонесь, напримеръ, въ коммерческомъ двявоть рутинимъ пріемовъ, неязвестно еще, каковы будуть последствія такого уклоненія: можеть получиться неуспехъ, но возможно и обратное, и тогда нововведеніе привьется къ обществу. Въ области же нравственной жизни со всякимъ нововведеніемъ борются, какъ съ проступкомъ, и единственный возможный въ ней прогрессъ—это тотъ, который делаеть все общество вийств.

Если условиться назвать санкціей это опреділенное напередъ воздійствіе общественнаго сознанія противъ нарушителя правиль, то можно сказать, что всякій моральный фактъ состоить въ санкціонированномъ правиль поведенія. Для избіжанія недоразуміній шадо точно опреділить, что понимать подъ терминомъ общественное сознаніе. Даже внутри одного и того же общества сознанія не сходим между собой: сознаніе ученаго совсімъ не тождественно съ сознаніемъ земледіліца или преступника. Поэтому подъ общественщимъ сознаніемъ надо понимать нормальное сознаніе, т. с. то, которое наиболіе распространено въ обществі.

Могуть возразить, замечаеть Дюркгеймь, что при такомъ понаманін правственность сившивается съ правомъ. Но начего страннаго тугь неть: обе эти области слишкомъ тесно связаны между собой, чтобы можно было ихъ радикально отделить: то какія-нибудь правическія правила становятся моральными, то, наобороть, моразьныя придическими. Большинство признаеть моральный характеръ только за некоторыми юридическими правилами, именно за жаноолъе общини изъ нихъ. Но такое различение произвольно, такъ какъ нать определеннаго критерія для проведенія его. Кром'я того, эти общів принципы могуть переходить въ действительность, только отановясь солидарными съ частными юридическими нормами. Морамногъ, напримъръ, говоритъ: уважай чужую соботвенность. Но сама эта собственность была пріобрётена согласно съ извёстными правовыми предписаніями. Значить, если источники пріобратенія права собственности не нивють моральнаго характера, то какъ можеть его нивть само право собственности?

Впрочемъ, если право в нравственность и не отдёлним радижально другь отъ друга—между ними можно всетаки установить различе. Различе это не представляеть собою различе по существу; оно заключается въ способе, какимъ совершается воздёйстве противъ нарушающаго какое-нибудь правило. Воздёйстве противъ жарушителя чисто моральнаго правила совершается всёмъ и каждмиъ; воздёйстве противъ нарушителя юридическихъ постановленій—особыми корпораціями; первоз—диффузивно, второе—органивованно.

Но приведенное выше определение нравственнаго еще не полно. Моральное сознание обществъ способно ошибаться. Оно можеть дать вившей признакъ правственности правиламъ поведения, которыя

сами по себё не вийють нравственнаго характера, и, наоборотъ, не санкціонеровать правель, которыя должны быле бы быть санкціонерованы. Вопросъ, значеть, въ томъ, чтобъ отдёлеть область моральной физіологіи отъ области моральной патологіи, такъ какъ правелю, представляющее несправедливо характеръ обязательности, должно быть отнесено въ область моральной патологіи; вопросъ вътомъ, чтобъ отдёлеть нермальное въ общественномъ сознаніи отъненормальнаго.

Мы уже въ первой статьв изложили взгляды Дюркгейма на этоть вопросъ. Но для даннаго случая нужны некоторыя дополневія. — Есть случан, богда для отличія исриальных правиль поведенія отъ ненориальныхъ недостаточно относящихся сюда общихъ правняв метода. Это бываеть тогда, «когда моральное сознаніе напій еще не приспособимось къ изийненіямъ, происшедшимъ въ средь, и когда, разделенное между прошлымъ, тянущимъ его навадъ, и нуждами настоящаго, оно колеблется вылиться въ опредъленную форму. Тогда появляются правила поведенія, моратьный карактеръ которыхъ неопределенъ. Но методъ остается тоть же. Надо начать съ установленія нормальнаго типа, а для этого единотвенное средство-это сравнить его съ саминъ собой. Мы можемъ определять новыя условія состоявія здоровья только въ функців отарыхъ, ибо у насъ нътъ другой точки опоры. Чтобы узнать, ниветь ди какое-нибудь правило моральное значеніе, надо сравнеть его съ другими, внутренняя моральность которыхъ установлена. Если оно играеть ту же роль, т. е. служеть такъ же цънкъ, если съ другой стороны, оно вытекаетъ изъ причинъ, изъ которыхъ равно вытекають и другіе моральные факты, если, слёдовательно, эти последніе такъ связаны съ немъ, что не могуть существовать бевъ него, то изъ этого функціональнаго тождества и изъ этой солидарности нивотъ право заключить, что оно должно быть желаемо точно такъ же, какъ и другія сбязательныя правила поведенія, что, сийдовательно, оно нравственно» (Div. 36-37).

Посав всего этого Дюркгеймъ приходить къ савдующему окомчательному опредвлению нравственнаго: «Нравственнымъ фактомъ, нормальнымъ для даннаго вида, разсматриваемаго въ опредвленную фазу его развития, называютъ всякое правило поведения, съ которымъ связана репрессивная диффузивная санкція въ среднемъ числё обществъ этого вида, разсматриваемыхъ въ одинъ и тотъ же періодъ ихъ эволюціи; во вторыхъ, то же названіе подобаєть всякому правилу, которое, не представляя ясно этого критерія, аналогично, однако, вёкоторымъ предыдущимъ правиламъ, т. е. служютъ тёмъ же цёлямъ и зависить отъ тёхъ же причинъ» (Div. 37—38).

Заручившись этимъ определеніемъ, можно вернуться къ поставденному вопросу: имветъ ли иравотвенную ценность разделеніе труда?

Нать сомнанія, говорить Дюркгеймъ, что въ современныхъ евро-

пейских обществах общественное мивніе все болье и болье стремится къ тому, чтобъ поведительно требовать его. Конечно, те, которые не повинуются этому требованію, не подвергаются установленному закономъ наказанію, но они порицаемы. Н'якогда, правда, совер**меннымъ** человъкомъ считался разносторонній человъкъ. Но въ наше время дало обстоить не такъ. Чтобъ успашно бороться съ природой, мы нуждаемся въ двятельности, которая не разбрасывается въ ширину, а сооредоточивается и выигрываеть въ интенсвиности то, что теряеть въ экстенсивности. Прежній совершенный человъкъ представляется намъ делеттантомъ. Совершенство мы видимъ скорте въ сведущемъ человеке, который старается не быть воймъ, а быть полезнымъ, который имбеть ограниченную задачу и посвящаеть себя ей, который делаеть свое дело. Особенно исно оказывается это направление общественнаго миния во все болье спеціальномъ карактерів воспитанія. Стовомъ, одной изъ своей сторовъ категорическій императивь моральнаго сознанія на пути принять следующую форму: сделай себя способнымъ исполнять съ пользой опредвленную функцію.

Правда, это правило всегда и повсюду ограничено противоположнымъ правиломъ, повелевающимъ намъ осуществить общій намъ венть идеаль. Этоть общій идеаль можеть все болье терять въ величий, но она не исчева, и всякій-ва тома или инома объем'япризнаеть его. Но это ограничение одного обязательнаго правила другимъ такимъ же только доказываеть, что разделеніе труда не можеть быть безраздично въ нравственномъ отношенін. «Дійствительно, правило, предлисывающее намъ осуществить въ себв вов аттрибуты вида, можеть быть ограничено противоположнымъ правеломъ раздёленія труда только въ томъ случай, если это послёднее той же природы, т. е. нравственно. Долгь можеть быть сдерживаемъ и унвриемъ другимъ долгомъ, но не чисто экономическими нуждами» (Div. 41). Поэтому, если правило, требующее раздъленія труда, не нравственно, то оно безиравственно, нбо оно мешаетъ осуществиенію нравственнаго правела, требующаго оть насъ целостности. Но допустить это весьма трудно; разделеніе труда, очевидно, нензовжный факть, такъ какъ оно неудержимо прогрессируеть въ теченіе віковъ. Тогда пришлось бы допустить неразрішниую антиномію между нравственностью и дійствительностью.

Однако, замічаєть Дюркгеймъ, за этими разсужденіями нельзя привнать сиды непоколебимыхъ аргументовъ. Нікоторое сомивніе остается. Дійствительно, котя общественное мийніе санкціонируетъ правило разділенія труда, но оно это ділаеть не безъ нікотораго безпокойства и колебаній. Наряду съ восхваленіями разділенія труда существують не меніе распространенныя указанія на опастаюти его.

Все это доказываеть, что мы имбемъ дёло съ случаемъ нереходнаго времени. Общественное сознаніе не опредёлилось еще категорически насчеть разделенія труда, хотя оно, поведниому, на пути придать ему обязательную форму. Поэтому, чтобъ узнать. имъетъ ли моральное значеніе разділеніе труда, остается прибігнуть ко второму способу: «Мы должны изучеть разделение труда само въ себъ, вполив спекулятивнымъ образомъ, изслъдовать, къ чему оно служить и оть чего оно зависеть, словомъ, составеть себь о немъ насколько возможно адекватное понятіе. Затычь мы сравнимъ его съ другеми нравственными явленіями и увидемъ, въ какихь оно отношенияхь стоить къ нимъ. Если мы найдемъ, что оно играетъ такую же родь, какъ и другой какой-нибудь обычай, моральный характеръ котораго неоспоримъ; что есля въ некоторыхъ случанхъ оно не исполняеть этой роли, то въ силу анорнальных уклоненій; что опреділяющія его причины являются также определяющими условіями другихъ моральныхъ правиль-то мы сможемъ заключеть, что оно должно быть помвщено между этими по**сл**вдении» (Div. 43).

Сообразно съ этимъ первой задачей изследования должно быть определено функція разделения труда *).

Отвать на этоть вопрось вертится, конечно, у всёхь на устахь. Ведь вся наша цивилизація есть продукть разделенія труда, к этимъ сказано ужъ достаточно о значения этого последняго. Но дело не такъ просто, какъ оно кажется сначала; и если бы этимъ однимъ ограничивалась роль разділенія труда, то оно врядъ ли нивло бы нравственный характеръ. Во первыхъ, инчто не доказываеть, чтобы вивств съ цивилизаціей поднялся средній уровень нравственности. Возрастающее число самоубійствъ, убійствъ всякаго рода (за отсутствіемъ какого-небудь мірня правственности остается пользоваться этими фактами, какъ мереномъ высоты безмравственности въ извистномъ обществи) доказываетъ, что если цивилизація и имветь вліяніе на моральную жизнь, то довольно слабое. Во вторыхъ, если изследовать элементы, изъ которыхъ состоить цивилизація (экономическую діятельность, некусство, науку), мы найдемъ, что ни однеъ изъ нихъ не представляетъ обязательного характера, т. е. признака, по которому мы узнаемъ наличность правственнаго факта. Никому не визняется въ обяванность определенная экономическая, научная или артистическая даятельность. Словомъ, цивилизація удовлетворяють известнымъ потребностямъ, но эти потребности не моральнаго порядка. Онъ безразличны въ правственномъ отношения. А мы видъли, что разділеніе труда не можеть быть таковымь; если оно не хорошо, то оно дурно; если оно не вравственно, то безеравственно. Поэтому остается искать, не имфеть им оно какой-нибудь иной функцін.

^{*)} Для пониманія значенія слова функція, какъ его употребляєтъ Дюр«геймъ, приведемъ следующее определеніе: «спрашивать, какова функція разделенія труда, это значить искать, какой потребности оно удовлетворяєть» (Div. 49).

Коть случан, когда разділеніе труда им'веть совсёмъ иное значене, чёмъ то, ксторое обыкновенно принисывають ему. Воймъ извістны многочисленные обыденные фавты, показывающіе, что несходство (какъ и сходство) можеть быть причиною взаимнаго тяготвин людей между собой. Люди спекулятивнаго склада часто им'воть особую оклонность къ людямъ практики; робкіе люди къ подямъ рішительнымъ и отважнымъ, и пр. Несходство (т. е. разділеніе труда) им'веть здісь функціей созданіе между людьми чувства солидарности. Исторія брака показываеть намъ еще боліве поразительный прим'єрь етого. Въ первобытныхъ обществахъ разділеніе полового труда крайне незначительно, и параллельно съ этимъ крайне неустойчиво брачное сообщество. Съ развитіемъ же дифференціацій между мужчиной и женщиной мы находимъ все большее увеличеніе супружеской солидарности и прочности брака.

Въ виду такихъ фактовъ вознакаеть вопросъ, не играеть ли ту же роль и раздълевіе общественнаго труда? Не состоить ли его функція въ созданіи общественной солядарностя? не благодаря ли спеціализаціи занятій могуть удержаться въ равнов'я теперешнія гигантскія общества? Есля эта гипотеза окажется справедливой, то разділеніе труда «должно им'єть нравственный характеръ, нбо потребности порядка, гармоніи, общественной солидарности считаются всіми правственными» (Div. 65).

Для проверки этой гипотезы мало доказать, что въ современныхъ обществахъ существуеть солидарность, обязания своимъ происхожденіемъ разділенію труда. «Это очевидная истина, такъ какъ въ нихъ весьма развито разділеніе труда и такъ какъ оно производить солидарность» (Div. 66). Требуется, главнымъ образомъ, опреділить, насколько способствуеть эта солидарность увениченных устойчивости общества, является ли она существеннымъ факторомъ соціальной связи или только вторичнымъ. Для этого нужно сравнить солидарность, вызываемую разділеніемъ труда, съ другами видами солидарности.

Но, такъ какъ солидарность фактъ психическій, не поддающійся ни точному наблюденію, ни изміренію, то приходится замінить ее какимъ-нибудь внішнимъ признакомъ, символизирующимъ ее. Пріємъ этоть вполий законенъ. Такъ, наприміръ, физики изучають теплоту по изміненіямъ объема, которыя производить въ тілахъ изміненіе температуры, электричество по его физико-химическимъ дійствіямъ и т. д. Въ нашемъ случай этоть видимый символь мы имбемъ въ праві. Въ самомъ ділів, чімъ члены группы солидарніве, тімъ боліве они поддерживають взаимныхъ сношеній. Число же этихъ посліднихъ пропорціонально числу опреділяющихъ ихъ юридическихъ правиль: «соціальная жизнь повсюду, гді она существуєть боліве или меніе продолжительно, неизбіжно стремится принить опреділенную форму и организоваться, и право есть не что жное, какъ сама эта организація въ томъ, что въ ней есть

нанболее устойчиваго и точнаго» (Div. 67). Конечно, не воё соціальныя отношенія отливаются въ юридическую форму: часть ихъ нормируется нравами; бывають даже случан, что между правомъ и нравами существуеть настоящее противорёчіе. Но эти противорёчія им'ють серьезное значеніе только въ патологическихъ исключительныхъ случаяхъ; что же касается той части соціальныхъ отношеній, которыя регулируются обычаями, то она играетъ только второстепенную роль въ жизни обществъ, опять таки за исключеніемъ патологическихъ случаевъ.

Могутъ вамётить, что сущность солидарности не въ этихъ вийшнихъ ея проявленияхъ, а въ извёстномъ внутрениемъ состояния, которое именно и нужно изучать. Но помимо того, что это внутрениее состояние не поддается научному изследовавию, оно само по себе и не имёстъ такого значения для насъ. Фактически существуютъ только частныя формы солидарности: солидарность семейная, профессиональная, національная и т. д. Солидарность вообще это абстракція, нигде не осуществляющаяся. Къ этой именно абстракція приходимъ мы, когда собираемся изучать солидарность въ ней самой, помимо техъ специфическихъ соціальныхъ формъ (правовыхъ, моральныхъ), въ которыя она облечена въ каждомъ случав.

Мы можемъ, следовательно, принять, что право воспроизводить главнейшие виды солидарности; сколько, значить, есть классовъ юридическихъ нормъ, столько и видовъ солидарности.

Если пренебречь обычными подраздаленіями, созданными въ видахъ практики, то найдемъ, что юридическія правила дёлятся на двё крупныя категорін. Въ первой юридическая санкція состоить въ страданін, причиняемомъ субъекту; это правила репрессивнаго характера. Другія состоять въ возстановленіи нарушенныхъ отношеній въ ихъ нормальномъ видѣ; они реститутивнаго характера. Первыя обинкають все уголовное право; ко вторымъ относятся права гражданское, торговое, процессуальное и пр., отвлекаясь отъ уголовныхъ санкцій, которыя могутъ въ нихъ найтись. Соотвётственно съ двумя этими видами юридическихъ нормъ должно быть и два вида солидарности, однимъ вяз которыхъ и должна быть солидарность, вызываемая раздёленіемъ труда.

Креугольными камиями репрессивнаго права являются понятія преступленія и соотносительнаго съ нимъ наказанія. Чтобы найти выражаємую этимъ правомъ солидарность, надо узнать причину наказанія иля—что одно и то же—въ чемъ собственно состоитъ преступленіе. Если попытаться дать ему опредѣленіе, полносильное для всёхъ времень и обществъ, а не ограниченное во времени и пространствъ (ибо только тогда наше опредѣленіе будеть выражать сущность преступленія), то мы найдемъ, что единственнымъ привенакомъ, общимъ всёмъ преступленіямъ, является то, что они состоять въ поступкахъ, порицаемыхъ всёми членами общества, въ

поступкахъ, которые возмущають чувства, присущія сдвому и тому же соціальному типу во вобхъ здоровыхъ сознаніяхъ общества. Определеть же, въ свою очередь, содержание этихъ чувствъ невозможно, такъ какъ они измъняются отъ общества къ обществу, отъ одной эпохи къ другой. Въ наше время этимъ свойствомъ отичаются главнымъ образомъ альтрунстическія чувства; но въ сравнетельно недавнее время религісяныя, семейныя чувства и цвинй рядь другихъ традиціонныхъ чувствъ играли такую же поминирующую роль. Поэтому невозможно составить година разъ навсегла списокъ чувствъ, оскорбление которыхъ составляеть пр отупленіе; они отмичаются отъ другихъ чувствъ томько темъ признакомъ, что общи громадному большинству членовъ одного и того же общества. Но определение преступления, какъ нарушения коллективныхъ чувотвъ, еще не полно, такъ какъ просто безиравотвенные поступки представляють тв же черты. Differentium specificum преступленій составляєть то, что нарушаемыя ими коллективныя чувотва отличаются особенной интенсивностью и определенностью. Поэтому полное определение преступления гласить такъ: оно представляеть собой действіе, нарушающее «сильныя и опредёленныя состоянія коллективнаго сознанія» (Div. 85), понимая подъ этимъ последнимъ терминомъ совокупность чувствъ и вёрованій, общихъ громадному большинству членовъ даннаго общества.

Ясно теперь, какому виду солидарности соответствуеть уголовное право. Всякій знасть, что существуєть соціальная связь, обязанная своимъ происхожденіемъ сходству всёхъ отдёльныхъ сознаній съ одникь общикь типомъ, представляющимъ психологическій типъ общества. Въ каждонъ изъ насъ существуеть два сознанія: «Олно обнемають только псехическія состоянія, свойственныя лично важдому езъ насъ и характеристичныя дли него, между твиъ, какъ состоянія, охватываемыя другимь, общи всей группъ» (Div. 113). Первое представляеть нашу собственную индиведуальность, а второе коллективный типъ, т. е. общество. Эти два сознанія, котя и раздъльны, витя общій органическій субстрать, связаны между собой и порождають своеобразную солидарность, которая, выз ная изъ сходствъ, соединяетъ индивида непосредственно съ обществомъ. Преступленіе представляеть посягательство на эту солидариссть; наказаніе же является реакціей общества на такое посягательство в виветь функціей сохравеніе общественной сонидарности: оно попрерживаеть недость коллективнаго сознанія, которое потеряло бы вою свою экергію отъ направленныхъ на него покушеній, если бы шаказаніе не возміщамо этой потери, свидітельствуя собой, что коллективныя чувотва все еще коллективны.

Совсимъ иной характеръ представляють санкцін реститутивнаго права. Въ няхъ отсутствуеть всякая идея о наказанін; онй сводатся къ простому возстановленію нарушеннаго нермальнаго теченія вещей. Неисполненіе этихъ правиль не карастся даже диффузив-

нымъ наказавісмъ. «Мы можемъ себё даже представить эти правила вначе, чемъ они суть, и это не всямущаеть насъ. Мысль, что преступленіе межеть быть тернимо, приводить насть въ негодованіе; но мы спокойно допускаемъ изменения въ наследственномъ праве. н многіе даже допускають, что оно можеть быть уничтожено. Такъ какъ эти предписанія не соотвітствують въ насъ накакому чувству и такъ какъ вообще им не знаемъ научно ихъ raison d'être.. то они не нивить ворня въ большинстве изъ насъ... Это служить доказательствомъ, что правила съ реститутивной санкціей или не составляють части коллективного сознавія, или представляють только слабыя состоянія его» (Div. 119-20). Благодаря этому отношения, опредължения реститутивнымъ правомъ, отличаются отъ регламентируемых уголовными нормами; эти последнія соединяють непосредственно индивида съ коллективнымъ сознаніемъ, тогда какъ первыя устанавляваются между ограниченными и спеціальными частями общества и только косвеннымъ образомъ свизывають инчность съ обществомъ.

Эти отношенія двоякаго рода: то они отрицательнаго характера н сводятся къ чистому воздержанію; то они являются положительными, принимая форму кооперація. Отношеніямь перваго рода соотвътствуетъ система вещныхъ правъ, наибокъе совершеннымъ типомъ которой явияется право соботвенности. Функція этой системы не въ томъ, чтобы соединять между собой различныя части общества, в, наобороть, въ томъ, чтобъ ясно отметить отделяющія ихъ гранаци. Строго говоря, можно пользоваться известнымъ вещнымъ правомъ, считая себя однимъ на свете, игнорируя существование другихъ людей. Поэтому неточно даже называть эти отношенія отрицательной солидарностью, такъ какъ они скорве выражають отрацательную сторону всякой солидарности. Но поэтому и приходится предположить существованіе другой, положительной сольдарности. Только взавиныя уступки, компромиссы и самоограничение допускають существование правъ видевидовъ на вещи. И этя взавиныя самоограниченія должны были вовершаться въ духі единодушія и согласія. Чтобы люди признавали другь за другомъ права, необходимо, чтобъ они были солидарны между собой и съ обществомъ, часть котораго ови составляють. Поэтому отрицательная солндарность является только отражениемь въ сферь вещимъ правъ соціальных чувствъ, имеющих совсемъ другой источникъ.

Если вычесть изъ реститутивнаго права совокупность вещныхъ правъ, то получится довольно опредъленная система, охватывающая права: семейное, обязательственное, торговое, процессуальное, административное и конституціонное. Регулируемыя ими отношенія совстить другого характера, чти вышеуказанные; они выражають не одно только воздержавіе, но настоящую кооперацію, вытекающую изъ разділенія труда. Такъ, наприміръ, семейное право старается установить распреділеніе различныхъ семейныхъ функцій

и то, какими оне должны быть въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ; оно, такимъ образомъ, выражаєть ту спеціальную солядарность, которая соединяеть членовъ одной и той же семьи въ силу разделенія семейнаго труда. Правда, обычное миёніе состоить въ томъ, что семейная связь держится исключительно общностью чувствъ и вёрованій. Но за этой, безспорно громадной, массой общихъ семейныхъ чувствъ, не слёдуетъ забывать значенія функціональныхъ различій членовъ семьи, которое доказывается всей юридической организаціей ся. Исторія семьи представляеть именно процессъ раздёленія семейнаго труда между членами семьи.

Точно такимъ же образомъ можно просийдить значение и другихъ частей реститутивнаго права. Въ результать окажется, что регулируемыя вмъ отношения и выражаемая имъ соледарность вытекають изъ разделения общественнаго труда. Ясно теперь, почему кооперативныя отношения, вытекающия изъ разделения труда, вызывають не карательныя, а реститутивныя санкции. Для того, чтобы нивые мёсто санкции перваго рода, необходимо, чтобы вещь находилась во всёхъ сознанияхъ и была такимъ образомъ предметомъ коллективныхъ чувствъ; специализация же задачъ ведетъ именно къ тому, что оне ускользають отъ действия коллективнаго сознания.

Установивъ такимъ образомъ отношения между различными видами солидарности и различными частями права, мы можемъ найти относительное значене обонхъ видовъ солидарности для какогоинбудь даннаго общества. Для этого достаточно опредёлить относительный объемъ уголовиаго права (выражающаго солидарность, интекающую изъ сходствъ и называемую Дюркгеймомъ механическою) и реститутивнаго (выражающаго органическую солидарность, основывающуюся на раздёления труда). Правда, поступая такъ, мы въ первомъ случат игнорируемъ нёкоторые элементы коллективнаго сознанія, которые по своей меньшей энергичности не вощим въ уголовное право и тёмъ не менёе также поддерживаютъ основанную на сходствахъ соціальную гармонію. Но эта погрёшность компенсируется аналогичной погрёшностью въ реститутивномъ правт, которое также не выражаетъ всей символизируемой имъ солидарности, дополняясь въ этомъ отношеніи иравами.

Если върно это отношеніе между обовии ведами соледарности и правомъ, то «преобладавіе репрессивнаго права надъ кооперативнымъ должно быть тімъ значительніе, чімъ різче выраженъ коллектявный типъ и чімъ зачаточніе разділеніе труда. Наобороть, но мірів того, какъ развиваются индивидуальные типы и спеціализируются задачи, пропорція между объемами этихъ двухъ видовъ права должна стремиться стать обратной» (Div. 142). Это и наблюдается въ дійствительности. Чімъ боліве мы подымаемся къ первобытнымъ временамъ, тімъ меніе замічаемъ мы индивидуальныхъ различій какъ тімесныхъ, такъ и духовныхъ. Съ це-

вилизаціей же, наобороть, эта нидивидуацизація усиливаєтся, котя неоднократно висказываєтся опівбочное мивніе, будто цавилизація сглаживаєть различія,—мивніе, основанное на сившенів разнаго сорта коллективныхъ типовъ (національныхъ, профессіональныхъ и пр.) съ нидивидуальными: различіе между націями, профессіами и т. д. безспорно ослабляєтся, но на місто этихъ различій становится невзмірнию боліве значительное разносбразіе индивидовъ внутри этихъ группъ. Параллельно съ этимъ мы замічаємъ преобладаціе и почти исключительное существованіе въ первобытимхъ обществахъ карательнаго права, преобладаніе, все уменьшающесся съ развитіємъ разділенія труда.

Посий всего сказаннаго не трудно доказать, что въ теперенинкъ обществахъ роль механической солидарности сравнительно съ органической крайне незначительна. Достаточно билаго взгляда на современные кодексы, чтобы замитить, какое ничтожное мисто занимаетъ въ нихъ уголовное право по сравнению съ гигантской системой семейнаго, обязательственнаго и т. д. правъ. Это показываетъ, что совокупность отношений, подчиненныхъ репрессивной регламентации, весьма невелика сравнительно съ суммой отношений, основывающихся на раздиления труда.

Но мало доказать, что увеличнось число связей, вытекающихъ изъ разделенія труда, --- надо еще доказать, что интенсивность этихъ СВЯЗОЙ НО МОНЬШО, ЧВИЪ ВЪ ТЪХЪ, КОТОРИЯ ВИТОКАЮТЬ ИЗЪ СХОДСТВА. Это не трудно установить. -- Относительную силу соціальныхъ свивей можно измёрять по неравной мегкости, съ какою оне разрываются. Въ низшихъ обществахъ мы именно замечаемъ весьма частые и легкіе разрывы этихъ связей. Человакъ тамъ не связавъ съ такой силой со своей группой; и этимъ же объясилется крайняя легкость натурализацій въ этихъ обществахъ, такъ какъ такъ, гдь сбщественная связь слаба, не трудно протиснуться въ ряды общества и постороннему элементу. Въ современныхъ же общеотвахъ мы видемъ совсемъ несе. Но ножно не только доказать, что метанеческая соледарность связываеть людей слабее, чемъ органическая; можно еще доказать, что сила этой связи все ослабляется вивоть оъ эволюціей. Число сплыныхъ и опредвленныхъ соотояній коллективнаго сознанія (нарушеніе которыхъ составляетъ, какъ мы знаемъ, преступление) все уменьшается, какъ это доказывается уменьшениемъ чиска криминологическихъ типовъ (напр., почти полное исчезновение уголовной регламентація бемейной жизни. ночезновеніе религіовнихъ преступленій и пр.).--Религіовния чувства (одне изъ наиболье интеленвених коллективнихъ чувствъ) ослабляются самымъ очевиднымъ образомъ. Точно также уменьшается чесло пословить, поговорокъ и другихъ продуктовъ коллектявнаго творчества. Все это свидательствуеть въ пользу того, что коллективное совнание отстаеть въ своемъ рость отъ роста индивидуальнаго сознанія; во всякомъ случав, въ своей совокупности оно становится слабве и неопредвлениве; оно теряеть въ своей отчетливости, пріобратая все болве абстрактимя и нерашительным формы. Это дозволяеть заключить, что вытекающія изъ сходотва соціальния узы прогрессивно ослабляются.

Итакъ, органическая солидарность играетъ доминирующую роль въ современных обществахъ. Но эту органическую солидарность сиадуеть, по миннію Дюригейна, отничать отъ указываемой Спенсеромъ солидарности въ промышленныхъ обществахъ, съ которой первая имбеть, повидимому, большое сходство, такъ какъ и та м другая основываются на разділенін труда. Но между ними есть существенныя разлечія. По Спенсеру промышленная солидарность устанавливается самопроизвольно и поэтому не нуждается ин въ какомъ принудительномъ аппарать для произведения или поддержанія ея. Сфера соціального действія должна, по его теорія, все уменьшаться, сводясь къ чисто отрицательной работь надоматриванія за тімъ, чтобъ видивиды не мішали другь другу. При такихъ условіяхъ одинственной связью, остающейся можду людьми, является обивиз. А такъ какъ общая форма обивиа есть договоръ, то вивоть съ развитиемъ промышленнаго типа обществъ договорныя отношенія становатся всеобщими. — Но оба эти положенія невірны. Сфера соціальнаго действія не только не уменьшается, но, наоборогъ, увеличивается, какъ это доказываетъ непрерывный рость того аппарата, съ помощью котораго совершается соціальное дійотвіе-вменно права. Что касается второго пункта, то на ряду съ увеличениемъ договорныхъ отношеній идеть такое же возрастаніе медоговорныхъ. Это доказывается громаднымъ расширеніемъ правъ семейнаго, адменестративнаго и конституціоннаго, изъ которыхъ только въ первомъ играють некоторую незначительную роль договоры.

«Общественная жизнь вытокаеть изъ двойного ноточника: изъ сходства сознавій и изъ разділенія общественнаго труда. Индивидъ соціализуется въ первомъ случай потому, что, не имая собственной нидввидуальности, онъ сливается, вмёстё съ ему подобными. Въ одномъ и томъ же коллективномъ типъ; во второмъ потому, что котя онъ и имбеть личную физіономію и д'ятельность, отличающія его отъ другихъ людей — онъ зависить отъ нихъ постольку, посвольку отличается отъ нихъ, и, следовательно, зависить отъ общества, вытекающаго изъ ихъ соединенія» (Div. 248). Сходство совнаній даеть начало репрессивнымъ нормамъ, разділеніе же труда порождаеть реститутивное право. «Каждый изъ этихъ сводовъ юридическихъ правиль сопровождается, кромв того, сводомъ чисто моральных правиль. Тамъ, гдв уголовное право занамаеть большой объемъ, весьма велика и коллективная мораль... Тамъ, где очень развито реститутивное право, для каждой профессіи есть своя профессіональная мораль» (Div. 248). Эта профессіональная нравствениссть отличается оть коллективной только количественно: она имбеть меньшій кругь дійствія, и санкціи ся не иміють той интенсивности, что санкціи общей нравственности. «Однако нормы профессіональнаго права и морали повелетельны, какъ и другія. Онъ вынуждають индивида действовать не ради соботвенных его интересовъ, заставляють его делать уступки, соглашаться на компромиссы. считаться съ интересами, стоящими выше его личныхъ целей. Следовательно, даже тамъ, где общество полнее всего основывается на разделения труда, оно не распадается въ атомную пыль, между частицами которой могуть устанавливаться только мимолетным в вившнія отношенія. Наобороть: члены его соединены узами, проотирающимися далеко за короткія мгновенія совершенія обміна... Такъ какъ мы исполняемъ извъстную функцію, семейную или обобщественную, то мы оказываемся заключенными въ съть обязательствъ, отъ которыхъ мы не имеемъ права освободиться. Есть особенно оденъ органъ, по отношению въ которому наше сознание зависимости все увеличивается: это государство» (Div. 249). — Общественная жизнь не можеть обходиться безь взаимныхъ жертвъ, безъ прочимъ привазанностей. Всякое общество есть правственное общество. Въ известнихъ отношенияъ этотъ признавъ даже різче выражень въ организованных обществаху. «Такъ создается весьма сельное чувство состоянія зависимости; индивидь пріучастся правельно оценивать себя, т. е. разоматривать себя, какъ часть цвлаго, какъ органъ органевна» (250 Div.). Такія чувства въ состоянім не только внушить ежедневные мелкія жертвы, безъ которыхъ не можетъ обойтись правильное теченіе жизни, но и настоящее самоотреченіе. Напрасно, поэтому, противоставлять общество, основанное на общности чувствъ, обществу, имающему въ основа кооперацію, и признавать только за первымъ моральный характеръ. Кооперація имъеть также свою моральную сторону. Но порождаемая ею органическая солидарность отлична отъ механической солидарности и даже противоположна ей, ибо, чёмъ больше вначеніе первой, тімъ оно меньше у второй, и обратно.

Объяснивъ общественную функцію разділенія труда, остается найти причину его.

Господствующее мивне принимаеть, что источникомъ его является присущее челсвеку желавіе увеличить свое счастье. По втой теоріи достаточно было возникшаго случайно знакомства съ выгодами разделенія труда, чтобы побудить людей извлечь изъ него вою возможную польву и стремиться къ непрерывному развитію его. — Эта теорія, счатающаяся только съ индивидуальными, исихологическими сторонами явленій, несостоятельна. Во первыхъ, наша способность къ приращенію наслажденій, согласно закону Веберъфехнера, крайне ограничена; увеличеніе наслажденій далеко не пропорціонально громадисму развитію раздёленія труда, а, при отсутствіє такой пропорціональности, между этами двумя фактами

не можеть существовать причинной свизи. Во вторыхъ, счастье не увеличивается парадлельно съ прогрессированьемъ видовъ. Счастьекакъ указывалось уже въ первой статье-есть состояние здоровья. которое не увеличивается при переходе отъ одного вида къ другому, наи, въ одномъ и томъ же видь, при переходь отъ одной фазы его развития къ другой. Будучи фактомъ постояннымъ, оно не можеть являться приченой изменяющагося явленія. - Но отремленіе къ счастью единственный недивидуальный двигатель, который могь бы объяснить развите раздёленія труда; за устраненіемъ его, остается отказаться оть попытки объясивть происхождение жествиченаго явленія чисто видивидуальными причинами; остается обратиться въ окружающей индивида средь, чтобы въ ней найти. меточники измененія въ общественномъ трудь. Но, такъ какъ изъ двухъ средъ, окружающихъ ченовъка, физической и соціальной, первая представляеть относительное постоянство и, следовательно, не годна для объясненія непрерывнаго ряда общественных перемъть, то остается одна только соціальная среда, въ которой и сивдуеть искать причины соціальных вволюцій. Здёсь мы инфемъ частими случай примъненія общаго соціологическаго правила для объясненія соціальных явленій. «Начало всякаго сколько-нибудь значительнаго общественнаго процесса должно искать въ отроеніи внутренней соціальной среды» (Règles, 138).

Если обратиться къ изследованію соціальной среды, то окажутся два фактора, им'яющіе вліяніе на разд'єленіе труда: число членовъ общества, или, какъ выражается Дюркгеймъ, объемъ общества, и имотность обществъ, степень концентраціи массы, изм'ериемая не одной только матеріальною близостью индивидовъ, но и моральнымъ ихъ сближеніемъ.

Разделеніе труда находится въ прямомъ отношеніи къ обониъ этимъ факторамъ.

Объяснение этого нежить въ томъ, что съ увежичениемъ числа шидивидовъ обоотряется борьба за существованіе, которая, какъ это указаль Дарвинь, тамъ сильнее, чамъ сходейе между собой конкуррирующіе организмы. Интенсивность борьбы будеть не такъ веника между особеми различныхъ видовъ, такъ какъ онв питавотся не тождественнымъ образомъ и ведуть не одинаковый образъ живии. Она могутъ тогда существовать бокъ о бокъ, не сталкиваясь между собой. Люди одинаковыхъ профессій конкуррирують между собой, и сила этой конкурренціи тімь слабію, чімь разжачиве другь отъ друга профессін. Между окулнотомъ и психіатромъ не можетъ быть такой конкуррендін, какъ между двумя окулнотами; еще менье возможна эта конкурренція между окужистомъ и, напримъръ, сапожникомъ. Нетрудно теперь объяснить, мочему всякое увеличение плотности обществъ, особенно если оно сопровождается увеличеніемъ населенія, вызываеть неизбежно дальжейшее разделение труда. Вообразниъ себе промышленный центръ,

снабжающій какимъ-нибудь продуктомъ извістную область, въ которомъ промышленныя предпріятія достиги извістнаго состоянія равновісія. Вслідствіе удучшенія путей сообщенія для втого центра становится доступной новая область, на расширявшійся рынокънакидываются всі предпріятія. Равновісіе нарушемо; вновь возивкаеть борьба, въ которой боліе слабыя экономически предпріятія должны уступить сильнійшимъ. Имъ остается два выхода: или совсімъ исчезнуть, или преобразоваться, обратясь къ какой-нибудь новой спеціальности, такъ какъ въ существующихъ спеціальностяхъ всі міста ужъ заняты и имъ придется выдерживать въ нихъту же борьбу, что и въ своей профессіи. Хотя приміръ этотъ заниствованъ изъ экономической области, то же объясненіе примінию къ разділенію научнаго, артистическаго и другихъ видовъобщественнаго труда.

Можеть явиться сомийне въ пригодности этого объясиения. Всякая функція можеть спеціализироваться только въ томъ случай, если эта спеціализація соотвітствуєть какой-нибудь общественной потребности. Гді же берутся эти новыя потребности, безъ которыхъ борьба за существованіе приводила бы не къ новой спеціализаціи, а къ уничтоженію одного изъ конкуррентовъ? Потребности эти создаются самою же борьбой. Обостренная борьба за существованіе требуєть большей траты силь и, соотвітственно съ этимъ, для возстановленія потерь организма лучшей и болье обильной пиши.

Итакъ, если люди спеціализируются, то «не для того, чтобъ производить болье, но чтобы быть въ состоянии жить въ создавшихся новыхъ условіяхъ существованія» (305).

Такова главная причина разделенія труда. Но, кроме нея, есть другія, хоти и вторичню факторы, безъ которыхъ невозножно прогресссированіе разділенія труда. Для возможности этого послідняго необходимо, во первыхъ, чтобы были возможны индивидуальныя варіаців. Эти же, въ свою очередь, предполагають ослабленіе коллективнаго сознанія, относящагося враждебно во всему, что способно его ослабить, то есть въ видиведувльнымъ уклоненіямъ. Это условіе и осуществляется въ дваствительности, ибо, какъ было уже показано, коллективное сознаніе принимаеть все болье неспредьленный характеръ, все болье оснабляется. Какъ доказываеть Дюркгениъ, это ослабление общаго сознания является также продуктомъ увелеченія плотносте обществъ. Другамъ факторомъ, отвеняющимъ овободу нашихъ движеній, является чисто біологическій факторъ наследотвенности, связывающій насъ съ нашей расой такъ, какъ комективное сознание съ социальной группой, въ которой им жаходимся. Но факты деказывають, что наследственность все более н болье териеть свое вліяніе надъ человькомъ. Появляется все увеличивающееся количество свойствъ, на которыя она не инфетъ вліянія, да и тв, непрерывность которыхь она обезпечиваеть, ста**мовятся все бол**ёе и болёе зластичными. Она такимъ образомт. все менее сопротивляется появленію новыхъ комбинацій.

Изъ этого вытекаеть весьма важное для понеманія раздёленія труда следствіе, именно установленія различія между разделеніемъ общественнаго и физіологическаго труда. «Въ организив всякая вивточка инветь свою определенную роль и не можеть изменить ее. Въ обществъ занятія некогда не быле распредъляемы столь неподвижнымъ образомъ. Даже тамъ, гдъ рамки организаціи наиболе тверды, видивидъ можеть двигаться съ извёстной свободой внутри той изъ нихъ, гдв поставила его судьба» (Div. 367). И по мъръ развитія разділенія труда эта гибкость и овобода становится вое значетельные. Мы часто видинь, какъ «одинь и тоть же человевь подвимается отъ самыхъ незвихъ до высшихъ занятій. Принципъ, по которому вов занятія равно доступны вовиъ гражданамъ, не ставъ бы такемъ общемъ, если бы не получавъ постоянимъ примененій. Еще чаще случается, что работникъ кидаетъ свою профессію для какой-нибудъ соседней. Когда научная діятельность не была еще спеціализована, ученый, охватывая почти вор науку, не могъ перемънять занятія, такъ какъ для этого ему приходилось бы отказаться отъ самой науки. Ныиче часто случастся, что онъ посвящаеть себя попеременно различныть наукамъ, что онъ переходить отъ химін къ біологін, отъ физіологіи въ невимогін, отъ психологін въ соціологін. Эта способность принимать последовательно весьма различныя формы нигде такъ не даеть себя знать, какъ въ экономическомъ мірв» (Div. 368).

Некоторые соціомоги, какъ, напримеръ, Спенсеръ, готовы видёть въ этой большей пластичности соціальных функцій доказательство ихъ низшаго состоянія, ибо такого сорта обивиъ функціями разныхъ частей организма существуеть, главнымъ образомъ, у незмихъ организмовъ. Поетому можеть авиться вопросъ, не приметь ли когда инбудъ общество более определенной, законченной формы, каждый органъ и каждый видивидь будуть иметь свою определенмую неваминную функцію? Но біологическія аналогія вцёсь, какъ м весгда, можно употреблять противъ Спенсера съ такимъ же успехомъ, какъ онъ ихъ за себя. Явленіе зам'ященія функцій вотречается не только у назнихъ жавотныхъ, но и въ такихъ высоко развитыхъ органахъ, какъ мозгъ у высшихъ жевотныхъ. Вообще затвердавшая спеціализація не представляєть обязательно признава высшаго развития. Она хороша тамъ, гдв среда сама неподвижва. Но при отоль сложной и подвижной средв, какъ соціальная, неизбежна большая эластичность функціи. Эта гибкость соціальных функцій доказыветь только, что онв становятся все болье независимии отъ своихъ органовъ. Функція не связана ужь таких неподвижных образомь съ опредъенным строеніемъ органа; овязь нежду ники ослабла. Въ визшихъ общеотвахъ, гдв занятия крайне просты в обще, разлечные классы, всполняющіе ихъ, отличаются другъ отъ друга морфологически. «Каждая каста, каждый слой населенія нибють свой способъ питаться, одёваться и т. д. и эти разичія въ образё жизни влекуть за собою физическія различія» (Div. 372). Наобороть, въ высшихъ обществахъ эти контрасты исчезають. Люди, посвящающіе себя различнымъ профессіямъ, отличаются другь отъ друга менёе, чёмъ прежде, тёлосложеніемъ, чертами, и т. д. Функціональныя различія увеличиваются. Если мозги различныхъ индивидовъ и не одинаково способны ко всикимъ функціямъ, то ихъ функціональное безразличіе отановится всетаки больше. Словомъ, прогрессъ раздёленія труда имфеть следствіемъ все большее отдёленіе функціи оть органа.

Изученіе разділенія труда было бы не полно, если бы оно не приняло въ разсчеть ненормальныхъ формъ его. До сихъ поръ оно разсматрявалось, какъ явленіе нормальное; было показано, что, какъ таковое, оно провзводить соціальную солидарность. Но оно не всегда приводить къ этому результату; не даромъ общественное мивніе не рішается еще санкціонировать его. Виной здісь не разділеніе труда само по себі, а патологическія формы его; квученіе ихъ должно, поэтому, устранить поднимаемыя протявъ него обвиненія.

Дюркгеймъ сводить къ тремъ основнымъ типамъ анормальныя формы разділенія труда, изъ которыхъ мы разсмотримъ только первые два.

Первый-это аномическое разділеніе труда. Въ экономической жизни оно выражается все увеличивающимися по мере разделения труда промышленными вризноами и антагонизмомъ между трудомъ н напиталомъ; въ наукъ оно даеть себя знать потерей единотва. науки по мъръ спеціализированья научнаго труда. Ненормальное разделение научнаго труда мы оставимъ въ поков. Что же касается аналогичнаго состоянія экономической діятельности, то причину его Дюригеймъ видетъ въ недостаточной регламентаціи труда. «Нынъ неть правыть, определяющих число экономических предпріятій; а въ каждой вътви промышленности производство не регламентировано настолько, чтобъ держаться на уровив потребленія... этотъ недостатовъ регламентацін не дозволяеть правильной гармовів функцій» (Div. 411). Точно также отношенія между трудомъ ж капиталомъ подвергансь крайне слабому регулированію, какъ это доказываеть хотя бы нечтожное место, занимаемое въ гражданскихъ законахъ договоромъ о личномъ наймв. Это отсутствие регламентаціи, это состояніе аномін, происходить, по мивнію Дюркгейма, оттого, что общественные органы не находятся въ достаточномъ соприкосновеніи между собою, какъ это требуется для нормальной кооперацін. Прежде производители находились вблизи отъ потребителей и могли себъ негко составить представление о величинъ потребностей, поддежащихъ удовлетворенію. Съ развитіемъ же общественныхъ дифференціацій, рыновъ все увеличивается, становясь подъ конецъ всемірнымъ; соприкосновеніе между производителемъ и потребителемъ ослабляется. Парадлельно съ расширеніемъ рынка появляется и крупная промышленность, совсймъ видоизмъняющая отношенія между хозневами и работниками. Эти новыя отношенія требують соотвътственной организаціи, которая не успъла еще установиться благодаря необычайной быстроть экономической оволюціи; такимъ образомъ, сталкивающіеся интересы не успъли еще придти въ равновъсіе.

Предыдущее позволяеть признать неосновательным однив изъ самыхъ серьезныхъ упревовъ разділенію труда. Его часто обвиняли въ томъ, что оно наносить ущербъ личности, своди ее къ роли машины. И это безусловно вёрно, если человёвъ не знаеть, въ чему служать операців, которыхь оть него требують, не знасть неми ихъ. Въ виде противондія предлагали давать рабочимъ, кроме опеціальных технических знаній, и общее образованіе. Но это не можеть предупредить дурныхъ послёдствій, приписываемыхъ разділенію труда; кромі того, привычка къ широкимъ горизонтамъ, къ обобщеніямъ, не только не уничтожить вредимав последотвій спеціализація, но еще усугубить ихъ, ділая невыносимой работу въ узкихъ предвлахъ какой-нибудь спеціальной профессіи. Для уничтоженія вредныхъ последствій спеціализаціи надо только покнать, что виной этого не разділеніе труда, а ненормальная форма его. «Нормально, деятельность важдой спеціальной функців требуеть, чтобъ индивидь не замыванся узко въ нее, но чтобъ онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ сосёдними функціями, сознаваль ихъ потребности, промсходящія въ нихъ переміны и т. д. Разделеніе труда предполагаеть, что работникъ не только не остается сгорбленнымъ надъ своимъ занятіемъ, но что онъ не тернетъ изъ виду своихъ ближайшихъ сотрудниковъ, находится во взаимодействін съ неми. Онъ, значить, не машина, повторяющая дійствія, направленія которыхъ онъ не замічаеть; онъ знаеть, что оне отремятся къ чену-то, къ цели, которую онъ различаеть более или менъе ясно. Онъ чувствуетъ, что служатъ чему-то. Для этого не необходимо, чтобъ онъ обнималь очень обширныя доли соціальнаго горизонта: достаточно, чтобъ онъ обнималь его настолько, чтобы понять, что его действія им'вють цель вив самихь себя. Тогда какъ бы спеціальной, какъ бы однообразной не была его д'ятельность-она двятельность интеллигентного существа, ибо она инфетъ симсять, и работникъ его знаетъ» (Div. 417).

Если мы въ аномическомъ раздълении труда видёли зло отъ недостатка регламентаціи, то бывають случан, когда сама регламентація бываеть причиной зла. Это мы и имбемъ въ борьбё классовъ. «Установленіе классовъ или кастъ составляеть организацію раздёленія труда, и это строго регламентированная организація.

Однако она часто служетъ источникомъ раздоровъ (Div. 419). Но эти раздоры также не являются следствіемъ разделенія труда самого по себъ. Они показывають только, что распредъленіе соціальныхъ функцій, на которое опираются классы, не соотв'ятотвуютъ распределевию естественныхъ такантовъ. Индивидъ беретъ на себя известную функцію не добровольно; она принудительно навязывается ому. Результатомъ такого вившияго принуждевія и является отсутствіе солидарности. Если бы никакое вившиес препятствіе не вившивалось въ борьбу конкуррарующихъ между собой лицъ, то лишь наиболье опособные къ каждому роду двятельности брадись бы за него. Одно только разнообразіе опссобностей опредвияло бы тогда споссбъ раздъловія труда, я при этой гармовіи между способностями человека и родомъ его занятій не могли бы иметь место те раздоры, о которыхъ мы говорили. Поэтому разделение труда можеть вызывать соледарность только въ томъ случай, если опо будеть самопроизвольными, если въ него не будеть вившиваться вившнее принужденіе; ово требуеть, слідовательно, абсолютнаго равенства во вижшинхъ условіяхъ борьбы. Это предполагаеть, конечно, некусную организацію, въ которей «каждая соціальная ценность, не будучи преувеличена ни въ ту, ин въ другую сторону постороянить элементомъ, будеть оціниваться по истинной своей ціні» (Div. 423).

Правда, такая самопроизвольность раздёленія труда нигдё не встрёчается. Но, какъ показывають факты, она становится все замітнёе по мёрё развитія раздёленія труда. И необходимость этого уравневія во вийшнихъ условіяхъ борьбы понятна. Въ обществахъ, держащихся общностью вёрованій, опасность для группы оть вийшнихъ неравенствъ не можеть быть особенно велика, такъ какъ сим весьма слабо затрогивають компективное сознаніе. Наобороть, въ обществахъ съ развитымъ раздёленіемъ труда, держащихся, главнымъ образомъ, органической солидарностью, это неравенство дастъсебя мучительно знать на каждомъ шагу, тёмъ болёе, что оно не нейтрализуется сильно ослабівшими компективными чувствами. Опасность, угрожающая общественной солидарности, становится такимъ образомъ очень серьезной. Поэгому для этихъ обществъ является жизненнымъ вопросомъ устраненіе всякихъ соціальныхъ неравенствъ, мёшающихъ самопровзвольной группировкі общественнаго труда.

Остается подвести итоги всему сказанному.

Никто не сомиввается въ моральномъ значени правила, предписываещаго намъ осуществить всё существенныя черты коллективнаго типа, правила, достигающаго своего апогея у низшихъ народовъ, затёмъ прогрессивно слабъющаго вмёстё съ эволюціей обществъ, но не теряющаго и въ самыхъ развитыхъ изъ нихъ окончательно своего значенія. Функція этого правила состоитъ въ томъ, чтобы предупреждать всякія потрисенія ксллективнаго сознанія и, опедовательно, общественной солидарности. Но и правило, требующее оть насъ спеціаннанрованія задачь, имёсть ту же функцію; и оно необходимо для поддержанія связи обществь, по крайней мірі, начиная съ извістной ступени ихъ развитія. Современныя общества могуть сохраниться въ равновісіи только при условіи разділенія труда: одного тиготінія подобнаго къ подобному недостаточно для этого. Правило разділенія труда должно, поэтому, иміть также моральный характеръ, ибо и оно становится точно такъ же источникомъ общественной солидарности. Если между этими двумя правилами существуєть антагонизмъ, то онъ заключаются не въ пресліддуємой ими ціли, а въ томъ, что они ведуть къ этой ціли противоположными путями.

Практическій выводь отсюда получается тогь, что «въ высшихъ общеотвахъ обязанность закиючается не въ томъ, чтобы раздвигать свою деятельность вшерь, по чтобы концентрировать и спеціаливировать ее. Мы должны ограничить свой горизонть, выбрать опредъленное занятіе и отдаться ему цвинкомъ, вместо того, чтобъ сдёдать изъ своего существа законченное художественное твореніе, мърняомъ цъяности котораго служить оно само, а не оказываемыя имъ услуги. Наконецъ, эта спеціализація должна быть проводима тыть далёе, чёмъ высшаго вида само общество; другой границы невозножно ей указать. Безъ сомивнія, мы должны также стараться осуществить въ себе коллективный тепъ въ той мере, въ какой онь существуеть. Есть общія чувства, общія идеи, безь которыхь, вакъ выражаются, нельзя быть человекомъ. Правило, предписывающее намъ спеціалезацію, ограничено противоположнымъ правиломъ. Мы утверждаемъ не то, что хорошо проводить спеціализацію такъ далеко, какъ только возможно, но такъ далеко, какъ это необходимо» (Div. 451).

Могуть оказать, что разделение труда, делая изъ насъ несовершенное существо, влечеть за собой уменьшене индеведуальности. Но, во первыхъ, не видно, почему было бы въ логией челореческой природы развиваться вширь, а не вглубь. «Почему болье широкая, но более разбросанная деятельность, выше более концентрированной, но узкой деятельности? Почему выше быть всестороннимъ (complet) и посредственнымъ, чемъ жеть более спеціальной, но бовъе интенсивной жизнью, особенно, если возможно найти то, что им термемъ такимъ образомъ, путемъ ассоціаціи съ другими сущеотвами, которыя обладають темь, чего намъ недостаеть, и которыя насъ дополняють» (Div. 453). Съ другой стороны, разділеніе труда не только не уничтожаеть индивидуальности, но оно именно способствуеть развитию ся. «Быть инчностью—вначить быть автономнымь ногочникомъ действія. Человекъ, значить, пріобретаеть это качество нешь постольку, поскольку въ немъ есть что-небудь, принадлежащее лично одному ему, видивидуализирующее его, поскольку онъ является болье, чымь простымь воплощениемь генерическаго типа его расы и группы» (Div. 453). Въ невшихъ обществахъ личность совсёмъ поглощена группой: какъ бы полной и разносторонней ни казалась ен деятельность, но на самомъ деятельность и выражается не личность сама, а общество: личность является только посредникомъ, черезъ котораго действуетъ это последнее; индивидуальность пранадлежить не личности, а заията ею у общества. Только съ появленіемъ раздёменія труда индивидуальное сознаніе выдёмнется изъ компективнаго и личность становится самостоятельнымъ источникомъ действін.

«Такимъ образомъ прогрессъ индивидуальной инчности и прогрессъ разделенія труда зависять отъ одной и той же причины. Невозможно, значить, желать перваго, не желая второго. Но никто не отрицаеть въ наотоящее время обязательнаго характера правила, приказывающаго намъ быть, и быть все более и более, личностью» (Div. 455).

Если ко всему вышесказанному прибавить, что только благодаря раздёленію труда можеть организоваться одно, обнимающее все человічество, общество — нбо боліе обшерныя общества для своего сформированія требують дальнійшей спеціализаців занятій, одно увеличеніе числа конкуррентовъ произвело бы механически этоть результать—то ясно будеть, насколько разділеніе труда свизано со всей нашей моральной жизнью, такъ какъ только оно дастъ возможность осуществиться идеалу всечеловіческаго братства.

II.

Книга Дюркгейма является для него трактатомъ по нравственности. Она ниветь цёлью отвётить на вопросъ, какъ отнестись личности въ разделенио труда: считать ли своей обязанностью борьбу съ нимъ или, наоборотъ, согласованіе. — Въ этомъ отношеніи рёшеніе Дюркгейна, т. е. вся его книга, не имбеть для нась инкакого значенія. Оно основывается на приманеніи тахъ принциповъ, которые были разобраны въ предыдущей статье и признаны неудовлетворительными. Мы вотрачаемся здась съ тамъ же неправельнымъ пониманіемъ нормальнаго, мы имвемъ то же смещеніе существующаго съ желательнымъ, выразившееся здёсь въ его взглядё на нравственность. Вёдь то определение правственнаго, которое даеть намъ авторъ, примънимо лишь къ изучению эволюции правотвенности; но переходить отоюда къ практическимъ требованіямърешительно невозможно. Конечно, результать, къ которому приходеть Дюркгеймъ, указывая на разделеніе труда, какъ на существеннаший факторъ солидарности въ наше время, очень заманчивъ, н-поскольку онъ веренъ-врядъ ли ито отказался бы применуть къ практическимъ выводамъ автора. Но результать этотъ не свизанъ неразрывно со взглядомъ Дюркгейма на нравственность; ж мы пока говоримъ не противъ результата, а противъ того метода, какимъ онъ получается, метода, который не могь дать мёста по-

становив практических вопросовъ, какъ не ножеть она вообще нолучиться при одномъ научномъ изследовании явления безъ вмешательства волевого фактора. Для Дюркгейна нравственно то, что санкціонируєтся обществомъ; нравственное здісь относящемуся къ области моральныхъ явленій. Худо ли, хорошо ли такое опредвленіе, но оно годится для научныхъ требованій, и съ его помощью ножно попытаться прослёдить развитіе нравотвенности. Но отъ этого научнаго опредъленія правотвеннаго рашительно невозможно перейти въ нравственному въ телеологическомъ симске; рашительно невозножно отъ изложения господствовавшихъ и господствующихъ въ обществе нормъ перейти къ вмененію личности въ обязанность руководствоваться этими нормами; невозможно оть изъявительнаго наклоненія перейти къ поведительному. Какое діло личности до того, что въ обществъ считается обязанностью не всть такой-те пящи или всть такую - то другую, если сама она не видить въ этомъ ничего обязательнаго? Какое ей вообще діло до общественныхъ санкцій и нормъ, разъ он'й расходятся съ ея санкціями и нормами? Противъ этого положенія ничего не значить то возраженіе Дюрегейна (см. стр. 38), что фактически индивидь въ своихъ правотвенныхъ возэрвніяхъ выражаеть возэрвнія того общества, въ которомъ онъ живетъ: фактически, объективно-ето такъ, но субъективно-а здёсь имветь решающее значение именно субъективная точка врвнія-діло обстоить иначе. Объективно я часть міра, субъективно-міръ часть меня, будучи мониъ представненіемъ; объективно царить детериннизмъ, субъективно—я чувствую себя свободнымъ, и пр. Объ эти точки рънія не противоръчать другь другу; объ онв вполнъ законии, незаконно только смешивание ихъ. Объективно личность поступаеть нравотвенно всегда гетерономно, такъ какъ ся правственные идеалы сложились изъ полученныхъ изъ окружающаго элементовъ, но субъективно она въ своемъ поведеніи автономна. Дюркгеймъ со своимъ определениемъ держится на объективной почев, и поэтому переходь его на субъективную почву незаконенъ. Противоржче это можеть устраниться только съ допущенісив той посылки, что личность обязана согнасоваться св норальными требованіями общества, и остается именно предположить, что такова основная субъективная посыяка Дюркгейна. Но согласиться съ такой посылкой довольно трудно. Дюркгеймъ, комечно, дегко можеть требовать подчиненія действительности; онь, конечно, можеть свободно ставить передъ нами относительно раздёленія труда гамбеттовскую дилемну: se soumettre ou se démettre, потому что у него заблаговременно припасено такое недурное решешеніе, какъ солидарность. Им'я такого ковыря въ рукахъ, можно сивло держать крупную научную нгру: результаты будуть получаться объективные, идеаль будеть «научень». Но нечего смущаться этой объективностью. Кто-то сказаль довольно остроумно, что всякое предисловіе есть собственно послесловіе; точно такъ

же и воявій выводъ, на самомъ ділі, ноходный пункть. Если бы всходная точка, или выводъ (все равно, какъ ни назвать) были у Дюркгейма другого сорта, то онъ врядъ ла бы съ такимъ дегкинъ сердцемъ поставилъ передъ нами свою грозную альтернативу в врядъ ли бы такъ непринужденно переходилъ отъ объективнаго-пониманія нравственности къ субъективному.

Итакъ, мы считаемъ себя въ правъ отклонить Дюркгеймовскую постановку практической проблемы. Это не значить, конечно, что мы не будемъ считаться съ практическими выводами и требованіями нашего автора, но они насъ будуть занимать независимо отътого метода, съ которымъ онъ приступаетъ къ рёшенію моральныхъвопросовъ.

Остановнися теперь на определении правственнаго, какъ его даеть Дюркгейнъ, такъ какъ это пригодится намъ при оценкъ достоинства техъ приемовъ, съ помощью которыхъ овъ изучаетъ моральное значение разделения труда.

Полное опредъление обнимаеть, какъ им видели, съ одной стороны, санкціонируемыя обществомъ правила, съ другой-правила, вналогичныя первымъ по своей роли и происхождению. Определение это хромаеть соединеніемъ разнородныхъ элементовъ; если существенный признакъ нравотвенной нормы общественная санкція, то не обладающія этой санкціей правила не могуть быть названы моральными, хотя бы они и представляли съ первыми известимя оходства. Съ другой стороны, если буквально придерживаться этого определенія, то придется признать весь трудъ Дюркгейма не достигающимъ своей цвли. Чтобы признать нравотвеннымъ какое небудь неустановившееся еще правило, надо указать на тождественность его функцій и причинь съ функціей и причинами какихъ небудь общепринятыхъ моральныхъ нормъ. Для раздъленія труда Дерегейнъ доказываеть, что функція его-создать солидарность, какъ это виветь ивсто и съ правиломъ, требующимъ осуществленія коллективнаго типа. Но что касается причинь этихъ двухъ правыль, то онв не только не тождественны, какъ этого требуеть теорія, но именно противоположны: причиной одного служить сходствосознаній, причиной другого — несходство ихъ, разділеніе труда. Мы не настанваемъ особенно на этомъ промахв Дюрегейма, а укавываемъ только на неравработанность его теорін.

Опредвленіе нравотвеннаго предотавляеть еще рядъ другахъслабыхъ оторонъ.

Во первыхъ, оно широко, охватывая такіе факты, какъ правиль приличія, которыя представляють рёшительно тё же признаки, что и моральныя правила по формулё Дюркгейма, и которыя могуть быть включены въ область нравственной жизни развё въ низшихъ обществахъ, достаточно рёзко обособляясь отъ нихъ на высшихъступеняхъ развитія, создавая свой особый механивиъ специфическихъ общественныхъ чувствъ.

Но, съ другой стороны, это определение узко, такъ какъ имъ новаючается ценый рядь фактовь, относимыхь Дюркгеймомь къ эстетикв моральной жизни, которые, однако, обысновенно счетаются нравотвенными явленіями въ ряду другихъ подобныхъ же явленій н даже чуть не не норальными фактами высшаго тепа. Къ этемъ эстетико-моральнымъ явленіямъ Дюркгеймъ относить всё тё факты, которые не являются обязательными, но темъ не менее одобряются общественнымъ меденемъ: седа должны быть отнесены все виды самоножертвованія. Какъ нашъ авторъ на старается оправдать свое решеніе, ссылаясь на то, что противно, дескать, всякому разумному методу соеденять подъ одной рубрикой акты, которые должны согласоваться съ известными установленными правилами, и другіе, воторые свободны отъ всявой регламентаціи, -- но остается несомнівинымъ, что его формула не удовлетворяеть поотавленному имъ же требованію дать отчеть во всему фактахъ, моральный характеръ которыхъ неоспоримъ, т. е. признается войми. Мы, соботвенно, янчего не нивенъ противъ Дюркгейновскаго выделения известныхъ фактовъ изъ области морали, именно потому, что считаемъ неисполениымъ требованіе обнять въ какой нибудь формуль или опреділонів вой ті явленія, которыя признавались или признаются моральными. Мы указываемъ только на то, что Дюркгеймъ нъсколько суровъ въ своихъ требованияхъ отъ другихъ моралистовъ охватить все правственныя явленія и уподобляется темъ модямъ, о воторыхъ въ Евангелін оказано, что они «налагають на людей бремена неудобоносимыя, а сами и однимъ перстомъ не дотрогиваются до нихъ». Туть еще, кром'в того, характерно для мыслителя исключение имъ изъ своего изследования подъ какимъ-то формальнымъ предлогомъ явленій, представляющихъ ниенно живъйшій натересъ при изучении правотвенности.

Не менте важнымъ является вопросъ о томъ, кто санкціонируетъ моральныя правила. По Дюркгейму это дёло нормальнаго сознанія, т. е. напболее общаго въ данной группе сознанія. Но мы думаемъ, что Дюркгейму придется выслушать тотъ же упрекъ, какой достается отъ него Гарофало за попытку опредвлять преступменія, вакъ поступки, которые всегда и вездів считались преступными. Если, говорить нашь авторь, «есть проступки, которые всегда и вездв разсматриванись, какъ преступные, то они представияють ничтожное меньшинство, и, следовательно, такой методъ можеть дать намъ только уродливое понятіе о явленіи» (74). Въ обществахъ, подвергшихся процессу дифференціацін, коллективное совнаніе представляєть-какъ это показываеть и Дюркгеймъ-нечто довольно мизерное, путемъ апелдированія въ нему можно получать вменно уродивое представление о нравственности. Для такихъ обществъ изучение, такъ сказать, всеобщей нравственности не можеть иметь серьеннаго значенія, если не сопровождается изучевіемъ развыхъ классовыхъ нравотвенностей съ нхъ дальнайшами подразделениям. Эти групповыя нравственности (подъ названіемъ профессіональныхъ) затрагиваются и Дюркгеймомъ, но очень слабо, и, какъ мы увидимъ неже, истолковываются неправильно.

Но самымъ спорнымъ и страннымъ въ разбираемомъ опредъленін является то, что моральнымъ фактомъ считается не поступокъ, а правило. Въ одномъ месте мы примо читаемъ: «поботвенно говоря, нравственный факть не состоить въ поступкв, согласномъ съ правиломъ, а въ самомъ правиль» (30). Куда же отнести тогда не правила, а тв отношенія, которыя регулируются правилами и которыя могуть то согласоваться съ ними, то ивть? Почему правило: не убей-считать моральнымъ фактомъ, а явленіямъ, въ которыхъ выразняюсь, няи нэтъ, пользованіе этимъ правняюмъ, откавать въ такомъ названия? Если нравотвенность есть совокупность условій солидарности (какъ опредвляють въ конце своей книги Дюркгеймъ), то что же такое самъ факть солидарности или отсутствіе его? Впрочемъ, въ одномъ мість мы читаемъ о правственности, что «она состоить въ томъ, чтобы быть солидарнымъ съ группой, и изминяется, какъ эта соледарность» (448). Но это мъсто стоить чуть им не одинско, и Дюркгеймъ все время не сходить съ формальной точки вржин на моральныя явленія. Такъ, на той же страницъ онъ говорить, что нравственно «все то, что есть источникъ солидариости, все, что заставляеть человыка очитаться съ другими» и т. д. Итакъ, то, что можетъ породить солидариость, относится въ наукъ о правственности; сама же солидарность какъ-то затушевывается своими причиками и формами своего обнаружения. Въ этомъ взгляде на правственность выразнися взглядь приста-догнатика, для котораго предметь его науки есть сумма известныхъ правовыхъ нормъ. И подобно тому, какъ для юриста изъ поступковъ имъють значение лишь ть, которые нарушають правовыя нормы; тв же, которыя имъ удовлетворяють, игнорируются и какъ бы не существують, — такъ и теоріи Дюркгейна извъстны лишь поступки, расходящіеся съ извъстными моральными правилами, т. е. поступки безиравственные; существование же правственных поступковъ игнорируется этой теоріей; тв же поступки оъ которыми нельзя было поступить такимъ образомъ, отнесенылвъ эстетику моральной жизни. Неудивительно, поэтому, что, при такомъ сходстве между правомъ и нравотвенностью, они для Дюркгейма сливаются въ одно целое, различаясь только по способу своего отправленія, но не по существу. Это премебреженіе практикой поведенія и исключительное винианіе къ нормань его является однимъ изъ крупивищихъ промаховъ въ разбираемой нами работв и отражается на ней самымъ невыгоднымъ образомъ *).

^{*)} Закончимъ эти замѣчанія слѣдующимъ указаніемъ. Дюркгеймъ, все время призывавшій къ эмпирическому изученію нравственности, твердившій, что нѣтъ одного единственнаго долга, а существуютъ многоразлич—

Посив этихь заметокъ объ определение иравственнаго мы можемъ перейти къ вопросу о моральномъ значеній разділенія труда. Мы не разделяемъ того плебионитарнаго способа, съ когорымъ Дюркгеймъ приступаетъ къ решению вопроса, опрашивая для этого общественное сознаніе; но, и принявъ его, мы должны зам'ятить, что нашъ авторъ неверно истолковываеть факты. Не смотря на громадное вначение разділенія труда, общество отказывается санкціонировать его, какъ правственное правело; а отъ пориданія неподчипяющихся ему оно и того дальше. Универсальный Гете въ общественномъ мевнін стонть выше спеціалиста Фета, воспевающаго «шопоть, робкое дыханье». Живописець, архитекторь, инженерь, ученый, Леонардо да Винчи импонируеть намъ больше, чёмъ виртуозы - маринисты, рисовальщики фруктовъ, лесовъ. Идеаломъ все еще считается такой всеобъемиющій умъ, какъ, наприміръ, Гельигольцъ, а не вакіе-небудь трудолюбивые эмбріологи, энтомологи, огиптологи, византинисты, оріенталисты и др. безчисленные «исты» н «логи»---«имена же ихъ ты, Господи, въси». Что касается спеціальнаго характера, принимаємаго воспитаніємъ, какъ показателя будто бы настроенія общественнаго мизнія, то онъ не ниветь за собой некакихъ моральныхъ соображеній. Если обученіе дітей стрематся принять все болье спеціальный характерь, то не потому, что общество считаеть его нанболее совершеннымь въ правствен номъ отношении, а потому, что считаеть такое воспитание наиболее надежнымъ орудіемъ во все обостряющейся борьбі за сущоствованіе.

Повториемъ: относительно моральнаго значенія разділенія труда общественное совнание высказывается далеко не въ польку Дюркгеймовскаго решенів. Единственно, что ему оставалось сдёмать при виде такого отношения общества, это объявить современное положение вещей переходнымъ и подойти къ рашению проблемы намиъ путемъ. Мы готовы согласиться насчеть переходиости нашей эпохи, но въ обратномъ съ принимаемымъ Дюркгеймомъ направлемін. Эпоха, привизвавшая моральный характерь разделенія труда, санкціонировавшая его, какъ божественное установленіе, лежить за нами: касты, это своеобразное видонзивнение междуплеменнаго разделенія труда, съ ихъ обязательностью и святостью, ясно покавывають, что время этой святости и санкціонированія прошло; исторія стношенія въ вему общества показываеть сь той поры непре-PERSON DELL'ARTE DELL'ARTE DE L'ARTE мовить эмпирическое правило, что, чемъ сильнее проведено раздеденіе труда, тімъ отрицательнію относится къ нему общество; наше

ныя обязанности и т. д., не съумвиъ удержаться на этой почвв. Таково, напримвръ, разсужденіе (которому онъ придаетъ большое значеніе), что долгъ можетъ быть сдерживаемъ только другимъ долгомъ, а не экономическими нуждами. Это чисто спекулятивное соображеніе о свойствахъ правственныхъ обязанностей вообще, соображеніе, ничуть не почерпнутое изъ наблюденія.

время, доведшее разділеніе труда до небывалой высоты, совойнь уже утратило віру въ моральное значеніе его.

Какъ бы то ни было, а Дюркгеймъ самъ признаетъ недостаточность въ разбираемомъ случав плебисцитнаго метода и обращается къ иному способу изученія роли разділенія труда. Но предвзатое мизые (или, какъ онъ выражиется, prénotion), что разделеніе труда должно шивть правственний характеръ *), не оставляєть его и здёсь, и онъ, не допольствуясь обычнымъ рёшеніемъ, видящимъ въ разделении труда прачину цивилизации, обращается къ нъвоторымъ случаямъ, въ которыхъ редь разделенія труда сводится въ созданию солидарности. Для насъ важно присмотреться въ этимъ примърамъ, такъ какъ, указавши ихъ, Дюркгейнъ мамедиенно обобщаеть и ужъ выдаеть за очевидную истину, что въ темарешнихъ обществахъ есть солидарность, происходищая отъ разделения трука. Не трудно, показать, что эта истина далеко не такъ уже очевидна. — Несходство, какъ и сходство, говорить нашъ авторъ, можеть быть источникомъ взанинаго влеченія; не всякія, конечно, нескодства, замъчаеть онъ, а только такія, которыя не исключають другь друга, взанино дополняются: «Такъ теоретикъ съ тонквиъ, анализирующимъ умомъ часто питаеть совсёмъ особую симпатію къ практическимъ июдямъ, июдямъ здраваго симска, съ живымъ непосредственнымъ возарвніемъ; робкій—къ рёшительнымъ и отважнымъ вюдимъ, сельный — къ слабому и наоборотъ... Одинъ покровительотвуеть, другой угишаеть; этоть совитуеть, тоть исполняеть, — и этоть раздыть функцій, наи, употребана обычное выраженіе, это разділеніе труда опреділяють эти отношенія дружбы> (57). Во вобхъ ди приведенныхъ случаяхъ мы вибеиъ дополнительныя несходства? Вёдь ясно, что различіе между рёшительнымъ и робкимъ, между сильнымъ и слабымъ, такого сорта, что исключають другь друга; одинь и тоть же человысь не можеть вибстить такія противоположныя свойства. Это показываеть, что не одни только сходства и несходства могуть быть источникомъ сим-

^{*)} Источникъ этого prénotion лежить въ томъ, что, по мивнію Дюрегейма, не можеть быть противорвчія между правственностью и такимъ неуклонно прогрессирующимъ явленіемъ, какъ разділеніе труда. Но фактически такой предустановленной гармоніи нізть. Алкоголизмъ и, еще болье, проституція прогрессирують въ теченіе віковъ, и если общество отказывается санеціонировать ихъ, то вина, конечно, не на его сторонів. Внушенія инстинкта и простой здравый смисль оказываются въ данномъ случай выше ученыхъ измышленій, видящихъ въ прогрессированів какогонибудь явленія безусловное доказательство его неизбіжности, слідовательно, нормальности и отсюда—желательности. Дюрегейму, неоднократно пользующемуся этимъ пріємомъ (смотри его теорію преступленія), не мізмало бы помнить слова человівка, являющагося во многихъ пунктахъ его прямымъ учителемъ, о «се ворнівте universel... qui consiste à prendre un acroissemeent continu pour un accroissement illimité» (Cours de philosophie positive, IV, 175).

патических чувствъ. Мы не отрицаемъ того, что извъстныя несходотва могуть порождать положительные чувства между обладателями ихъ; мы хотимъ только указать на неопредвленность этого положенія. Відь и симпатія по сходству—элементу, горавдо боліве осязательному, чемъ несходство-не всегда имееть место; и здесь приходится суживать кругь оходствъ, порождающихъ положительныя чувства. Тамъ более надо это имать въ виду съ несходствомъ, при которомъ еще нужно порешить щекотливый вопросъ, что назвать дополнительнымъ, а что просто противоръчащемъ несходствомъ Сюда же еще примъщивается симпатія, порождаемая совстиъ иными психологическими комбинаціями, и вопросъ этимъ до того усложняется, что невовножно обить въ одну кучку изоколько разнородныхъ премеровъ и ограничиться несколькими общими разсужденіями по поводу ихъ, чтобъ нивть право полученный такниъ образомъ результать черезъ несколько страницъ выдать ужь за несомивниую истину и положить его въ основу всего дальнайшаго разсужденія! Такъ же ясна эта скороспілость выводовь и на примъръ брака. Дюркгеймъ указываеть на паражельное развите лафференціацій между полами и увеличення прочности брата (кать это ведео по все увелечивающемуся м'юту, которое занимаеть въ законодательствахъ бракъ). Не говори укъ о томъ, что увеличение порядических нормъ далеко не безукоризменный показатель увеличения прочности брака, сама эта прочность совоймъ ужъ не показатель увеличенія солидарности; если солидарность отношеній ведеть, въ общемъ, къ ихъ прочности, то довольно рискованно дъдать обратный выводь оть последней къпервой. И примерь именно брака показываеть это самымы убёдительнымы образомы. Съ увеличениемъ прочности брака мин какъ разъ паравледьные измененія въ положенін женщины, не викопія ОТВРИН съ солидарностью. Наконецъ, изъ паравлельности явленій половихъ дифференціацій и увеличенія супружеской солидариссти (читай, порабощенія одного пола другима) не слідуеть еще, что первое есть причина второго. Върнъе будеть противоположное, что именно порабощение создало дальнешия дифференціаціи между полами, совдало такъ называемую женотвенность съ ея нахровния, но безплодними красотами и, на ряду съ этимъ, отоль же махровыя мужскія свинства (Гл. Успенскій). Но Дюркгеймъ уб'яжденъ въ первоначальнооти и неизбежности этой дифференціаціи: «Заметивъ, говорить онз, что въ ивкоторыхъ классахъ жонщины занимаются наукой и нокусотвомъ, какъ и мужчини, можно было бы, правда, подумать, что занятія обонкъ половъ стремятся стать однородными. Но даже въ этой сферь дійствія женщима привносить свою собственную природу, и ся роль остается весьма спеціальной, весьма отличной отъ рода мужчины. Кроме того, если искусство и литература вачинають отановиться женскимъ деломъ, то другой поль, повидимому, начинаеть оставлять ихъ, чтобъ отдаться спеціальное наукв. Весьма возможно, поэтому, что это кажущееся возвращеніе къ первобитной однородности есть не что иное, какъ начаю новой дифференціаціи» (62). Итакъ, повторяєтся сказка Овидія объ Аполюнъ и Дафив, съ той только разницей, что здёсь Дафиа гоняєтся за Аполономъ, и по словамъ Дюркгейма, такъ же безуспёшно. Мы серьезно опасаемся за прорицательскую репутацію Дюркгейма и не менте бонмся за судьбу офилистерившагося на старости лёть Аполюна, который не укроется отъ все догоняющай его Дафиы и на высотахъ науки. Пророчество Дюркгейма запоздало. И особенно стравно появленіе его теперь, когда масса женщинъ показала свою пригодность и къ научной діятельности, когда экономическое развитіє вообще энергически стераєть насмощийся исторически дифференціаціи и приводить оба пола къ однородности, не первобытной, разум'єтся, а на почей вавосваній культуры. Подлиню: quem Iupiter perdere vult, dementat.

Та же торопливость выводовъ замечается и въ разсужденіяхънашего автора о половой любви, которыхъ мы, однако, касаться не будемъ.

Наконецъ, еще одно важное разсуждение-аргументь гласить следующее: «Если часто утверждали, что берущія въ разделеніи труда начало общественныя отношенія состоять только въ обмінів, то это потому, что не знами, что предполагаеть обманъ и что изъ мего вытекаеть. Онъ предполагаеть, что два существа взаимно зависить другь оть друга, потому что оба они несовершенны; онь только выражаеть вийшникь образонь эту взаниную зависимость. Онъ, SHAVETL, TOULKO HOBEDXHOCTEOS BEDAMSHIS BEYTDSHEEFO, GOLES FAYбоваго, состоянія. Это состояніе именно потому, что оно постоянно, вызываеть ценый механизиъ образовь, функціонирующій съ непрерывностью, которой не ниветь обижнь. Образь того, кто насъ дополняеть, становится въ насъ неразлученить съ нашинъ, не толькопотому, что онь съ нимъ ассоцінрованъ, но особенно потому, что онъ естественное дополнение его; следовательно, онъ становется интегрерующей, постоянной частью нашего сознанія до такой степене, что мы не можемъ обойтноь безъ него и вшемъ всего, что можеть усилять его эмергію. Воть почему мы любимъ присутствіе того, кого онъ представияеть, ибо присутствіе выражаемаго имъ объекта, давая ому возможность стать действетельнымъ воспріятіемъ, даеть ему больше выпувлости. Наобороть, мы страдаемъ оть всёхъ обстоятельствъ, которыя, какъ удаленіе или смерть, могутъ помъщать возвращению его или уменьшить его живость» (63-4). Такова вдемическая, но по нотенъ фантастическая, картена, нарисованная воображеніемъ Люркгейма *). Это настоящая

^{*)} Tra HALLIIS HANOMHUACTS HE MCETSE TPOTATELLHYO KAPTHHY Y BACTIA: Grâce à l'échange l'être fort peut jusqu'à un certain point se passer de génie et l'être intelligent de vigeur; car par l'admirable communauté qu'il établit entre les hommes chacun participe aux qualités distinctes de ses semblables» (Harmonies économiques, c. 95).

«георгика души», выражаясь цвітнотыми языкоми Бекона. Георгика тіми боліве нанівная, что она выражена по поводу такого акта, каки обмінь, весьма и весьма нерідко сопровождающагося саміми беззаботными облапошиваніеми—при удобноми, разумінется, случай—того, кто нась дополняеть, того, смерть нии удаленіе котораго должны вызвать вы насы страданіе, того и т. д., и т. д. Разсужденіе это само достаточно говорить противы себя, чтобы нужно быле прибавить кы нему какіе нибудь комментарів *).

Ясно теперь, на какомъ недостаточномъ фундаментъ построено утвержденіе Дюркгейма, что разділеніе труда производить солидарность. Такъ же широкъ и тоть методъ, которымъ онъ хочетъ довавать преобладаніе этого вида солидарности надъ такъ называемой ниъ механической солидарисствю. Методъ этотъ состоить въ разсматриванія права, какъ семвола солидарности, и въ изученіи перваго на мъсто последней. Но, во первыхъ, очень часто право начинаеть вившиваться въ житейскія отношенія тогда, когда въ них изсявь источнивь живой солидарности и когая по тыпь иле мимы оботоятельствамь является необходимость въ оффиціальномъ отправлени св. Воть, напримъръ, что пишетъ Кавелинъ о семейномъ праве: «Оми (т. е. семейныя отношенія) не полкаются на ноль какія юридическія опредёленія и потому лежать вий области права, они только снаружи обставляются придически; ихъ начало и прекращеніе подводятся закономъ подъ приднескія нормы; затыть въ тыхь случаяхъ, когда внутрениям, нравственнам связь, которая составляеть ихъ сущность, пренебрежена, когда являются семейные несогласія н раздоры, ндущіе такъ далеко, что члены семьи посягають на честь, личную и имущественную неприкосновенность другь друга, -- тогда, но только тогда, законодательство вившивается въ семейния отношения, на дъл ужъ переставшия быть семейными, и, сообразуясь оъ сущностью семейныхъ связей. насколько со можно уловить во видшинкъ формахъ и признакахъ. опредъяеть юридически взаимных права и обязанности членовъ семейства. Эти опредъленія—лишь очень далекій, слабый отголосовъ семейныхъ отношеній, едва едва нхъ напоминающій, потому что все юридическое, по существу своему, болье разъединяеть. четь соединяеть, или же соединяеть вившнить образомы то, что само по себе отдельно и разрознение; какъ же можеть оно дать

^{*)} Укажемъ еще на ту неопредъленность, которою отличается пониманіе термина «солидарность» въ изложеній нашего автора. Подъ солидарностью онъ иногда понимаеть разнаго рода чувства, связивающія между собой два существа: чувство дружби, покровительства, съ одной сторони, и удивленія, съ другой, половую любовь, какъ въ физическомъ смисле, такъ и въ дальнейшемъ ея психологическомъ развитіи, и т. д. Въ другихъ случаяхъ это уже состояніе зависимости. Въ третьемъ мъсте—это согласованіе усилій и т.. д. Иногда эта солидарность соедима сть между собой индивидовъ, иногда же соціальныя функціи.

^{12.} Отдѣлъ I.

и приблизительное понятіе о связяхь, основанных прежде и больше всего на взаниной любви и преданности, следовательно, нисено на единенія? Отгого-то юридическія опредвленія семейныхъ отношеній вотупають въ силу лишь въ техъ случанхъ, где последенхъ на дъль уже ныть, а гдь они дъйстветельно существують, тамъ юридическія ихъ опредвленія не вибють приложенія, потому что семейные союзы и придическія отношенія взанию исключають другь друга» (Кавединъ, Что есть гражданское право и гдв его предвам, 122-3). Эти разсужденія примінним не къ одному только случаю семейных отношеній, а и ко многимъ другимъ; право въ такихъ случаях выяется показателень не солидарности, а ся слабости ние даже отсутствія, и того, что для общества необходино поддерживать хоть минимумъ ся, хоть вивший видъ ся. Другой фактъ, не отмечение Дюркгеймомъ, это то, что право является еще орудіємъ господства, представляя собой равнодійствующую борющихся общественных силь. Іерингь въ «Ворьбъ за право» замечаеть, что Оемида изображается съ мечемъ и весами и что присты слешкомъ ужъ интересуются вторымъ аттрибутомъ ся. Эту ошибку пристовъ съ избиткомъ даже возместила исторія: весы Оемиды употреблянись ею развізди отвішиванія каких і небудь гомеопатических дозъ справединвости; за то меть не сходних еще до сихъ поръ съ неторической сцени. Право носили и носять еще на концъ меча; оно диктуется силой. А извъстно, что «сильные въ правахъ бывають часто сидим». И съ этимъ дальтовизмомъ сильныхъ следуеть считаться при изучени значения права. Для Дюркгойма, разоматривающаго право сквозь розовые очен съ высотъ RAROTO TO Wolkenkukusheim'a-Boe оботонть вы немъ благополучно. Въ уголовномъ праве онъ видить выражение механической солидарности, продукть черть, общихь всёмъ членамъ даннаго общества. Онъ игнорируетъ при этомъ разделение общества на борющися группы, разделеніе, не дающее возникнуть сколько нябудь зна-THTOLDHOMY E CENTHOMY KOLHORTEBBOMY COSHARID; YOLOBROO UPABO создается, главнымъ образомъ, въ интересахъ победоноснаго власса. Индусы изъ наказанія создали особое божество. Мы не имвемъ подъ руками того грознаго гимна, въ которомъ прославляется его значеніе. Но мы знаемъ, что это божество патало некоторую слабость къ высшимъ кастамъ, особенно къ браминамъ, и во всемъ своемъ истребительномъ величи предпочитало открываться нившинъ классамъ индусскаго общества. Впрочемъ, камъ нечего вабираться такъ далеко. Достаточно вспомнеть хотя бы ту безчислемную массу привилегій, которыми были переполиены уголовине заксиы европейских народовь до последняго столетія, привилегій, немалочесление остатки которыхъ удерживаются еще и по сихъ поръ *).

^{*)} Гумпловичъ, у котораго, при всей его теоретической путанности, встречаются довольно здравие взгляди, пишетъ: «All und jedes Recht ist

Еми мы отъ этихъ общихъ соображеній перейдень къ частнымъ Случаниъ и вглидиися въ аргументацію Дюркгейна, то найдемъ только подтверждение своимъ взглядамъ. Возьмемъ, напримеръ, изъ Феститутивнаго права гражданское и посмотримъ, какова выражаемая имъ солидарность. Вещное право, какъ ны знаемъ, Дюркгеймъ жевинчаеть. Но не дучше обстоить дело и съ другами видами гражданскаго права. Объ обязательственномъ права им узнаемъ ольдующее. «Договоръ есть по преимуществу юридическое выраженіе воопераціи» (132), затімъ нісколько неже идеть подтверждающій это силлогизит: «Обязательство одной сторовы вытеляють нан нев обязательства, принятаго другой, или нев услуги, ужъ оказанной этой последнею. Но эта взаниность возможна только тамъ. гдв есть кооперація, а эта посавдняя, въ свою очередь, не имветь места безъ разделения труда: действительно, кооперировать. это значить разделить между собой общее занятіе» (132). После силдогазма ндуть примвры договоровь: «договоры между покупателемъ и продавцомъ, договоры мёны, договоры между предпринимателями и рабочени, можду нанемателемъ и отдающемъ въ насмъ, между заниодавцемъ и должинкомъ, между поклажепринимателемъ и отлафонции на праменіе, между хованномъ гостаннцы и путешественникомъ» (133) и т. д., и т. д. Комментировать эти примвры дишиее. Дюркгойнъ, разъяснивши «неханизнъ» солидарности, вытекающей нвъ разделения труда, замечаетъ, что этотъ механизмъ не тождествонь сь темь, который служить основой для чувствь симпатій. нивощихъ источникомъ сходство. Нуженъ, действительно, своеобразный механизмъ, чтобы породить солидарность между покупателемъ и продавцомъ, между заимодавцемъ и должникомъ и тому подобными образцами «коопераціи». Въ такомъ же духв и солидарность, регламентеруемая торговымы водексомы, такы что мы очитаомъ безправния отвесшать антатоля спискомя различения коммерческихъ договоровъ.

Съ насъ достаточно этихъ примъровъ, чтобы понять, что съ методомъ Дюркгейма нельзя получить инкакихъ особенно плодотворимхъ результатовъ. Юридическая точка зржия закрываеть для Дюркгейма истинное отношение вещей. Онъ указываеть на громадини объемъ реститутивнаго права сравнительно съ репрессианияъ и на все большій рость его. Ну и что же? Единотвенный выводь, какой изъ этого можно сдёлать, тоть, что гражданскій обороть, благодаря разділенію труда, необычайно усложника и потребовалась, поэтому—вопросъ еще, пропорціонально ли усложненію жизни—более объемистая система правъ. Но этимъ еще совеймъ не предращается вопросъ о новомъ видь солидаряюстя. Ко-

eine Ordnung der Ungleicheit» (Grundriss der Sociologie, 119). Если это и нёсколько односторонне, то гораздо правильнёе, во всякомъ случав, обратной односторонности Дюркгейма.

мечно, число узъ, связывающихъ насъ съ обществомъ и вытекающихъ изъ раздёленія труда, необычайно велико. Но вёдь этоще значать непремінно, что мы здёсь имбемъ связь солидарности. Узы узамъ рознь. Узами связываются между собой и каторжинки, меогда, можеть быть, смертельные враги.

Пля доказательства того, что люди между собой связаны теперы. многочисленивашими узами, вытекающими изъ раздъленія труда, собственно и не нужно было громовдкаго аппарата придняескойаргументацін. Это ужъ давно, давно нав'єстно. Достаточно вопомнеть хотя бы то место Смета, где онь описываеть безновечноразнообразныя связи, которыми жизнь современнаго человака соединена съ жизнью другихъ людей (Богатство народовъ, кн. 1, гл. 1). Но видеть въ этой связи, взятой an sich, безъ разсмотрения тоговонкретнаго содержанія, въ которое она облечена, связь солидарвости, гарионію-это не догично. Дюркгейнъ достаточно провицателенъ и не апологеть ех officio, чтобъ проглядать все то вло, которое появилось съ раздаленіемъ труда; но онъ сваливаеть егона непормальную организацію труда. Это первый его способъ заврывать глаза на факты—и мы виз займенся еще неже; второй это дегшее въ основу его изследованія злосчастное ограниченіе области правственности однёми нормами поведенія и дальнайшая. замъна этихъ посивдениъ поридическими нормами. Съ этой точки вржиія увеличеніе придических правиль, комечно, свидётельствуеть объ увеличение солидарности въ обществе, такъ какъ ведь «мораль и право-это совокупность связывающих» насъ другъ оъ другомъ и съ обществомъ узъ, делающемъ изъ массы индивидовъ одинъ связный аггрегатъ» (448).

Дюркгеймъ не ограничивается однимъ указаніемъ, что увы органической солидарности многочислениве, чемъ узы механической солидарности; онъ доказываеть еще, что последние слабе первыхъ. Но вся суть его перваго доказательства сводится собственно въ тому, что первобытныя общества съ вкъ отсутствіемъ разділенія труда обладають слабой, легко разрушающейся организаціей, между тыть вакъ высшія, основивающіяся на разділенія труда, общества. имъють прочную организацію. Какъ бы на быль интересень и важень самь по себе этоть факть, но онь не касается теперь насъ, онь можеть только доказать, что въ высшихъ обществахъ накопляется гегантская масса солидарности органовъ общества-употребляя біологическое сравненіе — но не солидариссти составлявощемъ его индивидовъ. А намъ важно именно последнее. Разоужденіе нашего автора хронаеть и въ другомъ отношенін; говора о слабости связи въ первобытных обществахъ, онъ ножегъ иметь въ виду только овняь индивидовъ; для высшихъ же обществъ онъ полотавияеть на мъсто индивидовъ соціальныя функцін. Возьми онъ ж въ нахъ индавидовъ, онъ пришель бы къ другимъ выводамъ. И адивы современных обществахь далеко не приковань такъ вы •воей группъ, какъ дикарь въ своей, хотя на первый взглядъ и можетъ показаться, что второй свободенъ, а первый нётъ. Но на дъл это не такъ. Достаточно обратить вниманіе на массовыя передвиженія внутри общества и вий ихъ, передвиженія, все усиливающіяся,—въ Амеракъ, напримъръ, по мивнію Тверского (см. его очерки въ «Въстинкъ Европы» за 1893 г.) постоянно въ движеніи до у населенія,—чтобы понять, что связь окостентаюсти соединяетъ только органи теперешнихъ обществъ. Къ этому же остову прикръплено весьма пластичное и гибкое тъло. Эта прикованность къ своему мъсту членовъ общества характеризуеть какое инбудь средневъсьное общество или кастовый строй, но не нашу эпоху. Теперешнія общества, повидемому, стремятся соединять ту пластичность, которую принисиваетъ дикимъ обществамъ Дюркгеймъ, съ прочностью организаціи, которой онъ у нихъ не находить.

До сихъ поръ мы пыталесь доказать недостаточность тёхъ данныхъ, съ помощью которыхъ Дюркгеймъ приходить къ гипотезъ, что разделение труда порождаеть солидарность, и недостаточность того метода, съ помощью котораго онъ проверяеть эту гипотезу въ применение къ обществамъ. Теперь намъ остается разобрать существенныя черты самой этой гипотезы.

Дюрыгеймъ все время считается съ двумя источнявами солидарности: сходствомъ и разделеніемъ труда (или несходствомъ), жакъ бы нгнорируя другія возможныя причины положительныхъ Чувотвъ (привычка, физіологическіе инотиниты вродь материнскихъ чувотвъ и пр.). Это довольно существенный пробыль, такъ какъ, не учти этихъ факторовъ, вельзя дать точной оценки значенія сходотва и разделения труда. Но, помимо неполноты, эта теорія грішать и болье крупными недостатками. Во первыхъ, устанавляваемая ею противоположность между раздъленіемъ труда и сходствомъ не есть изчто неизбежное, кака это доказывается прииврома простого сотрудничества. Эго последнее извёстно, конечно, нашему автору. «Кооперировать, говорить онь, это значить разделить между собой общее занятіе. Если это последнее разделено на качественно подобамя, хотя и необходимыя другь другу, части, то им нивемъ разділеніе труда простое или первой степени. Если они различной природы, то виботся сложное разділеніе труда, т. е. настоящая -спеціализація» (132—3). Простую кооперацію, я по теорія Дюркгойна, надо было выделеть, какъ особый, проможуточный членъ между сходотвомъ (къ которому оно примываеть своей отороной -однородности занятій) и сложнымъ разділеніемъ труда (въ которому оно принываеть своей трудовой стороной). Въ изложения же шашего автора простое сотрудничество совсемъ затуповано и потлощено сложнымъ сотрудничествомъ, о которомъ только одномъ ж ждеть рёчь на протиженін всей книги о разділенін труда. Дюркгеймъ, повидимому, не замъчаетъ антагонистическаго характера.
этихъ двухъ видовъ коопераціи, проявияющагося товоюду, напримъръ, въ томъ, что простое раздъленіе труда представляеть собой факторъ, увеличивающій— по терминологіи Дюркгейма—объемъ колнективнаго сознанія, между тёмъ какъ сложная кооперація имбетъ тенденцію уменьшать его. Дюркгеймъ, не считалсь съ этимъ антаговизмомъ, выдаетъ огуломъ результаты сложной коопераціи за результаты коопераціи вообще, между тёмъ какъ нужно было бы тщательно отдёлить другь отъ друга оба вида сотрудничества и взучить особо ихъ эволюцію и ихъ значеніе для поддержанія общественной солидарности.

Въ разбираемой теоріи есть и другая существенная ошибка. Всякому різко бріссается въ глаза неоднородность двухъ источниковъ солидарности, признаваемыхъ этой теоріей: съ одной стороны, сходство — фактъ психическій, нидивидуальний; съ другой — разділеніе труда, фактъ экономико-соціальный. Дюркгеймъ, правда, не сазъ заміняеть разділеніе труда психологическимъ терминомъ несходства и съ помощью этого рисуеть психическій механизмъ, какимъ создается солидарность изъ коопераціи. Но эта поправка не изміняеть положенія вещей, и было бы гораздо правильное вийсто заміны сложнаго разділенія труда несходствомъ, замінить, насбороть, сходство простымъ разділеніемъ труда. Это замінаніе требуеть нікоторыхъ объясненій.

Нёть сомнёнія, что сходство само по себё можеть служеть не служеть источникомъ симпатіи и солидарности. Но нёть также сомнёнія въ томъ, что роль его въ этомъ отношеніи сравнительно мевелика, и Дюркгеймъ, вслёдъ за Смитомъ, несоразмёрно увеличиваеть значеніе этого фактора. Чтобъ оцінить его истинное значеніе, надо прежде всего изъ круга сходствъ выділить антагонистичныя сходства; извістно ироническое замічаніе Карла V осрязывающей его съ Францискомъ солидарности, такъ какт, дескать, они оба страстно желають одного и того же: овладіть Миланомъ.

Затыть нужно выдылить общирную группу безразличных сходствъ, группу, не представляющую собой чего либо постояннаго и своей измънчивостью показывающую, что не въ сходствъ, къкъ таковомъ, причина соледарности; національныя, въроменовъдныя и т. п. сходства все болье отходять въ область безразличных признаковъ. Но и оставшаяся после этих элимпиацій группа сходствъ — которыя Дюркгеймъ назваль бы интенсивными и опредъленными состояними коллективнаго сознанія — не представляетъ собой чего либо однороднаго: значеніе сходства здісь перепистается съ вліявіемъ такихъ факторовъ, какъ привычка, общность жизни. біологическія причним и пр., изъ которыхъ въ отдільныхъ случаяхъ разные и имъють навбольшее значеніе. Еслім бы, наконецъ, намъ удалось установить группу явленій соледаршости, имъющихъ свой источнекъ въ сходствь, то намъ изъ ис яг

пришлось бы выдёлить рядь фактовь, отличающихся тёмъ характернымъ признакомъ, что въ нахъмы имвемъ не простое сходство интересовъ и путей въ достижевію ихъ, но общность этихъ интересовъ и общность борьбы за нихъ. Мы нашли бы, что выдвленные нами такимъ образомъ факты — факты простого сотрудничества ванболье многочислении и существении въ ряду явленій солидарности. Это и понятно. Механизиъ, какимъ сходотво создаетъ чувотва свипатів, указанъ довольно точно еще Сметомъ; виъ же собрана порядочная масса примеровъ и замечаній, напострирующихъ его положение. Но надо заметить, что самъ по себе этоть механизмъ, вращаясь въ области представленій, этой наиболюе поверхностной части психики, создаеть довольно эфемерныя чувства, и нужно вліяніе другахъ факторовъ, какъ, наприміръ, привычки, медлениам и непрерывная работа которой сращиваеть человека даже оъ неорганическить игромъ, чтобы придать этимъ чувотвамъ прочный характеръ. Вліяніе сходства, взятаго само по себь, какъ результать пассявнаго тяготына другь къ другу сходныхъ индивидовъ, не можеть дать чего нибудь значительнаго. Иное им видемь въ томъ частномъ видъ сходства, который навывается простымъ сотрудинчествомъ, когда приводятся въ движение два такихъ могучихъ рычага души, какъ эгонзиъ и активность, трудъ: чувства, пораждаемыя такимъ путемъ, должны быть несравненно интенсивные первыхъ, такъ какъ здысь затрагивается ужъ не поверхность, а, такъ сказать, нутро психики. Наиболье прочнымъ. связующимъ людей, цементомъ, наряду съ общностью интересовъ, является именно трудъ, это вившнее выражение сущности психических явленій, активности. Если въ преміненін въ случаниъ нидивидуальной жизни эта роль сотрудничества маскируется и заврывается рядомъ другихъ факторовъ, то въ соціальной области она даеть себя знать самымъ очевиднымъ образомъ. Даже само поватіє сходства оказывается довольно растяжницив и наивияющимся въ извёстимъ предвлахъ въ зависимости отъ перемънъ въ общественномъ сотрудничестве. Ведь еще только недавно было увнано, что ногры нивють тв же чувства, что и быме, крестьяме, что и высшія сословія: недавно, значить, категорія сходотва расширена и на эти группы людей. Конечно, сотруденчество-исвлючая случан мутуалезма, комменсализма и др.---можеть иметь место только между особями одного вида, т. о. между сходными особями. Но на этой основи вышаваются самые разнообразные узоры солидариссти. И при создания этихъ уворовъ общность чертъ восбще, т. е. не ограничивающаяся однии біологическими признаками, овазывается не столько причиной солидарности, сколько сибдотвіемъ es, man, beprie, butete ce ned, caractrient toro han shoro pacпредъленія общественнаго сотрудничества.

Ясна теперь ошибка Дюркгейна. Вийсто сходотва и разділенія труда должны бы были стоять простое и сложное разділеніе труда.

Возъменъ, напримъръ, первобитныя общества. Въ описаніи Дюркгейма связь солидарности, соединяющая какую нибудь группу дикихъ, основана на общиссти върованій и чувствъ. Но отчего же въ такомъ случай такая непримерамая ненависть и вражда къ какой нибудь сосёдней группъ дикарей, отъ которой первая почти ничъмъ не отличается? Дъло именио въ томъ, что первая группа живетъ не одинии только общими върованіями, но и общимъ совмъстнымъ трудомъ и борьбой за существованіе, борьбой, въ которую входить, какъ частный случай, борьба съ конкуррентами, т. е. сосёдними обществами. Отсюда и вражда къ этимъ последнимъ, и соледарность внутри общества, создающаяся, следовательно, главнымъ образомъ простымъ сотрудничествомъ.

Задача Дюркгейма сводилась къ изучению судебъ обоихъ видовъ сотрудничества и ихъ значения для солидарности. Нельзя еказать, чтобъ онъ услѣшно сп равился съ ней. На мѣсто простой коопераціи онъ поставиль психологическое явленіе — сходство; говоря о сложной коопераціи, онъ ее выдаль за кооперацію вообще; на мѣсто солидарности онъ изслѣдоваль юридическія правила.

Намъ остается теперь указать еще на одниъ пункть въ теоріи Дюркгейна, именно на его атонистическое поминаніе общества. Хоти онъ самъ замъчаетъ, что общество съ раздъленіемъ труда не распадается въ ныль атомовъ, но фактически онъ въ эволюціи видить и указываеть только два процесса: упадокъ коллективнаго сознанія и прогрессъ сложнаго разділенія труда, не замічая третьяго процесса-образованія ряда групповыхъ сознаній, основанныхъ на простой кооперація няк, по его терминологія, сходстві, и того, что одно изъ этихъ групповыхъ сознаній начинаеть охватывать все большую массу членовъ общества и, наконецъ, человъчества, объщая, такимъ образомъ, превратиться сиова въ коллективное совнаніе, основанное, конечно, не на абсолютной тождественности чувотвъ и верованій, а на общности нитересовъ и борьбы за нихъ-что и соть солидарность. Упадокъ коллективнаго сознанія, указываемый Дюркгейномъ, не представляетъ, поэтому, ничего опаснаго для солидарности. На см'йну прежняго коллективнаго совнанія ндеть новое. И не нужно видіть въ тіхъ чертахъ его, которыя вырисовываются передъ нами, только эфемериыя явленія, продукты обостренной классовой борьбы. Если теперь солидарность вызывается, главнымъ образомъ, между - общественной и внутриобщественной борьбой, то въ будущемъ ту же роль будетъ играть борьба съ природой. Потребиссти теперешняго общества громадны; а средства для удовлетворенія ихъ крайне незначительны: классовая эксплоатація мішаєть эксплоатація силь природы. Съ превращенемъ первой должна только начаться въ грандіовныхъ размврахъ вторая. А пока июдямъ придется совивстными силами бороться за осуществление своихъ потребиостей, за судьбу солидариости нечего опасаться.

Намъ, кажется, удалось показать непригодность метода Дюрктейна для изучения общественной солидариссти. Единственный результать, къ которому можно придти съ его помощью, тогъ, что въ теперешнихъ обществахъ необычайно усложнилась жизнь н ваниныя отношенія недеведовь увеличилов и усложенлесь ихъ связи между собой, и это усложнение выразниссь, и въ правъ. Правда, машъ авторъ указываеть на особый механизмъ, благодаря которому вэъ зависимости между недивидами получается солидарность. Но создаваемая такимъ образомъ картина до того фантастична, что провести ее последовательно, ценикомъ, оказалось невозможнымъ, и Дюркгеймъ уничтожаетъ одной рукой то, что создалъ другой. Это выразилось самымъ яснымъ образомъ въ полемиев со Спенсеромъ по поводу договорной соледарности этого последняго. Насъ эта полемика не касается, и поэтому мы не беремся судить, кто правъ, кто виноватъ. Но въ высшей отепени добопытны следующія признанія Дюригейна. По Спенсеру, общества инфють тенденцію стать совокупностью индивидовъ, обивнивающихся продуктами своего труда, причемъ обивнъ этотъ не регулируется никакимъ соціальмымъ воздействіемъ. «Таковъ ни, спрашиваеть Дюригеймъ, характеръ обществъ, единство которыхъ создается раздълоніемъ труда? Если бы оно было такъ, то ножно было бы оъ основанісиъ сомніваться въ ихъ прочности. Ибо, если интересъ и сближаеть людей, то всегда только на некоторыя мгновенія; онъ можеть между нами создать только визшиною связь. Въ факта обивна участники его остаются вив другь друга, и по окончанін этого акта каждый остается самъ съ собой. Сознанія приводятся только въ поверхностисе соприкосновеніе... Если взглянуть въ суть вещей, то уведимъ даже, что всякая гарионія интересовь содержить скрытый вин только отсрочениий конфликть. Ибо тамъ, где господотвуеть одинъ только витересъ, такъ какъ натъ ничего, что сдерживало бы приведенный въ дійствіе эгонзиз, каждый субъекть находится по отношению въ другому на военномъ положение, и каждое перемирие при этомъ въчномъ антагоннзив не можетъ быть продолжительнымъ. Интересъ, дъбствительно, ость самая непостоянная вещь на свъть. Сегодия мив полезно соединиться съ вами, завтра же соображение сділасть изъ меня вашего врага. Такая причина можеть, слідовательно, дать начало только мемолетнымъ сблеженіямъ и эфемеримить ассоціаціямъ. Ясно, какъ необходимо несейдовать, такова ин въ дъйствительности природа органической солидариости» (222). Отличіе органической солидариссти состоить, главнымъ образомъ, въ регламентацін, въ соціальномъ воздійствін. «Везъ сомнінія, вогда люди соедиваются между собою договоромъ, то это потому, что въ свиу разделения труда (простого вые сложнаго) они нуждаются другь въ другв. Но для того, чтобъ они кооперировали гармонически, не достаточно, ни чтобъ они вступили въ спошенія, не даже того, чтобъ они чувствовали состояніе взаниной зависимости, въ которомъ они находится. Нужно еще, чтобъ условія этой коопераціи были опреділены на все время ихъ отношеній. Нужно. чтобы обязанности и право каждаго были определены не только въ виду положенія, какимъ оно является въ моменть совершенія договора, но и съ предвидениемъ обстоятельствъ, которыя могутъ провзойти и изменеть это положение. Иначе на каждомъ шагу проноходили бы новыя столкновеніи и муки. Не нужно, въ самомъ двав, забывать, что если раздвленіе труда двласть интересы соли-HADHWHE, TO OHO HYD HE CMEMEBASTE: OHO OCTABLESTE HYD PASSETвыми и соперинчающеми... Необходимо, значить, чтобы раздъленіе и тыхъ и другихъ (т. е. правъ и обязанностей) было опредъленонапередъ... Но всякое определение этого рода можетъ вытекать только изъ компромисса; это промежуточный членъ между соперничествомъ затронутыхъ интересовъ и ихъ солидарностью» (232-3). Мы нарочно привели эти длинныя выписки. Въ нихъ Дюрегэймъ самымъ добросовъстнымъ образомъ уничтожаеть вою тынь соледарности, которую еще можно было приписать сложному раздёлечіютруда *) на основанів его прежнихъ разсужденій. Если прежде онъ нарисоваль намъ наивную картину того, какъ изъ обивна вытераеть сознаніе взанинаго дополненія и отоюда солидарность, тотеперь онъ самымъ жестокниъ образомъ посмъялся надъ ней. Скрытый конфинктъ... военное положевіе... вічный антагонизмъвоть какою оказывается прежимя ндилін. Правда, здёсь еще говорится о гармовів интересовъ; но для всякаго становится очевидемиъ, что гармонія только красивое одіяніе, притомъ слабо скрывающее уродивныя формы въчной борьбы. Не менье убъдительны «разоблаченія» Дюркгейна и о сущности договора, этого «юридическаго выраженія кооперація», какъ намъ говорим раньше. Здісь та же борьба интересовъ. И если Дюркгеймъ называеть ихъ всетаки солидарными, то решетельно невозможно понять, какого сорта этасолидарность. Но и для ен существованія онъ требуеть тщательной регламентацін-любопытное видоизміневіе традиціонной французской склонности въ централизаціи. Но послів всего, что было имъ свазано, ясно, что никакая регламентація туть не поможеть. Во первыхъ, какъ бы себъ чудовищео развитой ин представить региаментацію, она не въ коемъ случав не охватить еще болве чудовещео усложениихся общественных отношеній. Дюригейнъ и самъ это знаеть. Въ другомъ месте онъ такъ и пешеть: «Какъ бы

^{*)} Мы умышленно вишемъ сложное раздвление труда, котя въ текств говорится именно объ обоихъ видахъ кооперации. Но ясно, что разсуждения Дюркгейма примънимы только въ сложному сотрудничеству. Простое сотрудничество, основанное на общности интересовъ, не можетъ скрывать въ себъ конфликта ихъ. При немъ не можетъ быть выгодно то соединяться съ извъстнымъ индивидомъ, то стать къ нему во враждебныма отношения, такъ какъ природа простой кооперации развъ только въ исключительныхъ случанхъ допускаетъ эксплоатацию людей людьми.

точна не была регламентація, она всегда оставить свободное місто для MACCH Myrt>- (tiraillements) (409). Именно массы мукт. И если Дюркгеймъ послів этого сейчась же прибавляеть: «Но на необходимо, на даже возножно, чтобы соціальная жизнь обходилась безъ борьбы» — то мы. въ свою очередь, также не находинъ ни необходиныхъ, ни даже возножнымъ назвать это замъчаніе мудрымъ. Какъ бы то не было, факть тоть, что регламентація не можеть вполев пособить въ данновъ случав. Во вторыхъ, государство-этотъ источнивъ регламентацін-не есть парящій надъ борющимися интересами и чуждый нхъ треволиеніямъ элементъ. Спиритуалистическіе взгляды на природу его неумъстны: оно отъ міра сего-какъ и все прочее. Въсы Осмиды всегда склоняются въ извъстную сторону-по направлению равнодействующей борющихся общественных сняз. И врушной ошибкой со стороны Дюркгейма было игнорированіе этого мірского характера государотва, ошибкой, тождественной съ той, которую онъ оделать по поводу права. Въ третьихъ, если бы два вышеприведенныхъ соображения оказались невёрными и если бы оказалось возможнымъ регламентировать до малейшей мелочи все общественныя отношевія въ духі абсолютной справединости, — то и тогда не быль бы еще первшень вопрось о солидариссти. Мы нивии бы передъ собой положение вооруженнаго мира, при которомъ нътъ мъста чувствамъ взаниной симпатів; мы вмели бы передъ собой двухъ двихъ звёрей, которымъ мёшаетъ накинуться другь на друга только присутствіе укротителя. Положеніе же вооруженнато мира, поглощая массу пропадающей даромъ энергів, не предотавляеть собой ничего прочнаго и устойчиваго: отвернется телько укротитель—звіри растерзають другь друга, да и ему, пожануй, ве одобровать. И при таких эффектахъ органической солидарности можно еще утверждать, что узы ен прочиве узъ механической солидарности (читай основанной на простой кооперація), что ею, главнымъ образомъ, держатся наши общества и пр.

Перейдемъ теперь въ теоріи непормальнаго разділенія труда, въ воторомъ Дюркгеймъ ведить источникъ всего зла, обыкновенно соединяемаго съ самимъ разділеніемъ труда. Такъ называемому имъ акомическому разділенію труда онъ думаетъ помочь регламентаціей, являющейся для него положительно панацеей отъ всіхъ соціальнихъ бідъ. Разбираемый Дюркгеймомъ вопрось до того сложенъ, его соображенія по поводу этого вопроса и указанія до того кратки, что мы не считаємъ возможнимъ вдаваться въ подробности. Замітимъ только, что интересы труда и капитала до того противоположны и сознаніе этой противоположности до того теперь ясно, что невозможно искать серьезнаго рішенія соціальнаго вопроса вътакомъ палліативъ, какъ боліе подробное юридическое опреділеніе отношевій; невозможно ограничиться увіреніемъ, что вслідствіе быстроты экономической эвохюція сталкивающієся интересы не успіли еще придти въ равновісіє. Регулированіе производ-

ства, въ свою очередь, врядъ ин соединино съ построевнымъ на конкурренціи обществомъ. Дюригеймъ, какъ мы видели, отрицаеть положение, будто разделение труда доводить человъва до состоянія машини; но его аргументація довольно сбивчива. Что производить раздъление труда «въ силу своей при-РОДЫ», «нормально», — мы не знаемъ, но что оно фактически производило за время своего существованія (а по методу Дюркгейма это и должно считаться нормальнымы) оправдываеть делаемые ему упреки. Утверждать, будто разделение труда требуеть, чтобы работникъ не терялъ изъ виду своихъ ближайщихъ сотрудниковъ, чтобъ онъ не оставался сгорбленнымъ надъ овоей задачей и т. д. вначить исходить изъ предваятаю опредвисии, не считаясь съ фактами, это prénotion. Факты именно показывають, что недеведъ остается сгорбленнымъ надъ своей задачей. Точно также произвольно утвержденіе, будто разделеніе труда предполагаеть деятельность интеллигентного существа. Оно произвольно и по отношению въ разделению труда въ обществе и, въ особенности, по отношению въ раздълению труда на фабрикъ, гдъ оказывается возможнымъ привнекать къ работв дътей, а въ прошномъ отольтім иногда и полундіотовъ. Такое положеніе, разумнется, нежелательно. Оно притомъ и не неизбежно. И для уничтоженія его въ действительности нивотся элементы, действующіе сововить не въ томъ направленін, вуда насъ приглашаеть Дюркгеймъ. Онъ бонтся любви къ общирнымъ горизонтамъ, къ обобщеніямъ, такъ какъ они денають невыносимымъ узость собственного занятія. Его можно было бы почти обвенеть въ рабовладельческомъ отношени въ темъ влассамъ, на долю которыхъ превнущественно выпадаеть узкій горизонть до нельзя спеціализованной деятельности, есля бы мы не знали, что эту узость горизонта онъ вивняеть въ обязанность вовить членамъ общества. Такое требование можно считать страннымъ, но око, безспорно, искренно. Во всякомъ случав, можно быть увереннымъ, что для нетеллигентного существа мало рекомендуемого Дюркгеймомъ сознанія, что дійствія этого существа им'ярть ціяв вий самихъ себя, мало более или менее ясно различать эту цель: смысла въ такой работь всетаки немного, а съ нею и интеллигентности въ работника. И дайотвительность въ этомъ отношения, какъ доказывають иногочесленные факты, обогнала идеаль нашего автора: громадные, все увеличивающіеся, слок обществъ начинають охватывать довольно шерокія доли научнаго и соціальнаго горизонта и перестають ограничиваться только своими ближайщими сотрудниками.

Такъ же неудачны соображенія Дюркгейма относительно второй ненориальной формы. Онъ ожидаеть уничтоженія вийшняго неравенства положенія оть какой-то некусной организаців, въ которой будеть соблюдень принципь: suum cuique. Что это за организація—такъ и остается невыясненнымъ. Въ организація этой конърренція не будеть устранена; въ ней будеть борьба и, слідова—

тельно, говорить у Дюркгейна воображаемый оппоненть, побылители и побъщенные, изъ которыхъ последніе примуть свое пораженіе только принужденные къ этому. Но, возражаеть и утешаеть насъ авторъ, это не будеть настоящее принуждение: «что составляеть собственно принуждение, такъ это то, что борьба даже невозможна, что не допускаются даже въ сраженію» (423). Врядъ не кому небудь станеть легче оть того, называть ин соотояніе, где есть побежденные, нотинимъ, настоящимъ принужденомъ, или изтъ: суть двиа именно въ томъ, чтобы не было ни побъдетелей, ни побъжденныхъ. Съ другой стороны, исть сомичнія, что вытекающія изъ борьбы неравенства съ теченіемъ времени отвердівють и привелуть къ столь пожелательными для Дюркгейма неравенствами во внёшнеми положенія. Доказательствомъ тому вся исторія. Да это и неизбіжно въ силу самой природы вещей. Неравенства не могуть производиться от одинаковой силой безразлично по воймъ направленіямъ: въ извъстномъ направление накопление ихъ должно брать верхъ, н чемъ дальше, темъ резче должна выражаться эта тенденція. Избежать этого можно, предполагая разве такую организацію, которая каждый разъ уничтожама бы накопление неравенствъ, приводила положение двич из прежнему порядку, совершая, такъ сказать, соціальный переділь. Но такая организація слишкомь ужь вамысловата; да и законно сомнъваться, чтобъ она удержалась à la longue. Когда небудь она да не выдержить напора накопившихся неравенствъ и будеть разрушена вдребезги, и тогда начнется опять старая песня *).

Чтобъ избѣжать повторевія этой пѣсви, остается одно: устранять возможность борьбы, превратить сопериичество интересовъ въ ихъ солидарность. Какъ бы искусна ин была общественная организація, но разъ она основана на конкурренціи, она неизбѣжно—рано или поздно—приведеть ко всѣмъ результатамъ, связаннымъ съ этой псолѣдней.

Но, можеть быть, устранение борьбы—ненспоинамое условие; можеть быть, конкурренція— факть нензбажный. По взгляду Дюрк-гейма оно, поведаному, такъ. Изъ своей ндеальной искусной организаціи онъ не устраняеть борьбы; раньше этого мы читали, что невозможно и не необходимо устраненіе ея, что «роль солидармости не въ томъ, чтобъ уничтожить конкурренцію, но чтобъ умірить ее» (409). Наконець, вся теорія о причинахъ разділенія труда построена на факть борьбы за существованіе. Чтобы составить себь понятіе о значенія конкурренціи, намъ не мішаеть проколько присмотріться къ этой теоріи. Ей, безспорно, нельзя отказать въ большомъ остроумін, но она страдаеть крупными не-

^{*)} Das Monopol erzeugt die Konkurrenz, die Konkurrenz erzeugt das Monopol (Das Elend der Philosophie, 138). Для насъ интересна только вторая половина этого положенія.

достатками и, прежде всего, преувеличениемъ значения борьбы за существованіе и невітримъ освіщеність ся. Дарвиновскую теорію неръдко безъ оговорокъ переносять на человъка, хотя фактъ общежетія и цілый рядь сопровождающихь его обстоятельствь значительно ведовзиванить ее. Изъ этехь оботоятельствь укажень хоть на то, что въ человъческихъ обществахъ, меновавшихъ первыя ступени развития, сумма средствъ къ существованию превышаетъ и, во всикомъ случай, не ниже потребностей населения. Это одно лишаеть значенія крупивашій факторь борьбы за существованіе. Но съ появленіемъ влассовыхъ дефференціацій для большинства является относительный недостатокъ средствъ существованія и, какъ сивдотвіе его, борьба за существованіе, къ которой и примъняется правело, что она острве всего между однородными занатіями. Дюркгеймъ имъетъ именно дъло оъ такимъ уже дифференцировавшинся обществомъ. Не конкурренція вызвала дифференцированіе, а, наобороть, первоначальное дифференцирование конкурренцію (мы говоримъ вдесь объ отношенияхъ внутри общества, а не между различными обществами). Только после этого конкурренція становится ясточникомъ дальнайшихъ дифференцированій, хотя и въ этихъ рамкахъ значение ся преувеличено у Дюркгейна. Что правило чень сходийе пидивиды, темъ ожесточение между нихъ борьбане приманию къ человаческимъ обществамъ безъ оговорокъ, видно нать того, что въ обществахъ, гдв это сходство больше всего, въ первобытныхъ обществахъ, борьбы этой совсемъ неть. Борьба эта (не касалсь опять таки отношеній между различними обществами) факторъ производный, дело дифференцированныхъ обществъ. Къ этому нужно прибавить еще ту важную оговорку, что внутри этихъ обществъ, наряду съ борьбой индивидовъ между собой, пронеходить еще более острая борьба классовъ. Солидарность внутри класса-первое условіе въ борьбі его за существованіе съ другим и, поэтому, она береть верхъ надъ дисперсивными теченіями конкурренцін, приводя къ такимъ явленіммъ, какъ, напримёръ, союзы, картели и пр. Диркгеймъ здесь снова упускаеть изъ виду сущеотвованіе классовъ и классовой солидариссти, и благодари этому превращаеть борьбу за существованіе, а съ нею и сложное разділеніе труда, въ доминирующій факть жизни современных обществъ, между темъ вавъ они факторы, при всей своей громадности, вторачаме. Въ этомъ отношения мы вполев присоединяемся иъ следующемъ мивніямъ Зибера: «Такимъ же образомъ мвиа и купляпродажа между близкими родственниками продолжають признаваться деломъ нелованиъ и непристойнымъ, способотвующимъ нарушенію прочиму и дружеских родственных связей, въ чемъ ясно отражается та нотина, что отношенія, вытекающія изъ разділенія труда, въ противоположность отношеніямъ, основаннымъ на соединевін, суть отношения антагонистическия, лишенныя прочности. Въ этихъ безсовнательно одобрательныхъ приговорахъ общественнаго мавнія м общественнаго темперамента всему, что косвенно вытекаеть изъ равемства или простой коопераціи труда, высказывается въ сущности тоть факть, что этоть видь соединенія работь представлеть самую универсальную форму общественной организаціи, отъ которой человічество уклоняєтся лишь временно, съ цілью отысканія путей къ возстановленію ихъ въ новыхъ и сложивішихъ формахъ» (Очерки первобытной культуры, 6).

Гораздо правильно осветить Дюркгеймъ занимающій насъ вопросъ въ слідующемъ своемъ разсужденін:

Когда конкуренція происходить между изолированными и чуждыми другь другу индивидами, то сабдотвіемь ся будеть только то, что она еще более отделить ихъ другь отъ друга. Они или разойдутся въ разныя стороны-если есть свободное изсто-или же, за недостаткомъ его, дифференцируются и стануть еще болве незавионимин другь оть друга, въ результать чего получится то явленіе, которое Дарвинъ называеть прогрессивнымъ расхожденіемъ признаковъ. Въ разделени же труда им видимъ совоемъ другое: оно «соединяеть въ то же время, какъ противоставляеть; оно заставляеть сходиться дифференцируемыя имъ деятельности; оно сближаеть тахъ, кого отделяеть» (305). Единственнымъ объясненіемъ этого можеть служить то, что разделение труда происходить не между изолированными индивидами, а между членами общества, сояндарными между собою. Кооперація, какъ указываеть Коять, «не только не могиа произвести общества, но, каобороть, неизбълко предполагаеть предварительное самопроизвольное установление его> (Cours, IV, 421). Кооперацію, поэтому, нельзя признавать основямить фактомъ всякой соціальной жизим, какъ это діласть, напримъръ, Спенсеръ: наряду съ ней и раньше ся существуеть еще ассоціація (-простая кооперація), и есян первая, развиваясь, дійствуеть на вторую и видонзивидеть ее, сесии человаческия общеотва становятся все божье группами кооператоровъ, то оть этого не ночеваеть дуализмъ двухъ этихъ явлевій» (309).

Единственный недостатокъ этого разсужденія тоть, что Дюркгеймъ въ немъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, проглядываеть значеніе простой коопераціи въ нашихъ обществахъ и видить въ нихъ, главнымъ образомъ, группы, основанныя на сложномъ сотруднячестві.

Словомъ, мы въ конкурренціи не видниъ основного и неязбімнаго факта соціальной живин, а висино, какъ выражается Заберъ, временное уклоненіе человічества отъ солидариости интересовъ.

Мы были бы несправедливы въ Дюркгейму, если бы не указали на тъ сторовы его теорів, которыми онъ почти сововиъ выбивается изъ круга своихъ идей и становится на вървую дорогу. Мы разумъемъ именно его теорію о все большемъ отділеніи функціи отъ органа, о пластичномъ карактерт общественнаго раздъления труда по сравнению съ физіологическимъ. Эти взгляды могутъ стать поворотнымъ пунктомъ въ возгрвнияхъ на природу сложной кооперации.

Если смотрёть на дёло съ односторонией, отвлеченной точки зранія, то возможно, пожануй, придти въ тамъ выводамъ относительно разделенія труда, которые деласть Дюркгеймъ. Оно, действительно, заключаеть въ себе все элементы, на которые опъ указываеть. Въ немъ есть элементь сотрудинчества, направленнаго на одну общую цель усилей-н, соответственно съ этимъ, оно является неточникомъ солидарности; благодари ому нидивидъ замъчаеть состояние своей зависимости оть общества; это сознание уменьшаеть его эгонямь, соціализуеть его и т. д., и т. д. Все это вірно, но върно, какъ каррикатура. Каррикатура не ажетъ, не выдунываеть: она береть действительно существующую въ явленін черту, но увеличиваеть ее непропорціонально съ другими сторонами явленія. Въ разділенія труда, наряду съ указанными элементами солндарности, существуеть палый рядь противообщественных темденцій, несравненно болье сильныхъ, чемъ первые; только игнорируя ихъ, могъ Дюркгеймъ нарисовать по поводу обмана свою фантастическую идиллію. Мы не говоримъ ужь о целомъ радв воторических явленій, шедшихъ параллельно съ раздёленіемъ труда, превращавших сотрудинчество въ борьбу и создававших, наряду оъ зависимостью другь оть друга частей общества, вражду между чиснами его. Диркгеймъ можеть найти (какъ онъ это и одълавъ от вінокав вте (віножовой ватоновачої отканівна онавотноодно присущими самому разделению труда, ненормальными-хотя это и противоръчить его теоріи нормальнаго. Но въ разділеніи труда есть стороны, противъ которыхъ безсильно это возражение. Оно ниветь неизбежную тенденцію обособлять людей; замыкая ихъ въ кругь той спеціальной вётви деятельности, которая имъ достанась, это обособленіе должно влечь за собой ослабленіе совнанія связи между участвиками труда. Указываемая тенденція, слабая и почти незаметная вначаль, когда разделеніе труда незначительно м число сотруденновъ невеливо, должна все усиливаться съ прогрессомъ кооперацін. Можно выставить, какъ правило, что вызываемое ою ослаблевіе сознанія своей связи и, слёдовательно, солидариссти, прамо пропорціонально дробности разділенія труда (степени опеціализація), числу сотрудниковъ и степени неизміняемости установленной организаціи сотрудничества. Вначаль сознаніе солидарности велико: малоспеціализировавшіяся занятія еще довольнооднородны, и связь ихъ еще бросается всякому въ глаза; индивидъ легко обозръваеть все поле коопераціи; преследуеныя ею цели для него исны и совпадають от направлениемъ его соботвенныхъ нитересовъ; наконецъ, слабость спеціализаціи сопровождается значительной пластичностью коопераціи и опособотвуєть нейтрализацім

обособияющих винній сложнаго сотрудинчества. Собственно говори, мы его еще здёсь не имеемъ: оно еще не дифференцировалось отъ простой коопераціи. Но чамъ дальше идеть эта дифференціація, тыть сельные становятся дисперсивныя тенденція раздыленія труда: видевидь начинаеть обнимать все меньшія доли поля коопераціи. coseanie ero cense ce quelente boe ochachmetch; ono samberetch сознанісить связи съ частями общества, все уменьшающимися по мъръ развити кооперацін, затамъ переходить въ сознаніе свизи съ блежайшими сотрудниками-какъ мы видели, идеаль Дюркгеймаи отремится закончиться (а нередко и заканчивается) почти полнымъ уничтожениемъ этой связи. Если присоединить из этому все усыявающуюся разнородность занятій, все меньшую свободу перемещеній, которую можеть допускать благодаря этому и благодаря своему усложненію разділеніе труда-то ясно станеть, что индивидь долженъ утратить сознаніе смысла целаго, которое является для него чанъ-то чуждимъ, въ создание котораго онъ не замачаеть своего участія, существованія котораго онъ подчась и не подовріваеть; ясно станеть, что онъ долженъ потерять сознаніе своей сояндарности и связи съ обществомъ *). Но если бы у него и было это сознаніе, то его было бы слешкомъ недостаточно для борьбы оъ изолирующими тенденціями разділенія труда: оно слишкомъ отвлеченю, чтобъ устоять противь вонкретимхь впечативній двй-

Разділеніе труда, поэтому, не соціализуєть, а обособляющей индивида **): изъ двухъ тенденцій—соціализирущей и обособляющей послідняя по природів вещей должна брать верхъ.

^{*)} Ми здёсь абстрагируемъ, конечно, отъ явленій простой кооперація, которая не исчезаетъ и въ обществахъ съ самымъ развитымъ разділеніемъ труда и которая, по нашему миёнію, даже и въ нихъ преобладаетъ надъ сложной коопераціей, хотя это и маскируется тёмъ, что послёдняя ярче кидается въ глаза. Эффекты простой коопераціи и сложной противоположни.

^{**)} Это доказывается, между прочимъ, атомистическими взглядами на нрироду общества, сторонники которыхъ, изъ за слабости исихической свази членовъ общества (слабости кажущейся, ибо она только закрита болье шумными, но не болье глубовими, явленіями борьбы), прогладывавоть никогда не прекращавшуюся и болье прозрачную матерыяльную связь. Органическія теоріи общества-продукть нашего времени, когда невозможно не замічать этой матеріальной связи; но оні также проглядывають вначеніе психической связи. Эта послідняя безспорно отстаеть отъ роста матеріальной связи, но она должна догнать ее подъ страхомъ неминуемой катастрофи. Люди слишкомъ высоко развитыя индивидуальности, чтобы могло быть прочнымъ общество, основанное исключительно на матеріальной связи видевидовъ, при моральномъ антагонизмѣ ихъ. Эта же высота ни дивидуальности делаетъ невозможными все аналогіи органистовъ. Чемоветь не клеточка и никакимъ путемъ не можеть быть доведенъ до поглощения себя обществомъ-организмомъ. Общество или обречено на исчезновение или должно опереться на фактъ индивидуальности и устраныть антаговистичныя этому факту тенденціи.

Разділеніе труда можеть стать факторомъ, пораждающимъ солидарность, только потерявъ свою обособляющую сторону. Для этого необходимо, чтобъ уничтожнаось закрапощение индивида его профессіей, чтобъ прекратилось гипнотизирующее вліяніе какой нибудь отрасли деятельности на личность, вліяніе, изолирующее ее. Задача эта разрёшена и разрёшается на нашехъ глазахъ действительноотыр. Раздёленіе труда на извёстной ступени развитія развагаеть занятия на ихъ составные влементы, столь простые, что требуются крайне незначительныя усилія для усвоенія ихъ. Этикъ создастся возможность на мёсто твердой, неизмённой связи человёка съ извъстнымъ занятіемъ установить крайне здастическую связь его съ алементами занятій. Человікъ раскріпощается отъ тяготівющаго надъ нимъ вліянія занятія. Вивото многочноленныхъ, требующихъ массы сыль, профессій, поглощающих почти целикомь человека, нижется сравнительно немногочисленный и легко доступный изучению рядь элементовь, приводящихь, въ различныхь своихь комбинаціяхь, въ разнороднимъ занятіямъ. Освобожденіе человіка оть власти его профессів — будеть не это власть земли, блестяще описанная Успенскить, нае власть какого-небудь промышленнаго завития провзводить перевороть въ міровоззрінім человіка. Занятіе, разложенное на свои составныя части, иншенное своей целостности, такъ сказать, анатомированное, теряеть свою чарующую прелесть; поэзія ого исчезаеть, но почезаеть вивоть съ этинь и весь инстициямь его, вой чары его: человекъ делается свободнее и сознаеть это. Не прикованный болбе къ тому влочку общества и міра, который ему выпаль на долю, онь тернеть свойственную всякому спеціалисту узость міровоззрінія; общество и весь мірь раздвигаются передъ нимъ; умотвенный горизонтъ его расширяется; и чемъ более спадаеть съ его глазъ пелена, закрывающая отъ него необъятную ширь міра, чамъ более дробной частью Космоса онъ себя сознасть кирть повятие о человъчествъ- ото значить чувствовать себя одной 1% мельярдной частью его, а не $\frac{1}{100}$, $\frac{1}{1000}$ и т. д. — какъ это имъеть ивото при узкомъ соціальномъ горизонтв), тамъ болье онъ становится человакомъ, ибо первое, что характеризируетъ человъка-- это нотинеое пониманіе себя и своего положенія по отношенію къ окружающему. — Ряды сотрудниковъ перем'яшиваются; падають перегородки, отдёлявшія ихъ другь оть друга и не дававшія имъ замечать своей связи. Человекъ перестаеть быть связакнымъ исвлючительно съ людьми определенной профессіи: сегодня онъ работаеть съ одной группой людей, завтра съ другой. Онъ пріучается видать своихъ сотрудниковъ не въ подяхъ, делающихъ то-то и то-то, а въ подяхъ вообще.

Такимъ путемъ исчеваетъ обособляющая сторона разділенія труда, оставляя во всей силі обобществляющую сторону его. Но, собственно говоря, разділеніе труда принимаетъ теперь форму, совоїмъ непохожую на ту, о которой до сихъ поръ трактованось:

оставаясь сложнымъ разділеніемъ труда по отношенію въ занятіямъ, оно приближается къ типу простой кооперація по отношенію къ индивинамъ. Получается то, что г. Южаковъ называетъ культурнымъ разділеніемъ труда въ отличіе отъ органическаго. Отличіе это формулируется имъ следующимъ образомъ: «На низшихъ стадіяхъ вотокива итоомирохоови оп сінаворисофирації по необходимости явияєтся органическимъ; на высшехъ оно можеть быть замънено и частью замъняется культурнымъ. Дифференцуется не общество, а его культура, предлагая недифференцованному общежитію спеціальныя орудія, спеціальные методы, спеціальныя организація, благодаря которымънидивиды, имвющіе достаточную общую культурную подготовку, могуть исполнять разныя спеціальныя функціи общественной жизни, не спеціализируя своего организма и охрания многосторонность овоей индивидуальности» (Р. В. 95,8 кн., Общежите и обществовъдъніе, с. 170). Когда мы говоримъ о простой коопераціи по отношенію къ нидивидамъ, то это не следуеть понимать въ томъ смысле, что всв недиведы посвящають себя безусловно однороднымъ занятіямъ: въ этомъ смысле простой кооперація въ крупныхъ размерахъ никогда соботвенно не было; теперь же она безусловно невозможна. Здёсь имъетъ значение ниведлирующая, приводящая въ однородности тенденція коопераціи. Разнородность и, такъ сказать, несонзивремость людей, порождаемая неподвижными профессіями органическаго раздъленія труда, исчезаеть при эластичности занатій культурнаго дифференцованія; а что для вась важно въ простой коопераціи, - такъ это именно производимая ею однородность людей, общность ихъ целей, общность работы для достиженія ихъ и т. д., сознаніе чего теряется при органическомъ раздвиний труда.

Понятно теперь, почему мы въ вышеуказанныхъ взглядахъ Дорыгейма видели зародышь более правильного понимания значенія раздаленія труда. Но зароднішь такъ и останся зароднішень, и выводы Дюрегейна не носять и следа того вліянія, которое на нихъ должно было оказать установленное имъ самимъ различіе между фазіологическимъ и общественнымъ раздёленіемъ труда. Не имветъ для насъ, поэтому, значенія практическое требованіе Дюркгейма **∢сузить свой горизонть, выбрать опредъленное занятіе и отдаться** ому цаникомъ» и его педагогическое указаніе пріучать датей къ определеннымъ горизонтамъ и ограниченнымъ задачамъ (с. 452). Культурное разделеніе труда приводить съ собой какъ разъ обратмое, и, если ужь брать нормы изъ окружающей действительности, то не ту норму, что человых должень сдылать изъ себя органъ организма. Культурное разделеніе труда насельно ставить передъ дачностью общираме горизонты, и, какъ бы она отъ нихъ на отворачиванась, она не сумнеть унти отъ нихъ. Оно же изъ человъка - куска онова дъласть цвавнаго чоловъка. Цвавнаго не въ томь омысле, что онь станеть универсальнымь и охватить вою сумму пріобрётеній культуры: это невозможно, а съ необходимостью и богж не воюють; но въ томъ, что онъ сумъеть равномърно развить всё существенныя стороны организма, не будучи вынуждень, какъ это имъеть мъсто при сложномъ раздъленіи труда, развивать одну невлючительно сторону въ ущербъ другимъ. При такомъ равномърномъ развитіи человъкъ и въ налюбленное инъ, спеціальное, дъло (продуктъ многочисленныхъ развътвленій ословныхъ элементовъ организма) не вносить узкоспеціальнаго духа съ его ограниченностью и близорукостью. Не въ односторонности и узости спеціальнаго занятія бъда — это неизбъжно — а въ односторонности и узости провоззрънія, налагаемаго ими на человъка; и самымъ могучимъ средствомъ противъ этой опасности являются сощая культура и всестороннее развитіе организма въ личности и духъ универсализма въ обществъ.

Мы подошли теперь въ Деркгеймовскому рашенію вопроса обънедавидуальности. Вопросъ этотъ до того дюбопытенъ и сложенъ, что требуетъ особаго подробнаго разсмотранія, которое невозможно въ нашей и безъ того растянувшейся статьй, къ тому же онъ ненежитъ теперь на пути нашего изследованія, занятаго, главнычъ образомъ, указываемымъ Деркгеймомъ отношеніемъ между раздівленіемъ труда и общественной содидарностью; поэтому намъ придется ограничнъся нёсколькими замічаніями.

Почему человакъ долженъ развиваться вширь, а не вглубь? такъ гласить неверно поставленный Дюркгейномъ вопросъ. Неверень онь потому, что передь человакомь стоить не задача сдалать выборъ одного изъ членовъ этой дилении, а задача соединить ихъ. Экстенсивность занятій въ самой природі человіка, разносторонней, широкой, — интенсивность въ природъ предмета занятій. На человака лежить обязанность совиастить въ себа оба эти требованія, требованія его соботвенной природы, субъекта занятій, ж требованія объекта занятій. Вий этой равномирности развитія нежать две нежелательныя крайности: дилеттантизмъ и его антагонисть, узвій спеціализмъ, сба одинаково неплодотворные и оба ненополняющіє того, что об'єщають. Эта равном'єрность развитія достигается, при современной форм'в разделенія труда, въ соціальной области, благодаря разложенію занятій на легко доступные элементы; въ научной, биагодаря громаднымъ обобщеніямъ нашего времени, созидающимъ постепенно изъ недавних еще membra disjecta науки одинъ цельный организмъ и насельно отрывающимъ разныхъ Вагнеровъ отъ ихъ дождевыхъ червей.

Другое положене, выставляемое Дюркгеймомъ, состоитъ въ томъ, что высота недеведуальности пропорціональна высоть разділенія труда. Это парадоксальное утверждене основывается на односторойнемъ помеманім тершена недевидуальность. Нашъ авторъ беретътолько оденъ элементь этого понятія, именео спеціальныя отличія, человіка отъ другихъ мюдей, игнорируя другіе, не невіе сущестьвенные элементы. Влагодаря этому онъ получаеть вийсто индевидуальности собственно, такъ сказать, персональность. Для него какъ бы остается чуждымъ понятіе объ индивидь, какъ о неділемомъ, о цёломъ, а не какъ о разницё между извёстнымъ цёлымъ и другами прими. Персональность, безспорно, необходима для выделенія личности изъ окружающей ее среды, и въ этомъ отношеній органическому разделенію труда принадлежить большая заслуга. Но оно при дальнейшемъ своемъ развити влекло и, чемъ далее, темъ более, уничтожение другихъ элементовъ нидивидуальности, что приведо бы въ лешению всяваго значения и персональнаго элемента, который имбеть его нешь тогда, когда онь подченень индивиду, а не подчиняеть его себв. При подчинении человъка персональному адементу онъ перестаеть быть автономнымъ источникомъ дъйствія, точно также, и даже больше, чемъ при подчиненіи его обществу. Для индивидуальности необходимо равномерное развитіе элементовъ пълостности и персональности. Это и достигается при культурномъ разделении труда, которое, сохрания пелостность оущественных оторонъ организма, даеть просторъ персональности въ развити дальнайшихъ подраздалений этихъ сторонъ.

Что касается вопроса о всечеловъческомъ братствъ, то ръшеніе его опать таки достигается культурнымъ разділеніемъ труда, которое создаетъ не только связь между функціями обществъ, какъ это имъеть місто при органической коопераціи, но и между испол-мяющими эти функціи видивидами.

П. Ю.

ЧАРЫ.

«Голубка моя, Сашенька! Сколько леть я за тобой тосковала и сколько леть просела Господа, чтобъ привель насъ увидаться. Все тебъ нельвя было прівхать до меня, серапе мое, - то мала была, своей воли не выбла, то денегь не было на большую дорогу. Теперь, благодаря Господу, и воля есть, н протяды стали дешевые. На ярмарку, що была у насъ въ Риму, Данило, дай Богъ ему здоровья, продаль двухъ телушекъ за 40 рублей серебромъ. Посылаю тебъ, Сашенъка, 40 рублей на дорогу. Обрадуй же свою старую бабку, пріважай скорве, погости у меня хоть лето. Якъ бы я была моложе. сама бъ до тебя принетела, такъ соскучилась я за тобою, рокное мое дитятко. Ты жъ у меня одна радость и одно счастье. Помъ я вельла побълнть для твоего пріведа, а комнатку свою уберешь, якъ сама захочешь. Станешь вхать, Сашенька, отслужи на дорогу молебенъ, помолись Божьей матери, чтобы она, Парида Небесная, спасла тебя въ пути. Скажу тебъ, пъточко. что у насъ въ городъ новый докторъ. Назначили его только три месяца назадъ. Хорошій, видно, человекъ и совсемъ еще молодой и не женатый. Я показывала ему твою карточку, онъ ее все разсматриваль, а потомы и сказаль: «какая миная у васъ внучка, интересно съ ней познакомиться.» Право, Сашенька, онъ хорошій человакь и можеть Господь пошлеть теба судьбу. Напиши жъ, когда тебя ждать. Данило повдеть къ поъвду, а я, старая, встръчу внучку у воротъ. Обнимаю тебя 🗷 пълую кръпко. Буду считать деньки до твоего прівзда. А не прівдешь, Сашенька, то знай, что меня убьешь. Ввино любящая тебя родная бабка Анна Бълая.

«Степанеда и Данело невенько тебё кланяются. Степанеда жива и здорова, а Данело скоро хочеть едти въ Кіевъ къ мощамъ. Онъ такой усердный хлопецъ, уже зачинелъ лодку, чтобъ ты каталась на пруду, чи на Дейпру, гдъ захочешь».

Ольшевская чатала и перечитывала грешное противъ грамматики, на половину малороссійское посланіе, и постепенно исчезала для нея окружающая действительность. Небольшая комната съ полинявшими шоколадными обоями, потухающій на стол'є самоваръ и летящая въ открытое окно городская пыль скоро зам'єтили, что Александра Серг'євна видить сны на яву. Въ самомъ д'єлії, передъ усталой учительницей, какъ облака по небу, плыли и м'єнялись картины. Туть было и поросшее травой дрожащее крыльцо, и камыши у Детпра, и крупныя зв'єзды, и поля съ запахомъ чебреща, и маленькій Данило, и хромая Степанида, и соловей, и солице, много солица! Все вставало передъ Ольшевской и звало къ себъ. Но сильн'є зв'єздъ, сильн'єе соловья и поля манили добрые, когда-то красивые глаза. «Ты жъ одна у меня радость и одно счастье», говорили эти глаза, и Ольшевская гляд'єла въ нихъ, и шевелились въ ея душ'є самыя хорошія чувства.

— Ха-ха-ха! можно ли такъ отрёшаться оть земли? Полчаса стою надъ вами, а вы и не слышите.

Дъйствительно, за спиной Ольшевской, уже минуты двъ, пряталась маленькая фигура въ трауръ. Не смотря на черное платье и такой же длинный крепъ, спускавшійся съ крохотной шляпы, отъ фигурки меньше всего въяло печалью.

- Ну, признавайтесь, о чемъ мечтали? Ахъ, если бъ вы знали, голубчикъ, какая жара! Ужасъ! За чашку чая полжизни, а у васъ и самоваръ потухъ!—И, пожавъ руку хозяйки, тра-урная фигурка уже поправляла у зеркала бантъ на груди и завитушки на лбу.
- И въ чему она пришла, какая досада, что пришла, думала Ольшевская, механически отвъчая на вопросы и восклицанія и съ трудомъ возвращаясь изъ далекаго путешествія.
- Знаете, что: идемъ въ Эрмитажъ! Сегодня тамъ новая музыка и, кромъ музыки, угадайте какой сюриризъ? Впрочемъ, гдъ жъ вамъ догадаться! хохотала траурная гостья. Вы еще не успъли, какъ слъдуетъ, спуститься съ облаковъ. Ну, такъ, кромъ музыки, въ Эрмитажъ будетъ Федоръ Львовичъ съ невъстой. Или, можетъ, вы не хотите разстранвать себъ нервы? Тогда лучше не пойдемъ, такъ и быть, будемъ париться у васъ въ комнатъ.
- Ледія Николаєвна, ей Богу, мий эти шутки давно надовли,—сказала Ольшевская.
- Ахъ, другъ мой, неужели изъ за всякихъ пустяковъ вы готовы сердиться? Нельзя же все только философствовать? Это скучно.
  - Тогда шутите иначе, а то тоже не весело.
- Въ самомъ дёлё? Ну, будеть, будеть! Пойдемъ въ Эрмитажъ! Право, видёть жениха и невёсту наканунё ихъ свадьбы, по моему, преинтересно. Вёдь завтра ихъ свадьба, вы знаете?—

и въ глазахъ траурной Лидіи Николаевны промедькнуль злорадный огоновъ.

— Давно знаю; только отчего такая обыкновенная вещь

такъ всёхъ необывновенно интересуеть?

Черевъ полчаса и ховяйка, и гостья были по дорогъ въ городской садъ. Сначала онъ зашли за одной знакомой, нотомъ за другой. У другой знакомой была дочка, тоже барышня. Здёсь и Ольшевская, и Лидія Николаевна дояго ждали, пока барышня одъванась. Потомъ уже всё виёстё двинулась въ путь. Дамы шли немного свади и говорили о городской пыли, о дачахъ, о купаніяхъ, о новыхъ летнихъ матеріяхъ и тому подобныхъ севонныхъ вещахъ. Барышни приблизительно о томъ же, но въ духв ихъ рвчей вездв слышался известный или ненвевстный онъ. —Скорви бы кончался этоть вечерь, —устано мечтала Ольшевская, стараясь не отставать отъ общаго разговора и дълая внимательное лицо, когда из ней обращались. «Какъ не интересно-притворяться, думалось ей. - А къ чему я притворяюсь? Но нельзя же вдругь остановиться, -- сказать прощайте, господа, мив съ вами скучно, и уйдти домой». Нельзя было и не пойдти съ этой Лидіей Николаевной и не принять ее нельзя было. Ну если бы сегодня даже и не пошла, и не приняда, а завтра, после завтра, всегда? И разве Лидія Николаевна одна? И Ольшевской представились всв внакомыя. Она съ удовольствіемъ никогда, пожалуй бы, встречалась съ ними, но со всеми приходилось встречаться. Какъ же было иначе устроить, какъ поступить?

Наконецъ, вотъ и садъ. Въ саду играна музыка, горбно электричество, сновали взадъ и впередъ разодётыя дамы и дёвицы, -иныя, болье счастинныя, съ каналерами, другія, скучающія, безъ нахъ. На открытой сценъ пълъ какой-то пріважій хоръ. Какъ всегда, пъвицы были накрашены, какъ всегда ломались, и биновли мужчинъ, какъ всогда, останавливались на нихъ съ удовольствіемъ. Ольшевская невольно вслушивалась въ мотивы и слова пънія. Мотивы были вывывающіе, назойливые, а слова говорили все о любви и страсти. Но прозвонилъ звонокъ, и большинство публики, оставивъ романсы, потянулосъ въ опе-DOTRY.

Здёсь было то же, что и въ саду, т. е. тоть же душный воздухъ, тв же поглощенные заботой нравиться и веселиться мужчины и женщины, тв же чувственные слова и жесты на сценъ. Сначала Ольшевской было жарко, непріятно и скучно. Она очень редко бывала въ оперетке и теперь, глядя на сцену, по временамъ чувствована какой-то стыдъ и какую-то свою вину нредъ въиъ-то или предъ чъиъ-то. Но, уже часъ спустя, явилась привычка. Все прислушалось, присмотрелось **и перестано быть совёстно.** Показалось страннымъ стыдиться того, чего некто не стыдился.

Въ началь второго дъйствія въ ложу, гдь сидыла Ольшевская со своими знакомыми, вошель представительный брюнеть. Брюнета этого звали Сергвемъ Петровичемъ Травициимъ. Раньше Травникій быль преподавателемь скрипичной игры въ мувывальной школь, но потомъ служеніе искусству проміняль на служеніе капиталу и занималь теперь довольно видное и довольно выгодное м'есто въ банк'в. Травицкій быль женать и существоваль на быломъ свыть ровно сорокъ лыть. Ольшевская встречалась съ нимъ у знакомыхъ, и онъ казался ей не такимъ пустымъ и скучнымъ, какъ другіе. Онъ даже нравился ей за то, что часто въ его лиць появлялось вдругь что-то грустное и сосредоточенное. Тогда Ольшевской хотвлось поглубже заглянуть въ его душу, утёшить его, что нибудь для него сделать. Какъ и все, Травицкій начиналь иногда ухаживать или, какъ почему-то казалось Ольшевской, притворямся ухаживающимъ и тогда онъ дълался ей непріятнымъ. Войдя въ ножу и, по своей манерй, очень крипко пожавъ всимъ руин, Травицкій уселся на свободный стуль свади Ольшевской.

— Что вы нашли интереснаго на сценъ? Поглядите на меня хоть немного, — услыхала она черезъ минуту надъ самымъ ухомъ его голосъ.

Ольшевская обернулась, чтобы сказать какую нибудь невначительную фразу, потому что надо же что нибудь отвёчать, когда заговаривають знакомые люди, но ничего не сказала. Травицкій показался ей вдругь какимъ-то новымъ. Она точно первый разъ увидёла его лицо съ немного странными сёрыми глазами.

- Знаете, я по васъ соскучияся, вёдь я васъ больше двухъ недёль не видалъ, тихо говорилъ Травицкій, и голосъ его звучалъ мягко и ласково.
- Ну, про себя я не могу сказать того же, ответила Ольшевская, сознавая въ то же время, что она почему-то волнуется, и стараясь понять причину волненія.

— Я такъ и зналъ. Вы не умъете привязываться и не умъете скучать. — Травицкій замолчаль, и глаза у него стали исчальные. — А всетаки вы милая, — сказаль онъ почти про себя, когда Ольшевская уже смотръла на сцену.

Она сдъпала видъ, что не слыхала этихъ словъ, а Травиций совсемъ ватихъ на своемъ стуле. Когда Ольшевская, немного погодя, украдкой ваглянула на него, глаза его были заврыты, а лобъ наморщенъ, какъ бы отъ боли. — Какъ противно притворяется, — думала про него Ольшевская, чувствуя приливъ какой-то веселости. — Отчего мив стало такъ весело? Какое у него выразительное, интеллигентное лицо. Нътъ, влюбиться

въ женатаго я не могла бы по принципу, да и онъ... способенъ только притворяться.

Въ антрактъ вся компанія вышла въ садъ. Здёсь, къ удовольствію Лидія Николаєвны, къ нимъ подошель еще знакомый, уже настоящій молодой человікъ, т. е. не женатый. Лидія Николаєвна и вторая барышня, которую звали Анной Николаєвна и вторая барышня, которую звали Анной Николаєвной, кокетничали съ нимъ напропалую и каждую минуту старались утопеть другь друга. Молодой человікъ сыпаль комплиментами и остротами, но очень искусно держаль нейтралитеть, что, впрочемъ, не составияло для него никакого труда, такъ какъ онъ только недавно отдаль свое сердце одной хорошенькой, но непризнанной въ обществі вдові. Ольшевская, отказываясь отъ всякихъ претензій на спорное сокровище (молодой человікъ считался завидной партіей), невольно очутилась опять въ обществі Травицкаго.

- А вы не любите охоты,—сказаль онь одобрительно.— Это одно изъ вашихъ достоинствъ. Ну, а кому изъ двухъ достанется добыча, какъ вы думаете?
  - Никакъ не думаю, потому что мнв это не интересно.
- Да? А что же вамъ интересно? Подълитесь, пожалуйста, что такое вы считаете самымъ интереснымъ на свътъ?
  - А вы что считаете? уклонилась отъ отвёта Ольшевская.
- Я? Да ужъ, конечно, любовь. Любовь есть альфа и омега. Для меня это старая истина. Какъ всё дороги ведутъ въ Римъ, такъ всё мы, умышленно или неумышленно, идемъ къ любви: она нашъ Римъ, наша пристань, наше солнце. Вамъ не колодно?—спросиль вдругъ Травицкій.
  - Мив? Почему?—удивилась Ольшевская.
- Да въдь для васъ не свътить это солице, вы еще не любите. Попробуйте, полюбите.

И Травицкій такъ посмотріль въ лицо Ольшевской, что она не выдержала и опустила глаза. Она чувствовала въ его глазахъ что-то захватывающее, покоряющее, но такое, чему не слідовало покоряться.

- Отчего вы не можете смотреть на меня?
- Могу, но вы решительно не стоите этого,—насильно разсибялась Александра Сергевена.
- А кто же стоить?—тоже шугливо спросыть Травицкій и, помолчавъ, очень увъренно прибавиль: когда нибудь вы возымете назадъ свои слова.

Ольшевская подумала, что этого «когда нибудь» никогда не будеть, но въ голосъ Травицкаго ей послышаласъ какая-то сила, и почему-то отъ этого ей опять сдълалось весело.

Занавёсь уже поднялся, когда компанія усёлась по містамъ. Но теперь въ ложі, гді сиділа Ольшевская, місто Травиц-каго заняль Федоръ Львовичь, тоть Федоръ Львовичь, посмо-

треть котораго звала Ледія Николаевна, который должень быль придти съ нев'естой и завтра в'инчаться. Всй, за исключеніемъ Ольшевской, увидавъ его, забросали вопросами. Окавалось, что свадьба Федора Львовича откладывалась на мъсяцъ и что въ театръ попаль онъ случайно и одинъ. Не смотря на отложенное счастье, Федоръ Львовичь быль весель, судейскій мундирь его, какъ всегда, блествль чистотой, и послушные усы стоями стрункой. Федоръ Львовичь просидель въ ложе все действіе, немного смотрель сложеніу, немного говориль съ дамами, искренно возмущался на сценемъ опереточной примадонны, находя ее слишкомъ худощавой, жаловался на жару и разсказаль забавный анекдоть, завёряя честнымь словомь, что онъ случился на дняхъ съ однинъ изъ его коллегъ. Лидія и Анна Николаевны старались найти въ немъ недостатки, женая облегчить сознаніе, что онь уже женихь другой; мать Анны Николаевны не безъ досады соображала, что этотъ молодой человекъ сделаеть карьеру, а Ольшевская, глядя на пестрый модный галстухъ Федора Львовича, думала: неужели и следующее действие просидить едесь онь, а не... Травицкий? У Федора же Львовича, когда онъ взглядываль на Ольшевскую, невольно мелькало: бъдная, всетаки жаль ее, я за ней чуточку ухаживаль, и она, кажется, надвялась, но кто жь виновать, что она какая-то въчно вялая и что ее пришлось бы одъвать съ головы до ногъ... у самой въдь ни гроша. Да и фигура у моей Върочки красивъе, чъмъ у этой мимовы.

Ольшевская облегченно вздохнула, когда кончилось дъйствіе. Антракть опять провели въ саду. Травицкій тоже быль здёсь, ходиль одинь, но къ ней не подошель. Ольшевская чувствована усталость, и ей хотълось домой. Пришло, наконець, и последнее действіе оперетки. На сцене была поэтическая ночь съ садомъ, луной и свиданьемъ. Спущенное электричество совсёмъ не освещало театра, и онъ притихъ, следя за жизнью на подмосткахъ. А тамъ, какъ и въ настоящей жизни, шла старая и вёчно новая исторія: онъ молиль о любви, она боролась. «Не думай, мысль губитъ чувство»,—пёль теноръ.

- Слышите? Слышите? Это правда, это сама истина, услыхала Ольшевская возбужденный шопоть и, обернувшись, блиско, совсёмь блиско встрётила глаза Травицкаго.
  - Когда вы вошли? спросила она тоже шопотомъ.
- Давно или только что, это все равно, но вы слышите: не нужно думать, опасно думать, опасно для любви.

«Но я и не хочу любить», хотела было сказать Ольшевская и не смогла; она почувствовала, что сказала бы ложь. Въ эту минуту ей страстно, нетерпеливо хотелось любить и быть любимой. «Милая, мы всё для люби созданы, и въ ней лишь одной наше счастье», продолжаль теноръ.

Неправда, неправда, возмущалась про себя Ольшевская, — не въ любви только счастье, а главное не въ такой противной любви, какая воть туть на сцент или... о какой говорить хоть Травицкій. Это не любовь, это не стоить наванія любви, думала она, со стыдомъ чувствуя, что не въ силахъ отодвинуться отъ слишкомъ придвинувшагося къ ней Травицкаго. Борьба опереточной геронии кончается. «Я любию тебя, я твоя»—поеть она мягкимъ контральто, все ниже и ниже склоняя голову на грудь тенора.

- Неужели никому не скажете вы никогда этихъ словъ? шепчетъ Травицкій, и выразительные глаза его глядятъ такъ вадумчиво и мягко, что языкъ Ольшевской не поворачивается сказать ему ръзкость. Еще минута, и Травицкій догадается, что съ ней дълается. Что тогда будетъ? Ничего не будетъ, думаетъ Ольшевская и чувствуетъ какую-то противную, обидную досаду. Ей теперь хочется, чтобы было что нибудь большое, особенное. Пустъ ее любитъ Травицкій, пустъ она сама его полюбитъ, полюбитъ такъ, чтобы, кромъ него, ничего не видътъ, не слышатъ, не сознавать. Но разев стоитъ житъ исключительно для любви? И Травицкій женатъ, его любить не честно. Любовь не разбираетъ, она стихійная сила, мелькаетъ въ див Ольшевской и эта избитая, давно прислушавшаяся фраза теперь кажется ей новой истиной и полнымъ оправданіемъ.
- О чемъ вы задумались?—спросиль Травицкій, наклонясь такъ близко, что Ольшевская у себя на щекъ чувствовала его дыханіе.
- Меня интересуеть, сказала она чужимъ для себя голесомъ, — меня интересуетъ, не испугались им бы вы, если бы кто инбудь полюбилъ васъ очень серьевно?
- Очень серьезно? а развѣ это такъ страшно? Чѣмъ же бы грозила мнѣ эта «очень серьезная» любовь? Позвольте васъ спросить.

Какая-то неуловимая перемёна была въ лицё и голосё Травицкаго, когда онъ произнесъ эту фразу.

— О, увъряю васъ, всегда любовь можетъ доставить только удовольствіе,—засмъялся онъ черезъ минуту, откидываясь на спинку стула и дълаясь только на какой нибудь вершокъ дальше, но все же дальше отъ Ольшевской.

Ольшевская поняла, что онъ испугался. Ей сдёлалось стыдно, обидно и больно. «Но вёдь я не люблю его, а этотъ проклятый вопросъ онъ скоро забудеть», — утёшала она себя. «А я, однако, ничуть не лучше другихъ». Ольшевская посмотрёла на Лидію Николаевну, которая въ это время всецёло была занята стараніемъ побёдить сидёвшаго съ ними молодого человёка, и почувствовала ту брезгливость къ себё, какую такъ часто чувствовала къ этой красивой кривляющейся барыший.

Оперетка кончилась, начались безконечные вызовы. дика, по обыкновенію, не жалбла ни горла, ни рукъ, и занавъсъ то и дъло подымался и опускался, заставляя недавнихъ героевъ, какъ всегда, усердно кланяться направо и налъво. Ложа, гдв сидвла Ольшевская опуствла задолго до конца вывововъ. Когда вся компанія вышла изъ дунінаго театра, прежде всего возникъ вопросъ, какъ доставить домой двухъ барышень-Ольшевскую и Лицію Николаевну. Молодой человъкъ, на котораго все время оперетки велась правильная атака, повинуясь законамъ войны, пошель за побёдительницей, а Травицкій предложиль свои услуги Александрів Сергівевнів. Какъ ни котвлось теперь Ольшевской отказаться отъ непріят-HAPO tête-a-tête, отнаваться было нельвя, потому что это, конечно, удивало бы всёхъ. Дорогой Травицкій вначалё быль момчаливъ и шемъ такъ быстро, что Ольшевская, вполив довольная темъ, что скоро небавится отъ своего провожатаго, однаво же едва поспъвала за нимъ.

- Ну, скоро вы и дома,—сказаль Травицкій, когда идти осталось действительно немного.—Когда же мы теперь увидимся?
  - Не знаю, когда придется, отвётила Ольшевская.
- Ну, конечно, когда придется; для васъ это вопросъ такой же важности, какъ для меня,—что теперь встъ за ужиномъ опереточный теноръ.
  - Пожануй, но въдь и для вась не интересиве.
- Вы говорите не то, что думаете, а еще поборница правды, сказалъ Травицкій, замедляя шаги. Впрочемъ, не одной правды, а правды, красоты, простоты и еще какихъ-то пріятныхъ вещей. Такъ въдь? Я не перепуталъ вашихъ симпатій?
  - Не внаю, что во всемъ этомъ сменного.
- Да развѣ жъ я смѣюсь, Александра Сергѣевна? Ну, посмотрите на меня, развѣ я смѣюсь? Въ глубинѣ души я вѣдъ и самъ вѣрю во всѣ эти привидѣнія.

И въ голосъ Травицкаго зазвучали тъ нотки, которыя всегда привлекали къ нему Александру Сергъевну. Она взглянула на него, и его блъдное, усталое лицо показалось ей такимъ роднымъ и близкимъ, что сразу исчезли недавняя неловкость и досада, и хотълось только смотръть на это лицо.

- Эхъ, ночь-то какая, Александра Сергеевна, вглядитесь, какая ночь. Вотъ туть вамъ и красота, и правда и все, что хотите, а въ людяхъ искать этого добра, ей-Богу, наивно.
- Вы, кажется, говорите о томъ, что васъ совершенно не интересуеть. Еще недавно вы признавались, что теривть не можете «умныхъ разговоровъ», сказала Ольшевская, въ одно время и желая и боясь разсвять какія-то чары.

- Почему вы думаете, что тогда я быль искрениве, чвиъ сейчасъ? Сейчасъ я только вдвоемъ съ вами, а это, во первыхъ, значитъ, что сейчасъ я не ломаюсь, а во вторыхъ, что все мало-мальски порядочное во мив всплываетъ наверхъ.
- Въ третьихъ, перебила Ольшевская, —я васъочень, очень прошу никогда такъ не говорить, если не хотите, чтобы и самой себъ была противна.
  - Я васъ не понимаю, сказаль Травицкій.
  - Вы забыли мой сегодняшній вопросъ.
- Вашъ вопросъ? Какой же? Кажется ничего особеннаго вы не спрашивали.

Они подошли уже въ дому.

- А знаете, Александра Сергевна,—сказаль Травицкій, я нахожу, что въ васъ самой очень мало любимой вами простоты.
- Неправда, отв'єтила Ольшевская, взбираясь по ступенькамъ крыльца.
  - Ну, такъ докажите, что это неправда.
  - Ч<u>ёмъ</u> же?
- А вотъ чёмъ, —часъ теперь не особенно поздній, ночь чудная, Волга въ двухъ шагахъ отъ вашего дома. Пойдемъ, походимъ где небудь по берегу.
  - Да съ какой стати, къ чему? сказала Ольшевская.
- Ни съ какой стати и ни къ чему. Видите, если бы въ васъ было побольше простоты, вы и взглянули бы на мое предложение просто. Спать не хочу, не устала, знакомый порядочный человъкъ просить еще немного побыть съ нимъ—гдъ причина, чтобъ отказать ему? Ну, прощайте, мнъ хотълось только подвергнуть маленькому, испытанию вашу любовь къ простотъ.—Онъ пожаль ея руку и повернулся, чтобы идти.
- Вы правы, а я не последовательна. Если хотите, пойдемъ на Волгу,—сказала Ольшевская.
  - Слава простотв и логикв! воскликнулъ Травицкій.

Они проший улицу и спустились подъ гору. Все на берегу давно уже спало. Волга лежала неподвижная, и мъсяцъ чуть колыхался въ водъ. Далеко, на противоположномъ берегу то вспыхивалъ, то потухалъ одинокій костеръ. Было прохладно и совстиъ тихо.

- Какая прелесты!—сказала Ольшевская,—я, кажется, не жалью, что пошла.
- Ей это еще только кажется! Да вы возмутительны, сударыня. Ну, вонъ смотрите—пошли круги по водё, знасте отчего?
  - Рыба это, отвътила Ольшевская тихо.
- Положимъ, что и рыба, а вдругъ русанка? Прекрасная, любящая, съ чарующими глазами, повови она меня, сейчасъ бы бросился въ веду.

— А меня оставням бы одну на берегу? Ну, нътъ, я

боюсь, —разсивялась Ольшевская.

- Значить, со мной моя умница не боится? Такъ сядемъ на этихъ бревнахъ, я такъ усталь, что, пожалуй, и не брошусь.
- Хорошо, минуть пять посидимъ и домой, сказала Ольшевская, садясь.
  - Согласенъ, а когда же я васъ опять увижу?

— Я на дняхъ уважаю въ бабушев.

— На дняхъ уважаете и до сихъ поръ ни слова? Зачвиъ вы вдете? На долго?

— Въроятно, на все лъто.

- Уъзжаете на все лъто! Если бъ васъ молили остаться,
   вы бы не остались? спросиль Травицкій быстро.
  - Кому жъ это можеть быть нужно?
  - Останись бы или нътъ? повториль онъ упрямо.
- H-неть, ответила Ольшевская не сразу, и ей сделалось какъ-то скучно, скучно.

Оба вамолчали.

— Вы хотёли домой, такъ пойденте, а то дёлается сыро, — сказаль Травицкій, подымаясь, — да и жена какъ бы не стала безпоконться, — добавиль онъ заботливо.

Ольшевской показалось, что ее ударили, такой стыдъ охватиль ее при последнихъ словахъ. Дорогой они говорили о

городской пыли и жарв.

На савдующее утро, еще не совсвиъ проснувшись, Ольшевская уже чувствовала, какъ давить ее что-то непріятное. Постепенно это непріятное ділалось все ясніве и назойливіве. То были вчерашнія восноминанія. Какъ вышло все противно и глупо! Самому обыкновенному и самому маленькому ухаживанью она вдругь придана какое-то серьезное значение и, кажется, вообравила себя влюбленной и готовой на всё жертвы. Травицкій, конечно, все поняль и теперь смеется надъ ней. Но главное, гдъ же ся хваленые принципы? Въдь она убъждена, что женатаго любить не хорошо. Какіе бы доводы ни придумывала нечистая совесть людей въ польку свободы чувства — всегда эта свобода будеть, во первыхь, кражей, а во вторыхь, вопіющимь эгонямомь. Я люблю и хочу счастья, а потому я вду и, болъе или менъе хладнокровно, смотря по жарактеру, отнимаю это счастье, или ужъ во всякомъ случав спокойствіе, у другого. Очень симпатично! «А вчера я, кажется, серьезно готова была поступить такъ», -- думаеть Ольшевская. «Если бы васъ молили остаться, вы бы остались?» Неужели я только потому не остаюсь, что онь и не думаль молить? Неужели... А какое славное вчера было у него лицо и голосъ,вспоминается ей съ какимъ-то сожальніемъ. - Только все это дъланное или такъ; что нибудь случайное. Онъ, конечно, не такой, какимъ иногда кажется. Онъ такой же, какъ и всъ. И слава Богу. По крайней мъръ, завтра же все забудется. Завтра надо ъхатъ. Ольшевская опять перечитала письмо и сильнъе прежняго потянуло ее въ далекую, родную Малороссію.

Вечеромъ Ольшевская пошла проститься кой съ къмъ изъ внакомыхъ. Въ дом'в траурной Лидіи Николаевны оказались гости. Еще изъ прихожей виденъ быль разставленный столь съ мълками и картами и стоявшіе кругомъ него довольные партнеры. Составлялся винть. Хозяйна, мать Лидін Николаевны, тоже въ трауръ, и тоже веселая и оживленная, суетилась съ чаемъ. Въ углу компаты стояль Травицкій и, держа въ рукъ вынутую карту, говориль о чемъ-то въ полголоса съ хорошенькой барыней. Не смотря на то, что видыть Травицкаго Ольшевской было непріятно, увидівь его, она сразу поняда, что не уйдеть отсюда черевь полчаса, какь решила раньше. И она не уходила. Травицкій играль въ карты, а Ольшевская сидъла съ барышнями, скучала и, глядя на погруженнаго въ игру Травицкаго, думала: «Что же въ немъ хорошаго вле особеннаго? Самый обыкновенный, самый заурядный человъкъ. Хорошо, что я вижу его сегодия, -- сегодия я ужъ совсемъ въ немъ разочаруюсь». Несколько разъ она порывалась уйдти и все оставалась. Потомъ кончили играть и подани ужинъ. Ужинали на террасв. Говорили обо всемъ понемногу и больше всего о чувствахъ. Было не мало намековъ, двусмысленностей и даже пошлостей и чуть-чуть остроумія. Травицкій не отставаль оть другихь. Ольшевской было скучно и жаль чего-то, какой-то разсілявшейся запретной, но сладкой мечты. Посив ужина все общество, повидимому, чувствовало себя свободно и пріятно настроеннымъ. Заговорили даже о поэвін. Травицкій усілся на ступенькі террасы у ногь Лидів Неколаевны и хорошенькой барыни и говориль имъ что-то о ввъздахъ. Ольшевская видъла, какъ блестели его глаза, и чувствовала себя такой чужой и далекой этому человыму, что вчерашній вечеръ казался ей сномъ. На террасі было світно и уютно, изъ сада пахло резедой и левкозми. — «Друзья; какъ ночь прекрасна! запыть вдругь ховяннь, жестикулируя руками такъ, какъ будто управлялъ многочисленнымъ хоромъ. Ему подтянули, но слабо. «Средь шумнаго бала, случайно, въ тревогь мірской сусты... началь толстый лысый полковникь и остановился.

[—] Что случилось въ тревогъ мірской суеты, господа, кто помнить?

^{— «}Тебя я увидёль, но тайна твои покрывала черты!» сказаль Травицкій выразительно, подходя къ полковнику. Всё

невольно разсивались, такъ мало было тайны въ красномъ лиць полковника. «Лишь очи печально глядым, —продолжаль Травицей, остановясь предъ Ольшевской, — а голосъ такъ дивно звучаль»... и голось самого Травицкаго заявучаль такимъ богатствомъ чувства, что всё стали слушать. Онъ прочель всё стихи. «Люблю ди тебя я не знаю, но важется мив, что дюблю», - кончиль онъ, обращаясь уже только къ Ольшевской. Его попросили сказать еще что нибудь. И Травицкій сталь говорить изъ Толстого, Непрасова, Надсона. Чудныя-то радостныя, то грустныя, то неуловемыя, какъ мечта, картины проходили передъ Ольшевской, ея сердце билось въ тактъ словамъ, и терраса съ ея слушателями отошла куда-то далеко. Она видела только Травицкаго, забывала, что онъ говорить чужія слова, и ей казалось, что это его мысли, его радости и страданія. Травицкій тоже увлекся и не зам'єтиль, что большинству давно надобло слушать. Сибхъ въ саду остановиль его на половинъ фразы. На дорожкъ, освъщенной луной, стояла Лидія Николаевна съ полковникомъ, и оба дружно сивялись.

— Мы давно васъ гипнотизируемъ,—кричала Лидія Николаевна обернувшемуся Травицкому,—но вы одблись въ броню позвіи и положительно неуязвимы. Знаете, мы рёшили, что нынче ночью къ вамъ непремённо явится кто нибудь изъ великихъ покойниковъ и поднесеть похвальный листъ.

Всв разсивялись.

— Чувствую, что и вамъ готовится сюрпризъ!—сказалъ Травицкій, легко спрыгивая черезъ перила въ садъ. — Александра Сергвевна! васъ не достаеть, —крикнулъ онъ черезъ минуту отгуда.

Ольшевская машинально встала и пошла. Она не нашлась даже, что отвётить.—Я положительно глупёю, думала она, чувствуя, что какая-то сила парализуеть ея мысли и волю.

Скоро и всё остальные бросили террасу и сошли въ садъ. Было уже довольно поздно, но никому не хотелось уходить. Травицкій сидёль рядомъ съ Ольшевской и, откинувшись на слинку лавочки, говориль какія-то незначительныя вещи, но такимъ мягкимъ, покоряющимъ голосомъ, что Ольшевская, нлохо вслушиваясь въ слова, чувствовала только ласку этого голоса, и ей было хорошо, и хотелось сидёть такъ, не шевелясь, дояго, дояго. Скоро, однако, гости стали расходиться. Она тоже подошла прощаться съ хозяйкой, но хозяйка любезно ваявила, что не пустить ее, что лучше переночевать у нихъ, такъ боле, что Александра Сергевна убажаеть, и они не увидятся все лёто. Ольшевская отговаривалась, но Лидія Николаевна поддержала мать, спрятала кофточку и шляпу гостьи, и та должна была остаться.

- Злая, Александра Сергвевна, развѣ вы не знаете, что мнѣ будеть скучно возвращаться одному?—сказаль Травицкій.
- Я вла по неволё, отвётила Ольшевская, чувствуя въ душё досаду, что ее оставили.
- Утешеніе небольшое. «Но кажется мит, что люблю...» сказаль Травицкій тихо.—А вамъ что кажется?—спросиль онь, наклоняясь къ лицу Александры Сергевны и сжимая взятую для прощанія руку.

— Тоже... то есть не знаю, не знаю... Уходите! — черезъ свиу сказала Ольшевская, выдергивая руку и скрываясь изъ прихожей.

Ольшевской постлали въ кабинетъ хозянна, на широкой оттоманкъ. Ей было удобно и не жарко, но она не могла сцать. Изъ за плохо спущенныхъ занавъсокъ глядъла луна, и длинныя бълыя полосы лежали на полу и стънахъ. Ольшевская глядела на эти полосы и думала. Она знаеть Травицкаго несколько мъсяцевъ, а жены его совствиъ не видала, потому что та лечилась заграницей и только недавно пріёхала. Говорять, жена у него прасивая и милая, и Травицкій, конечно, ее любить. Что за человъкъ этоть Травицкій? Зачёмъ онъ съ ней конетничаеть, зачёмъ хочеть понравиться больше, чёмъ сивдуеть? Или, можеть, онь и не думаеть кокетничать и ровно ничего не хочеть? Последнее даже вернее. Но Александра Сергвевна чувствуеть, что ей не хочется, чтобы это было върно, и удивляется самой себъ. Неужели она любить этого чужого, мало знакомаго, не свободнаго человека? За что? Когда, наконецъ, усивла полюбить? Неть, это не любовь. Это только желаніе любви, а Травицкій — случай любить. Но почему тогда ощо такъ недавно она была равнодушна къ ухаживанью другихъ, почему не вышла за офицера, дѣлавшаго ей вредложеніе? Ахъ, развѣ можно хитрить съ собой? На эти почему у нея есть отвёть. Годь, полтора назадь ея требованія оть любви были выше и чище, а теперь понизились. Требованія понизились, а потребность любви сділалась больше, потому что изъ всёхъ жизненныхъ миражей, миражъ любви оказался ярче и долговъчные. Прежде Ольшевская идеальничала, мечтала о знанін, собиранась на курсы, училась, четала, а сейчась воть чувствуеть, что, кром'в любви, ей ничего не хочется. Нехорошая она стала. Но такъ, кажется, и надо. Повидимому, одно изъ двухъ: или совсемъ отказаться отъ счастья, или не быть черезчуръ разборчивой въ средствахъ къ нему. Идеальному место въ мечтахъ и въ хорошихъ книжкахъ, — живнь необходимо должна быть груба, потому что требуеть борьбы, потому что одинь живеть на счеть другого. Это старыя истины, но для нея, Ольшевской,

онъ новы, и признаніе ихъ мучительно, какъ мучительны первые шаги для начинающаго преступника. Александра Сергъевна мысленно такъ и называла себя преступницей, но почему-то не почувствовала ни страха, ни желанія исправиться.

На другой день Ольшевская должна была вхать, но не ужхала, а вийсто этого пошла вечеромъ съ Лидіей Николаевной въ садъ. Въ саду былъ Травицкій, и они долго ходили съ немъ по аллеямъ, долго сидели на лавочке и долго говорили. Семья Лидіи Николаєвны перевзжала на дачу, Ольшевскую и Травицкихъ звали на новоселье. Травицкій сказаль, что за жену не ручается, а самъ будеть. Дня черезъ два онъ зашель къ Александръ Сергъевнъ и очень просто предложиль ей вхать вийств. Быль какой-то праздникь и на дачь собранась педан вомнанія. Мужчины опять играли въ карты, а дамы и барышни ходини по пъсу, собирали букеты, купались, катались на подкв. Ольшевская терпівливо дожидалась, когда кончится винть. Теперь ей было весело только съ Травицкимъ. Вечеромъ опять уже всв вместь катались по пруду. Вечерь быль душный и свътлый. Луна молнымъ кругомъ стояла на небъ, и вода пруда блествла, какъ серебряная. Туть было мало раздолья, мало природы, но все же она чувствовалась и действовала какимъ-то страннымъ нъжащимъ образомъ. Но, когда Ольшевская вглядывалась и вслушивалась въ то, что происходило кругомъ, ей начинало казаться, что съ действіемъ этой бедной природы силетается еще действіе какихь-то нездоровыхь, но сильныхь чаръ. Лидія Николзевна въ эфектной былой кофточкы съ открытыми руками и шеей, поддаваясь этимъ чарамъ, долго не брала своей руки изъ рукъ соседа, когда тотъ по степени теплоты хотель узнать, не озябла ли она. Хорошенькая барыня мечтательно глядвяв на луну и, улыбаясь, отвёчала двусимсленностями на двусимсленности инженера, а сама Александра Сергъевна невольно вздрагивала, когда плечо Травицкаго, какъ бы нечаянно, касалось ен плеча. «Людыми движеть чувственность», думала Александра Сергеевна, и ей делалось ясно, что она не любить Травицкаго. Если она то, за что привыка считать себя, т. е. если она порядочная, она завтра же убдеть и противное чувство скоро исчезнеть. Если нъть... если нъть, то она останется, и конецъ всего будеть зависъть отъ Травицкаго. Или, еще скорве — ничего особеннаго не случится, а просто на просто она привывнетъ въ этой духовной нечистоплотности, будеть кокетничать, увлекать и сама увлекаться и, наконець, это обратится въ ея женскую спеціальность, какъ преблагополучно обращается у большинства дамъ и девицъ. Нетъ, она этого не хочетъ. Она, правда, хочетъ

любви, но любви настоящей, хорошей, основанной на осм'янномъ «сродств'я лушъ».

— По моему, Толстой въ своей «Крейцеровой Сонать» правъ: люди отвратительны—всё какіе-то гразные, — говорить Ольшевская, неожиданно для самой себя, обращаясь въ Травицкому.

Травицкій долго судить Толстого, долго философствуеть о людяхь и жизни и такъ смотрить на Ольшевскую, что ей дівлается страшно потерять эту жизнь въ погоні за призрачнымъ «сродствомъ душъ». Ахъ, существуеть ни это желанное сродство, этотъ ндеалъ любви? А не любить нельзя, говорять ей и глаза Травицкаго, и лунная ночь, и лица сидящихъ въ лодкі, и звуки музыки, несущейся съ сосідней дачи...

Уже вторые сутки какъ вдеть Ольшевская по женваной дорогв. Въ третьемъ класся духота, теснота и грязь. Ольшевская сидить, прижатая въ уголъ толстой лавочницей, и думаетъ о томъ, что ее ждеть и что она оставила. Ждеть ее ласка, покой и природа, а свади остались трудъ, одиночество, скука, какіе-то порывы и какая-то неудовлетворенность. Она не знаетъ, навсегда им она ушла отъ нихъ, не знаетъ потому, что во многомъ сама виновата. Стоило ей, напримъръ, жить съ теткой, у которой она выросла, и она избъжала бы необ-ходимости съ утра до вечера бъгать по грошовымъ урокамъ. Кромъ того, она жила бы не одна, какъ теперь, а въ семъв. Но Ольшевская не особенно любитъ тетку, во многомъ не сходится съ ней и не хочетъ ничъмъ пользоваться даромъ.

Матери Ольшевская совсёмъ не помнить, а отець умеръ давнои, умирая, оставиль сестрё дочку и скопленныхъ тысячи двёна ея воспитаніе. Маленькая Саша очень любила бабушку и
котёла жить у нея, но ей этого не позволили и скоро увезли
далеко оть родины. Когда Саша кончила гимназію, тетка стала
внушать ей, что назначеніе барышни выйти замужъ и чёмъ скорёе,
тёмъ лучше. День за днемъ прошли четыре однообразныхъ года.
Ольшевская пришлась не ко двору не только въ домё тетки,
но и у всего уёзднаго общества; ей самой тоже никто не нравился.
Чёмъ дальше, тёмъ больше хотёлось Ольшевской самостоятельной, сколько нибудь осмысленной жизни, людей по душть
или ужъ полнаго одиночества. Побёдивъ сопротивленіе тетки
и цёлый рядъ мелкихъ препятствій, Ольшевская опять переселилась въ городъ, гдё кончила гимназію, и стала давать уроки.

Два года самостоятельности прошли быстро, но ничего особенно радостнаго не дали Ольшевской. Весь деньванята, а вечеромъ, большею частью, одна. Вечеромъ на нее нередко нападаеть тоска. Когда она жила у тетки, тетка обыкновенно пронизировала и говорила, что всё де-

вушки тоскують, пова не выйдуть замужь. Ольшевская чувствуеть, что это неправда. Неправда уже потому, что съ самаго детства мучаеть ее эта тоска. Только теперь она стала сильнее и приходить чаще. Кажется тогда Ольшевской, она напрасно живеть на бъломъ свъть, кажется, что она виновата въ чемъ-то, что не приносить инкакой пользы, а сама хочеть у жизни на свою долю того, что могло бы достаться другому. Хочется ей счастья, и противна она себъ за это желаніе. Чего ей нужно? Въ мір'в такъ много нужды, болъзней, горя, а у нея нътъ этихъ реальныхъ страданій, и она придумываеть ихъ себъ. Она неблагодарна и она эгоистка. То вдругь думается Ольшевской, что дёло не въ благодарности, не въ альтрунямъ, не въ другихъ высовихъ вещахъ, что все это условныя, мертвыя понятія, и живые люди въ своихъ поступкажъ совсемъ ими не руководствуются. Въ чемъ же дело? Что нужно живымъ людямъ? Что нужно мнъ? думаетъ Ольшевская. Оказывается, что для нея прежде всего нужны именно эти «условныя, высокія понятія», а потомъ... да, потомъ, въроятно, любовь. Но и любовь ей нужна особенная, не такая, какъ обыкновенно встръчается. Раньше Ольшевская гордилась своей требовательностью, считая ее привнакомъ духовнаго превосходства, а теперь она для нея тяжелое бремя. Скинуть бы съ плечь это бремя, да нельзя, приросло оно къ ней. Когда Ольшевская думаеть о себь, ей часто вспоменаются слова Некрасова: «но испорченъ онъ былъ съ малолетства изученьемъ опасныхъ наукъ». Да и она не жизнеспособна, и она испорчена. Испорчена и мечтами, и книгами, и далекими впочативніями детства.

А поведъ мчится все дальше и дальше. Толстую лавочницу смъншть старикъ дьяконъ, а напротивъ-вся въ монистахъ и лентахъ сидить загорвлая, молодая дивчина съ матерью. И воздухъ въ окно легить уже не тоть, и поля уже бёгугь другія. Ольшевская слышить родную рачь и часто, часто стучить ся сердце, и губы противъ воли улыбаются, и ничего она не думаеть, а только слушаеть, смотрить и любуется. Раннимъ утромъ пришелъ повздъ въ родной городъ. «И какъ это я раньше сюда не прівхала? Если нельзя было прівхать, какъ пъшкомъ не пришла! -- думаетъ Ольшевская. Сколько лътъ пропано, даромъ пропало. Она ищетъ глазами Данилу, но развъ она узнаеть его теперь? Разстались они четырнадцать лёть назадъ, когда она была еще десятилетней девочкой. Нетъ, не узнаеть, да онъ, въроятно, и не вывхалъ-бабушка ждеть ее недвлей позже. Оть станціи до ихъ деревни четыре версты. Ольшевская нанимаеть чернаго загорёлаго хохла, и низенькая, жрвикая лошаденка тащить ее по засвянному хлебомъ роскошному полю. Поле чуть колышется тихимъ вътромъ и пестрветь

цвътами, и звучитъ весельми звуками. Тутъ и кузнечики, и жуки, и птицы какія-то. Солнце стоитъ высоко, высоко и такъ бодро и радостно свътить, что никогда никому и въ голову не придетъ вопросъ здъсь о томъ, стоитъ ли жить. Какимъ пошлымъ и смъшнымъ кажется теперь Ольшевской ея недавнее чувство къ Травицкому.

— Мабудь прінхали, панночко! — говорить возница. — Оце-жъ

огородъ Анны Павловны.

И правда прівхали. И огородъ и садъ, и домъ, все уже не въ мечтахъ, а наяву стоитъ передъ Ольшевской.

Быстро полетели первые дни. Ольшевская просыпалась съ блаженной улыбкой и съ такой же улыбкой засыпала. Съ утрашла въ садъ или въ поле и, лежа въ травв, прислушивалась къ треску кузнечиковъ или садились у Дивпра подъ твнь широкихъ вербъ и часами смотрела, какъ купалось солице въ голубой водъ. Вечеромъ Александра Сергъевна всегда сидъла съ бабушкой на старомъ, широкомъ крыльцо. Крыльцо при каждомъ движеніи скриптло, а между его ступеньками росла теперь не только трава, но и цетты. Цвтты были и въ саду, въ грядкахъ подъ бёлыми акаціями, а изъ за акацій глядёла дуна и мигали большія, большія звізды. Бабушка постаріла, сгорбилась, но глаза стали у нея еще добрве, голось еще магче. Она еще дольше молилась теперь по вечерамъ передъ обравами, освещенными дампадкой. Александра Сергеевна, сидя съ бабушкой, клала голову на колени, а бабушка, тихо гладила ея волосы и говорила о томъ, какая хорошая ховяйка Глафира. Дмитріевна, какъ потолствль Николай Ивановичь и выросли дъти Борисенко, сколько у нея, у бабушки, родится въ этомъ году вишень и абрикосовъ и какъ Сашенька будеть ихъ всть, а потомъ станетъ варить изъ нихъ въ саду варенье. Иногда бабушка заводила рачь о городскихъ «молодыхъ людяхъ» и просила Сашеньку съёздить въ городъ къ знакомымъ, чтобъ у нихъ встретиться съ новымъ докторомъ. Ольшевская слушала бабушку, какъ слушала соловья, какъ слушала шелестъ цвътовъ или листьевъ. Подъ эти тихіе разговоры успованвалась не только ея душа, но и ея мысль. Будущее не существовано, а настоящее сливалось съ прошлымъ, съ далекимъ, мидымъ детствомъ. Разве не такъ было все тогда, какъ теперь-думалось временами Ольшевской. Иллюзія діланась полной, когда Александра Сергвевна, лежа въ постели, смотрвла, какъ молилась бабушка. Бабушка стояла на кольняхъ передъ старыми почернъвшими вконами и, покачивая слегка головой, громкимъ шопотомъ выговаривала слова молитвъ. «Окропиши мя іссопомъ, и очищуся; омыеши мя, и паче снъга убълюся. Слуху чары. 167

моему даси радость и веселіе: возрадуются кости смиренныя». Свёть оть лампадки дрожаль на серебрё ризь, освёщая и божьих ангеловь, и мучениковь, и самого Бога-Человёка съ его Матерью Дёвою, а бабушка, не спуская глазъ съ этого уголка неба на землё, продолжала: «Научу беззаконныя путемь Твоимь, и нечестивіи къ Тебё обратятся... Боже, Боже спасенія моего: возрадуется языкь мой правдё Твоей».

Развъ не такъ было все раньше, какъ теперь? Не такъ върила бабушка, не такъ мигала лампадка, не такъ ложились тъни въ углахъ, не такъ сладко дремалось? «Такъ, такъ», думала Ольшевская, засыпая.

Но разъ, когда Александра Сергвевна, сидя съ бабушкой на старомъ крыльцъ, слушала соловья и вдыхала запахътравъ и цвътовъ, соловей ли, цвъты ли, или кто другой, но кто-то сказалъ: «не такъ». Ольшевская прислушалась къ неясному голосу и впервые по прітадъ почувствовала, что ей чего-то не достаетъ. На другой день она взялась за книгу, но одольла, и то съ гръхомъ пополамъ, только двъ страницы. Дни пошли медленнъе, а вечерами навязывались старые не, къпые вопросы. Ольшевская вглядывалась въ глаза бабушкища въ нихъ хоть какого нибудь отвъта, а бабушка гово. рина:— «скучно тебъ, Сашенька, съъзди, сердце мое, въ городъ. Господь дастъ, познакомишься съ новымъ докторомъ, сама увидшы, какой онъ интересный молодой человъкъ. Съъзди, дъточко».

Ольшевская и улыбалась, и хмурилась. При чемъ туть новый докторь? Но иногда дёлалось такъ скучно, такъ пусто на душё, что хотёлось плакать. Прошло еще двё недёли, и Ольшевская поёхала въ городъ. Здёсь побывала она и у Глафиры Дмитріевны, видёла и потолствивато Николая Ивановича, и выросшихъ дётей Борисенко, и новаго доктора. Докторъ оказался жизнерадостнымъ брюнетомъ, мастеромъ на всё руки. На вечеринкё у Глафиры Дмитріевны онъ и плясалъ, и острилъ, и игралъ въ винтъ, пёлъ изъ оперъ и оперетокъ и даже показывалъ какіе-то фокусы съ картами. У него былъ необыкновенно гладкій, бёлый лобъ и обёщавшія потолстёть, свёжія щеки. Когда, во время винта доктора вызвали, говоря, что прислали отъ больной, онъ сейчасъ же согласился ёхать, мо прежде докончилъ робберъ и аккуратно счель всё плюсы и минусы.

Ольшевская пробыла въ городъ три дня, каждый день видаясь съ докторомъ. Докторъ былъ къ ней очень внимателенъ и просиль позволенія прітхать въ деревню. Бабушка пришла въ восторгъ отъ этой просьбы, а Александра Сергъевна, сама не зная, какъ и почему, стала думать о Травицкомъ. Она вспоминала его все чаще и чаще. Теперь, когда молилась

бабушка и твии оть лампадки ложились по ствиамъ, изъ мягкаго полусвъта выступало знакомое нервное лицо и мъщало спать. То же лицо стояло передъ глазами, когда сидъла Ольшевская на старомъ крыльцё или ходила по темнымъ дорожкамъ сада. Ясно представлялись и сёрые, такъ часто мёняющіе выраженіе глава, и начинающая сёдёть голова, и упрамый роть. Ольшевская сердилась на самое себя. Что ей этоть человъкъ и что она ему? Обстановка много значить, и тамъ, въ томъ противномъ, далекомъ обществъ, которымъ движеть жажда легкихъ удовольствій, ся увлеченіе Травицкимъ дошло до того, что она написала ему письмо. Глупое, сантиментальное письмо. Два дня письмо лежало неотправленнымъ. пока решалось Гамлетовское «быть или не быть». На третій случайная встрёча съ женой Травицкаго кончила вопросъ. Ольшевская почувствовала себя въ положения человъка, вневапно столкнувшагося съ темъ, кого собирался обокрасть отъ скуки. Стыдъ и отвращение въ себъ разсъяли чары, и приврачная любовь исчезла. Къ чему же теперь эти ненужныя, не имъющія смысла воспоменанія? Надо заняться дъломъ, тогда наполнятся дни и не будеть скучно. Но что делать? Четать, вязать, шеть или помогать на кухий? Вёчно четать невозможно; вязать, шить и готовить обёдь-значить играть въ дёло, потому что это не необходимо и сдёлается въ сто разъ лучше безъ нея. Неужели собрать ребятишекъ и мучить ихъ въ жару грамматикой и ариометикой для того, чтобы, убхавши черезъ мъсяцъ, бросить ихъ такими же непросвъщенными и только устальние? Воспоминаніе о Травицком в волновало и мъшало Александръ Сергьевнъ обдумать свою дальнъйшую судьбу. Вернуться ли назадъ, остаться въ деревнъ, или добиться какъ нибудь возможности осуществить свою прежнюю мечту — поступить на курсы? Ольшевская все колебалась, а дим все шли и шли.

Разъ, утромъ, когда Ольшевская, только что проснувшись, лежала въ постели, стараясь по солнечному лучу, пробившемуся черезъ плохо прикрытую ставню, угадать, который часъ, къ ней вошла бабушка, держа въ одной рукъ громадную просфору, а въ другой какой-то блестящій предметь. Блестящій предметь оказался серебрянымъ образкомъ Богородицы.

[—] Это, Сашенька, тебѣ Данило изъ Кіева принесъ, онъ сейчасъ вернулся. Вставай, сердце, послушаешь, какъ онъ разсказываетъ про святой городъ, про дорогу. Матерь Божья, какъ тамъ хорошо! — и бабушка цѣловала просфору и крестила образкомъ себя и Сашу. Ольшевская быстро одѣлась и вышла на галлерею, на которой всегда цили чай и объдали.

Прежде всего ее поразвиа прохлада и прелесть воздуха, она давно не вставала такъ рано, было часовъ шесть не больше. Передъ бурно кипъвшимъ самоваромъ сидъла бабушка, а на вонцъ стола помъщался вакой-то незнакомый человъкъ, передъ которымъ лежали просфоры и образки и который, громко кусая сахаръ, пилъ чай съ блюдечка.

Степанида стояла туть же, опираясь на спинку стула, и съ ласковымъ любопытствомъ глядела на пьющаго чай.

- Барышня, Са... Александра Сергвевна, барышня!—заговориль этоть человекь, подымаясь, какъ только она показалась въ дверяхъ. Онъ подошель къ ней вплотную, низко поклонился, потомъ поцеловаль руку и, поглядевъ пристально въ ея лицо, опять сказаль: барышня!
- Ще малый хлопець бувь, якь бачивь барышню,—сказала Степанида растроганнымь голосомь.—А що, дуже воны зывышлесь?
- Зивнились таки!—задумчиво ответиль Данило, продолжая смотреть на Ольшевскую.

Ольшевская въ свою очередь разглядывала богомольца, съ которымъ связывались воспоминанія ся ранняго дітства. Или она совствъ его забыла, или и онъ очень перемънился. Передъ ней стояль высокій, загорёлый человёкь, поражавшій выражевіемъ своего худощаваго лица. Казалось, что это лицо годелось бы на образъ, коть передъ такимъ образомъ можно было бы скорве долго и грустно думать, чвиъ молиться. Данило разсказываль про Кіевъ, про пещеры, мощи и церкви, говориль, какъ шель онъ черевь деревии и села, какъ ночеважь въ лъсу и въ полъ, говориль и про монаховъ, и про то, какія книжки купиль въ городі, и про то, какъ чудно написаны иконы въ новомъ соборъ. Часто онъ отвлекался въ сторону, вспоминая детство, то далекое, минувшее время, когда они съ Сашей росли, какъ брать съ сестрой. Ольшевская слушала также внимательно, какъ слушала бабушка и Степанида, и странно влекли ее къ себв рвчи этого простого человъка съ такими большими, хорошими глазами.

Приходъ Данилы внесъ какой-то новый интересъ въ однообразную деревенскую жизнь Ольшевской. Теперь, не опасаясь Дивпровскихъ пороговъ, она могла кататься съ Данилой
на лодкв, могла ходить за три версты ко всенощной въ сельскую церковь, а вечерами толковала съ нимъ иногда о религіи, всякій разъ удивляясь его знанію священнаго писанія.
Равговоры эти велись обыкновенно передъ ужиномъ на старомъ крыльцв, въ обществв бабушки и Степаниды, которая
съ гордостью слушала сына. Данило сидвлъ всегда на нижней
ступенькв, старое крыльцо скрипвло, трещали въ травв куз-

нечики, съ неба свътились большія звъзды, воздухъ жегь и туманиль голову.

Что такое лицо человѣка? Правду ли говорять, что оно есть зеркало души, т. е. отраженіе всего его невидимаго, такъ трудно познаваемаго я? Ольшевской казалось, что какія-то дорогія для нея понятія, какія-то любимыя ею идеи воплотились въ лицѣ Данилы. Говоря съ нимъ, она старалась разгадать выраженіе его глазъ, и часто ей дѣлалось грустно, что эти глаза принадлежать еле грамотному, простому Данилѣ. Развѣ онъ можетъ чувствовать и понимать все то, что говорить его взглядъ? Почему бы не быть такимъ глазамъ хотъ у доктора?

Но когда прівхаль докторь, Ольшевская не нашла въсебв силы высидеть съ немъ целый день и после обеда ушла къ себе въ комнату, ссылаясь на сильную головную боль. А дни все шли и шли. Теперь, засыпая, Александра Сергевна не видела уже седеющей головы Травицкаго и его властныхъ глазъ, — ее преследовали другіе глаза, глубокіе, чистые глаза Данилы. «Къ чему я такъ часто объ немъ думаю?»—спрашивала себя Ольшевская, все собиралась не думать и все думала.

Разъ, въ субботу, она пошла во всенощной. Народу было мало и, когда батюшка кадиль передъ аналоемъ съевангеліемъ, дымъ отъ кадила свободно носился по церкви, напоминая время хаоса, когда еще земля не была отделена отъ неба. Ольшевская стояла и не молилась, а представляла себъ Бога. Иногда ей ясно казалось, что Богъ съ своего неба видить и бъдную церковь, и стараго батюшку, и тоненькія восковыя свечи, и ее, стоящую въ углу и такую начтожную, такую гръшную передъ нимъ. Тогда она становилась на колени и съ наслажденіемъ плотно прижималась головой къ деревянному полу. Ей хотелось склонеться еще неже и въчность переставана пугать ее. Что въ ней страшнаго, если она будеть однимъ безконечнымъ порывомъ любви и благоговенія? Служба шла. Быстро, какъ живне чоловъческія, горъли тоненькія свъчи, что-то читали и пъли на клирось, о чемъ-то просиль священникъ, и дымъ отъ кадила то и дело застилаль воздухъ. Въ открытыя двери и окна влетали и вылетали ласточки, можеть быть присоединяя и свою молитву къ молитвъ людей. Когда всенощная кончилась, Ольшевская увидела на паперти Данилу, и они пошли вместе. Они шли полемъ, на которомъ неподвижно стояла роскошная рожь, и говорили о Богв и о людяхь.

— Мудрость человъческая безуміе предъ Госпедомъ, — сказаль, между прочимъ, Данило. — Та мы забуваемъ, что надопомнить... — А что прежде всего нужно помнить?—спросила Оль-

шевская, щурясь на громадное красное солнце.

— Може всякому то, что онь легче забувае. Мнѣ бъ надо помнить, що говорять старіи люди: дай серцу волю, заведе въ неволю. Сбирався идти въ монастырь и шовъ бы, поки...

Данило остановился и неопредёленно махнулъ рукой.

— Що жъ пови? — спросила безпечно Ольшевская, но вдругъ почувствовала что-то въ словахъ Данилы, и вся покраснела. Что котель сказать Данило? Если... если то, что ей сейчась показалось, то ей стыдно за себя и жаль его. Стыдно и жалко -- и только. Она стала молчалива, вамолчаль и Данило. За то рожь шумёла теперь отъ набёгавшаго порывами вътра. Вместо солнца взошла было луна, но своро тучи закрыни и ее, и звёзды. Запахло дождемъ и грозою. Но и Ольшевская, и Данило успали вернуться во время. Гроза ударила, уже когда они сидъли дома, каждый со своими думами. Бабушка позакрывала окна и двери, и дождь стучаль въ ставни, напоминая осень. И въ самомъ делъ скоро придеть она, а вопросъ, что съ собой дёлать — еще не решень Ольшевской. Старинная лампа слабо освёщала комнату, напоминая давно минувшіе длинные вечера, когда Саша читала при ней страшныя сказки, передавая ихъ потомъ Данияв. Что онъ теперь дъласть? Сидить на кухив, читасть или думаеть, ими помогаеть матери, можеть быть, чистить самоваръ, мететъ полъ, въдь онъ-слуга. Можетъ и ничего не деласть, но онь не можеть ни съ того. ни съ сего придти въ залъ и състь рядомъ съ ней на диванъ. Смъщно, но разница ихъ положеній въ комнатахъ гораздо зам'єтнье, чемъ въ саду, въ появ, на рекв. Это потому, что природа не знаетъ сосновныхъ перегородокъ, какъ не знаетъ она и очень многихъ человъческихъ условностей. Что оскорбило бы важность дивана или кресла, то не испортить красоты травы, камня, берега. И зачёмъ люди связывають себя разными путами?разсуждаеть Ольшевская. Придумають себь что нибудь неестественное, нельшое и, какъ язычники, поклоняются богу, созданному своими же руками. Почему мнѣ сдѣлалось стыдно, почти обидно, когда показалось, что Данило признается мнѣ въ любви? Почему я сама не влюбилась въ него, когда онъ во сто разъ лучше всёхъ тёхъ интеллигентныхъ, кого я знаю, когда мив съ нимъ весело, интересно, когда я люблю его лицо, его глаза, голосъ? И вдругъ Ольшевской захотвлось позвать Данилу, разсказать ему все, просить у него прощенія, любить его...

Но она не позвала Данилу; а продолжала лежать на диванъ, разглядывая ръзьбу его спинки и прислушиваясь къ шуму дождя. — Откуда я взяла, что Данило можеть меня любить? думала она черезъ полчаса. Ничего подобнаго у него и на умѣ нѣть, да и за что ему меня вдругь полюбить? А не хорошо, что я такъ часто думаю о любви. Эгоизмъ это и... и просто не красиво. Надо ѣхать учиться. Буду врачемъ, и будетъ у меня дѣло, и буду приносить людямъ хоть какую нибудь пользу.

Цвлый день Ольшевская читала, а подъ вечеръ ушла къ Дивпру. Вечеръ былъ чудный, прохладный. Ввте эъ чуть рябилъ воду и качалъ камыши, и ласкалъ лицо. Съ деревни неслась пвсня, на противоположномъ берегу вспыхивали огни отъ костровъ. Варили рыбу или галушки. Ольшевской вспомнился другой вечеръ: Волга, такіе же костры и Травицкій. Какъ громко шумять камыши! Это ужъ не отъ вътра, — кто-то весломъ задваетъ. И, правда, плыветъ лодка. Поровнялась съ ней и остановилась.

- Барышня, хочете кататься?—говорить Данило, вылёзая. Онъ блёдный, блёдный, вёроятно оть луны.
- Повдемъ, отвъчаеть Ольшевская, не Данию бросаеть лодку и садится рядомъ, на травъ. Всегда онъ просить позволенія състь, а теперь садится молча и держить руками голову, точно она у него болить.
- Данило?—вопросительно говорить Ольшевская и не знаеть, что сказать дальше.
- Барышня, у меня невъста была, давно, давно, мив ще девятнадцатый годъ шовъ. Потонула она въ Дивпру, а я ничого—жить остался, оттого что жиль для Бога, а теперь...

Данило крѣпче сжимаеть голову и молчить и Ольшевская. Только камыши шелестять у берега.

- Барышня, Сашенька, простите!—говорить вдругь Данило, протягивая къ Ольшевской руки.—Ради Христа, ради Христа!
  - Данило. за что же? Данило, милый, ну милый...

Данило схватываеть и палуеть руки Ольшевской, цалуеть крапко, крапко и на эти руки багуть его слевы, склоняется голова, и Ольшевская слышить, какъ стучить его сердце.

- Данило, Данило, говорить она ласково и, высвободнеши одну руку, проводить ею по волосамъ Данилы.
- Сердце мое, радость, серденько! шепчеть Данило... или то шелестять камыши, Ольшевская не слышить ясно. Воть набъжаль вътерокъ и обжегь ейлицо и губы... или то Данило поцъловаль ее?

Образъ Травицкаго заслоняетъ Данилу. Или нътъ, кто-то другой, безконечно хорошій и безконечно любящій, милый, жданный держить ея руки въ своихъ и говорить ей что-то и

ей хорошо, хорошо оттого, что воплотилась какая-то чудная фантазія поэта и вошла въ ея живнь.

— Сашенька, голубочко, серденько...

Камыши шелестять все тише и тише, звъзды прячутся куда-то... Ольшевской кажется, что она летить, и у нея сладко замираеть сердце и кружится голова. Что это—сонъ или явь? Ольшевская вскакиваеть и осматривается. Нъть, это не сонъ, но это не то, что ей нужно. О чемъ молять ее глаза Данилы? Какъ она хоть на минуту могла вообразить, что любить его, какъ могла забыться до ноцёлуя?

- «...Упованіе мое Отецъ, прибъжище мое Сынъ, покровъ мой Духъ Святый...» И бабушка, какъ всегда, качаеть головой и не спускаеть восторженнаго взгляда со старинныхъ, одётыхъ серебромъ иконъ. Лампадка то вспыхиваеть, то еле теплится, по стёнамъ идутъ широкія тёни. Ольшевская видить, какъ протягиваются къ ней руки Данилы, и все лицо ея горить отъ его поцёлуевъ. Тихо, тихо кругомъ, только чуть слышно стучить маятникъ, а бабушка все стоить на колёняхъ и молится—сколько прошло времени? Теперь, съ закрытыми глазами, Ольшевская ясно чувствуетъ, какъ наклонился предъ ней Данило. Зачёмъ бёжать? Предъ Богомъ всё, всё одинаково малы.
- Спишь, деточко?—говорить тоть, кто наклонился.—Ольшевская открываеть глаза—это бабушка.
- Бабусенька, посиди со мной, —просить она, какъ просила бывало въ дътствъ. Какъ сказать, какъ сказать? —мучаетъ ее вопросъ. Ей хочется все разсказать, отвести душу, попросить совъта, но нужно ли это дълать? Больше всего на свътъ любить она бабушку, но развъ послушается ся совъта?
- Бабуничка, у меня что-то душа болить,—говорить она, прижимаясь къ бабушкъ, но туть же расканвается въ своихъ словахъ, такое страданіе и испугъ появляются на миломъ, старомъ лицъ.
- Тебѣ скучно, Сашенька, безъ общества, только ты сама, сердце, виновата. Докторъ нарочно для тебя прівзжаль, а ты спряталась.
- Да при чемъ туть докторъ? Ну что мет, право, въ твоемъ докторт?
- Надо же, Сашенька, выйдти вамужъ, а онъ прекрасный молодой человъкъ и умный, и съ воспитаніемъ, и мъсто у него хорошее. Красивый такой, за него каждая дъвушка пойдеть.
  - А почему непремённо по твоему нужно выйдти замужъ?

- Это жъ не по моему, Сашенька, а всякій теб'я то же скажеть. Подожди, пошлеть Господь челов'яка, котораго полюбишь, тогда и сама поймешь.
- А если я полюбию женатаго, или... или совсемъ про-
- стого, ну хоть Данилу? Спаси тебя Божья Матерь! Зачёмъ, дёточко, говорить Богъ знаетъ что!
- То есть почему же Богь знаеть что? Развѣ этого не можеть случиться?—настанваеть Ольшевская, чувствуя, какъ у нея колотится сердце.
- Яка жъ радость, Сашенька, любить женатаго? А грёхъ великій. И передъ людьми стыдъ. Спаси тебя Господи. Да дёвушка объ этомъ и думать не должна.
- И про Данилу нельзя думать?
   Про Данилу, голубятко, ты и сама не станешь думать—
   онъ мужикъ, а ты барышня, говорить бабушка гораздо спокойнье, чымь говорила о женатыхь. Очевидно, съ этой стороны она не допускаеть и мысли объ опасности, хоть и любить «хлопца» какъ родного.

Взгляды бабушки ясны и тверды. Върны ли эти взгляды? Ламиадка дрожить и мигаеть и, кажется, говорить: вёрны относительно Травицкаго, не вёрны относительно Данилы. Тогда выйдти за Данилу замужъ, остаться жить въ деревнё простой, чистой, близкой къ природё жизнью? Но какъ полюбить человъка, умъ и душа котораго свободны отъ всехъ приростовъ цивилизаціи, иногда не нормальныхъ, не здоровыхъ, но такихъ привычныхъ, родныхъ, часто милыхъ? Долго не спитъ Ольшевская и мучительно думаетъ. Скоро годъ,

какъ ея мысли вертятся въ какомъ-то заколдованномъ кругу. Ей обидно и стыдно за себя, что вопрось о любви сталь для нея такимъ жгучимъ, насущнымъ вопросомъ. Да, ей стыдно, но не лож-ный ли это стыдъ? Можетъ быть, дъйствительно любовь естъ самое важное въ жизни? И Ольшевская думаетъ о жизни, какъ она есть на самомъ дълъ и какъ изображается въ книгахъ. Нътъ, есть что-то высшее, лучшее. Гдъ жъ оно, гдъ?

Быстро, съ шумомъ и грохотомъ летить повздъ по мосту. Въ глазахъ непріятно рябить отъ мельканія желізныхъ первить, но Ольшевская жадно смотрить въ окно и прощается съ Дивпромъ. Сейчасъ въ последний разъ блеснеть его свеня вода и исчезнеть, потомъ исчезнуть сады и бълыя хаты, и пойдуть другія ръки, другія поля и деревни. Ахъ сердце человъческое! Какъ часто оно само не знасть, чего ему нужно. Ольшевской хочется плакать, хочется остановить повадь, вернуть и Дивпръ, и бабушку, и какія-то мечты, но она вдеть все дальше и дальше, вдеть въ чужой далекій городь за свётомъ, за знаніемъ, за новой жизнью. Какая это будеть жизнь? Разумная, счастливая? Но въ чемъ

Какая это будеть жизнь? Разумная, счастивая? Но въ чемъ разумъ и въ чемъ счастье? Побядъ стучить и покачивается, а Ольшевская глядить на убъгающую родную землю и думаеть, думаеть. Она думаеть надъ тъми вопросами, которымъ суждено мучить всё мыслящія головы... по временамъ ей кажется, что рышить эти вопросы ясно и благоразумно мёшаеть что-то деспотически захватывающее и покоряющее людей своей волъ, какія-то трудно побъдимыя чары... Гдё примиреніе, гдё счастіе, въ чемъ свобода... Быть можеть, она узнаеть это тамъ, впереди, куда мчить ее поёздъ?..

С. Жельзиякъ.

Очерки законодательства о трудѣ въ Германіи *).

(Фабричная инспекція.—Промышленные суды.—Административныя дополненія къ Новелл'т 1891 года).

Въ предыдущихъ очеркахъ им изложили въ главныхъ чертахъсодержаніе фабричной реформы 1891 года и борьбы за нее въ рейхстагъ.

Въ теснейшей связи съ расширениемъ фабричнаго законодательства въ Германіи стоить увеличеніе состава фабричной инспекців; за которое уже въ началь 80-хъ годовъ рейхстагъ высказанся почти единогласно. Правительство отклонило тогда это предложение, мотивирум отказъ темъ, что такое постановление можеть быть сделано только въ прусскомъ ландтагв. Депутаты Гитце и Либеръ внесян то же самое предвожение въ дандтагъ; оно было и тамъ принято. но не осуществлено правительствомъ. Рейхстагь не успоканвался, в депутаты различныхъ партій продолжали указывать на крайнюю недостаточность фабричнаго надвора, особенно въ Пруссіи, Въ зас'яданіи рейхстага 19 января 1889 года Бебель «убъдительно просиль» союзныя правительства и въ особенности прусское обратить вниманіе на то, что необходимо увеличить составъ инспекціи и сократить разивры каждаго округа. Во всей Германів тогда было 48 фабричныхъ округовъ, изъ нихъ 18 въ Пруссіи, 7 въ Саксоніи, 4 въ Баварів н по одному въ другихъ территоріяхъ. Въ то время, однако, какъ въ Саксонін при 7 инспекторахъ находились еще 14 помощинковъ н 7 «технических» экспертовь», къ обязанностямъ которыхъ, правда. относнияся осмотръ паровыхъ котловъ, во всей Пруссін имълось 18 инспекторовъ съ 4 помощниками. Въ результать, конечно, получалась невозможность внимательно следить за исполненіемъ требованій закона. Условія въ Саксонів казались еще довольно благопріятными: по отчету 1887 года, изъ 5,301 промышленныхъ предпріятій съ паровыми котлами и двигателями осмотрено было 3,749, нии 67%. Въ Гессенъ-Дариштадтв число ревизованныхъ фабрикъ въ отчетахъ 80-хъ годовъ колеблется между 25 и 35%. Въ Пруссіш

^{*)} См. №М 3 и 4 "Русскаго Богатства» за текущій годъ.

же надворъ въ это время былъ несравненно слабъе, если измърять его количествомъ посъщеній: самый ретивый изъ прусскихъ Gewerberäthe, бердинскій, уситвалъ осмотрёть въ максимумі 25% всъхъ фабрикъ. Это вполий понятно, если сравнить прусскій фабричный округъ съ другими въ Германіи. Въ томъ же 1887 году на одного чина ниспекціи въ Бремені приходилось 7,895 рабочихъ, въ Саксоніи 14,997, тогда какъ въ округі Аахенъ—Триръ (Пруссія) на 1 инспектора оказалось 74,375, въ Оппельнів—113,131, въ Берлинів — 124,000 рабочихъ *).

Какъ только приступлено было къ реформъ фабричнаго закона, министръ Берленшъ сейчасъ же заявиль въ рейхотагь, что «само собою разумеется, что составъ инспекціи будеть увеличень и вся постановка си будеть реорганизована». И дъйствительно, еще до вступленія въ силу новаго закона, прусское правительство провело въ мандтага предложение, по которому, съ 1892 г. въ течение 4 леть, составъ инспекція должень быль быть доведень до 164 членовъ, изъ нехъ: 26 отаршихъ неспекторовъ (Regierungs-Gewerberäte), 97 инспекторовъ (Gewerbeinspectoren) и 40 ассистентовъ. Во главъ важдаго округа стонть старшій инспекторь, и, смотря по разміру, округъ раздъляется на участки, отведенные отдельнымъ инспекторамъ. Округъ Дюссеньдорфа, напр., разделенъ на 8 участковъ и получаетъ старшаго инспектора, его помощика, 8 учаотковыхъ внецекторовъ и 5 ассистентовъ. Старшій внецекторъ очитается советникомъ окружного правленія и является для мест-MOR SAMBHROTDANIE TOXHOLOCKUME COBETHEKOME BO BOEKE MERSKE. касающихся фабричной жизии. На каждаго участковаго инспектора въ максимумъ - до 30,000 рабочихъ; этотъ максимумъ достигнуть только въ центрахъ, напр., въ Берлине, где промышленность сосредоточена на небольшомъ пространстве, и инспекторъ не терметъ времени на разъйзды. Въ округи Арисберга, при большей разбросанности, на инспектора приходится только около 12,000 рабочихъ. Чтобы ясно представить себь, какъ значительно происшедшее расширеніе инспекцін, достаточно сказать, что до 1892 г. содержаніе инспекціи обходилось Пруссіи въ 184,000 мар. въ годъ, въ 1896 же году, когда реорганизація была закончена, бюджеть инспекціи соотавиять 758,720 марокъ. Въ 1891 г. войхъ инспекторовъ съ

^{*)} Поств цвлаго ряда цитать изъ отчетовъ фаоричных инспекторовъ, въ которыхъ заключаются жалобы на рабочихъ и на соціальдемократію, и поств сопоставленія ихъ со спокойнымъ и объективнымъ тономъ австрійскихъ и швейцарскихъ отчетовъ, Бебель, однако, заявляетъ: «Это мнв не мёшаетъ признать, что въ общемъ германскіе отчеты все же чрезвычайно цвним; они даютъ важный и другимъ путемъ недоступный матеріалъ для оцвные нашихъ экономическихъ и соціальныхъ условій». Въ виду этого Бебель проситъ печатать отчеты въ полности, а не въ извлеченіи, и находитъ, что 30 — 40 т. марокъ, которыя будетъ стоить печатаніе, —вполив производительная затрата.

ассистентами было 27, въ 96 г. — 163 *). По приблезительному разсчету въ Пруссіи 40,000 фабрикъ съ 1½ милліонами рабочихъ. Пруссія, такимъ образомъ, располагаетъ самымъ общирнымъ виспекторатомъ въ мірѣ: во Франціи всего 90 миспекторовъ, въ Англіи—66, въ Австріи—24.

Существенный недостатокъ въ прусской постановки надвора однако тоть, что функція инспекція соединена съ ревизісй паровыхъ котловъ, также какъ и въ Саксоніи. Это ведеть, во 1-хъ, къ тому, что значительная часть труда инспекторовь уходить на техническія, а не на соціально-экономическія задачи; во 2-хъ, совдается односторонность въ состава инспекцін: члены ея исключительно инженеры и техники. Первый недостатовъ сиягчается темъ, что вначительная часть котловъ-въ Пруссіи боле 30%, въ Баваріи, Баденв и др. даже большинство — находится подъ наблюдениемъ Dampfkesselvereine, обществъ владъльцевъ котловъ, вивющехъ своихъ постоянныхъ ревизоровъ, такъ что для государственнаго ниспектора чисто-техническая работа значительно облегчается. По нниціативъ правительства одностороннее образованіе инспекторовъ пополняется спеціальными курсами для нихъ. Въ последвіе годы вновь навиаченные внецентора отправляются въ Берлинъ, где имъ читають лекцін по главнымъ вопросамъ политической экономін, статистики, законовъдънія. Лекторами состоями проф. Зерингъ, Постъ н др. Многому инспектора въ короткое время не могуть научиться, но интеллигентному человеку такіе курсы дають возможность оріентироваться относительно главныхъ соціально-политическихъ проблемъ, входящихъ въ кругъ его деятельности, и получить указанія по литературѣ практической экономін.

Не въ такихъ широкихъ размърахъ, но все же довольно значительно усиленъ составъ инспекціи въ Саксоніи, Вюртембергѣ и въ остальной Германіи. Уже въ инструкціяхъ и отчетахъ за 1892 и 1893 гг. въстъ новымъ духомъ, замѣчается болѣе внимательное отношеніе къ фабричной жизни.

Въ Баварін правительство, не удовольствовавшись увениченіемъ состава инспекцін, обратилось еще съ предписаніемъ къ містной администрацін, въ которомъ выражено требованіе объ усиленін діятельности містныхъ виспекторовъ. Министерство обращаєть вниманіе на необходимость постоянныхъ сношеній инспекцін, какъ съ хозяевами, такъ и съ рабочими; съ послідними черезъ выбранныхъ ими представителей. Въ виду того, что баварскими инспекторами въ теченіе года осматривается не боліве 46% всіхъ подчиненныхъ закону предпріятій, правительство замічаєть, что этого мако и что, по крайней міръ, каждое предпріятіе съ 5 и боліве рабочими должно бы ежегодно подвергаться контролю. Правитель-

^{*)} Denkschrift betr. die Regelung der Gewerbsinspection. Drucksachen des preuss. Abg. 1891.

ство указываеть ивстнымъ полицейскимъ властимъ, что онв обязаны облегчать работу инспекціи, взявь на себя наблюденіе за
исполненіемъ чисто формальныхъ предписаній. Въ циркулярь съ
особеннымъ удареніемъ отмічены сообщенія фабричнаго инспектора,
въ округь котораго входять Вюрцбургь и Швейнфурть, и который
обращаеть вниманіе на энергичную дінтельность містнаго самоуправленія въ этихъ городахъ по улучшенію рабочихъ жилищъ.
Фабричнымъ инспекторамъ особенно ставится на видъ желательность такой связи по дінтельности съ містнымъ самоуправленіемъ:
гді господствуеть квартирная нужда и предпринимателями или
обществами для устраненія ея не сділаво серьезныхъ усилій, инспекція должна повліять на общину и побудить ее взять устройство рабочихъ жилищъ въ руки города.

Во всей Германіи въ 1896 г. было 76 фабричных округовъ съ 280 чинами виспекціи. Ими предпринять быль въ теченіе года осмотръ 90,212 предпріятій съ 2.507,853 рабочими. Такъ какъ всёхъ подчиненныхъ фабричнымъ законамъ промышленныхъ заведеній насчитами около 230,000, то, не смотря на усиленіе состава виспекціи, боле 60°/о всёхъ предпріятій не были осмотрёны хоть разъ въ годъ. Правда, къ числу тёхъ, надъ которыми контроль фактически быль осуществленъ, принадлежать, какъ показываетъ цифра рабочихъ, самыя крупныя фабрики, но едва ли въ этомъ можно наёти большое утёшеніе, такъ какъ въ мелкихъ производствахъ съ наемнымъ трудомъ постановленія закона чаще нарушаются, чёмъ въ крупныхъ.

Что однако затрудняеть діятельность инспекцін, это-отношеніе къ ней германскихъ предпринимателей, являющееся переживаніемъ старыхъ «патріархальныхъ» взглядовъ. Очень характерны показанія баденскаго фабричнаго инспектора: «Хознева въ большинствъ случаевъ склониы были отнестноь въ обращению во мий рабочихъ для посредничества между ними и предпринимателями, какъ въ нарушению дисциплины. При выпринять условіять наша пиструкція, указывающая фабричной неспекців на благожелательное посредничество между хозяєвами и рабочеми, какъ на одну изъ ся главныхъ функцій, не достигаеть ціли. Рабочіе боятся обращаться съ жалобами и просьбами и инспектору, потому что вижють полное основание предполагать, что хозяниъ въ этомъ увидить недоверіе къ себе; если жалобщиковъ и не раз**финтывають** немедленно, то во всякомъ случав они после обращения въ ниспектору не долго остаются на месть. Между тымъ фабричный ниспекторъ, помино уже крайней желательности обращения къ нему рабочихъ для устраненія злоупотребленій, не можеть вийть върнаго взгляда на положение труда, если, какъ это было до сихъ поръ, онь станеть черпать свои свёдения только у фабрикантовъ» *). Веристоферъ поэтому думаеть, что отношенія инспекців къ рабочемъ

^{*)} Jahresbericht des Badischen Fabrikinspectors 1889, p. 4 m 9.

могуть установиться вполив прочно, если последніе будуть шивть своихъ представителей, т. е. будуть организованы. Въ Баваріи, впрочемъ, этому пытаются помочь другимъ путемъ: по настоянію палаты, въ 1895 г. правительство назначело интеллигентнаго рабочаго помощникомъ фабричнаго инспектора. Последнимъ нововведенимъ въ фабричномъ надворъ является участіе въ немъ женщинъ. Благопріятные Desymbrath, goothfhythe Bb Ston's Othomenin Bb Ahfrin, Bhisbaru nothпін о назначенім женщимъ-инспектрись и въ Германіи, и не надо думать, что эта мысль встрётная поддержку лишь въ радивальныхъ вругахъ, наоборотъ: защитниками женской инспекціи выступають отоль чуждые радикализму политическіе діятели, какъ національлиберальные депутаты, бар. Гейль, Вассерманъ, кн. Каролатъ н др. *). Въ Пруссін пока об'вщани лишь принять это жеданіе въ свёденію, но въ Ваварів, Геосевъ-Дариштадте и Вюртемберге правительство, по настоянію местных палать, уже назначню женщинъ на службу фабричной инспекціи, правда, пова нишь въ качестве ассистентскъ и помощинцъ, имеющихъ наблюденіе наль исполненіемь закона относительно женскаго труда.

Только что упомянутый отчеть баденскаго инспектора даль поводъ къ кампанія містныхъ фабрикантовъ противъ фабричной ниспекцін, настолько характерной, что на ней надо остановиться. По баденскому примъру мы получаемъ возможность познавомиться съ тактикой предпринимателей после введения новаго закона. Рабочая и общая политическая печать, изрідка отчеты фабричныхъ неспекторовъ приводили примеры нарушеній закона отдельными денами и случаи эксплоатаціи, полчась настолько безобразиме, что противъ нихъ выступали судъ и общественное мивије. Это, однако, частные случан, которые не могуть быть обобщены. Не на нихъ мы должны останавливаться, желая изучить иден, настроеніе, mores целой ореды. По счастивой случайности, въ нашихъ рукахъ находится и матеріаль для вполна объективной опанки этихь взглядовь. Этоперепеска между обществомъ мангеймскихъ фабрикантовъ, баденокимъ министерствомъ внутреннихъ дель и канцелиріей баленскаго великаго герцога, докладния записки этого общества и отчеты о его засъданіяхъ, пом'ященные въ Mitcheilungen des Allgemeinen Fabrikanten-Vereins, Verband Mannheim sa inum 1893 roga (% 6). Ha обложий ярко-краснымъ крупнымъ шрифтомъ обозначено: «Derjenige Theil dieser Mittheilungen, welcher die Korrespondenzen betreffend die Grossherzogl. Badische Fabrikinspection enthäit, ist ausschliesslich nur für unsere Mitglieder bestimmt und deshalb streng

^{*)} Ср., напр., отчеть нац.-инберальной партін о сессін 1896—97 г. (Die Beichstags-Session 1896—97. Іт Austrage der national liberalen Partei, Heft 2, стр. 201), въ которомъ нац.-инбералы съ особой гордостью заявляють, что они, а не соц.-демократы, потребовали назначенія женщить для наблюденія за мастерскими и работами въ домашней промыш-ленности.

vertraulich zu behandeln und darf insbesonders der Presse nicht übergeben werden». Мангеймскіе фабриканты дійствительно им'яють полное основаніе желать, чтобы ихъ дійствія не получили широкой огласки.

Сейчасъ после выхода въ светь баденскаго фабричнаго отчета за 1892-й годъ фабриканты собираются на засёданіе. Изученіе отчета, какъ заявияетъ предобдатель собранія, уб'ядило нуъ, что въ немъ вполев выразняясь «нетерпиность въ хозяевамъ и очевидная симпатія во всему соціаль-демократическому. Прежде всего неспекція выслушиваеть только рабочихь». Въ доказательство такой односторонности фабричнаго надзора въ собрани прочитывають нанболье характерныя, оскорбительныя для фабрикантовъ и «вовмутительныя» места изъ отчета. Въ одномъ случав инспекторъ вамачаеть, что рабочіе до сихъ поръ сравнительно радко еще обращаются въ помоще неспектора; отчасти всебдствіе вийшнихъ пропятотній, какь новозможность для самого инспектора часто видаться от рабочини, отчасти же потому, что последніе опасаются, чтобы имъ не пришлось поплатиться за свои жалобы; не безъ основанія, прибавияєть отчеть, и приводить примірь: въ Мангеймі 5 рабочихъ, спокойно и безъ разкихъ выраженій указывавшіе анспектору въ присутствии хозяния на изкоторые гигіеническіе недостатки фабрики, были немедленно разочитаны. Однако, прибавляеть инспекторь, соціально высоко поставленные и благородно мнолящіе фабриканты относятся нначе къ жалобамъ рабочихъ. Опять спедуеть примеръ (химический заводъ) съ поименованиемъ владыца въ томъ же Мангейма. Въ другомъ маста инспекторъ говореть о постановленіях фабричных правель и указываеть, что не вездь требованіе закона, чтобы штрафы были употреблены въ пользу рабочихъ, точно соблюданось, а где это соблюданось, фабриканть иногда придаваль штрафимиъ суммамъ характеръ какъ бы личнаго подарка. Въ главъ о манолътнихъ рабочихъ упоминается, что на сигарныхъ фабрикахъ отдача въ ученичество часто ведеть къ эксплоатаціи детой, такъ какъ дети почти инчему не научаются и не получають платы. Эти замъчанія мнопекцін, по мньнію мангеймскихь фабривантовъ, составляють такое явное доказательство враждебности неспостороваго надвора, что оне, дле огражденія своего достоннотва н интересовъ страны, должны обратиться въ министерству и самому великому герцогу: они «вынуждены обратить вниманіе на продпаки внепекцін, идущей объруку съ завишими врагами порядка».

«Резолюція» доложена была великому герцогу, который попросиль фабрикантовь вивото общихь фразь указать на факты, подтверждающіе неслыханное обвиненіе, взводимое на инспекцію. Миинстерство внутреннихь діль сообщило, что оно не въ состояніи отвітить на жалобу фабрикантовь, во-первыхь, вслідствіе отсутствія въ ней доказательствь, а во-вторыхь, вслідствіе того, что «министерство въ выраженіяхь резолюція усмотріло крайне неприянчный тонъ, къ какому оно не привыкло никогда прибъгать въ овоихъ собственныхъ сяошеніяхъ съ представителями промышленности».

Почти одновременно съ улучшениемъ фабричнаго законодательства въ Германіи осуществлена и другая маленькая реформа: закономъ 29-го іюля 1890 г. не введены, но правильно организованы промышленные суда, Gewerbegerichte, которымъ въ извъстныхъ случаяхъ предоставлена и роль Einigungsämter, т. е. примерительныхъ камеръ. Только въ последней своей функціи промышленные суды примыкають къ соціальному законодательству, пытающемуси водворить миръ въ промышленности. Въ качестве же промышленныхъ судовъ, эти учрежденія не могутъ претендовать на титуль защитниковъ рабочихъ интересовъ. Достоинства, которыми они обладаютъ, более техническаго судебнаге, чёмъ соціальнаго свойства, и выгоды отъ нихъ одинаково достаются и хозневамъ, в рабочимъ.

Еще задолго до того, какъ отношенія въ промышленности принями острый характерь, въ Германіи знами товарищескіе суды и примирительныя учрежденія. Каждый цехъ имъль товарищескій судъ, разбиравній и споры можду хозяєвами и подмастерьями. Гдв существоваль антаговизмъ между цехами, эта роль часто выпадала городскому самоуправленію. Введеніе свободы промышиенности совдало и въ этомъ отношевін tabula rasa. Новые общіе суды безъ сомванія были справединны, но формальное право не всегда считается съ многообразными формами экономических отношеній, судья не всегда компетентень въ вопросахъ промышленнаго устройтва, судъ дорогъ, далекъ, медлененъ, и, что тоже имъеть значене, судиться въ сбщихъ судахъ почти значить навсегда прекратить миролюбивыя отношенія. Контрасть съ новыми порядками въ Пруссім представляла Рейнская провинція, где после французскаго кашествія останись суды Prud'hommes. Прусское правительство не только не уничтожило ихъ, но пыталось еще насадить ихъ въ другихъ провинціяхъ, безъ достаточной, однако, энергін и всявдствіе этого безъ усивка. Гдв общій судъ вель къ слишкомъ очевидимъ меудобствамъ, на помощь являлось право городскихъ самоуправленій взять на себя разбирательство жалобъ между хозяевами и прислугой и рабочеми въ качествъ первой инстанців, но только по незначетельнымъ искамъ. Въ Саксоніи сделана была попытка еще въ 50-хъ годахъ ввести особые фабричные суды; такъ какъ введеніе ихъ, однако, предоставили доброй волю отдельныхъ общинъ к профессій, то существеннаго результата и оть этого не получилось. Промышленный Уставъ 1869 года даетъ городскимъ самоуправленівиъ право разбирательства споровь изъ-за рабочаго договора, но опять не въ окончательной форми и безъ точныхъ опредвлений компетенцін. Во Франкфурть, Дрездень, Берлинь и некоторыхъ другихъ городахъ действительно возникли подобные суды на основании

ивотнаго статута, но въ вначительнейшемъ большинстве случаевъ и рабочему, и козянну всетаки приходилось обращаться въ обще суды. Чаще, чемъ фабриканты и фабричные рабоче, правомъ особихъ профессіональныхъ судовъ пользовались ремесленники, въ особенности после закона 1881 г. о реформе цеховъ.

Между темъ и въ экономической литературе, и на ученыхъ съвздахъ, и въ публичныхъ собраніяхъ не прекращались требованія упрощенія суда и введенія примирительных камеръ. Въ этомъ симся высказался 12-й Kongress deutscher Volkswirte въ Любекъ въ 1871 г.; два года спустя тотъ же вотумъ принять быль на съезде Verein für Socialpolitik после рефератовъ Брентано и Гирша. Въ Эйзонахи даже ришено было подать петицін за примирительным камеры рейхотагу. Иден Мундела и Кеттле имели тогда горячихъ оторонниковъ въ Германін, крайне, правда, преувеличивавшихъ значеніе примирительных учрежденій *). Только что возникшее въ Германіи тредъ-юніоннотское движеніе съ своей стороны считало примирительные и третейскіе суды одною изъ составныхъ частей въ огранизаціи труда. Существенно мижнія расходились только относительно организаціи: одни требовали обязательности Gewerbekammer и Einigungsämter, другіе отояли за принципъ добровольности. Правительство не менее шатко относилось къ этому озновному пункту. Хотя проекть о промышленных судахь и внеоень быль вь 1878 г. въ рейхстагь, но онь останся тамъ подъ сукномъ. Правительство желало также сохранить за собой право опеки надъ судами, чего не желаль допустить рейхстагь. Только съ наденіемъ Висмарка въ разгаръ «народолюбивыхъ медовыхъ мъсяцевъ новаго курса» снова быль выработанъ проекть Gewerbegerichte и Einigungsaemter, который принять, наконець, рейхота-COMP.

По закону 29 іюля 1890 года, вступившему въ дѣйствіе съ 1 апрѣля 91 г., утрежденіе промышленныхъ судовъ происходить на основаніи обязательнаго постановленія городского само-управленія или общины. Правительство имѣеть право принудить ебщины въ взданію такого обязательнаго статута. Въ городахъ, гдѣ промышленные суды не введены, въ случаѣ спора между хозявномъ и рабочимъ, каждая изъ сторонъ имѣеть право обратиться къ суду представителя мѣстнаго самоуправленія или особо назначеннаго общиною лица изъ числа общинныхъ властей, и рѣшеніе въ этомъ случаѣ подлежить предварительному исполненію, а если въ теченіе 10 дией не послѣдуеть обжалованіе въ общій гражданскій судърішеніе считается окончательнымъ.

Провышленные суды, учрежденные на основани вынашеяго

^{*)} Verhandlungen und Schriften des Vereins für Socialpolitik, 1878. D. r. Möller und V. Hirsch, Gewerbegerichte und Einigungsämter., Leipzig, 1892.

вакона, вёдають воё споры между хозяевами и рабочими, вытекающіе изъ условій найма и отношеній на фабрикахь и мастерскихь; они вёдають также споры между самими рабочими, возникающіе вслёдотвіе принятія многими рабочими общаго заказа оть
одного и того же хозянна. Суды соотоять изъ предсёдателя и, пе
крайней мёрё, двухъ засёдателей; только въ тёхъ случаяхъ, когда
обё спорящія стороны дають на то согласіе, предсёдатель рішветь
единолично. Предсёдатель избирается містнымъ самоуправленіемъ,
но не должень быть ни предпринимателемъ, ни рабочимь. Засёдатели избираются въ равномъ числё хозяевами и рабочими и выборы пронсходять тайной подачей голосовь. Организація ихъ такам же, какъ и политическихъ выборовъ въ рейкстагь. Ділопроизводство судовъ устное и упрощенное. Адвокаты и префессіональине ходатам не им'ють къ этимъ судамъ доступа. Во всёхъ спорахъ о суммахъ менёе 100 марокъ рішеніе окончательное.

Промышленнымъ судамъ по закону 1890 г. предоставлена также функція примирительних камерь (Einigungsaemter). Отянчіе примирительной камеры оть промышленнаго суда состоять въ томъ, что последній решаеть споры, возникающіє изъ существующихъ договорныхъ отношеній, тогда как лиримирительныя камеры--посредники при определения в толкование самихъ договорныхъ отношеній. На практика роль Einigungsamt'a сводится къ примиренію ховяєвъ и рабочихъ, для предупрежденія стачекъ или для окончанія уже всимхнувшихъ стачекъ. Въ сущности, это назначеніе гораздо серьезніе, чінь разборь споровь между отдільнымь рабочимъ и ховянномъ, но въ этомъ отношени новый законъ совдаеть только возможныя, а не обязательныя учрежденія. Промышловеню суды, осын они возникан въ селу постановленія города нав общины, обязательны для хозяевъ и рабочихъ, примиретельная же камера изъ членовъ промышлениаго суда функціонируеть лишь при добровольномъ согласіи объихъ сторонъ подчиниться св ръшенію и даже въ этомъ случав законъ не снабжаеть камеры никакими принудетельными полномочілми; каждая сторона можеть ме подчиниться рашенію Einigungsamt's поска того, какъ она согласинась предоставить споръ на его усмотраніе.

Чтобы судеть о достоинствахъ и недостаткахъ новаго учрежденія, какъ оно урегулировано закономъ 90 г., нужно познакомиться съ замічаніями, представленными въ рейкстагі при разсмотрінім правительственнаго проекта *); послідній, прежде чімъ стать закономъ, быль значительно измінень какъ коминссіей рейкстага, такъ и при общемъ его обсужденій іп pleno. Нікоторыя требованія представителей рабочихъ были приняты во вниманіе, многія другім не вошли въ законъ.

^{*)} Drucksache & 5. Gesetzenwurf, betr. die Gewerbeordnung. Stenogr. Bericht Anlageband I (1890) Verhandlungen, Stenogr. Bericht VIII Legisl. Bd. I, 10—28, 323—337, 421—444, 479—527.

Въ рейхстаге прежде всего требовани, чтоби учреждение проиншленных судовъ было признано обязательных, а не зависящить отъ успотрвнія м'ястнаго самоуправленія. Это, однако, въ овончательномъ голосования было отвлонено на томъ основания. что не везда въ подобныхъ судахъ есть потребность, и достаточно, что правительство можеть принудить общены въ изданію обязательнаго постановленія о промышленных судахь. Другое требованіе состояло въ томъ, чтобы промышленныть судамъ были полчинены вов виды труда: фабрики, ремесла, кустарныя производотва. Законъ, однако, дъласть значительныя изъятія: имъ не подчимены заводы и фабрики военнаго вёдомотва «въ интересах» лисциплины»; только часть домашинхъ производствъ (лишь Heimarbeiter, т. е. кустарь на чужомъ матеріаль) подведена подъ его компетенцію; очень существенное незатіе оділано также иля ремеспенниковъ, принадлежащихъ къ цехамъ. Чтобы одълать маленькую уступку требованіямъ цеховыхъ, правительство сохранило существовавшіе раньше цеховые суды и настояло даже на токъ. чтобы въ споракъ между мастерами и учениками компетенція цехового (а не промышленнаго) суда обязательна была и для мастеровъ, не примикающихъ къ цеху. Депутаты рабочихъ предлагали вовсе неключить цеховые суды вездь, гдь учреждены будуть промышленные суды. Свободомыслящіе, нац.-либералы и соц.-демовраты, поска того какъ это предложение было отклонено, потребовали, чтобъ цеховие суди разбирали только споры между ремесленниками своего цеха и учениками (но не подмастерьями) и чтобъ рэшенія цеховых судовь подлежали обжалованію въ промишленныхъ. И это предложение было отклонено большинствомъ рейхотага. Оппозація удалось только провести подчиненіе промышленнымъ судамъ всёхъ государственныхъ предпріятій, кром'в военнаго н морокого, тогда какъ по правительственному проекту вой казеними учрежденія вообще не подлежали ихъ компетенців.

Другія существевныя предложенія, внесенныя депутатами, касаинсь организація судовъ и выборовъ въ члены суда. Отклонено было
предложеніе о предоставленіи активнаго избирательнаго права (права
избирать) всёмъ достигшимъ 21-лётняго возраста: по имившнему
вакону опредбленъ для этого 25-лётній возрасть. Пассивное избирательное право (быть избираемымъ въ засёдатели) наступаетъ по
закону съ 30 лёть, а не съ 25, какъ требовали многіе депутаты.
Въ поименномъ голосованіи большинствомъ 157 голосовъ противъ
79 отклонено предложеніе о предоставленіи избирательнаго права
женщинамъ. Принято предложеніе, чтобы для полученія избирательнаго права достаточно было годичной, а не 2-хъ-годичной
осёдлости. Живыя пререканія вызвало постановленіе проекта, по
которому предобдатели; промышленныхъ судовъ, избираемые самоуправленіемъ, утверждаются въ своей должности высшей администраціей. Еще въ 1878 г. рейхстагь не согласняся предоставить

это право администраціи, всяйдствіе чего правительство на 12 яйть отказалось оть мысли осуществить этоть судъ. Новий рейхотагь въ этомъ вопросй проявиль меньше настойчивости. Въ законъ вошло лишь постановленіе, что, если предсёдателемъ промышленнаго суда избрано лицо, состоящее на государственной или общественной службів, и при назначенія на эту государственнуюили общественную должность утвержденное правительствомъ, то во вторичномъ утвержденіи въ званія предсёдателя надобиости ийть.

Не смотря на то, что законъ предоставляль учреждение промышленных судовъ иниціативъ мъстнаго самоуправленія, въ Германін нёть околько-нибудь значительнаго города безь такого суда. Въ 1894 г. ихъ было 227, теперь число ихъ доходить до 300. Рабочее населеніе, сначала отнесшееся недовірчиво или пассивно. теперь видеть въ промышленныхъ судахъ цаное пріобретеніе и особенно дорожить правомъ выбора членовъ суда. Gewerbegerichtswahlen для иногихъ наъ нихъ дороже выборовъ въ думу или прусскую палату. Что касается практики судовъ, то за относительно короткое время ихъ существованія вполев обнаружились тв достоннства, которыя выъ припесывали: простота, скорость и доступность постипін. Въ Берлинь, напримеръ, въ 1897 г. промышленный судъ разонотрель 13,242 жалобы, изъ которыхъ 12,683 предъявлены были рабочими и 559-хозяевами. Характерно, что только 7 разъ рабочіе жаловались другь на друга. Почти половину всёхъ жалобъ суду удалось удовлетворить примиреніемъ сторонъ (6,123 случая, или 46°/0); большинство процессовъ нивли своимъ объектомъ цвиность, не превышавшую 50 мар. (80,2%). Въ первую же недъю посав подачи жалобы судомъ разрешено 2,254 дела; отъ 1 до 2 недель пришлось ждать 6,542 жалобщикамъ, и лишь въ 31% воекъ двать между подачей жалобы и решеніемъ прошло болю двухъ недель. Приблизительно таковы же результаты въ другихъ городахъ. Большинство всехъ процессовъ ниветь поводомъ споръ нев-за рабочей платы, другіе же вызываются увольненіемъ оть службы. произвольнымъ оставленіемъ работы и т. п. Безпристрастные хозяева привнають, что рабочіе въ качестві судей не обнаруживають партійности и строго держатся оправеднивости къ объемъ сторонамъ. Въ качестве примеретельныхъ камеръ промышленнымъ судамъ приходится выступать редко, но и эта сторона ихъ деятельности уже отмёчена хорошими результатами, какъ, напр., во время стачки портнихъ и швей въ Берлинв. Не забудемъ также упомянуть, что промышленнымъ судамъ принадлежить нинціатива общественнаго устройства найма на работы, быстро теперь развивающагося въ Германів.

Вскорт послт принятия рейхстагомъ фабричной реформы, состоямся конгрессъ протестантскихъ пасторовъ, чиновниковъ и профессоровъ, созванный придворнымъ проповёдникомъ Штеккеромъ. Адольфъ Вагнеръ высказался на этомъ конгрессе по фабричному законодательству, и мы считаемъ не лешнамъ привести его отзывъ, чтобы показать, какъ въ то время умёренная часть общества, несомитьно консервативная, но лично заинтересованная въ фабричныхъ дёлахъ, относилась къ только что осуществленному законодательному акту въ нользу труда.

Вагнеръ напоминаетъ, какъ еще недавно при каждой попыткъ законодательнаго вившательства въ условія труда, предприниматели и доктринеры манчестерства подымали вопль. Теперь, по крайней мірів, никто больше не отрицаеть права государства вмішиваться въ условія труда. За то въ Германіи распространено мивніе, что въ фабричномъ законодательствів нужна крайняя осторожность: «только не спешить, прежде надо изследовать». Я первый соглашусь съ этимъ, отвъчаеть Вагнеръ, но въдь есть вопросы ясные безъ всякой анкеты, гдё можно говорить объ известномъ минимум'в общественных обязанностей. Откладывать решеніе на педые годы неуместно и вредно, когда оно касается живыхъ людей, страдающих отъ настоящаго порядка. Если обратиться въ фабричной рефермв, то относительно воскреснаго отдыха не можеть быть сомевнія и противорічій. Однако въ защить дітскаго труда законъ уже робокъ. Почему, въ угоду Баварін, составляющей десятую долю Германів, ограничить доступъ дітей 13, а не 14 годами, какъ этого требують сами рабочіе? Предвим защитнаго возраста малодетних тоже сдешком в тесны; не въ 16, а въ 18 леть нужно считать юному не нуждающимся въ большей защегь, чвиъ взросиме. Для 14 и 15-жетняго подростка, которому еще нужно посещать профессіональную школу и закончеть общее образованіе, достаточно 6 часовъ работы на фабриев, 16-18 ивтніе могуть работать 8 часовъ. Привисчение детей на фабрики усиливается въ извъстные моменты благопріятной конъюмитуры: промышленность тогда утилизируеть вой силы, какія только, можно получить, и производство расширяется, но темъ быстрве и сильные наступаеть реакція, кризноъ. Вольдотніе этого Васнеръ не только не видить въ ограничении дътскаго труда вреда для промышленности (если последнюю разоматривать незавнение оть благосостоянія рабочихь), но, наобороть, ограниченія и для нея очень выгодная мера, какъ одинъ изъ способовъ борьбы съ перепроизводствомъ и кризисами.

Самая существенная и симпатичная часть реформы—запрещеніе ночного труда женщинь и введеніе для нихъ максимальнаго рабочаго дня. Испорчены эти постановленія, однако, тімъ, что максимальний день въ 11, а не въ 10 часовъ. Если счатать обязательныя паузы въ 3 часа, 11 часовъ работы и 8 часовъ сна, то у женщины на все прочее: хозяйство, заботу о дътяхъ, уиственные интересы, развлеченія,—остается 2 часа въ сутки. Слишкомъ мако не только для жены и матери, но и для взрослой дівушки!

Что касается веросных мужчинь, то весьма вёроятно, что ограниченія женскаго труда косвенно поведуть къ максимальному рабочему дию и для мужчинъ, но законодательство поступило бы умење и справединење, если бы прамо установило 10 часовой рабочій день, какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Вагнеръ считаеть это практически возможнымъ и достижнинымъ безъ всикаго ущерба для національной промышленности. После 10 часовъ работы 11-й и 12-й часы менёе производительны. Нечего и говорить, что сокращение труда-истинная культурная задача. «Что намъ дасть въкъ сотественно-научныхъ открытій, котораго короли паръ и электричество, если трудъ не сталъ легче! Чтобы дать народу действительную реформу, нужно сократить рабочее время. Въ настоящее время 10 часовъ-наиболье справединая и возножная ивра». Впосивдотвік можно будеть еще больше сократить рабочій день, но пока и соц.-демократы, стави принципіально требованіе 8 часовъ, серьезно им'яють въ виду только 10-часовой максимальный день. Часто слышится опасеніе, чтобъ сокращеніе труда не повело въ вздорожанію продуктовъ. Вагнерь отвичаеть, что нёть надобности, чтобы даже при сокращении производств цвим непременно подняжесь: ведь цены и заработная плата могуть остаться безь изміненія, а сократится—предпринимательская прибыль. Es giebt je kein nothwendiges Minimum von Unternehmergewinn, wie es ein nothwendiges Minimum beim Arbeitslohn giebt.

Нельзи отрицать, что Союзный совёть, какъ и правительства отдельных отрань, пользованнов предоставленными имъ закономъ полномочіями не только для того, чтобы дёлать начатія въ нетересахъ фабрикантовъ, но и для того, чтобы распространять защиту труда. Целый рядь постановленій, взданных между 1892—1897 гг. относится въ занатіямъ, представляющимъ особую опасность для здоровья и правотвенности. Министръ Беттихеръ могъ заявить (12 янв. 1897 г.) въ рейкстага, на упреки правительству въ недостаточномъ пользования предоставленнымъ ему правомъ, что однихь распоряженій Соювнаго совёта, касающихся защаты жомщинъ, дътей и другихъ рабочихъ, до сихъ поръ издано 176, и много новых въ томъ же направлени уже педготовляется. Въ числъ последнихъ министръ назвалъ предписание въ защиту рабочихъ на аккумуняторныхъ фабрикахъ, которые подвержены отравнению оловомъ; меры въ предупреждению заражения работнецъ на щеточныхъ фабрикахъ, въ придельнихъ, обрабатывающихъ конскій волось, а также вобхъ рабочихъ на резиновыхъ фабрикахъ (при вулканизированіи резины, отъ сърнистаго углерода) и т. д. Нівть, конечно, возможности перечисинть здёсь хотя бы главийшия изъ взданныхъ постановленій, нивощихъ серьезное значеніе для спеціальных отраслей промышленности. Только въ виде примеровъ, представляющихъ благопріятный контрасть къ условіямь въ нашей промышленности, мы назовемъ несколько произволствъ, въ которыхъ рабочіе и работницы Германіи пользуются, кромі общей защиты закона, еще спеціально изданными въ ихъ пользу правилами. На сахарныхъ заводахъ женщины и малолетніе не должны находиться въ помъщеніяхъ, служащихъ для кристаллизаціи, въ сущильняхь и во воёхъ другихъ мёстахъ, въ которыхъ работа происходить при чрезвычайно высокой температурь. На кирпичныхъ заводахъ малолётніе (моложе 18 леть) не должны допускаться въ работамъ при добыче и транспорте сырого матеріала, въ печахъ н при почахъ; женщины же, сверхъ того, не допускаются къ работамъ при формировив кирпичей. Наиболье детальными постановленіями ограждены интересы работинць и подростковъ фабрикахъ сигаръ, въ которыхъ предусмотрены гигіеническія требованія относительно разміра поміщенія, высоты потолковь, чистоты матеріала и инструментовъ, перемены платья. Такъ какъ сигарисе производство одно изъ тъхъ, въ которыхъ значительно распространены домашніе промыслы, и въ которых даже фабрики представияють смёсь фабричнаго и кустариаго труда, то огромное значеніе им'вють впервые введенныя для этой промышленности постановленія (оть 1893 г.), устраняющія эксплоатацію работниць факторами, Zwischenmeister, и требующія, чтобы расплата, какъ и пріемъ на работы, производнинсь самини хозяєвами и ихъ уполномоченини.

Къ важевишемъ вопросамъ, возбужденнымъ последней фабричной реформой, принадлежить требование нормальнаго или максимальнаго рабочаго дня для всего взрослаго мужского населенія. Оно запвлено было съ двухъ сторонъ: соціаль-демократіей, преддагавшей ввести максимальный рабочій день въ 10 часовъ, чтобы въ 1 января 1894 года уменьшить его до 9 часовъ, а съ 1 января 1898 г. до 8 часовъ, — и накоторой частью гражданской демовратін изъ центра в народной партін, требовавшей максимума въ 11 часовъ, а по субботамъ и наканунъ правдниковъ-въ 10 часовъ. Различансь въ конечныхъ цъляхъ, оба предложения аргументирують, однако, очень сходными доводами и мотивами. Ограничение рабочаго времени, -- говорять они, -- необходимое условіе для сохраненія здоровья рабочаго и предоставленія ему возможности жить съ своей семьей. Культура нашей эпохи основывается на огромныхъ успехахъ промышленной техники, но до техъ поръ, пока не осуществиено бинжайшее назначение всякаго технического развитиясокращение труда человака, до такъ поръ нельзя говорить объ участін массъ въ нашей цивилизацін. Соціаль-демократы къ этому прибавляють: «Сокращение рабочаго времени тъмъ болье необходимо, что оъ усовершенствованіями машинь и оъ развитіемъ раздълонія труда работы становатся интенсивнью, и къ рабочему предъявляются все большія требованія, если не по отношенію въ напряженію физической симы, то къ напряженію умственныхъ сыв (вниманія). Кром'в того, всякое техническое усовершенствованіе, увеличивая производительность труда, заміняєть въ то же время живую рабочую силу, и бороться съ вытекающею отсюда безработицей и пониженіемъ заработной платы возможно лишь путемъ постояннаго и соотвітственнаго сокращенія рабочаго времени» *).

Представители гражданской демократін, высказавшіеся за 11-ти часовой маконмальный день, исходять ощо изъ той мысли, что ограниченіе рабочаго времени создасть божье прочныя условія въ промышленной жизни. Сокращение рабочаго времени поведеть къ увеличению производительности труда и такимъ образомъ не только даеть рабочему досугь, но окажется благопріятнымъ для промышденности. Защитнеки этого предложенія считають возможнымъ пока удовнотвориться 11-ти-часовымъ дномъ потому, что на многихъ фабрикахъ Германіи еще работають 12 и 13 часовъ, следовательно, законодательное урегулирование въ ихъ смысле во всякомъ случай составить практическое пріобритеніе, не говоря уже о его принципіальномъ значенів. Въ недалекомъ будущемъ Германія, вивств съ Австріей и Швейцаріей, можеть быть, рішатся перейти и въ 10-ти-часовому максимальному дию. Возможно, навонецъ,--говорятъ иниціаторы этого предложенія,--что, нивя гарантированный закономъ 11-ти-часовой день, рабочіе собственными силами въ состоянія будуть добиться дальнійшаго сокращенія рабочаго времени. Оба мивнія осылаются на примвръ Швейцарім н Австрін. Швейцарія осуществила ндею максимальнаго рабочаго двя уже въ 1878 году, и, какъ показалъ опыть, швейцарская промышленность вполив приспособилась къ новымъ требованіямъ; швейцарскіе же рабочіе въ самомъ недалекомъ будущемъ надкотся добиться сокращенія труда съ 11 до 10 часовъ **). Точно также въ Австрін, какъ показывають отчеты фабричныхъ инспекторовъ, нормальный рабочій день все больше приміняєтся въ промышлен-HOOTH, H OTEAST HDABHTCLICTBA HDOLLETS HSTATIS HST SAKOHA SCHO повазываеть, что последній существуеть не только на бумаге. Фактически нормальный рабочій день существуеть и въ Англім, тавъ какъ понятіе защетныхъ рабочихъ, т. е. женщинъ, детей н

^{*)} Bericht der Reichstags-Commission über den derselben zur Vorberathung überwiesenen Gesetz-Entwurf betreff. Abänderang der Gewerbeordnung. Berlin, 1891, p. 88—91.

^{**)} Въ этомъ отношенін можно сослаться на очень цённое свидётельство д-ра Кенигса, одного изъ ближайшихъ помощниковъ прусскаго министра торговли и промышлености. Въ своей преврасной внигѐ «Die Durchführung des schweizerischen Fabrikgesetzes», онъ на основаніи собственнихъ наблюденій подтверждаетъ, что швейцарскій максимальный день вполив осуществлень въ двйствительности и что даже швейцарскіе фабриканты примирились съ новыми порядками. Д-ръ Кенигсъ прибавляетъ, что Швейцарія на пути въ 10-часовому дню. Ср. также статью фабричнаго инспектора д-ра Шулера: «Der Normal-Arbeitstag in seinen Wirkungen auf die Production» (Archiv für soz. Gesetzgebung, 1891, р. 82—102), содержащую наблюденія объ отношеніи продолжительности труда въ его производительности.

подростковъ, тамъ проведено въ законъ шере, чемъ въ другихъ отранахъ, и это въ связи съ деятельностію тредъ-юніоновъ свело и трудъ вврослаго рабочаго въ 10, а въ некоторыхъ производотвахъ къ 9 и 8 часамъ. Консерваторы, и принципіально ничего еще не виввшіе тогда противъ государственнаго вившательства, увёряли однако, что нынашнее требование максимального рабочаго времени слишкомъ шаблонно, такъ какъ оно не принимаеть въ разсчеть раздичных условій труда, большаго напряженія или большаго вреда для здоровья въ одномъ проязводства, нежели въ другомъ; наконецъ, оно агнораруеть тоть факть, что не вой виды промышленности одинаково подчинены международному рынку. На эту точку врвнія стало и правительство, высказавшее передъ парламентской коммиссией свои мотивы. По отчету докладчика коммиссін депутата Гитце,—«Введеніе максимальнаго рабочаго дня для верослыхъ работниковъ праветельству нажется неудобнымь при настоящихь условіяхь. Есле въ пользу предложения (о максимальномъ рабочемъ див) говорять, что при сокращении рабочаго времени не наступить сокращение рабочаго продукта, то въ отоль общей форми это неверно. Уменьшене производства можеть быть парадизовано увеличениемъ производетельности труда или введеніемъ усовершенствованныхъ машинъ и методовъ работы, сберегающихъ человаческій трудъ. Увеличеніе нитеневности труда можеть, однако, наступить только постепенно, примънение же новыхъ машинъ требуеть отъ промышленности матеріальных жертвъ. Немедленное значительное сокращеніе рабочаго времени принесеть пользу темъ иностраннымъ конкуррентамъ Германін, которые им'яють более искусных рабочих и больше капитала. Внутри Германіи сокращеніе легче будеть перемести большимъ городамъ и промышленнымъ округамъ съ издавиа обученными рабочеми и богатыми фабрикантами, нежели сельскимъ мъстностимъ, въ воторыхъ обрабатывающая промышленность еще недавно появилась и еще не окраща. Въ этехъ видахъ представляется опасжимъ, и для интересовъ санихъ рабочихъ, виезапио сократить рабочее время, такъ какъ ближайшимъ последствемъ такой меры было бы сокращение заработковъ». Въ этихъ мотивахъ содержится, однажо, не принципальная оппозиція: министръ Берлепшъ выразился ВЪ тому же въ рейхотагв, что нормальный рабочій день—такой вопросъ, о которомъ «можно толковать и спорить».

Результать всёхъ дебатовъ быль отрицательный: германскіе рабочіе не получили максимальнаго рабочаго дня, и единственная уступка, сдёланная имъ правительствомъ и рейхстагомъ, состояла въ предоставление союзному совёту права ограничить рабочее время взрослыхъ рабочихъ въ такихъ производствахъ, въ которыхъ здоровье подвергается опасности велёдствіе чрезмёрной продолжительности труда (ст. 120, е). Въ коминскій рейхстага выражена была мадежда, что правительство воспользуется этимъ своимъ правомъ и въ особенности примънить его къ производствамъ, которыя предъявляють большій требованія къ физической силь рабочихъ.

Въ первый разъ Союзный совътъ воспользовался этить своимъ правомъ въ распоряжения отъ 4 марта (н. с.) 1896 г., устанавливающемъ ограничение труда въ пекарияхъ. Оно вступило въ силу съ 1 июля того же года. Какъ правительство, такъ и тъ партии рейхстага, котория стали на сторону этого распоряжения ссылались въ своихъ аргументахъ, во 1), на извъстное изслъдование Бебеля о положение труда въ пекарияхъ и во 2) на оффиціальное изслъдование «Коминские статистики труда», нарисовавшее почти въ столь же ирачныхъ краскахъ, какъ и первое изслъдование, ужасныя санитарныя и трудовыя условия въ значительной части булочныхъ.

Коминссія для статистики труда (Kommission fier Arbeiterstatistik), какъ относительно новое учреждение, возникшее въ связи сънародолюбивыми стремленіями въ правительстві и парламенті, васлуживаетъ особаго упоминанія. Общерныя изолідованія или «анкеты», издавиа предпринимаемыя въ Англіи по крупнымъ вопросамъ общественной живни съ согласія парламента, давно вызывали SABHOTE PODMAHCKENE SKOHOMECTORE H BORNE HOLETEROCKENE PRETOROF: въ Германіи оффиціальныя изследованія этого рода были крайне редки, относились лишь из тасно отножеванному кругу промышле имости и почти вовсе игнорировали желанія и митиія рабочаговласса. Что же касается способа изученія условій, дававшихъ поводъ къ насавдованию, то наиболее популярная въ Англи система. допроса свидетелей или экспертовъ предъ коммессіей применялась лишь при изученіи условій самой промышленности (какъ, напр., въ желъзной и придельно-твацкой «анкетахъ» предъ изивненіемъ таможеннаго тарифа 1879 г.), но не ен рабочихъ. Правда, въ Германіи существують превосходныя періодическія переписи насеневія по занятіямъ, независними отъ общихъ переписей, и частными обществами, и отдельными учеными, какъ, напр., въ извёстныхъ оборныхъ трудахъ общества соціальной политики, въ работахъ Туна, Сакса, Шнапнера, и мног. друг. Однаво профессіональная перепись имъетъ совершение другія, болье общія задачи, чымъ взеледованіе отдельных влобь дня, частныя же работы не расподагають ни тамъ аппаратомъ для полученія сваданій, не тамъавторитетомъ, которые отличають труды оффиціальныхъ учрежденій. Чемъ ответотвенные слаганись задачи законодательства въ области труда и чёмъ больше при этомъ сталкивались мижил и интересы въ париаментъ, тъмъ очевиднъе отановилась потребность во всеотороннемъ изучения условий безпристрастивнии и компетентивния учрежденіями. Посявдовавшее не задолго предъ тамъ основаніе Вюро Труда при Board of Trade въ Англін, въ свою очередь составиявшаго подражаніе американскимъ бюро, и учрежденіе въ 1891 г. office du Travail во Франція послужням толчкомъ въ во-

вобновленію требованій о нучшей организаціи статистики труда въ Германін. По предварительному соглашенію съ министромъ Бердепшемъ, націоналъ-либералъ Зигле (Siegle) виссъ въ рейхстагь предвожение о созыва имперской коммиссии для статестическаго наследованія вопросовь изъ быта рабочихъ. Предложеніе сейчась же вотрътило всеобщее одобреніе. Коминссія не ниветь характера казеннаго учрежденія: она на половину назначенная, на половину выборная. Правительство назначаеть семь членовъ, рейхотагь выбераеть столько же членовъ изъсреды депутатовъ всёхъ партій. Заскланія провеходять подъ предейдательствомъ одного изъ товарищей статсьсекретаря внутреннихъ делъ. Соботвеннаго статистическаго бюро коммессія не имветь и члены ся работають безплатно, обработка же собраннаго коммиссіей матеріала происходить въ имперскомъ статистическомъ бюро. Если она по своей организація не можеть ифраться съ американскими, англійскими и французскими бюро, то а, однаво, вполив могу присоединиться въ Лексису, заметившему. что труды, вышедшіе взъ Kommission für Arbeiterstatistik. по крайней мъръ, не куже аналогичныхъ въ названныхъ странахъ. Коммиссія шероко воепользовалась своимъ правомъ приглашать экспертовъ въъ вруга какъ предпринимателей, такъ и рабочихъ (получающихъ. въ случав визова въ коммиссію, на путевые расходы и вознагражденіе за потерянное время); въ своихъ отзывахъ и предложеніяхъ она настолько безпристрастна, что въ короткое время успала внушеть въ себъ полное доверіе добросовестныхъ людей всехъ партій в классовъ общества. Даже такіе фанатичные протевнеки реформъ. какъ Штуниъ или Влокъ, не рашаются приписывать нежелательные имъ результаты въ трудахъ коммессім ся пристрастію.

Коммиссія закончила свой отчеть канцлеру о положенія пекарей настойчивымъ требованіемъ максимальнаго рабочаго дня въ 12 часовъ. На основанім этого матеріала правительство составило законопроекть, поотупившій на разонотрініе Союзнаго совіта. Послідній нашель, одвако. что натъ надобности прибитать къ новому законодательному акту. такъ какъ ст. 120-я закона 1891 г. даеть возможность быстрве осуществиять та же задачи союзными распоряжениеми. На этомъ основание в изданы правила 4 марта о работахъ въ пекарияхъ, пользующихся ночнымъ трудомъ. Въ своей заботь о ховиевахъ Совоный совыть не рышился принять 12 часовой день, предложенный оффиціальной коммиссіей, и ограничился требованіемъ непрерывнаго отдыха въ 8 часовъ для подмастерьевъ. Изъ остающихся 16 часовъ въ сутки въ распоряжение хозневъ предоставлено 131/2. лишь подъ условіемъ, чтобы между ними закиючалась часовая пауза: въ противномъ же случай, т. е. если трудъ происходить мепрерывно, то рабочіе не должны работать болье 12¹/. часовъ. Случайныя услуги не запрещаются, такъ что фактически хозяннъ можеть пользоваться трудомъ подмастерьевь въ предълахъ 16 часовъ, и сверхъ того за нимъ еще сохранено право въ течение 40

двей въ году (предъ праздниками, при скопленіи заказовъ) нарушать постановленія о непрерывномъ отдыхѣ поднастерьевъ.

Пекари-хозяева собиранись на собранія и подавали петиція правительству противъ новыхъ правиль, грозящихъ будто бы паденіемъ ремесла и уничтоженіемъ старыхъ патріархальныхъ отношеній. Такъ какъ распоряженіе Союзнаго совъта впервые затрогивало условія труда въ ремесль, то и другіе ремесленники-хозяева поддерживали протесть пекарей, опасаясь распространенія государственнаго вмішательства въ область своихъ профессій. Замічательно отношеніе рабочихъ: какъ ни несовершено распоряженіе, изданное въ ихъ пользу, но они горячо его отстанвали, и на петиціи хозяевь булочныхъ послідовали контръ-петиціи подмастерьевъ, просившихъ объ осуществленія распоряженія Союзнаго совъта.

Консервативная партія вивств съ 8 «вольными» консерваторами, среди которыхъ, конечно, красуется бар. Штумиъ, и 2 антисемитами вносять въ рейхстагь запрось, выражающій сомийніе въ права Совенаго совета причислять покарни къ производстванъ, представляющемъ неблагопріятиня для здоровья условія труда. Интерпеллянты сомнаваются даже, не нарушила ян вообще Союзный совыть права рейхстага, предоставивь себы прерогативу заиваять законъ распоряженіемъ? Консерваторы оказываются вдругь охранителями парламента и сожальють, что въ свое время, при обсуждения закона 1891 г., не принято было предложение свободоимолящихъ, чтобы всякое распоряжение Союзнаго совъта теряло силу, если этого потребуеть рейхстагь. Консерваторъ гр. Книппгаузенъ находиль действія правительства— «сомнительным» соціальнымъ диллетанитзиомъ». Насколько сдержаннае было отношение національ-либераловь, уверявшихь, будто еще не доказано, что гигісническія условія въ булочныхъ требують особаго къ себі винманія правительства, и будто новое распоряженіе имветь то большое неудоботво, что ведеть из вытеснению менких пекарень съ 1—2 рабочина—болье врупными, работающими двуми смънами. Если вого надо защищать, говорили оне, то только малонатнихъ и подростковъ; что же касается максимальнаго рабочаго дня для ввросдыхъ, то несомивние существують другіе, болье вредные промыслы, въ которыхъ его раньше следовало бы ввести. Все эти соображенія давали національ-либераламъ возможность съ достоннотвомъ отать на сторону хозяевъ. Интересы рабочихъ нашин защиту со отороны депутатовъ центра и соціаль-демократіи. Клерикаль Гитце н соціаль-демократь Молькенбурь данными, заимствованными жет оффиціального изоледованія, могим доказать, что при отсутотвім вонтроия условія труда въ букочныхъ представияють онасность ве только для самихъ рабочихъ, но и для всего потребляющаго населенія. По окончанів дебатовъ консерваторы внесли очередной порадокъ, просившій Союзный советь пока не приводить въ исполненіе распоряженія о булочныхъ. Въ рейхотагь, однако, наступнях

перерывь сессін, и 1-го іюля н. с. правела о булочных взтупнав въ селу. Консерваторы не унимались, и Штумиъ снова внесъ предложение, уже не объ отмънъ распоряжения Союзнаго совъта, но объ его «наменени соответственно справедивымъ интересамъ пекарной промышленности». При дебатахъ, происходившихъ по этому поводу 5 марта 1897 г., министръ Веттихеръ заявиль, что еще въ сентябре прошивго года правительство, въ виду агитація будочниковъ-ховяевъ и протеста консерваторовъ, обратилось къ сомзнымъ государствамъ съ запросомъ о применении новыхъ правыль и въ особенности объ ихъ вліянім на «прежнія добрыя отношенія между хозневами и поднастерьями». Полученные отвёты, заявиль Беттихерь, комотатирують, что вы стоиь короткое время еще нельзя прилти къ окончательному результату о пользв или вредв новой меры. Правда, изъ Гамбурга, Любека, Мюнхека местныя власти сообщають, что мастера въ среднихъ производствахъ отрадають оть последовавшей регламентаціи, такъ какъ имъ приходится увеличивать составъ рабочихъ, не увеличивая при этомъ обыта. Изъ большинства другихъ ответовъ можно усмотреть, что переходное время во всякомъ случав связано для хозяевъ съ большеме неудоботвами; тв же отчеты, однако, сообщають, что подмастерьи чрезвычайно довольны новыми правилами, и что нередко вотрачаются и хозяева, которые ихъ одобряють. Въ отватахъ, въ которыхъ подчеркнуто нарушение патріархальныхъ отношеній вольнотне введены правыть, причиной этого указаны «сотественным стремденія мастеровъ какъ можно больше использовать рабочее время, тогда какъ подмастерыя настанвають на точномъ соблюденів предоставленнаго выт гагіоническаго рабочаго дня». Не смотря на всв жалобы консерваторовъ и антисемитовъ, последніе требовали полной отмены правиль, уверия, что правительство введемо въ заблуждение, настера погибають, а рабочие вовсе не нуждаются въ ограждени, —предложение объ изменени распоряжения Союзнаго совета отклонено было большинствомъ 148 противъ 104 голосовъ. Соціаль-демократы вообще отклоняли пересмотръ правиль, если и нуждающихся въ измъненіи, то окорье въ направленіи усиленія защиты труда; центръ и свободомыслящіе не отрицали желательмости изменений по местнымъ условіямь, но находили ихъ преждевременными *).

Въ сравнения съ широкими перспективами, которыя открывали рескрипты Вильгельма II, и съ твии требованіями, которыя ставили сами массы, всв эти поправки, однако, слишкомъ незначительны. Чёмъ заметиво остывало рвеніе правительства въ рабочемъ зако-модагельства, темъ энергичне защитники соціальныхъ реформъ

^{*)} Berichte über die Verhandlungen des D. R. 9 Legislatur, 4-e Session (1896—97). Cp. Berichte über die Reichstagssession 1896—97, dargestellt in Auftrage der national-liberalen Partei, Heft. II, S. 192—195.

въ рейхстага отстанвали необходимость какъ дальнайшаго распроотраненія законодательства на новня сферы труда, такъ и болье ентенсивнаго осуществиенія защеты фабричнаго труда союзными и мъстными распоряжениями. Еще въ началь сессия 1895-96 г. вождъ центра. Либеръ, и соціаль-политикъ этой партіи Гитце предлагають рейхстагу, во 1-хъ: болбе, чемъ до сихъ поръ, обезпечить осуществиеміе выраженной въ фабричномъ закон'й мысли о защити здоровья ж правотвенности рабочихъ, въ особенности работинцъ и малолетнихъ, изданіемъ соотвітствующихъ спеціальныхъ распоряженій; во 2-хъ: подготовить распространение постановлений фабричнаго закона, относящихся до защиты женщинь и малолетиихь, на домашимо промышленность, принявь во вниманіе вліяніе фабричнаго заководательства на увеличение последней. Въ заседание отъ 15 января н. ст. 1896 г. рейхстагъ принимаетъ эту резолюцію единомасно, замънявъ лишь слова: «болью, чъмъ до сихъ поръ» выраженіемъ «immer wirksamer». Гитце въ общирной ричи доказываль, чтоправительство и парламенть ми въ какомъ случав не могутъуспоконться на томъ, что до сихъ поръ сделано было для облегченія участи труда. Кром'в усиленія требованій закона въ области Фабрично-заводовой промышленности, въ ближайшее время главными задачами общественной власти должны быть: широкое распространение основныхъ идей защиты здоровья рабочихъ во вожхъ тых спеціальных отрассях труда, въ которых работы вав вовсе вредны, или же требують недопущенія женщинь и дітей. Необходимо ворко следеть за всёми предложениями, исходящими оть фабричных виспекторовь, мастных правительствь, товар иществъ страхованія, рабочихъ обществъ. Мёры, оказавшів ся полезными въ одной местности, должны быть распространены навою страну. Въ то же время нельзя не считаться съ фактомъ перехода защитныхъ рабочихъ въ домашнія производства, представляющія часто картину жесточайшей эксплоатаціи, печальнійшаго разрушенія человіческой жазна.

Въ последнемъ отношение наиболее грустными, по сознанию всехъ партій рейхстага, являются условія жизни работниць въ пронзводствахъ бёлья, платья и различныхъ предметовъ, входящихъ въ кругь Confection. За нѣоколько дней передъ тѣмъ, какъ вспыхнуло двеженіе берлинскихъ работницъ въ этомъ производствѣ, націоналъ-либералы баронъ Геёль, Гассе, кн. Піейнахъ-Каролатъ и многіе другіе внесли въ рейхстагъ запросъ, указывающій, что еще 10 лѣтъ тому назадъ, по предложенію парламента, произведенное изследованіе о положенія швей и портнихъ обнаружило въ этой области труда нужду и злоупотребленія, противорѣчащія основнымъ требованіямъ справедливости и человѣколюбія. «Такъ какъ съ тѣхъ поръ положеніе работницъ стало еще неблагопріятиве, то витерпеллянты запрашивають союзныя правительства: Какія законодательныя мѣры последнія предполагаютъ

принять для защеты здоровья и правственности работниць и противъ эксплоатація ихъ системой расплаты товарами?» Иниціаторъ запроса, бар. Гейль, мотивироваль его въ рейхстагь, находясь уже, какъ и весь парламенть и все населеніе Берлина, подъ впечатавніемъ вспыхнувшей стачки, въ которой трудно было не услышать отчаяннаго крика голода. Ораторы охарактеризоваль господствующую въ Confection систему, по которой не только предприниматели основывають производство на крайне низкихъ цънахъ ва трудъ, но и при этихъ низкихъ прияхъ часть заработка поглащается промежуточнымъ эксплоататоромъ, Zwischenmeister, соответствующемъ вполнъ англійскому sweater'у (какъ и вообще нъмецкая Schwitzsystem во войхъ своихъ деталяхъ составляеть точную копію англійской). Указавъ на распоряженіе 1893 г., которымъ устранена эксплоатація работницъ факторами въ сигарной промышленности, бар. Гейль требуеть такого же закона для Сопfection, какъ и осуществленія другихъ справедивыхъ требованій работнецъ: точно опредвленныхъ тарифовъ заработной платы, еженедъльной расплаты съ работницами, постановленій о пріем'я товара безъ потери времени и ивкоторыхъ другихъ. Зачетивъ, что въ домашнихъ промыслахъ вообще господствують злоупотребленія трудомъ, національ-либеральный депутать ставить следующія 4 требованія: 1) распространеніе статей фабричнаго закона (ст. 154, п. IV предоставляеть это право императору съ согласія Союзнаго совъта), ограничивающихъ рабочее время женщинъ и подростковъ. запрещающихъ ночную работу и предписывающихъ обязательныя паувы-на всё мастерскія; 2) приміненіе требованій закона о защить здоровья и правственности рабочихъ на всё домашніе промысли: 3) распространение на предпринимателей обязательства показывать местной полицін, околько на каждаго хозявна работаеть женщень и подростковъ, и 4) учрежденія спеціальной инспекціи для работниць въ мастеровихъ и домашнихъ производствахъ съ участіемъ въ инспекців женщинъ. Ораторы всёхъ другихъ партій вполне присоединились къ выраженнымъ бар. Гейлемъ требованіямъ, министръ же Беттихеръ отъ имени правительства заявилъ, что уже приступдено въ обсуждению меръ, которыя могли бы, если не положить конецъ, то хотя бы поставить изкоторыя преграды ужасающей, и по его мевнію, эксплоатаціи. Коммиссіи по рабочей статистикв поручено произвести изследование и предложить нужныя мёры въ защиту работницъ. Ограничение рабочаго времени, равно какъ н средства въ устраненію безеравотвенной зависимости отъ Zwischenmeister'овъ, являются, по заявленію Беттихера, необходимыми мерами. Министръ считаетъ даже возможнымъ поставить вопросъ: не следуеть ли изменить въ этихъ проимслахъ вою вынашнюю форму производства такъ, чтобы въ будущемъ вой работы исключительно производились въ мастереких предпринимателя? Во всякомъ случав ховяевъ можно будеть обязать заклю-

чать съ работницами письменные договоры, въ которыхъ должны быть точно определены, какъ мёра требуемаго труда, такъ м вознагражденіе за него и ціны за полученные матеріалы. Правительотво приотвительно не меданаю исполнением своих объщаний: 19 мая 1897 г. императоръ, съ согласія Союзнаго совета, издаль распоряженіе. распространяющее на мастерекія, въ которых наготовияють платье и былье, ивсколько наиболье существенных статей фабричиаго ваконодательства *). Подъ мастерскими это распоряжение понимаетъ лешь такія пом'єщенія, въ которых взготовляются предметы Confection, платья и бёлья, въ качестве постоянного занятія и при помощи насинаго труда. На семейныя производства въ тесномъ симсив слова распоряжение не распространяется. Содержание его состоить въ запрещении труда детей моложе 13 леть; дети оть 13до 14 леть могуть работать лишь въ случай, если не обязаны посъщать школу, и не болье 6 часовъ въ сутки. Малольтніе, 14-16 л. не должны работать болбе 10 часовъ и лишь днемъ между 5¹/2 утраи 81/, вечера, притомъ имъ должны быть предоставлены правильвыя паувы: не менте одного часа для объда и двухъ получасовыхъ или же одна непрерывная пауза въ 1¹/, часа. Воскресный трукъ малолетнимъ совершенно запрещается. Женщины, какъ и на фабрикахъ, пользуются 11 часовымъ максимальнымъ рабочниъ днемъ. накануна праздниковъ-10 часовымъ и не должны допускаться въ работамъ по ночамъ, отъ 81/2 ч. вечера до 51/2 угра. Роженицамъ запрещена работа въ течение четырехъ недвль посив родовъ: въ теченіе савдующих двухъ недвяь онв могуть быть допущены къ работв лешь съ разрешения врача. Какъ и въ фабричныхъ севонных работахъ, изъятія изъ максимальнаго рабочаго дня допускаются въ продолжение 60 дней въ году. Предприняматели вскаъ таких мастерских обязаны сообщать местной администраців о женщинахъ и дътяхъ, работающихъ на нихъ, и вывъшивать въ своихъ помъщенияхъ списки этихъ рабочихъ, съ точнымъ обовначеніемъ начала и конца работь и паузь, а также извлеченія изъ постановленій закона.

Не довольствуясь обезпеченемъ участи женщинъ и дътей въ Confection, центръ и соціалъ-демократы настанвають на распространеніи фабричнаго закона на всю область домашней промышленности. Съ другой сторовы, услышавъ о намъреніи правительства и рейхстага подчинить Hausindustrie дъйствію фабричныхъ законовъ, общества предпринимателей и торговыя камеры поднимають агитацію противъ государственнаго вмёшательства, увёрня, что это погубить существованіе многихъ отраслей экспорта. Однако, баронъ Гейль, Беннивгсенъ и другіе націоналъ любералы, за исключеніемъ немногихъ принципальныхъ противниковъ всякаго

^{*)} Reichstag. 9 Legislatur-Periode, IV Session 1895—97, Drucksacher № 914 (сообщено рейкстату 8 іюня 1897 г.).

рабочаго законодательства, вносять въ декабрт 1897 г. въ рейхотагъ предложеніе, облеченное въ форму закона: распространить
главныя статьи фабричныхъ законовъ на всю область домашней
промышленности, насколько она пользуется наемнымъ трудомъ *).
Сверхъ того, законопроектъ націоналъ-либераловъ содержить въ
себт рядъ спеціальныхъ постановленій, вызываемыхъ особыми
условіями домашнихъ производствъ. Такъ, наприміръ, вычеты няъ
заработной платы за наемъ поміщенія, освіщеніе, пользованіе ниструментами должны быть запрещены, за дурную работу вычетъ разрішается яншь при умыслів им грубой небрежности рабочихъ. Предринниатели отвітственны за дурныя поміщенія, обязаны вести разсчетныя книжки и т. п. Проекть еще ждеть своего
обсужденія въ рейхстагі, но не подлежить уже сомейнію, что
въ самомъ близкомъ будущемъ рабочее законодательство распространено будеть и на домашнія производства.

Заметимъ, въ заключение, что въ Германии начинають включать въ кругь защитныхъ рабочихъ также приказчиковъ. Изъ бдаголений фабричнаго закона на долю приказчиковъ и детей, служащихъ въ торговив, пришлось только установление обязательнаго воскресного отдыха. Во всёхъ другихъ отношеніяхъ, въ защите женинев и малолетинка, борьбе съ антисанитарными условіями помещеній и ми. др., — законодатель обощель тружениковь торговли. почену-то счетая ихъ менее нуждающимися възащеть, чемъ фабрачныхъ и другихъ рабочихъ промышленности. Въ дъйствительпости, однако, въ торговив не меньше темныхъ сторонъ, чемъ въ промышленности: продолжительность труда, негигісинчессть лавокъ и амбаровъ и неравенство договаривающихся сторонъ въ торговив часто еще хуже, нежели на фабрики. Распространенное мижие, булго трудь приказчика леговъ, такъ же основивается на заблужденін: забывають, что приказчику и приказчиці рідко удается приоботь, что въ нимхъ случаниъ у нихъ требуется (какъ, напр., въ складахъ, торговияхъ събстинии припасани, угленъ и т. п.). чрезвычайное мускульное напряженіе, въ другихъ же къ физическить уснавить приссединяется и умотвенный трудь, и притомъ въ обстановев, утомляющей внимание и раздражающей нервы.

Неудивительно потому, что вскорь после принятія закона 1891 г. среди приказчиковъ началось движеніе за сокращеніе рабочаго времени и распространеніе на торговию большинства преднисаній фабричнаго закона. Правительство и рейхстагь темъ болью иміли основаніе внимательно прислушиваться къ этимъ требоваміямъ, что приказчики въ Германіи относительно хорошо организованы. Такъ, напр., Deutcher Verband Kaufmännischer Wereine, состоящій тиавиниъ образомъ изъ приказчиковъ, насчитываеть 87,600 чле-

^{*)} Gesetz betreffend den Arbeiterschutz in Werkstätten der Hausgewerbetreibenden. Reichstag 1898, Aktenstück № 37.

новъ: Verband deutcher Hahdlungsgehilfe въ Лейнцигь имъетъ около 40,000; Общество торговыхъ приказчиковъ, основ. въ 1858 г., въ Гамбургь-около 42,000 членовъ. Коминскія статистики труда, со отоящая на половину изъ депутатовъ рейхстага, и на половину нвъ чниовниковъ по назначенію праветельства, подвергла поэтому условія наемнаго труда въ торговай тщательному изученію по всей Германін. Результатомъ ся трудовъ *) было предложеніе канцлеру ввести обязательное закрытіе торгован въ будин въ 8 час. вечера. На основание подробной статистики, составленной по показаниямъ 67 союзовъ какъ хозяевъ, такъ и приказчиковъ, и опроса въ 374 городахъ и мастечкахъ, одъганнаго въ 8,235 торговыхъ предпріятіяхъ разнаго рода, коммносеей обнаружено существование цълаго ряда влоупотребленій трудомъ, безусловно требующихъ вившательства закона. Главное зло-чрезмерная продолжительность труда, почти въ половина вобхъ предпріятій превышающая 14 часовъ въ сутки; въ 6,5% торговыхъ заведеній работа продолжается болье 16 час. въ сутки. Въ редкихъ случаяхъ привазчику и ученику предоставляють правильныя паувы для обеда. Коминскія подтвердыла также справединвость жалобъ на существующіе порядки договора найма, тогда какъ другой изъ упрековъ, часто раздающійся въ приказчичьихъ вругахъ, хозяевамъ, будто система ученичества, въ сущности, сводится къ замене насмнаго труда взрослаго безплатной работой ребенка, въ дъйствительности оказался преувеличеннымъ. На 16,845 приказчиковъ и приказчицъ (8,211 м. и 8,634 ж.), опрошенных по поручению коминский, пришлось нешь 6,880 учениковъ и ученицъ, т. е. на 100 взрослыхъ 29 дътей.

На закимчение коминести о необходимости всеобщаго сокращенія труда въ торговив и распространенія на нее предписаній фабречных законовъ несомивнесе вліяніе оказала записка ямперскаго бюро народнаго здравія (Kaiserliches Gesundheitsamt). На основанін данныхъ, собранныхъ коммессіой, и показаній кассъ страхованія отъ болівней, сопоставленых съ нівоторыми данными неостранной статистики, имперское бюро полагаеть, что трудъ приказчика въ большинстве случаевъ не можеть быть названъ легкимъ, и условія, при которыхъ онъ происходить, въ особенности же его продолжительность въ связи съ стоячей деятельностью, вредно отражается на жизни и здоровьи приказчика. Въ виде примера приведемъ только одинъ факть: въ то время, какъ во всехъ классахъ страхованія отъ бользям на одного больного приходится 17-18 дней бользии, въ приказчичьих кассахъ оказывается 20-22 дня. Чтобы достигнуть существенных унучшеній—такь заканчивается записка высшаго медицинскаго учрежденія, прабочее время должио

^{*)} Drucksachen der Kommission für Arbeiterstatistik. Erhebungen 16. n. N. 7. Verhandlungen N. 3. Berlin, Heimanns Verlag, 1893—97.

быть сокращено, и это въ особенности меобходимо для дётей модеже 16 лёть.

Предположение коммесси, хотя в поддержанное многеми торговнами, встратило, однако, сопротивление со стороны большинства купечества, и этому надо приписать, что оно по сихъ поръ не виесено было правительствомъ въ рейхстагъ. Весьма вероятно, однако, что урегулированіе труда въ торговий будеть одной изъ главныхъ темъ ближайшей сессін рейхстага. Последній едва не удовлетворится постановленіями въ защиту наемнаго труда, которыя въ промежутив между фабричнымъ закономъ и особымъ проектомъ въ ващиту приказчичьиго труда внесены были въ новое торговое уложеніе (вотупающее, впрочемъ, въ силу лишь съ 1900 г.). Въ этихъ постановленіяхь безопорно много хорошаго: оне заключають въ себъ требованіе гигіеническаго устройства пом'ященій, запрещеніе влоупотребленія ученичествомъ, пользованія дітскимъ трудомъ для частнаго хозяйства предпринимателя, устанавливають болье справединвыя условія договора; но какь эти, такъ и изкоторыя другія постановленія въ польку труда далеко не охватывають всей сферы наемных отношеній и не предусматривають постояннаго контромя за исполнениемъ закона, въ мице инспекторовъ, который здёсь не менёе необходимъ, чёмъ на фабрике.

Г. Іолдосъ.

Разсказы Дэнгля (А. Томсона).

(Cs amsitickato).

Ι

Подаровъ пруссава.

(Рождественскій разсказь),

Быль рождественскій сочельникь,—тоть вечерь, когда на землів бываеть мирь и въ человівкахь благоволеніе. Отрядь національной гвардін, въ шинеляхь, карабкался по кругому лівсистому обрыву, поднимаясь къ деревушків, гді хорошенькіе білые и голубые домики были разбросаны среди большихь огородовь, уже окутанныхъ мракомъ. Въ этоть вечеръ туть можно было—не правда ли?—встрітить веселье, сміхъ, яркіе огни? Відь быль рождественскій сочельникъ—время мира на землів и благоволенія въ человівкахъ.

Съ линіи фортовъ, баттарей и редутовъ, освещенных заревомъ огней, доносился страшный гулъ и трескъ. Рожденіе Христа встрёчалось здёсь, среди христіанскихъ народовъ, громомъ безпощадной пальбы, какой никогда не свышалъ міръ. Гвардейцы, взбиравшіеся по крутизнё, чувствовали, какъ земля дрожить подъ ихъ ногами.

— Боже Ты мой!—вздыхаль Жакъ Гревенъ, съ высоты своего роста обращаясь за сочувствіемъ къ маленькому сосъду, капралу Анри Фердю.—А въ прошлый сочельникъ я влъ гуся... Проклятая сволочь пруссаки!

Капралъ Фердю делаетъ видъ, что не слышитъ, и шагаетъ въ гору.

- И еще подъ соусомъ, —разсуждаетъ Жакъ. Чортъ побери, люблю соусы! А огонь на очагъ! Божественно! Право, точно въ аду: такая жара!... Послушай, ты развъ забылъ, что нынче рождественскій сочельникъ?
  - Не забыль, отвъчаеть неохотно капраль.
- Чего же ты молчинь? Человъть еле ворочаеть языкомъ, когда ръчь идеть о Рождествъ и о жирномъ рождественскомъ

тусь подъ соусомъ! Такіе люди опасны для общественнагоспокойствія!... О, канальн!-продолжаеть Жакъ по адресу просвистевшей мемо нихъ бомбы.—Они не соблюдають даже простой въжливости христіанскаго народа! Пусть-ка мой штыкъ наткнется на этихъ мерзавцевъ! У дъявола на балу станетъ тесно. А пока, Анри, нашъ христіанскій долгь-помнить про сочельникъ. Послушай: ты вдаль хорошаго гуся? Жирнаго, внаешь ли? Подъ соусомъ?

— Сколько разъ, —вздыхаеть маленькій капраль. — Ишь ты! Кто бы могь подумать! «Сколько разъ»! А самъ молчить. Ну, если ужъ намъ не придется справлять нынчесочельникъ, разскажи, по крайней мъръ, про тъхъ гусей. Разсказывай, брать, по порядку. Да не забудь про соусы.

- Оставь меня, Жакъ. Мив не до шутокъ.

- Давно зам'втиль, дружище, и жалью. Это, не въ обиду будь сказано, большой изъянь въ тебв. Человекъ, который не мюбить разсказывать про рождественского гуся подъ соусомъ, легко можеть быть заподозрвнъ въ атенемв. Еще если бъ я говорият про кошект или крыст, которыхт ни подъкакимъ соусомъ не съвшь! Чорть побери, божественные гуси!... Ну скажи, что бы ты сейчась съйль?
- Воть этихь проклятыхь бестій пруссаковь, воть кого я съблъ бы!-не выдержаль маленькій капраль.-Мив надобнолежать въ траншеяхъ и ждать, пока меня подстрелять. Я хочу напиться ихъ крови!

— Странный у тебя внусъ!—засмъялся Жакъ.—По мив. лучию бы стаканчикъ абсенту.

— Какъ ты можешь шутить такими вещами! Не слышаль развъ, какъ они сажають на штыки младенцевъ? Какъ душать дътей? А женщины?

- Съ техъ поръ, какъ я побывалъ въ Баваріи и видъль ихъ у себя дома, я что-то не довъряю этимъ страннымъ раз-CEASAM'b.
- Да, ты всегда ихъ защищаень! Если бы я не зналь тебя такъ...

TDaxb!

Онъ не успаль кончеть. Ружейный залиъ остановиль ошедомленныхъ францувовъ. Они стояли лицомъ къ лицу передъ сильной баварской засадой. Черезъ мгновеніе капралъ Фердю вежаль безь чувствь и истекая кровью у края пруда.

— Впередъ, молодцы! — вскричалъ лейтенантъ. Французская колонна ринулась на врага. Въ продолжение четверти часа среди этехъ христіанскихь вонновъ разыгранась такая дикая оргія рёзни, что лукавымъ духамъ ада оставалось только щелкать. зубами изъ зависти. Они бились въ темноте ночи, душили другъ друга, ръзали, кололи, рвали штыками, не выпуская врага.

даже тогда, когда скатывались въ предсмертной агонів въ окровавленныя воды пруда.

Когда Жаку Гревенъ случалось разсказывать объ этой резне, онъ всегда утверждаль, что она продолжалась не более минуты. Но въ этомъ онъ ошибался.

- Вдругъ сверкнула молнія и гряпуль громъ, —объясняль онъ впослёдствім маленькой дёвочкі, которая съ удивленіемъ слушала его, сидя у него на коліняхь въ сочельникь, какъ разъ на другой годъ послі той різни. —Я почувствоваль боль въ ногі и убіжаль.
- Раненый въ ногу, съ человѣкомъ на спинѣ,—прибавилъ съ тихой улыбкой отецъ дѣвочки.
- Да, душенька; о немъ я и позабылъ! продолжалъ Жакъ. Тамъ дъйствительно былъ глупый маленькій человъкъ, и вообрази: онъ лежалъ смирно-смирно на землъ среди шума и крика. Правда, какой глупый человъкъ?
  - Да!-васивялась Жанета.-Онъ спаль?
- Онъ никогда не проснуяся бы,—отвъчавъ отецъ Жанеты дрогнувшимъ голосомъ,—если бы старый Жакъ не подобралъ его и не унесъ оттуда.

Мать Жанеты съ взволнованнымъ лицомъ подкрадывается къ креслу Жака, береть толстыя рученки дівочки и обвиваеть ими шею Жака. Жанета удивленно смотрить своими черными глазами то на мать, то на Жака. Она видить, какъ слеза катится по загорілой щекі Жака; она кріпче прижимается къ нему своими рученками и цілуеть его въ губы.

- Бѣдный старый Жакъ!—говорить она.—Гадкій человѣчекъ быль тяжелый, и Жакъ плачеть изъ за него!
- Нѣть!—говорить Жакъ.—Человъчекъ быль легкій, какъ перышко, его и поднимать не стоило. Но, знаешь ли, у меня была знакомая маленькая дъвочка, и я хотъль подарить ей къ Рождеству этого человъчка. Я положиль его себъ въ карманъ жилета и унесъ поскоръе.
- Мальчикъ-съ-пальчикъ! смёется Жанета, хлопая въ дадоши. — Ты отдалъ его девочке?
- Да, благодаря Бога!—говорить мать Жанеты. Съ трудомъ сдерживая слезы, она наклоняется и цёлуеть стараго Жака.
- Это ни на что не похоже!—восклицаеть Жакъ.—Анри, старина, не позволяй жент целовать каждаго, кто приходить къ тебе въ домъ! Не то кончится бедою! Посмотри, детка, какъ папа сердится. Или тебе опять захотелось съесть пруссака?
- Нътъ, отвъчаетъ капралъ Фердю. Оргія той ночи отрезвила меня. Разскажи ей, Жакъ, о подаркъ пруссака.
- Да, Жанета, вообрази: пруссавъ спасъ жизнь твоего... моего человъчка. Холодно было ночью, Господи Ты Боже мой,

жакъ холодно! Тысячи францувовъ замервли въ тотъ страшным сочельникъ. А мой человёчекъ такъ застылъ, что я уже боялся—отгаетъ ли онъ?... Я отнесъ его въ ближнюю церковь въ Бобинъи, думалъ достать тамъ немножко водки.

- Ахъ, какъ смѣшно! церковь, гдѣ продають водку!— смѣется Жанета.
- Воть и не дами инт водки!—продолжаеть Жакъ.—Бъла! А человъчку нуженъ быль хоть одинъ глотокъ вина, а то онъ не проснулся бы никогда. Тогда старый Жакъ положилъ его на паперти, а самъ вошелъ въ церковь, гдт лежали люди, которые были ранены въ сражении. У этихъ людей онъ просилъ водки. Онъ слышалъ крики, стоны, проклятія, но не досталъ и капельки коньяку.... Тогда вошелъ въ церковь одинъ человъкъ—онъ навывалъ себя французомъ,—прости, Господи! Онъ предложилъ достать водки за деньги. Я сказалъ ему, что у меня нътъ денегъ. Я умолялъ его на колъняхъ, чтобы онъ далъ меть каплю вина для моего человъчка, у котораго дома была жена и маленькая дочка. Разбойникъ разсмъялся меть въ лицо! Я сталъ грозить ему; тогда онъ выбъжаль изъ церкви, крикнувъ, что позоветъ пруссаковъ, чтобы они меня закололи.
- А они что?—спрашиваеть Жанета, съ пылающить лицомъ гляда въ лицо стараго Жака.
- Нътъ, душенька, пруссаки были добръе его. Намъ разсказывали про нехъ всъхъ много страшнаго, но это была ложь. Что ты скажешь на это, Анри?

Отецъ Жанеты, не отвёчая, склоняеть голову.

- Такъ вотъ, продолжаетъ Жакъ, вернулся я къ своему человъчку, задыхаясь отъ гнъва. Я громко призываль Бога и его святыхъ въ сведътеле такой жестокости и проклиналъ великій праздникъ Рождества Христова. Я кричалъ, что другіе люди въ этотъ день получаютъ подарки, а мнъ нельзя будетъ принести живого человъчка моей маленькой дъвочкъ!
- —Въ то время, когда я такъ кричаль, кто-то дернуль меня за шинель. Я обернулся и вдругь увидъль, что рядомъ съ моимъ умирающимъ человъчкомъ лежить пруссакъ. Въ своей ярости я подумаль, что онъ собирается убить насъ, и схватиль ружье, которое валялось у меня подъ ногами. Прости меня Господи! я хотъль убить его. Въ эту минуту, къ счастью, показался мъсяцъ, и я взглянулъ въ лицо пруссака. Оно было битано, покрыто кровью. Онъ умиралъ. Онъ былъ стращно израненъ, душенька. И вообрази! это битаное лицо умирающаго было мить знакомо! Это былъ человъкъ, съ которымъ я жилъ, когда работалъ въ Баваріи, въ шестьдесять седьмомъ году. Добрый, кроткій человъкъ, который много говорилъ мить о

братствв народовъ, -- ну все равно, ты этого не повмешь теперь, девочка. Я смотрель, смотрель на него, и вдругь заметиль, что онъ протягиваеть мив что-го. Въ его рукв была маленькая фляжка. Онъ слабымъ жестомъ указалъ на моего человъчка, лежавшаго въ безпамятствъ. Его посинъвшія губы вашевелились. Я склонился въ нему. Онъ прошенталь:

— Спасите его, ради его жены и ребенка!

— A вы, Лендорфъ!-вскричалъ я.-Скажите, ради Бога,

Учива чеомоп учом в чибр

— Не надо, — съ усиліемъ прошепталь онъ. — Скажите моей женв, моему ребенку въ Розенгеймв... Возымите, медленно проговориль онь, между тымь какь глаза его сомкнунись, — рождественскій подарокь для французскаго ребенка...-И онъ вырониль фляжку изъ руки.

Черевъ минуту онъ умеръ съ улыбкою на устахъ.

Мать Жанеты подала Жаку фляжку съ виномъ. — Нашъ рождественскій пиръ! — шепнула она.

Жакъ осторожно снялъ Жанету съ коленъ и, вставъ, торжественно провозгласилъ здравицу за «соединенные штаты

цивилизаціи». Потомъ онъ передаль фляжку капралу Фердю.
— За нашихъ братьевъ въ Пруссіи, — твердо сказаль-капралъ и осущиль вино до дна. Потомъ онъ обернулся и пожаль руку своему другу.
— Старый Жакъ опять плачеть!—вскричала Жанета.

— Да, душенька! Это всегда бываеть, когда я виъ жаренаго гуся подъ соусомъ. Должно быть мив это вредно. И въ прошломъ году я думалъ, что не буду никогда всть рождественскаго гуся, а воть, опять пришлосы! Своей сульбы не узнаешь! •

H

Парижскія развлеченія.

1.

Въ февраль 1896 года.

Битва конфетти въ Лондонъ? Да развъ это возможно! Въ Лондонъ, гдъ тяжеловъсные джентльмены каждый день набивають себв желудокъ ростбифомъ и илумпуданномъ!.. Это было бы нелвпо, немыслимо!

Были, правда, времена, когда британцы довольствованись пирогами и элемъ даже по праздникамъ; но это теперь предано забвенію. Что же касается парежских праздниковь, гдв главную роль играють розы и легеое вино, — они положительно не для насъ.

Только здёсь, въ Парижё, и возможны эти праздники, въ Парижё, гдё мужчины бывають сыты отъ дыма сигаретокъ, а женщины—отъ сливочнаго пирожнаго,—въ веселомъ, артистическомъ Парижё, въ этомъ городё легкомысленной радости и свётлой красоты, гдё всё смёшливы, болтивы, измёнчивы, непостоянны, самодовольны, сладострастны и коварны, гдё имбеть свое пребываніе Комусъ, богъ веселыхъ пировъ, и

Момусь, богь шутокъ, и гдв царить богиня Венера.

Я прівхать сюда два дня тому назадь, прівхать по демамь, впошыхахь. Мое дело меня безпоконло, я считать его чрезвычайно важнымь. Мало ли что я считать важнымь третьяго дня! Сколько времени пролетело съ техъ поръ! Теперь я удивляюсь, какъ могь я безпоконться изъ-за такихъ пустяковь. Я знаю только, что теперь — карнаваль, и я хочу принимать участіе въ весельи, чорть возьми! Если наша жизнь — сновиденье, то пусть она будеть лучше очаровательной грезою, а не кошмаромъ.

Такъ я и решилъ.

Не покачивайте укоризненно головою, сударыня! Можеть быть вы и правы,—Парижъ развращаеть людей. Я самъ предчувствую, что соглашусь съ вами, но не ранбе, какъ завтра, когда я снова очнусь для тяжелыхъ заботь долга. А теперь я хочу участвовать въ карнавалъ.

Да здравствуеть радость!

Зденніе хитрецы говорять, что карнаваль въ нынешнемъ году такъ весель и роскошень оттого, что палата находится въ опасности. Ропоть голодныхъ сумасбродовъ въ темныхъ подвалахъ становился серьезнымъ. Они требовали уничтоженія реакціонной верхней палаты парламента; эти голодные безумцы требовали хлёба.

Нужно было что-нибудь предпринять. Тогда провордивые правители вздумали устроить блестящій карнаваль. Вмісто кліба они дали народу мішки конфетти и серпентинь, и прелестную, забавную процессію, среди которой медленно подвитался жирный быкь. И народъ рукоплескаль.

Сегодня по бульварамъ разсыпалась цёлая армія метельщиковъ, съ огромными тачками, на которыя они сваливають цёлыя кучи конфетти; мёстами эти кучи достигають высоты въ нёсколько футовъ. Другіе рабочіе, взобравшись на высокія лёстницы, снимають съ деревьевъ фантастическіе уборы наъ пестрыхъ бумажныхъ ленть.

Какъ весель быль карнаваль!.. Представьте себъ картину: все населеніе Парижа запрудило главныя улицы; нельзя протысниться черезь толиу; всё скамейки заняты; у каждаго окна, на каждомъ балконъ люди. Каждый смъстся, болгаеть, какъ только можеть смъяться и болтать францувъ и особенно француженка. Многіе наряжены въ причудивые костюмы, многіе въ маскахъ, или, по крайней мъръ, со смъшными привявными носами изъ картона. И каждый,—представьте себі!—каждый держить мъщокъ, наполненный маленькими дисками изъ цвътного картона, которые летять во всъ стороны, въ мужчинъ и женщинъ, въ старыхъ и малыхъ, безостаговочно въ продолженіе трехъ дней карнавала. Другіе вооружены метелками изъ пестрыхъ ленть и услужливо обмахивають ими платье и лицо каждаго встръчнаго.

Съ балкона клуба, на площади Оперы, бросали въ толпу цёлые мёшки конфетти. Сначала полился потокъ розовой бумаги и окрасилъ мостовую нёжно-алымъ цвётомъ. Потомъ высыпали огромныя кучи зеленыхъ конфетти; они красиво отдълялись отъ розовыхъ. Потомъ, среди крика и возгласовъ толпы, полились черные диски, словно огромный потокъ сажи. Потомъ посыпались съ балкона маленькіе букеты фіалокъ; на нихъ набросились молодыя дёвушки. Потомъ полетёла въ толпу визжащихъ мальчугановъ мелкая монета.

Каждый, кто только вышель на улецу, весь осыпань конфетти; они пестрёють на шляпе, и на волосахь, и на бородё, и на плечахь, и на платье; некто не езбёгь общей участи. Они лежать толстымь слоемь на улицахь, какъ лежали некогда лестья въ Валломброзе.

И когда вечеромъ вернешься домой, цёлыя кучи конфетти валятся на полъ изъ кармановъ, изъ-за воротника, изъ каждой складки платья, отовсюду падають разноцвётные пестрые конфетти. Серпентины (длинныя бумажныя ленты, которыя бросають въ толпу подобно лассо, или кидають изъ оконъ) украсили всё бульвары пестрыми гирляндами; каждая вёточка каждаго дерева на большихъ бульварахъ увита яркой бумажной лентой.

А процессія? Забуду ли я эту чудную колесницу, символически изображавшую очарованіе цвётовъ?.. Высокая бесёдка изъ бёлыхъ и красныхъ розъ медленно двигалась по улицамъ, и изъ каждаго огромнаго розана выглядывало лукавое личико красавицы. И еще говорятъ, что искусство и действительность исключаютъ другъ друга!..

Друзья мои! Я видълъ зрълище непостижнисе, неописуемое, непонятное для солидныхъ лондонскихъ джентльменовъ. Я видълъ сказочное царство; я видълъ сказочное царство въ дъйствительности, охваченное безуміемъ; я видълъ безумное сказочное царство, которое потрясали судороги безпечнаго веселья,—клянусь, это было невиданное зрълище, дикая и безумная сатурналія, чудесный парадоксъ!

Я видываль на своемь въку множество балетовъ, феерій,

обстановочных пантомимь, какъ всякій почтенный джентльмень моего возраста и положенія въ Соединенномъ королевствъ. И прежде мит случалось видёть процессіи парижскаго карнавала. Но никогда и нигдё не видёль я ничего подобнаго парижскому карнавалу 1896 года.

Но увы! теперь уже все кончено. Розы увяли, ихъ аромать исчезь, и мистрись Дэнгль въ виде напоминанія о домашнемъ очаге прислада мие счеть газопроводнаго общества.

Ну что жъ, и пусты А я всетаки повеселился.

Π.

Въ май 1871 года.

Non semper erunt Saturnalia! Не всегда бываеть весело вы жизнерадостномъ Парижв. Съ каждымъ годомъ онъ становится все болве и болве цивилизованнымъ, болве искусственнымъ и болве развратнымъ. Вотъ уже больше тридцати лвтъ какъ я знаю Парижъ, и теперь, когда опьянение карнавала прошло, я могу сказать, что никогда, даже въ самые порочные дни третьей имперіи, распутство Парижа не бросалось такъ сильно въ глаза.

Взгляните на безстыдныя картины въ окнахъ магазиновъ по умицѣ Риволи и по бульварамъ; прочтите романы, которые пользуются огромнымъ успѣхомъ за проповѣдь грязныхъ пороковъ; взгляните на раскрашенныя, истасканныя лица женщинъ, на разслабленныя фигуры мужчинъ; посмотрите, какъ нагло выставляетъ себя на показъ порокъ, какъ дерзко выступаютъ воры и убійцы!

Да, эта веселая столица просвъщенной Европы заклеймена внакомъ апокалинсическаго звъря. Если свъжая струя жизни изъ областей не проникнеть въ одуряющую атмосферу этой теплицы, Паражу грозить неминуемая бъда.

Ибо—поп semper erunt Saturnalia! Не всегда весель карнаваль въ бълоголубой Лютеціи. Другія процессія и другія конфетти видъли парижскія улицы. Да, я самъ быль очевидцемъ другого карнавала. Двадцать пять лъть тому назадь я видъль, какъ сыпались здъсь бомбы, слышаль, какъ гремъли выстрълы; а отцы этихъ весельчаковъ, которые бросали вчера конфетти, плясали тогда танецъ смерти подъ адскую музыку картечи.

Изъ того же окна, откуда вчера сыпался дождь розовыхъ бумажекъ, я видътъ темные клубы дыма, предвозвъстники пуль, которые сыпались на людей. Я видътъ эти веселые бульвары озаренными огнемъ пожаровъ; я видътъ груды тълъ на этихъ нарядныхъ улицахъ; красная кровь обильною струей стекала по трубамъ, и тачки метельщиковъ, на которыя сегодня собирали груды конфетти, тогда безостановочно свозили тъла убитыхъ мужчинъ, женщинъ и дътей.

Вчера Парежъ быль опьяненъ весельемъ и разгуломъ, а двадцать пять лётъ тому назадъ я виделъ его опьяненнымъ ненавистью и безумною жаждою мести. Вчера по улицамъ его пестрель изящный маскарадъ; двадцать пять лётъ тому назадъ на тёхъ же улицахъ разыгрывалась тяжелая трагедія.

И тогда небо было такъ же ясно и лазурно, какъ вчера; но подъ этою ласковой лазурью весны люди отчаянно боро-

лись, словно въ судорогахъ страшной агоніи.

И въ то время не мало видъль я людей, которые какъ нельзя лучше годились бы для вчерашняго маскарада. Я встръчаль изящныхъ, живописно разодътыхъ офицеровъ, въ шляпахъ съ развъвающимися перьями, въ хорошенькихъ кепи, въ гарибальдійскихъ блузахъ и въ блестящихъ латахъ кирасиръ. Они звенъли шпорами и бряцали саблями. Они шумъли въ кафе по бульварамъ, гарцовали по улицамъ. Клянусь, и Соломонъ въ славъ своей не могъ бы сравняться съ ними. Навърно, Юлій Цезарь не курилъ папвросъ съ большимъ изяществомъ, и если бы Александръ Македонскій съ такимъ же звономъ волочилъ за собою саблю по мостовой, его слава еще гораздо больше гремъла бы по свъту.

Но когда завязалась борьба, эти молодцы стали менйе замътны. Ихъ блестящіе мундары исчели какъ по волшебству. Дни мхъ блеска прошли; на каждомъ перекресткъ возвышалась баррикада, на каждой улицъ разыгрывались драмы, и каждое

сраженіе имвло своихъ героевъ.

Во время этого карнавала трехцветное знамя Франців победоносно подвягалось по улицамъ города, преданнаго смерти и огню. Дворцы горели, какъ головешки въ огромномъ костре, и пламя вздымалось языками къ черному небу. Эта кровавая буря длилась цёлую недёлю. Исхудалыя, ослабевшія жертвы преследовались огъ баррикады къ баррикаде, веть одной улицы въ другую, изъ одного квартала въ другой, пока последнія изъ нихъ, оттесненныя къ нынё столь марному кладбищу «Реге Lachaise» были разстреляны въ одно воскресное утро.

Трудно представить себь ть ужасы, которые совершанись въ Парижь въ эту недъно мая мъсяца 1871 года. Почти каждый, кто отваживался выйти на улицу, подвергался аресту, а каждаго арестованнаго разстръливали. Въ паркахъ были вырыты огромныя ямы, и въ эти ямы бросали тъла убитыхъ и раненыхъ. Люди, жившіе неподалеку отъ этихъ страшныхъ могилъ, разсказывали, что слышали по ночамъ стоны несчастныхъ, зарытыхъ виъстъ съ трупами и часто прохожіе видъли судорожно сжатую руку или ногу, выставлявшуюся изъ плохо зарытой могилы...

Итакъ, да здравствуетъ радость! Да здравствуетъ счастивая Франція!

Черезъ Сенъ-Бернаръ.

Раннее утро, но вагоны повзда, мчащагося по Ронской долинь, набиты биткомъ. Сегодня воскресенье. Инвейцарцы, судя по котомкамъ и альпенштекамъ, спѣшать воспользоваться свободнимъ днемъ. Грохотъ колесъ заглуппается взрывами безпричинняго, повидимому, но заразительнаго и счастливаго смѣха. Повидимому, молодежь смѣстся, главнымъ образомъ, потому, что утро такъ чисто, Леманъ такъ прекрасенъ, а горы такъ причудливо изящин. Грянула стройная пѣсня. Молодежь, бородатые старики, даже древняя старуха въ углу дружно вмѣстѣ выводять припѣвъ, знаменитое «іодельнъ», т. е. своеобразныя рулады горломъ.

Хотя солнце еще скрыто за хребтами, но отъ невидимыть иможе опо бронвовымь светомь горять уже причудивые зубим Dent du Midi. Ронская долина закугана въ туманъ. Сониме кусты ивы отряхають лениво седые влажные клоки тумана съ пенельно-эеленыхъ кудрей своихъ. Показалось солице, и туманъ, подръзанный дучами, заколебался надъ деревьями, какъ волотое кружево. Клочки облаковь, ночеваетихъ, тесно прижавимись въ склону горы, поплыли вверхъ, медленно тая въ голубомъ небъ, какъ стая привраковъ, вспуганныхъ солнечнымъ светомъ. Съ каждой станціей вагоны пустеють. Изъ окна я вижу, какъ по тропинкамъ, ведущимъ въ горы, идуть мои разряженные по праздничному попутчики, несело размахивая альпенштоками. Со мной въ вагонъ остаются нъсколько англичань; но это не мои попутчики. И я радь этому. Шут-HERE BY AHLIE TOBOPATY, TO «Switzerland is the Mecca of the holiday maker, т. е. Швейцарія—Мекка отдыхающаго акгличения. Я очень люблю и уважаю англичень; но, темъ не менье, ни за что не согласился бы вивств съ ними «вадить въ Менку». Помните ли вы, какъ гоголевскій Яичница принижаеть по описи приданое Агафьи Тихоновны? Еще не видя жесники, онь чигаеть по реестру: «домь каменный-есть, Флигель деревянный на каменномъ фундаменть-есть. Не надула проплятия сваха». Средній англичанинь въ Швейцаріи напоминаетъ Яичницу. Онъ природу принимаетъ по реестру, составменному Бедеккеромъ, и успокаивается, когда реестръ оказывается составленнымъ добросовъстно. Въ «описи» сказано, напр., что отъ Колъ-де-Жаманъ «is a fatiguing ascent of 14 hr.» довершины Данъ-де-Жаманъ. И англичанинъ полъзетъ на кругой рубецъ горы, чтобы убъдиться, дъйствительно ли дорога «fatiguing». Теперь мои попутчики ръшили добросовъстно провърить «реестръ» до Шамони. Я же иду на Б. Сенъ-Бернаръ, чтобы побыть въ знаменитомъ монастыръ, а оттуда спуститься въ Италію.

Станція Мартиньи. Отсюда до вершины горы 32 англійскія мили, т. е. версть сорокъ ходьбы, которыя приходится сдълать въ одинъ день. Вначалъ дорога, какъ паркетъ. Подъемъ совершенно почти не замътенъ. Дорога огромными кольцами огибаеть склоны горы, покрытые виноградниками. Такъ додеревни Орвіеръ, куда можно добхать еще въ дилижансь. Возл'в харчевии, носящей громкое название Hôtel des Alpes. на площади я засталь сходь общины. Подъ навъсомъ стояль волостной писарь и, по дьячковски, читалъ реестры. Кругомътаснымъ кольцомъ обступили мужики, въ глаженныхъ сорочкахъ, съ цветами на шляпахъ и бабы въ черныхъ шляпкахъ. Въ той комнать гостиницы, гдь сижу я, деревенскій докторъ свидётельствуеть древнюю старуху «на предметь общественной помощи». Старуха, сморщенная, подсленоватая, слезливо жалуется на то, что не имбеть болье силь, что жизнь тяжела. что если приняли въ богадъльню Гаспара Вейто, то должине принять и ее.

Докторъ внимательно слушаеть старуху. У него лицо совсёмъ крестьянское, широкое, бородатое, обвётренное. И платьемъ онъ тоже не отличается отъ крестьянъ. Сходъ, очевидно, кончился, потому что писарь и еще кто-то изъ начальства, съ книгами и реестрами подъ мышкой, заходять въ комнату запивать рёшеніе абсентомъ съ водой.

За Орвіеромъ изчезають виноградники, а вскорт и клюбныя поля. Большія деревни остались позади. Лишь изръдва попадаются разстянныя отдъльныя деревни. Все больше и больше начинаеть окутывать поразительная тишина высокихъгорт. Воть гулко гудять колокольчики. Гордо выступають коровы, которыхъ сегодня выгоняють на болте высокія пастбища. Пройдуть онт, и снова скованная тишина, нарушаемая лишь грохотомъ потока, воющаго гдто на стращной глубнить внизу. Исчезли деревья. Тамъ, внизу, середина лта. Здтовъранняя весна. Изъ пожелтвией прошлогодней травы, съ которой только что сошель снтв, глядять бтлыя головки дикаго шафрана и желтые цетки примулусовъ. Широкая дорога исчезла давно. Вмтото нея—крутая, каменистая троца вдожь

берега Дрансы. Это—Раз de Marengo, ущелье, носящее наэваніе въ память знаменитаго перехода французских войскъ въ 1800 г. Какъ они ухитрились протащить здёсь пушки,— совершенно непонятно. Вёроятно, вамъ встрёчалась статуэтка или же гравюра, изображающая Наполеона, лихо скачущаго на конё во главё войска по крутизнамъ С. Бернара, а на скалахъ подъ копытами надпись: «Анибалъ», «Барбаросса» и т. д. Действительность была не такъ красива. Переходъ свершился подъ предводительствомъ Лана, Бертье и Мареспо. Первый консуль проследоваль не на коне, а на смиренномъ осль, повади, когда войска Лана были уже въ Аость. Песнопъвецъ Наполеона - Тьеръ расшилъ прозаическій переходъ цвътами добродътели во вкусъ французскаго буржуа. Первый консуль, по словамъ Тьера, бесвдуеть запросто съ проводникомъ, молодымъ парнемъ, который объясняеть Наполеону свое горе: онъ такъ бъденъ, что не можеть жениться, не можеть «réaliser tous les rêves de sa modeste ambition». Прибывъ въ монастырь, Наполеонъ пишеть записку, которую отдаеть парию и велить передать генераль-цехмейстеру. «Вечеромъ молодой человъкъ возвратился въ С. Пьеръ и здъсь лишь узналъ кажого важнаго путешественника онь возиль сегодня, «et sut que le général Bonaparte lui faisait donner un champs, une maison et les moyens de se marier».

За Pas de Marengo исчезаеть всякій следъ растительности и начинаеть попадаться снегь.

Вначаль онъ лежить лишь въ падяхъ и подъ навъсами

Подъемъ все круче да круче. Снътъ сталъ сплошнымъ. Ноги скользять по замерзшей поверхности. Кругомъ-дикія **«налы, кое-гдъ зелеными пятнами выступающія изъ подъ снъга.** Тихо всюду; только слышно, какъ журчать подъ сивгомъ безчисленные ключи, да гулко реветь прыгающій по камнямъ эдб-то далеко внизу горный потокъ. Ни одного живого звука. Не слышно даже клекота горных в кречетовъ, не забирающихся ша такую высоту. Солнце готово скрыться. Тяжелыя облака зацъпились за изящно очерченные сиъжные зубцы Меринье. Бъдый конусь Монь-Велана совсёмь скрылся въ сизой туче, которая, какъ исполинское безформенное чудовище, медленно ополваеть, припадая брюхомъ къ кругому откосу. Воть оно ближе и ближе. Чувствуется уже его холодное дыханіе, оть жотораго ознобъ пробъгаеть по всему тълу. Нужно спъщить. Между тъмъ, съ каждымъ шагомъ все сильнъе и сильнъе чувствуется сорокаверстный переходь въ гору. Ноги подкашиваются. Въ груди такое ощущение, какъ будто съ каждымъ эздохомъ вбираешь въ легкія струю горячаго пара. Ремни жотомки, какъ ножами, ръжуть плечи, хотя въ сумкъ не больс

пяти фунтовъ въса. А дорога становится все круче и круче. Чтобы подвинуться хоть шагь впередъ, нужно предварительновыдолбить ступеньку альненштокомъ. Дороги совсемъ не видать. Ее завалило сивжными лавинами. Приходится подвигаться по материковому снъгу, руководствуясь следами прошедшихъ прежде... Подъемъ до того круть, устаность до тогосильна, что садишься отдыхать каждую минуту и то ещенужно употребить усилія, чтобы внушить самому себь: «отдохнешь, когда пройдешь десять шаговъ». Хочется повалиться прямо въ снъть, растянуться и лежать безъ конца. Но воть въ холодномъ воздухв, прямо изъ тучи, какъ кажется раздается протяжный звонъ колокола. Еще и еще... Глухо и страшно вторить проснувшееся въ ущельяхъ эхо. Но какой чудной музыкой кажется этоть звоны! На хребть снежнагооткоса вырисовался сёрый, обветренный непогодами деревянный кресть. Облако, спустившееся съ каменнаго зубца, уполвло въ ущелье; стало виднъе; на фонъ блъднаго вечерняго неба. пропитаннаго зеленоватымъ светомъ, показались два большихъ угрюмыхъ зданія, сложенныя изъ большихъ стрыхъ камней. До самыхъ дверей, надъ которыми едва различается изъъденный въками каменный гербъ, — лежатъ слегка почернъвшіе на поверхности сугробы снъга. Теперь я вижу, что нъскольковъ сторонъ отъ двухъ большихъ корпусовъ стоитъ еще одно вданіе, низкое и неуклюжее, не похожее на жилье. Но кругомъ столько облаковъ, я такъ усталъ, что оставляю детальный осмотръ до другого дня и вхожу въ темный, холодный, кажущійся мні безконечнымь корридорь. Шаги гулко звучать по каменнымъ, сильно выбитымъ плитамъ, которыми вымощенъполъ. Полумракъ, стоящій въ корридоръ, принимаеть совершенно фантастическій характерь оть цвётныхь, разрисованныхь. стеколь окна. Гдв-то, какъ мив кажется, подъ поломъ, громво валаяла собака. Гулкимъ густымъ эхомъ перекатился лай по безконечному корридору. Сбоку пріотворилась дверь; сверкнула полоса света, а въ ней, какъ въ раме, показалась голова въ странномъ мъховомъ колпакъ.

— Un voyageur!—крикнулъ кто-то.

Изъ бокового окошечка высунулась огромная коричневая рука и дернула за веревку. Гдё-то вверху жалобно завылъ надтреснутый колоколъ. Черезъ минуту ко мнё на встрёчу вышелъ маронье, т. е. послушникъ (maronier), въ черной сутане, перетянутой бёлымъ шнуромъ.

— Soyez le bienvenu! — ласково сказалъ послушникъ. — Пожалуйте въ рефекторію.

Но мит не до такъ какъ мечтаю лишь объ одномъ: объ отдыхт, и прошу маронье указать мит постель. Снова бевъюпечные сырые корридоры; мы взбираемся по каменнымъ лъстъ

ницамъ, перила которыхъ до такой степени отсырвли, что, дотронувшись до нихъ, кажется, что коснулся огромной змём. Наконець, послушникъ толкнуль одну дверь. Я-въ длинной, увкой, общитой досками комнать съ тремя высокими кроватями подъ балдахинами. Передъ кроватями на полу, вместо ковровъ, частью выльзшія уже козы шкуры. На стыть-гравюры, изображающія Христа передъ Пилатомъ, видініе Св. Бернара и какой-то пароходъ. Судя по подписи, последняя картина англійскаго происхожденія. Въ комнать сыро. Вода въ кувшинь на умывальникъ покрыта тоненькими ледяными иглами. Послушникъ ушелъ. Я раскрыль окно. Какъ одиноко и безпріютно кругомъ! Холодныя бълыя облака ползуть мимо окна. Всюду снъгъ, изъ подъ котораго кое гдъ торчать острые каменные вубны, покрытые зелеными пятнами лишаевъ. Нигдв ни былинки. Возлѣ монастыря—маленькое озеро. Оно все покрыто льдомъ, не смотря на конецъ іюня. Лишь въ двухъ-трехъ мѣстахъ на льду показались небольшія зеленыя проталины. Пальцы на рукахъ коченвють. Трудно вврится, что лишь въ несколькихъ шагахъ отсюда ярко свътить солнце, поля пестръють цветами и стелются по склону холмовъ виноградники. Здесь же совсемъ полярный пейзажь. Какъ будто бы я вновь перенесся на далекій северо-востокъ, куда нибудь на Сухарное, на берегь Ледовитаго океана. Мнв припоминаются слова Гумбольдта, сказанныя въ «Космосв», что температура вершины С.-Бернара — та же, что и мъста, лежащаго подъ 75° с. ш. А въдь теперь еще лето. Что же должно быть зимой? Холодъ заставляеть меня закрыть окно и скорбе залёзть въ постель. Кому знакомо ощущение сырыхъ простынь, долженъ прибавить къ этой прелести еще температуру замерванія воды. Нервы сильно возбуждены и утомительнымъ переходомъ, и обстановкой, и полной тишиной, какъ будто накрывшей все. Ухо напрасно старается уловить хоть какой либо звукъ. Несомивнно. въ двухъ верхнихъ этажахъ монастыря теперь никого нътъ...

Разбудилъ меня гулъ колокола. Было пять часовъ. Вода въ кувшинъ совсъмъ замеряла, такъ что, прежде чъмъ умыться, пришлось долбить ледяную кору. Я спустился въ нижній этажъ. Солнечные лучи, проникнувъ сквозь раскрашенныя стекла окна, образовали на каменномъ полу причудливыя розетки, тона которыхъ безпрерывно мѣнялись оть набъгавшихъ тучъ. Картина на стеклахъ изображаетъ августинскаго монаха, съ собакой, отогръвающаго замерящаго путешественника. Снизу подпись: «Fideliter, Fortiter, Feliciter». Какъ я узналъ впослъдствіи, это—даръ монастырю изъ Англіи отъ покойнаго поэта Вилльяма Морриса. Подъ окномъ я разглядълъ теперь огромную черную мраморную доску, на которой золотыми, потускнъвниими буквами выбито: «Napoleon primo francorum imperatori

semper augusto republicae Valesianae restauratori semper optimo, aegyptiaco, bis Italico semper invicto in Monte Jovis et Sempronii semper memorando. Republica Valesiae grata». Я вошель въ церковь, находящуюся въ концѣ корридора. Холодомъ вѣетъ отъ ея голыхъ стѣнъ, выкрашенныхъ охрой. Единственнымъ украшеніемъ служить большая картина, изображающая Св. Бернара Ментонскаго, основателя монастыря и рыцаря Таминіера съ краснымъ крестомъ поверхъ латъ. Подъ картиной—кружка съ надписью: «offrandes pour l'hospice». Путешественники получають въ монастырѣ все бевплатно, но каждый можетъ жертвовать сколько можетъ.

Пла месса. Изъ посторонней, не монастырской, публики ее слушали лишь дев старухи, повязанныя платочками, совсёмъ наши странницы-богомолки, да стоявшій все время на кольняхъ кривобокій парень въ кожаной куртків. Когда я сталь возлів него, парень обернулся и закиваль дружески головой. Я разсмотріль низкій лобъ, густую шапку спутанныхъ волось да выдающуюся нижнюю челюсть съ отвисшей толстой заслюненной губой. То быль кретинъ. На этой высотів есть цільмя деревни, жители которыхъ поражены идіотизмомъ. Сурово звучать въ сырыхъ, холодныхъ стінахъ латинскія слова мессы. Жалобнымъ стономъ кажутся аккорды стариннаго органа. Все роворить о совершенно иной жизни, чімъ тамъ, въ долинів...

Монастырь основань въ десятомъ въкъ св. Бернаромъ Ментонскимъ, родившимся въ 923 г. «во времена короля Рауля», въ замкъ, который «видънъ еще до сихъ поръ на холмъ, что на сверномъ берегу озера Анси», какъ говорить монахъ, описавшій живнь святого. Любопытная книжка эта, которую я видель въ монастырской библіотеке, носить следующее названіе: «Vie de Saint-Bernard de Menthon archidiacre d'Aoste, fondateur de l'hospice des Mont Jovis et Colonne Joux, par un chanoine du Grand-Saint-Bernard, avec l'approbation de Monseigneur l'evêque de Sion» (т. е. Житіе св. Бернара Ментонсваго, архидіакона Аостскаго, основателя монастыря и колонны на горъ Юпитера (старое название С.-Бернара); составлено съ одобренія епископа сіонскаго каноникомъ С.-Бернарскаго монастыря). Житіе составлено въ наивномъ духі средневіжовыхъ хроникъ. На первой страницъ — изображение святого, держащаго на цепи поверженнаго діавола, со всеми традиціонными аттрибутами, полагающимися по штату последнему: т. е. съ ковлиными рогами, съ закрученнымъ бубликомъ хвостомъ съ кисточкой, съ конскими копытами на ногахъ и пр. Но наившый авторь хорошо, тёмъ не менёе, выясняеть тоть мотивъ, который заставиль Бернара Ментонскаго поселиться на вершинъ горы, на перевалъ. Съ дътства Бернаръ видълъ кругомъ себя лишь грабежь, насилія и попраніе человіческихь правъ.

Безпрерывно мимо родныхъ мъсть молодого человъка проходили отряды завоевателей, привлеченныхъ съ далекаго съвера, какъ волки запахомъ крови, разсказами про замъчательныя богатства Италіи и про красоту ея женщинъ. За норманами тянулись лонгобарды, затёмъ-венгерскія орды. Прошли иновемные хищники, - стали грабить свои, въ особенности, могущественный феодаль маркизь Иврійскій (D'Ivrée). Крестьяне и пастухи, чтобы спастись оть своихъ и чужеземцевъ, -- вынуждены были постоянно кочевать со своимъ скуднымъ добромъ черезъ гору Юпитера. Даже летомъ перевалъ представляеть большую опасность; темъ более она была велика зимой и весной (въ періодъ таянія снъговъ). «Засельщина» погибала тогда десятками. Трупы и кости ея служили своего рода дорожными знаками для дальнейшихъ изгнанниковъ. Св. Бернаръ жиль въ то время въ Аостскомъ монастырв, славившимся строгостью устава. Но ни молитвы, ни посты, ни бичеванія недавали душевнаго равновесія монаху. Ему нужно было живое дъло, среди живыхъ людей. Въ его груди быль огромный занасъ жалости, который не находиль себъ исхода среди четырехъ ствнъ келіи. Чутко прислушивался онъ къ твмъ воплямъ страданія, которые слышались вокругь. Въ монастырв часто искала убъжища «засельщина», выгнанная изъ родныхъ избъ благородными разбойниками. Онъ слышалъ разсказы про страшный переваль и решился поселиться тамъ. Въ 969 г. съ семью монахами Бернаръ оставиль Аосту и поднялся на вершину страшной горы. Римляне хорошо знали переваль черезъ Monte Jove. Здёсь съ незапамятныхъ временъ стояла колонна съ надписью: «Jovi Optimo, Maximo». У подножія ея благочестивые путники складывали монеты и чеканенныя медныя пластинки въ жертву Громовержцу. Во времена Юлія Цезаря рядомъ съ колонной построили храмъ Юпитера и убъжище (mansio) для путешественниковъ, захваченныхъ непогодой. Полки лонгобардовъ, явившіеся грабить Италію, какъ хриетіане, сочли долгомъ разрушить убіжнице, воздвигнутое служителями діавола. Со страшными трудностями Бернаръ Ментонскій выстроиль свой монастырь изъ камней разрушеннаго храма.

Съ тъхъ поръ въ монастыръ живутъ постоянно семь монаховъ августинскаго ордена и 15 послушниковъ (maroniers). Послъдніе поступають въ возрасть 20 льтъ. Жизнь на вершинъ горы такъ сурова, что къ тридцати пяти годамъ монахи совершенно разбиты; съ жестокими ревматизмами въ сочленеміяхъ, съ чахоткой въ груди, они отправляются умирать въ болье мягкій климать, въ монастырь, что въ Мартиньи...

Месса кончилась. Ко мнѣ подошли маронье, встрѣтившій меня вчера, и еще другой монахъ, сгорбленный слегка, съ бользненнымъ, крайне нервнымъ, бритымъ лицомъ. Тонкія губы его безпрерывно вздрагивали, какъ будто его била лихорадка. Это былъ о. Антуанъ, библіотекарь. Онъ повелъ меня въ довольно темный залъ, обставленный простыми, некрашенными шкафами съ книгами. На отдъльныхъ столахъ лежали позеленъвшія бронзовыя пластинки съ латинскими надписями, римскія монеты, обломки статуй и карнизовъ, подобранныя на мъстъ древняго храма. Далье виднълись скудныя коллекціи тъхъ насъкомыхъ, которыя лътомъ забираются даже на эту высоту. Въ библіотекъ безпрерывно раздавался короткій, сухой, нервный кашель о. Антуана, который опустился повидимому на самодъльный стулъ.

- О, ничего, ничего!-говорить монахъ, когда я спрашиваль, не лучше ли уйти отсюда, такъ какъ въ библіотекв еще колодиве, чвмъ въ корридорв. Я подхожу къ полкамъ, чтобы посмотреть книги. Оне-на латинскомъ, францувскомъ и итальянскомъ языкахъ. Рядомъ съ теологическими сочиненіями,произведенія французскихъ классиковъ XVII и XVIII вв. На столь, возль шкафовъ, между старымъ гербаріемъ скудной альшиской флоры и несколькими образчиками минераловъ, лежала огромная книга, in folio, переплетенная въ пергаментъ. Это быль «Théotime» св. Франциска Сальскаго (François de Sales). Я раскрыль на угадъ фоліанть на місті, заложенномъстаринной, нівкогда вышитой шелками, но теперь выцвітшей совершенно закладкой. Вышла девятая глава второй книги. «Есть нъсколько различныхъ степеней совершенства въ благотворительности: prester aux pauvres, hors la très-grande nécessité, c'est le premier degré de l'aumosne,—писаль авторъ на своемъ старинномъ французскомъ языкъ. «Болъе высшая степень это-дарить нуждающимся; еще высшая-отдавать имъ все; но самая высшая это-отдать всецьло самого себя, посвятить всю свою личность служенію страждущимъ и отстанванію вабитыхъ, - какъ это ділаль великій Бернаръ Ментон-

Болѣзненный стонъ раздался въ библіотекѣ и затихъ. Кавалось, разомъ порвалась какая-то страшно натянутая струна. Я быстро обернулся. Отецъ Антуанъ, съ побѣлѣвшимъ лицомъ, выражавшимъ страшную боль и ужасъ, и широко раскрывъглаза, сидѣлъ неестественно скрючившись. Обѣими руками онъкрѣпко сжалъ колѣно. И жилы на рукахъ напружились, какъверевки, какъ будто отецъ Антуанъ сдавилъ пальцами шекъкакого-то страшнаго звѣря, который вотъ, вотъ, вырвется наволю. И вдругъ, прежде чѣмъ я успѣлъ понять, въ чемъ дѣло, руки монаха упали безсильно, какъ будто бы звѣрь, которагоонъ удерживалъ, дикій и яростный, вырвался на свободу. Какъ подстрѣленный, свалился библіотекарь со стула, голова. его гудко стукнулась о каменныя плиты, а руки и ноги стали судорожно сводиться, будто отталкивая кого-то. Это быль принадокъ падучей болёзни. На стукъ тёла и на мой крикъ вбёжали два послушника; поспёшно накинули они на лицо о. Антуана черную сутану и унесли его.

Разбитый и потрясенный сценой, я тоже оставиль библю-

теку. Внизу встречаю знакомаго послушника.

- О, да!--шепчеть онъ:--библіотекарю давно пора спуститься въ Мартиньи, потому что климать его убиваеть; но онъ ни за что не хочеть оставить пость, какъ выражается онъ, и увъряеть все, что силь въ немъ еще много, во всякомъ случав, больше, чвиъ нужно, чтобы сидеть на поков въ Мартиньи. Это слова о. Антуана. Вначаль онъ не упускаль ни одной экспедиціи, отправляемой изъ монастыря въ бурныя ночи на розыски прохожихъ. Не смотря на слабыя силы, онъ забирался въ такія м'еста, куда не всякій опытный горець заберется. Онъ все бралъ нервными силами. Наконецъ, съ нимъ случилось «это» (маронье намекаль на падучую). Его уговорили стать библютекаремъ; думали устранить его отъ тяжелой работы; но и теперь, какъ только завоеть буря, брать Антоній рвется изъ монастыря на поиски за погибающими. Онъ протестоваль, когда его уговаривали не ходить более по дрова. Въдь это очень тяжело. Лъса начинаются лишь въ чегырехъ часахъ отсюда. Мы несемъ дрова на плечахъ.
- Когда была последняя мятель въ этомъ году?—интересуюсь я узнать.
- Двадцать седьмого мая. Мы тогда нашли два трупа, а трехъ замерзающихъ удалось отогръть.

Изъ дальнъйшаго разговора узнаю, что жертвами бури становится обыкновенно народъ бъдный: рабочіе, бродяги, контрабандисты. Съ тъхъ поръ, какъ проведена Сенъ Готардская желъзная дорога, а черезъ Симплонъ установлено отличное правильное сообщеніе въ дилижансахъ, — сколько нибудь состоятельные люди слъдуютъ тъми безопасными путями. Лишь перекатная голь да изръдка туристь, любитель сильныхъ ощущеній, становятся жертвами непогоды. Лишь завоеть мятель, изъ монастыря снаряжаются отряды монаховъ и послушниковъ. Они отлично знаютъ всъ горныя ущелья, всъ тропы и по направленію вътра могутъ опредълить, куда буря приблизительно вагонить сбившихся путниковъ.

— Не хотите ли взглянуть на нашихъ товарищей и помощниковъ, — предложилъ маронье. Онъ отворилъ маленькую дверь; оттуда съ радостнымъ воемъ выскочили четыре огромныя рыжія съ бъльми пъжинами лобастыя собаки, онъ завертълись по корридору, вскочили маронье на грудь лапами, лизнули его дружески по лицу, затъмъ курбетами стали выражать свое удовольствіе. Это—всѣ собаки монастыря. Больше ихъ уже не осталось.

Я вспомниль о третьемь зданіи, которое видёль вчера, когда подходиль къ монастырю. Черевъ снъжные сугробы я добрался до низенькаго шале, сложеннаго изъ камней и покрытаго ими же. Маленькая дверь, задъланная деревянной ръшеткой, служила также и единственнымъ окномъ. Я заглянуль туда. Вначаль я увидьль лишь глыбы льда да снъжные сугробы; но воть, когда глаза мои несколько привыкли къ темнотв, предо мной смутно стали вырисовываться въ глубинъ какія-то неподвижныя фигуры. Сердце забилось усиленно. Я присматриваюсь. Несомивнно, это трупы, завернутые въ саваны и перевязанные веревками. Я могу даже различить, что въ углу трупъ женщины и рядомъ съ ней ребенокъ, и мнъ припоминаются слышанные разсказы. Это-моргь, куда монахи складывають неопознанные трупы, найденные во время мятелей. Трупы хранятся здёсь два года. Среди вёчнаго льда нечего бояться разложенія. Есть что-то дико-торжественное въ этихъ трупахъ, лежащихъ въ нетающихъ сугробахъ. Подъ сильнымь впечатленіемь я собираюсь уйти, чтобы спуститься въ тоть же день въ Аосту; но маронье предлагаеть предварительно повсть. Въ огромной рефекторіи я — единственный туристь. Ствим увъщаны гравюрами и картинами; судя по подписямъ, это-все подарки благодарныхъ путешественниковъ. Мое вниманіе привлекаеть одна гравюра съ надписью: «Аі Monaci Agostiniani del Gr. St. Bernardi» (Августинскимъ монахамъ Большого С. Бернара). Снизу имя—Джувение Гарибальли.

Съ массой сильных впечатленій я прощаюсь съ монахами. Вместе со мной спускается въ Италію целая партія про-хожихъ, представляющихъ замечательную коллекцію типовъ. Я стараюсь определить профессію одного, заинтересовавшаго меня своими широкими плечами, громадными волосатыми кулаками, да круглымъ, добродушнымъ, коричневымъ отъ загара лицомъ, съ вздернутымъ носомъ, и тихо спрашиваю у маронье, кто бы могъ это быть, по его предположенію. Легкая улыбка скольвить по плотно сжатымъ губамъ послушника, когда онъ отвечаеть:

— О, мы его хорошо знаемъ, с'est un honnête contrebandier (это—честный контрабандисть), и туть же маронье даетъ вначеніе этого нъсколько страннаго сочетанія словъ. Населеніе итальянскихъ пограничныхъ деревень считаетъ не только не зазорнымъ, но даже похвальнымъ контрабандный переносъ черезъ Альпы соли, обложенной въ Италіи, какъ и все, высокимъ налогомъ Крестьяне не хотятъ понимать, почему въ Ст. Пьеръ, въ послъдней швейцарской деревнъ, можно класть въ похлебку соли столько, сколько принимаеть ее душа, тогда какъ въ Ст. Реми, въ первомъ итальянскомъ городкв, мериломъ долженъ служить не вкусъ, а карманъ. Два другихъ попутчика, судя по разговору, шли изъ немецкой Швейцаріи,

Одинъ изъ нихъ съ раздутымъ лицомъ, перевязаннымъ грязнымъ платкомъ, живописно объяснялъ сосъду, гдъ и какъ раз-

украсили его.

- Sakerdie, muchu i mi gestert aber gut unterhalte ha!слышу я толкованіе на берндейчі. Но меня больше всего интересуеть последній попутчикь, - французь, испитой, болевненный молодой человыкь съ растрепанными рыжими усами. Одеть онъ совсемъ не для горной экскурсіи: на ногахъстоптанные вывороченные башмаки, изъ которыхъ глядятъ пальцы; штаны его у щиколодки болтаются грязными лентами; воротникъ порыжелаго выпретшаго пиджака поднять, повидимому, чтобы скрыть дефекты былья. Локти, не менье нальцевь, любопытствують узнать, что творится на бъломъ свъть кругомъ. Въ туалеть моего попутчика, однако, есть что то, составляющее резкій контрасть со всёмь костюмомъ. Это-раскрытый, изящный щелковый зонтикъ. Повидимому, французъ усиленно заботится о томъ, чтобы не загореть, здёсь, при температур'в замерванія воды. Зонтикъ единственный багажъ францува, тогда какъ у другихъ болтаются за плечами на веревкахъ и ремняхъ котомки. Начался спускъ, еще боле головоломный, чёмъ подъемъ. Вотъ въ стороне площадка, на которой когда-то стояль храмь Юпитера. Тропинка эмвится вдоль скалистаго рога; она то огибаеть его, то сразу падаеть внизь на уступъ. Мои попутчики ловко и быстро, какъ козы, перепрыгивають съ камня на камень, придерживаясь лишь иногда за веревку, которая, въ видъ перилъ, спущена съ каменнаго рога. Я пробую сделать то же, но теряю равновесіе и начинаю стремительно помимо моей воли спускаться первобытнымъ путемъ. Къ счастью для меня-по дорогь падь, васыпанная рыхлымъ снёгомъ, въ который въёзжаю по поясъ. Альпенштокъ описываетъ кривую линію, какъ бумерангъ австралійскихь дикарей, и вонзается остріемь въ снъть. Пока я выбираюсь изъ пади, и пока достаю палицу, - проходить не мало времени, и мои попутчики совершенно скрываются изъ виду. Это несколько интригуеть меня. Дело въ томъ, чтониже рога-совершенно открытая морена, на которой видно очень далеко. Решаю, что попутчики могуть быть только въ томъ шале, сложенномъ изъ камней, что стоить внизу, въ началъ морены и гдв, по указанію Бедеккера, находится таверна. Я удивляюсь лишь завидному аппетиту ихъ.

Спускъ становится все труднве и труднве. Тамъ, гдв нвтъ каменныхъ уступовъ, тамъ снъжныя, почернвиния уже поля,

подъ которыми бурлять потоки. Кое-гдф снъгъ протаяль и образоваль глубокіе колодцы, на дне которыхь клокочеть вода, Мнѣ приходить въ голову, что, пожалуй, провалиться въ ко-лодевь совсѣмъ ужъ не такъ трудно, хотя очень непріятно. Картина провала представляется мев до такой степени реально во всёхъ деталяхъ, что я начинаю изо всёхъ силь колотить альпенштокомъ по насту, чтобы определить, выдержить ли снъгъ меня, и совершенно не обращаю вниманія на то, что возлѣ шале давно уже стоять двѣ человъческія фигуры, слѣдять за каждымъ моимъ аллюромъ и кричать мив что-то. Наконець насть пройдень благополучно, пошла морена, и я бодро начинаю шагать по мелкой галькв. Мнв машуть руками возлв шале; но я полагаю, что это трактиршикъ просить зайти, и кричу, что не хочу. Вдругъ въ утреннемъ чистомъ воздухѣ гулко перекатывается энергичное ругательство и затвиъ слышится грозный окрикъ:

- Per bacco! Aspetti un momento! Приказъ выраженъ въ такомъ тонъ категорическаго императива, что объ оснушания не можеть быть и ръчи. У дверей шале стоять два солдата въ невиданной мною до техъ поръ форме и приглашають войти. Солдаты оборваны и грязны, какъ чумички. То, что я приняль за таверну, оказалось новой заставой, воздвигнутой на границь итальянскимъ правительствомъ посль мятежа. Вхожу. Темная комната пропитана дымомъ крепкаго табаку и специфическимъ острымъ запахомъ кордегардіи. Въ углу нары, а на нихъ, на кучь соломы, спить и высвистываеть носомъ какой-то мужчина въ мундиръ съ галунами. Возлъ маленькаго окна съ радужными отъ времени и грязи стеклами, за кривоногимъ столомъ-чиновникъ въ затасканномъ мундирѣ съ почернѣвшими галунами. На столъ навалены истрепанныя, засаленныя бумаги. Возлъ стола-всъ мои попутчики.
- Francese, Tedesco, Espagnolo? задаеть мив вопрось чиновникъ. Я понимаю, что онъ меня спрашиваетъ, на какомъ языкѣ мнѣ удобнѣе всего говорить, и отвѣчаю Franchese. Начался форменный допросъ:

  - Doue va? (куда вы идете).
    Donde viene? (откуда).
    Quando tornerà? (Когда вернетесь).

Отвъчаю, что никогда, если судьбъ будеть угодно.

— Ваши бумаги.

Показываю паспорть, который чиновникь держить вверхь ногами. Мнв припоминается разсказъ Искандера о перевадъ черезъ прусскую границу по паспорту няньки. Я переворачиваю страницу и показываю французскій переводъ текста. Но французскій языкъ, повидимому, такъ же мало говорить чиновнику, какъ и русскій. Онъ внимательно смотрить на штемпель визировки, затёмъ подозрительно поднимаетъ на меня глаза и говорить:

— У васъ дата 1896 г., а теперь 1898 г.

Собираю всё мои познанія въ итальянскомъ языке и стараюсь объяснить, что этоть паспорть не имееть срока, что два года я прожиль заграницей. Секунда неловкаго молчанія. Вынимаю круговой куковскій билеть. Лицо чиновника проясняется.

- Туристь! облегченно вздыхаеть онъ, ласково улыбается, передавая мнъ паспортъ, и фамильярно протягиваеть руку за видами С. Бернара, которые замътиль у меня.
- Вотъ первый разъ за два года, что показываю паспорть, говорю я, засовывая книжку въ карманъ.
- Le fo mille e mille scuse,— нѣсколько виновато отвѣчастъ чиновникъ,— Cio non, dipende da me! (Прошу тысячу извиненій. Это не отъ меня зависить). Синьоръ знасть, что кое что случилось здѣсь.

Я ухожу и слышу, какъ объясненія въ кордегардіи становятся все болье и болье энергичными. Джентельмэнъ съ подвязанной щекой кричить на великоль иньйшемъ берндейчь; французь съ зонтикомъ раскатывается отборныйшими ругательствами. «Honnète contrebandier» глухо рычить кто-то. А всъхъ старается перекричать чиновникъ.

— Maledetto briccone! Я говорю, что вы должны убираться назадь. Нёть паспорта, нёть и хода!

Кончилась морена; пошли луга. По откосамъ дороги карабкаются стада козъ, дробно звеня бубенцами. Мальчикъ пастухъ, въ облезломъ меховомъ колпаке, картинно уперся на окованную палку и застыль такъ. Повидимому, туристы здёсь не особенно часты. Кое-гдъ уже видны доползине сюда изъ овраговъ одинокія лиственницы и пихты, какъ наиболье храбрые солдаты изъ идущаго на приступъ полка, котерые первыми вскарабкались на непріятельскія стіны, оставивь позади сплошные ряды своихъ. Далеко внизу видны ярко зеленыя поля, скаты холмовъ, покрытыхъ виноградниками (лозами изъ Aосты, Augusta Pretoria Salassorum, воспътыми римскими поэтами), да домики, кажущі ося совствить игрушечными. Сколько разъ въ теченіе 25 вёковъ, приблизительно съ того самаго мъста, гдъ стою я, на города внизу жадными глазами глядъли орды культурныхъ и не культурныхъ завоевателей, привлеченныхъ сюда слухами о богатой добычв, ради которой были преодолены страшныя трудности грознаго перевала! Африканскіе стрілки Анибала, орды гунновъ и лонгобардовъ, закованные въ чеканенные доспіхи отряды Барбароссы, впослідстін полки Наполеона. И постоянно одно и то же страдательное лицо, которое на своихъ плечахъ вынесло чужую «мужикъ-засельщина». Старинная англійская легенда говорить про Эрна—дикаго охотника, который въ ночь насв. Губерта трубить въ свой огромный рогь, вмёщающій цёлыхъ пять галлоновъ. На призывные звуки собираются всёлогибшіе насильственной смертью и «дикая охота» съ воплями и воемъ мчится по горамъ до самаго разсвёта. Если бы Эрнъ-охотникъ могъ затрубить здёсь! Какія безчисленныя разноязычныя полчища встали бы тогда на призывные звуки изъ всёхъ падей и ущелій!

Дорога огромными загогулинами спускается все ниже и ниже. Сплошной массой пошли ліса, даліве стали попадаться хаббныя поля, пестріющія макомъ и васильками. Я подхожу къ первому итальянскому городку, къ Сенъ-Реми. Первое зданіе—огромный каменный розовый домъ, на стінахъ котораго надпись большими буквами: «R. Dogana» (Таможня). На крылечкі сидять два толстыхъ чиновника. Завидівь меня, они машуть рукой. Вхожу вийсті съ ними въ «Dogana»: полъзаплеванъ и забросанъ окурками. Въ углу нары. Воздухъ такой специфическій и крінкій, что хоть ножемъ его ковыряй.

Начинаются стереотипные вопросы:

- Dove va? Donde viene? И въ концѣ концовъ неизбъжное: «lori passeporti». Куковскій билеть опять мнѣ оказываеть еще большую услугу, чѣмъ паспорть. На основаніи его рѣшается, что я туристь.
- A что у васъ въ сумкѣ?—слѣдуетъ затѣмъ приватный вопросъ. Объясняю.
- А шоколада, пороха, спирта, табаку и соли нѣтъ? По-

Унтеръ съ нашивками перерываетъ бълье. Изъ бокового отдъленія сумки выволакивается на свътъ Божій дорожная фляжка съ кръпкимъ виномъ, унтеръ отвинчиваетъ пробку и нюхаетъ, глубокомысленно поджавъ губы.

- Маконъ! ръшаеть онъ безаппедяціонно тономъ знатока, значительно поднявъ брови.
- Я думаль, что послѣ двухъ опросовъ теперь со всякими заставами дѣло кончилось; но не туть-то было. Черезъ часъ прохожу большую деревню Gignod Вдругъ изъ окна дома, надъ которымъ красуется щитъ съ гербами, выглянула усатая голова, крикнула что-то въ глубъ комнаты и изчезла. Черезъ секунду на порогъ выскакиваетъ солдатикъ и ласково кричитъ мнѣ:
- Aspetti un momento. Меня встръчаеть господинъ, при видъ котораго вспоминаю слова Сквозника-Дмухановскаго о «проклятой гарнизъ», которая сверхъ рубашки накинеть мундиръ, а снизу ничего нътъ. Господинъ по случаю жары (чъмъ дальше спускался я, тъмъ солнце припекало сильнъе) сидълъ лишь въ одномъ бълъъ и поспъшно накинулъ мундиръ въ

жидъ фрака, съ какими-то серебряными ленточками, вышитыми на фалдочкахъ. Въ подобные мундиры въ опереткъ наряжаютъ всегда адмирала швейцарскаго флота.

— Вашъ паспорть и ваши деньги.

— Я всего лишь два часа въ Италіи, а между темъ у меня уже три раза спросили паспорть, да на придачу предлагають показать деньги, совсёмъ, какъ бродяге,—говорю я, конопатя пробелы въ итальянской речи французскими словами, которыя стараюсь объитальянизировать. Въ ответь я слышу столь зна-комую фразу:

— Le fo mille e mille scuse. Ci non dipende da me! Синь-

оръ, понятно, знаетъ, что случилось.

Я иду теперь мъстами, гдъ нъсколько недъль тому назадълилась кровь. Безпрерывныя приглашенія въ кордегардію и опросы. «Dove va?»—надовли и я ръшаю покончить съ хожденіемъ пъшкомъ,—не смотря на всю прелесть его,—въ первомъ же городъ, гдъ есть желъзная дорога, т. е. въ Аостъ, до которой всего четыре часа ходьбы.

Ниже и ниже спускаюсь я въ долину. Все богаче и богаче становится природа. На полдень оть большой дороги зазывилось глубокое ущелье, на див котораго прыгаеть съ грознымъ ревомъ потокъ, какъ будто желаетъ разорвать сковавшую его берега цёнь скаль. На крутыхъ холмахъ, тамъ и сямъ видны мрачныя развалины башень. Это все остатки замковъ графовъ Шалланъ, когда-то державшихъ въ ужаст всю округу. Какъ логовища хищныхъ зверей, стояли ихъ замки на провзжихъ дорогахъ. Какія ужасныя легенды связаны съ этими развалинами! Воть въ той башив графъ Гуго Шалланъ замуравиль свою жену; въ другой башив Умберто Шалланъ повъсиль за ребро странствующаго пвида, пропвишаго грозному феодалу про страданія вассаловь. Къ тому обрыву одинъ изъ графовъ гналъ псами тъхъ вассаловь, которые отказывались признавать право властелина на честь новобрачной... Ни одного свътлаго воспоминанія не оставили эти страшные феодалы... По объимъ сторонамъ дороги идуть виноградники. Кажая масса векового труда целыхъ поколеній видна на каждомъ шагу! Ствны, предназначенныя скрвпить гору и предупредить ополени - кажутся работой циклоповъ. Воздёланъ каждый клочевъ земли. Й вижу мужика, ползущаго съ ворзиной навоза на плечахъ на почти отвъсную скалу, на вершинъ которой, на пространствъ величиной съ полъ-маленькой комнаты, -- нъсколько виноградныхъ лозъ, обнесенныхъ ствной изъ булыжника. Всюду я прохожу мино муживовь, бабъ и дётей, копавощихся, не разгибая спины, въ виноградникахъ. Какъ тяжело видеть богатую природу, чудные виноградники, «буйные» жавба, колосья которыхъ отъ ввтерка звучать исталлическимъ

шелестомъ и среди всего этого видъть народъ оборванный, нищихъ, босыхъ, въ лохмотьяхъ, не смотря на поразительное трудолюбіе!

— Тра-та-та! Вдругъ раздался трескъ и рокотъ барабановъ. Проходятъ солдаты въ бълыхъ киверахъ, подоткнувъ полы шинелей; размахивая въ ладъ окованными палками. Впереди, лихо закругивъ усики, гордо шагаютъ офицеры, сверкая болтающимися саблями.

Всв внають, что бремя налоговь, лежащихъ на итальянскомъ народъ, очень велико; но далеко не всъ подозръваютъ даже истинные размёры тяготы. Въ нёкоторыхъ округахъ, напр., всякая лира дохода съ вемледелія отдается сейчась же сборщику податей. Въ Пьемонтъ, по которому я прохожу теперь, въ широкихъ размерахъ практикуются изгнанія съ земельныхъ участковъ. Въ 1892 г. въ одномъ лишь округь Домо д'Оссола было 2000 подобныхъ изгнаній. До чего велика бъдность, видно изъ того, что въ нъкоторыхъ случаяхъ крестьянъ изгоняли потому, что они не могли заплатить недоимку въ деп лиры (Revue de Paris, май, 1898 г.). Чтобы собрать двъ тысячи лирь податей вы округь Киволо, казначейство затратило три тысячи лиръ. Золотая монета почти исчезла изъ обращенія, бумажныя лиры страшно обезцівнены. Вмісто наличныхъ денегъ, въ деревняхъ идугь участки земли. По свовамъ современнаго изследователя Италіи Mabileau, жатва большею частью продается на корню, а крестьянину не приходится даже пользоваться ею. Тоть же изследователь говорить о техъ страшныхъ размерахъ, которыхъ достигаетъ въ Италіи ростовшичество: факть вполн' понятный въ стран', где дешеваго вредита нътъ. Рабочіе и мужики беруть взаймы у своихъ ховяевъ и вемлевладъльцевъ по 120 и даже по 150%, не считая «благодарности» въ виде безплатнаго труда. Въ конце концовъ, цълыя семейства становятся рабами, а долгъ растетъ и передается по наследству оть одного поволенія въ другому. По словамъ Феррариса, вся Италія заложена. Въ парламенть несколько разъ заявлялось, что лишь одно можеть спасти страну отъ страшной катастрофы: признаніе правительствомъ всёхъ закладныхъ не действительными.

Поля по объимъ сторонамъ дороги становятся все болье и болье роскошными. Все чаще мелькають на нихъ скорчившіяся фигуры, двигающія киркой, не разгибая спины. Привыкнувъуже къ англійской «country» съ работницами въ шляпкахъ и съ работниками въ глаженныхъ сорочкахъ, — мнъ страннымъ кажется встрвчать теперь босыхъ бабъ, повязанныхъ платками, да мужиковъ въ самодъльныхъ соломенныхъ шляпахъ. Какъмного знакомаго и въ ландшафтъ, и въ этой шири! Волы, запряженные въ телъту парой, сонно и мърно выступаютъ по пыль-

ной дорогь. Воть и вербы, склонившіяся надъ ручьемъ, какъ будто желають обмыть свои пепельно-веленыя кудри, въ которыя ветерь набиль пыль. Совсемь знакомая картина! Далекая родина внезапно воскресаеть въ памяти. Кажется, воть выглянуть изъ ва ряда стройныхъ тополей былыя хатки поль соломенными крышами, а на угоръ покажется дъвушка, возврашающаяся оть криницы съ полными ведрами, покрытыми ломухомъ. Но нътъ. За тополями показывается въ глубокой понинъ рядъ старинныхъ домовъ, обнесенныхъ кое гдъ полуразванившейся крипостной стиной. Это Аоста. Опять звуки барабановъ. Это патруль. Тамъ и сямъ по объимъ сторонамъ улицъ книжныя лавки, «соціальные клубы», судя по выв'вскамь; но двери всюду заперты наглухо, а на нихъ — лаконическое •объявленіе: «закрыты по распоряженію правительства»... Въ гостиниць, гдь останавливаюсь, мив говорять, что и въ Аость есть старинная башня Bramafam, въ которой одинъ изъ графовъ Шалланъ заморилъ кого-то голодомъ, и берутся даже свести туда, но я насмотрелся достаточно, пока спускался вонъ съ той вершины, которая теперь вся ушла въ облака. И мив кажется, то, что я видълъ на вершинъ, находится за предълами действительности; что все это призрачно, какъ те облака, что прижанись въ скаламъ С. Бернара...

Діонео.

Когда опустивъ малодушныя руки, Я съ болью въ душе помышляю о томъ. Что жизнь оборвется—и всё мои муки Потонуть безследно въ забвеньи немомъ,---Страдалица скромная! образь твой чистый Вдали мив сіясть укоромъ живымъ: Безъ жалобъ идешь ты дорогой тернистой. Награды не требуя мукамъ своимъ. Награды? Но ты удивиться готова; За что? Развъ сердие справлялось съ пъной? Безъ сладости жертвы, безъ счастья чужого Ты вкуса не видела въ жизни самой-Той жизни, что счета не внаеть изменамъ. Волненьямъ корысти, уколамъ обидъ, И трауромъ насъ облекаеть безсменнымъ И сердце отравою влобы поить! Всю душу отдавши другимъ, ты забыла, ...атыб оюмибои и вилом оти, коо. П. О, гдё же ты мужество жить находила? Гдв черпала силы, чтобъ грвть и светить? Ты свётишь-и такъ колебанья постылны! Такъ хочется бодрымъ пребыть до конца! Что властное, гордое вло, если видны Во мракѣ подобныя ввѣзды-сердца? Безвестная міру, стезею суровой Идешь ты, и долга сознанье-твой щить. Но вижу: вёнокъ твой колючій терновый Светлей діадемы алманной горить!

Народно-хозяйственные наброски.

Средняя семья въ Воронежской губернін.

«Сводный сборнивъ» О. А. Щербины по Воронежской губернін по пріемамъ работы и по содержанію сильно отличается отъ тверской сводки г. Вихинева, о которой мы беседовани съ читателемъ. Этотъ громадный томъ-свыше 1000 стр.-дълется на три неравные части, Первая (300 стр.) представияеть описавіе способовъ производства подворной переписи въ Воронежской губернін; третья (болье 600 стр.) состоять изъ таблиць и дешь около 100 стр. посвящены переработив добытаго матеріала н то-только по одному вопросу: по анализу средней семьн. кимъ образомъ, прежде всего это-же изследование по экономикъ Воронежской губернін, подобное изслідованію г. Виханева крестьянокаго хозяйства Тверской губ. Для того, чтобы громадный, роокомный матеріаль, собранный г. Щербиной и его товарищами, сталь достояніемъ русской науки и мысли и для того, чтобы онь могь служить практическимь земскимь целямь, онь еще нуждается въ большой монографической обработки по той системи и тами прибливительно пріемами, какіе употреблены были для обработки матеріаловь по крестьянскому козяйству Тверской губернів. Есля этого не будеть одвижно, драгоцівнеме результаты огромнаго труда вороножених статистиковъ погибнуть для нашей народис-ховийственной интературы. Если этого не будеть сделано теперь, если монографическая ихъ переработка будеть отножена на ивсколько леть-за выводами ихъ сводки, оделанной г. Шербиною останется дешь одинь историческій интересь. Чтобы ихь использовать теперь же, необходимо дать научную обработку воронежской сводки возможно скорве и твиъ достойно завершить пользующися заслуженной жевыстностью вемско-статистическія работы вы этой губернін. А это было бы темъ необходемее, что наследование ся представляеть особый нетересь по разнообразію этнографическаго и хозяйственнаго востава ся населенія.

Первая часть «Сборника», какъ упомянуто, даеть подробное описаніе техники производства подворной переписи. Здёсь мы нажодниъ и «способы и пріемы полученія свёдёній при переписих»,

н «отношеніе крестьянь къ переписань», и «роль статистиковь въ дъл подворныхъ переписей», и «разработку натеріаловъ и по-строеніе таблицъ». Все это очень интересно и очень подробно разсказано. Но написанъ весь этотъ отдель, конечно, только для спеціалистовъ, для которыхъ, колечно, весьма полезно узнать, какъ велись работы подъ руководствомъ такого знатока дела, какъ Ө. А. Шербина. Прочей читающей публика вой эти 300 стр. едва ле можно одольть, по ихъ совершенно профессіональному содер-MARID. A COME TAKE, TO OTHERE STOTE, RAKE RAMOTCH, MOPE ON OHTE сокращенъ. Въ немъ бросается въ глава немало такихъ подробноотей, ксторыя составляють амбуку дела для каждаго статистика. Къ такимъ мы относимъ, напр., весь параграфъ объ образовательномъ ценяв изследователей. Кому же, въ самомъ деле, все это нонвийство и зачимъ говорить о необходимости для нихъ знакомотва съ четырьмя правилами арвеметики (стр. 192)! Или-нужно не употреблять место времени и маста для доказательства при помоще особыхъ таблечевъ того злементарнаго положения, что «практика временных» регистраторовъ далеко не отличалась такой продолжетельностью, какъ у статистиковъ постоянемиз» (стр. 207)! Это, конечно, мелочи, но вхъ наберется немало и въ общемъ, повторяемъ, отдъвъ первый можно бы значительно посократить, оть чего онъ заметно вынградь бы. — Но есть въ немъ и сообщенія, вивощія неманий общій витересь. Много таких вотрічается въ главе объ отношение населения въ переписи, где замечени некоторыя весьма ценныя бытовыя черты, обусловивающія удачу иле неудачу труда статистиковъ, когда они приходять въ непосредственное соприкосновение съ опрашиваемыми крестьянами. Характерны, между прочемъ, случан, когда «саме статестики превловялись, такъ сказать, передъ крестьянской д бросовъстностью. Воть-врестьяникь, оделавшій 20 версть, побывавшій въ двухь деревняхъ прежде, чвиъ нашелъ статистика, котораго и просиль внести въ карточку пропущенную при переписи корову. Вотъ другой, праводящій на сходъ старика-священника для засвидітельствованія, что у него въ день переписи рідился сынъ Никата. Вотъ старушка крестьянка, бъгущая за несколько версть въ волость узнать Записали ли статистики ся «курочекъ», которыхъ, въ конце концовъ, всетаки не записали. Вотъ 60-ти летній дьяконъ, нагоняющій статистиковъ 18 верстъ верхомъ, чтобы с общить виъ о пропускъ у него трехавтней телки; «случан, когда крестьяне прівожали въ другія селевія съ цёлью исправленія количества скота, повторялись въ правтикъ переписей буквально сотив разъ» (153). Вообще, «отношеніе крестьянь къ переписи характеризуются двумя выдающимся чертами: оъ одной оторсны, добросовъстнымъ участіемъ въ дъл, а съ другой-несомивнимъ уваженимъ въ авторитету скіда, какъ вонгролерующаго органа крестьянской общественной жизни-условія, одинаково способствовавшія полученію добровачеотвенных отатнотических данных». «Разъ рёчь заходила объокономических признаках того или другого единичнаго хозяйства, оходу нерезонно было допускать, чтобы значеніе хозяйства богача было умалено на ряду съ хозяйствомъ крестьяння середняка и тёмъболъе—бёдняка. Примёры явной недобросов'ю тности въ этомъ отношенія были вообще рёдки, исключительны. Въ худшихъ случаяхъ крестьяният не опособенъ не отвётить на вопросъ, если онъ поотавленъ ему пряно, категорически, а изъ такихъ вопросовъ состояль вся перепись. Въ большинств'я же остальныхъ случаевъкрестьяне серьезно заботнянсь лишь о томъ, чтобы прицоминтъ, не забить тъхъ или другихъ обстоятельствъ изъ ихъ хозяйственной жизин, и въ этомъ имъ помогали сосёди, пріятели, оходъ, общество» (стр. 185—186).

Мы не будемъ останавливаться на отделе таблицъ. Имя О. А. Щербина достаточно ручается за то, что онъ составленъ съ большой детальностью. Каждая изъ 44 таблицъ ждетъ работника, который произвелъ бы надъ ней вой нужных статистическім манипуницін и сдёлаль вой возможные выводы—громадное и благодариййшее поле для работы. Особенное вниманіе обращають на себи три комбинаціонныя таблицы съ группировкой дворовъ по хозяйственнымъ признакамъ. Отмётниъ заслуживающее подражанія нововведеніе—къ этому отдёлу приложено семь образцівъ переписоныхъ карточекъ.

Остановимся на анализъ средней семьи, подробно и тщательно разраб танной въ «Сборенка». «Семейный составъ представляетъ собой тоть центральный пункть въ ковяйстви, около котораго концентрируются вов ховяйственные признаки». Въ Воронежской губ. онъ отинчается большимъ разнообразіемъ — начиная от одиночекъ и мелкать хозяйствъ въ 2, 3 и 4 души, до семействъ явъ 20, 30,40 и даже более душть (309). Въ среднемъ по губерния приходится менье 7 душъ на семью (687 на 100 семействъ), причемъ поувядемя колебанія этой средней велечины (оть 777 въ Нижнедавицкомъ до 659 въ Вогучарскомъ, т. е. а 17,9°/.) значительно больше, чемъ колебанія ся по разрядамъ крестьянь (у бывш. государственных 699, у собственниковь 659, у нарственниковь 632). Причины, оказывающія въ данномъ случав вліяніе, очень оложен; сюда относятся, съ одной стороны, національныя в бытовыя условія, а съ другой—народно-хозяйственныя. «При самомъ поверхностномъ сопоставления данныхъ о средней семья оъ другими даненими подворемиъ переписей мегко подивтить ту и другую зависимость между тами и другими»: съ одной сторовы-группа увадовъ (Нижнедванцкій, Коротоякскій, Землинскій), характеризующаяся напбольшей средней семьей, населена преннущественно велякороссами, а группа увздовъ (Острогожскій, Валуйскій, Вогучарскій), отличающаяся наименьшей средней семьею. наобороть, населена главнымъ образомъ малороссами. Съ другой стороны, канбольшій составь семьи у бывш. государотвенных врестьяє совпадаеть съ нанбольшимъ ихъ среднить земельнымъ обевпеченіемъ (13,39 дес. на семью), второе місто по обоимъ признакамъ занимають собственники (6,63 дес.), а посліднее—дарственимки (2,37 дес.). Т. е. чімъ богаче врестьяне землей, тімъ больше
у нихъ средній составь семьи, и наобороть. Аналогичная реакція
получается и при сопоставленіяхъ по другому хозяйственному признаку—по скоту (въ Коротоякскомъ уізді у бывш. государственныхъ
при 5,3 гол. скота на семью средній ся составь 7,29 душъ, а у
дарственниковъ при 6,7 гол.—8,35; въ Вирюченскомъ уізді у первыхъ 3,2 гол. и 6,83 душъ, а у вторыхъ—4,0 гол. и 7,08 душъ).
Очевидно, въ ряду народно-хозяйственныхъ факторовъ разміръ
средней семьи можеть опреділяться не какимъ дибо одиниъ, авзанмодійствіемъ нісколькихъ признаковъ (810—13).

Во времени замічается дробленіе семьн: на 100 семействъ приходится у бывш. государственныхъ населенія ревизскаго 1037, а нашинаго—699; у бывш. поміщичьня перваго—772, второго—653. Это явленіе находится въ связи съ семейными разділами—больше половины семействъ (55,9%) разділилось въ послідніе 20 літь, причемъ поубідныя колебанія этой цефры устанавливають, что «процессь измельчанім крестьянской семьи начался позже у великороссовъ, иміющихъ и теперь еще большую семью, чіть у малороссовъ, и раньше у этихъ посліднихъ» (315—17). Приходится пожаліть, что этоть нитересный вопрось о семейныхъ разділахъне разработанъ у О. А. Щербины нісколько подробнів. Было бы весьма полезно пролить світь на то обстоятельство, поскольку эти національным различія стушевываются передъ вліяніємъ другихъ— народно-хозяйственныхъ факторовъ, дійствующихъ въ одномъ направленія на обі народности—словомъ, научить разміръ вліянія на данное явленіе той и другой серін факторовъ.

Детализируя приведенныя данныя, авторъ делаетъ сопоставленія разміровь средней семьи у различныхь общественныхь группъ населенія. Прежде всего, семья оказывается гораздо крупиве у наличнаго крестьянскаго населенія (687 на 100 сем.), чёмъ у сторонняго (войхъ сосмовій) (483 на 100 сем.) и у отсутотвующаго (419). Изъ этого уже можно видеть, что у крестьянъ семья по составу вначительно болье, чемъ у всехъ другихъ представителей деревни. И въ самомъ дъл дальнъйнія группировки показывають, что «средняя семья мельчаеть по мёр'й того, какъ извёствая группа населенія дальше, такъ сказать, отодвигается отъ крестьянъ или больше терметь связей съ ними». На первомъ месте по дамному признаку стоять три названные выше разряда крестьянь (699-632 души на 100 семействъ), за ними следують быв. дворовые (558) и сторонніе крестьяне (473), далёе—мёщане (469), привилегированныя сосмовія (443) и, наконець, отоутствующее населеніе (вив увада 432 и въ предвлахъ увада 336). Понятно, почему дво-

ровно-эти «обойденные закономъ и затить совоймъ забытые креотьяне»-по составу семьи стоять ближе всёхъ въ коренному врестьянскому населенію. Стармя врестьянскія связи и нікоторое тяготъніе въ земяв (выражающееся въ арендованія земель) пока продолжають видимо оказываться въ семейномъ состава той части двороваго населенія, которая не порвала окончательно интей съ родимми издрами и деревней». —Значительно мельче семьи у отороннихъ селу крестыянь, изщань и привелегированных сосмовій. Хозяйотвенный быть этихъ группъ существенно отинчается отъ предыдущихъ. Это-люди, живущіе жалованіемъ, большимъ по размърамъ, чемъ заработовъ рядового крестьянина, торговци, промышленмики, крупные арендаторы, кабатчики и пр. и—бъдники «оъ навнонностями и привычвами городского пролегаріата». Словомъ, это это та часть семейнаго населенія, которая «и по условіямъ жизии, н по превичкамъ и наклонноотямъ больше тяготесть къ занятіямъ, существенно отличнымъ отъ искомныхъ занятій крестьянина земледвиьца». У этихъ – в семья меньше и большая бливость среднихъ величинъ для вовхъ трехъ группъ. Наконецъ, две последнія группы (отсутствующіе вий уйзда и въ преділахъ уйзда) состоять назь инцъ, порвавшихъ связи съ родной деревней. Одни назъ нихъ ооставляють такое же «стороннее» население въ другихъ селахъ, какъ и предыдущіе, находящіеся въ «полупривилегарованномъ» положение въ деревив, иногда въ городъ; другіе-бъдняки, потерявшіе связи съ землей и земледільческой жизнью. Отходъ навладиваеть, однако, на тахъ и другихъ одниаковый отпечатокъ въ томъ симсив, что семья ихъ достигаеть своего минимума по размърамъ. Волье или менье кочевой образъ жизии способствуетъ, повидимому, весьма сильно выдъленію новыхъ семей (стр. 318-22).

Въ крестьянскихъ семействъ г. Щербина останавливается прежде всего на «аномальных» ховяйствах» бобылей и одиночекъ. Она не представляють собой семей въ обычномъ смысле. «Это оторванные оть семьи члены, живущіе, однако, какъ самостоятельныя ховяйственныя единицы». Число ихъ гораздо меньше среди мъстнаго прицисного населенія (1,34%), чемь среди сторожняго (дворовыхъ, стороннихъ крестьянъ и ивщанъ — 5,30%). Первая цифра, въ свою очередь, подвергается весьма крупнымъ колебаніямъ въ зависимости отъ отепени земельнаго обезпечения креотьянъ: у безвемельных бобыли и одиночки составляють болбе 1/4 части всего числа ихъ семействъ (17,4%), у имъющихъ до 5 дес. на дворъ — 2,1%, у тыхь, воторые владыють 5—15 дес.—менье 1/.% (0,42%), у нивощихъ 15-25 дес.-менве 0,1% (0,07%), а у наиболве соотоятельных (овыше 25 дес.) — всего 0,02%. Такимъ образомъ, ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ЧИСЛО ИХЪ ЗНАЧИТЕЛЬНО ТОЛЬКО У Сезземельныхъ; ОНО еще замътно у самыхъ малоземельныхъ, но составляеть нечтожную величниу у средняхъ и высшей группъ. Характерно, что среди Одиночекъ женщины составляють весьма крупную часть — почти половину (48,2%). Особенно часто онъ встръчаются въ группъ безвенельныхъ: тамъ онъ составляють болъе ²/₄ (77,3%) всего числа. бобылей. «Это — такъ называемыя черинчки или въкоущи, особый классъ женщенъ, не мирящихся съ тяжелою крестьянскою обставовскою и предпочитающихъ супружеству и семь одиночное существованіе». Онъ носять отличную отъ крестьянской одежду, наче устранвають свою домашнюю жизнь, избъгають по возисжности тяжелаго крестьянскаго труда и обставляють себя иногда лучшими матеріальными условіями. Но участь женщинъ-бобылокъ «безродныхъ», какъ и мужчинъ бобылей, болье тяжела; среди нихъ встръчается и много бездомовыхъ; однако, бобылокъ не черинчекъ среди одиночекъ немнюго (322—26).

Далію, составъ средней сеньи увеличивается въ зависимости отъулучшенія соотношенія между важивійшими хозяйственными факторами — землей, рабочние силами и рабочимъ скотомъ. Такъ, въ-«упалыхъ» хозяйствахъ Нижедівнцкаго и Коротоякскаго увздовъприходится:

На 1 семью душъ-

1) Везъ земян, безъ работника и безъ рабочаго	
OKOTA	1,79
2) Безъ земли, безъ работника; но съ 1 рабо-	
чей лошадыю	2,75
3) Везъ земян, безъ рабочаго скота, но съ 1	
работникомъ	3,61
4) Везъ земли, но съ 1 работникомъ и 1 рабо-	
TODO ROMBADO	3,94
••	•

Т. е. «средняя семья упалых хозяйств» тёмъ выше, чёмъ большеоказывается на янцо положительных хозяйственных факторовъ и, наобороть—оно тёмъ виже по составу, чёмъ меньше въ наличшости этих послёдних» (329).

На сснованін всего сказаннаго уже должно предположить, чтоматеріальная обезпеченность двора играеть крупную роль въ определеніи разм'ёровъ средней семьи. Мы уже видѣли что на это явленіе оказываеть вліяніе распределеніе крестьянь перазрядамъ, обусловинвающее разное ихъ земельное обезпеченіе. Кще разче выясняется значение посявленго при болье мелкой наиминой групперовки: у безземельных в средній составы семьн—346 душъ на 100 дворовъ, у следующехъ надельныхъ группъ (до 5 дес... 5-15, 15-25) - 505, 650, 891 и у наиболее многоземельныхъ (болье 25 дес.)—1263. Въ последней группъ средняя семъя окавывается въ 31/2 раза больше, чемъ въ первой, и въ 21/2 раза. больше, чёмъ во второй; или-каждыя 31/2 безземельныя семьи и 21/, малоземельныя составять только одку семью многоземельную. Интересно, что увеличенію надыв въ каждой изъ упомянутыхъ группъ на одно и то же количество (5) десятинъ соответствуетъ ж почти одинаковый коэффиціонть расширенія разийровь средней семьи: пифра первой группы относится къ цифра второй, какъ 1:1,5, второй въ третьей, какъ 1:1,3. Третья въ четвертой, какъ 1:1,4. Т. е. «замъчаются если не совершенно тождественныя, то во всякомъ случав очень правильныя однообразныя цифровыя отношенія». То же наблюдается и при повідныхъ сопоставленіяхъ (333 — 34). Нельзя не пожальть, что г. Щербина не дополных этих разочетовъ надъльными группировками по количеству земин не на дворъ, а на вдока-результать быль бы еще болве убъдательнымъ. Въ томъ видь, какой они имъють въ «Сборникъ», приведенныя сопоставленія могуть внушить неправильное предположеніе, что разивры надвивнаго обезпеченія при всяких разиврахъ семьи остаются приблизительно одинаковыми на вдока. Неосновательность этого предположенія мегко зам'ятить, произведя прим'ярный подсчеть соответственных цефрь даже приведенной таблички. Но всетаки такой подсчеть еще надо произвести, а безъ него ивсколько умаляется убёдительность важнаго вывода, къ которому привели автора цефры.

Совершенно аналогично вліяніе колебаній и других козяйственныхъ привнаковъ на средніе разивры семьи. Эти разивры увеличиваются съ ростомъ числя работниковъ въ хозяйстви (по двумъ увздамъ: безъ работника — на 100 семействъ 340, съ 1 работникомъ — 552, съ 2-ия — 801, съ треня и боле — 1228), рабочаю скота (по пяти убядамъ: безъ рабочаго скота — 450, съ 1 лош. мин 1 пар. вол.—592, съ 2—3 лопі. нин паръ вол.—837, съ 4 м бол. лошад. иле параме воловъ-1296) и вообще крупнаю скота (по 8 увздамъ: въ селеніякъ, вивющихъ на 1 хозяйство 1-2 год.-574, 2-5 rox.-663, 5-10 rox.-749, forthe 10 rox. 929). II BY этомъ случай увеличение средней семьи въ каждой последующей группъ по сравнению съ предмаущей совершается съ больщой последовательностью (по числу рабочихъ 1:1,5 или къ 1,6, по рабочему скоту-1:1,3-1,5 (стр. 896-8). Такимъ образомъ, уведичение каждаго изъ главныхъ факторовъ врестьянскаго хозяйства въ результате влінеть въ смысле роста размеровъ средней семьи. «Малый размёръ семьи обусловинвается не только безземеліемъ ние наложенскість, но и темъ обстоятельствомъ, что безменьная нин малозомольная группы хозяйствь закимчають въ себв, сверхъ того, большой проценть ховийствъ безъ работника или съ однимъ работнекомъ, которыя къ тому же и лешены рабочаго скота, а высокій разивръ средней семьи, наобороть, обусловливается инымъ составомъ ховяйствъ, имеющих при достаточномъ земельномъ обевпеченін достаточное количество наличныхь работниковь и рабочаго скота». Это положение подтверждается цифровыми сопоставлениями. не оставляющими сомейнія въ его справединности, въ результать которыхъ оказывается, что составъ средней семьи предотавияеть собой «какъ бы равнодъйствующую всёхъ видовъ ховяйствъ, какіе входять въ извістную группу по тому или другому преобладающему признаку». Чімъ въ группі болію уцалихъ, слабосильныхъ хозийствъ, тімъ средніе разміры семьи въ ней меньше и наобороть (340—41).

Такія же колебанія равивровь средней семьи обнаруживаются и при групперовке по другимъ признакамъ. У бездомовниъ на 100 семействъ 376 душъ, а у нивющихъ дона — 698. Въ козяйотвахъ, нанимающихъ батраковъ на оторону, 658, въ ховяйотвахъ безъ найма въ батраки и не нанимающихъ батраковъ-682, а въ ховяйствахъ съ батраками—855 (стр. 342). Вездомовыя и отпускающія на сторону батраковъ семьи, т. е. б'йднания нанимающия батраковъ. больше. Слабве реакція тыхь же количествь по признаку занятій промыслами-размеръ семействъ, не занимающихся инвакими промыслами, занимающихся сельско-хозяйственными промыслами и смёшанными, почти одинавовъ (719-731); но даже и въ этомъ случав на 100 наиболее самостоятельных ховяйствъ, занимающихся торговопромышленными промыслами преходется гораздо больше-1108 душъ (стр. 343). Савдовательно, колебанія интересующихъ насъ величинъ зависить отъ размеровъ матеріальнаго обезпеченія двора; «центръ тяжести находится въ различномъ удовлетвореніи потребностей личности, семьи и хозяйства, поскольку зависить это удовлетвореніе отъ экономической силы хозяйствъ > (стр. 344).

Г. Щербина указываеть, далее, на установившееся мевніе, что на работники держится все благостояние крестьянской семьн. Развивая его далье, авторъ указываеть на то, что и организація врестьянскаго хозяйства огрого приспоблена къ чиску работниковъ (въ громадномъ большенствъ дворовъ оказывается столько же рабочих ношалей и отолько же сохъ, сколько работинковъ); а это наводить на мысль, что и «внутрений строй крестьянской семьи также обусловинвается отношениемъ работника нъ остальнымъ ея членамъ». Т. е., что семейный составъ долженъ находиться въ взвестномъ количественномъ отношения къ числу наличныхъ, работниковъ. Такое предположение въ дъйствительности и подтверждается. По увадамъ Воронежской губ., на 1 работника приходится въ семъв душъ обоего пола весьма мало изменяющееся количество-3,18 -3,45; колебанія его очень невелики. И дале, тамъ, где средням семья крупиве (овверные увзды — 7,01 душъ), приходится больше душъ на 1 работивка (1,62) и, наоборотъ (пожные увады-6,46 душ. н 1.59), «оъ измъненіями патріархальной крестьянской семьи мъняется, очевидно, и составъ ся въ двухъ отношенияхъ: и сама по себь она мельчаеть, уменьшается и вижоть съ тымь уменьшается ческо вицъ, причитающихся на 1 работника. Измъненія общихъ жезновных условій ведуть къ нам'яновіямъ въ сомь'я прежде всего често количественнымъ, и маная семья, какъ бы въ противоположность большой, старой, патріархальной семьй, служить признанжомъ прежде всего хозяйственныхъ измѣненій». Въ подтвержденіе сопоставляются среднія числа душъ обоего пола на работника у крестьянь съ такими же числами у «сторонняго» деревенскаго населенія, изъ чего оказывается, что у послёдняго они меньше, чѣмъ у первыхъ (среднее у крестьянъ—3,28, у дворовыхъ—3,05, у сторонняхъ крестьянь—3,09, у мѣщанъ—2,97). Но средняя крестьянская семья сокращается и какъ бы стремится догонять этихъ послёдняхъ: «на ряду съ крестьянами - земледѣльцами начинаетъ, образовываться классъ хозяевъ-ремесленинковъ, промышленинковъ торговцевъ и представителей одного лишь труда,—и вотъ данныя о хозяйствахъ этихъ типовъ вліяютъ понижающимъ образомъ на средній составъ крестьянской семь» (345—348).

Развивая далье высказанное положеніе, авторъ останавливается на анализь элементовъ той части семьи, которая группируется вокругъ вероскаго работника, каченая съ возрастнаго ся состава. Особая табличка показываеть, что число детей возрастаеть висств съ земельныть обезпечениеть (до 6 леть у безвемельныхъ-15,41%, а у имъющихъ свыше 25 дес.—22,63%; 7—13 лътъ — у первыхъ 13,86%, у вторыхъ-16,29%; объ группы вивоть у первыхъ- $29.57^{\circ}/_{\circ}$, y вторыхъ 38.92%, т. е больше почти на $10^{\circ}/_{\circ}$), и изъ другой вытекаеть, что чемь ва большемь количестве дети входять въ навъстную группу семействъ, тъмъ больше приходится на 1 работника и вдоковъ. Следовательно, въ большихъ земледельческих сомьяхь («приближающихся по своему типу въ старымъ патріархальнымъ семьямъ») дётей больше, а въ маныхъ-меньше (350 — 352). Большее обезпечение землей опособствуеть увеличенію числа дітей, а меньшее-его сокращенію. Тенденція къ сокращению среднихъ разм'вровъ сомьи должна поэтому отражаться на уменьшение детскаго населения. Отъ какихъ же причинъ можетъ происходить такое явленіе? Этоть вопрось приводить къ необходимости повнакомиться съ цифрами смертности. Соответотвенныя сопоставленія указывають на то, что проценть омертности населенія падаеть съ увеличеніемъ разміровь средней семья и количества вдоковь на 1 работника (въ 3 увздахъ съ уведиченіемъ средняго наділа отъ $< 5\,$ дес. до $> 25\,$ дес. средняя семья ростеть съ 4,55 душъ на 14,18, а % умершихъ падаеть съ 3,32 на 2,39; въ 6 увядахъ перван увеничивается съ 5,17 на 12,03, а второй уменьшается съ 3,50 на 2,62). «Цифры съ поразительной правильностью указывають на зависимость размера семьи отъ % смертности». Изучая, даже, тв же величины по возрастамъ (для 6 увздовъ) удается замътить, что на приведенныя среднія величены влінють больше всего цифры дітской смертности. Въ группі до 1 года умирають у безземельных 21,71%, а у нивющих болве 25 дес.—только 14,93%; въ группъ 1—6 лъть—у первыхъ 7,82%, у вторыхъ — 4,71%. Едва ин сивдуеть прибавлять, что во вобхъ возрастных группахъ до 60 леть смертность первыхъ выше смертности вторыхъ и только после 60 леть отношенее это меняется въобратную сторону, такъ какъ дожите до старчества у более состоятельныхъ чаще, чемъ у бедиейшихъ. — Следовательно, малыяи мене состоятельныя семьи вымирають сильнее, что обусловиквается главнымъ образомъ более сильной детской ихъ смертностью. Въ большихъ семьяхъ процентъ последней значительно слабее, дожите до более старшаго возраста чаще и количество едоковъ, и особенно детей, на 1 работника больше (353—5).

Аналогичено выводы получаются и изъ сопоставленія данныхъ о кал'чности и бол'вненности съ среднить составомъ семьи. Помири увеличения послидней отъ безземельной группы до наиболие многозомельной съ 3,46 на 12,05 душъ, % лицъ калъчныхъ и имъюшихъ физические недостатки резко падаеть оъ 3,91 на 0,88. Характерно крупное паденіе этой велечний: чесло такихъ лецъ у безвеменьных вакь указано, почти достигаеть 4%, по двлаеть большой скачекъ даже въ минимальной земельной группи (до 5 дес. —1,78%), затвив цифры уменьшаются въ следующихв группахв гораздо межье быстро (1,78%; 1,47%; 1,15% и 0,88%). Получается, что занятіе земледіміемъ какъ бы предохраняеть населеніе оть ваявчества и пріобретенія разнихь физическихь недостатковъ и темъ больше, чемъ легче можно земледельцу обойтись безъ посторонних заработковъ. Такая закономърность наблюдается и во всехъ возрастныхъ группахъ въ отдельности и «граничить съ иатематической точностью». Ридомъ съ этимъ проценть калечества постепенно возрастаеть оть дітокаго возраста къ старческому (напр. у безземельныхъ-съ 0,52% до 8, 64%, у имеющихъ свыше 25 дес.оъ 0, 26% до 2,94% и т. п.), причемъ цифры также не даютъ не одного отклоненів. Г. Щербина правильно изъ этого выводить. что калечество, какъ и смертность, возрастаеть, во первыхъ, въ зависимости отъ размеровъ семьи и земельнаго обезпечения и, во вторыхъ, паражиельно тому, какъ ребенокъ, переходя въ врадый возрасть, подвергается все больше твиз условіямь, которыми вызывается калечность въ крестьянской жизен и обстановей, и это тамъ более, чемъ козяйство беднее земией, т. с. опять таки рядомъ оъ уменьшениемъ численнаго состава семьи. Совершение тв же отношенія замічаются и по признаку болізненности. Проценть больных понижается отъ группы безземельных (0,97%) при наименьшемъ среднемъ составъ семьи (3,46 душъ) въ группъ наиболье многоземельной (0,25%) при нанбольшемъ среднемъ соотавъ семьи (12,03 душъ); вивотв съ твиъ тв же цифры увеличиваются по возрастнымъ группамъ отъ детской къ старческой и, конечно. быстрве у меняе обезпеченных, чемь у болве состоятельных (у безвемельныхъ-съ 0,27% до 2,22%, у имбющихъ овыше 25 дес.- $0.12^{\circ}/_{\circ}$ на $0.81^{\circ}/_{\circ}$). Следовательно, «надо полагать, что и условія труда, и хозяйственная обстановка, и живненныя упобства ж восбще неравномирное удовлетворение потребностей личныхъ, семейных и хозайственных вызывають различные процесты заболеваемости, калечности и смертности у различных хозайственных группъ населенія. Объясненіе всего этого, стало быть, надо искать главнымъ образомъ въ потребательныхъ процессахъ крестьянскаго хозайства, какъ результате приложенія труда при различныхъ хозайственныхъ условіяхъ» (стр. 355 — 361). А такъ какъ вой эти намененія совершаются паралленьно уменьшенію среднихъ разміровъ семьи, вызываемому ухудшающимися хозяйственными условіями,—то тщательное изученіе вліянія, которое оказываеть это явленіе на производственные и потребительные процесом крестьянскаго хозяйства пріобрётають выдающійся народно-хозяйственный натересъ.

Въ бинжайшей связи со всемъ сказаннымъ находится и прирость населенія, наміняющійся въ томь же направленія. Въ 6 уквдахъ у безземельныхъ ежегодиме его размъры весьма скромны-0,62%, у вивющихъ до 5 дес.—1,68%, у вивющихъ 5—15 дес.— 2,06%, у вибющих 15-25 дес.-2,44%, а въ многоземельной группъ свише 25 дес.—2,95°/0 (отр. 392). Гдв больше надваъ н гдв крупиве составъ семън, тамъ жизненныя удобства ивсколько удучшаются и прирость населенія всябдствіе этого увеличивается. Это характерное оботоятельство получаеть интересную влиютрацію въ анализъ денежныхъ расходовъ крестьянской семьи Воронежской губернів. Приведемъ изъ него нісколько цінныхъ данныхъ. Средніе разверы таких расходовь на одну душу обоего пола ростить вивоте от величиной надъла (у безземельных 18 р. 42 к., у следующихъ группъ 18 р. 77 к., 18 р. 55 к., 19 р. 17 к., у нийющихъ болве 25 дес.—22 р. 79 к.) (стр. 376). Но им уже знаемъ. что вижоть съ ростомъ надъла увеличиваются и разивры средней семьн. Сладовательно, чамъ больше семья, тамъ она можеть нести большіе денежные расходы. На какой же предметь они производатся? Оказывается, что на личныя потребности денежные расходы крупные у быдныйшихъ группъ, чымъ у болые состоятельныхъ (у безземельныхъ на 1 душу об. п. 15 р. 51 к., у имъющихъ до 5 дес. на дворъ 10 р. 81 к., у следующихъ группъ 8 р. 97 к., 8 р. 33 к. и у высшей-9 р. 3 к.). Въ то же время расходы на дозлиственныя потребности, наобороть-и въ томъ же порядкъ группъ возрастають (на 1 душу об. п. у безземельныхъ-2 р. 91 к., у следующихъ группъ 7 р. 96 к., 9 р. 58 к., 10 р. 84 к. и у шивощихъ овыше 25 дес.—13 р. 66 к.) (стр. 377). Савдовательно, увеличение денежныхъ расходовъ вийсти съ возрастаниемъ семья провеходить не на покупку большаго чесла продуктовь на рынкъ ния инченто потребления, а на улучшение своего ховийства. Мы позводимъ себв, следуя г. Щербине (378), несколько детализировать это важное положение въ следующей табличка. Денежные расходы въ рубляхъ (на 1 душу об. п. по 6 увядамъ):

	Безземельн.	До 5 дес.	5—15 дес.	15—26 дес.	Бол. 25 д.
На мичныя потребности:					
На покупку хлёба	3,87	1,56	0,68	0,32	0,15
» > другой пищи	1,45	1,05	0,81	0,65	0,60
> > TAN	0,60	0,32	0,21	0,16	0,25
» одежды и обуви	3,03	3,18	2,92	2,87	8,21
 остальн. дичн. потребн. 	6,46	4,70	4,35	4,33	4,92
На хозяйственныя потребности:					
На скотъ	0,44	1,13	1,61	2,20	2,87
> инвента рь	0,15	0,49	0,64	0,72	0,91
» батраковъ	0,17	0,13	0,26	0,38	0,53
» пиятежи	0,29	1,45	2,80	3,61	4,18
> остальныя хоз. нужды	1,86	4,66	4,27	3,98	5,17

Въмаго взгияда на горизонтальные ряды таблички достаточно, чтобы замътить глубокое различе ихъ въ объихъ категоріяхъ раслодовъ. Въ то время, какъ мичные расходы сокращаются отъ первой группы (безземельной) къ послъдней (многоземельной), хозяйственные въ томъ же порядкъ возрастаютъ. Исключеній немного и они не характерны; указанная тенденція сказывается въ табличкъ съ весьма большой правильностью.

Рядомъ съ этимъ денежные доходы въ среднемъ на 1 душу об. п. измѣняются по земельнымъ группамъ весьма мало (20 р. 98 к., 20 р. 9 к., 19 р. 89 к., 20 р. 73 к. и 25 р. 92 к.) (стр. 380); они повышаются лишь въ послѣдней многоземельной группѣ. Но существуетъ значительное различіе въ источнивахъ, изъ которыхъ онѣ почерпаютъ эти доходы: безземельныя и малоземельныя группы—главнымъ образомъ отъ промысловъ (17 р. 69 к., 13 р. 30 к., 10 р. 19 к., —а у имѣющихъ 15—25 дес. 8 р. 49 к., у имѣющихъ болѣе 25 дес. — 8 р. 40 к.), а большеземельныя — отъ продажи хлѣба и скота (у безземельныхъ 1 р. 34 к., у слѣдующихъ группъ 4 р. 98 к., 7 р. 61 к., 10 р. 29 к., у высшей 15 р. 35 к.) (стр. 381).

Такимъ образомъ, средняя величина денежныхъ доходовъ семъи на 1 душу является величиной довольно постоянной и повышается сколько нибудь замътно только въ группъ, обладающей наибольшимъ надъломъ. Размъры ихъ, повидимому, диктуются вившинии условіями, окружающими крестьянское потребленіе и платежи. Если семья не можетъ получить такой суммы изъ своего надъльнаго хозяйства, то она принуждается заработать ее отъ промыслозыхъ занятій. Когда, наконецъ, эти деньги получены тамъ или другимъ путемъ, имъ дается то или иное назначеніе, сообразно опять таки наличнымъ условіямъ земледъльческаго хозяйства. Если последнее обставлено разными хозяйственными факторами слабо, или его про-

дуктивная доходность, даже по крестьянской мере, нала, то и затрать на него делается сравнетельно немного, ибо значительно большую часть дохода надо нетратить на покупку предметовь первой необходимости. Если же, наобороть, продуктивная доходность хозяйства сильнее, если оно можеть несколько больше удовлетворить первымъ потребностямъ семьи, то тратить на покупку предметовъ потребленія со стороны приходится относительно меньше и, сивдовательно-употреблять относительно больше на поддержку того же ховайства. Но мы уже имбемъ доказательства того, что этимъ путемъ происходить несколько лучшее, более полясе удовлетвореніе потребностей хозяйской семьи: и дітей въ такихъ дворакъ бываетъ больше, и меньше больныхъ, калакъ и омертныхъ случаевъ. Следовательно, более обезпеченный дворъ, обладающій этими прениуществами, носить болье потребительный карактерь. Въ то же время онъ обладаетъ и большимъ среднимъ составомъ семьи. Т. е. чемъ она врупиве, темъ меньше иметь дело съ рынвомъ, тамъ натуральные ся хозяйство и тамъ дучно обставдяется ея потребленіе. И наобороть, чамъ семья менёе обезпечена своимъ земледельческимъ хозийствомъ, темъ она мельче, темъ более она иссить промысловый характерь, темь более она покупаеть для себя продуктовъ на сторонъ (въ среднемъ на 1 душу) и такъ хуже обставлено ея потребленіс.

На этомъ можно сстановиться. Сказанное даеть уже та сущеотвенныя черты явленія, которыя представляются особенно цаннымя въ изсладованія г. Щербины.

Исходнымъ пунктомъ, какъ можно было замътить, является отепень устойчивости крестьянского земледельческого хозяйства, Его крипость или маломочность является главийшимъ факторомъ, регулерующимъ вей прочіе процессы, о которыхъ шла річь. Чімъ лучше дворъ обезпеченъ землей, рабочими и скотомъ, чъмъ онъ сильнее, темъ семья врупнее. Такая хозяйственная единица врёпче держатся за земию, меньше занимется промыслами, меньше отпусваеть батраковь на сторону; она потребляеть больше продуктовь, добытыхъ въ соботвенномъ хозяйствъ, и получаеть лучшее удовлетвореніе своихъ потребностей; всявнотвіе этого-въ ней меньше развита болевненность, меньше детская смертность и смертность вообще, большее количество лецъ доживаетъ до старшихъ возрастовъ н прирость ся происходить быстрве. Наобороть, чемъ хуже обезпеченіе двора землей, рабочими и скотомъ, чемъ онъ маломочиве, твиъ средніе размівры семьи меньше. Средн таких козяйствъ больше бобылей, одиночекъ, «упалыхъ» дворовъ; такія принуждаются больше заниматься промыслами, отпускать больше батраковь на оторону; они потребляють меньше продуктовь своего хозяйства й получають худшее удовлетвореніе своимъ потребностямъ; всявдствіе этого въ такихъ семьяхъ больше развита бользненность, смертность и въ частности-детская смертность, меньшее количество лицъ

доживаеть до старшихъ возрастовъ и прирость происходить медленные. Следовательно, вой факторы, увеличивающіе благосостояніе семьи, вкіяють въ смыслё продолженія и развитія процессовъ перваго рода и, наобороть, всё факторы, уменьшающіе ся благосостояніе, вліяють въ смыслё продолженія и развитія процессовъ второго рода. Какой же изъ этихъ случаевъ происходить въ действительности?

Средніе разміры наділовь на індока съ теченіемъ времене уменьшаются; т. е. сокращается главибёшій факторъ благосостовнія земледельческаго населенія. Вибото съ тімъ средній составь семы становится мельче. Оба эти явленія служать и причиной, и показателемъ того, что, по крайней мерй, въ Воронежской губерния должны нийть ижото процессы второго рода. Становится понятнымъ все то, что, какъ выше указано, говорить г. Щербина объ изменяющихся условіяхъ живни массы, о нарожденіи «класса довлевъ ремеслениковъ, промышленниковъ и представителей одного лишь труда» и т. п. Но мы видели, что средняя семья мельчаеть темъ более, чемъ даже та или иная группа населенія отходить оть вемли. Савдовательно, съ понежениеть суммы продуктовъ, доотавияемых среднемъ врестьянскемъ хозяйствомъ, ние, что то же, съ увеличеніемъ роли промысловъ и разныхъ не земледальческихъ занятій, она должна мельчать еще болье. Вивоть съ твиъ она должна при этомъ, какъ указано, больше отпускать на сторону батраковь, хуже удовлетворять своимъ потребностимъ; при этомъ больвиенность ед и смертность должны возрастать, а прирость сокращаться. Наконецъ, при такомъ процессе должно развиваться и выселено (у безземельных семьи выселившіяся составляють по 10 уведамъ—52.0%, въ савдующихъ надвльныхъ группахъ—18,9°/_{св} $6,4^{\circ}/_{0}$ H $3,0^{\circ}/_{0}$, a Bb Bhomef — To abko $1,8^{\circ}/_{0}$) (ctp. 399). Pesymbтать такого уменьшения состава семьи для земледельческого промнола отраны должны быть, конечно, удручающіе. Къ этому типу измельчавшаго хозяйства можеть быть болье, чемь во всякому другому, примененъ отвывъ К. Маркса о мелкихъ производитоляхь; въ нихъ развиваются трудно проодоленыя преграды развитію производства, преграды, сводащіяся въ недостатку средствъ для приложенія общественной производительной силы труда, къ тому, что «преобладающим» труд мъ ввляется трудъ не общественный, а обособленный, что, следовательно, при этомъ исключается возможность богатства и развитія, воспроизводства какъ матеріальных, такъ и духовныхъ условій, а потому также и условій раціональной культуры» *).

«Происходящія въ крестьянской семьй наміненія, говорить г. Щербина, указывающія на распаденіе старой патріархальной земледільнеской семьи, характеризуются разростаніемъ безземель-

^{*)} Капиталь, т. Ш, руссв. пер. стр. 667-72.

ныхъ и малоземельныхъ группъ врестьянскаго хозяйства, по которымъ, въ свою очередь, наименьшія семьи по составу выселяются на сторону» (404). Не мы, конечно, будемъ печаляться по поводу распаденія этой «патріархальной» семьи, въ которой, очевидно, есть немало моментовъ, побуждающихъ молодыя семьи изъ нея выдъляться. Да и сожальніемъ въ данномъ процессів можно помочь такъ же мало, какъ и законодательными ограниченіями семейныхъ разділовъ. Внутренній общественный процессъ, о которомъ ядетъ річь, какъ показываетъ анализъ г. Щербивы, обусловленъ такой массой сложныхъ и взаимно переплетающихся причинъ (изъ которыхъ авторомъ указаны даже далеко не всі), что думать о «повороть исторіи назадъ» представляется совершенно неблагодарнымъ заинтіемъ.

Но крупная семья представиям собой изв'ястную форму семейной кооперацін, поднямавшую производительность труда. Не можеть быть случайностью и неожиданностью то обстоятельство, что козяйство самыхь большихь семействь даеть возможность получать въсколько болъе крупные доходы на водока, производить большіе расходы на подока жее въ самомъ хозяйства, членамъ хозяйсвой семьи лучше питаться, меньше больть и умирать. Во всемь этомъ нельзя не видеть улучшенія качества труда, какъ результать большей общественности его, дучшаго его разділенія. Хоти основанная и на семейномъ началь, но такая группа людей представляеть собой некоторую разновидность ассоціацін, нижющей большую хозийственную жизнеспособность, чемь самая мелкая или просто брачная пара оъ малолетвами. Мы видели сейчась, что тоть типь разрушается. На то есть свои причины, переломить которыхъ нельзя. Констатируя этоть факть, нельзя, однако, не задаться вопросомъ о томъ, что же идеть ему на смену? Едва ин можно помириться на мысли, что крестьянское земледельческое хозяйство указаннымъ процессомъ ведется по прямому пути къ уменьшению производительности труда, къ ухудшенію и безъ того плохихъ условій продовольствія населенія и ко воёмъ тёмъ демографическимъ последотвіямь этихь явленій, о которыхь только что говорено выше.-Самъ г. Щербина леть 10 назадъ въ своей известной отать въ «Съверномъ Въотникъ» (прежней редакція)—«Договорная семья» указываль на интересивишія проявленія противоположной тенденцін въ крестьянствъ Воронежской губ — тенденцін къ укрупнению семьи, но уже на договорныхъ началахъ. Здёсь не мёсто приводеть сообщенныя тамъ некоторыя высоко нитересныя комбинаціи, въ которымъ прибегають домохозяева, отремящием на развалинахъ семьи патріархальной построить, изъ мотивовъ хозяйственныхъ, нечто вроде земледельческой ассеціаців. Выло бы весьма подеяно, если бы г. Щербина, въ дополнение въ своему весьма содержательному изольдованію о распаденіи семьи, сообщиль результаты упомянутыхъ отремленій новъйшей формацін, отремленій, служащихъ дишь разновидностью той болье шировой, болье общей мысли объ артельномъ врупномъ хозяйствъ, въ поискахъ реальнаго осуществления которой работаетъ теперь немало людей, подъвлиниемъ насущной матеріальной нужды мельчающей семън в мельчающаго хозяйства.

Н. Карышевъ.

Читатель народной газеты.

Съ марта 1894 г. вятское губернское земство предприняло изданіе для народа періодическаго органа «Вятская сельско-хозяйственная и кустарно-промышленная газета». Газета выходила еженедваьно и стоила по подпискв 1 руб., но, сверхъ того, высылалась безплатно во вой волостныя и сельскія управленія, народныя бибдіотеки и народныя школы губернін, въ томъ числь въ церковноприходскія школы и школы грамоты. Всего газета расходилась въ 6,000 эвземплярахъ. Харавтеръ газета носила узво-спеціальный, точно определенный самымъ ся названіемъ. Такое ограниченіе земствомъ поля деятельности своей народной газеты было более или менье отрицательно отмъчено въ овое время нашек печатью. Такъ «Рус. Жизнь», «Рус. Въд.» и «Техн. Образов.» говорили о необходимости расширить программу газеты, «Рус. Мысль» высказывалась за возможное расширение задачи, котя бы въ предълакъ утвержденной программы. На самомъ дъл вятское земство съ самаго же начала сознавало, что первоначально приданный имъ газеть спеціально-сельско-ховяйственный характерь далеко не отвічаеть са цваямъ и потому не можеть оставаться постояннымъ. Оно рашило, начавши съ малаго, постепенно добиваться расширенія программы своего изданія. Къ концу перваго же года существованія газеты имъ было испрошено разрашеніе расширить программу ея пятью новыми отдълами: 1) правительственныя распоряженія, 2) хозяйственная жизнь губерніи и Россіи, 3) земское продовольственное и страховое дело, 4) медицина и ветеринарія и 5) народное образованіе. На сл'ядующій годъ земство возбудило ходатайство о расширеніи программы газеты новымъ отделомъ — историко-литературнымъ. Это ходатайство тоже было уважено, и съ марта 1896 г. газета начала выходить уже по новой программъ. Однаво и въ своемъ настоящемъ видь газета не оказалась достаточно полною и всестороннею для того, чтобы удовлетворить читателя изъ народа, и воть, мы видимъ, что губериское земское собраніе 1897 г. возбуждаеть ходатайство о новомъ расширенім програмиы «Вятской газеты». Последнее ходатайство было признано министромъ не подлежащимъ удовлетвореню.

Такова исторія единственнаго періодическаго органа, издаваємаго земствомъ для народа. Входить въ разборъ достоинствъ и недостатковъ газеты, дёлать оцёнку ея литературныхъ свойствъ въ прошломъ и настоящемъ мнѣ, какъ одному изъ бывшихъ близкихъ ея сотрудниковъ, было бы не совсёмъ удобно. Гораздо интересиве будетъ попытаться охарактеризовать отношеніе къ газетѣ самого читателя изъ народа, благо для этого есть данныя.

Желая опредёлить—поскольку газета отвічала истиннымъ нуждамъ населенія и какъ относился къ ней читатель-крестьянинъ, вятская земская управа въ началі второго года существованія газеты разослала свыше 1,000 вопросныхъ бланковъ во всі школы губернін, какъ земскія и церковно-приходскія, такъ и школы грамоты. Бланки заключали въ себі слідующіе вопросы:

- 1) Аккуратно ди подучается въ сельскихъ обществахъ газета или безпорядочно?
- 2) Раздають ин старосты газоту для прочтонія и какимъ по-рядкомъ?
  - 3) Многіе ли крестьяне читають газету?
  - 4) Какія статьи въ газеть наиболье интересують крестьянь?
- 5) Насколько понятно для крестьянъ изложение (языкъ) статей въ газетћ?
- 6) Удовлетворяются ли врестьяне выборомъ и содержаніемъ статей?
  - 7) Какихъ статей не достаеть въ газеть, по мивнію врестьянь?
  - 8) Сохраняется ин газета после прочтенія и где?

На эти бланки управою было получено свыше 500 отвётовъ, результатомъ тщательной разработки которыхъ и является настоящая статья. Матеріаль этотъ, къ сожаленію, до сихъ поръ совсемъ не быль использованъ ни печатью, ни самимъ вятскимъ веиствомъ. Это обстоятельство, вмёстё съ новизною предмета, соблазнить, бытъ можетъ, меня мёстами разбирать отвёты съ излишнею подробностью, но это, миё думается, въ достаточной мёрё оправдывается самымъ предметомъ.

Первое знакомство съ ответами относительно «Вятской Гаветы» прежде всего въ значительной степени разочаровываеть въ
ценности этого матеріала. Вмёсто полныхъ и ценныхъ указаній,
основанныхъ въ непосредственномъ наблюденів, по большей части
встречаешь на предложенные вопросы короткіе и формальные, до
утомительности однообразные ответы, которые порой даже прямо
возбуждають сомненіе въ своей достоверности. Кроме того, многіе
корреспонденты уклонились отъ ответовъ на наиболее важные вопросы, отговаривансь или темъ, что газета издавалась слишкомъ
непродолжительное время, или же, что имъ не приходилось говорить объ
этомъ съ крестьянами. Такъ, одна учительница Орловскаго убяда пи-

шеть, что высылаемой въ школу «Вят. Газ.» пользуется только одно мъстное духовенство, крестьянамъ же она ее не предлагала. Лругая учительница церковно-приходской школы пишеть: «на вопросы дать ответа не могу, такъ какъ я, какъ учительница, занятая своимъ деломъ, не имъю возможности следить за той пользой, какую приносить «Ват. Газ.» среди крестьянскаго сословія». Третья учительница Глазовскаго увзда пишеть, что она «не имбеть никакихь сведений не только о степени удовлетворительности и пригодности для местнаго населенія «Ват. Газ.», но и о томъ, извёстно ни крестьянамъ о самомъ существованін этой газеты, такъ какъ, не говоря уже о малограмотности крестьянъ, при школъ вовсе нъть документа, который бы уполномочиваль учителя пускать вышеупомянутую газету въ обращение среди крестьянь, а потому» и т. д. Четвертая учительница на вой вопросы откровенно заявляеть: «Не бесъдуя никогда съ крестьянами, — не знам». Въ этомъ же роде встречаются и еще ответы, какъ учителей и учительницъ, такъ и представителей духовенства. Чаще всего они отделываются односложными ответами, вроде-«неизвъстно», «не заявлено» и т. п., которые они выставляють аккуратно после каждаго вопроса. Многіе изъ корреспондентовъ, лаже давшихъ вполнъ опредъленные отвъты, раньне тоже видимо не интересовались этимъ вопросомъ. Одна учительница Вятскаго увяда разскавывала мий напр., объ исторіи своихъ отвитовъ слидующее. До полученія запроса земской управы получаемый въ школь экземидяръ газеты оставался никамъ не прочитаннымъ, а о томъ, получается ли газета старостами и волостнымъ правленіемъ, -- учительница не знала. Получивши «предписаніе» управы, она было обратилась съ разспросами къ местнымъ грамотеямъ и старостамъ. Какъ тв, такъ и другіе ответили ей, что некакой газеты они не получали, и даже не слыхали о ней. Тогда учительница дала нъсколькимъ грамотвямъ по одному номеру «Вят. Газ.» и просила въ назначенный день одълать ей отвывы о газеть. Въ назначенный день грамотъи возвратили номера газеты, причемъ одни изъ нихъ отозвались о газотв одобрительно, но больше газоты не просили, другіе сказали, что мало интереснаго, третьи же заявили, что многое непонятно. Въ своихъ ответахъ управе учительница привела было всё эти отвёты целикомъ, но заведующий школою священникъ (школа церковно-приходокая) сказалъ, что если такъ послать, то управа «обидится», и вельдь передылать отвыты. Учительница выполнила требованіе своего патрона, и въ результать появился одинъ изъ наиболе часто встречающихся ответовъ, свидетельствующихъ, что газету читаютъ «немногіе», содержаніемъ и выборомъ статей удовлетворяются и т. д. Въ самыхъ ответахъ тоже вногда встрвчаются указанія на то, что они составлены не на оспованія предыдущихъ наблюденій, а лишь на основаніи ов'ядіній, собранных спеціально для этихь отвітовъ. Такъ, одинь священнявъ пишетъ, что старосты трехъ СОЛРСКИХР

Фудучи имъ «27-го сего апръня допрошены по всёмъ вышеозначеннымъ пунктамъ, показали», что крестьянъ наиболее интересуютъ «татьи по земледълю и кустарной промышленности, что крестьяне «все хвалятъ, только къ дълу приложить никакъ не могутъ, какъ малограмотные»; по вопросу же о томъ, какихъ статей, по мивнію крестьянъ, недостаеть въ газетъ, сообщается, что «такого мивнія въ ихъ головахъ пока не вилно».

Если мы даже оставимъ въ оторонъ отвъты этого рода и будемъ имъть дъло лишь съ лучшими изъ нихъ, то и эти последніе
производять недостаточно опредъленное впечатленіе. Прежде всего
въ авторахъ многихъ изъ нахъ чувствуется недостатокъ вдумчивости, недостатокъ практическаго внакомства съ предметомъ и въ
то же время узость теоретическаго взгляда на вопросъ. Затымъ тяжелое впечатленіе производить безграмотность многихъ откътовъ.
Особенно безграмотны отвъты учителей церковно-приходскихъ школъ
и школъ грамоты, а иногда также отвъты нъкоторыхъ священниковъ.
Нъкоторые изъ отвътовъ учителей школъ грамоты съ успъхомъ могли
бы фигурировать на страницахъ любого комористическаго журнала.
Среди нихъ есть такіе, въ которыхъ буквально всё до едного
слова искажены, такъ что при чтеніи ихъ невольно возникаетъ
мысль объ умышленномъ искаженіе.

Перейдемъ, однако, къ разсмотрвнію самаго содержанія отвітовъ. Замічу при этомъ, что отвіты касаются какъ вкземпляровъ газеты, высылаемыхъ сельскимъ старостамъ, такъ и зеземпляровъ, получаежыхъ школами.

На первый вопросъ, -- аккуратно ин получается въ сельскихъ обществахъ газета, — подавляющее большинство корреспондентовъ (439) отвъчаеть утвердительно. Жалуются на неаккуратную доставку газеты 58 человъвъ, причемъ въ 26 случанкъ нъкоторые номера лазеты нередко затериваются. Кроме того, въ 7 ответахъ жалуются на полное неполучение газеты сельскими обществами и школами, причемъ накоторыя изъ нихъ даже и не подозравали раньше, что имъ высывается газета. Неаккуратное доставленіе газеты по назначенію обусловливается, главнымъ образомъ, отдаленностью отдальныхъ -селеній оть волостного правленія, частью же просто небрежностью волостного начальства. Изъ волостного правленія газета нередко посылается съ разными случайными оказіями, такъ что иногда приходить черезъ месяць и большее промежутки времени, иногда же нькоторые номера ея и совствы задерживаются. Такое неаккуратное получение корреспонденции, по сообщению накоторыхъ корреспондентовъ, мъщаеть имъ выписывать для себя газеты и журналы вообще.

Способъ пользованія газетою имветь несомевнный практическій митересь и потому мы остановимся на этомъ вопросв подробиве. Получивши газету, старосты иногда передають ее учителямъ, чтобы тв раздавали ее желающимъ читать, иногда же двлають это сами. Никакого

порядка при раздачь газеты обыкновенно не соблюдается. Школьный экземпляръ иногда читается одними учениками, въ большинствъ жеслучаевъ чрезъ учениковъ попадаеть къ деревенскимъ грамотеямъ. Въ нъкоторияъ случаявъ эти грамотън берутъ газету непосредственно оть учителя или учительницы. Есть, впрочемъ, указанія на то, что и школьный экземплярь газеты не всегда доходить до народа. Такъ, напр., одинъ изъ учителей жалуется на то, что школьный экземилярь «Вят. Газ.» высылается «на имя священно-служителей, которые и сами ее не читають, и другимъ не дають, а держать въ. церковномъ архивъ». Что касается раздачи газеты сельскими старостами, то она произволится еще болье безоистемно. Староста не всегда предлагаеть грамотнымъ газету самъ, и потому многіе грамотћи неръдко даже не знають о ея существованіи. Особеннотрудно получить газоту отъ нограмотнаго старосты, который часто н не знаеть, для чего она присыдается. По сообщению ряда корреспондентовъ, неграмотные старосты либо тщательно хранять газету н никому не дають, боясь, что въ случав потери имъ придется за нее отвъчать, либо употребляють ее на «сигарки» или украшають лестами ся передній уголь своей избы. Если неграмотный староста и даеть газету грамотьямъ, то въ самомъ безпорядочномъ видь. По словамъ одного священника, у неграмотныхъ старостъ «номера перепутаны и почти всегда дають, напр., № 7 съ концомъ № 3вия 5, 3-й съ 6-иъ и пр. > Боясь потери, нъкоторые старосты Котельническаго у. «газету для прочтенія не раздають, а дають читать ее у себя на дому». Въ другомъ мъсть, по словамъ корреспондента, газета выдается старостою читателямъ подъ росписку. Одинъ земскій начальникъ Елабужскаго у. сообщаеть, что волостныя правленія ввіреннаго ему участка выдають старостамъ газету подъ росписки, которыя затёмъ превъявляются ему.

Недостатки существующей организаціи раздачи «Вят. Газ.» грамотнымъ крестьянамъ черезъ старостъ наводять на мысль онеобходимости существенных измененій. Такъ, одинь священникъ пишеть, что «вийсто раздачи газеты черезъ старость, лучше бы было распространять 60 или черезъ духовенство, или черезъ школу; тогда, говорить корреспонденть, и четвертая часть экземпляровъ болье бы принесла пользы и върнъе дошла бы до пъли». Къ существующей онотем'в распространенія газеты черезъ старость онъ относится вполнъ отрицательно. Одинъ учитель Уржумскаго у. дъласть нъсколько иное предложение. «Не мучше ли было бы, спрашиваеть онь, высылать газету учителю, если въ обществъ есть тавой, а если нътъ, то одному изъ самыхъ грамотныхъ въ томъобществъ, такъ сказать, аюбителю чтенія? Такіе «любители-начетчики» есть почти въ каждой деревив и ихъ всв знають. Можнесъ увъренностью сказать, что газета будеть прочитана такими «начетчивами» оть заголовка до объявленій и подписи редактора. велючетельно, и будеть служеть предметомъ его беседь съ соседями.

Жо всему этому можно зам'тить, что такіе «начетчики» съ уважеміемъ относятся ко всему печатному, и можно над'янться, что въ ихъ рукахъ газета не будеть употреблена на сигарки и т. д. Все это, оговаривается далее корреспонденть, мое личное митейе и, если редакція думаеть иначе, то я беру его назадъ».

Если въ однихъ селахъ грамотные крестьяне лишь съ большимъ трудомъ могуть доставать газоту, то въ другихъ чтеніе ся является чуть ли не своего рода натуральною повинностью. Такъ, въ Юрской волости Глазовскаго у., какъ сообщаетъ корреспондентъ, «по распоряженію г. земскаго начальника староста объёзжаеть по неревнямъ съ писаремъ сборныя избы и читаеть газету (вслухъ), а потомъ выдаеть ее грамотнымъ». Другой корреспонденть пишеть, что «сельекіе старосты раздають газету интересующимь его (?) лицамь и влекущимъ себя въ сельско-хозяйственной жизни» и далве добавдяеть: «многіе крестьяне одобренныя для нихъ статьи (камъ?) списывають для себя, дабы не могли впослёдствіи забыть». Вообще чтеніе газеты волухъ на сходахъ, въ сборныхъ набахъ и школахъ практикуется нередко. По крайней мере объ этомъ сообщають 32 ворреспондента. Къ сожаленію, они не пишуть, по чьей иниціативъ начались чтенія и какъ относятся въ нимъ врестьяне. По этому вопросу есть всего одно сообщение учительницы Орловскаго у. «На мой вопросъ, пишеть она, съ охотой ин читають крестьяне газету и находять ин чего полезнаго въ ней, старосты нъвоторые отвечають такъ: редко читають на сходахъ, а если и читаеть ето, такъ большая часть крестьянъ не слушаеть чтеніе». О результатакъ чтенія газеты въ школь ученикамъ нивются тоже разнообразные отвъты. Одни пишутъ, что школьники или плохо понимають -статьи «Вят. Газ.», или не интересуются ихъ содержаніемъ, другіе утверждають противное. Изъ ответовъ второго рода обращаеть на -себя винианіе сообщеніе священника с. Тукмачева. Онъ сообщаеть, что, кроме учениковъ находящейся въ его ведении церковно-приходской школы, газету, получаемую школой, никто не читаеть. По прочтении учениками газета «остается навсегда въ школь для руководства при накоторых случания. Содержание статей, пишеть далье о. Тукмачевъ, весьма утвшало учениковъ, какъ по доступности изложенія, такъ и по содержанію, въ особенности относительно сельского хозяйства. Такъ, напр., въ приходъ села Бъльско-Тронцкаго, Вороненской волости, Глазовскаго у., устроено крестыянами до 100 штукъ косуль, чего прежде не было». Трудно понять почему это нововведение о. Тукмачевъ ставить въ связь съ чтеніемъ ученивами газеты. Другой корреспонденть, учитель, сообщая о практикуемомъ въ его школе чтенік газеты вслухъ ученикамъ, прибавляеть, что ученики, «по его совъту», списывали изъ газеты шемоторыя статым «для примененія въ хозяйстве».

На вопросъ, многіе ли крестьяне читають газету, подавдяющее **◆ольшинство корреспондентовъ** (232) отвѣчаеть отрицательно: сочень немногіе», «немногіе» и т. д.; 36 корреспондентовъ пишуть, чтовъ ихъ селахъ никто не читаетъ газеты, 76 корреспондентовъ сообщають, что газета читается большинствомъ грамотныхъ. Изъ остальныхъ корреспондентовъ однъме отвътили на этотъ вопросъ вовсе, другіе доставили цефровым данныя о числъ врестьянъ, читающихъ газету. Вотъ эти цифры: 1, 1, 1, 2, 2, 2, 2, 2—3, 2—3, 2—3, 3, 3, 3—4, 3—4, 3—4, 4, 5, 5, 5, 6, 6—7, 7, 8, 8, 10, 10, 12, 18, 20, 25, 30, 43. Изъкорреспондентовъ, приславшихъ цефровыя данныя, нъкоторые присбавляють, что и это число читателей мельзя считать постояннымъ: многіе изъ нихъ читають не каждый номеръ и въ номерѣ не всъстатьи. За то другіе пешуть, что число крестьянъ, знакомыхъ съгазетою, больше числа читателей, потому что у грамотнаго чтецамеръдко бывають неграмотные слушатели.

Очевидно на вопросъ, многіе ин крестьяне читають гаприходится, къ сожальнію, дать отрицательный отвыть. Конечно, это въ значительной степени зависить отъ недостаточнагораспространения грамотности въ нашей деревив вообще, въ частности отъ низкаго культурнаго уровня крестьянина Вятской губернін, затімь оть непродолжительнаго существованія газеты и оть. мечновлетворительной постановки самаго дёла распространенія ем въ деревив. Но, кромв того, многіе корреспонденты указывають и на другія причины неуспаха, кроющіяся въ характера самой гаветы. Эти указанія особенно цінны. Они служать практическимь. доказательствомъ того, что въ принципъ вятскимъ земствомъ былопринято и раньше, а вменно — необходимости возможно большагорасширенія программы «Вят. Газ.»; они показывають, что спеціально сельско-хозяйственное и техническое изданіе не можеть. ни зачитересовать, ни удовлетворить крестьяника. Такъ, одна учительница Ватскаго у., прослужившая въ школе 8 леть и, следовательно, имъвшая время изучить умственные запросы читателя изъ народа, пишеть: «газета читается очень немногими. По словамъ. ЭТИХЪ НОМНОГИХЪ, ЧИТАВШИХЪ ГАЗОТУ БРОСТЬЯНЪ, ИМЪ НОПОНЯТНЫ ВЪ. мей только накоторыя «мудреныя» слова, а вообще статьи понятны. да только мало «лестных», т. о. интересных в статей. Оказывается. что статьи сельско-хозяйственнаго характера мало интересують. врестьянь, потому что всё эти совёты они находять неприменимыми въ своемъ хозяйствъ». То же самое пишуть и изъ другихъ увадовъ. Такъ, одинъ учитель Сарапульскаго у. пишетъ: «четають газету весьма немногіе. Не только отдільныя статья, но и вся газета, какъ видно, крестьянъ не интересуеть. объясняется тамъ, что крестьяне нашего общества никакихъ. ванатій и ремесять не иміноть, а также говорять: «гді, дескать, намъ покупать или заводить то или другое, когда и безъ того едва едва перебиваемся». Другой учитель того же увяда сообщаеть, что «нткоторые врестыяне статьи, относящися въ вемледелию, считаютъ

лишиниъ». Изъ Ордововаго у. подобимкъ ответовъ полученъ пелый рань. Одна учительница пишеть, что «престьяне не изъявляли желанія брать газету, а просять книжки изъ библіотеки училищной». Другая учительница того же увяда сообщаеть, что газета читается немногими наиболье грамотными крестьянами. «Издоженіе статей для нихъ хотя понятно, говорить она, но, повидимому, не интересно, такъ какъ они болъе интересуются разсказани». Всъ эти корреспонденты констатирують полное недовъріе со стороны врестыянь къ статьямъ сельско-хозяйственнаго и техническаго характера. «Они убъждены, пишеть одинъ священникъ Орловскаго у., въ правильности употребляемыхъ ими способовъ веденія своего хозайства и не върять въ польку сообщаемыхъ газетою свъдъній, указаній и советовъ, считая пріемы и способы обработки земли и вообще веденія хозяйства, унаслёдованные ими отъ своихъ отцовъ, дучшими и наиболью удобными для себя... Разубъдеть ихъ въ ошибочности ихъ взглядовъ можно только примеромъ, но не книгой». Ответовъ этого рода въ моемъ распоряжения имеется очень много, но я не буду пестрить статью дальнайшими выписками изъ нихъ, такъ какъ при всей своей поучительности они являются не более, какъ варіаціями на одну и ту же тему и часто чуть не буквально повторяють другь друга. О томъ, что врестьяне не интересуются газетой, получено 41 сообщение. Изъ остальныхъ отвётовъ 24 говорять, что крестьяне интересуются въ газетв «всвиъ вообще», несколько ответовъ утверждають, что крестьяне наиболее интересуются статьями по народному образованію, по разнымъ вопросамъ народнаго быта, по земскому вопросу, о хозяйственной жизни губернін и Россіи, о продовольственномъ ділів, объ интересныхъ событіяхь; наконець, есть сообщенія, что крестьяне наиболье интересуются справочными извёстіями, помёщаемыми въ газете, объявденіями и т. д. Громадное большинство (326) корреспондентовь на вопросъ, какія статьи въ газеть наиболье интересують крестьянь, или ответило односложно: «по сельскому хозяйству», «по земледелію», или указало на какую нибудь отрасть хозяйства, развитую въ данной местности и потому интересующую местных врестьянъ *); 39 корреспондентовъ указали, что крестьянъ наиболее интересують статьи по ремесламь и кустарной промышленности, причемь опять таки интересуеть, обыкновенно, промысель, существующій въ данной местности. «Смотря потому, чемъ занимаются, отвечаеть на

^{*)} Считаю нужнымъ напомнить, что вопросъ о томъ, какими статьями въ газетъ крестьяне наиболъе интересуются, задавался въ то время, когда газета имъла исключительно сельско-хозяйственный и ремесленный характеръ. Вопросъ сводился, слёдовательно, не въ тому, какія статьи въ газетъ были бы желательны и интересны, а къ тому, какія изъ статей, уже напечатанныхъ въ газетъ, слёдовательно статей спеціально сельско-хозяйственнаго и техническаго характера, показались читателямъ наибольтье интересными.

этоть вопрось одна учительница Витскаго у.: занимающихся ремеслами интересують больше статьи по ремесламъ и проимсламъ, хивоопашцевъ-статьи по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, особенно по травосвинию и вемлепашеству». Учитель сарапульской городской школы пишеть: «наиболье интересными статьями для городского населенія являются статьи по кустарнымь промысдамъ, мастерству, огородничеству и садоводству». Между тъмъ изъ мъстностей съ чисто земледъльческимъ населеніемъ слышатся требованія иного рода. Такъ, одинъ священникъ пишеть: «кажется, читають статьи болье относящіяся къ земленашеству: по удобренію земли, о съмянахъ, о травосъяніи и т. п. Известія, касающіяся кустарной промышленности, мало интересують, потому что здёсь кустарной промышленности нёть, кроме кованія гвоздей и строганія воломки иля спичекъ. Но, прибавляетъ онъ, если здёшніе крестьяне и читають «Вят. Газ.», то довёрія ко всему сообщаемому питають мало, утверждая, что все это непригодно для нашихъ земель: потому результатовъ чтенія газеты не заметно». То же отсутствіе интереса къ статьямъ по промысламъ, которыми мъстное население не занимается, отмінають и другіе корреспонденты.

Если въ мъстностяхъ земледъльческихъ газету читаютъ немногіе и немногіе интересуются ею, то въ містностяхь съ боліве культурнымъ заводскимъ населеніемъ корреспонденты отмічають почти полное отсутствие этого интереса. Обусловливается это отчасти отсутствіемъ въ населеніи земледальческихь интересовъ, отчасти же твиъ, что оно сравнительно съ кореннымъ деревенскимъ населеніемъ предъявляеть къ книга и газета более широкія требованія. Что последняя причина действительно имееть здёсь место, доказывается перечнемъ журналовъ и газеть, выписываемыхъ, по сообщенію корреспондентовъ, мъстнымъ заводскимъ населеніемъ. Наряду съ поевдонародными изданіями князя Мещерскаго и «Свётомъ», мы наталкиваемся въ этомъ перечнъ на толстые журналы и дорогія столичныя газоты, какъ то: «Рус. Въд.», «Новости», «Нов. Вр.» и пр. Интересно, что въ этомъ перечев нъть ни одного спеціальнаго журнала или газеты. Сърый читатель, очевидно, не доросъ еще (я скорве сказаль бы-еще не опустыся) до такого грубо утилитарнаго взгляда на печатное слово, который усвоили себъ многіе просвытители его. Онъ ищеть въ немъ пищи для ума, ищеть отвёта на многіе сложные вопросы, которые выдвигаеть передъ нами жизнь и которые часто порождають въ его душе такую массу колебаній п сомевній которая знакома далеко не всякому интеллигентному мысляшему человъку.

Обратимся, однако, къ ближайшему разсмотрению ответовъ, доетавленныхъ изъ заводскихъ местностей. «Население Залазнанскаго завода и волости, Глазовскаго у., пишетъ местный учитель, г. Алфимовъ, состоитъ исключительно изъ заводскихъ рабочихъ, изъ которыхъ очень немногие занимаются хлебопашествомъ въ небольшихъ

размерахъ; поэтому разными вопросами по сельскому хозяйству почти не интересуются и читають газоту очень немногіе». «Газоту читають очень немногіе, такъ какъ жители завода почти совсёмъ ме интересуются сельскимъ хозяйствомъ», пишуть изъ другой заводской местности. «Немногіе крестьяне читають «Вят. Газ.», пишеть третій корреспонденть, что объясняется тімь, что містное населеніе, занимаясь отхожими промыслами, мало интересуется сельсвимъ хозяйствомъ». Учитель Яранскаго у., г. Клыковъ, пашетъ то же самое: «читають газету немногіе, говорить онь. Населеніе не земледъльческое и потому статьи не отвъчають запросамъ жизни». Учитель воткинской школы, Сарапульского у., пишеть: «мёстное населеніе сововить не пользуется высылаемой безплатно газетой, всявдствіе, віроятно, своего рода занятій (работники завода)». Это подтверждають другой учитель и учительница того же села, которые уже болье опредъленно заявляють, что «сельскіе обыватели Воткинскаго завода земледъліемъ не занимаются и земледъльческой газетой не интересуются». Изъ с. Кукарки, Яранскаго у., получены точно такія же сведёнія. «Газету читають мало, пишеть местный учетель, такъ какъ она по своему содержанию более земледельческаго характера и не соответствуеть жителямъ местнымъ, какъ болье или менье торговому классу или ремесленнику. Статей, которыя бы удовлетворями мёстное населеніе, въ газеть мало». Слободской городской учитель пишеть, что никто изъ населенія какъ города, такъ и окрестныхъ седеній не береть газету. Учительница Усть-Чепецкой школы пишеть: «Вят. Газ.» крестьяне мало интересуются, такъ какъ почти не занимаются обработкой земяи и съють больше одинъ картофель для выдёлки крахмала. Более интересовали врестыянъ статьи о крашеніи пряжи, о пчеловодстві и огородничествъ». Изъ Ижевскаго заводскаго района, Сарапульскаго у., одна учительница тоже пишеть, что «ижевскими сельскими обывателями «Вят. Газ.» не прочитывается». Учительница женской школы того же села не только подтверждаеть, но и поясняеть этоть факть. «Свёдёнія, сообщаемыя этой газетой, спеціальны, пишеть она, и не интересують заводских обывателей вообще, а обывательницъ въ особенности». То же сообщаеть и учитель ижевскаго заръчнаго учелища. «По справкамъ въ волостномъ правленіи, пишеть онъ, оказалось, что для Зарвчной волости Ижевского завода высылается два экземпляра «Вят. Газ.», но они остаются при волостномъ правленін, потому что, по словамъ писаря, не смотря на предложеніе газеты мастеровымъ со стороны правленія, никто читать ее не жедаеть. Да оно и понятно: содержание газеты интересно только сельскимъ хозяевамъ, а не мастеровымъ, у которыхъ весь интересъ въ заработив на заводахъ, а не на полв и въ домашнемъ хозяйствв». Въ этомъ же роде отвечають и многіе другіе корреспонденты заводскихъ мъстностей.

На вопросъ о томъ, насколько понятно для крестьянъ изложе-

ніе статей въ газеть, 294 корреспондента сообщають, что языкъ статей понятенъ для крестьянъ, 57-утверждають противное и 53 EODDCCHOHICHTA POBODATA, TTO CTATAH STH MARO HORATHM TOSLEO HHOродцамъ, русскіе же крестьяне ихъ понимають, кром'в нікоторыхътехническихъ или иностранныхъ словъ и некоторыхъ спеціальныхъ статей. Въ виду этого многіе выражають желаніе, чтобы «каждый спеціальный терминъ, употребляемый въ газеть, быль туть же точно поясненъ, какъ можно общепонятно». Нъкоторые корреспонденты даже указывають слова, которыя непонятны крестьянамъ, н здёсь мы, наряду съ такими словами, какъ агрономъ, фуражсь, результать, калій, контроль, силось и т. д., находинь слова уже често русскія, каковы, напр., среда, косность, условія и т. д Одинъ учитель Глазовскаго уёзда пишеть, что «во многихъ местахъ не достаеть пояснительных чертежей». То же пишуть и изъ другого увала, хотя рядомъ встрвчаются ссобщенія, что вменно чертежн-то и являются наиболье непонятными для крестьянъ. Одинъ взъкорреспондентовъ пишетъ: «языкъ газеты, особенно статей передовыхъ*) для большинства читающихъ престъянъ, малыхъ грамотвевъ, не удобопонятенъ. Многіе желають видёть эту газету въ формъ бесёды одного сосёда съ другимъ, которые уже испытали то наш другое и получили отъ того пользу или вредъ». То же сообщаетъ и другой корреспонденть. «Статьи, помъщаемыя въ газеть, говорить онь, пишутся все более въ форме научныхъ разсуждений. Въ этомъ случай, думаю, приложимие были бы упрощенныя беседы. какія иногда пом'єщаются въ «Сел. В'єсти.». Посл'єднія излагаются нногда простонароднымъ языкомъ и весьма доступны пониманію малоразвитого крестьянина. Всё предметы лучше всего излагать въ формъ беседы, какъ, напр., помещенная статья о чесоткъ. Эта форма понравится мужику». Одинъ священникъ тоже выражаетъ желаніе, чтобы явыкь газеты «по понятности приближался къ «Сельск. Въсти.» Есть, наконецъ, указанія, что языкъ статей, будучи понятень для вэрослыхь, мало понятень для «малолетних» читателей газеты. Нередко корреспонденты прибавляють, что за разъясненіемъ непонятнаго крестьяне обращаются къ учителю, священнику или къ кому либо изъ боле грамотныхъ односельцевъ. Но бывають случан, когда малопонятная статья совоймь отбиваеть читателей оть газеты. Одна учительница разоказываеть, напр., такой случай. «Одинъ крестьянинъ прочиталь несколько номеровъ «Вятек. Газ.» и, какъ видно, поняль, потому что когда принесъ, то на вопросъ-хорошо ин читать?-сказалъ: «баско читать, объ родномъ-де туть говориться»; переменить прочтенные номера на другіе. Другой принесъ номера и сказаль: «не поняль, не баско

^{*)} Корреспонденть по ошнок употребляеть этоть терминь, потому что въ «Вят. Газ.» за все время ея существованія отділа передовых статей не было.

читать» и не сталь больше брать. - Другой учитель Котельническаго увзда пишеть почти то же самое со словь сельскаго старосты, «Одниъ изъ деревни беретъ газету для чтенія, разсказываеть староста, но не хвалить-не все понятно. «Сельск Въсти» будеть много лучше—занимательнее».—Самому корреспонденту приходилось станкиваться точно съ такимъ же отношеніемъ. «Даваль я читать газету своимъ ученикамъ, разсказываеть онъ, но не нравится,не понятна. Читали, разсказывали и даже записывали (по моему совъту) только тогда, когда самъ предварительно велъ съ ними беседу о томъ, что советоваль имъ прочитать, напр., о силосованмомъ корив, о корив скота картофелемъ, о фосфоритномъ удобренін. артельныхъ насъкахъ и некоторыя другія; словомъ, на что обратишь вниманіе, да растолкуешь, то и читають. То же замічаль и по отношению къ взрослымъ, которымъ давалъ сию газету для чтенія. О которыхъ статьяхъ поговорищь и заинтересуешь, то и просять почитать. Инымъ (пчеловодамъ) статьи по пчеловодству такъ прямо безъ просьбъ посылалъ, —читали. Веседовать же о томъ, насколько приложимы изложенныя въ газеть свъдънія и могуть ли врестьяне поступать такъ, какъ въ газете присоветовано, не доводилось. Тъ же, которые читали газету, вновь сами не просили, а просили книжки...» Въ этомъ же роде встречаются ответы и изъ другихъ мъстностей. Такъ, одна учительница Нолинскаго уъзда пишеть: «было бы лучше, если бы были издожены статьи на простомъ наречьи, такъ какъ крестьяне незнакомы съ тонкостями науки.» Изъ Ордовскаго у. учитель пишеть: «престьяне пока читають или слушають, то кой-что понимають, но какъ только прочитали, то все и забыли, а накоторые даже не понимають что и читають». Другой ворреспонденть тоже говорить, что «языкъ газеты, какъ бы онъ ни быль прость, для человека читающего по складамъ, все же язывъ книжный». Одинъ священникъ Вятскаго у. пишетъ то же самое. «По умственной неразвитости врестьянъ, говорить онъ, язывъ газеты кажется имъ несовсёмъ понятнымъ». Есть и отвёты довольно неопредъленные. Такъ, напр., одинъ діаконъ пишеть: «по мъръ своего развитія и каждый старается понять содержаніе по CBOOMY>.

Всё эти указанія заслуживають большого вниманія, хотя руководиться ими нужно съ большою осторожностью. Говоря просто и избёгая ученых терминовъ, должно еще въ большей степени избёгать подлаживанія подъ неправильную крестьянскую рёчь и третированія деревенскаго читателя свысока. По словамъ лучшихъ изслёдователей этого вопроса такое отношеніе скоре всего способно оттолкнуть деревенскаго читателя, оно претить ему. Встрёчаются замёчанія этого рода и среди разбираємыхъ отвётовъ. Такъ, горячимъ защитникомъ литературнаго изложенія статей въ газеть является одинъ сельскій діаконъ, который говорить, что народъ

понимаетъ обыкновенный литературный азыкъ и что газета можетъ оказать большую услугу, пріучивъ крестьянъ къ правильной литературной річи.

Переходя къ следующему вопросу,-удовлетворяются ин крестьяне выборомъ и содержаніемъ статей, —необходимо сдёлать небольшую оговорку. При всей своей краткости, вопросъ этотъ такъ сложенъ и серьезенъ, что способенъ поставить втупикъ любого учителя или священника, изъ которыхъ большинство, очевидно, сововиъ не задумывалось надъ этимъ раньше. Этотъ вопросъ задается всего черезъ годъ после возникновенія газеты и притомъ задается людямъ, изъ которыхъ некоторые, какъ мы видели выше, никогда не имън случая даже просто поговорить съ крестьяниномъ, не счетая чисто деловых оффиціальных отношеній. Учительнеца г-жа Орлова вполнъ справедливо пишеть, что «ответить на этотъ вопросъ, при разнообразіи читающей газету публики и ея интересовъ, довольно трудно». Кромъ того, сельскимъ учителямъ и учительницамъ приходится такъ много получать разныхъ запросовъ въ этомъ роде и такъ мало видеть результатовъ такихъ изледованій, что даже у самыхъ добросовъстныхъ изъ нихъ постепенно утрачивается способность серьезно смотрёть на свои отвёты при такихъ вапросахъ, вырабатывается формализмъ, привычка отписываться. И, дъйствительно, на вышеупомянутый вопросъ большинство корреспондентовъ отделалось простыми отписками вроде: «удовлетворяются», «вполебудовлетворяются», «довольствуются», «довольны» н т. д. Такихъ ответовъ получено 232. Конечно, было бы очень печально, если бы эти отвёты характеризовали действительное отношеніе деревенских читателей къ газеть. Нуженъ слишкомъ низкій уровень уиственныхъ потребностей, слишкомъ узкій взглядъ на виаченіе и задачи печатнаго слова для того, чтобы «вполив удовлетворяться спеціальною газотою и притомъ газотою, статьи которой, по показанію тахъ же самыхъ корреспондентовъ, считаются крестьянами непримънимыми на практикъ. Что мы имъемъ здъсь дъло дъйствительно съ простыми формальными отписками — убъждаешься тотчасъ же, какъ только вникнешь въ эти ответы. Здесь на каждомъ шагу встрачаень натажки, противорачія. Только что сообщивъ, что крестьяне газетою не интересуются или не понимають печатающихся въ ней статей, корреспонденть на следующей строке, ничемь не смущаясь, увъряеть, что крестьяне «выборомъ и содержаніемъ статей вполив удовлетворяются». Такъ, одна учительница Малиыжскаго у. пишетъ: «изъ бравшихъ газету только одинъ заинтересовалоя ею и читаеть постоянно, остальные же, прочитавъ 1-2 нумера, перестали брать». Прибавивъ дальше, что содержание статей по мевнію некоторыхъ крестьянъ мало понятно, учительница эта неожиданно заявляеть, что выборомъ и содержаніемъ статей въ газеть престыяне удовлетворяются. То же самое заявляеть одинь учитель другого увзда, хотя и въ его селв газету читаеть всего

одинъ крестьянинъ. Иногда корреспонденты не ограничиваются однимъ этимъ и прибавляють еще, что крестьяне наиболее интересуются статьями по сельскому хозяйству. Такъ, одинъ учитель школы грамоты на вопросъ, -- многіе ли читають газету? -- отвічаеть: «одинъ учитель» (sic!) и далее на вопросъ, —какія статьи въ газете наиболье интересують крестьяна?—не обинуясь, отвычаеть: «о руководствъ пчеловодства». На вопросъ — насколько понятенъ для крестьянь языкь газеты? -- онь отвёчаеть: «постаточно», на воиросъ — удовлетворяются ин крестьяне выборомъ и содержаніемъ статей?—отвъчаеть утвердительно и на вопросъ-каких статей не достаеть въ газеть, по меннію крестьянь?-успоконтельно заявляеть: «покедова достаточно». Другой учитель отвичаеть: «Это хотя безызвёстно, но надо полагать, что удовлетворяются, такъ какъ для крестьянина болбе этого нечего и желать». Формализиъ этихъ ответовъ осложняется еще темъ обстоятельствомъ, что вопросъ этоть не быль достаточно понять самими корреспондентами. Такъ, одинъ учитель изъ инородческой мъстности пишеть, что крестьяне-инородцы «удовлетворяются газетою черезъ переводчика на родной явыкъ». Другіе корреспонденты этого рода стараются подчеркнуть тоть факть, что даровому коню въ зубы не смотрять. Такъ, одинь священникъ сообщаеть. что крестьяне газетою «вполнъ удовлетворяются, такъ какъ она дается безмездно». Другой священникъ тоже пишеть, что крестьяне «довольны даромъ почетать». Буквально то же пишеть одна учительница. Затёмъ мы встрёчаемъ рядъ отвётовъ, авторы которыхъ, поведемому, находили незаконнымъ желаніе крестьянъ видёть въ газеть другіе отдылы, кромы сельско-хозниственнаго, и либо умалчквали о нихъ, либо упоминали лишь въ виде доказательства того, какъ мало крестьяне понимають пель, преследуемую газетой. Такъ, одинъ корреспонденть сообщаеть: содержание и выборъ статей удовлетворяють крестьянь относительно сведений по сельскому ховяйству. Тоже пишеть учитель г. Редниковь: «Удовлетворяются ли врестьяне выборомъ и содержаніемъ статей-объ этомъ пова съ ними не было ръчи. Никто изъ крестьянъ не заявиль своего желанія нивть какія-либо еще неизвістныя для нихъ свідінія о той или другой отрасли сельскаго хозяйства». Учитель г. Мещеряковъ пишеть тоже, что «статей по всымь отраслямь сельскаго хозяйств въ газетъ достаточно». Учитель Сарапульскаго увада, г. Кибардин, сообщивъ, что газетою интересуются и пользуются очень немногіе и что читатели не довіряють помінцаемымь вь ней статьямь, пишеть: «содержаніе «Вятской Газеты» обнимаеть всё отрасли сельскаго козніства, такъ что съ этой стороны крестьяне не предъявляють къ ней большихъ требованій». Учитель Глазовскаго у., г. Шатровъ, пишеть: «плохо понимая цёль, преследуемую газетой, и ея спеціальное назначеніе, многіе изъ крестьянъ желали бы, чтобы наряду со статьями сельско-хозяйственнаго содержанія были бы и статьи другого характера, какъ въ «Сельск. Въстн.» Еще одна учительница

сообщаеть, что «крестьяне, не вполнё понимая, что высыдаемая газета спеціально сельско-хозяйственная, желали бы встрёчать въ ней статьи по вопросамъ ихъ земельнаго и административнаго устройства». Воо ще оговорки въ этомъ родё встрёчаются часто и показывають, что корреспонденты и сами не совсёмъ поняли желаніе земской управы и, предъявляя къ газетё тё или иныя требованія въ предълахъ узко спеціальной программы, не допускали мысли о возможности полнаго измёненія характера газеты. Хорошо еще, что нівсоторые изъ нихъ мимоходомъ упомянули о желаніяхъ деревенскаго читателя, выходящихъ за преділы существующей программы газеты, но многіе, надо полагать, совсёмъ замолчали подобныя желанія крестьянъ, находя ихъ незаконными.

Къ тому же и трудно было бы ждать определеннаго ответа на этоть серьезный, хотя и не сложный вопрось отъ полуграмотнаго читателя, который, быть можеть, никогда и въ руки не браль никакой другой газеты. Эта сторона вопроса тоже затронута накоторыми корреспондентами. Такъ однив законоучитель Вятскаго увзда пишеть: «уд » летворяются пока, такъ вакъ газету читають въ первый разъ, притомъ же начего почти не слыхази ни откуда о полезныхъ нововвед ніяхъ и улучшеніяхъ въ веденіи сольскаго хозяйства, кустарныхъ производствъ, птомысловт». «Крестьяне читаютъ въ газеть все сообщаеть другой корреспонденть, и не потому, чтобы интересно, а только потому, что хочется ему что-нибудь читать. О томъ, удовлетворяются ли врестьяне выборомъ и содержаніемъ статей и какихъ статей не достаеть въ газеть, по мевнію крестьянъ, - этого они не нысказывають, такъ какъ многаго они въ газотв не понимают: ». Учительница г-жа Мышкина тоже много помогаеть разъяснению причинъ этой «удовлетворенности» крестьянъ газетою. «Крестіяне, пишеть она, довільны всемь, что предлагается имъ для чтенія». Эти отваты стоять того, чтобы въ нихъ вдунаться. Деревенскій читатель въ массі слишкомъ еще неразвить для того, чтобы кри ически отнести ь къ газоти или книги, которую ому дають читать; но жажда въ чтенію у него уже есть. Не въря вычитаннымъ советамъ, нередко не вплине даже понимая прочетанное, онь темъ не менее читаеть все, что попадется ему подъ руку, читаетъ нередко съ жадностью, такъ какъ помимо всего остального, даже самый мех-низмъ чтенія доставляеть ему удовольствіе. Но, видя такого читателя читающимъ съ жадностью вакую бы то ни было ьнигу, еще нельзя утверждать, что она его удовлетворяеть. «Большинство, пишеть одинъ учитель Котельническаго у., съ жадностью читаеть первую попавшуюся книгу».

Отсутствіе критическаго огношенія къ газетѣ, смѣшиваемое съ «удовантворенностью», отмѣчаетъ и учитель Сарапульскаго у., г. Федуствъ. «Въ критику статей газеты, пишетъ онъ, крестьяне не пускаются и мнѣ приходилось слышать отъ крестьянъ только одобрительные отзывы о газетѣ. Съ расширеніемъ программы газетъъ

число читателей несомивно увеличится». Учительница Вятскаго у., т-жа Хлвоникова, пишеть то же самое: «относятся къ газетв не критически, такъ что опредвленныхъ мивній слышать не приходилось, а твиъ болве ясно выраженныхъ требованій относительно содержанія статей». Учительница Сарапульскаго у., г-жа Каллистова, пишеть, что «чтеніе газеты для містныхъ крестьянъ еще діло новое и потому они, по этому вопросу, ничего не высказывають». Еще одинъ корриспояденть пишеть: «на всё эти пункты сказать что любо положительное очень трудно. Грамотныхъ слишкомъ немного, да и эти немногіе владіють грамотою недостаточно, чтобы предъявлять какія любо требованія къ газеті». Встрічаются и еще отвіты въ этомъ родів.

Нѣкоторые корреспонденты, сообщая, что «Ват. Газ.» удовистворяеть крестьянь, въ то же время дають почувствовать, что при расширеніи умствен заго горизонта деревенскаго читателя она едва ли будеть удовлетворять его. «По опрост оказалось, пишеть одинъ корреспонленть, что нока удовлетворяются и этимъ выборомъ и содержаніемъ статей». Расширеніе программы газеты привётствують многіе корреспонденты, въ томъ числів и нікоторые изъ тіхъ, которые сообщають, что крестьяне газетою «вполні удовлетворяются». Такъ, напримтръ, о крестьянахъ галановскаго сельскаго общества корреспонденть пишеть: «выборомъ и содержаніемъ статей крестьяне вполні удовлетворяются, но еще больше удовольствія высказывають по случаю увеличнія программы газеты».

Изъ остальныхъ корреси ндентовъ ивкоторые уклонились отъ отвъта на этотъ вопросъ или отвътили неопредълено (напр., «пенявнотно», потому что крестъяне относительно этихъ вопросовъ ничего не выражаютъ», «не дълали никакихъ замвленій» и т. п.); другіе (40) отвътили на него отрицательно. Перейдемъ къ разсмотрънію отвътовъ этого рода.

Авторы ответовъ отрицательнаго характера не всегда пытаются формулировать смутныя требованія деревенскаго читателя, недовольнаго теперешнимъ характеромъ газеты. «Крестьяне и сами этого не знають, пишеть одинь корреспонденть на вопросъ, какихъ статей не достаеть въ газеть, по мевнію крестьянь, сообщивь предварительно, что настоящій подборъ и содержаніе статей въ тазеть крестьянь не интересуеть и не удовлетворяеть. Другой корреспонденть пишеть почти слово вы слово то же самое: «выборомъ статей крестьяне не удовитворяются, но на счеть того, какихъ статей не достаеть въ газеть, они не могуть дать ответа». Въ другихъ ответалъ на эти два вопроса тоже сплошь и рядомъ встрвчаются односложамя фразы, вродь: «нечего не выражають», «начего не высказывають» и т. д. Да и трудно было бы ждать болье цыныхъ и опредъленныхъ ствытовъ отъ лицъ, которыя, какъ мы видели выше, такъ далеко стоять отъ народа. Нужно много наблюдательности, много любви къ дълу и — главное — необходимы

тесныя, простыя отношенія между учителемь и местнымъ населеніемъ, для того, чтобы онъ могь подметить и верно угадать зарождающуюся въ деревенскомъ полуграмотномъ читателв потребность въ хорошей разумной умственной пище. Подметить и формулировать эту потребность, смутную для самыхъ читателей, до нъкоторой степени удалось только лучшимъ изъ корреспондентовъ. Большинство даже и не пыталось сделать этого, да врядъ ли они, впрочемъ. когда и задумывались надъ этимъ вопросомъ. Этимъ обстоятельствомъ, повидимому, и объясняются 30 корреспондентскихъ отвётовъ, утверждающихъ, что статей въ газеть, по менью крестьянъ, «достаточно», «вполий достаточно», что крестьяне «недостатка статей не ощущають» и т. д. Выше мы уже видели, въ какія противоречія съ самине собою и въ какія несообразности попадають часто корреспонденты, которые стараются отдёлаться простою отпискою, что все обстоить благополучно. Теперь замічу еще разъ, что разбираемые отвёты далеко не одинаковой ценности и достоверности и что это обстоятельство необходимо принимать во вниманіе, діная ивъ этого матеріала какіе либо выводы. Подчеркивая это обстоятельство, я вовое не упрекаю народныхъ учителей и учительницъ въ формальномъ отношеніи въдёлу и въ далекости ихъ отъ темной народной массы, которую они призваны просвыщать, а лишь констатирую факть отолько же естественный, сколько и несомивниый. Сухой формализмъ, характеризующій весь механизмъ діла народнаго образованія, неминуемо должень быль захватить и учителя народной школы. Иного отношенія къ леду и трудно было бы ожидать отъ малокультурныхъ и загнанныхъ учителей, которые вдобавокъ даже боятся дать газету мужику, не имея на то «документа».

Выше я говориль уже, какъ трудно полуграмотному читателю сделать ту или иную оценку какой бы то ни было газеты. Въ лучшемъ случав онъ можеть только сравнивать одну извёстную ему газету съ другою и говорить, что эта лучше, а другая хуже, но и туть очень радкій изь нихь сумбеть сказать, чамь лучше эта и чить хуже та. Кромв «Сельскаго Выстника», крестьянинъ обыкновенно никакой газеты не знаеть и потому ему приходится сравинвать «Вят. Газ.» съ этимъ казеннымъ органомъ. Трудно, кажется, представить менте опаснаго соперника и, однако, вст 9 корреспондентовъ, которые пишуть о сравнительномъ отношении крестьянъ въ этимъ двумъ газетамъ, единогласно утверждають, что «Сельскій Въсти.» нравится престыянамъ больше «Вят. Газеты». Нъкоторые корреспонденты прямо таки заявляють, что крестьяне просять «уподобить» «Вят. Газ.» «Сольскому Вестнику», потому что онъ лучше и занимательные. «По мныню крестьянь, пишеть одна учительница Уржумскаго у., въ сравненіи «Вят. Газ » съ «Сельскимъ Въсти.» не достаетъ многихъ статей». Учительница Вятскаго у., г-жа Ельчугина, пишеть, что крестьяне не удовлетворяются содержаніемъ статей «Вят. Газ.» и предпочитають ей «Сельскій Вісти.» Учительница г-жа Лобовикова констатируеть приблизительно то же самое. «Крестьяне, пишеть она, желали бы, чтобы газета по типу и содержанію своему приблизилась къ «Сельскому Въстнику», который они охотиве выписывають и съ большимъ удовольствіемъ читають. «Вят. Газ.» крестьяне мало интересуются». Учитель г. Суходоевъ отмъчаеть тоть же факть. «Вят. Газ.», пишеть онъ, никто не береть. За то крестьяне съ наслажденіемъ читають «Вят. Губ. Въд.» и «Сельск. Въстн.», посивдній разбирается нарасхвать». Всъ эти невыгодныя для «Вят. Газ.» отзывы объясняются опять таки узко-спеціальною программою того времени. «Сельск. Въстн.» и мъстныя «Губ. Въд.», при всей своей сухости и оффиціальности, иногда затрагивають всетаки болье живые вопросы текущей жизни деревии; сельско-хозяйственныя же и техническія статьи «Вят. Газ.» представлялись деревенскому читателю самымъ мертвымъ и неинтереснымъ матеріаломъ для чтенія.

Разбирая отвёты на вопросъ, «удовлетворяются ли крестьяне выборомъ и содержаніемъ статей и какихъ статей не достаеть въ газеть, по минию крестьянь? -- станкиваещься съ твиъ же обстоятельствомъ. «Подборъ статей, пишеть одна учительница, мало удовдотворяеть дюбознательности ивстнаго населенія, такъ какъ статьи мало приложимы къ нуждамъ местнаго края (травосеяніе, удобреніе почвы, устройство овиновъ, огородничество и т. п.). Эти статык мало интересують нашего простого крестьянина, привыкшаго только къ унаследованнымъ отъ отцовъ и дедовъ первобытнымъ способамъ веденія своего незамысловатаго хозяйства. Поэтому и газету читають немногіе». Въ томъ же роді отвічаеть и учитель одной церковно-приходской школы, діаконъ Селивановскій: «очень немногіе изъ крестьянъ грамотныхъ, пишеть онъ, знають о существовани газеты. Языкь большинству понятень, но выборомъ и содержаніемъ статей крестьяне удовлетворяются не всегда. Къ чему, напримъръ, печаталась статья объ окраскъ рога въ нъкоторыя цвета и подъ перламутръ? Многихъ ли она интересуеть въ ценомъ уевде? Лучше было бы послать темъ, ето занимается обработкою рога, книжку по ихъ спеціальности, или укавать, гдв она продается»... Несколько далее о. Селивановскій прибавляеть: «по программ' прошлаго года газета не удовлетворяла врестьянь; теперь же, когда будуть печататься распоряженія правительства, отатьи по медицинь и ветеринаріи и т. д., можно думать, что газета будеть больше нравиться и приносить пользы». Учительница Нолинскаго убзда пишеть: «газету читають очень немногіе. Крестьяне газетою интересуются мало, утверждая, что они безъ газеты внають свое дело и что, по ихъ мевнію-«не земля родить, а небо»... Такъ какъ крестьяне совершенно равнодушны къ газеть, то они не заявляють никакихъ недостатковъ». Священникъ Модестовъ, заведующій игринскою церковно-приходскою школою, ма вопросъ, какихъ статей недостаеть въ газеть, по мивнію

крестьянь, заявляеть: «такого мевнія въ нхъ головахъ пока не видно».

Къ счастью, нашлись среди сельскихъ учителей и учительницъ н таків, которые кое-что увидели «въ ихъ головахъ»; увидели и по мъръ силь отметили. Изъ числа этихъ последнихъ я уже отметиль выше девать голосовь, просящихь «уподобить» газету «Сельскому Въстнику», другими словами хоть немного расширить ея программу. Сюда же следуеть отнести 12 ответовь, въ которыхъ корреспонденты пишуть, что крестьяне «радуются расширенію программы» или «просять расширить газету». Изъ другихъ ответовъ 56 выражають желаніе винть въ газеть побольше статей по той нан другой отрасли хозяйства и ремесль. Каждый корреспонденть требуеть больше статей по темъ отраслямъ сельскаго ховяйства нли по тамъ ремесламъ, какія болье развиты въ данной мьстности. Одни просять статей по садоводству, другіе-по пчеловодству, льсоводству, скотоводству, хивиеводству, травоовянію, машиностроемію н т. д. Вдаваться въ подробный разборъ ответовъ этого рода я не вижу ни мальйшей надобности и потому перейду къ разбору болье интересныхъ и заслуживающихъ большаго вниманія ответовъ, требующихь введенія въ газеть новыхь отділовь, желающихь видыть въ ней статьи болье общаго характера. Большинство отвътовъ этого рода, а именно 50, высказывается за пом'ящение въ газет'я статей по медицина, гигіена и ветеринаріи. Затамъ сладуеть 25 отватовъ, которые находять необходимымь ввести въ газеть отдель политическихъ извёстій и правительственныхъ распоряженій, 11 отвётовъ высказанных за расширеніе (втрите говоря, за введеніе) въ газеть отдыла мыстной жизни, указыван на желательность корреспоиденцій изъ уводовъ, статей о разныхъ сторонахъ м'ютной жизии, земской хроники, статей по продовольственному вопросу, по народному образованію, о хозяйственной жизни губерніи и т. д. 9 корреспондентовъ высказываются за печатаніе въ газеть статей по соціологін («собственно, какъ устроить жизнь мучше», поясняють корреспонденты это громкое слово, вкладывая въ него такимъ образомъ свой собственный смыслъ) и статей «объ удобствахъ жизни въ другихъ мъстностихъ губернік и Россін»; 17 корресномдентовъ высказываются за справочный отдель о ценахъ на жизненные припасы, скоть, на рабочія руки, свідінія объ урожай и т. д.; 6 отвътовъ требують введенія въ газеть интературнаго отдела и 6-поридическаго. Затемъ уже следують отзывы, имеюще за себя 2—3 голоса. Здёсь прежде всего слышатся голоса духовенства, решительно требующія печатанія въ газете статей религіозно-правственнаго и поучительнаго характера. Особенно тишичие въ этомъ отношении письмо завъдующаго церковно-приходскою школою с. Медянъ, Вятокаго убада, священника Медвадицына. По его мнёнію, въ газеть следовало бы завести сособый отлель проявленія знаменій и чудесь, особенно въ нынішнія времена». Такой отдільпо его увъренію, нивется въ журналь «Кормчій». Точно также одннови и другіе голоса, изъ которыхъ одни говорять, что «вообще мало статей», другіе просять печатать предсказанія погоды, третьи отчеты агрономовь о ихъ двятельности, четвертые о томъ—«какъ избавиться отъ пьянства, т. е. уничтожить главный его корень» и т. д.

Ближайшее разсмотрвніе отвътовъ, указывающихъ на недостатки газеты въ ея тогдашнемъ видъ, очень интересно. По нимъ можно судить и о самомъ корреспонденть: о степени его культурности, о близости его отношеній къ населенію и т. д. Сверхъ того, они интересны какъ матеріалъ для разработки вопроса о вившкольномъ народномъ образованіи.

«Газета проникаеть почти во вей деревни, переходи отъ одного къ другому, пишеть одна учительница: относительно статей, помъщаемыхь въ газеть, читающіе не выражають своихь мивній, не предъявляють никакихь особенныхь требованій, хотя приходилось слышать: «а хорошо бы еще что прочитать», но что именно-они сами не знають ясно: «ну, хотя бы о политикв, новости и т. д.». То же говорить и учительница Вятокаго увзда, г-жа Лопатина, письмо которой я уже цитироваль отчасти выше. По ея словамь, крестьяне NOTE H HOHRMANTS CTATSH, HO HE HANOGETS «JECTHENES», T. C. HITCресныхъ статей. Статьн сельско-хозяйственнаго характера оне находять непримънимыми въ своемъ хозяйствъ и потому мало интересуются ими. «Лестными же статьями, какихь не достаеть въ газеть, по мевнію крестьянь, пишеть г-жа Лопатина нальше, являются для нахъ внутреннія и внішнія политическія навітотія и мъстныя корреспонденців. Приходилось слышать и такіе отзывы, что въ газеть мало помъщается статей по ремесламъ и промысламъ и совствить не помъщается статей, касающихся сельскаго быта». Учитель г. Братчиковъ пишеть: «въ газеть недостаеть статей юридическаго характера, изъ области волостного и сельскаго самоуправденія, подобныхъ тамъ, вакія печатаются въ «Сельскомъ Вастинев». Сколь не велико сельско-хозяйственное невѣжество крестьянъ, но оно не такъ ощутительно, какъ невъжество юридическое, и послъднее совнаеть самъ крестьянинъ. Онъ не внаеть ин своихъ правъ, ни обязанностей и часто отъ этого терпитъ гораздо болве, чвиъ отъ неурожаевъ». Важность этого отдела отмечаетъ и еще одниъ ворреспонденть Ватскаго увзда. Онъ пишеть, что, по мивнію врестьянь, въ газеть «не достаеть статей о законахь, относящихся до сельскаго быта». Точно то же пишеть одна учительница. «Среди мужичковь, читающихъ «Витокую Газету», неоднократно приходилось наблюдать такое желаніе: «а что-бы вемотву учить насъ въ этой газеть нашимъ крестьянскимъ законамъ, а то у насъ никто не знаеть толкомъ, кого ему о чемъ просить и куда ему на что жаловаться». Указанія на желательность отділа полетическихь известій тоже далеко не исчернываются приведенными выше. Такъ, одна учительница пишеть: «выборомъ статей крестьяне удовлетворавотся только по привычев интересоваться рубриково политическихъ статей и заметокъ; они и въ этой газете ищуть этихъ статей и не находить». Учительница г-жа Арбузова тоже пишеть, что «крестьянинъ мало быль удовлетворень газетой, потому что не випъль политическихъ извъстій. По своему опыту скажу, что интересуются этою газотою немногіе крестьяне, хотя и не выражають недовольства, кром'в вышеупомянутаго». Изъ Котельническаго убяда учитель г. Федоровъ и учительница г-жа Луппова пишуть, что «въ газеть непоставало статей по медицинь и ветеринаріи, такъ какъ для крестьянина весьма важно знать, какъ предохранять себя и животныхъ отъ заболъваній, а также самые простые домашніе способы ліченія, по крайней мірі при легкихь заболіваніяхь». Нікоторые ответы говорять относительно формы статей. Такъ, учитель Орловскаго утада, г. Обжеринъ, пишетъ: «выборомъ и содержаніемъ статей крестьяне удовлетворяются, но газота могла бы завоевать болье прочную почву среди крестьянского населенія, если бы выкоторыя статьи излагались въ повыствовательной формы и помещались статьи по скотоводству, пчеловодству, лесному делу и вр.». Учительница Витскаго увада, г-жа Ельчугина, тоже пишетъ: «по моему мивнію въ газоть но достаоть небольшихъ разсказцевъ въ народномъ духв». Учитель Краевъ сообщаеть, что «крестьяне выражають желаніе читать въ газотв статьи изъ быта крестьянь». Еще одна учительница пишеть: «отаросты раздають газету, а потомъ она передается взъ одного селенія въ другое. Грамотные врестьяне четають ее всв. Изложение статей вполей понятно, но четатели-престыяне просять расшерить газету. По ихъ мивнію, не достаеть статей о правленіи губерніей, увадомь и волостью». Другая учительница пишеть приблизительно то же: «крестьянь интересують статьи о хозяйственной жизни губернін и Россін вообще, также земское дело въ убяде и продовольственное. Крестьяне жедають расширенія статей о хозяйственной жизни и свідіній болье ясныхъ по деламъ земства и вообще крестьянства».

Для полноты приведу еще ийсколько требованій, предъявляємыхъ корреспондентами къ газетй, хотя они и не заключають въ
себй ничего новаго. Одниъ священникъ пишеть, что въ томъ
районі, гді онъ живеть, «за недостаткомъ ліса престъяне рвутся
въ лісныя міста. Желательно имъ разведеніе ліса и сбереженіе
остающагося и статьн о пользійліса для урожаєвъ». Учитель увинской
школы, Глазовскаго уйзда, пишеть: «крестьяне неохотно читають
статьн научнаго содержанія, а боліс интересуются статьями, посовіту которыхъ онъ можеть улучшить свое полеводство и вообще
поставить свое хозяйство боліс продуктивнымъ. Крестьяне охотноберуть травяныя сімена, фосфорить, косули; если многіє и не беруть, то благодаря своей бідности». Одна учительница тоже пишеть, что крестьянъ особено интересують «статьи, иміющія прак-

тическое применение къ крестьянскому хозяйству. Кроме того, пишетъ она, крестьяне, не вполее понимая, что высылаемая газета спеціально хозяйственная, желали бы встречать въ ней статьи по вопросамъ ихъ земельнаго и административнаго устройства». Діаконъ Малмыжскаго убяда, о. Свечниковъ, пишетъ, что «выборъ и содержаніе статей не совсёмъ удовлетворительны. Статьи должны писаться какъ можно короче и проще и имётъ прямое отношеніе къ быту крестьянъ». Свищенникъ о. Зоркинъ пишетъ: «такъ какъ сельско-хозяйственное положеніе пока только начинаетъ развиваться, то и выборъ статей пока требованіямъ читателей удовлетворяетъ. Думается, что на будущее время кругъ свёдёній по изв'єстнымъ даннымъ будетъ расширенъ и статьи объ нихъ будуть взагаться въ болёе пространномъ объем'я». Далее корреспондентъ выражаетъ желаніе видёть въ газетѣ статьи «по всёмъ отрасиямъ бытовой жизни».

После всего сказаннаго самъ собою напрашивается вопросъ о практических результатахъ распространенія въ народі посредствомъ газеты сельско-хозяйственныхъ внаній. Разумбется, трудно ждать сколько-нибудь зам'ятных результатовъ посл'я перваго же года изданія газеты. Тімъ не менье разборь относящихся въ этому вопросу ответовь будеть нелишнимь, такъ какъ по тому, что сделано, можно судить и о томъ, что можеть быть сделано въ будущемъ. Громадное большинство ответовъ сововиъ не упоминаеть о томъ, дало на чтеніе «Вят. Газ.» какіе бы то ни было практическіе результаты, что даеть полное основаніе думать, что такихъ результатовъ въ этихъ местностяхъ не было. Затемъ изъ ответовъ, такъ или иначе коснувшихся этой стороны дела; 13 говорять, что крестьяне безусловно не върять печатавшимся въ газета сельско-хозяйственнымъ соватамъ, 19 отватовъ говорять, что крестьяне находять эти советы непригодными въ своемъ ховяйстве и потому не решаются делать опыта, и 5 ответовъ сообщають, что крестьянами съ большимъ или меньшимъ успехомъ делансь попытен применить те мли иные советы, вычитанные въ газетъ.

Такая незначительность илодовъ культуртрегерства — явленіе вполнів естественное и обусловливается бідностью сельскаго населенія и его некультурностью. Відность забиваеть мысль крестьянина, связываеть его по рукамъ и ногамъ и совершенно лишаеть его возможности ділать какія бы то ни было улучшенія въ своемъ жалкомъ хозяйствів на ничтожномъ клочків земли. Некультурность крестьянина, обусловленная его экономическимъ и соціальнымъ положеніемъ, ділаеть его недовірчивымъ къ какимъ бы то ни было новшествамъ, заставляеть его кріпко держаться за порядки и обычаи, заведенные изстари. Вліяніе этихъ двухъ факторовъ такъ громадно, что въ борьбів съ ними безсильны попытки распространенія агрономическихъ и техническихъ знаній. Эти спеціальныя знанія

будуть имъть значение лишь тогда, когда будеть значительно поднять уровень общей культуры трудящагося класса и когда измънится его экономическое положение.

Остановимся, однако, на отвётахъ, сообщающихъ, что указанія «Вят. Газ.» не остались безплодными. Отвётовъ этого рода такъ немного, что можно привести ихъ все, велючая сюла не только указанія на улучшенія уже сдёланныя, но и однё надежды корреспондентовъ на возможность этихъ улучшеній. Одинъ учитель сарапульскаго училища пишеть: «Въ последнее время врестьяне стали нитересоваться травосвяніемь. Хотя травосвяніе въ здішней містности до сихъ поръ и не было введено, но нужно думать, что оно, благодаря «Вят. Газ.» и некоторымъ другимъ объявленіямъ, издаваемымъ земской управой отдъльно, въ недалекомъ будущемъ привьется здёсь». Діаконъ Сарапульскаго уёз., о. Рязановъ, пишеть: «многіе изъ крестьянъ, прочитавъ номера газеты, обращались ко мий на советомъ, где и какъ можно доступать (достать?) извёстные предметы по предоводству и хозниству... Не достаеть въ газетъ правительственных распоряженій и иностранных сведеній». Въ этомъ же родь отвычаеть и одинь учитель Яранскаго увяда. «Газету, пишеть онь, старосты раздають по очереди всёмъ грамотнымъ которые читають охотно, а неграмотные, какъ и замётиль, слушають и применяють къ делу, особенно же статейки по сельскому хозяйству. Многіе крестьяне обзаводятся уже сортировками, вѣялками и другими орудіями». Учительница шестаковскаго училища тоже пишеть, что «многое, заимствованное изъ газеты, крестьянами удачно примъняется къ дълу».

Мнё остается еще прибавить два слова по вопросу о томъ, сохраняется ин газета послё прочтенія и гдё именно? Изъ корреспондентовъ, отвётившихъ на этотъ вопросъ, 439 сообщим, что газета сохраняется, 28,—что она либо затеривается, либо идетъ на оклейку избъ сельскихъ старостъ и крестьянъ и 12,—что она сохраняется не совсёмъ аккуратно. Сохраняется «Вят. Газ.» по большей части въ школьныхъ библіотекахъ или на рукахъ сельскихъ старостъ, которые, оставияя должность, передаютъ газету своимъ преемникамъ. Есть единичныя указанія на то, что газета сохраняется либо въ церкви, либо на рукахъ мъстнаго земскаго изчальника. Небрежное отношеніе къ сохраненію газеты объясняется тёмъ, что старосты, на рукахъ которыхъ находятся экземпляры газеты, высылаемые въ сельскія общества, народъ по большей части неграмотный.

На этомъ можно было бы и закончить разборъ данныхъ, имъющихся въ редакціи «Вятской Газеты», такъ какъ данныя эти говорять сами за себя. Тъмъ не менъе я ръшаюсь высказать еще итселько мыслей, навъянныхъ разборомъ этого матеріала.

Вопросъ о необходимости изданія газеты для народа—вопросъ не новый въ нашей литературі и обществі. Его возбуждали еще

въ концѣ 50 гг., когда задача народнаго образованія выдвинулась впередъ. Съ тѣхъ поръ этоть вопросъ не только нерѣдко возбуждался въ печати, но иногда въ этомъ направленіи дѣлались и практическія попытки, не приведшія, правда, къ желательному результату. Причиною неудачи была невозможность поставить дѣло на прочныхъ основаніяхъ въ силу незначительности спроса на газету въ народной массѣ и, сверхъ того, полная невыясненность требованій народа по отношенію къ печатному слову.

Рость уиственных потребностей перевенского читателя, рость не только количественный, но и качественный, замёчается не только по отношенію въ внигь, но и по отношенію въ газеть. Мнъ уже приходидось говорить объ этомъ въ другомъ месте *), при описании исторіи безвременно погибшей другой «народной» газеты «Неоффиціальной части Сарат. Губ. Въд. ». Насъ въ данномъ случав интересуеть, впрочемъ, лишь одниъ факть изъ исторіи этой газеты. Въ 1892 г. редакція «Неоф. Часте» обратилась въ своямъ читателямъ съ печатнымъ запросомъ, какъ крестьяне относятся въ разнымъ отделамъ газеты, какія статьи въ ней наиболье ихъ интересують, какіе отдыли и статьи были бы желательны въ газеть еще и т. д. На этоть запросъ редакція получила очень цінныя указанія, напоминающія отвіты, полученные редакціею «Вятской Газеты». Тавъ, напр., многіе подписчики, главнымъ образомъ крестьяне, высказывали желаніе, чтобы въ газетв быль введень отдель внутренних и вившнихь политическихъ извёстій. «Крестьяне, писали къ редактору эти корреспонденты, --- вовсе не такъ равнодушны къ политикъ, какъ вы, очевидно, думаете. Напротивъ, они относятся съ самымъ живымъ интересомъ ко всемъ политическимъ слухамъ, проникающимъ въ деревню окольными путями-черезъ письма, солдать и т. д. Иногда самый нежыный слухъ, полученный такимъ путемъ, переходить изъ устъ въ уста и обходить целые уевды». Редакція, во вниманіе къ этимъ требованіямъ, тогда же выхлопотала разрівшеніе открыть въ газеті отабыв внутреннихъ и вибшнихъ политическихъ известій. Интересны и другія требованія читателя изъ народа относительно гаветнаго матеріала, полученныя редакцією эт лазеты. Напр., по вопросу о беллетристики большинство корреспондентовъ высказывалось безусловно противъ разсказовъ нравоучительныхъ. По вопросу о статьяхъ сельско-хозяйственнаго характера многіе писали, что народъ или не читаеть ихъ, или считаеть всё совёты газеты непригодными въ своемъ крестьянскомъ хозяйства. Накоторые, впрочемъ, прибавляли, что школьники читаютъ эти статьи съ увлеченіемь и мечтають въ будущемь вести свое хозяйство по «книжкв». Многіе читатели писали въ редакцію, прося вновь ввести въ гаветь библіографическій отдыль, изгнанный цензурою.

Всѣ разобранные отвѣты, констатируя безсиле народной газеты

^{*)} Въ «Вятскомъ Крав» 1895 года.

повліять благотворно на технику мелкаго производства, показывають, какъ нецелесообразно при существующихъ условіяхъ придавать народной газоть спеціально сельско-хозяйствонный или техническій характерь. Мы видели уже, какъ мало удовлетворяєть такая газета читателя изъ народа и видёли, что требованія расширить программу газеты идуть съ двухъ сторонъ. Для крестьянъ малограмотныхъ необходимо чтеніе болье занимательное; для того, чтобы они стали читать газету, необходимо сначала пріучить ихъ въ чтенію, разбить традиціонное недовёріе въ прочитанному, иначе газета не найдеть среди нихъ читателей и тёмъ менёе охотниковъ примёнить ея совыты въ своемъ хозяйствь. Для престъянъ уже начитанныхъ и любящихъ чтеніе газета вполнё понятна и нервіко они охотно читають ее, но она уже не можеть удовлетворить ихъ. Они уже переросии ся программу, у нихъ создались извъстные умственные нитересы и ихъ мысль начинаеть останавливаться на вопросахъ поважнье земледыля, —она начинаеть работать надъ разными вопросами окружающей действительности. Въ газеть они ищуть матеріала для мысли, ищуть отвётовь на выдвигаемые самою жизныю вопросы. Если такой «мятущійся умъ» и остановится за неимвніемъ лучшаго на вемлелельческой газоть, если такая газота и заставить его отъ жгучихъ вопросовъ жизни перейти къ вопросамъ сельскаго хозяйства, то едва ин нужно прибавлять, что она сыграеть роль отрицательнаго характера. Воть почему я глубоко убъщенъ, что народу нуженъ не какой-нибуль спеціально сельско-хозайственный нии техническій органь, а органь просвётительный въ самомъ широкомъ смысле этого слова, не лишенный при этомъ публицистическаго характера. Распространия общія знанія, давая читателямъ отвёты на важнёйшіе вопросы жизни и способствуя ихъ саностоятельной работь, такой органь не должень чуждаться и текущей дъйствительности, долженъ отзываться на влобы дня. Только такой органъ, стремясь въ развитію самосознанія и гражданственности въ народь, къ корениому переустройству его умственной жизни, можетъ подготовить деревенскую читающую публику къ воспріятію прикладныхъ знаній.

В. Арефьевъ.

Новыя книги.

- К. Бальмонть. Тишина. Лирическія поэмы. СПБ. 1898 г.
- Г. Бальмонтъ писатель еще молодой, ему всего триппать лёть, какъ видно изъ одного вошедшаго въ настоящій сборникь стихотворенія, и едва ли онь насчитываеть болъе 5-6 лътъ литературной дъятельности; и однако это не мъщаетъ ему пользоваться уже довольно общирной извъстностью. Можно лишь удивляться плодовитости и энергіи въ работъ нашего поэта-символиста; затмить его въ этомъ отношенін могь бы въ недавніе годы одинь г. Мережковскій. нынче почему-то совсёмъ замолишій. Въ самомъ дёлё, какъ нереводчикъ, г. Бальмонтъ предпринялъ огромный трудъ передачи на русскій языкъ стиховъ Шелли, одного изъ величайшихъ и сложивищихъ поэтическихъ гоніевъ нынвшняго столътія, но параллельно съ этимъ онъ переводилъ и Эдгара Пов, и Гофмана, и исторію скандинавской литературы Горна, и всторію итальянской литературы Гаспари; теперь онъ готоветь къ печати прамы Кальперона... Какъ поэть оригинальный, г. Бальмонть выпускаеть уже третій сборникъ стиховъ съ неизменно громкими заглавіями: "Подъ севернымъ небомъ", "Въ безбрежности" и "Тишина"... Не выступая въ родной литературъ въ качествъ критика или публициста, нашъ поэтъ, однако, и на этомъ полъ не прочь пожать лавры: онъ печатаеть въ иностранныхъ журналахъ оригинальныя критическія обозрвнія, гдв "Свверный Вістникъ" объявляется, напр., лучшимъ литературнымъ органомъ въ Россіи, а г. Волынскій "Знаменитымъ" критикомъ, и, кромъ того, читаетъ иногда за границей публичныя лекціи о той же русской литератур'ї, гдії разумбется, проводятся, не менбе самостоятельные взгляды... Это ли не изумительно-плодовитая дъятельность, и это ли не серьезныя права на громкую извъстность?

Въ глубокомъ сознаніи этихъ своихъ правъ г. Бальмонтъ такъ обращается въ одномъ изъ стихотвореній, пом'єщенныхъ въ сборникъ "Тишина", къ Шелли:

Мой лучшій брать, мой світлый геній, Съ тобою следся я въ одно. Межь нами ціль однихь мученій, Однихь небесныхь заблужденій Всегда лучистое звено. И я, какь ты, люблю равнины Безбрежныхь стонущихь морей, И я съ душою андрогины Нѣжнѣй, чѣмъ лилія долины, Живу, какъ тѣнь, среди людей. И я, какъ свѣть, вскормленный тучей (?), Блистаю всимшкой золотой. И мнѣ открыть аккордъ иѣвучій Неумирающихъ созвучій, Рожденныхъ вѣчной красотой.

Каково, читатель? Человъкъ самъ объявляетъ свои стихи безсмертными, а самого себя золотой вспышкой... Но это бы куда еще ни шло, -- мы въ достаточной степени привыкли къ самомевнію нашихъ новвашихъ сыновъ Феба; куда бы ни шло и то, что г. Бальмонть зоветь себя "нѣжнымъ, какъ лилія долины"-и къ этому мы тоже привыкли; безмолвно выслушали бы мы, пожалуй, и признаніе въ томъ, что онъ чувствуеть себя андрогиной: языкь человъческій безь костей и можетъ говорить, что ему угодно... Но, признаемся, насъ удивило публичное братанье съ Шелли! Въдь это все равно, какъ если бы покойный Гербель назвалъ своимъ братомъ Байрона или Шекспира, или г. Минскій-Гомера!.. Переведя изъ Шелли нъсколько десятковъ стихотвореній и еще не дождавшись серьезной оценки своего труда, г. Бальмонть уже спѣшитъ высокомърно объявить, что между нимъ и Шелли нътъ, въ сущности, большой разницы...

Однако, не слишкомъ ли вы горопитесь, гордый поэтъ? Намъ кажется, что нъкоторая разница всетаки есть. Быть можеть, вы и дъйствительно страстно любите природу, до того, что временами даже "тревожите" ея листву своими "поцълуями", но въдь и гоголевскій Маниловъ тоже мечталь жить подъ тънью "этакого какого нибудь вяза"... Дайте намъ сперва великія поэтическія созданія, изъ которыхъ было бы видно, что вы равняетесь въ этомъ отношения съ Шелли, который въ обожаніи природы доходить до полнаго сліянія со всемірнымъ духомъ, проникающимъ каждую былинку и каждую волну. Но развъ значеніе великаго англійскаго поэта заключалось только въ любви къ природъ, только въ умъныи живо писать ее яркими, оригинально-свъжими красками, а не въ томъ, главнымъ образомъ, что онъ былъ однимъ изъ пророковъ новаго человъчества, одинъ изъ смъдыхъ бойцовъ за ого грядущее счастье? Неправду вы утверждаете, г. Бальмонтъ, будто Шелли жилъ какъ твнь среди людей! Твни-жильцы кладбища и могилъ, порожденія истлівшаго или истлівающаго прошлаго, а жизнерадостная повзія Шелли-колыбель свътлаго будущаго, и если нужно сравнить съ чёмъ нибудь этого поэта, то ужъ скорве всего съ солнечнымъ лучомъ, а никакъ не съ тёнью. И поввія его и его жизнь вытекали изъ одного и того же яркаго источника, любви къ человъчеству, были продолженіемъ одна пругой. Вотъ объ этой-то маленькой разниців вы и забыли, торопливый поэть!

Оригинальная муза г. Бальмонта, дъйствительно, является блёдной, безжизненной тёнью изъ какого-то луннаго міра. Людей съ ихъ живыми радостями и муками для нея, точно, не существуеть:

Мий странно видёть лицо людское, Я вижу взоры существъ иныхъ. Со мною вйтеръ и все морское (!), Все то, что чуждо для думъ земныхъ.

Очевидно, духъ шеллевской поэзін усвоенъ г. Бальмонтомъ крайне односторонне: онъ взялъ изъ нея лишь то, чёмъ пленяется и въ Эдгаре Поэ и въ Гофмане, – любовь ко всему туманному, неземному, фантастическому, таинственному. Но у Шелли это была лишь форма, правда, иногда странная и болъзненная, -- въ которую облекалось великое содержаніе, у г. Бальмонта это-все. И намъ думается, что если бы г. Бальмонтъ родился не въ концъ XIX въка, не въ современномъ русскомъ обществъ, главной отличительной чертой котораго является глубокій реализмъ, ясная душевная трезвость, а въ началь, наприм., стольтія, когда изъ глазъ нашихъ бабушекъ столько слевъ исторгала "Эолова Арфа" Жуковскаго, тогда вокругъ мечтательнаго птвиа "Свътланы" и "Громобоя" и онъ, быть можеть, могь бы вращаться маленькимъ спутникомъ. Въ своихъ оригинальныхъ стихахъ онъ повторяеть давно и невозвратно уже пройденные русской поэзіей зады романтизма: мы встръчаемъ въ нихъопять ту же луну съ мчащимися подъ нею "духами ночи", тъ же безплотные и безкровные призраки и то же неясное стремленіе dahin, dahin, wo die Zitronen blühen... Но Жуковскій обладаль тымь великимь свойствомь истинныхъ поэтовъ, котораго у г. Бальмонта, какъ, впрочемъ, и у всей школы русскихъ символистовъ, и въ поменъ нътъ: замъчательной простотой формы и не менъе замъчательной искренностью чувства. Имъя очень небольшой талантъ и безсознательно (а быть можеть, и сознательно) чувствуя всю наивную допотопность своихъ поэтическихъ вкусовъ. г. Бальмонтъ, конечно, съ превеликой радостью долженъ былъ укватиться за новыя «символистскія» теоріи, дающія право писать всякую чепуху подъ ярлыкомъ недоступной простымъ смертнымъ глубины, и воть однимъ изломаннымъ, манернымъ и неискреннимъ поэтомъ стало у насъ больше. Посмотрите, читатель, чего стоить одинь этогь жеманный, явно придуманный, а не изъ сердца, какъ у Шелли или у Жуковскаго, выливающійся явыкъ, которымъ онъ долженъ писать, чтобы казаться «глубокемъ ! Не одного самаго маленькаго стихотвореньеца вы не найдете у него, написаннаго въ простотъ, - каждое съ

какой нибудь ужимочкой символизма. В теръ не просто дуеть, а «бьетъ дыханьемъ твердь»; корабли — «выброски выбей»: валъ «мятежится»; путнеки жаждутъ «качанья нёмыхъ кораблей»; для нихъ «развернула свой свитокъ съдая печаль»; поэть сумбеть найти въ своей душб «безконечный расцвъть златоока» (?); въ своемъ воздушно-лучистомъ замкъ онъ полонъ «нѣмым» упосньемъ безстрастной звѣзды»; въ темной ночи жизни дишет сначала звонъ заоблачныхъ соборовъ, а потомъ и какая-то «ткань свётлёй земныхъ уворовъ»; очень недурны также: «звучная волна забытыхъ сочетаній, шепчущій родникъ давно умолкшихъ дней»; «непонятная лазурь»; «улыбка волны»; «тучка-воздушная нъга»; «призракъ упованій запредъльныхъ, тайна радостей прозрачныхъ и безцъльныхъ»; «жажда сліянья съ лучомъ отвровенья»; «мерцаніе мира и лівни»; «быстрый ропотъ испуганныхъ стольтій»; «часъ преступленья, улыбокъ и сна»; наконецъ, можно объявить премію тому, кто разгадаетъ два такихъ ребуса: цвътокъ, судвоенный влагой сквозною» и «въ туманности вопра огни безвременной росы»... По сравненію съ этой выдумкой простымъ дётскимъ лепетомъ были знаменитые бенедиктовскіе перлы риторики, отивченные нъкогда Бълинскимъ: «живыя иглы штыковъ»; «откованный въ горнилъ сердца стихъ»; «мысль, заряженная огнемъ гремучихъ вдохновеній»; «въ развалинахъ столбы — изгнанники высоть»; «поэть — пъвучій пловець, безъякорный въ жизненномъ морв» и пр., и пр. И развъ мы не вправъ повторить вопросъ великаго критика: «Неужели же это поэзія?» А если намъ возравять, что это, моль, символическая поэзія, которой не зналъ Вълинскій, то мы скажемъ: возможно, но въ такомъ случав символизиъ и поэзія, по крайнему нашему разумбнію, двъ совершенно разныя вещи...

Стихъ г. Бальмонта пользуется репутаціей необыкновенно музыкальнаго, виртуознаго стиха, и мм, пожалуй, готовы привнать это, только какой же цёной покупается эта "чарующая, музыкальность? Поэтъ никогда не затрудняется смысломъ своихъ стиховъ, вёрностью или точностью эпитетовъ, и если въ умё его прозвучитъ счастливая риема (а богатство и обиліе риемъ—слабая струнка г. Бальмонта), то ужъ непремённо быть ей на его арканё, хотя бы новая строка и не имёла никакой логической связи съ предыдущими!

Идейное содержаніе всёхъ трехъ сборниковъ г. Бальмонта до утомительности однообразно и скудно: это все то же, что восивнають и гг. Льдовъ, Сологубъ, et tutti quanti,—какая то невёдомая красота, «медленно (по истинъ медленно!) встающая въ даляхъ невозможнаго», какая-то «пъльность забвенія въ безднъ бездъльности», стремленіе въ «пустыню», любовь

къ холоду, смерти, тишинъ... Бр! какъ все это холодно, мертвенно и, главное, скучно, скучно!

Выпишемъ пъликомъ одно изъ характернъйшихъ стихотвореній новаго сборника г. Бальмонта, такъ и просящееся на пародію. Называется оно «Бромелія» (у этого поэта все вытурно и кокетливо вплоть до заглавій; есть даже цълый отдълъ стихотвореній, озаглавленный: «Воздушно-бълые»... (кто, что—одному Богу извъстно!). Итакъ, вотъ «Бромелія»:

> Въ окуганной сивгомъ пленвтельной Швецін На зимнія степла я молча глядель, И ярко мив снились каналы Венецін Мев снися далекій забытый предвль. Винвая дыханье цветущей бромелін, Цветва золотого съ лазурной каймой, Я видель въ глазахъ навлонившейся Лелін Печаль, затененную страстью немой. Встречалися взоры съ ответными взорами, Мы быль далеко, мы были не тв (?). Баюкаль нась иней своими узорами, Звала насъ бромелія въ дальней мечтв. И снова, какъ прежде (?), звеня отголосками, Волна (?) сладкозвучно росла за волной И светимя тени, подъятыя всплесками (?) На гондолахъ плыми подъ бледной луной.

Какое будущее предстоить г. Бальмонту? Онъ самъ рисуетъ его себъ въ слъдующемъ видъ:

Было много... Сны, надежды, свёжесть чувства, чистота, А теперь душа измята, извращенна и пуста. Я усталь. Весна поблекла. Съ небомъ порванъ мой завётъ. Тридцать лётъ монхъ я прожиль, больше молодости нётъ. Я въ безцёльности блуждаю, въ безпредёльности грущу И, утративъ счетъ ошибкамъ, больше Бога не ищу. Я хотёль отъ сердца къ небу перебросить свётлый мость,— Сердце прокляло созвёздья, сердце хочетъ лучшихъ звёздъ. (!) Что же мий еще осталось? Съ каждымъ шагомъ колодёть? И на все, что проситъ счастья, съ безучастіемъ глядёть? О, послёдняя надежда, свётъ измученной души, Смерть, услада всёхъ страданій, смерть, я жду тебя, спёши!

Такимъ образомъ, г. Бальмонту, какъ человѣку, по собственному его сознанію, осталось одно—умереть. Нужно надѣяться, что по свойственной ему склонности къ фразѣ онъ преувеличиваетъ безвыходность своего житейскаго положенія, но врядъ ли можно за то сомнѣваться, что пробуждающееся сознаніе общества очень скоро поставитъ крестъ надъ его мертворожденной повзіей... Грустно! Ив. Бунинъ. Подъ открытымъ небомъ. Стихотворенія. Библіотека "Дётскаго Чтенія". М. 1898 г.

Съ большемъ удовольствіемъ останавливаемъ вниманіе читателей на этомъ небольшомъ сборничкъ стиховъ; среди мертвой пустыне всякой символической и не символической дребедени его сибло можно назвать, хоть и маленькимъ, но свътлымъ оазисомъ. Сборникъ назначается, собственно, для дётей, но, быть можеть, съ несравненно большимъ правомъ онъ долженъ разсчитывать на взрослую аудиторію. Дібло въ томъ, что дівти, несомнѣнно, меньше насъ любять в понимають природу, и чтобы заинтересовать ихъ стихами, посвященными описаніямъ природы, эти последніе должны обладать более яркими красками, большею силою обравности, нежели какая имбется въ распоряженін г. Бунина: это подъ силу лишь очень крупнымъ поэтическимъ талантамъ, вродъ Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, Майкова, Полонскаго. Сравнительно мелкіе поэты только случайно могуть угодить маленькой публикъ в нашисать вещь, которую она искренно полюбить. Въ стихахъ г. Бунина, очень симпатичныхъ и искреннихъ, нътъ такихъ яркихъ образовъ (въ нихъ нътъ къ тому же разсказа, а только одни описанія), и мы боимся, что дёти стануть надъ ними зъвать. За то взрослыхъ стихи эти подкупять именно своей замёчательной простотой и бевыскусственностью, столь соотвътствующими нашей съверной, буднично-съренькой природъ.

Талантъ г. Бунина невеликъ, но онъ берегъ глубокимъ знаніемъ родной природы. Сейчасъ видишь, что пишетъ не человъкъ, всю жизнь прожившій въ Петербургі и наблюдавшій деревенскую жизнь лишь во время літняго отдыха въ столичныхъ окрестностяхъ. Въ его стихахъ то и діло встрічаются тонкіе реальные штрихи, придающіе имъ особенную прелесть и жизненность.

Межь кругимъ рыклых облаковъ Несинио небо голубесть, И солице ласкове грветь · Въ замишьи зумень и деорось.

Или:

Еще чернівоть чащи бора, Еще въ тіни его смрой, Какт зеркала, стоять озера И дмиуть свіжестью ночной.

Не чувствуется ли здёсь сразу, что рёчь идеть именно о веснё, русской деревенской веснё, хотя слова этого поэть и не употребляеть?

Или, вотъ, превосходное описаніе грозы:

...По тополямъ и кленамъ Холодний вихорь пролетвлъ... Сухой бурьянъ зашелествлъ, Овно захлопнулось со звономъ, Блеснула молнія огнемъ...
И вдругь надъ самой врышей дома Раздался тресвъ вороткій грома И тяжкій грохотъ... Все вругомъ Затихло сразу н глубоко Садъ потемнъйшій присмирълъ,— И благодатно и широко Весенній ливень зашумълъ.

Приводимъ еще нъсколько образчиковъ тонкой наблюдательности г. Бунина и его близкаго знакоиства съ жизнью природы: "По лощинамъ, звёзды отражая, ямы свётять тихою водой"; "запахли медомъ ржи, на солнив бархатомъ пшеницы отанвають»; «сосень красныя колонны»; «оть паровоза бёлыё дымъ, какъ илопья ваты, расползаясь, плыветъ»; «въ сизыхъ ржахъ васильки зацветають, бирюзовый виднется лень»; «по меж в тушканъ, таинственно, какъ духъ, несется быстрыми неслышными прыжками»... Всъ эти мелкія, но въ высшей степени реальныя и, главное, неизбитыя черточки составляють главную ценность сборника г. Бунина, и жаль одно, что въ погонъ за ниме поэтъ вдается иногда въ излишества. Такъ, въ одномъ мъстъ онъ говоритъ, напр., о довольно сомнительномъ (тепломъ вапахѣ талыхъ крышъ», или въ другомъ-о дремлющемъ на кочкъ копчекъ, «покрытомъ пылью матовой росы», которую врядъ ли кто наблюдаль на

Отмѣтимъ, въ заключеніе, прекрасное стихотвореніе «мать», которое лишь недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ выписать дѣсь цѣликомъ.

Трудно представить себѣ болѣе удачное начало литературной карьеры, чѣмъ то, которое выпало на долю г-жи Микуличъ: ея небольшой очеркъ "Мимочка невѣста" сразу обратиль на себя вниманіе и далъ ея автору немалую въвѣстность. Продолженіе "Мимочки" утвердило эту извѣстность, дальнѣйшія произведенія ровно ничего къ ней не прибавили и теперь г-жа Микуличъ въ первомъ ряду женщинъ писательницъ.

Прежде в больше всего г-жа Микуличь дъйствуеть на читателя обаяніемъ своего изложенія: в въ самомъ дълъ она превосходная разскавчица. Разскавъ ея тянется безъ перерыва, ни на минуту не утомляя читателя; онъ остроумень, швященъ и никогда не переходить въ болтовню, хотя порою

В. Минуличь. Черенуха. Новенькая, Студенть. Разсказы. Спб. 1898.

В. Микуличъ. Заринцы. Второе изд. Спб. 1898.

В. Микуличъ. Миночка. Спб. 1898.

и страдаеть длинеотами, особенно въ большой повъсти "Зарнецы", черезъ чуръ переполненной слишкомъ внакомыми картинами заграничной природы. Вообще же очерки г-жи Микуличь очень невелики. Это хорошо, такъ какъ ея герои очень элементарны, а ихъ житейскія столкновенія элементарны не въ меньшей степени. Къ тому же и тема г-жи Микуличъ всегда одна и та же: любовь дъвушки (Зарницы, Черемуха, Студентъ) или женщины-ребенка (Мимочка), утонувшая въ грязи житейскихъ отношеній или увядшая отъ житейскихъ морозовъ. Тема, конечно, богатая, но все же это одна тема, да и разработывается она въ очень узкихъ рамкахъ опредъленнаго получиновнаго — полупомъщичьяго кружка общества. И какъ только г-жа Микуличъ хочетъ выбраться изъ неявибсто живыхъ людей перепъ нами блёдныя тёни, вродё Ольги и Жюля ("Мимочка отравилась") или доктора Бъгопкаго (Черемуха). Жизнь она знасть, очевидно, мало, но то, что ей знакомо-знакомо вполнъ.

Изложевіе-валоженіемъ; но оставляя даже его въ сторонь, мы должвы будемъ признать за г-жей Микуличь полное право на наше внимание: у нея большой запасъ чувства. Это чувство-какая-то грустная, основанная исключетельно на жалости и состраданіи любовь къ б'ёднымъ и слабенькимъ Мимочкамъ, Наташамъ и Машамъ, жизнь которыхъ проходитъ такъ ненужно в блёдно при свётё заринцъ, а не солица, чьи порывы, влеченія и привязанности остаются или неузнанными или непризнанными,---чье сердце оказывается разбитымъ сейчасъ же, какъ только оно захочетъ заявать о своей самостоятельности. За что, почему? спросите вы себя вийстй съ авторомъ, а подъ вліявіемъ талантливаго изложенія вы невольно почувствуете ту же грусть, которая наполняеть страницы разсказа, и вамъ и въ голову не придетъ вспомнить суровый приговоръ Писарева надъ «женщинами птичьей породы». Легко, конечно, сказать «птичья порода», но не такъ легко отдёлаться отъ представленія, что и къ птичьей пород' могугъ принадлежать люди, имбющію во всякомъ случаб не меньшее право на счастье, чёмъ люди породы звёриной.

Какъ не пожалъть Мемочку, которую съ дътства наряжалю какъ куклу, воспетывали какъ куклу и какъ куклу же выдали замужъ за толстаго генерала Спиредона Ивановича? Она, наконецъ, полюбила горячо, искренно и беззавътно. Съ ея стороны это было во истину геройскимъ поступкомъ. Она увлеклась гувернеромъ своего сына—Жюлемъ, она ухаживала за нимъ больше, чъмъ онъ за ней; безсовнательно, инстинктомъ она оцънила въ немъ и умъ, и характеръ; послъ разрыва она сдълала все возможное, и когда увидъла, что всъ усилія ви къ чему—хватила яду. «Мимочка отравилась елв-

жить у себя на постели, блёдная, холодная, неподвижная. На ночномъ столикъ, между фарфоровымъ подсвъчникомъ в бронвовымъ колокольчекомъ, лежетъ пустая опрокинутая баночка отъ выпитаго яда». Вокругъ сустятся и бъгаютъ, но Мимочкъ уже ни до чего нътъ дъла: она въ какомъ то бреду бевумія. «Мимочка была такъ счастлива, такъ счастлива»! И вдругь теперь порвать, забыть, пережить разлуку съ немъ... Она не въ силахъ! Нътъ, нътъ! Она будетъ бороться и вернетъ его. Или вернетъ, или умретъ... Что ей жизнь безъ него? Скука и мученіе. Онъ-ея жизнь, онъ-ея все. Что maman такъ смотритъ на нее? Она не сошла съ ума; она не заговаривается. Всякому хочется жить! И ей хочется жить, хочется, чтобы было чёмь помянуть молодость. За что въ самомъ дёлё ея жизнь изуродовали?.. За что?.. И, варывая блёдное лицо въ подушку, Мемочка повторяла: «Изуродовали, изуродовали»... и все тъло ея билось, колыхалось и дрожало подъ легкимъ опбяломъ».

Хорошее, върное слово повторяла Мимочка и темъ больше, конечно, жаль ее. Одинаково жаль и Машу изъ разскава «Черемуха». Это тоже женщина изъ птичьей породы, такое же пассивное существо, какъ и Мимочка. Бъдняжка полюбила серьезнаго и умнаго человъка, но, робкая в заствичивая, она даже не посмъла открыться ему. За нее устроили ея жизнь и выпали замужъ за сухопараго, геморрондальнаго, жалующагося то на ноги, то на руки, то на печень, почки, сердце, мигревь, спину, бокъ, суставы, малокровіе, худосочіе, переутомленіе, ссвиъ, фило, тонкій край и пр. чиновника, и весеннія грезы любви сразу же сибнились обязанностями жены, взятой для обстановки и удобства. А въдь Маша увлекалась, нскала въ жизни чего-то высокаго, чему можно было бы отцаться всей душой, долго отказывалась вхать въ театръ, много молилась, спала на голыхъ доскахъ. Въ результатв она страшно одинока рядомъ со своимъ департаментскимъ мужемъ... «Почитавъ главу, она попъловала евангеліе, потомъ наклонилась, чтобы поднять съ полу упавшій цвётокъ. Это была вътка розовой черемухи, сорванной когда-то въ Кіевъ въ ботанеческомъ саду. Вётка съежилась и высохла, цвёты поблёднъли и осыпались, а жесткіе бурые листья ломались, но Марья Неколаевна знала ее и улыбнулась, какъ старому другу... Вй вспомнился Кіевъ и клиника, и ботаническій садъ. голубое небо и чудное дерево черемухи, сплошь покрытое бледнорозовымъ цветомъ, вспомнились и ея детскія олевы подъ этой черемухой. Какъ давно это было. Точно корошій, свътлый сонъ. Тогда она была такая глупая и такая счаставвая. Хорошо быть молодой. Хорошо быть дёвушкой».

Жаль и Наташу изъ повъсти «Зарницы», узнавшую, что № 12. Отлъль II. любимый ею человъкъ давно уже женатъ на собственной кухаркъ; жаль и маленькую институтку Эллисъ, влюбившуюся черезъ ръшетку въ «студента» и, конечно, неудачно. Жаль, словомъ, всъхъ этихъ слабенькихъ, худосочныхъ созданій, которымъ ничего не дастъ ихъ чистая любовь, въ комъ жизнь такъ безжалостно забиваетъ все человъческое и жестоко наказываетъ за всякую попытку быть собой... Но въ концъ концовъ—не слишкомъ ли злоупотребляетъ г-жа Микуличъ нашей жалослью? и своемъ литературнымъ талантомъ? и своимъ умъніемъ даже простымъ созвучіемъ словъ возбуждать грустное ощущеніе? Кажется, что да.

Вще ея счастье, что она не впадаеть въ слащавость. Въ ея парованіи есть счастливая сторона юмора или, точнёе, «юмористическаго остроумія», что спасаеть ее оть излишней чувствительности; иначе читатели давнымъ бы давно отъ нея отвернулись. Въ самомъ дёлё, вёдь въ концё концовъ все, что она разсказываетъ-одно и то же. Вст ея героини родныя сестры, всв ихъ трагедів на одинъ ладъ. И ито эти героини? и что это за трагедія? Худосочныя, безсильныя женщины, худосочныя, безсельныя дёвушке, не умёющія не защитить себя отъ бъды, ни завоевать себъ счастье, ни даже привязать къ себъ любинаго человъка. Ихъ внутренняя дряблость, ихъ духовная немощь слишкомъ очевидна, чтобы на ней останавливаться. Маша, напр., и не думала выходить замужъ, а когда всв стали твердить ей, что Павель Петровичь-женихъ, она тоже стала смотръть на него какъ на женика и т. д. Такія натуры—чистые рудименты, Жизнь давно уже произнесла надъ неме суровый и окончательный преговоръ. Въ этомъ приговоръ нътъ, разумъется, ничего обвиняющаго: жизнь старуха умная и прямо сказала Мимочкамъ и Машамъ, что "вы для меня не годитесь". И этихъ "непригодныхъ", для которыхъ трудно даже изобрёсти подходящую обстановку среди современныхъ условій существованія, -- можно жальть такъ же, какъ жалвешь неизлъчимо больныхъ, страдающихъ, положемъ, наолъдственной чахоткой. Прекрасное и высокое чувство состраданія нужно человіку каждый день, но все равно, какъ странно жалъть «мірозданіе», къ чему чувств, югъ склонность наша поэты-такъ не менте странно жалъть только Мемочекъ, только первую дёвечью любовь, увядшую отъ житейскихъ морозовъ. Для г-жи же Микуличъ и въ Мимочкъ, и въ первой дівничьей любви сосредоточились всів интересы жизни; нервая заследыва отъ нея другихъ людей, вторая въ ея представленів як лется чёмъ-то мистическимъ. И какъ только г-жа Микули .. выходить изъ круга свётскихъ куколъ (великольная ташап въ "Мимочкв", Катя въ "Зарницахъ", Леокадія Николаевна въ «Черенухв» и т. д.) или женщинъ

читичьей породы—она вынимаеть изъ старыхъ ящиковъ литературы рецептъ, по которому былъ составленъ Штольцъ в создаетъ Ольгу или Жюля.

Это очень заставляеть усомниться въ силв и глубинв ем дарованія, чисто литературнаго и совсвить не творческаго. Талантливый виртуозъ, г-жа Микуличъ спокойно пользуется старыми темами и фигурами, и вся ея заслуга сводится кътому, что она мастерски подновляеть ихъ, и не только мастерски, но и съ большою любовью. Прелесть ея языка и разсказа дають жизнь и вившнюю оригинальность даже старымъ, побреннымъ молью типамъ, и пока эти типы, котя бы въ видврудвиентовъ, существують между нами, должны являться и разсказы à за мимочка или Черемука. Но увлекаться ими до возведенія автора въ степень и причисленія его къ лику—это было бы черезъ край.

Мило, очень мило написано. Не къ этому ли, въ концъ концовъ, должна свестись критика произведеній г-жи Микуличъ, слишкомъ еще, впрочемъ, мало написавшей, чтобы мы высказались о ней окончательно.

Н. А. Вербицкій. Очерки изъ охотничьей жизии. Тула. 1898 г.

На стр. 53-ей названной книги читаемъ: «я шелъ по дорогъ и думалъ... я не помню, о чемъ думалъ... вто, знаете, тъ думы, что часто приходятъ въ голову на охотъ: онъ поднемаются одна за другою... и лопаются, какъ мыльные пузыри... и не вспомнешь потомъ... а пріятно»...

На стр. 138-ой той же книги изображено: «я думалъ... то есть я ни о чемъ не думалъ: я сидълъ, глядълъ и переживалъ моментъ безсознательныхъ сладкихъ ощущеній»... и т. д.

Надо отдать г. Вербицкому справедливость: онъ очень мило, забавно и порою остроумно разсказываеть о своихъ знакомыхъ и пріятеляхъ по охотв, но каковъ удвльный ввсъ его литературнаго дарованія, мы въ точности не знаемъ. Вго разсказы совсвиъ какъ мысли на охотв: "они поднимаются одинь за другимъ... и лопаются какъ мыльные пузыри... и не вспомнишь потомъ... а пріятно". Кое что взято у Тургенева, очень многое изъ «Разоренья» Атавы, ну кое что, разумвется, и отъ себя прибавлено. Два или три раза на последнихъ страницахъ очерковъ раздаются пистолетные выстрёлы самоубійць и опять это выходить очень мило и занятно и ничуть не устращительно. Прочесть книгу можно единымъ духомъ, не особенно жалёя о потерянномъ на то времени и ничуть объ ея окончаніи.

Впрочемъ, если г. Вербицкій человѣкъ молодой и "Охотничьи разсказы» лишь проба его пера, мы совѣтуемъ ему продолжать: въ его книгѣ попадаются и литературныя страницы и недурныя описанія природы. Только намъ кажется, что писатель не долженъ слишкомъ уже увекаться пописываніемъ; иначе можетъ случиться прямо непріятная вещь: названіе "Охотничьи разсказый будетъ принято не въ прямомъ, а, такъ сказать, въ иноскавательномъ смыслѣ. А извѣстно, что такое «охотничьи разсказы»: тутъ и волкъ, вывернутый на изнанку, тутъ и мастодонтъ, убитый бекассинникомъ въ болотахъ Новгородской губерніи, и погоня за стаей страусовъ на коломяжской дорогѣ и пр., и пр.—вообще много милаго и занятнаго...

Кенеть Грериъ. Золотой возрасть. Переводъ съ англійскаго.. Изданіе Л. Ф. Пантелъева. СПБ. 1898.

Эта кнежка проникнута съ начала до конца тъмъ милымъ. неподдъльнымъ юморомъ, къ которому насъ издавна пріучили англійскіе писатели; ее читаешь со сивхомъ и покидаешь въ раздумьи. Это рядъ разсказовъ изъ дътской жизни, написанныхъ съ такимъ увлеченіемъ, комизмомъ и вниманісиъ къ д'втянь, какъ это бывасть не часто. Разсказы изъ дътской жизни, предназначенные для взрослыхъ читателей. встръчаются не ръдко, но пишутся какъ-то а priori, предваято и по ивлюбленному шаблону; въ нихъ — точно въ басив приняты "постоянные типы", лишенные интимныхъ черточекъ индивидуальности и обличающіе въ авторъ не столько умълаго наблюдателя, сколько опытнаго литератора; образцы дътской логики дышатъ "выдумкой" взрослаго человъка и мъсто наиболъе естественнаго здъсь тона-юмора-занимаетъ голый комизмъ, не оставляющій въ читателю никакихъ глубокихъ следовъ. Къ такимъ произведениямъ относится, напримъръ, переводный «Дневникъ маленькаго проказника», напочатанный въ этомъ году въ одномъ нашемъ журналь; неистовыя проказы героя, наназанныя одна за другою бевъ толку и безъ нужды, въ концъ концовъ, оставляють въ читатель только досадное чувство: ну, выскочиль изъ повзда; ну, прицепиль ребенка къ змею, поджегъ шутиху подъ женихомъ сестры и т. д.-но-что же наъ всего этого? Къ чему эти выдуманныя и утрированныя шалости?

Читатель «Золотого возраста» не задасть себѣ такого вопроса. Съ самой первой страницы его окупнваеть особенная, опьяняющая атмосфера дѣтской фантазіи; овъ не усваиваеть себѣ этой логики и не раздѣляеть этихъ иллюзій — иронія автора не позволяеть ему отрѣшиться отъ своего глубокопрозаическаго міровозарѣнія,—но онъ начинаеть жалѣть объ этомъ и, въ концѣ концовъ, готовъ вмѣстѣ съ авторомъ спросить: "ито возьмется рѣшить, что дѣйствительно серьезное дѣло и что только дѣтская игра"?

Это совершенно особый міръ. Дійствительность кажется вдбоь привракомъ, и иллюзіи являются единственными реальностями. Воображеніе живеть настолько діятельной, сильной жавнью, что достаточно състь подъ кустомъ и сосредоточеться, чтобы онъ мигомъ превратился въ тропическій лість; "обезьяны спускаются надъ головой, попуган перепархивають съ вътки на вътку, вокругъ сіяютъ красками огромные, странные цвъты, а шорохъ и шаги крупныхъ звърей, невидимо двигающихся, восхитительно тревожать и волнують душии. Выводы дёлаются съ удивительной простотой: пробажають солдаты -значима война; въ Англів нъть индвицевь и круглоголовые давно не существуютъ-значить война съ францувами. Какъ кончается такач война, навъстно: "Французы запирають тебя въ такую штуку, которая называется Бастиліей; тамъ ты достаешь себё пилу - ее тебё посылають въ праюшке хлёба; этой пилой надо подпилить рёшотку въ окнё и спуститься вневъ по канату, и оне всв въ тебя стреляють, только некогда не попадають, -- и ты бёжишь какъ можно скорве въ морскому берегу и плывешь къ британскому фрегату... вотв и все"! Не мудрено, что еще болве юному собесванику "все" это кажется настолько привлекательнымъ, что онъ предлагаетъ: "Если они захотятъ взять насъ въ плънъ, мы не побъжниъ, хочешь"? Эта фантастика-какимъ бы парадоксомъ это не звучало-поконтся цёликомъ на глубокой вёрё въ факть; голословныя разсужденія, сов'яты и соображенія наталкиваются на ръшительное недовъріе; наобороть, довърчивость къ ясному и категорическому утвержденію необычайна. Когда гувернантка говорить, что фей нёть, но что в нзъ ложнаго представленія объ ихъ существованіи мы можемъ навлечь нъкоторую пользу, ей ръшительно возражають: «Кавъ вы можете чему небудь научиться отъ того, чего не существуеть»? Пасторь, который знаеть дётей и умботь съ ними обращаться, даже не пытается спореть съ ними по су--ществу; дёти убъждены, что солдаты ъдугъ сражаться, и бъгутъ за неме до изнеможенія—добрый старикъ и не думаетъ грубо разрушать ихъ волшебные замки: «Битвы сегодня не будеть. Ве отложели по случаю перемъны погоды», Этому върять. Невъроятное и невозможное до такой степени ясно и просто въ этомъ міръ, что маленькій Эдвардъ, преднагая играть во львовъ, говоритъ: «Я добъту до того угла и буду львомъ... нътъ, я буду заразъ двумя львами, по одному съ жаждой стороны дорони». Всякое забвеніе условій времени и пространства меркнетъ предъ этимъ рѣшительнымъ отрицаніемъ индивидуальности.

Что внаменательнъе всего-дъти не одиноки въ скачкахъ своей своеобразной мысли: они находять родственныя душь въ противномъ лагеръ-среди большихъ. Общій тонъ разсказовъ-глубокое презрѣніе къ большимъ, «олимпійцамъ», какъ ихъ называетъ герой, - этимъ «безнадежно неспособнымъсуществамъ», которые внушали дётямъ не уваженіе, а «толькокрошечку зависти къ ихъ удачв и сострадание къ ихъ полной неспособности пользоваться ею». Но и среди этихъ слъпыхъ и скучныхъ людей, которые «могли бы по цёлымъднямъ плескаться въ прудъ, гоняться за курами, лазить подеревьямъ въ самыхъ новыхъ воскресныхъ платьяхъ, покупать порохъ на глазахъ цёлаго міра... и ничего этого не дёлають -- и среди нихъ есть люди, понимающіе дътей, самы «большія діти»: пасторь, который «всегда съ перваго слова соглашался сдёлаться и вражескимъ войскомъ и шайкой индъйцевъ грабителей», старый ученый, серьезно разговаривающій съ ребенкомъ о вопросахъ классической филологіи, молодой художникъ, тоскливо «взыскующій града». Онъ ищетъ духовнаго Рима, а мальчикъ мечтаетъ о Римъ реальномъ, но это маленькое недоразумвніе не мвшають друзьямь строить совивстные планы. И фантазирующій ребенокъ разстается съ вврослымъ фантастомъ еще болъе убъжденный въ своей правотв: «я уходель съ тяжелымъ сердцемъ отъ этого человъка, который такъ понималь меня, и шелъ назадъ домой, гдъя нивогда, никогда не могъ угодить; почему ему все казалосьтакъ понятно и естественно, ръшетельно все, что эти тетки, викарін и другіе больтіе принимали просто за глупости»? И послъ невъроятно смъшного діалога, сплошь построевнаго на вабавныхъ qui pro quo, сердце читателя вдругъ болъвненно. сжимается безнадежнымъ сознаніемъ, что милый мальчикъ тоже не найдетъ своего Рима, какъ не находитъ его никтошаъ насъ.

На лекців одного замівчательнаго языковіда мыслителя намь првшлось вакь-то слышать орвгинальное, мелькомъ брошенное замівчаніе: въ вопросахъ психологів и соціологів искусство вдеть впереди науки. Эту мысль превосходно подтверждаеть лежащая передъ нами книжка. Въ самомъ ділів, по элементарной дітской психологів, трактующей о первыхъ душевныхъ движеніяхъ мы имівемъ не мало научныхъ наслівдованій; напомнимъ хотя бы классическій трудъ Прайера. Но слідующей ступена развитія души ребенка въ ея сложныхъ и прихотливыхъ движеніяхъ наука точно не знаетъ; в тіти обобщенными матеріалами, которыми мы располагаемъ въ этой области, мы обязаны не ученымъ, а поэтамъ; тольков

отъ нихъ мы имбемъ указанія на тѣ свособразные пути, которыми идетъ дътская мысль, въ сущности, всегда предоставленная сама себъ, потому что наши вліянія доходять до нея въ такой формъ, въ какой мы бы ихъ, пожалуй, и не признали. Поэтому самыя мастерскія и правдивыя изображенія дътей городскихъ менъе интересны: эти дъти слишкомъ мало дъти-они слишкомъ взрослыя; таковы, напримъръ, дъти Достоевскаго, изломанныя, ожесточенныя и даже влюбленныя самымъ настоящимъ образомъ, и непремънно въ большихъ. «Золотого дътства» они не знають, и не къ нимъ обратится изслёдователь, вщущій художественного изображенія истиню дътской души. Не то здъсь: это дъти настоящія, потому что деревенскія, а этимъ, върно, объясняется то, что изъ минутки, проведенной съ вими, читатель выносить не щемящую тоску, а мягкую, ласкающую грусть воспоминаній, которая, пожалуй, заставить его не разъ перелистать эту забавную и милую книжку.

П. Николаевъ. Альфонсъ Додо. Изданіе редавцін журн. «Жизнь». Сиб. 1898.

Эта книжка составлена на скорую руку, непосредственно вслъдъ за смертью покойнаго французскаго романиста. Какъ некрологическая статья, она имъла въ овое время смыслъ на страницахъ журнала. Издавать ее отдъльно не стоило, тъмъ болъе, что авторъ не могъ воспользоваться даже столь цъннымъ источникомъ, какъ воспоминанія сына писателя, Леона Долэ.

Писать біографію Дода и легко и трудно, - глядя по требованіямъ, какія себъ ставить; легко,-потому что въ его произведеніяхъ заключается много матеріаловъ для его біографіи и характеристики; трудно потому, что это богатство матеріаловъ обязываетъ: надо отнестись къ нимъ именно какъ къ матеріаламъ и пользоваться ими съ достаточнымъ тактомъ и осторожностью. Легко и заманчиво смётать героя автобіографическаго романа съ его авторомъ, но выиграетъ ли отъ этого истина, сомнительно. Составитель утилизироваль автобіографическія произведенія Дода—романъ "Petit Chose" в сборники "Trente ans de Paris" и "Souvenirs d'un homme de lettres" — довольно неумбло, почти сырьемъ перенося на Дода впечатленія его злополучнаго героя и выбравь изъ воспоминаній романиста наименъе интересные для его характеристики эпизоды. Передается ненужная характеристика Вильмессана, издателя «Фигаро», не игравшаго въ развитія Додо никакой роли, разсказъ «Первый фракъ» и т. п., а изъ драгоценной для біографа писателя «Histoire des mes livres» взяты по преимуществу вившнія мелочи, имівющія мало отношенія къ псикологіи его творчества.

Къ достоинствамъ книжки надо отнести ея языкъ, — живой и литературный. Но по русски не говорять *терцоз Брунсви*къ, а герцогъ Врауншвейгскій.

A. Pachalery. Dictionnaire phraséologique de la langue française. Ozecca.

"На томъ основанів, что табакъ и табачный дымъ содержатъ некотенъ, а некотинъ—ядъ, врачи приписываютъ этому растенію разнообразныя тлетворныя дъйствія. Что до меня, я этому не върю. Вотъ ужъ болье тридцати льтъ, какъ я курю и курю много—и никакой опасности для моего здоровья отъ этого не вежу. Наоборотъ, табакъ оказываетъ на мою мысль благопріятное дъйствіе; онъ успокаиваетъ меня, когда я взволнованъ; онъ убаюкиваетъ меня, когда я спокоенъ" и такъ далъе, и такъ далъе. Это необходимое для французской фразеологіи сообщеніе читатель найдетъ въ словаръ г. Пашалери на 137 страницъ подъ словомъ Агіясось. Почему Аристотель? Понятно, почему: потому—что Корнель сказалъ:

«Quoi qu'en dise Aristote et sa docte cabale», «Le tabac est divin, il n'est rien qui l'égale».

По поводу слова Amphitryon разсказывается въ стихахъ и въ провё о томъ, какъ выполнялся обычай мыть руки до и послё обёда у древнихъ грековъ, римлянъ, турокъ, французовъ. Такихъ примёровъ много: ненужныя цитаты, анекдоты, всевозможные пустяки загромождаютъ словарь и чуть не сврываютъ то хорошее, что въ немъ есть. Это роковой удёлъ множества сборниковъ по фразеологіи; у насъ классическимъ примёромъ ихъ служитъ распространенная книга Михельсона. По какому то недоразумёню ва составленіе такихъ книгъ берутся люди, иногда весьма начитанные, но довольно далекіе отъ пониманія тёхъ научныхъ требованій, которыя предъявляются къ такого рода сборникамъ. Отсюда и пустословіе, и анекдоты, и всякая отсебятина: богатый матеріалъ, приведенный не у мёста и распредёленный неудобно.

Между тёмъ въ словарё г. Пашалери есть по истине драгоцения для изследователя вещи, и въ рукахъ большой читающей публики онъ тоже можетъ быть очень полезенъ. Для современной филологіи языкъ—это сплошной идіотизмъ: онъ весь состоить изъ сложныхъ выраженій и "этимологія", т. е. историческое объясненіе ихъ—задача въ высщей степени важная въ разнообразнейшихъ отношеніяхъ. Даже въ тёхъ случаяхъ, когда составитель приводить извёстное выраженіе

бевъ такого объясненія, онъ оказываеть этемъ услугу опредъленію наличнаго состава явыка. Надо только и въ этомъ отношеніе быть очень осторожнымъ и не вводить въ словарь выраженій, которыя могля быть къмъ лябо брошены, но, быть можеть, не вошли въ живую рѣчь. Кто нибудь могъ вмъсто «онъ умеръ» скавать il а гешія́ за вісусіетє; но говорять ли такъ, остается подъ сомнѣніемъ. Достоевскому случалось бросать выраженія вродѣ «обшмыга», «подымчивое сердце», «ссорная минута» и т. д., но они не войдутъ въ русскій фразеологическій словарь, какъ не вошли въ употребленіе. Иное дѣло его же «безудержъ» или «бездна паденія» или «стушеваться»—выраженіе, которое «потеряло бы автора», если бы онъ не заявилъ правъ на него.

Еще слово-о сближении пословицъ. Г. Пашалери часто это дълаеть, не всегда удачно и всегда безъ нужды: самая вдея огульнаго сближенія разнообразныхъ пословиць и выраженій повольно рескована: смысль большенства пословеньпроизведеній поэтическаго иносказанія—не можеть считаться установленнымъ разъ на всегда; его модифицируетъ тотъ, кто премёняеть пословецу къ опредёленному жетейскому случаю; такихъ случаевъ и, стало быть, такихъ толкованійсколько угодно; всёхъ не переберешь, да и не къ чему. Но слёдовало бы указывать хоть ходячее понеманіе пословицы, а то французскій читатель подумаеть, что "глупому сыну не въ помощь наследство" въ самомъ деле, значеть: "природа выдаеть себя, какъ бы не стараться скрыть ее". Иногда составитель плохо усванваеть смыслъ древняго языка русскихъ пословицъ и сближаетъ "княгинъ-княжа, кошкъкотя, а Катеринъ свое дитя", прелестную пословицу, говорящую о законности всякой материнской любви, съ "à l'âne l'âne semble très beau" ("княжа" "котя"—не prince и chat, а дётевыши).

Мы не остановимся на этихъ межихъ погръщностяхъ, число ихъ можно былобы умножить, — но ихъ неизбъжное присутствие не должно скрывать отъ читателя достоинства лежащей предъ нами работы. Кто, читая стараго французского классика или новаго романиста, чувствовалъ невозможность понять его вполнъ безъ надежнаго руководителя, кто замътилъ, какъ устарътъ Литтре, отставший отъ въчно живого и продуктивнаго языка съ его бойкими и мъткими «арготизмами» на цълую четверть въка, тотъ, конечно, пожелаетъ словарю г. Пашалери и распространения и скоръйшаго перехода ко всему алфавиту отъ буквы А, которою пока исчернывается первый выпускъ этого обширнаго труда.

Н. Череванскій. Дві волим. Историческая хроника въ двухътомахъ съ напостраціями. СПБ. 1898 г.

Мы не сомнъваемся, что хроника г. Череванскаго въ извъстной степени можетъ принести пользу людямъ, интересующимся русской исторіей и успъхами русской колонизація въ Средней Азін, но въ какой именно степени — свазать не беремся. Содержа въ себъ исторію татарскихъ племенъ и народностей отъ первыхъ сохранившихся данныхъ, она поэтому самой сущностью своею затрогеваеть вопросъ огромной важности — о большемъ или меньшемъ вліянія татарскаго владычества на наше свычае е обычае и всевозможные устов. Вопросъ этотъ принадлежить въ числу проклятыхъ нашего историческаго прошлаго и въ разныхъ рукахъ получалъ до сихъ поръ разныя рёшенія. Всли Соловьевъ и (отчасти) славянофилы полагали, что вліяніе это было лишь временно и скоро преходящее в, въ сущности, сводили его на нътъ, то Костомаровъ, наоборотъ, приписывалъ ему значение большое и продолжительное, пожалуй, даже-длящееся. Посредствующихъ же звеньевъ, соединяющихъ оба эти мивнія, не перечесть. Г. Череванскій вопроса, конечно, не разрішиль, но его «Первая волна» (если можно такъ выражаться), т. е. исторія татаръ, хотя и слишкомъ ужъ эпизодически написанная, даеть нёчто для его разрёшенія. "Вторая волна", т. е. обратное движение потока людей, но уже русскихъ, въ степв Средней Азін, гді нікотда беззаботно безчинствовали большіе в маленькіе Тамерланы, произвела на насъ какъ равъ то впечативніе, котораго не котбиь проязводить авторъ-вменно она не совстви намъ понравилась. Не то чтобы она была не интересно написана (г. Череванскій, вообще говоря, пишетъ нитересно и эффектно); но намъ кажется, что авторъ смотритъ на все слешкомъ уже радужными глазами, сквозь розовыя очки и подъ вліяніямъ патріотическаго веселящаго газа. Иллюстраціи эффектны.

В. Н. Семевскій. Рабочіє на сибирских золотых прошыслахъ. Историческое изслідованіе. Изданіе И. М. Сибирикова. 2 т. СПБ. 1898 г.

Новое изслѣдованіе В. И. Семевскаго, давно уже занимающаго почетное мѣсто среди немногочисленныхъ у насъисториковъ народной жизни, является весьма важнымъ пріобрѣтеніемъ для нашей научной литературы, равно заслуживая вниманія со стороны какъ ученыхъ спеціалистовъ, такъ и болѣе широкихъ круговъ читающей публики, интересующейся исторіей и современнымъ положеніемъ рабочихъ массъ. «Въ числѣ многихъ, весьма крупныхъ, пробѣловъ нашей

исторической литературы - справедливо говорить авторъ въ своемъ предисловін — не последнее место занимаєть почти совершенное отсутствіе васлідованій по исторіи фабричнаго и ваводскаго, вообще промышленнаго труда. Правда, мы вмвемъ нъсколько работъ о прошлой жизни кръпостимъъ, приписныхъ н поссессіонных рабочих и мастеровых на фабриках и заводахъ, но исторія фабричнаго и заводскаго труда въ Россіи во всемъ его объемъ еще составляетъ одну изъ серьезныхъ вадачь начки. Пля этого необходимо изучить подробно исторію крвпостного труда на помъщичьихъ фабрикахъ и заводахъ. поссессіонныхъ мастеровыхъ (особенно въ эпоху крестьянской реформы) и, наконецъ, свободныхъ рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ, каменноугольныхъ копяхъ, золотыхъ промыслахъ на Уралъ и т. п. Дъло это нелегкое, такъ какъ собираніе подобнаго матеріала представляєть едва ли не большія трудности, чъмъ его разработка. Часть неизданныхъ источниковъ по этому предмету найдется и въ столичныхъ архивахъ, но большинство ихъ разсёяно въ архивахъ различныхъ казенныхъ провинціальныхъ учрежденій или частныхъ имъній, Фабрикъ, заводовъ и т. п., а провиндіальныя частныя и казенныя хранилища рукописей обыкновенно весьма мало доступны» (XXVI — XXVII). Въ этихъ словахъ правильно указаны в важная задача, которую предстоить еще ръшить русской исторической наукъ, и затрудненія, какія встръчаются на пути къ успъшному ея выполненію. Что касается самого автора, то въ избранной виъ спеціальной области овъ блестяще справился съ этими затрудненіями. Правда, для этого ему пришлось ватратить немало времени и труда. Какъ мы узнаемъ наъ предисловія В. И. Семевскаго, онъ употребиль на настоящую свою работу около десяти лётъ: еще въ 1885 г. И. М. Спбиряковъ, бывшій тогда его слушателемъ въ петербургскомъ унв вероитетъ, обратился въ нему съ предложениемъ написать исторію быта рабочихъ на сибирекихъ золотыхъ промыслахъ, во онъ могь приняться за этотъ трудъ лишь въ 1888 г. Значительная часть этого почти десятильтняго промежутка времени была употреблена имъ на собираніе матеріала по печатнымъ и-въ гораздо большей еще мъръ-по неизданнымъ источникамъ. Не ограничившись тъмъ матеріаломъ, какой оказалосьвозможнымъ найтивъпетербургскихъархивахъ-государственнаго совъта, комитета министровъ, министерства земледълія и государственныхъ вмуществъ и горнаго департамента, онъ предпринялъ еще спеціальную повадку въ Сибирь, за время которой осмотрълъ и изучилъ документы 28 мъстныхъ бумагохранилищъ, въ томъ числъ 19 архивовъ административныхъ учрежденій и 9 архивовъ золотопромышленниковъ, Эта поводка, описаніе которой читатель найдеть въ предисловін къ книгъ В. И. Семевскаго, доставила ему виъстъ съ тёмъ возможность наглядно ознакометься съ производствомъ работь на прінскахъ и положеніемъ рабочихъ. Въ основу настоящаго труда легь такимъ образомъ громадный матеріалъ, извлеченный по преимуществу изъ неизданныхъ источниковъ и самъ по себъ уже составляющій цвиный взнось въ науку. Въ результатъ разработки этого матеріала умълою рукою талантливаго историка наша литература обогатилась образцовымъ изследованіемъ по исторіи быта рабочихъ, какимъ по справедливости могли бы гордиться и литературы болье богатыхъ въ смыслъ научной производительности странъ. Широкая постановка вопросовъ изслъпованія въ связи съ строго выдержаннымъ единствомъ основной точки врвнія автора, богатство фактическаго матеріала, умёло расположеннаго и всегда критически провъреннаго, точность покоющихся на этомъ прочномъ основанім обобщеній и выводовъ автора въ соединенін съ презвычайною ихъ осторожностью - таковы наиболіве выдающіяся особенности этого труда, охватывающаго исторію рабочихъ на сибирскихъ волотыхъ промыслахъ за три четверти стольтія, протекшія со времени возникновенія посльднихъ. По мъръ ознакомленія съ книгою В. И. Семевскаго передъ читателемъ постопенно развертывается широкая картина унылой, безотрадной, полной неимовърно тяжелаго труда и всевозможныхъ лишеній жизни прінсковаго рабочаго, епва лишь въ последнее время начинающаго завоевывать себе элементарныя человъческія права. Передача даже наиболъе общихъ очертаній этой картины, даже важивищихъ выводовъ автора увела бы насъ далеко за скромные предълы журнальной рецензіи. Мы только отибтинь тъ вившнія рамки, въ которыя заключена работа В. И. Семевскаго, и лишь попутно попытаемся указать некоторые изъ наиболее существенныхъ выводовъ, къ какимъ приходить уважаемый авторъ въ итогъ своего изслѣдованія.

Первый томъ посвященъ времени отъ начала золотопромышленности въ Сибири до 1870 г. Возникновеніе казенной золотопромышленности въ Сибири относится къ началу нашего столътія, частной же—ко второй его четверти, а уже въ концъ 30-хъ годовъ на частныхъ сибирскихъ промыслахъ насчитывалось отъ 12.000 до 13.000 рабочихъ. Готовый контингентъ пролетаріевъ-рабочихъ для нуждъ крупной золотопромышленности нашелся въ Сибири въ лицъ ссыльнопоселенцевъ, которые первоначально и составляли подавляющее большинство рабочихъ на пріискахъ: такъ, въ 1834 г. 84% общаго числа рабочихъ было изъ ссыльнопоселенцевъ. Ляшь постепенно развивался притокъ на пріиски полноправныхъ рабочихъ, понемногу оттъснившихъ ссыльнопоселенцевъ на второй планъ;

въ 80-хъ годахъ последніе составляли уже меньшинство рабочихъ. Въ первой главъ авторъ и описываетъ это начало волотопромышленности въ Сибири, способы производства работъ на прінскахъ и положеніе рабочихъ въ періодъ времени по 1838 г. Законодательство весьма мало охраняло въ это время рабочихъ отъ эксплоатаціи со стороны волотопромышленияковъ. Не особенно заботилась о такой охранъ и мъстная администрація, а въ тъхъ, сравнительно ръдкихъ, случаяхъ, когда отдъльные ея представители, стоя на почвъ закона. вступались за интересы рабочихъ, ихъ дъйствія парализовались внушеніями, шелшими изъ высшихъ административныхъ сферъ, въ которыхъ золотопромышленники легко находили себъ покровителей. Благодаря этому эксплоатація рабочихъ, проявляещаяся въ саныхъ беззастънчевыхъ формахъ, не знала предбловъ и притъсненія прінсковой апминистраціи дохопили до того, что бывали случаи, когда за найденные самородки съ рабочими расплачивались не деньгами, а розгами. Въ свою очередь рабочіе выражали свой протесть въ единственно доступной имъ формъ побъговъ съ пріисковъ и волненій, и усиленіе тіхъ и другихъ привело, наконецъ, администрацію къ мысли о необходимости болте точнаго законодательнаго регулированія изаминых отношеній рабочих и владёльцевь прінсковъ. Съ этою цёлью въ 1838 г. было издало Положеніе о частной золотопромышленности въ Сибири. Исторіи составленія этого законопательнаго акта и его разбору посвящена вторая глава книги, а слёдующая глава трактуеть о законодательныхъ и административныхъ мърахъ относительно пріисковыхъ рабочихъ съ конпа 30-хъ по начала 50-хъ г. Въ законъ 1838 г., при всёхъ его серьезныхъ недостаткахъ, авторъ отмёчаетъ и нткоторыя благопріятныя по тому времени для рабочихъ постановленія; что же касается до другихъ мёръ, то онё частью были вызваны интересами золотопромышленниковъ, частью же принимались мъстной администраціей не столько для охраны рабочихъ отъ чрезмёрнаго произвола, сколько въ интересахъ опеки надъ ними, и потому не вмёли благотворныхъ послупствій. Сами золотопромышленники въ это время мечтали даже объ образовани на прінскахъ крѣпостного труда путемъ прикръпленія къ нимъ крестьянъ и ссыльно-поселенпевъ и съ этою пѣлью въ 30-хъ и 40-хъ годахъ ими составленъ быль рядъ проектовъ, разсматриваемыхъ авторомъ въ особой главъ. Эти попытки, замъчаетъ онъ, «къ счастью потерпъли крушение; но то, чего золотопромышленники не пріобрёли путемъ юридическаго закрёпленія, было въ извёстной степени достигнуто ими посредствомъ экономическаго вакабаленія рабочикъ вслёдствіе полной имущественной несостоятельности поселенцевъ» (90-91). Иятая глава книги отве-

дена авторомъ изображенію быта рабочихъ въ промежутокъ времени съ конца 30-хъ до начала 50-хъ годовъ. Пользуясь разнообразными источниками, въ ряду которыхъ особенно видное місто занимають подлинные контракты, заключавшіеся съ рабочими, и показанія современныхъ администраторовъ, авторъ говорить здёсь о порядкё найма рабочихъ и путешествін ихъ на прінски, о размітрі ваработной платы, о количествъ рабочихъ часовъ и урочной работы, о жилищахъ и пищъ рабочихъ, объ ихъ семействахъ, о прінсковыхъ лавкахъ и пріобратеніи изъ нихъ товаровъ рабочими, о болазняхъ, господствовавшихъ на прінскахъ, и о врачебной помощи, оказывавшейся рабочить, о наказаніяхъ послёднихъ, ихъ побъгахъ и волненіяхъ и, наконецъ, о выходъ ихъ съ прінсковъ. На практикъ положение рабочихъ оказывалось горавдо еще хуже сравнительно съ тъмъ, какъ опредълялъ его законъ. Въ то время, какъ по закону 1838 г. рабочій день опредълялся въ 15 часовъ, со включениемъ времени на объдъ, и для прінсковъ, не имъвшихъ теплыхъ промываленъ, устанавливался срокъ окончанія работь 10 сентября, въ контрактахъ дійствительный рабочій день, за исключеніемъ отдыха, назначался въ $12^{1}/_{2}$ —14 часовъ, а срокъ окончанія лѣтнихъ работъ нерѣдко отодвигался позже 10 сентября. Бывали даже такіе контракты, въ которыхъ какъ для срока работъ, такъ и для размёра жалованья рабочихъ, величны задатковъ и т. п. по просту оставлялись пробъды. Прівсковая администрація не особенно заботилась о здоровьи и даже самой жизни рабочихъ и одинъ изъ управляющихъ прінсками въ 1845 г. заявилъ, что онъ не считаетъ себя отвътственнымъ за смерть хотя бы всъхъ рабочихъ, если она послъдуетъ отъ небрежнаго веденія имъ работъ (131). Что касается общей администраціи, то все ея вниманіе было поглощено опекой надъ рабочими и попытками устранить ихъ кутежи по выходъ съ прінсковъ, становившіеся неизбъжными благодиря чрезмърному истощенію организма рабочихъ непосильнымъ трудомъ, затрудненіямъ въ доступъ на прінски для женъ рабочивъ и насильственному воздержанію последнихъ отъ ввна, перемежавшемуся спавваніемъ ихъ самими волотопромышленниками. Заботы объ отучение рабочехъ отъ излишней роскоши достигали такой степени, что въ 1841 г. генералъ губернаторъ Восточной Сибири Рупертъ, ошибочно разсчитавъ, будто волотопромышленники заготовили для рабочихъ мяса по разсчету $2^{1}/2$ ф. на человъка въ день, циркуляромъ предписалъ всёмъ управ пощимъ частными присками выдавать рабочимъ не болъе 1¼ ф. мяса въ день, и то лишь въ скоромные дни (120). Въ слъдующей затъмъ главъ авторъ по такой же широкой программъ разсматриваетъ положеніе рабочихъ въ 50-хъ годахъ. Характернымъ для этого

періода явленіемъ было введеніе на сиберскихъ прінскахъ машиннаго производства при промывкѣ золота, что сопровождалось увеличениемъ рабочаго дня и понижениемъ ваработной платы, 7-ая и 8-ая главы книги посвящены мастеровымъ кабинетскихъ золотыхъ промысловъ на Алтав и мастеровымъ и ссыльно каторжнымъ на Нерчинскихъ золотыхъ промыслахъ за время съ 1830 по 1861 г. Въ 9-ой главъ авторъ возвращается къ положевію рабочехъ на частныхъ промыслахъ вътечение 60-хъ годовъ. За это десятилътие продолжалось начавшееся еще въ предыдущемъ періодъ увеличеніе рабочаго дня, достигавшееся путемъ довожьно разнообразныхъ способовъ, но вивств съ твиъ обнаружелесь и оригенальныя явленія, заключавшіяся въ измельчанів промысла на большинствъ волотоносныхъ системъ и въ появленіи рядомъ съ рабочеми, состоящеми на козяйскомъ содержании, артелей такъ называемыхъ старателей-золотничниковъ, получающихъ вознагражденіе съ волотивка добытаго волота. Изъ двухъ послъднихъ главъ этого тома одна трактуетъ о введении свободнаго труда на Алтайскихъ промыслахъ по Положенію 8 марта 1861 г., а другая излагаетъ исторію выработки правиль о навмъ рабочихъ 1870 г.

Въ первой главъ второго тома авторъ разсматриваетъ правила о рабочих Устава о золотопромышленности 1870 г., во второмъ-законодательныя и административныя мёры относительно рабочихъ на частныхъ промыслахъ съ 1870 до половины 1890-хъ годовъ. Уставъ 1870 г., составленный подъ вліяніемъ волотопромышленниковъ и либеральныхъ экономистовъ, вродъ Вернадскаго, проповъдывавшихъ невывшательство государства въ развитіе частной промышленности, въ нъкоторыхъ отношеніяхъ хуже обезпечиваль рабочаго, чъмъ даже законъ 1838 г., и вообще быль крайне неудовлетворителенъ: "новыя правила, говоритъ г. Семевскій, не регулировали продолжительности рабочаго дня, не опредъляли количества праздниковъ, не ограничивали труда женщинъ и малолътнихъ рабочихъ, не опредъляли размъра пищевого довольствія рабочаго, весьма въ недостаточномъ разміврів устанивливали вознаграждение за увъчья, не указывали причинъ, дающихъ рабочему возможность прекратить договоръ и проч." (И, 7). Другія ваконодательныя и административныя мёры того періода также не внесли замітных улучшеній въ быть рабочихъ. Администрація, правда, за эти годы нісколько болъе, чъмъ прежде, обращала вниманія на положеніе прінсковыхъ рабочихъ, но ея внимание и теперь, не безъ участия волотопромышленниковъ, направлялось, главнымъ образомъ, по ложному слёду, въ сторону опеки надъ рабочими по выжодъ ихъ съ прінсковъ, а не охраны на самыхъ прінскахъ.

Наиболбе энергично двиствоваль въ интересахъ рабочихъ въ началъ 70-хъ годовъ генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Синельниковъ, но и его мъры частью не имъли успъха по своей непрактичности, частью были вскоръ отмънены его преемниками. Не мало способствовало безсилію мъръ высшей администраців края и то обстоятельство, что какъ чины горной администраціи, такъ и жандармскіе офицеры, наблюдавшіе за прінсками, по установившемуся обычаю, получали оть золотопромышленниковъ громадное содержание, въ нъсколько разъ превосходившее ихъ скромное казенное жалованье. Благодаря всему этому, въ пяти общирныхъ главахъ, посвященныхъ положенію рабочихъ за указанный періодъ времени въ различных золотоносных системахъ, автору приходится оти в чать лишь незначительныя изменения къ лучшему. Увеличивается число прінсковыхъ больницъ и самыя больницы нъсколько улучшаются, мъстами заводятся школы, возникають церкви, которыхъ, впрочемъ, рабочіе не могутъ посъщать за отсутствіемъ на прінскахъ правдниковъ, значительно ослабъваетъ самовольная расправа владёльцевъ прінсковъ и ихъ управляющихъ съ рабочими. Наряду съ этимъ, однако, основныя особенности положенія посліднихъ, -- тяжелый трудъ, не даромъ ими самими навываемый вольною каторгой, недостаточное питаніе, начтожное сравнительно вознагражденіе, безпощадная эксплоатаціи со стороны прівсковых управленій в полная безпомощность потерявшаго свое здоровье на прінсковомъ трудъ рабочаго, -- остаются въ прежней силъ. Въ двухъ особыхъ главахъ авторъ изслъдуетъ еще положение ссыльнокаторжныхъ и вольнонаемныхъ рабочихъ на Нерчинскихъ кабинетскихъ промыслахъ послъ 1861 г. и артелей старателейзолотниченковъ, послъ 1870 г. сильно развившихся какъ на частныхъ, такъ и на кабинетскихъ промыслахъ. Отдъльную главу онъ отводить исторіи волненій и стачекь рабочихь съ 1870 по 1895 г. Наконецъ, въ последней главе авторъ разсматриваетъ законодательное регулирование положения рабочихъ ва последніе годы. Здёсь онъ подробно излагаеть исторію подготовки закона 20 февраля 1895 г. о наймъ рабочихъ на частные волотые промыслы и даеть обстоятельный анализъ постановленій какъ этого закона, такъ и закона 2 іюня 1897 г. о продолжительности рабочаго дня въ его примъненіи къ прінсковымъ рабочимъ. Онъ излагаетъ здёсь же первыя попытки примъненія закона 1895 г. въ видъ обявательныхъ постановленій томскаго горнозаводскаго присутствія о работів въ праздничные дни, пищевомъ довольствіи рабочихъ, выдачъ имъ винныхъ порцій, о прінсковыхъ давкахъ, оказаніи врачебной помощи рабочимъ и штрафахъ съ послёднихъ, и другія мёры, принятыя въ самые послёдніе годы для улучшенія

быта рабочих. Въ ряду этихъ мъръ особенно выдаются пожертвованіе И. М. Сибвряковымъ 420.000 р. на выдачу пособій увъчнымъ и потерявшемъ здоровье на прінскахъ рабочимъ и образованіе въ Томскъ общества вспомоществованія горнорабочимъ.

Мы представили, конечно, не болье, какъ бытлый перечень важныйшихъ темъ, разработанныхъ въ трудъ В. И. Семевскаго, но, надъемся все же, что онъ дастъ читателю приблизительное понятие о богатствъ содержания этого замъчательнаго изслъдования.

И. С. Бліохъ. Будущая война въ техническовъ, экономическовъ и нолитическовъ отношеніяхъ. Въ шести томахъ съ атексовъ. Спб. 1898 г.

Подъ такемъ заглавіемъ извёстный варшавскій банкирь и желъзнодорожный дъятель выпустиль нъсколько мъсяцевъ тому назадъ огромное сочинение, призванное познакомить насъ съ характеромъ и значеніемъ будущей войны. Такою вёроятною будущею войною авторъ считаетъ столкновение тройственняго союза съ франко-русскимъ и всв свои данныя, равличныя вычисленія и предсказанія подгоняєть къ гипотезъ подобной войны, лешь вскользь останавливаясь на другихъ возможныхъ случайностяхъ. Впрочемъ, группируя свои панныя преимущественно вокругъ указанной гипотевы, г. Бліохъ пълаеть изъ нихъ общіе выводы. И въ самомъ дёль, какъ бы панныя ни были сгруппированы, они настолько вначительны в многочесленны, что выводы, есле оне справедливы, должны поневоль сохранить свое значение и при всякой другой группировкъ и всякой другой предвидимой исторической случайности. Когда книга составлялась, эти иныя случайности казались мало въроятными. Война между Испаніей и Соединенными Штатами и едва едва не вспыхнувшая война между Англіей и Франціей показали міру, что человівчество гораздо ближе къ войнъ, нежели то принято думать, и что горючій матеріалъ собранъ не только по объ стороны Вогезовъ. Эта страничка въ исторіи текущаго года настолько внаменательна ж значительна, что весь пятый томъ книги г. Бліоха, посвященный «войнё въ политическомъ отношеніи», оказывается уже устарълымъ. Ослабление увъ, соединяющихъ державы тройственнаго союза, новая группировка державъ на Дальнемъ Востокъ, выступленіе Съверо-Американской республики въ роли дъятельнаго политическаго фактора-присоединяются жъ вышеуказаннымъ фактамъ испано-американской войны и остраго англо-французскаго столкновенія и рішительно изміжають политическую физіономію цивилизованнаго міра. Политическія соображенія г. Бліоха, не предвидѣвшаго на этоѣ новѣйшей всторів, ни мирной ноты русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, не соотвѣтствуютъ болѣе политическому положенію. Они сохраняютъ нѣкоторый историческій интересъ превмущественно по многочисленнымъ историческимъ справкамъ, занимающимъ много мѣста въ пятомъ томѣ.

Въ виду того, что авторъ считается опытнымъ и свёдущимъ финансистомъ, наиболъе интереса представляетъ четвертый томъ, посвященный обвору экономическихъ условій и экономическихъ последствій будущей войны. Авторъ рисуеть очень мрачную картину. Война будеть разорительна, какъ до сихъ поръ никакая другая. Она можетъ обратить міръ въ пустывю. Человъчество должно серьезно подумать объ этомъ и отыскать средства къ устраненію предвидимой случайности. Обильныя данныя, собранныя г. Бліохомъ и указывающія, какъ общая европейская война отразится на продовольствів населенія, его ваработкахъ, его имуществъ, его нравственномъ состоянів, не оставляють въ душв четателя сомнівнія въ неописуемомъ ужаст того бъдствія, къ которому европейское человъчество съ такою лихорядочною поспъщностью готовится уже больше четверти въка. Само это приготовленіе есть уже несомнительное б'вдствіе и націи начинають приходить къ состоянію экономическаго упадка даже безъ войны, уже склоняясь подъ ръшительно непосильнымъ бременемъ военныхъ расходовъ. Особенно доказательны таблицы и діаграммы, обозначающія параллельно рость народнаго благосостоянія и рость военнаго бремени. Такъ, напр., въ Италін (IV, 52), если сравнить рость населенія, богатства, государственных доходовь и государственных расходовь за періодъ 1875—1892 гг., то окажется, что «во второмъ пятилътін (1880—1884 гг.), сравнительно съ первымъ (1875— 1879 гг.), богатство возрасло значительние, нежели население, и ростъ государственныхъ доходовъ развивался параллельно съ благосостояніемъ населенія. Но въ третьемъ пятилітнемъ періодъ (1885—1889 гг.), по сравненію со вторымъ, увеличеніе богатства шло уже медленніве и едва въ равной степени съ приростомъ населенія, а въ поол'вдніе три года оно уже отстаеть отъ прироста населенія (т. е. населеніе бидинеть). Между темъ сборы государства, а еще более его расходы возрастали очень быстро». Если мы припомнимъ, что именно около половины восьмидесятыхъ годовъ Италія, примкнувъ къ тройственному союзу, вышла на путь военныхъ приготовленій, то показательность этихъ выводовъ не оставляеть ничего желать. Аналогичныя данныя, только ивсколько болве сложныя, приводятся г. Бліохомъ и для другихъ великихъ націй Европы и, какъ мы уже сказали, въ общемъ рисуютъ

дъйствительно страшную картину угрожающихъ бъдствій и опасности современнаго состоянія. Можно отъ души поблагодарить автора за выяснение этого положения, которое, вонечно, и до него было извёстно, но выяснять которое никогда не лишнее. Къ сожалънію, поспъшность ли труда, или его огромность повели къ тому, что сведенный матеріаль не всегда одинаковаго достоинства и пънности. Попадаются и прямо промахи, порою непонятные подъ перомъ финансиста. Такъ на стр. 177 читаемъ: «Отсюда видно, что публикуемыя въ русскихъ Обзорахъ вившией торговли данныя о русскомъ вывозв представляють цифры ниже, чемь онв окавываются въ дъйствительности; относительно же ввоза товаровъ въ Россію въ Видахъ внишней торгован, оцвика оказывается преувеличенною». Это следуеть изъ сравненія русскихъ данныхъ съ данными иностранными. Неужели г. Бліохъ не внастъ, что такое существуеть вездъ и всюду и не можеть не существовать? Изъ Одессы везуть пшеницу въ Лондонъ: въ русскихъ данныхъ она будетъ опенена по одесскимъ пенамъ, а въ англійскихъ-по лондонскимъ, которыя всегда выше. Поэтому втоги русскаго вывоза всегда окажутся по русскимъ даннымъ наже, нежели по вностраннымъ. Тоже в наоборотъ, вслъдствіе чего итоги ввоза по русскимъ даннымъ будутъ всегда выше, нежели по иностраннымъ. Это элементарно, а между тъмъ г. Бліохъ строить нъкоторыя соображенія на основанін своего недосмотра. Можно было бы указать и другіе недоомотры и даже прогиворъчія (напр., въ опънкъ значенія смертности для готовности населенія къ бою), но сколько бы мы ихъ не нашле, затвя останется очень общерной и весьма богатой матеріаломь для истолкованія изслідуемыхь вопросовъ и авторъ заслуживаетъ живбишей благодарности за его огромный и полезный трудъ.

Одинъ томъ посвищенъ, какъ мы уже сказали, политикъ,
в одинъ—вкономическимъ вопросамъ. Вще одинъ томъ представляетъ сводъ общихъ выводовъ. Затъмъ, однако, остаются
еще три тома (I—III) для технической стороны дъла. Здъсь
не мъсто входить въ разборъ военной техники, но, быть можетъ, не лишнее отмътить, что испано-американская война не
оправдала нъкоторыхъ изъ предсказаній г. Бліоха. Такъ
авторъ «Будущей войны» предсказывалъ, что при настоящихъ флотахъ даже вначительно болье сильная на моръ
воюющая сторона не будетъ въ состоянія сохранить свои
морскія сообщенія. Оказалось, однако, что не только Соединенные Штаты, но и Испанія все время сохраняла всъ свои
морскія сообщенія. И сраженія съ малокалибернымъ скоростръльнымъ ружьемъ при бездымномъ порохъ не были кровопролититье прежнихъ. Совершенно наоборотъ тъмъ предви-

дъніямъ, которыя цитировалъ г. Бліохъ... Они были достаточно вровопролитны, чтобы не желать новыхъ опытовъ.

9. В. Тайлоръ. Антронологія. Переводъ съ англійскаго доктора. И. С. Ивина. 2 изданіе 1899.

Наконецъ, послё "Первобытной культуры" Тайлора, дожпалось второго русскаго изданія и его превосходное "Введеніе къ изученію человъка и цивилизаціи". Это одна изъ тъхъ книгъ, которымъ можно пожелать самаго широкаго распространенія. Главное ея достоинство въ томъ, что она воспитательня: вводя въ новый кругъ идей, она не только даетъ отвъты; она-что подчасъ гораздо важите-ставитъ вопросы; она не просто сообщаетъ факты — она учитъ думать въ извъстномъ направленіи. Сопержаніе книги Тайлора охватываетъ въ бъглыхъ чертахъ всю область той сравнительно юной науки, къ которой относятся и прежнія спеціальныя работы автора; это обзоръ исторіи человъка въ переходъ его отъ визшихъ позвоночныхъ, въ роств его языка, въ успъхахъ его житейской техники, въ развити его общественной организаців, въ ходъ его духовной жизни въ различныхъ ея проявленіяхъ отъ науки и искусства до минологіи, религіи и нравственности.

Книгу Тайлора называли "исторической антропологіей". Это похоже на плеоназмъ: въ такой наукъ, какъ антропологія, едва ли возможны какія бы то ни было півнныя взслівдо. ванія и правильные выводы, не проникнутые динамической точкой зриня. Эта точка вриня и есть то важнийшее достсяніе современной научной мысли, которое должно прежде всего стать общемъ достояніемъ; эта трудная и почетная задача лежитъ главнымъ образомъ на трудахъ по антропологіи, и должно сознаться, что до сихъ поръ у насъ едва ли найдется книга, исполняющая эту задачу болье просто и съ меньшимъ разсчетомъ на подготовку читателя, чёмъ "Антрополсгія Тайлора. Идея историчности душевной жизни проникаетъ ее отъ первой строки до последней и въ конце чтенія становится однимъ изъ основныхъ началъ міровозарвнія читателя. А между тъмъ, не усвоивъ себъ этой идеи во всей ея полнотъ и важности, совершенно невозможно понять сущность важнъйшихъ проявленій человъческаго духа. Завъть классическаго оракула "познай самого себя" принимаетъ въ наукъ новую форму: познай свою исторію. Для этого она знасть одинъ путь: изучение происхождения и развития такихъ объективированны хъ продуктовъ человъческаго сознанія, какъ меюъ, обычай, нравственность, религія и-на первомъ планъ-языкъ. Значеніе ихъ изслідованія не только въ точь, что они боліве

доступны анализу, чёмь неустойчивыя внутреннія воспріятія, но главнымъ образомъ въ томъ, что они въ извъстной степени раскрывають наблюденію такіе процессы духовной жизни, которые съ виду совершенно чужды нашему теперешнему мышленію, а на самомъ дёлё заключають въ себё его зародыши. Это особенно относится къ языку, и нельзя не пожалъть, что Тайлоръ, удъливъ много вниманія вопросу о провсхождение словъ, почти совершенно не остановился на грамматическихъ формахъ, тогда какъ именно здёсь, въ исторія предложенія, мы находемъ слёды такихъ древнихъ состояній мыоли, какія едва ли доступны иному способу наблюденія. Ни въ одномъ доисторическомъ курганв, ни въ одномъ старомъ обычав или переживании нътъ такихъ древностей, какія находить изслёдователь въ древнемъ языкв. Насъ удивляеть то состояніе мысли, которое характеризуется, наприміръ, убиваніемъ стариковъ, судомъ Божьимъ, побратимствомъ, кувадой. Но, очевидно, безконечно дальше отъ насъ и гораздо удивительное тотъ строй сознанія, при которомъ въ немъ нътъ еще разницы между именемъ и глаголомъ, при которомъ подлежащее стоить въ звательномъ падежв. Изучение истории мысли при помощи изслёдованія развитія языка представляєть нъкоторыя изъ существующихъ попытокъ философскаго построенія исторіи въ новомъ свъть. Предъ нами неожиданно раскрываются такія неизвіданныя глубины человіческой исторів, которыя казалесь намь безусловно недоступными для точной науки и были заповёднымъ удёломъ апріорныхъ построевій. Безконечныя перспективы далекой древности уясняются и мысль усматриваеть въ началв ихъ такія свои формы, какія она еле оебъ представляеть. Едва ли удастся кому либо .удовлетворительно объяснить развитіе этихъ формъ, напримъръ, кодомъ козяйственной жизни. Едва-ли когда нибудь будеть возможно представить положительныя доказательства ръшающаго значенія экономическихъ моментовъ въ тъхъ гигантскихъ духовныхъ переворотахъ, какіе мы открываемъ въ древнейшей исторіи языка. Трудно представить себъ, какъ могуть такія явленія, какъ "усиленіе глагольности сказуемаго» быть сведены къ предварительнымь условіямь козяйственнаго карактера. А между твиъ въ этихъ явленіяхъ находять себ' выраженіе такіе мощвые процессы въ мышленіи, какъ замбна иден субставців вдеей силы и т. п. Тайлоръ обходить эти спорные вопросы Формальнаго развитія языка, лишь мимоходомъ отибтивъ значеніе согласованія; такіе же пробёлы можно указать и въ другихъ частяхъ его книги; но онъ и не берется исчерпать предметъ-онъ намъчаетъ только пути, по которымъ должны дви-Гаться интересы чигате ія— і тогь, кто задумается надъ воз

бужденными имъ вопросами, найдетъ достаточный матеріалъ для изученія въ указанной авторомъ литературъ. Жаль только, что переводчикъ не вашелъ удобнымъ пополнить споскъ автора—вообще очень неполный—сочиненіями на русскомъ языкъ и переводами. Такія книги, какъ «Антропологія» Тайлора, полезны только въ рукахъ не опеціалистовъ, которымъ необходимо помогать въ дальвъйшей работъ, а помощь эта прежде всего должна состоять въ указаніи соотвътственныхъ пособій.

А. Скворцовъ, профессоръ Новоалександрійскаго Института Сельскаго Хозяйства и Лівсоводства. Основанія политической экономін. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1898.

Передъ нами не элементарный учебникъ, годный для ознакомленія начинающихъ съ элементами науки. Авторъ самъ предостерегаетъ отъ такого взгляда на свое произведение. Онъ «не задавался цълью создать учебникъ, но имъетъ въ випу дать систематическій обзоръ всего цикла явленій, составляющихъ предметъ изслъдованія науки» (стр. VII). Авторъ преслѣдовалъ спеціальную цѣль: имъ «руководила мысль разсмотръть весь циклъ экономическихъ явленій въ современномъ обществъ, какъ продуктъ эволюціи общественно-экономических отношеній подъ вліяніем матеріальных факторовъ (VII); онъ и совътуетъ читателю браться за чтеніе «Основаній» «только въ томъ случать, если его интересуетъ вопросъ объ экономической эволюціи» (IX). Послёднія утвержденія, однако, не соотвътствуютъ содержанію книги, трактующей исключительно чисто-теоретическіе вопросы экономической науки, что, конечно, является крайне недостаточнымъ матеріаломъ для изслъдованія «вопроса объ экономической эволюціи». Установленныя, такимъ образомъ, въ предисловіи рамки работы оказались шире ея дъйствительнаго содержавія.

Кныгу г. Скворцова можно подраздёлить на двё рёзко отличныя другь отъ друга части. Большинство главъ «Основаній» занято популярнымъ изложеніемъ влементарныхъ вопросовъ экономической теорів: сюда относятся главы о цённости, прибавочной цённости, заработной платё, народонаселеніи, о формахъ производства, деньгахъ, кредитё, отдёлъ о потребленіи и т. д. Во всёхъ этихъ мёстахъ своей книги проф. Скворцовъ является послёдовательнымъ и убёжденнымъ сторонникомъ трудовой теоріи, не чуждымъ склонности къ самостоятельной, оригинальной работё мысли, приводящей, впрочемъ, не всегда къ гавнымъ результатамъ; въ общемъ, однако, здёсь содержится матеріалъ, мало чёмъ отличающійся отъ обычныхъ взложеній учебниковъ. За то другія

тлавы, — вменно о прибыли и рентъ, — полны новаторскихъ попытокъ, представляющихъ ръзкій контрастъ съ популярновлементарнымъ содержаніемъ прочихъ главъ.

Извъстно, что наиболъе интересною задачею, занимающею умы современныхъ последователей немецкаго экономиста, является примиреніе ученій 3-го и 1-го томовъ «Капитала», примиреніе ученій о цінности и прибавочной цінности съ ученіями о ціні и прибыли. Свою попытку примиренія предлагаеть и проф. Скворцовъ, развивая и дополняя въ данномъ случат свое ученіе, изложенное до выхода въ свътъ 3-го тома «Капитала» во «Вліяніи парового транспорта» (стр. 149-177) и въ статъъ «Прибыль и процентъ», напечатанной въ «Юридич. Вѣстникѣ» (1890 № 1). Авторъ приходитъ къ результатамъ довольно неожиданнымъ и чрезвычайно смѣлымъ. Онъ объявляетъ все содержание соотвътствующаго **ученія** 3-го тома «Капитала» не только не убѣдительнымъ и необоснованнымъ, но даже излишнимъ. Въ дъйствительности, по увъренію профессора, никакого противоръчія между законами прибавочной ценности и прибыли, ценности и цены нътъ, и товары продаются по трудовой пънности съ незначительными, конечно, уклоненіями въ отдёльныхъ случаяхъ. Словомъ, г. Скворцовъ возвращается отъ Маркса къ классикамъ. Въ защиту такого смълаго шага нашъ авторъ развиваеть слёдующую аргументацію. Факть равенства прабылей, являющійся корнемъ даннаго вопроса и вызвавшій у Маркса пля своего объясненія законы прибыли и цёны, достаточно объясняется законами трудовой цённости и прибавочной цёнвости. Если Марксъ указываеть на то, что предпріятія съ высокимъ органическимъ составомъ капитала, вырабатывая отвосительно мало прибавочной цённости, утилизирують, тёмъ не менъе, прибыль, равную по нормъ прибыли предпріятій съ низкимъ составомъ капитала, гдъ прибавочной цънности вырабатывается гораздо больше, - то въ этомъ противоръчіи повиненъ прежде всего неправильный способъ исчисленія у Маркса прибыли. Послъдняя должна исчисляться не по отношенію ко всему капиталу, приложенному въ данномъ предпріятін, какъ это дёлаеть Марксъ, — а по отношенію къ капиталу авансированному, т. е. дъйствительно потраченному въ данномъ процессъ производства. И такъ какъ въ предпріятіяхъ, характеривующихся высокимъ органическимъ составомъ капитала, изъ всей суммы послёдняго потребляется въ каждомъ процессъ производства только незначительная часть (весь перемённый капиталь, а изъ постоянного - весь оборотный + только изнашивающаяся часть основного), -- то ясно, что, при исчисленіи прибыли по отношенію къ авансированному капиталу, норма прибыли такихъ предпріятій значительно

поднимется, и разница между нормами прибыли въ предпріятіяхъ съ высокимъ и назкимъ составомъ капитала окажется весьма малою. Но и эта малая разница можетъ быть погашена тъмъ, что въ крупныхъ предпріятіяхъ, благодаря значительному участію тамъ постояннаго капитала, норма прибавочнов цънности должна быть выше, обороть быстрве, участіе кредита значительнее и т. д. Все это делаеть допустимымъ существованіе меньшей нормы прибыли въ крупныхъ предпріятіяхъ. Наконецъ, если при учетъ указанныхъ условій все таки окажется разница въ нормахъ прибылей крупныхъ и мельихъ предпріятій, то необходимо принять во вниманіе, что полнаго равенства прибылей и не существуеть въ цъйствительности: есть только тенденція къ равенству, которое практически никогда и не достигается (149). Итакъ, ваконъ равенства прибылей вполнъ объяснимъ на почвъ закона прибавочной цености, и, следовательно, неть нужды въ установленіи ціны, какъ категоріи, отличной отъ цінности. Такова аргументація г. Скворцова. Ве нельзя не признать въ корић ложною. Толкуя ученіе Маркса, нашъ авторъ предлагаетъ исчислять прибыль по отношенію къ авансированному только капаталу. Но, ставъ на почву такихъ поправокъ въ исчисленіи, мы можемъ предложить г. Скворцову исчислять прибыль по отношенію къ перемънному капиталу, т. е. жапиталу, дъйствительно эту прибыль производящему. Съ научной точки зрънія, такое «исчисленіе» будеть правильнъе, а между тъмъ при такомъ исчислении не окажется между прибавочною пънностью и прибылью, равно между нормами прибылей въ разныхъ предпріятіяхъ и тъни разницы. Все дъло, однако, въ томъ, что въ данномъ случав насъ интересуетъ точка зрвнія именно капиталиста, который не можетъ исчислять прибыль иначе, какъ по отношенію ко всему капиталу.

По разсужденю г. Скворцова выходить, что капиталисть, вложивь въ предпріятіе мелліонь рублей, получаеть прибыль лишь, примёрно, съ трехсоть тысячь, остальныя же семьсоть тысячь (работають) безвозмездно. Увы! такая теорія безвозмездныхь «услугь» капитала мало соотвётствуеть нравамь современной капиталистической жизни, гдё каждый рубль, каждая копібика не проводять ни одной минуты безь того, чтобы не приносить прибыли или, по крайней мёрі, процента. Прибыль должна исчисляться именно такь, какь она исчисляется въ дійствительной жизни капиталистомь, т. е. по отношенію ко всему капиталу, и, слідовательно, задача, поставленная Марксомь въ 3-мь томі «Капитала».—задача примиренія законовь прабыли и прибавочной цінности, ціны и цінности, — пріобрітаеть значевіе реальное, а не основан-

ное только на неправильности исчисленія. Что же касается вліянія нормы прибавочной ціности, быстроты оборота и т. л., то Марксъ возможности и значенія такого вліянія не отрицаль; ясно, однако, что эти частичныя, выходящія изъ рамокъ принципіальнаго анализа 3-го тома, вліянія не въ сосостояніи компенсировать всю размицу между нормами прибыли въ различныхъ предпріятіяхъ, если только исчислять прибыль по отношенію ко всему капиталу. На основаніи сказаннаго мы не можемъ не признать поправку, вносимую г. Скворцовымъ, совершенно необоснованною.

Изъ смысла этой поправки вытекаегь и взглядъ г. Скворцова на теорію ренты. Признавая факть продажи въ капиталистическомъ обществъ товаровъ по икъ трудовой цънности, г. Скворцовъ не можетъ согласиться съ законамъ дифференціальной ренты, проистекающей изъ различія плодородія участковъ, продукты съ которыхъ обладаютъ то большею, меньшею ценостью въ зависимости отъ лучшаго худшаго положенія даннаго участка (209—10). Что же касается закона абсомотной ренты, получающейся и съ худшихъ участковъ и объясняемой какъ низкимъ составомъ земледъльческаго капитала, такъ и частною собственностью на землю. то этотъ законъ признается и г. Скворцовымъ (226 и др.). Однако, въ силу отрицанія имъ закона дифференціальной ренты, г. Скворцовъ оказался неспособнымъ проанализировать то различе обоикъ видовъ ренты, которое было неизвъстно классикамъ и открытіе котораго составляеть великую заслугу Маркса.

И безъ того растянувшіеся размітры нашей замітки не позволяють намъ остановиться на оценке другихъ частей разбираемой работы. Впрочемъ, о послъдникъ мало и можно сказать. Поименованныя выше элементарныя главы, помимо нъкоторыхъ частностей, мало чъмъ отличаются отъ соотвътствующихъ отпъловъ обычныхъ учебниковъ. Достаточно же оригинальные взгляды автора на явленія русской экономической жизни давно извёстны. Отмётимъ только, что аргументація г. Скворцова въ различныхъ мъставъ оставляетъ желать меогаго въ смыслъ ясности и послъдовательности изложенія. Ограничимся однимъ приміромъ, относящимся къ самому опредъленію политической экономіи. Предметомъ политической экономіи служить, грубо и обще выражаясь, изученіе хозяйственной дізятельности человізка. Но что же представляетъ собою хозяйственная пъятельность человъка? Одни экономисты понимають подъ нею дъятельность, направленную на удовлетвореніе матеріальных потребностей; другіе подводять подъ это понятіе д'вятельность челов'вка, направленную на удовлетвореніе встаго потребностей, но только матеріаль-

ными средствами. Различіе существенное. Къ какому же опредъленію примыкаетъ нашъ авторъ? На 1-й же страницъ читаемъ, что "подъ хозяйственною дъятельностью человъка мы разумбемъ ту дъятельность, которая имбетъ цълью удовлетвореніе матеріальных потребностей" (курс. нашъ). Перевернувши, однако, страницу, наталкиваемся на такое заявленіе: "здёсь (въ понятіи хозяйственной дёятельности) важенъ не родъ потребности (1?), а способъ ея удовлетворенія: характернымъ для хозяйственной дъятельности отличіемъ является то, что въ ней стремятся къ "полученію извъстныхъ матеріальных предметовь (курс. нашъ) для удовлетворенія своихъ потребностей" (2). Наконецъ, нъсколькими строками ниже помъщается прибавленіе: «Результатомъ такой (хозяйственной) дъятельности являются матеріальные предметы ими явленія (курс. нашъ), удовлетворяющіе извъстную матеріальпотребность» (ib.) (2). Итакъ, по терминологін г. Скворцова, опредъляющимъ моментомъ хозяйственной дъятельности является то родь потребности (матеріальная), удовлетворяемой при помощи этой дъятельности, то «не родъ потребности», а родъ предметовъ (матеріальные), при помощи которыхъ удовлетворяются потребности; то, наконецъ, и родъ потребности, и родъ предметовъ. Можетъ ли идти дальше путаница опредѣленій и терминологіи?

И эта путаница преподносится читателю съ первыхъ же строкъ «Основаній».

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

А. М. Өедоровъ. Стихотворенія. Спб. 98. Ц. 1 р.

Въ лучшіе годы. Собраніе стихотвореній Н. И. Позднякова. Изд-2-е. Спб. 98.

А. Эмге. Проза. Томъ I. Стихн. Томъ П. Сиб. 98. Ц. 50 к. за. томъ.

М. М. ФЕЛИППОВЪ. Историческія пов'єсти. Изд. Л. И. Фелипповой. Сиб. 98. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

В. Н. Авенаріусъ. Школа жизни великаго вмориста. Третья пов'ясть изъ біографической трилогіи «Ученическіе годы Гоголя». Изданіе ки. магазина П. В. Луковникова. Спб. 99.

Сергъй Роміасъ. Семья Никитиныхъ. Романъ-хроника. Въ двухътомахъ. М. 99. Ц. 4 р. 50 к.

Въ городъ и деревиъ. Сборникъ разсказовъ для дътей. Составилъ А. Ивинъ. Съ рис. Н. Н. Ольшанскаго. Изданіе 2-е В. С. Спиридонова. М. 98. Ц. 30 к. Новая ввёздочка. Три разсказа А. В. Круглова. Съ рис. Н. Н. Ольшанскаго. Изданіе 2-е В. С. Спиридонова. М. 98. Ц. 25 к.

Друзья дётей. Сборникъ разсказовъ. Составилъ А. Ивинъ. Съ рис. П. Литвиненко. М. 98. Ц. 40 в.

Анна Догановичъ. Пчелиний домикъ. Повёсть изъ жизни ичелъ. Съ рис. П. Литвиненко. Изданіе В. С. Спиридонова. М. 98. Ц. 40 к.

А. В. Кругловъ. Маленькимъ читателямъ. Разсказы въ прозѣ и стихахъ. Съ рис. Н. Н. Ольшанскаго. Изданіе В. С. Спиридонова. М. 98. П. 35 к.

Чудныя ночи. Рождественскіе и пасхальные разсказы и очерки К. С. Баранцевича. Изданіе редавціи «Дітскаго Чтенія». М. 99. Ц. 45 к.

Лучше поздно, чемъ некогда. М. Тиличеевой. М. 98.

Ванинъ дъдушва. М. Тиличеевой. М. 98.

Щелкунчивъ и мышиный царь. Сказка **Гофмана**. Съ рис. Ю. Я. Кремеръ. Изданіе Д. И. Тимковскаго. М. 98. Ц. 50.

Сочиненія **Ю. И. Касиненко.** Т. І. (Путевые очерки и разсказы). Изданіе Н. П. Загайкевича. Лубны 98. Ц. 80 к.

Литературный сборникъ «Волжскаго Въстника». Казань. 98. Ц. 1 р. 50 коп.

Г. Брандесъ. Литература XIX въка въ ся главивникъ теченіяхъ. Англійская литература. Переводъ съ нъм. М. Іолшина. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 98. Ц. 75 к.

Исторія французской литературы. Г. Лансона. XVII въкъ. Переводъ съ франц. З. Венгеровой. Ц. 1 р. XVIII въкъ. Переводъ съ франц. П. О. Морозова. Ц. 1 р. Изданіе журн. «Образованіе» Спб. 99.

Н. Котпяревскій. Міровая скорбь въ конців прошлаго и въ началів нашего віка. Спб. 98. Ц. 2 р.

На войн'я въ Азін и Европ'я. Съ рисунками. Художника В. В. Верещагина. М. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Листки изъ записной книжки художника В. В. Верещагина. М. 98. П. 1 р.

Уроки по электричеству Джона Тиндаля. Съ последняго англ. изданія перевель Е. А. Предтеченскій. Съ рисунками. Изданіе кн. магазина П. В. Луковникова. Спб. 98. П. 50 к.

К. Ціолковскій. Самостоятельное горизонтальное движеніе управияемаго авростата. (Новыя формулы сопротивленія воздуха и движенія авростата). Одесса. 98.

Гётчинсонъ. Вымершія чудовища. Вып. 11 в ІІІ. Съ 9 табл. и 47 рис. Переводъ В. М. Павловой. Съ предисловіемъ проф. А. П. Павлова. М. 98. Ц. 28.

О методъ въ біологів. Въ области гипотезъ и теоретическихъ выводовъ. М. Романовскаго. Одесса 98. Ц. 1 р.

К. Тимирязевъ. Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. Изданіе 4-е В. Н. Маракуєва. М. 98. Ц. 1 р. 50 к.

В. Ауэрсвальдъ и Э. А. Россмесслеръ. Вотаническія бесфан. Редакція академика А. Н. Бекетова. Изданіе 3-е, исправленное. Съ 50 хромолитографіями и 339 политипажами въ текств. М. 98. Ц. 3 р.

Геніальность, психическая неуравновышенность и преступность. В.И. Воротынскаго. Казань 98.

Алкоголь и душевное разстройство. Лекція д-ра Августа Форедя.

Переводъ съ нём. подъ редавціей А. М. Коровина. Изданіе Е. Б. Грон-ковской. М. 98. Ц. 20 к.

Общество русскихъ врачей въ намять Н. И. Пирогова. Рецензіи народныхъ взданій по медицинѣ и гигіенѣ. Труды комиссіи по распространенію гигіеническихъ знаній въ народѣ. М. 98. Ц. 50 к.

Для чего доктора делають операціи и какая оть этого бываеть нольза больному. Врача А. Г. Аржангельской. Изданіе комиссіи по распростравенію гигіенич. знаній въ народі. М. 97. Ц. 5 к.

О дурной бользни. Ординатора мясницкой городской больницы Н. Сперанскаго. Съ 8 рисун. 4-е изданіе комиссіи по распространенію гигіенич. знаній въ народ'в. М. 98. Ц. 5 к.

Сибирская язва. Врача Д. Я. Дорфа. Съ 4 рис. Изданіе комиссіи по распространенію гигіенич. знаній въ народъ. М. 98. Ц. 5 к.

Краткій отчеть за десятильтіє по Александровскому хирургическому бараку при Красноярской городской льчебниць. Составиль В. Т. Крутовскій. Томскъ 98.

Къ статистивъ внёполового зараженія сифилисомъ. А. Розенквиста. (Изъ журнала «Библіотека Врача» № 8, 1898 г.).

Фельдшерскій вопрось на VII съёздё земских врачей Казанской губ. Составих фельдшерь Ан. Потровъ. Спб. 97.

Очерви фельдшеризма въ Херсонской губ. Земскаго фельдшера М. П. Мартыненко. Изданіе «Медицинскаго Журнала». Спб. 98. Ц. 30 к.

Елена Іоанновна, веливая внягння литовская, русская, королева польская. Віографическій очеркъ въ связи съ исторіей того времени. Е. Церетели. Въ пользу о-ва вспоможенія окончившихъ курсъ на с.-петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ. Сиб. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Сергый Смирновъ. Древнерусскій духовникъ. Очеркъ. Сергіевъ Посадъ 99. Ц. 75 к.

А. Рамбо. Живописная исторія древней и новой исторіи. Съ рис. Изданіе 2-е т-ва И. Д. Сытина. М. 98. Ц. 1 р. 50 к.

Гринъ. Краткая исторія англійскаго народа. Въ трехъ выпускахъ. Вып. П. Переводъ съ англ. Н. Н. Шамонина. М. 98. П. 70 к.

Токвиль. Старый порядовъ и революція. Переводъ подъ редакціей П. Г. Виноградова. Изданіе 2-е. М. 98. Ц. 50 к.

Я. А. Галяшкинъ и К. Н. Успенскій. Курсь исторіи средних віковь. М. 98. Ц. 95 к.

Сидней Веббъ. Положеніе труда въ Англін за посл'ядніе 80 л'вть. Изданіе Н. И. Березина и М. Н. Семенова. Спб. 99, Ц. 15 к.

Общественная жизнь Англін. Изданіе І. Д. Трайля. Т. V. Переводъ съ англійск. П. Николаева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 98. Ц. 2 р. 50 к.

Швейцарія. Швейцарскія горы, швейцарскіе города и деревни; жизнь швейцарскаго народа. Составила В. М. Величкина. М. 98. Ц. 50 к. М. Оржельскій. Польскій вопрось. Кієвъ 98. П. 60 к.

Д-ръ М. Щляпошниковъ. 2-й всемірно-еврейскій конгрессъ сіонистовъ въ Базель. Изданіе книгонздательства «Улей». Харьковъ 98. Ц. 15 кол

Что такое Шулханъ-Арухъ? Къ освёщенію еврейскаго вопроса. Этюдъ **Н. Переферковича.** Спб. 99. Ц. 1 р. 30 к.

Нашъ родной учитель (К. Д. Ушинскій). Біографическій очеркъ В. Е. Ермилова. Съ портретомъ и рисункомъ. Изданіе «Дітскаго Чтенія». М. 99. Ц. 20 к.

Комиссія по организацін домашняго чтенія, состоящая при учебномъ отділів Общества распространенія техническихь знаній. Программы домашняго чтенія на 2-й годъ систематическаго курса. 2-е, исправленное и дополненное изданіе. М. 99. Ц. 45 к., съ перес. 63 к.

Статистическій очеркъ. Зимній сезонъ 1897—98 г. въ новомъ городскомъ театръ въ Иркутскъ. Изданіе дирекціи городского театра. Иркутскъ 98.

Отчеть о дъятельности С.-Петербургскаго общества «Помощь въ чтеніи больнымъ и бёднымъ» за 1896 и 1897 гг. Спб. 98.

Отчетъ правленія общему собранію членовъ Общества содійствія начальному образованію въ Курской губ. Курскъ 98.

Харьковское общество распространенія въ народі грамотности, Отчеты о діятельности комитета по устройству сельских библіотекъ и народныхъ читаленъ и учрежденныхъ имъ библіотекъ за 1897 годъ. Харьковъ 98.

Отчеть общества калужской безплатной народной библіотеки-читальни за 1897 г. Калуга 98.

Положеніе начальнаго народнаго образованія въ Тобольской губ. за 1896—97 учебный годъ. Статистическій очеркъ Е. Ө. Соколова. Тобольскъ 98.

Народное образованія въ Херсонской губ. за 1896 г. Изданіе херсонской земской управы. Херсонъ 98.

Причины крестьянских семейных разділовь. В. А. Колосникова. Ярославль 98. Ц. 50 к.

Ражскій увздъ. Изследованіе по невкоторымъ податнымъ вопросамъ надвальнаго землевладенія. Податного инспектора Ражскаго увзда А. В. Еропкина, Ражскъ 98.

Статистическій сборникъ по С.-Петербургской губ. 1897 годъ. Вып. ПІ и IV. Спб. 98.

Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся въ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. Вып. VIII. Изъ «Известій Московской Городской думы». М. 98.

Данныя о положеніи питейнаго діза въ Богородскомъ убяді Московской губ. Собраны и обработаны П. А. Распоновымъ. Изданіе мо сковскаго губерискаго земства. М. 98.

Систематическій сборник очерков по отечестов'ядівнію. Составили М. Н. Беклеминевь, В. Ө. Дерюжинскій, Н. А. Карміневь, Л. Е. Лебедевь, Ө. А. Макшеевь, В. И. Марковь, Н. А. Обручевь, В. В. Степановъ, бар. А. Е. Тизенгаузень, А. П. Турчаниновь и В. Г. Яроцкій подъ редакціей генераль-лейтента Ө. А. Фельдмана. Изданіе Императорскаго Александровскаго Лицея. Спб. 98. П. 3 р.

Вся Россія. Русская внига промышленности, торговли, сельскаго хозяйства и администраціи. Адресъ-валендарь Россійской Имперіи. Въ двухътомахъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 99.

Министерство Финансовъ. Департаментъ торговии и мануфактуръ. Торгово-промышленная Россія. Справочная книга для купцовъ и фабрикантовъ. Составлена подъ редакціей А. А. Блау. Спб. 99.

Альманахъ-ежегодинеъ П. О. Яблонскаго на 1899 г. Календарь и сборникъ свъдъній полезныхъ и необходимыхъ каждому въ ежедневной жизни. Спб. 98.

A. Chemchovrine. Le XII congrès médcial international à Moscou en 1897.

ТЕОРІЯ РЫНКОВЪ.

въ ея отношении къ вопросу объ экономическомъ развитии страны.

(По поводу книги С. Булгакова: «О рынках» при капиталистическом» производствъ. Теоретическій этюдъ». Москва 1897).

I.

Вопросъ о рынкахъ весьма старый вопросъ экономической теоріи, по поводу котораго комали копья экономисты всёхъ странъ, начиная съ классиковъ и кончая сегодняшними представителями нашей науки. Теорія рынковъ тёсно соприкасается съ ученіемъ о кризисахъ, а кризисы являются характернымъ и, такъ сказатъ, центральнымъ явленіемъ капиталистической жизни. Неудивительно, поэтому, что вопросъ о рынкахъ разрабатывается во всёхъ экономическихъ системахъ и трактатахъ, стремящихся пролить свёть на смыслъ капиталистическаго хозяйства, вникнуть въ сущность современныхъ, буржуазныхъ общественныхъ отношеній.

Въ русской литературъ вопросъ о рынкахъ получилъ особенно важное значене, такъ какъ здъсь онъ оказался связаннымъ съ вспросомъ, столь волнующимъ русскую общественную мысль, «о судьбахъ капитализма въ Россіи». При всей трудности изслъдованія, возникающей изъ осложненія вопроса о рынкахъ другимъ, въ свою очередь очень большимъ и важнымъ вопросомъ, такую постановку вопроса о рынкахъ, связывающую его съ основными проблемами современной исторической эпохи, нельзя не признать крайне интересною.

Такъ ставится вопросъ и въ «теоретическомъ этюдё» г. Булгакова, послужившемъ поводомъ для нашей заметки.

Г. Будгавовъ не согласенъ съ теоріей рынковъ, выставленною у насъ писателями народническаго направленія. Основною задачею своей работы онъ ставить опроверженіе эгой теоріи (стр. 2 и друг.). Съ другой стороны, онъ находить мало удовлетворительными и ученія тёхъ русскихъ писателей, которые боролись противъ народнической теоріи рынковъ, хотя и соглашается съ ихъ конечными выводами. Такъ, взгляды г. Струве по этому вопросу, принципально върные, даже «превосходные», однако «лишены всякаго теоретическаго обоснованія» (32). Точно также «аргументація г. Тугана-Барановскаго въ защиту выставленныхъ имъ (по вопросу о рынкахъ) положеній недостаточна... въ отдёльныхъ частяхъ несогласована, противорёчива» (247, 257); «можно найти у него еще част-

ныя противоречія и неясности, и вообще его воззренія не сводятся въ стройную и цельную систему» (257) и т. д.

Итакъ, г. Булгаковъ находатъ народническую теорію рынковъ по существу неправильною, а теорію писателей противоположнаго направленія необоснованною и недоказанною. Посмотримъ же, насколько ему удалось опровергнуть одно и обосновать другое ученіе о рынкахъ.

Работа г. Будгакова посвящена главнымъ образомъ «теоретической провъркъ» (2) того основного положенія народнической теоріи рынковъ, согласно которому капиталистическая форма производства не можеть существовать и развиваться иначе, какъ на основъ вибшняго рынка. Этотъ взглядъ, какъ извъстно, играль весьма важную роль въ системъ народничества, проводился въ цъломъ рядъ произведевій гг. В. В. и Николая-она *), и, потому, не мъщаеть напомнить иъсколько его содержаніе.

Въ процессъ капиталистическаго производства товаровъ, разсуждають упомянутые экономисты, принимають участіе—прямое и косвенное—двъ группы лиць: рабочіе и предприниматели - капиталисты.

Цанность всякаго капиталистически произведеннаго товара, равно какъ и ценность всего годового производства даннаго капитамистическаго ховийства можеть быть, поэтому, разложена на двв части: одну, которую получають въ формъ заработной платы непосредственные производатели-рабочіе, и другую, достающуюся въ видь прибавочной ценности въ руки капиталистовъ. Найти сбыть капиталистически произведенныхъ товаровъ значить, следовательно, сбыть, отчудить, реализовать тв элементы цвиности этихъ товаровъ, которые соответствують какъ заработной плате, такъ и прибавочной цвиности. Въ какой же мврв осуществима эта реализація? Что васается той части ценности, которая соответствуеть заработной плать, она можеть быть пріобратена и пайствительно пріобратается рабочими на ихъ заработную плату. А какова должна быть участь другого элемента цвиности-прибавочной цвиности? Очевидно, она можеть быть или потреблена самими капиталистами, въ карманы которыхъ попадаеть, или же она доджна быть вымвнена на что-инбудь другое, отчуждена на сторону.

Первое физически невозможно. Владельны прибавочной ценности не въ состояни потребить всю прибавочную ценность, такъ какъ потребиости человека ограничены, а капиталистическое про-

^{*)} См. В. В. «Судьбы напитализма въ Россін». Спб. 1881. стр. 14—16 и др. Его же; «Излишевъ снабженія рынка товарами», «Отеч. Записки», 1883, № 7, стр. 13—32; «Фантазія и дійствительность русскаго капитализма», «Отеч. Запис.» 1881, № 3, стр. 1—2, 22—23 и др.; «Милитаризмъ и напитализмъ», «Рус. Мысль», 1889, № 9; «Очерки теоретической экономіи». Спб. 1895, стр. 147—207; Николай-онъ. «Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства». Спб. 1893. стр. 201—214.

изводство имъетъ тенденцію къ безграничному росту производительныхъ силь и въ все большему возрастанию прибавочной ценности. Итакъ, часть прибавочной панности необходимо выманять, отчудить, сбыть. Но кому? Гдв возымется требуемый для помъщения ние реализацін прибавочной ценности рынокъ, когда каждый шагь по пути капитализма влечеть за собою объдивніе массь, уменьшеніе нкъ платежной способности, — словомъ, сокращение внутренняго рынка? Остается, конечно, надежда на рынокъ вийшній, на сбыть товаровь за границу. И воть начинается засвидетельствования нсторіей борьба капеталистических странь за вивший рыновь. борьба, являющаяся типичнымъ привнакомъ нашего времени, служащая источникомъ войнъ, мирныхъ договоровъ, всяческихъ межнународныхъ комбинацій и союзовъ. Но очевилю, что въ этой борьбъ шансы на побъду-на сторонъ странъ, ранъе захваченныхъ капитализмомъ, ранве выступившихъ на поприще международнаго товарнаго обитна. За неми и высшая степень техники, и большее усовершенствовавіе самаго механизма обміна, въ ихъ пользу, наконецъ, служить и самый факть ранняго снабжения товарами чужихъ странъ, фактъ, имъющій тенденцію обратиться въ своего рода. промышленно-коммерческую традицію. Если мы обратимся теперь въ Россіи, то увидимъ, что, какъ страна, едва лишь вступившая въ семью странъ капиталистическихъ, она менъе всего обладаетъ шансами на пріобретеніе внешнихъ рынковъ и, следовательно, на прочное существованіе капиталистическаго способа производства. Отсюда — капитализмъ не имбеть у насъ прочныхъ корней подъ собою, русскій капитализмъ-это мертворожденное дітище, неспособное повести по пути промышленнаго прогресса и общественнаго обновленія: это — цетокъ, которому суждено, не расцетин , отцвъсти.

Вотъ въ двухъ сдовахъ содержание той народнической теории рынковъ, которая вызвала горячія возражения въ русской дитературів съ самаго момента своего появления. "). Изъ приведеннаго видно, что гг. В. В. и Николай—онъ отрицають возможность развития капитализма въ Россіи и вообще въ «молодыхъ» странахъ въ сяду отсутствия для нихъ свободнаго вившияго рынка; последній

^{*)} См., напр., ст. Е. П. о кн. В. В. «Судьбы капитализма» въ журнадъ «Дъло», 1882, № 1; о той же книгъ ст. А. Исаева «Юрид. Въстинкъ»,
1883, № 1, стр. 97-98; Н. Каблуковъ. «Экономическая хроника», ibidem, 1883,
№ 5, стр. 68-78. А. Мануиловъ. «Милитаризъ», ibidem, 1890, № 1, стр.
170-2, 175-6. П. Струве. «Критическія замътки по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи», Спб. 1894, стр. 245—260. М. Туганъ-Барановскій.
«Промышленные кризисы въ современной Англіи», Спб. 1894, стр. 403-38 Н.
Бельтовъ. «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію». Спб.
1896, стр. 269-72 и др., А. Волгинъ. «Обоснованіе народинчества въ трудахъ В. В». Спб. 1896, ст. 70-7. К. Т-нъ, «Къ характеристикъ экономическаго романтизма. Сисмонди наши отечественные сисмондисты», «Новое
Слово», 1897, апръль, стр. 30—50.

же они считають безусловно необходимымь для капиталистическаго производства, во 1-хъ, въ силу физической невозможности для капиталистовъ потребить всю прабавочную цённость, во вторыхъ—въ виду невозможности отчужденія лишней части прибавочной цённости въ капиталистическомъ обществе, прогрессавно бёднёющемъ.

Возражая противъ этой теоріи, г. Булгаковъ, однако, соглашается оъ ея представителями въ томъ, «что страны, поздно выступившія на капиталистическую арену, не имъють надежды завоевать внашній рынокъ въ значительныхъ размерахъ; следовательно, развитіе капиталистической промышленности, основанное на вибшнемъ рынка, въ сколько нибудь значительной степени для новыхъ странъ невозможно» (190, ср. стр. 199-200). Но изъ этого, по мивнію г. Булгакова, далеко не следуеть, чтобы капитализмъ въ такихъ странахъ быль немыслимъ, представляль собою мертворожденное детище. Народники, полагающіе это, им'ють въ виду такія страны, какъ Англія, Франція, Германія, Бельгія и др., гдв капиталистическое производство, действительно, опирается на вившній рынокъ. Но этимъ странамъ г. Булгаковъ противопоставляетъ примъръ другихъ странъ: Соединенныхъ Штатовъ, Индін, гдв «рость промышленности совершается насчеть развитія внутренняго рынка» (183). Почему же одив страны, какъ Англія, Франція, Германія, не могуть обходиться безъ вебшняго рынка, тогда какъ для другихъ, какъ Соединенные Штаты, Индія, Россія, можеть оказаться достаточнымь одинь внутренній рыновъ? для ответа на этотъ вопросъ г. Булгаковъ устанавливаетъ, следуя Листу, деленіе странъ на три типа: Agriculturstand (страны, располагающія собственнымъ сырьемъ и вообще земледівьческими продустами и ввозящіе мануфактурные). «Manufacturstand» (страны, вывозящія мануфактурныя изділія и ввозящія сырье), наконець-Agriculturmanufacturstand (страны, имъющія у себя запасы сырья и хлюба и въ то же время развившія переработку этого скірья, организовавшія обрабатывающую промышленность) (192-6). Отношеніе странь этихъ трехъ категорій къ рынку слідущее. Что касается странъ тиса Agriculturstand, то о нихъ нечего говорить: это страны съ слабымъ развитіемъ капитализма, притомъ же число такихъ странъ постепенно сокращается. Страны типа Manufacturstand, не располагая собственнымъ сырьемъ, принуждены ввозить его изъ другихъ странъ; но «та страна, которан поставлена въ необходимость ввозить какіе нибудь продукты, не можеть не вывозить эквивалентнаго количества своихъ продуктовъ» (199),--т. е. въ данномъ случав фабрикатовъ. Поэтому-то для странъ даннаго типа вывозъ, т. е. вившній рынокъ является безусловною необходимостью. «Для Англін такое прекращеніе (вывоза фабрикатовъ) равносильно экономической агоніи и даже смерти» (199). Въ такомъ же положенін находятся и Германія, Франція, Бельгія и другія страны. Не то страны третьяго типа—Agriculturmanufacturstand. Располагая обширною территорією, разнообразными естественными богат-

ствами, онв имвють полную возможность добывать нужное сырье и перерабатывать его у себя же дома; если онв что либо вывозять. то обывновенно сырье, а ихъ обрабатывающая промышленность можеть обходиться безъ вывоза, можеть существовать однимь внутреннимъ рынкомъ, который представляется многочисленнымъ населеніемъ этихъ странъ. Къ странамъ такой категоріи относятся Соединенные Штаты, Индія, Россія. Словомъ, по митию г. Булгакова, въ данномъ случав повторяющаго лишь взглядъ, ранве его высказанный г. Туганъ-Барановскимъ *), потребность вившияго рынка должна быть признана не внутрением и не всеобщем потребностью капитанистического производства, а лишь случайною, нияментуального потребностью накоторых странь, именно странь ввозящихъ. Потребность вившняго рынка для вывоза вытекаетъ изъ потребности ввоза для бедных естественными дарами странъ, какъ Англія, Франція, Германія, Бельгія и др. Но этой потребности не существуеть для странъ богатыхъ этими дарами, какъ Штаты, Индія, Россія. «Воть эту-то условную необходимость, вытекающую не изъ сушности капиталнотическаго производства, какъ такового, а лишь изъ индивидуальных условій промышленной жизни отдільной страны. въ нашей интератури возвели во внутрениюю необходимость, присущую капиталистической форм'в производства, стали вообще утверждать, что «капиталистическая форма производства требуеть вившнихъ рынковъ» (Николай —онъ)» (181).

Притомъ же, чемъ доказывали г.г. В. В. и Николай —онъ ту мысль. что капиталестическое хозяйство нуждается во вившнемъ рынкъ? Тъмъ соображениемъ, что прибавочная ценность не можеть быть ни потреблена капиталистами въ виду физической ограниченности ихъ потребностей, ни выивнена на другіе продукты въ виду прогрессивнаго объднънія масоъ. Съ последнимъ замічаніемъ г. Булгаковъ ножеть согласиться только отчасти. Въ действительности, по иврв развитія капиталистическаго производства потребительныя силы населенія возрастають, хотя въ меньшей пропорцін, нежели та, въ которой возрастають размеры производства. Иными словами, совершается абсолютный рость, но относительный упадокъ потребленія (147—154). Во всякомъ случав, следовательно, народники правы въ томъ, что не вси прибавочная цённость можеть быть выменена. Не вся она потребляется и капиталистами. Но следуетъ ли изъ этого, что въ такомъ случай часть прибавочной ценности нин, что то же, часть капиталистических продуктовь должна быть вывезена на вившній рынокъ? Ніть, такое заключеніе слідуеть признать, по мижнію г. Будгакова, совершенно произвольнымъ. И въ доказательство своей мысли, нашъ авторъ удачно развиваетъ то ученіе 2-го тома «Капитала» (именно двухъ последнихъ главъ его), гдё Марксъ разрушаеть «фантастическій догиать» Адама

^{*)} М. Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы, стр. 429 и др.

«Смита, оділавшійся «правов'єрнымъ догматомъ всей классической ислитической экономіи», будто вся прибавочная цённость или весь капиталистическій продукть должень быть потреблень либо капиталистами, либо другими лицами. Къ этому «догмату» примкнули, вслёдь за Смитомъ, такіе ученые, какъ Мальтусъ, Сисмонди, Чомерсъ, Моффатъ, Кирхманъ; на немъ основывають свою теорію рынковъ г.г. В. В. и Николай —онъ, а между тімъ его дійствительно подвергь безпощадному разрушенію знаменитый німецкій ученый. Цінность капиталистически произведеннаго товара—какъ указываетъ Марксъ — распадается не на дві части: заработную плату и прибавочную цінность, какъ учили всё названные экономисты, включая и нашихъ народниковъ, а на три части:

«w» (цённость) = «с» (постоянный вапиталь) + «у» (перемённый капиталь = заработная плата) + м (прибавочная приность). Первый изъ этихъ трехъ элементовъ, на которые разлагается ценность продукта: с, постоянный капиталь, идеть на продолжение производства; уже изъ этого видно, что далеко не весь продукть долженъ быть потребленъ, какъ думаль г. В. В. Но этого мало. Продолжимъ нашъ анализъ роли различныхъ элементовъ пънности н мы убъднися, что далеко не все изъ оставшейся, посль отдъленія с, части цінеости продукта нуждается въ томъ, чтобы быть потребленнымъ. Ценность переменнаго капитала пріобретается рабочими на ихъ заработную плату. А m, прибавочная ценность, для помещения которой считалось необходимымъ прибегнуть къ внешнему рынку? Вся им она потребляется? Да, вся. Только не вся она ватрачивается на потребленіе въ собственномъ смысль, на мичное потребленіе, на вду, питье и т. д. На все это уходить только часть прибавочной ценности; другая же часть идеть на потребленіе капиталистическое, производительное, на изготовленіе орудій и средствъ производства, необходимыхъ для расширенія промышлонности, для накопленія, составляющаго исходный пункть и коночную цель капиталистического хозяйства.

При этомъ оказывается, что по мере развития капиталистическаго способа производства на потребленіе личное уходить относительно все меньшая, а на потребленіе производительное относительно все большая часть прибавочной цённости. Если такъ, если изъ состава всей цённости (w = c + v + m) «с» уходить на продолженіе производства, у на предметы потребленія рабочихъ, часть и на предметы потребленія капиталистовъ и, наконецъ, остальная часть и на производительное потребленіе, на расширеніе производства, на накопленіе,—то ясно, что весь капиталистически промяведенный продукть или сумма всего годового производства даннаго капиталистическаго хозяйства можеть быть реализована въ предёлахъ этого хозяйства и, повидимому, само собою напрашивается заключеніе, что въ цёляхъ реализаціи прибавочной цённости

ни въ какомъ вийшнемъ рынки капиталнотическое производствоне нуждается.

Таковъ въ самой сухой и бивдной передаче-результать тогозамъчательнаго анализа, которымъ Марксъ сразу поставилъ крестъ на самыхь грубыхъ заблужденіяхъ классической политической экономін, и изъ котораго съ неумолимою логическою необходимостью, поведемому, вытекаеть заключение о несостоятельности взгляда на витшній рынокъ, какъ на необходимое условіе реализаціи прибавочной ценности или вообще капиталистического товара. И этотъ важный выводъ быль получень, главнымь образомь, благодаря постановев накопленія, взанвнъ потребленія, въ центръ капиталистического зданія. Совершенно справедниво замічаєть по этому поводу г. Булгаковъ, что для того, «чтобы понять накопленіе какъ цель капиталистического производства, нужно было прознализировать весь процессъ производства капитала, историческія особенвости этой формы производства... Этоть анализь быль представлень только Марксомъ, поэтому до Маркса и не могло быть построено удовлетворительной теоріи рынковъ (21). Ниже мы вернемся въ оцень деласимих нашимь авторомь выводовь изь даннаго ученія Маркса. Мы будемъ при этомъ имъть случай убъдиться, на примъръ самого г. Бунгакова, въ томъ, что и «после Маркса» построеніе правильной теоріи рынковъ является діломъ далеко не легкимъ. Теперь же ограничимся по поводу данной, несомивние лучшей части «этюда» г. Булгакова замечаніемь, что въ ней следуеть видеть . лишь ивсколько болбе полное и въ частностихъ болбе правильное развитіе взглядовъ и возраженій, высказанныхъ давно уже другими гг. Мануиловымъ, К. Т-нымъ и Туганъ-Барановскимъ *) и не представляющихъ интереса новизны.

Такова теорія рынковъ г. Булгакова, оцінка которой и составляеть ціль нашей замітки. Сущность этой теоріи можеть быть выражена въ слідукщихъ основныхъ положеніяхъ:

- 1) Безусловно правильно митніе объ отсутствін витинихъ рынковъ для странъ въ промышленномъ отношеніи молодыхъ, въ томъчислё—Россіи.
- 2) Неправильно, однако, ділаемое отсюда народниками заключеніе о невозможности въ таких «молодых» странахъ развитія капитализма. Наобороть, капиталистическое производство можеть существовать средствами одного внутренняго рынка. Доказательствомъ тому могуть служить какъ фактическіе примъры Соединенныхъ Штатовъ, Индін, гді рость промышленности совершается насчеть внутренняго рынка, такъ и
- 4) некоторыя теоретическія поясменія. Въ этомъ отношенів необходимо принять деленіе странъ на три типа, изъ которыхътолько группа странъ типа Manufacturstand, какъ странъ нуждаю-

^{*)} См. названныя произведенія.

зщихся во ввозѣ продуктовъ, требуетъ и вывоза, т. е. виѣшниго рынка.

5) Наконецъ, мевніе о необходимости вившняго рынка для всёхъ капиталистическихъ странъ въ целяхъ потребленія прибавочной ценности опровергается анализомъ 2-го тома «Капитала», гда доказывается какъ разъ противоположиое: возможность потребленія всей прибавочной ценности, или, что то же, всего капиталистическаго продукта въ результате личнаго и производительнаго потребленія.

Обратимся къ разбору этихъ положеній.

II.

Прежде всего нельзя не отмътить любопытный фактъ приссединенія г. Булгакова въ мивнію о томъ, что для «молодыхъ» сгранъ, а, следовательно, и для Россіи—неть месть на вившиемъ рынка. Положеніе о невозможности для «молодыхъ» странъ завоевать вившніе рынка считалось до сихъ поръ до того ульгра-народническимъ, что всякій писатель, его высказывавшій, рисковаль темъ самымъ быть зачисленнымъ въ народники.

Это положение въ извъстной части литературы подвергалось систематическому высмъиванию. Надъ нимъ подшучивалъ г. Волгинъ *), по поводу него издъвались надъ «россійскими народниками» въ «Новомъ Словъ» **). Теперь къ нему довольно неожиданно примываеть строгій обличитель народничества—г. Булгаковъ!

И примыкаеть—замітимъ мы—совершенно напрасно, такъ какъ въ данномъ вопросі трудно согласиться съ народниками. Трудно согласиться съ народниками. Трудно согласиться потому, что ихъ мийнію противорчать фактическій данныя, характеризующія положеніе отдільныхъ странъ на ареніз международнаго товарнаго обміна. Прислушаемся къ голосу спеціалиста, чуждаго всякимъ теоретическимъ пререканіямъ:

«Обзоръ международнаго товарнаго обмѣна за послѣднюю чегверть стольтія представляеть одну изъ наиболье любопитнихъ страницъ исторія всемірной торговли по борьбь отдыльнихъ государствъ изъ за господства на всемірномъ рынвь: первое мѣсто на немъ во все продолженіе 19-го вѣка безраздыльно принадлежало и продолжаеть принадлежать Велико-британіи, слѣдовательно, объ ней нечего говорить. Франція занимала второе мѣсто до 1873 года, когда должна была впервые уступить его Германіи, которая продержалась на немъ до 1879 г. Въ слѣдующемъ году торговые обороты Германіи нѣсколько понижаются, и она принуждена не только вернуть второе мѣсто Франціи, но даже поступиться третьных въ

**) См. напр., рецензію вниги Уилльямса "Торжество германской проэммпленности"— "Новое Слово", 1897, сентябрь, стр. 44—45.

^{*)} А. Волгинъ. Обоснованіе народничества въ трудахъ г. Воронцова (В. В.) стр. 70—77. Ср. Н. Бельтовъ. Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію. стр. 269, 272.

пользу Соединенныхъ Штатовъ С. А.; однако, последнее государствопродержалось на третьемъ месте только три года и уже въ 1883 г. Германія снова заняда его, а черезъ годъ оттеснила и Францію со второгомъста. Положение Францін начинаеть сильно волебаться, и въ 1885 г. второе мъсто занимають Соединенные Штаты. Въ 1886 году она дълаеть последнее усиле, чтобы занять второе место, но уже въ 1887 году сразу переходить на четвертое мъсто, съ котораго уже не можеть сойти по настоящее время. За последнее десятильтие второе и третье мъсто съ переменным счастьемь оспаривають другь у друга Соединенные Штаты и Германія. Торговые обороты Франціи наибольшаго своего разм'тра достигли въ 1880 г.—2,125 м. р., но съ техъ поръ они показываютъ явную тенденцію въ пониженію. Между тімь на міровомь рынкі ровно и безь. волебанія усиливается крошечное въ территоріальномъ, но мощное въ торговомъ отношенім государство-Голландія, и весьма возможно, что она скоро оттёснить Францію. Шестое и седьное место съ переменнымъ счастьемъ занимають Россія и Австро-Венгрія, восьмое и девятое оснаривають другь у друга Индія и Бельгія, а на десятомъ поконтся Италія, которая, судя по угнетенному состоянію ся торговин за последнее десятильтів, вероятно, скоро будеть вытеснена другими и изъ этого скромнаго угла всемірнаго рынка» *).

Все это длинное мъсто мы позволили себъ привести въ локазательство того, что всемірный рыновь представляеть собою составное изъ несколькихъ элементовъ, находящихся не всегда въ одинаковой комбинаціи другь съ другомъ. Пальма первенства. безпрерывно оспаривается то тамъ, то другимъ государствомъ, и часто страна, сегодня занимающая подчиненное мвсто, завтра оттесняеть другія силою своего торгово-промышленнаго превосходства. Разумвется, все это севершается не воль случайности, каприза; успыхь здысь коренится въ самыхъ основахъ экономическаго, политическаго, культурнаго состоянія сопериичающихъ странъ, и, быть можеть, трудно найти другое явленіе, которое бы въ такой мірь отражало на себі совокупное вліяніе взаимодійствія всіхь указанныхь факторовь. Но очевиднымъ становится изъ приведенныхъ фактовъ, что нельзя приговаривать какую либо страну, хотя бы и «молодую», къ ввиному торгово-промышленному подчиненію; а соли мы примемъ во вниманіе обнаружившіеся за последнее время факты усерднаго в успъщнаго соперничества на внашних рынкахъ Германіи съ Англіей **), то мы должны будемъ допустить, что и для последней. не ввчно состояніе торгово-промышленной гегемоніи. Все это вибств

^{*)} Ст. О. Гулишамбаровъ, «Всемірная торговля въ 19-мъ въкъ и участіе въ ней Россіи». Спб. 1898 г. 1898. стр. 200—1.

^{**)} Факты эти собраны въ сочинени Е. Е. Унлывиса «Торжество германской промышленности. Маde in Germany», перев. съ англ., Спб. 1897. Мы уже нивли случай, однако, замътнъ, «что сочинение это, написанное съ точки зрѣнія англійскаго фабриканта, скорбящаго объ утратъ Англіей былыхъ промышленныхъ привилегій, грѣшитъ значительнымъ сгущеніемъ красокъ» въ пользу Германіи. См. «Русск. Богатство», 1898. № 7, стр. 17.

разрушаеть правильность мивнія объ отсутствій для «молодыхъ» странъ міста на вийшнемъ рынків. Въ результатів нельзя не пожаліть, что г. Булгаковъ присоединился въ довольно слабому місту разрушаемой имъ народнической теоріи рынковъ.

Однако, центръ тяжести аргументаціи г. Бунгакова содержится не въ только что разобранномъ взглядь, а въ положение, что вившній рынокъ вовсе не составляеть необходимости для капиталистическаго производства; что при изв'естныхъ условіяхъ данный способъ производства можетъ развиваться, опираясь исключительно на рынокъ внутренній. Противъ этого мийнія невольно напрашиается съ самаго начала возражение въ виде того всемъ известнаго факта, что въ дъйствительности капитализмъ всюду прибъгаеть къ содъйствію вижшияго рынка. Не является ян, поэтому, своего рода «утопизиомъ» — утвержденіе, что капитализмъ можеть существовать, опираясь на одинъ внутренній рыновъ? Реальныя тенденців дийствительного, а но возможного башитализна свидетельствують о противоположномъ: упорное, страстное исканіе вившнихъ рынковъ составляеть явную и типичную принадлежность капиталистическихь странъ. Это исторический факть, въ правильномъ объяснения котораго можно видеть первый искусь для теоріи рынковь г. Булгакова. И г. Булгаковъ, дъйствительно, даетъ свое объяснение, приведенное нами въ предыдущей главъ.

Обращаясь къ опънкъ этого объясненія, коснемся прежде всего фактических осылокъ на Индію и Соединенные Штаты, какъ на страны, въ которыхъ капиталистическій способь производства развивается, опирансь на одинъ внутренній рынокъ. Что касается Индін, мы не совсимь понимаемъ пли ссылки на нее со стороны нашего автора. Исторія промышленности этой страны изв'єстна. Н'якогда Индія служела для всей Европы страной съ высскоразвитой мануфактурой и тогда она снабжала всемірный рыновъ тончайшеми шалями, красками, хлопкомъ и джутомъ, перерабатывавшимися мёстными кустарями. Впоследствін, после укращенія владычества англичань въ Индін, Великобританія стала употреблять усилія къ уничтоженію мин ослабленію вывоза изъ Индін готовыхъ изділій и облегченію ввоза туда своихъ произведеній. Хотя эта политика и им'яла усп'яхъ, яо за последнія 25 леть условія производства несколько изменились въ лучшему для Индін, и теперь она въ накогорыхъ отранахъ можетъ усившно конкуррировать съ Великобританией. Во всяжомъ случав, и до сихъ поръ Индія нуждается во многихъ привозныхъ предметахъ, пренмущественно обрабатывающей промышленности *). Итакъ, Индія, во первыхъ, далеко не представляеть собою законченнаго экономическаго типа съ опредъленнымъ характеромъ промышленной и торговой деятельности; во вторыхъ,

^{*)} Ст. О. Гулншамбаровъ. «Всемірная торговля въ девятнадцатомъ въкв», «стр. 139—140.

ото страна съ слабымъ развитіемъ обрабатывающей и вообще капиталистической промышленности. Поэтому ссылаться на примъръ Индіи въ доказательство положенія о возможности существованія капитализма на средства одного внутренняго рынка возможно лишь по недоразумѣнію.

Гораздо болье убъдительнымъ, по крайней мъръ на первый взглядъ, представляется примъръ другой страны, къ которой отсылаеть насъ г. Булгаковъ для доказательства своей теоріи -- Соединенныхъ Штатовъ. Ссыява на Штаты постоянно фигурируеть у писателей, утверждающихъ возможность развития капитализма на средства одного внутренняго рынка *). Но и эта ссыяка, при ближайшемъ разсмотренін, оказывается мало доказательною. Въ засвданіи Московскаго Юридическаго Общества, при чтеніи доклада г. Булгакова о «характерв потребленія въ современномъ народномъ хозяйствь» одинь одинь изъ оппонентовъ, Н. А. Каблуковъ, сдълалъ замъчание о томъ, что если Америка и обходится болье или менье безъ внышняго рынка, то для объясненія этого явленія необходимо принять во вниманіе дъйствіе особаго фактора-систематической иммиграціи въ Америку. Это ежегодное приращеніе населенія и служить для Соединенныхъ Штатовъ, до извістной степени, замъной вившияго рынка **). Данное замъчание г. Каблукова мы признаемъ столь же правильнымъ, сколь и важнымъ. Дъйствительно, за время съ 1821 по 1895 годъ число переселенцевъ въ Америку достигао 17,5 мил. душъ ***). «Такого «великаго переселенія народовь», такого быстраго увеличенія населенія не запомнить исторія ни одного государства Стараго Свъта ****)». Прибавимъ сюда фактъ наличности свободныхъ земель для разселенія этой громадной армін иммигрантовъ, и мы легко поймемъ причины неключительной возможности существованія въ Штатахъ капиталистической промышленности на средства «внутренняго» рынка, который мы, однако, вправъ, на основание указанныхъ соображений, назвать рынкомъ «вившнимъ».

Но время шло. Свободныхъ земель становилось все меньше, проценть иммигрирующихъ сокращался, «вибшній» въ условленномъ нами смыслё рынокъ для американской промышленности тоже сокращался. И что же мы видимъ? Параллельно съ этимъ медленно, постепенно, но неуклонно расчищаютъ себё Соединеные Штаты путь на настоящемъ вибшнемъ рынкё. Такъ, по недавно опубликованнымъ даннымъ статистическаго бюро при федеральномъ казначействе за истекшій финансовый годъ, т. е. съ 1-го іюля 1897 по

^{*)} См., напр., П. Струве. Критическія зам'ятки, стр. 260—4. К. Т.нъ, Къ характеристика экономическаго романтизма, стр. 50.

^{**)} Русскія Відомости, 1897 г., № 308.

***) Ст. О. Гунишамбаровъ «Всемірная торговня въ 19-мъ віві», стр. 152.

****) Его же. «Нефтяная промышленность Соед.Штатовъ Сів. Ам. въ связи съдобщимъ промышленнымъ развитіемъ страни». Спб. 1894, стр. 77.

1-е іюля 1898 г., констатируется не только сильное увеличеніе вывоза вообще изъ Соединенныхъ Штатовъ, но увеличеніе вывоза продуктовъ земледёлія, организованнаго тамъ въ значительной стелени капиталистически, и что особенно для насъ важно, крупное увеличеніе вывоза фабрикатовъ, который дошелъ уже до ¼ общей цённости вывоза *). О томъ же самомъ стремленіи американской обрабатывающей промышленности къ захвату внішняго рынка свидітельствуеть и поведеніе буржуазныхъ влассовъ Соединенныхъ Штатовъ во время минувшей испано-американской войны. Мы разумітемъ посланіе президента американской ассоціаціи экспортеровъ (United States Export Association), адресованное Макъ-Кинлею по поводу колебанія послідняго въ вопросі о присоединеніи Филипнинскихъ острововъ.

«Промышленная система (обособленности), защищаемая отцами нашей республики», -- гласить посланіе, -- «была уместна въ свое время, въ свое поколъніе; но паръ, электричество и машинное производство измънили условія, сократили время и пространство, и теперь въ торговлю, жавъ и въ религіи, поле д'явтельности-весь міръ. Производство перегнало потребленіе, и эта промышленная революція лежить въ основанін движенія главныхъ народовъ въ разділу территоріи слабыхъ народовъ, чтобы найти рыновъ для своихъ товаровъ... Хотя принципіально я протовъ войны..., однако, разъ уже война началась и территорія и рынки попали въ наши руки, я бы не отказался отъ нихъ... Торговые интересы протестують противь этого, и и не могу върить, что ваша администрація отважется отъ такой счастинной случайности — стать впереди промышленных народовъ міра... Американскіе фабриканты готовы въ дівіствію; наши поля, ліса, копи, фабрики—наши орудія... Неужели творепъ американской промышленности (т. е. Макъ-Кинлей) не дастъ ей возможности одержать побъду въ этой индустріальной войнъ? Каждый рыновъ-фортъ, важдый торговый ворабль-барабанщивъ **).

Воть какъ смотрять на значене внашняго рынка представители той самой промышленности, для которой, по мивнію г. Бултакова, внашній рынокъ не составляеть необходимости. И если мы вспомнимъ, что приведенное посланіе исходило отъ союза, включающаго крупивйшихъ фабрикантовъ въ 37 индустріяхъ, находящихся въ 21 штать, съ капиталомъ въ 700,000,000 долларовъ и съ арміей рабочихъ въ 300,000 человакъ; если, съ другой стороны, мы припомнимъ, что, по мивнію писателя, соціологическія воззранія котораго въ данномъ пунктъ г. Булгаковъ несомивно раздъляетъ, «господствующіе въ обществъ взгляды и воззранія на вопросы фабричнаго строя» необходимо разсматривать «какъ выраженіе даннаго соотношенія общественныхъ силъ», ***)—то станетъ ясно, что идея, проведенная въ посланіи, идея необходимости внашняго рынка для успашнаго существованія американской промышленно-

^{*)} Русскія Відомости, 1898 г., № 155. ** Русскія Відомости, 1898 г., № 161.

^{***)} М. Туганъ-Бараяовскій. "Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ". Томъ І. Спб. 1898, стр. IV.

сти, вытекаеть изъ дъйствительныхъ потребностей промышлениековъ и промышленности Соединенныхъ Штатовъ. А если такъ, тоссылку г. Булгакова на примъръ Соединенныхъ Штатовъ въ доказательство положенія о возможности существованія капиталистическаго хозяйства на средства одного внутренняго рынка нельзя непризнать не менъе неудачною, чъмъ упоминаніе объ Индін.

Такимъ образомъ, фактическія данныя, на которыя опирается теорія г. Булгакова, сами по себв оказываются мало убедетельными. Но г. Булгаковъ присоединяеть къ нимъ еще и теоретическое поясненіе, котораго мы и должны теперь коснуться. Какъ мы видели, г. Булгаковъ утверждаеть, что только страна ввозящая нуждается во витшенть рынев. Насколько основательно это утвержденіе? Что страна, ввозящая изъ другихъ странъ товары, принуждена, въ свою очередь, вывозять приблизительно равное количество своихъ товаровъ-ото очевидно. Но чёмъ доказано, что, помимонеобходимости ввоза, не существуеть никакихъ другихъ импульсовъ, дълающихъ обязательнымъ для капиталистической страны вывозъ товаровъ, исканіе вившняго рынка? Взамінь доказательствъг. Булгаковъ отсыдаеть насъ во 2-му тому «Капитала», въ двухъпоследнихъ главахъ котораго дается образцово-логическое доказательство возможности потребленія всей прибавочной цінности в следовательно, всего капиталистического продукта въ пределахъкапиталистическаго хозяйства. Если признать данный аналезь Маркса. правильнымъ, -- а мы его признали таковымъ, -- то, повидимому, необходимо сделать изъ него тоть выводь, что капиталнотически произведенные продукты не нуждаются для сбыта въ рынка вившнемъ. Мы и готовы были бы преклониться предъ даннымъ анализомъ, сдвиать изъ него указанный выводь, если бы тому не мешало однообстоятельство. Любонытно, что у самого Маркса, на ряду съ указанными главами 2-го тома «Капитала» и какъ бы въ явное противорвчіе съ невольно напрашивающемся выводомъ изъ нихъ, ямвются многочисленныя мъста, выдвигающія необходимость внішнягорынка для капиталистического производства. Такъ, «стоить только вспомнить», по вёрному указанію Зомбарта, «тё мёста... гдё развліяніе расширенія рынка производство». чтобы понять, что уже въ этомъ раннемъ произведении Марксъ быль далекь оть игнорированія роли вижшняго рынка въ дълъ историческаго созданія капитализма» *). Далье интересно то мъсто 1-го тома «Капитала», гдъ «торговая война европейскихъ націй на пространств'я всего вемного шара» выставляется одничь изъ «главныхъ моментовъ первоначалънаго накопленія» **). Равнымъ образомъ, и колоніальная система отнесена Марксомъ къ «различ-

^{*)} Зомбартъ. "Къ критикъ экономической системы Карла Маркса". «Научное Обозръніе», 1898, № 4. стр. 702.

**) Karl Marx. «Das Kapital», В. I, 4 Auflage, Hamburg 1890, 716.

нымъ моментамъ первоначальнаго накопленія» *). Въ другихъ мівстахъ того же 1-го тома подчеркивается та «важная роль, которуюиграла колоніальная система» въ моменть созданія капитализма **); «колонія обезпечивала возникающимъ мануфактурамъ рынокъ сбыта и увеличенное (potenzirte) путемъ монополизаціи рынка накопленіе » ***). Намъ могуть возразить, что всё эти мёста свидётельствують лишь о важномъ значении вийшняго рынка въ процессъ историческаго созданія современнаго капитализма; но здёсь неть принципіальнаго, теоретическаго положенія о внутренней, всеобщей необходимости вившняго рынка для всякаго капиталистическаго производства. Въ этомъ отношении важны ивкоторыя указанія 3-го тома «Капитака». Здёсь въ одномъ мёсть «созданіе всемірнаго рынка» отнесемо (наряду съ концентраціей средствъ производства и организаціей труда) къ «основным» фактам» капиталистическаго производства» ****). Далъе мы находимъ слъдующее любопытное мъсто: «Не подлежить никакому сомивню, что великіе перевороты, происшедшіе въ торговав въ 16 и 17 въкахъ всабдствіе географическихъ открытій и быстро подвинувшіе развитіе торговаго капитала, образовали основной моменть, спосившествовавшій переходу феодальнаго процесса производства въ капиталистическій. Внезапное расширеніе мірового рынка» послужило однимъ изъ условій, создавшихъ капиталистическій строй. «Самъ всемірный рынокъ образуеть основу (Basis) этого способа производства. Съ другой стороны, его же выманентная необходимость - производить все въ большехъ размврахъ (Stufenleiter) побуждаеть въ постоянному расширению всемирнаго рынка» *****). Наконецъ, характерны следующія слова: «Внешняя торговля... позволяя удлинять разміры (Stufenleiter) производства... тамъ ускоряеть накопленіе... Расширеніе вившией торгован, послуживъ въ дётствё капиталистическаго производства основой последняго, въ дальнейшемъ его развити, въ силу внутренней необходимости этого способа производства, въ силу потребности его во все расширяющемся рынки, сдилалось его собственными про-AVETOM'b> ******).

Если сопоставить всё приведенныя мъста 3-го тома «Капитала» (присоединивъ сюда же указанныя мъста 1-го тома) съ тъмъ, что имъеть отношение къ теоріи рынковъ изъ 2-го тома, то впечативние должно получиться довольно странное. Капитализмъ не нуждается необходимо во внъшнемъ рынкъ—такъ, повидамому, говоритъ Марксъ 2-го тома; внъшний рынокъ является внутреннею необходимостью капитализма—такъ безъ сомнъния говоритъ Марксъ

^{*)} Ibidem, S. 716.

^{**)} Ibidem, S. 719.
***) Ibidem, S. 719.

^{******)} Karl Marx. "Das Kapital", B. III, Hamburg, 1894, S. 249. ******) Ibidem, S. 316-317.

^{******): [}bidem, S. 218.

3-го, а пожалуй, и 1-го тома. Какому же Марксу можно и должно върить? Г. Булгаковъ, очевидно, питаеть довъріе исключительно въ ученію 2-го тома, пренебрежительно обходя отміченныя нами мъста другихъ томовъ того же сочиненія. Нъсколько внимательнье отнесся въ данному вопросу г. Туганъ-Варановскій, выразившійся, что «если держаться 3-го тома «Капитала», то можно, пожалуй утверждать, съ нъкоторымъ кажущимся правдоподобіемъ, что Марксъ не допускаль возможности развитія капиталистическаго производства на основъ узкаго внутренняго рынка. Но не можеть быть никакого сометнія, что это воззрініе совсімь не вяжется съ анализомъ воспроизводства капитала, даннымъ Марксомъ во 2 томъ. Противорвчіе это объясняется твиъ, что 2 и 3 томы «Капитака» представляють собою лишь далеко не законченный черновой набросокъ теоріи обращенія капитала и процесса капиталистическаго производства, взятаго въ его приомъ. По этой причине мы не находимъ въ третьемъ томъ выводовъ изъ замъчательнаго анализа, представленнаго во второмъ томъ, и даже встръчаемъ утвержденія, ръшительно опровергаемыя этимъ анализомъ» *). Неубъдительность такого объясненія очевидна. Мы согласны, что и 2 и особенно 3 томы «Капитала» незакончены, необработаны. Согласны, что между ученіями 2 и 3 томовъ «Капитала» вообще и по данному вопросу въ частности не установлено Марксомъ определеннаго соотношенія. Но дълать на основании этого заключение о томъ, что въ 3 томъ Марксъ могь говорить нечто діаметрально противоположное тому, что вытекало изъ второго тома, --особенно если принять во винманіе, что 2 и 3 томы, по заявленію Энгельса, были набросаны одновременно **), и что уже въ 1-мъ томв Марксъ ясно представляль себь будущій анализь 2-го тома ***)—дьлать такое заключеніе можно, только предполагая склонность Маркса въ вопіющимъ противорвчінить съ самимъ собою, къ забвенію собственныхъ теорій и положеній. Мы думаемъ, что объяснетія кажущагося несоотвётствія между ученіями и отдільными утвержденіями, относящимися въ вопросу о рынкахъ, во 2 и 3 томахъ «Капитала», можно и нужно искать и не прибъган къ такому предположенію. Какія ціли преследоваль Марксь въ двухъ последнихъ главахъ второго тома «Капитала»? Какъ намъ уже известно, онъ тамъ стремился доказать, что неправильно разложение цвиности продукта на двв составныя части: у+м съ опущеніемъ третьей части ея: с; что неправильно мивніе, будто вся величина т должна уходить на цван личнаго погребленія; что необходимо принимать во вниманіе требленіе производительное, на которое по мірів развитія капига-

^{*)} Туганъ - Барановскій. "Капитализмъ и рыновъ". «Міръ Божій», 1898, № 6. стр. 122—3.

^{**)} Das Kapital, B. III, Vorw.. v. Fr. Engels, S. V. ***) Das Kapital, I. Cap. XXII, 2, S. 551—4.

листического способа производства уходить все большая часть прибавочной панности; что, наконець, въ результать какъ дичнаго, такъ и производительнаго потребленія можеть быть реализованъ весь капиталистически произведенный продукть. Необходимо ли. однако, при этомъ содъйствіе вившняго рынка? Этого вопроса Марксъ и не ставиль во 2 томъ «Капитала». Правда, что «капиталистическое производство вообще не существуеть безъ визшией торговые >-- это не только совнаваль Марксъ, но категорически это отметня въ одномъ месте той части второго тома, въ которой данъ трактуемый анализъ *). Однако, вследъ затемъ Марксъ намеренно игнорируеть, «абстрагируеть» внашнюю торговаю, какъ элементь, BEAD TORIO BOTO PAR ARABUST «MOMETT TOALED SAUTTATE (VERWITTEN). не будучи въ состояніи досгавить ни одного момента» для різшенія занимавшей его задачи: определения роми составныхъ частей ценности: с, у, м, определения соотношений ихъ въ процессв личнаго **и** производительнаго потребленія **). Факть абстракціи визшней торговли, вившняго рынка при анализв 2-го тома следуеть привнать научно-ваконнымъ. Въ данномъ отделе своего общирнаго трактата Марксъ поставилъ вопросъ о резлизаціи капиталистически произведеннаго продукта и, вскрывъ заблужденіе классической школы, забывшей о накопляющейся части прибавочной ценности, пришель въ заключению о возможности реализации продукта целикомъ въ результате какъ личнаго, такъ и производительнаго потребденія. Этоть выводь следуеть признать, согласно общему духу 2-го тома «Капитала», чисто-абстрактимим». Возникаеть, однако, вопросъ: проявляется ин эта абстрактная возможность реализаціи продукта въ реальной капиталистической жизни? Реализуется ли, действительно, весь капиталистически произведенный продукть въ издрахъ даннаго капиталистическаго хозяйства, или же для достиженія этой реализаціи требуется содійствіе новыхъ факторовь, напр.—внішняго рынка? Такого вопроса по существу не могь ставить Марксъ во 2-омъ томъ, который, какъ и томъ первый, быль занять абстрактнымъ изображеніемъ процесса обращенія капитала, «вив вниманія ко всемь побочнымь вліяніямь обстоятельствь ему чуждыхь» ***). Это могло быть изследовано только въ третьемъ томе, имевшемъ целью «найти и изобразить тв конкретныя формы, какія возникають изъ пропесса пвиженія капитала, взятаго въ его пеломъ ****). Обращаясь въ 3-му тому, мы находимъ тамъ въ различныхъ мъстахъ и именно въ главъ, озаглавленной «Виншияя торговая» *****) приведенныя выше мысли, подчеркивающія не только важность, но и внутреннюю,

^{*)} Karl Marx. "Das Kapital", B. II, 2-te Auflage. Hamburg, 1893, S. 446.

^{**)} Ibidem.

^{***)} Das Kapltal, B. III, Th. I, S. 1.

^{****)} Ibidem.

^{*****)} Ibidem, Kap. XIV, v, S. 218-21.

«имманентную» необходимость внёшняго рынка для капиталистическаго производства. Марксъ не сблизиль, однако, этихъ замёчаній съ результатами анализа второго тома. Попытаемся сами это одёлать.

На нашъ взглядъ, изображенная во второмъ томъ абстрактная возможность реализаціи капиталистически произведеннаго дукта требуеть для своего проявленія наличности опредвленныхь условій, во второмъ том'в не указанныхъ. Такъ, изъ краткаго содержанія даннаго анализа, приведеннаго нами, видно, что необходамымъ условіемъ реализацін капиталистически произведеннаго провукта является систематическое и вое усиливающееся отвлечения части прибавочной ценности на расширение проваводства, на макопленіе. Для безпрепятотвеннаго же хода расшеренія производства, накопленія необходимо, въ свою очередь, чтобы все возрастающій вапиталь распредваялся въ строго опредваенной пропорий между вовин отраслями промышленности. Если изъ суммы накопленнаго капитала хотя бы въ какую вибудь одну отрасль промышленности будеть помещень капиталь вы несколько большихы размерахы, чемы то допускають условія спроса на продукты этой отрасле, то въ ней произойдеть перепроизводство, которое, въ силу тесной связи, существующей между всеми ветвями капиталистической промышленности, разразится во всеобщій кризись. Поэтому, пропорціонамное распредъление вапитала между всеми отраслями капиталистической промышленности является conditio sine qua non реализацін капеталистически произведеннаго продукта. Таковъ выволь, естественно и необходомо вытекающій изъ ученія второго тома выводъ, сдъланный и Марксомъ *), и писателями, оперировавшими надъ даннымъ ученіемъ Маркса, напр., г. Туганъ-Барановскимъ **) и саминъ г. Булгаковымъ (158).

Но справивается, осуществимо ли такое пропорціональное распреділеніе въ условіяхъ капиталистическаго строя? На этоть вопрось приходится несомивно отвітить отрицательно, и такъ на него, двіствительно, отвічають и г. Туганъ-Барановскій *), и г. Булгаковъ. «Такая пропорціональность распреділенія, — замічаеть послідній, — столь легко достижними при общинной организацій производства, при сознательномъ регулированіи производства обществомъ объединенныхъ производствей, при капиталистической организацій производства представляеть трудности неимовірныя (163); «пропорціональность распреділенія различныхъ отраслей промышленности постоянно нарушается и не можеть не нарушаться при господстві свободной конкурренціи, какъ регулятора этого послідняго, и эти нарушенія ведуть къ кризису» (200). Однако, кризисъ,

^{*)} См., напр., "Das Kapital", В. III, Тh. I, s. 225—6.
**) М. Туганъ-Барановскій. Промышленные кризисы, стр. 484 и др.
***) Ibidem. стр. 478 и др.

чю инвнію г. Булгакова, можеть быть предупреждень или ослабленъ въ томъ случав, если въ распоряжении данной капиталистической страны инвется вившній рынокъ, на который можно сбыть нзаншекъ продуктовъ, получившійся въ результать нарушенія пропорціональнаго распредёленія. «Въ этомъ случай, —заключаеть нашъ авторъ, —внешній рынокъ и внешняя торговля играють роль предохранительного клапана отъ перепроизводства и кризиса (частнаго и общаго) для данной страны» (201). Но, скажемъ мы, если, жакъ невестно, кризисы являются внутреннимъ, необходимымъ условіемъ капиталистическаго производства, и если, съ другой стороны, вившей рыеокъ служить «предохранительнымъ клацаномъ» отъ вризисовъ, то, очевидно, мы обязаны признать, что и вивший рыновъ является необходимымъ, внутреннимъ условіемъ капиталистического производства. Если г. Булгаковъ такого заключенія не деласть, -- это показываеть, только, что онь не доводить свою теорію до ея необходимаго логическаго конца.

Правильность нашего мивнія о внутренней необходимости для капиталистического производства визшняго рынка именно въ виду овязи последнаго от явленіемъ кризноовъ можеть быть подтверждена еще одникь соображениемъ, способнымъ играть роль косвенной улики противъ теоріи г. Булгакова. Есле бы последняя была верна, мы моган бы предположить возможность благополучнаго существованія капитализма и въ тоть моменть, когда промышленность будеть всюду организована капиталистически, т. с. когда вившинго рынка не будеть существовать ни для какой страны. Такее предноложение и допускаеть г. Булгаковь въ п. 4 своихъ «Выводовъ» (259). Но відь такое предположеніе должно быть признано явнымъ абсурдомъ. Если капитализмъ въ своемъ поступательномъ шествін достигнеть того момента, когда вивший рыновъ не будеть существовать ни для одной страны, т. е. когда исчезнуть «предохранительные клапаны» оть кризноовъ, то въ твердыне капиталистическаго строя образуется фундаментальная брешь: кразись будеть на кразнов, и отъ этого капиталнотическій способъ производства долженъ рухнуть. Не признавать этого, значить считать вапитализмъ категорією вічною, а не историческою. Конечно, помимо указаннаго условія, для реформированія буржуазныхъ экономиче--скихъ формъ остаются еще могущественныя общественныя ским, но въдь необходимо принимать во внимание и условія техникоэкономическія, вив гармоніи съ которыми окажется безсильнымъ всявій общественный факторь. Зависимость оть кризисовь (а слъдовательно и отъ вижшимхъ рынковъ) вонечной судьбы капиталистическаго способа производства есть положеніе, признаваемое встии экономистами, которымъ мы обязаны существующею теоріею вапитаннотическаго развитія, въ частности, твиъ ученымъ, у которыхъ м мы съ г. Булгаковымъ заимствуемъ основныя части нашего соміологическаго міровозврівнія. Забывая это, г. Булгаковъ, незаметно для самого себя, договаривается до полнаго игнорированія одной изъ важнійшихъ сторонъ грядущихъ судебъ капиталистическагостроя, подобно тому, какъ г. Туганъ Барановскій въ стремленіи доказать возможность существованія капитализма одникъ внутреннимъ рынкомъ договорился до утвержденія невозможности общаготовар наго перепроизводства, т. е. въ сущности кризисовъ *).

Итакъ, уже въ силу неосуществимости пропорціональнаго распредъленія капаталистическое производство необходимо нуждается во вившнемъ рынкъ. Но пропорціональность распредъленія является не единственнымъ условіемъ, отсутствіе котораго въ современномъкапиталистическомъ хозяйствъ порождаетъ необходимость для послъдняго исканія вившняго рынка.

Никакіе излишки производства, получающіеся въ силу нарушенія пропорціональнаго распреділенія, не могли бы вести въ трудностямъ при реализаціи продукта, если бы не существоваю другого. основного условія капиталистическаго строя— несоответствія роста. потребительных силь населенія росту производства **). Любопытное явленіе: благодаря отсутствію пропорціональнаго распредвленія въ различныхъ отрасляхъ промышленности и во всемъ капиталистическомъ приомъ оказывается перепроизводство, излишекъ продуктовъ. Между темъ въ томъ же капиталистическомъ обществъ массы пребывають въ состояние систематического неудовлетворения самыхъ насущныхъ потребностей. Очевидно изъ этого, что въ перепроизводства, въ излишка продуктовъ, въ невозможности реализовать весь результать производства повиню не только отсутствіспропорціональнаго разділенія, но и низкій уровень потребительныхъ силь населенія, несоотвётствіе роста этихъ силь росту капиталистического производства. Въ этомъ смысле Марксъ былъправъ, говоря, что «условія реализаціи (продукта)... ограничены... пропорціональностью различныхъ отраслей производства и потребительною силою общества» ***). Но если мы соглашаемся съ послъднимъ положениемъ Маркса, то логически необходимымъ являются отсюда заключеніе о необходимости для капиталистическаго прокаводства вившняго рынка. Въ самомъ дъл, капиталистическое про-

^{*)} На это указать Ник. Водовозовъ. "Экономическіе взгляды Маньтуса". "Журналь Спб. Юрид. Общества", 1895, кн. VI, стр. 39; ср. С. Булгаковъ "Рынки", стр. 14, прим.

^{**)} Марксъ отмѣтиль это «противорѣчіе въ капиталистическомъ строѣс рабочіе важны для рынка въ качествѣ покупателей товаровъ, но капиталистическое общество имѣетъ тенденцію ограничивать ихъ минимумомъ цѣны какъ продавдовъ ихъ товаро-рабочей силы... Продажа товаровъреализація товарнаго капитала, слѣдовательно также и прибавочной цѣнности, ограничены не только потребительными нуждами общества вообще, но потребительными нуждами такого общества, въ которомъ большинство всегда бѣдно и всегда должно оставаться бѣднымъ». "Das Kapital", В. П., в. 289, № 82.

^{***)} Das Kapitl, B. III. Th. I, S. 225-6.

изводство, съ одной стороны, лишено возможности достигать пропорціональнаго распреділенія, т. е. учитывать количество потребнаго въ данной отрасли продукта; съ другой стороны, то же производство не въ состояніи идти въ уровень съ потребительными силами населенія. Слідовательно, оно необходимо нуждается въ вывозі «излишковъ» за границу, во вийшнемъ рынкі.

Таковъ необходимый выводъ изъ ученія Маркса, такъ мы и толкуємъ это ученіе.

Формулируя сущность нашего толкованія ученія Маркса, напомнимъ, что центръ спора лежить во взглядь на карактеръ ученія второго тома «Капитала» о реализаців продукта. На нашъ взглядь, въ этомъ ученім установлена лишь абстрактная возможность реализаціи капиталистически произведеннаго продукта въ результать личнаго и производительнаго потреблевія. Не следуеть, однако, думать, что эта теоретическая возможность воплощается прямо, безъ посредствующихъ элементовъ, въ современной капиталистической жизни, на основъ буржуваныхъ формъ производства, обывна, распределения и потребления. Въ действительности, для воплощенія въ жизнь абстрактной возможности реализаціи продукта требуется наличность двухъ условій: пропорціональности распредвленія различных отраслей промышленности и накотораго соответствія потребительных нуждь населенія размерамь производства. Имеются ли въ наличности эти два условія въ современной жизни? Этого вопроса Маркев не ставиль во 2-мъ томъ, но отрицательный отвёть на нихъ вытекаеть самъ собой изъ смысла всего ученія Маркса. Именно въ силу отсутствія этихъ двухъ условій возниваеть необходимость вичниняго рынка, о чемъ им'вется заявленіе въ третьемъ том'в «Капитала». Таково, очевидно, соотношеніе, существующее между ученіемъ 2-го тома «Капитала» и тіми заявленіями о необходимости вившинго рынка, которыя содержатся въ 3-иъ томе того же сочиненія. Основная ошебка г. Булгавова и заключается въ томъ, что онъ неправильно придаль значеніе реальнаго факта капиталистической жизни абстрактному построенію 2-го тома. Ошибка эта подобна той, которую делали писатели, помагавшіе, будто аботрактные законы цінности и прибавочной цінности, установленные въ 1-мъ томв «Капитала», проявляются, по мысли Маркса, въ своей неприкосновенной абстрактной формъ въ дъйствительной жизни, безъ того, чтобы превратиться, подъ вліяніемъ фактовъ частной собственности на орудія производства и капиталистической конкурренціи, въ законы ціны и прибыли. Нельки такъ смотреть и на абстрактный законъ реализаціи продукта, установленный во 2-иъ томв. Какъ законы ценности и прибавочной півности для своего непосредственнаго проявленія требують наличности отсутствующихъ въ капиталистическомъ обществъ условій н въ силу этого терпять ограниченія; точно также не менье аботрактный законъ реализаціи продукта требуеть наличности столь

же отсутствующихъ въ буржуваномъ обществъ условій: пропорціональности распределенія и соответствія потребительных силь населенія размірамъ производства, а при отсутствін этихъ условій законъ не проявляется въ полной мъръ, реализація становится невозможной; отсюда потребность вспомогательнаго фактора — внашняго рынка для воплощенія абстрактнаго закона въ дійствительную жизнь. А что вибшній рыновъ, дійствительно, необходимъ, на это имеются прямыя указанія въ 3-мъ томе «Капитала».

Въ этомъ уподобленін характера теорін реализацін продукта Маркса характеру основныхъ законовъ системы этого ученаго мы находимъ новое, наиболее убедительное, методологическое доказательство правильности нашего толкованія ученія Маркса.

Къ приведенному выше нелишне, быть можеть, будеть добавить, что взглядъ на необходимость для капиталистическаго пронаводства вившнаго рынка раздъляется и многими последователями Маркса. «Національный (т. е. внутренній) рыновъ недостаточень дия капиталистическаго производства» *) говорить Парвусь, подъ псевлонимомъ котораго прячется «одинъ изъ наиболе оргодоксальныхъ и решительныхъ последователей Карла Маркса > **). Того же возарћија держится не менње ръшительный и еще болъе ортопоксальный последователь немецкаго ученаго Карль Каутскій. «Производительность труда», --- говорить онъ, --- «въ теперешней крупной промышленности возростаеть гораздо быстрве, чвиъ національное потребленіе: увеличеніе вившняго рынка становится важиватною потребностью. Но это увеличение совершается не такъ быстро, какъ возрастаеть производительность труда. Мы стоимъ предъ международнымъ, хроническимъ перепроизводствомъ, которое является страшнымъ тормазомъ экономическаго развитія > ***). Наковецъ, русскій посивлователь Маркса—Н. Зиберъ-напоминаль «о томъ прекращенія накопленія, которое непремінно наступить раньше или позже съ распространеніемъ капитализма и съ насыщеніемъ войхъ рынковъ по всемъ закоулкамъ Азія и Африки... Ведь если каждая страна будеть имъть свои фабрики важиващихъ средствъ существованія, — а это такъ же върно, какъ то, что днемъ светить солнце, - то гдъ онъ найдуть себъ безпрерывно расширяющійся сбыть, необходимый для накопленія капитала?» ****) «До тахь поръ, пока одна Англія снабжала чуть не полиіра произведеніями обрабатывающей промышленности, увеличеніе капитала могло казаться не имъющимъ предъла. Но разъ на тотъ же самый путь вступили и

^{*)} Парвусъ. "Міровой рынокъ, и сельско-хозяйственный кризисъ". Перев съ нъм Л. Я. Спб. 1898, стр. 6.

^{**)} Рецензія о названной внижві въ «Мірів Божіси», 1898, № 8, стр. 91. ***) Карлъ Каутскій. "Очерви и этюды". Сиб. 1895, стр. 129.

^{****)} Н. Зиберъ "Лассаль сквозь очен г. Чичерина". Журналь «Слово» стр. 87.

Франція, и Бельгія, и Германія, и Австрія и другія государства, то откуда же взяться потребителямъ въ такомъ количествъ, чтобы накопленіе капитала не подвергалось замедленію и даже остановкъ *).

Въ этихъ словахъ одного изъ болье выдающихся русскихъ марксистовъ, такъ же, какъ и въ приведенныхъ замъчаніяхъ двухъ нъмецкихъ посльдователей Маркса, внъшній рынокъ изображенъ въ качествъ необходимаго условія капиталистическаго производства. Противоположный взглядъ защищаютъ нъкоторые современные русскіе марксисты: гг. Струве, Туганъ-Барановскій, Булгаковъ, но, какъ мы видъли, для того, чтобы связать свою теорію рынковъ съ ученіемъ Маркса, они вынуждены прибъгать къ ссылкамъ на противорьчія Маркса съ самимъ собою.

Резюмируя все сказанное, приходимъ къ следующему заключению о теоріи рынковъ, развитой въ книжке г. Булгакова.

Лучшимъ местомъ данной работы является та ся часть, где опирансь на анализъ Маркса, г. Булгаковъ опровергаетъ мивије нъкоторыхъ экономистовъ и въ томъ числъ русскихъ народниковъ, будто вившній рынокъ является необходимымъ въ виду невозможности для капиталистовъ потребить всю прибавочную ценость. Но это уже было доказано задолго до г. Булгакова, которому принадлежить только заслуга несколько большаго развития и обоснования этой иден. Обращаясь оть этой критической части разбираемаго этюда къ собственнымъ положеніямъ г. Булгакова, мы должны признать послёднія въ значительной степени заимствованными у г. Тугана-Барановскаго и столь же неправильными, какъ положенія этого автора. Невърно мивніе г. Булгакова, которымъ онъ примыкаеть въ народничеству, будто для «молодыхъ» странъ нъть мъста на вившиемъ рынкъ. Столь же невърнымъ следуетъ признать другое положение автора, будто капитализмъ можетъ существовать безъ вившняго рынка, на средства исключительно рынка внутренняго. Приводиные г. Булгаковымъ въ доказательство даннаго положенія фактическіе прим'тры Индін, Соединенныхъ Штатовъ, взятые въ свъть правильнаго теоретическаго и историческаго освъщения, окавываются неубедительными. Что же касается логического обоснованія даннаго положенія, то, оперируя надъ голымъ, абстрактнымъ матеріаломъ 2-го тома «Капитала», игнорируя указанія даннаго автора въ другихъ мъстахъ, г. Булгаковъ неправильно пришелъ къ своему заключенію и произвольно навязаль Марксу выводь, котораго тоть не высказываль. Г. Булгаковь оказаль этимъ плокую услугу тому ученому, систему котораго онъ такъ энергично

^{*)} Его же: "Д. Рикардо и К. Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изследованіяхъ". Изд. 3-е, Спб. 1898, стр. 451.

н въ иныхъ случаяхъ весьма талантливо стремится популяризировать и развивать.

Приведенныя данныя позволяють намъ одблать нѣкоторыя замѣчанія и по отношенію къ положенію вопроса о рынкахъ въ русской экономической литературѣ вообще.

Народничество исходило изъ совершение правильной мысли о жеобходимости для вапиталистического производства вийшняго рынка. Ловоды, приводимые его представителями въ доказательство этой мысли, следуеть, однако, признать совершенно неудачными. Они усвонии неправильный взглядь на потребленіе, какъ на рішающій факторъ и конечную цъль капиталистическаго произволства, и показывали необходимость для последняго вившняго рынка именноневозможностью потребить всю прибавочную ценность и, следовательно, весь капиталистическій продукть. Это была крупная теоретическая ошибка. Мы находимъ здёсь и игнорированіе характернашихъ чертъ современнаго капиталистическаго строя и паралдельно съ этимъ неправильное пониманіе основъ нов'яйшей экономической теорін. Это съ одной стороны. Съ другой-не менье важною, но еще болье чреватою своими практическими послыдотвіями явилась и вторая ошибка народнической теоріи: мижніе ованятости вичинихъ рынковъ, объ отсутствін ихъ для «молодыхъ» отранъ, въ томъ числе для Россіи. Изъ этого положенія, какъ извъстно, вытекаль для народниковъ отрицательный ответь на вопросъо возможности развитія капитализма въ Россіи, а между тімъ мы нитин случай доказать ошибочность и этого положенія народнической теоріи.

Все это были столь же явныя, сколь и важныя ошибки, требовавшія и, дійствительно, вызвавшія возраженія.

Марксияма ополчился противъ пункта о необходимости инчинагопотребленія всей прибавочной цінности, и въ этомъ отношеніи его
заслуги несомивины; но представители этого направленія впали въ
другую ошибку, настанвая на возможности, не смотря на отсутствіе
вившняго рынка, существованія въ такой страні, какъ Россія,
капитализма на средства одного внутренняго рынка. Теоретическая
неправильность такого взгляда нами была доказана на протяженіи
всей этой статьи.

Мы утверждаемъ, что вившній рынокъ безусловно необходимъ для капиталистическаго производства, хотя доказываемъ это положеніе совершенно вначе, чёмъ это дёлали народники. Въ виду этого, мы пришли бы къ неминуемому выводу о невозможности существованія капитализма въ Россіи, если бы намъ было доказано отсутствіе внёшнаго рынка для этой страны. Но именно это положеніе мы считаемъ невёрнымъ. Наоборотъ, мы полагаемъ, что внёшній рынокъ открыть для всёхъ странъ, въ томъ числё и для Россіи, гдё капитализмъ, поэтому, обладаетъ прочными шансами на существованіе. Въ какой мперть, однако, Россія можетъ утвердиться

жа внёшнемъ рынкё и, въ силу этого, развить у себя капитамистическій способъ производства,—это вопросъ особый, который можеть быть разрёшенъ не путемъ теоретическихъ построеній, а на основаніи точнаго фактическаго изследованія, до сихъ поръ не произведеннаго. Тамъ не менёе, касаясь этого вопроса, мы можемъ придти къ изкоторому частичному, но не рёшающему, заключенію на основаніи уже однихъ теоретическихъ построеній.

Принимая во вниманіе историческій моменть вступленія Россів на путь капиталивна, мы смело можемъ усомниться въ способности этой страны къ такому интенсивному, безграничному развитию капиталистическаго способа производства, какъ это имало масто, напримъръ, въ Англін, въ эпоху ся промышленной гегемоніи. «Марксъ изобразиль», — говорим мы недавно въ другомъ месте *), — «промышленную жизнь Англіи въ эпоху ся монополіи на всемірномъ рынкѣ; этой монополін не существуеть теперь ни для Антиін, ни накой нибудь другой страны; на всемірномъ рынка, находившемся раньше подъ новлючительною властью Англів, теперь царить ожесточенная конкурренція разныхь европейскихь и вийовропейских странъ, причемъ число конкуррентовъ имбеть текденцію возрастать, вившній рынокъ оказывается суженнымъ для важдой конкуррирующей страны въ отдельности... Вліяніе этого явленія понятно, хотя не следуеть и преувеличивать, не следуеть думать, будто вижшие рынки вовсе закрыты для «молодых» странъ. гдь вапитализмъ долженъ оказаться «мертворожденнымъ детищемъ»: почти на нашихъ глазахъ «молодая» Германія превратилась въ промышленнаго гиганта, оъ воторымъ не всегда удается справиться и закаленной въ промышленномъ бою Великобританіи. Но, съ другой стороны, при современномъ положении международной торговли, такого безграничнаго, всепоглощающаго распространенія капиталевиа, какое наблюдалось прежде въ Англін, опиравшейся на монополію всемірнаго снабженія, нельзя въ настоящее время ожидать ни въ одной странъ». Нельвя этого ожидать и въ Россіи.

Итакъ, вопреки ученію народниковъ, отавящихъ Россію въ исключительное, почти самобытное положеніе страны, не могущей развить у себя капитализмъ за отсутствіемъ вичшнихъ рынковъ; вопреки и ученію нѣкоторыхъ марксистовъ, впадающихъ въ противоположную крайность и ставящихъ Россію въ другое исключительное положеніе страны, способной будто бы развить у себя капиталистическій способъ производства помощью одного внутрення-го рынка,—мы приходимъ къ заключенію, что, по условіямъ историческаго момента вступленія Россіи на путь промышленнаго прогресса, въ ней необходимо ожидать инсколько замедленнаго темпа развити новаго способа производства. Но такова участь не одной Рос-

^{*) «}Русское Богатство», 1898, Ж 7, отд. И, стр. 17.

сіи, подчиняющейся будто бы исключительнымь законамъ капиталистическаго развитія; такова судьба всёхъ одноврененно съ нею накапиталистическій путь вступающихъ странъ, изъ которыхъ Россія. не можеть составить исключенія.

М. Ратнеръ.

Г. Евгеній Марковъ о крестьянскомъ банкъ.

Мою статью о крестьянскомъ банкв почтиль внеманіемъ г. Евгеий Марковъ. Въ трехъ номерахъ «Новаго Времени» (МЖ 8156, 8158 и 8159) онъ бестдуеть о ней съ читателими, возражаеть ивъ, спорить. Нечего говорить, что въ лицъ г. Евгенія Маркова я имбю дело съ отменно галантнымъ и просвещеннымъ противникомъ. Онъ и начинаетъ-то свой споръ съ любезности. Доведя до овъдънія читателей «Новаго Времени», что «въ сентябрьской книжкъ «Русскаго Богатства» помъщенъ довольно обстоятельный аналезъ последняго отчета креотьянскаго повемельнаго банка», мой: оппоненть высказываеть лестное мненіе о журнальныхъ работахъ. этого рода. «Нельвя,--говорить онъ,--не поблагодарить почтеиныхъ авторовъ, не оставияющихъ безъ вниманія эти, на видъ судіе столоцы статистических цифръ (т. е. отчеты врестьянскаго банка) и дающихъ себъ трудъ дълать изъ нихъ поучительные и доступные публек' выводы». Право на такую благодарность принадлежить, конечно, не мив одному, и мив, быть можеть, даже меньше, чёмъ другимъ. Не даромъ г. Евгеній Марковъ туть же напоминаеть, что сособенно часто посвящають свои статьи крестыянскому банку Русскія Відомости», неріздко высказывающія восьма основательныя сужденія по вопросамъ, связаннымъ оъ дівятельностью крестьянского банка». Стало быть, просвёщенные читатели обязаны быть признательными преимущественно «Русскимъ. Въдомостямъ». Но и меня, автора «довольно оботоятельнаго анализа» и т. д., г. Евгеній Марковъ, повидимому, не хочеть лишить. этого удовольствія. Какъ угодно, это очень любезно.

Пріятно вийть любезнаго оппонента, но еще пріятийе, если вашимъ противникомъ является человйкъ, смотрящій на печать съ широкой государственной точки зрйнія. Г. Евгеній Марковъ прекрасно рекомендуеть себя и съ этой стороны. «Діло такой огромной практической важности, какъ земельныя операціи крестьямскаго банка, разумітеся,—говорить мой критикъ,—боліе чімпъкакое либо другое требуеть возможно разносторонней и свободной критики и энергическаго содействія печати, часто освіщающей такія сторовы предмета, которыя невольно ускальзывають отъ внеманія лицъ, такъ сказать, слишкомъ приглядівшихся къ нему». Это замінчаніе ділаеть честь просвіщенному ввгляду г. Евгенія Маркова и удовольствіе авторамъ статей о крестьнскомъ банкі, значеніе которыхъ, наконецъ, признано такимъ компетентнымъ судьей. Нельзя забывать, что мой критикъ самъ принадлежить къчеслу «лицъ, такъ сказать, приглядівшихся» къдінтельности крестьянскаго банка, такъ такъ снъ давно занимаетъ должность управляющаго воронежскимъ отділеніемъ его.

Однако, если бы за авторами статей о крестьянскомъ банкъ числились одей заслуги, г. Евгеній Марковъ, въроятно, не взялся бы за перо. Но онъ не можетъ «обойти молчаніемъ той своеобразной струи, которая неръдко протекаетъ сквозь иныя язъ этихъ статей, и которая особенно бросилась мей (т. е. г. Маркову) въглаза въ цитерованной выше стать «Русскаго Богатства».

Что же это за «струя»? По наблюденіямъ г. Евгенія Маркова, авторы статей о крестьянскомъ банкв нервдко позволяють себв «вводить въ серьезный разборъ серьезныхъ экономическихъ явленій сантиментальныя точки эрвнія», а рменно толковать «всегда и везде, котати и не котати» о крестынскихъ «нуждахъ и обидахъ». Г. Марковъ считаетъ и эту тому дозволительной. Даже больше: онъ и самъ не прочь поговорить объ этихъ нуждахъ и обидахъ, ибо онъ не только просвещенный публициоть и чиновникъ, но и другь народа. Онъ рекомендуеть моему вниманию свое испытанное сочувствіе «интересамъ крестьянъ» и свое знаніе крестьянотва, «въ тесномъ общени» съ которымъ мой критикъ прожилъ многіе годы. Поэтому крестьянскихь обидь и нуждь г. Марковь «некогда не замалчеваль» и не будеть «замалчевать ин въ печати, ни въ своей общественной деятельности». Но, будучи истиннымъ другомъ народа и внатокомъ крестьянскаго быта, онъ остается другомъ правды, и если говорить и пишеть о мужний, то только кстати, «просто и искренно, давая один правдивые факты»... Вотъ и теперь г. Евгеній Марковъ прерваль свое молчаніе съ прекрасною целью «откровенно указать почтонному сотруднику «Русскаго Богатотва» (т. е. мив) на ту сантиментальную ноткувъ его статьв, которая звучить для моего уха (т. е. для уха г. Маркова) нёсколько фальшиво».

Посмотримъ, гдё и въ чемъ мой критикъ подмётилъ эту «нотку». Изъ моей статьи онъ выводитъ заключеніе, что я не доволенъ «нижеслёдующими сторонами» дёятельности крестьянскаго банка:

«Во первых», банк» удовлетворни» далеко не всё предъявленныя въ нему требованія кредита, такъ что въ этомъ отношеніи сділаль для увеличенія крестьянскаго землевладінія гораздо менле, чёмь другіе частные банки и свободныя покупки земель крестьянами; во вторыхъ, образь дійствій крестьянскаго банка поощряль гораздо больше увеличеніе землевладінія состоятельных врестьянь, чімь самых нуждающихся, давь перевісь товарищескимь покупкамь съ болів крупными доплатами изъ собственных средствъ передъ покупками цілых сельских обществъ, не иміющих возможности вносить таких крупных доплать; и, въ третьих, что крестьянскій банкъ распространиль слишкомь мало свідіній о своей діятельности среди крестьянскаго населенія, волідствіе чего цілые уйзды и волости часто не знають о самомь существованів крестьянскаго банка, а потому и число покупныхь сділокь съ помощью крестьянскаго банка меньше, чімь должно было быть».

Такъ формулируетъ мой «общій выводъ» г. Евгеній Марковъ. приступан въ своей критической работь. Дальше, исходя изъ этихъ положеній, онъ стараєтся показать мий, что моя оцінка фактовъ неправильна. Поэтому, въ интересахъ истины, которая такъ дорога моему оппоненту, я попрошу его прежде всего внести изкоторыя поправки въ его изложение моей статьи. Я не буду вдаваться въ большія подробности и ограничусь двумя-тремя замічаніями. Во первыхъ, не укажеть ин г. Евг. Марковъ, гдъ это я «укоряю»выраженіе моего критика — «крестьянскій банкь въ томъ, что онъ не удовлетворны вспах обращенных въ нему требованій»? Такого мъста въ моей статьй мой искренній и правдивый противникъ, конечно, не найдеть, а, между тамъ, сколько напрасныхъ словъ онъ расточаеть, разъясния, что не всё просьбы о ссудахъ могуть в должны быть удовлетворены престынискимъ банкомъ!.. Очевидно, что я имър дело съ просвещеннымъ и любезнымъ, но невинмательнымъ оппонентомъ. Въ этомъ меня еще больше убъждаеть весь третій пунктъ составленнаго имъ обвинительнаго акта.

«Критикъ «Русскаго Богатотва»,--пишетъ г. Марковъ,--указываеть еще на то, будто крестьяне мало знають о прительности и существование врестыческого банка, и этому обстоятельству приписываеть сравнительную ограниченность операцій крестьянскаго банка». Я долженъ поправить моего оппонента: это говорю не я. а. администрація крестьянскаго банка, составители его отчета за 1896 г. и некоторыя изъ его инстимкь отделеній. Г. Марковъ находить далёе, что нельзя винить престыянскій банкь, если неграмотное населеніе не читаеть его объявленій. Совершенно справед-ENBO, HO S HE TOULED HE BRIED CARKE BY TOME, TO GO OFFICERE въ деревентъ не четають, но и высказываю опасеніе, какъ бы надежда на публикаціи одного изъ отділеній (чернигововаго) «не разбилась въ близкомъ будущемъ все о тоть же синзкій уровень общественнаго развития» и, въроятно, грамотности черниговскихъ крестьянъ». Наконецъ, мой критикъ старается меня увёрить, что врестьяне давно знають о существование врестьянскаго банка. Г. Марковъ опять-таки момится въ открытую дверь. Вотъ что опъ можеть прочесть въ моей статьй. Приведи изъ отчета банка местныя оведательства о томъ, что мастами среде врестьянъ недостаточно распространены сведения о крестынском банка, я говорю: «Не всё, однако, и не везде были такъ плохо осведомлены о существования банка и объ условиях получения изъ него ссуды. Многіе изъ крестьянь, прибегавших въ кредиту на покупку земли изъ разных источниковъ, знали кое-что о деятельности крестьянскаго банка и, если не обращались къ нему, то именно потому, что знали...» Кажется ясно, что говорить намъ съ г. Марковимъ по поводу третьяго его тезиса больше нечего...

Возвращаюсь къ первымъ двумъ пунктамъ возраженія г. Маржова. Если оставать въ стороне измишленное мониъ оппонентомъ требованіе, чтобы банкъ удовлетворяль ест предъявленныя ему просьбы, то-о чемъ мы спорымъ съ нимъ «во первыхъ»? Я утверждаль и утверждаю, что до реформы 1895 года даятельность крестъянскаго банка не получела широкаго разветія; что покупки врестыянами вемли безъ содъйствія врестыянскаго банка совершались во множестви таких случаеви, когда его участие было бы внояве уместно и согласно съ его задачами; что въ нервый посив реформы годъ операціи банка по выдачь соудъ на пріобретеніе преотъянами земли не непятали большого приращения, тогда какъ опросъ на кредить со стороны крестьянь быстро пошель въ гору... Обо всемъ этомъ я говорю въ своей статьв и нахожу, что такой ходь дела должень быть поставлень банку въ пассивъ, такъ какъ, по моему мевнію, крестьянскій банкъ могь и должень быль окавывать содъйствіе крестьянамъ гораздо чаще, чемъ это было на самомъ дълъ. Въ своей статъв я приводиль различныя фактическія дашныя, чтобы подтвердить справединвость сделанныхъ мною завыоченій. Можно бы и еще кое-что указать. Но мой оппоненть ме любить «мертвых» пефръ». Поэтому, чтобы очистить свою точку **зрънія** отъ упрека въ сантинентальности, я укажу г. Евгенію Маркову, что такого взгизда на прошлое крестьянского банка придерживаются не только авторы журнальныхъ статей, но и авторы произведеній, стоявшихъ до сихъ поръ вив всикихь подовржній въ сантиментальности. Въ представлении министерства финансовъ по пересмотру устава врестыниского банка мой оппоненты можеты прочесть следующее замечаніе: «Въ деятельности крестьянскаго поземельнаго банка за первое, едва истекшее десятильтие его существованія, нельзя отвергать двухъ неблагопріятныхъ для него черть: во 1-хъ, довольно скромнаго развития этой дъятельности, въ особенности во внутреннихъ губерніяхъ Имперін...» и т. д. Такова оффиціальная опінка прошлаго крестьянскаго банка, оцінка, одълживая въ 1895 году наканунъ реформы. Звучить им въ этомъ Оффеціальномъ отзыва для г. Маркова «сантиментальная нотка»?

Замѣчу еще, что прямымъ послѣдствіемъ такого взгляда на прежнюю дѣятельность крестянскаго банка явился уставъ 27 ноября 1895 г., «направленный, какъ сказано въ журналѣ государственнаго совѣта, къ болѣе широкому развитію его (банка) операцій». Достигаеть ли новый уставь этой цівли, или ність—другой вопросъ, котораго не касаемся ни я въ своей статью, ни г. Марковъ въ овоемъ возражения. Но здёсь котати сказать нёсколько словъ объ одной мірів, принятой или, точиве, въ принципів одобренной въ 1895 году. Новый уставъ, какъ известно, вводитъ въ число операцій крестьянскаго банка выдачу соудъ подъ залогь земель, купленных врестыянами безъ содъйствія банка, для погашенія обременяющаго эти земли долга. Я доказываль въ своей статьй, что такія покупки совершались крестьянами частенько. Г. же Марковъ подагаетъ, что это бываю «въ очень редкихъ случаяхъ», если не говорить объ операціяхъ крестьянъ-капиталистовъ, крестьянъ по названію только, далающих крупныя земельныя пріобратенія. Не обращаясь болье къ «мертвымъ цифрамъ», я ограничусь теперь ссылкою на заявленіе «лиць, такъ сказать, пригладъвшихся», т. е. чиновниковъ крестьянскаго банка. Въ отчете его за 1896 годъ по этому поводу говорится буквально следующее: «Въ отчетномъ году эта операція (выдача ссудъ подъ залогь земель, купленных крестьянами безь содействія крестьянскаго банка) достига лишь незначительных размеровь, но есть основание предполагать, что въ ближайшемъ будущемъ ей предстоить большое развитие. Извастно, что и до учреждения крестьянскаго банка, и посль открытія его дыйствій, крестьянами совершалось много земельных покупокъ, частью съ помощью вемских учрежденій п частныхъ вредитныхъ установленій, частью же безъ такой помощи». Но то, что извъстно совъту крестьянскаго банка, неизвъстно г. Евг. Маркову. Или, быть можеть, мой критикъ полагаеть, что совыть имбогь туть вы виду крестьянь-капиталистовь, покупающихъ врупныя вивнія, т. с. разсчатываєть совершать такін сделки, которыя по закону и по самому назначению крестынскаго банка не могуть получить его содействія?

Впрочемъ, я надъюсь, что мой оппоненть согласится не со мною. а съ «лицами, такъ сказать, приглядвишимеся», и признаеть, что размёры діятельности крестьянского банка, до реформы 1895 года, давали поводъ въ неудовольствію съ несантиментальной точки врвнія. Но остается подъ вопросомъ, измінилось ли положеніе дела со времени реформы. Прежде деятельность крестыянскаго банка была затруднена, между прочимъ, всивдотвіе того, что законъ не быль удовлетворителенъ. «Значение новаго устава, -- говорять советь банка въ своемъ отчете за 1896 года,-по мивнію отдёленій, заключается въ томъ, что имъ устранены многія правила положенія 1882 года, которыя препятствовами развитію покупокъ съ содпиствиемъ банка». Въ числъ отдълений, высказавшихся въ этомъ симсий, названо, между прочимъ, и воронежское. Такимъ образомъ и нахожу новое основание надвиться, что г. Евг. Марвовъ, согласится не считать «сантиментальнымъ» взглядъ на прошлую деятельность банка, какъ на недостаточную по размерамъ. Онъ можеть сказать, что виновать въ этомъ уставь банка, а не админиотрація его, только прим'вняющая обявательный для нея законъ. Положенія 1882 года защищать я не стану, но скажу, что и при немъ были періоды относительно оживленной діятельности врестьянскаго банка, были періоды и застоя. Стало быть, въ деятельности престыянскаго банка оставалось ивкоторое ивсто для политики и направленіе ся, дійствительно, не разъ мінялось. Чтобы ме ходить далеко за примерами, сошлюсь на тоть же отчеть за 1896 годъ. Въ немъ приведенъ следующій отвывъ прославскаго отделения о причинахъ увеличившагося требования на ссуды изъ крестьянского банка. «Въ 1895 и 1896 гг. — говорится въ этомъ отвыве-советь банка разрешаль ссуды на более благопріятныхъ для покупщиковъ условіяхъ, не требуя отъ нехъ значетельныхъ доплать изъ своихъ средствъ...» и т. д. Такая перемъна въ 1896. году можеть быть объяснена введеніемъ новаго устава, но въ 1895. году действовало еще старое положение. Оно не помешало разрешать ссуды хотя бы на несколько более благопріятных основаніяхъ, чёмъ за годъ-за два передъ тёмъ. Очевидно, и политика въ двательности крестьянского банка что небудь да значить.

Но можно ин признать, что въ теченіе перваго посих реформы года операціи крестьянскаго банка по выдачи ссудь на пріобритеніе крестьянами земли получили широкое развитіе, соответствувощее сильно выросшему спросу на его кредить. Основывансь на данных отчета я даль въ своей статью отрицательный отвёть на етоть вопросъ. Факта не отрицаеть и г. Марковъ, но, пытансь найти ему примчное объяснение, мой критикъ пускается въ праздное разсуждение на счеть того, что не всть просьбы можно удовлетворять, что немя не заслуживають этого!.. Но такъ какъ въ убъдительность этого полемическаго пріема и самъ г. Марковъ, повидимому, не очень върить, то про запась у него есть еще одно объясненіе. Діло, видете ли, - «въ естественномъ накопленіи неоконченных» двиз» по причине большого напанна ихъ, при прежнемъ состава служащихъ. Не внаю, достаточенъ ли персоналъ чиновниковъ крестьянскаго банка для того, чтобы онъ делаль свое двио безъ волокиты. Новые увеличенные штаты, суда по отчету, были введены уже въ 1896 году. Во всякомъ случав, нельзя забывать, что «медленность производства» — старый порокъ крестьянскаго банка, успавшій принести, по отзыву его містных органова, овон не весьма пріятные плоды. Начинать же деятеляность посл'я преобразованія повтореніемъ прежняго граха какъ не какъ не похвально.

Теперь перейдемъ ко второму и, быть можеть, самому важному нункту нашего спора. Въ своей статьй и доказываю, что требоваміе большихъ доплать изъ собственныхъ средствъ покупщиковъ придаеть діятельности крестьянскаго банка нежелательное одностороннее маправленіе: онъ кредитуеть преимущественно болье со-

отоятельную группу крестьянства и, въ частности, поощряеть покупки земли товариществами более сильныхъ домохозяевъ въ ущербъ вемельнымъ пріобретеніямъ целыхъ обществъ. Такъ было до реформы 27 ноября 1895 года. Отчеть за первый годъ діятельности крестъянскаго банка на основаніи моваго устава покавываеть, что въ этомъ отношенін практика не изміникась. Поэтому, на мой взгледъ, и въ отчетномъ году двятельность банка не была должнымъ образомъ согласована съ интересами тахъ слоевъ населенія, которые наиболье нуждаются въ его помощи. Мой оппоненть полагаеть, что банкъ въ этомъ отношеніи следоваль указаніямъ вакона, быль только исполнителемь его требованій. Но ковый уставъ крестьянскаго банка дастъ возножность держаться въ вопросъ о доплатахъ нной политики. Въ подтверждение своихъ словъ я, не пускансь въ разборъ подробностей устава 27 ноября, приведу жишь одно масто изъ законодательныхъ мотивовъ преобразованія 1895 года, «Ограниченіе разм'вра ссудъ изв'ястими процентомъ оцвики-читаемъ мы въ журналахъ государственнаго совета по пересмотру устава крестьянского банка—вызываеть необходимость обявательной доплаты въ ссуде со стороны покупичесовъ. Но требование доплать представляется вполнъ раціональнымъ лишь въ тых случаяхь, когда оне производится действительно изъ собственных средствъ покупичесовъ и, кромъ того, у послъднихъ остается оборотный капиталь для надлежащаго веденія хозяйства на купленномъ участив. Такъ какъ, однако, эти условія вотрівчаются сравнительно редко, то указанное требованіе ведеть лишь въ обременению крестьянъ долгами за высокіе, обыкновенно, проценты, а въ лучшенъ случав оставляеть ихъ безъ средствъ на покупку живого и мертваго инвентаря и на удовлетвореніе другихъ текущих козяйственных надобностей. Поэтому, и признавая неудобнымъ повышать размёръ ссудъ, при выдачё оныхъ на счеть овидательствъ банка, до 100% спеціальной оценки, департаменты полагають, что представляюсь бы необходимымъ допустить выдачу соудъ въ видь общаго правила, безъ особаго каждый разъ разрышенія минястра фянансовъ, въ размірів 90% оціночной суммы... Хоти такія соуды значительно уклонились бы оть общихь нормъ (въ 60% и 75%), принятыхъ для вобхъ ипотечныхъ банковъ, не нокимная и дворянскаго, но предположенное изъятіе для крестьянскаго банка оправдывалось бы въ достаточной степени темъ, что шлатежи по ссудамъ, выдаваемымъ последнимъ, обезпечиваются ме только рентою земли, но и трудомъ заемщиковъ-крестьянъ, лично обработывающихъ пріобрётаемые ими участии». Вотъ какое рівшеніе вопросъ о доплатахъ въ соудамъ врестьянскаго банка получиль въ действующемъ законодательстве. Замечу, что фактически покупка земян съ помощью крестьянскаго банка можеть совершаться съ небольшими доплатами или вовсе безъ доплать. Банкъ уполномоченъ выдавать 90% спеціальной оценки, а не продажной цвин, которая можеть быть и меньше оцвики. Кромв того, ограничение ссудь 90°/, оцвиочной суммы установлено лишь при выдаче ихь за счеть свидательствь ирестьянского банка. Но съ введением устава 27 ноября банкъ получить право пріобратать земли, для перепродажи ихъ крестьянамъ, за счеть собственняго капитала. Эти ссуды могуть быть выдаваемы въ размърв свыше 90°/, и даже въ суммв полной сцвики продаваемого участка. Притомъ уставъ открываеть банку полную возможность въ такъ случанхъ, когда полезно выдать заемщикамъ болве 90°/, оцвисчной суммы, замъннъ покупку по соглашенію сторонъ покупкою за счеть собственняго капитала. Словомъ, по дайствующему уставу требованіе крупныхъ доплать необязательно, законъ стремится свестя ихъ къ минимальнымъ размърамъ, и это стремленіе, на мой взглядъ, заслуживаеть полнаго сочувствія.

Обращаясь из операціями крестьянскаго банка, нетрудно убідиться, что, по крайней мёрё, въ первый годъ поске реформы. онъ были ближе въ разсматриваемомъ отношения въ старой правтикъ, нежели въ желательному, по моему минию, и вполив осуществимому, на сонованім дійствующаго закона, порядку. Понятно, что я сожанию объ этомъ. Г-нъ же Марковъ, напротивъ, находитъ, что все идеть, какъ нельзя лучие, и что иного направления двятельность банка не можеть и не должна получить. Но пусть онъ самъ говорить въ защиту своего мивнія. Кстати и читатель ознакомится съ въкоторыми периами этой публицистики откровеннаго направленія. Во первыхъ, общественныя покупки: ихъ почти иёть—и не должно быть. «Почальный опыть, — увёряеть г. Марковъ, —показаль, что сельскія общества, больше всего повупавшія земли въ первое время действій крестьянскаго банка, оказались менье всего способными удержать эти земли и очень скоро порастеряли ихъ, накопивъ на себя неоплатныя недоники крестьянскому банку. Чёмъ многочисленийе было общество, твиъ сворже наступалъ срокъ его ликвидація, потому что въ многолюдномъ селенін всегда больше нерадивыхъ и неумвдыхъ хозяевъ, несеслько не интересующихся увеличениемъ общественнаго землевладёнія и своею, часто намеренною неисправностью въ платежахъ врестыескому банку, вынуждающихъ задерживать платежи и накоплять недоники даже и исправных хозяевь».

Свое содъйствие крестьинскій банкъ должень направлять въ сторону состоятельныхъ элементовъ деревни, — иначе никакъ нельзя. «Кредить крестьянскаго банка предназначенъ на вполий опредвленную ціль, — говорить мом росвіщенный оппоненть, — на поднятіе хозяйственной діятельность крестьянина. Какъ же возможно ожидать; чтобы слабые хозяе за, не иміющіе ни денежныхъ сбереженій, ни достаточнаго количества рабочихъ рукъ, рабочаго скота, рабочаго инвентаря, точно такъ же, какъ хозяева нерадвые, лічтян, пьяницы, неудачные оть природы, могли сравняться въ этомъ отношеніи съ энергаческими, дільными и разочетливыми хозяевами,

сумѣвшеми запастись всёмъ, что необходимо для успѣшнаго веденія крестьянскаго хозяйства, не упускающими ничего, что служить къ подъему ихъ благосостоянія?»

Другь народа и знатокъ крестьянства даже возмущается при мысли, что крестынскій банкъ станеть проявлять оссбенную заботдивость и нитересь въ нуждамъ «слабыхъ хозяевъ, не имъющихъ сбереженій». Не о техъ, видно, креотьянскихъ «нуждахъ и обидахъ» думалъ г. Марковъ, когда обещалъ ихъ не замалчивать; нии вспоменать о нихъ въ данномъ случав, по его мевнію, было бы совсимъ невстати? Уравняй банкъ кредитомъ неравные въ имущеотвенномъ отношение элементы деревни, да это было бы, -- восклицаеть нашь знатокь крестьянского быта, -- «вменн» велечайшемь неравенствомъ и величайшею несправедливостью, такою же несправедивостью, какъ если бы мы холому ребенку отпускали ту же порцію пищи, какъ и верослому силачу». Нёть, искренній в правдивый другь народа противь такой «безразсудной системы». Изъ овоего многольтняго «твонаго общенія» съ крестьянами, о которомъ онъ такъ любезно сообщиль мив, г. Евг. Марковъ вынесь убъжденіе, что, хотя «неръдко благосостояніе крестьянина разстраввается не по его винь, а по стеченю разныхъ бъдственныхъ для него обстоятельствъ», но «гораздо чаще разстройство крестынскаго хозяйства бываеть связвно съ внутреявими свойствами самого хозянна». Поэтому для г. Маркова вполнів ясно, что «фальшь иных благонамаронных взглядовъ заключается вменю въ томъ, «что у насъ бедность, бевсиле непременно истять выставить, какъ онновинъ невинио страждущей добродатели, которой только подайте руку помощи-и она сейчасъ же возсіветь войми доблестями ума и сердца. А забывають при этомъ, что въ экономическомъ быту ховяйственное безсиліе и соединенная съ немъ бідность очень часто являются слёдотвіемъ не какихъ-нябудь роковыхъ визшинкъ причинь, а проявленіемъ внутренняго бевсилія и даже негодности TOROBBES>.

Само собою разум'вется, что врупныя доплаты изъ средствъ покупщаковъ къ ссудамъ крестьянскаго банка г. Марковъ считаетъ весьма полезными, даже необходямыми. На этотъ счетъ у моего просвъщеннаго протививка создалась цълая теорія. «Сантвментальному» взгляду на доплаты онъ противополагаетъ свой «ут'ящетельный».

«На высокій проценть приплать крестілнъ-покупателей изъ собственных средствъ нужно смотреть, — учить нашь знатокъ экономическаго быта крестянъ, — еще и съ другой нёсколько более утёшательной точки зрёнія. Вёдь это наша собственная фантазія, будто крупныя приплаты вызываются исключательно неблагоразумисю требовательностью банка и его пристрастіемъ къ богатымъ покупателямъ. Кто знасть близко жизнь и взгляды крестьянна и кто знакомъ съ деятельностью крестьянскаго банка не по однить отчетамъ его, — въ большей части случаевъ несколько не ужасается величине этихъ прицатъ. Воображать себе, что у русскаго крестьикства, при всей его несомивной бедности, вовсе изтъ никакихъ денежныхъ сбереженій — большое заблужденіе».

Мужикъ и самъ понимаетъ выгоду доплатъ: вёдь, меньше платить въ банкъ процентныхъ денегь—какъ не понять этого! «Покупатель мужикъ съ особенною охотою приплачиваетъ за землю, что только можетъ изъ своего кармана, чтобы уменьшить свою задолженность, чтобы придвинуть поближе къ себё радостный ему срокъ полнаго владёнія куплєнною землею, и потому напрягаетъ всё свои силы, чтобы не уменьшать, а увеличить свою доплату. Цефры, приводемыя почтеннымъ авторомъ, лучше всего доказывають это: въ то время, какъ требованія устава крестьянскаго банка ограничивають обязательную доплату покупателей изъ собственныхъ средствъ всего 10% оцёнки,—самъ же авторъ убёдился изъ отчета крестьянскаго банка, что на дёлё цефра доплатъ въ 1896 году дошла до 28,7%, а ранёе доходила до 31,3°/о и даже до 37.2°/о!»

«Утішнтельный» взглядь на доплаты такь увдекаеть г. Маркова, что онь и меня приглашаеть радоваться: это явленіе, т. е. крупшыя доплаты, сділанныя заемщиками банка, должны бы, по мийнію моего критика, вызывать,—«не печальные вздохи, а напротивътого, чувство удовлетворенія, какъ наглядный признакъ ийкоторой зажиточности крестьянь-покупателей и какъ условіе скорійшаго выкупа ими купленныхъ земель въ свою полную собственность».

«Нѣкоторая зажаточность» русскаго мужика «при несомивной его бѣдности» приводить въ восторгъ г. Евгенія Маркова. Онъ готовъ даже войти со мною въ соглашеніе... для чего бы, вы думале? Для того, чтобы «поднять вопросъ объ измѣненіи устава крестьянскаго банка въ томъ смыслѣ, чтобы въ нсключительныхъ случанхъ, напримѣръ, съ крестьянъ, получившихъ «ницій» надѣлъ (такъ обозвали сами крестьяне установленный въ положеніи 19-го февраля «низшій» надѣлъ), съ крестьянъ переселенцевъ и т. п. вовсе не требовалось бы доплаты при покупкахъ земли съ помощью крестьянскаго банка».

Кажется, довольно: нашъ просвёщенный другь народа весь вымился въ своемъ негодовани на «безразсудную систему", въ своей радости по поводу большихъ доплатъ, и въ своемъ елейномъ планъ благодътельствовать мужику въ исключительныхъ случаяхъ... «Исключительные случаи» «незшаго» надъла — какое завидное званіе вкономическаго быта крестьянъ! Но стоитъ ли останавливаться на подробностяхъ аргументаціи г. Евгенія Маркова, когда в въ главныхъ своихъ положеніяхъ мой правднвый и вскренній противнявью допускаеть непростительныя погрышности противъ истяны.

Мы ввайля, что г. Евгеній Марковъ сомдается на печальный општь престьянскаго банка, будто бы доказавшій, что сельскія

сбщества неспособны удерживать въ своихъ рукахъ купленими венин. На санонъ дълв печальный опыть доказаль нечто несе. Согласно взеледованію, произведенному м'ястными діятелями крестьянскаго банка, неудача покупокъ, совершонныхъ съ его помощью, зависела отъ разныхъ причинъ и, прежде всего, какъ было оффиціально указано при пересмотр'й устава банка, сть следующихь: «весьма распространенными и несомивними серьезными причинами неудачи многихъ, заключенимхъ при посредствъ крестъянскаго банка оделокъ следуеть считать высокую цину покупки венель чревъ посредство банка и обременительный размирь банковыхъ платежей». Г. Евгеній Марковъ, говоря о невозножности разрішеній войхъ попрашиваємыхъ у банка ссудъ, останавинваєтся, между прочемъ, на томъ, что крестьяне нередко соглашаются на невыгодныя условія, и что въ таких случанхъ крестьянскій банкъ вынужденъ, отклонять просъбы о помоще. Мой оппоненть дълзеть весьма осмовательное предположение, что и и не написаль бы похвального слова врестьянскому банку, если бы последній сталь «платать владельцамъ по 100 рубл. за десятину земли, не стоющей и 30 рублей». Но... но изследованіе, о которомъ сейчась идеть у насъ рачь, привело къ заключенію, что въ дореформенной практикъ банка бывали случан, когда «при самой покупкъ земли банковне платежи за нее (оотавляя даже въ сторонъ обязательства по доплать прежнему владельну земли) значительно, ниогда въ 11/2 раза, превышали местныя арендныя цены и, между прочимь, ту самую аренду, которую тв же крестьяне платили за пріобретенную ими вемию до ен покупки». А возможность таких случаевъ объясняется твиъ, что престыянскій банкъ, действуя на основанім положенія 1882 года, не быль обязань и далеко не всегда, вопреки уверению г. Маркова, входиль «въ обсуждение практическихъ условий сдваки». Напомию еще, что признание этого факта въ 1895 году, какъ извъстно, повлекло за собою рядъ переменъ въ самой органивация банка.

Многія сділки обязани овоей неудачей, какъ выяснию то же изслідованіе, еще и другому обстоятельству, нийвощему прямое стношеніе къ вопросу о значенія доплать. «Обременительность банковыхъ платежей, т. е. несоствітствіе ихъ доходиости земли усучубляется ессьма часто приплатами крестьянъ продавцамъсверхъ банковой ссуды. Такъ какъ наличныхъ средствъ для этого піть, то приплаты или разсрочиваются, или покрываются путемъзайна, возврать коего опеть таки затигивается на нісколько літь, причемъ оні принимають форму дополнительныхъ къ банковымъплатежей на первое время по пріобрітенія земли».

Этотъ результать езследованія всёхъ обстоятельствь дела на местахъ не мерится съ тёмъ «утещетельнымъ» взглядомъ, котораго предерживается г. Евгеній Марковъ. Доплаты оказываются не только неблагодітельными, но прямо вредными. Не будемъ допыты-

BATLON, SBYTHTL HE HAR HOFO CONTINUENTALLERS HOTER» BL STONL SAкиючение самого врестыянскаго банка. Доводьно и сказаннаго, что бы видеть, что причина неудачь общественных покуповъ воренится не въ «неспособности» этихъ союзовъ пользоваться кредитомъ, и что доплаты вовсе не такъ необходним для успъха операцій престыянскаго банка, какъ это кажется г. Маркову. Конечно, при останьныхь равныхь условіяхь неправности въ платежахь можно скорве сжидать оть товарищества зажиточных врестыява, чемъ оть общества, въ составъ котораго входять домохозяева разной степени состоятельности, но, въ свою очередь, и товарищества уступають въ этомъ отношение богатымъ единодичнымъ покупате сямъ, могущемъ ущаетить изъ соботвенныхъ средствъ большую долю покупной цены. Съ «утвшительной» точки зрвиія нашего друга крестьянства, вполив последовательно было бы потребовать, чтобы крестьянскій банкъ занялся исключительно этими «взрослими селачами». Это было фы, вомечно, не сантиментальностью, и могло бы вдобавокъ вполев удовлетворить тонкому нравотвенному чувству моего просвещеннаго и дюбезнаго оппонента. Видите ди, г. Евгеній Марковъ очень дорожить правиломъ, «что чёмъ меньше человёкъ получаеть помоще и одолженій со стороны и тёмъ больше силь принуждень онь черпать изь самого себя, тамъ больше воспитываеть онь въ себь здоровыя нравственныя и экономическія привычки, чувствуя себя не въчно опекаемымъ малолъткомъ, а взрослымъ, самостоятельнымъ существомъ, обязаннымъ и способимиъ заботиться о самомъ себа». Какъ ни скромна дъятельность крестьянскаго банка въ наотоящее время, всетаки противь этого правила онь нерадко пограшаеть. Разва воть только доплата, какъ выражается г. Марковъ, «несколько удовлетворяеть законному чувству самолюбія креотьянинина-покупателя, отыдящагося вообще получить что нибудь «на дармовщену», ни за что, не про что», а вивоте от темъ, разумъется, до извъстной степени успоканваеть друзей народа, опасающихся пуще всего, какъ бы не развратили мужика.

B. P.

Къ вопросу о неурожаяхъ последнихъ . летъ *).

III.

Каждой фазё хозяйственнаго развитія евойственны извёстные формы общественных и правовых отношеній, находящіяся въ соответствие съ основнымъ складомъ народно-хознёственной жизне. Въ крипостной Россіи и народно-хозяйственным и правовыя отноменін промекнуты быле однеме и тіми же общими началами. Красугольнымъ камиемъ дореформеннаго хозяйственнаго строи служиль неовободный трудь врестынского населения, отбываеный въ польну помещикова. Этоть основной хозайственный факть даваль общую окраску и общій токъ и всему строю соціальной живии. Зависимость труда неизбіжно должна была влечь за собою и зависимость личную. Чтобы имъть возможность осуществлять свое право ва распоряжение трудомъ крестьяния, приписаннаго къ его нивнир. помущивъ быль вооруженъ известною, весьма значительною долею вижети надъ личностью этого престыявива. Заботы объ охранения этой власти и о поддержании повыновения среди закрыпощенной массы населенія не могин не малагать невідстваго отпечатка и на вез распорадки государственной и общественной жизии. Вся эта жизиь насквозь была провикнута началами авторитета и десцеплины. Существованіе крипостного права не совийстико было съ проявленіемъ сколько-небудь шерокой общественя й или видевидуальной самодъятельности и независимости даже и среди тъхъ группъ населенія, которыя не входили въ составъ «крещемой собственности». Всв такія проявленія прямо или косвенно могле колебать основные устон крипостного строя и потому энергически сдержавались и подавляетсь. Другою карактеристическою чертою дореформенного уклада, -- тоже тесно связанною съ существованиемъ несвободнаго труда и подчененія одного класса населенія другому, была сословная организація общества. Сосмовных перегородовь, разділяьщахь вое населеніе на обособленныя сословныя группы, было (а отчасти сохраняется и донина) великое множество. «Четыре главные рода людей», на которые законы о осстоявахъ делять всехъ россійских обывателей-дворянство, духовенство, городскіе обыватели и сельсью обыватели-распадались въ свою очередь на цълый рядъ меньших сосмовных группъ, отличавшихся одна отъ друга личными и корпоративными правами, -- вля особенностими того тягла,

^{*)} См. "Русское Богатство", 1898 г. № 9.

жоторое было на некъ возложено государствомъ. Вов эте сословные труппы могле, однако, быть соединены въ двъ большія категорін такъ шазываемыхъ «привилегированныхъ» сословій, изъятыхъ оть подушной подати, рекрутотва и телесныхъ наказаній и пользующихся и другами льготами, и сосмовій «непривилегарованных», обложевныхъ подушною податью, несшехъ воинскую и другія натуральныя повенности и подвергавшихся телеснымъ наказаніямъ и по суду, и по усмотрвнію полицін и въ ивкоторыхъ случаяхъ (помъщечьи врестьяне) по распоряжению липъ привилегированияго живоса или ихъ приказчиковъ и управляющихъ. Все государственное управлене органевовано было на сословныхъ началахъ. Это совдавало ощо большія провнущества высшень сословіянь надъ нвишеми. На вершенъ общественной къстенцы стояло помъстисе дворянство, которому принадлежало преобладающее положение и въ общественной, и въ государственной жизии. Нажиля ступени этой льстницы занимали крестьяне разныхъ наименовавій.

Самую безправную группу среди крестьянства (тоже подраздъявшагося на цълый рядь различающихся одно отъ другого сос-«словій») составляли врестьяне пом'ящичьи. Надъ ники, сверхъ общегосударственнаго тягна, тиготила еще власть помещика. очень общирная, доводьно неопределенная въ своихъ границахъ и чточти совсемъ безконтрольная. Распространялась она и на имущество, в на инчессть крестьяния. Помъщику предоставлялось налагать на своихъ крепостинхъ «всякія работы, взимать съ нихъ оброкъ и требовать исполнения личных повинностей, съ темъ только, чтобы они не претерпивали чрезъ сіе разоренія и чтобы пол женное закономъ чесло дней оставляемо было на исполнение собственных нак работь». Ческо дней «барщины», по закону императора Павиа, опредвиялось тремя въ недвир. Затвиъ помъщикъ не долженъ былъ заставлять крестьянъ работать на него въ воскресные дии, а также въ двунадесятые праздняки, 29 іюня. 9 мая, 6 декабря и въ храмовие въ каждомъ селенія праздинки. Во всемъ остальномъ опредвление размеровъ и формъ крестьянокнув повичностей предоставлялось вполна усмотранію помащака. Крестьянъ законъ обязыванъ спокойно пребывать въ нуъ вванін, быть послушными пом'вщикамъ своимъ въ оброкахъ, работакъ и всякаго рода крестьянскихъ повинностихъ и вообще безпрекословно повиноваться владальцамъ «во всемъ томъ, что не противно общемъ государственнымъ узаконеніямъ». Прявыхъ указаній объ обязанности помъщнковъ предоставлять въ пользованіе кре-ADDRAFORMES OH GROADS OF MEMOS ASTOOPERON RESTOORS CHRIST Земельное надвленіе првиостимих престыпны вийло своимь вібточнакомъ экономеческую необходимость, вытекающую изв натураль. выхъ формъ хозяйства той эпохи, и установившійся обычай. Закожомъ (но регулировано не быле и самые размеры и ф рим такоге наделенія вполив зависвая оть произвола помещика. Каждаго отпъльнаго крестьянина помъщикъ могь по своему усмотрънію снять съ земли и лишить надела. Законъ предоставляль ему неограниченное право переводить своихъ крестьинъ во дворъ и со дворъна нашию, а также отдавать ихъ сторочениъ лицамъ въ услужение. для обученія ремеску или на воспитаніе. Кріпостине крестьянебыли отеснены въ пользование даже самыми элементарными гражданскими правами. Везъ позволенія пом'ящика крестыянинъ немогь вотупать въ бракъ, пріобрётать и отчуждать недвижамую соботвенность, заниматься торговием и промыслами, выдавать долговыя обявательства. Пом'вщику принадлежала въ его владеніяхъ п вотчинахъ полиція и мотиція. Онъ разбираль и судиль окончательно взаимные ссоры и неки крыпостных крестьянь между собою. Вей преступленія и проступки, не влекущіе за собою лишенія вобхъ правъ состоянія, если они «были учинены противъ помъщика. шин ого семейства, или протявъ другихъ его крестьянъ или дворовыхъ людей», —подлежали расправѣ самого помѣщика, не доходя: по суда. По жалобъ обиженныхъ повъщикъ могь разбирать такіе преступленія и проступки и протевъ постороннихъ лець. Шерокуюкарательную власть, которою онъ быль вооружень, пом'вщикь могь перековарять другимъ лицамъ —своимъ управляющимъ и приказчикамъ (право не предоставляемое вообще никакому судьв). «Смотря поважности преступленія, учиненнаго кріпостнымъ человівомъ», онъ могь быть подвергнуть, по приказанию помещика или его управдяющаго, наказанію розгами до 40 или палками до 15 ударовъ, нин же аресту до 7 дней, а «Въ случанкъ особенной важности» н до 2 мёсяцевъ. За преступленія и проступки сеще более важные» помещикъ могъ отсывать врепостныхъ въ смарательные дома или въ арестантскія роты (на срокь до 6 мёсяцевь). Оть тілесныхь. наказаній не освобождались ни женщины, не старики, не діти. Всв двла помещикъ вершалъ безаппеляціонно и безконтрольно. Некакихъ жалобъ отъ крепостимуъ крестьянъ на ихъ помещевовъ не принималось. Даже въ порядке гражданскомъ, въ случае неправельнаго присвоения его движемаго имущества, крестьянииъ могь некать судебной защиты только отъ посторовняго, но не отъ помещика. Помещикъ въ таких случаяхъ самъ являлся судьов въ своемъ дълъ и притомъ судьею, на ръшеніе котораго не било апедияців. Благодаря этой бевоудности крипостных врестья въ даже и тв немногія ограниченія, которыя законь ставняв дляпомещичьей виасти, были въ сущности только благими пожеланівми.... такими же, какъ и возлагаемия на помъщика обязанности: «пешново приведения престыявь своихь въ лучшее состояние» и воздерживать ихъ «отъ всякихъ пороковъ, ссоръ, дракъ и тому подобныхъ непорядковъ». Всв ограничетельныя определенія закона не имени за собою никакой санкцін и власть помещиковь наль крепостными врестьянами вполев носкла на себе характеръ про«ВВОЛА—благожелательнаго или жестокаго, систря по личнымъ свой-«Отвамъ носителей этой власти.

Только въ рѣдкихъ случаяхъ выходищихъ изъ ряда зноупотребленій правительственная власть вившивалась въ отношенія
между помѣщиками и ихъ крѣпостими крестьянами. Законъ предоставляль главнымъ начальникамъ губерній право брать помѣщичьи имѣнія въ опеку, «когда виною помѣщика деревня доведена
будеть до разоренія, и крестьяне обременены будутъ безивринии
и несносными тягостями, также въ случав нетерпиной въ управленіи ихъ жестокости». Помѣщики, «изобличенные въ жестокихъ
от крѣпостными людьми своими поступкахъ», могли быть предаваемы, сверхъ того, и уголовному суду,—но не иначе какъ по особому каждый разъ высочайшему повельнію. Всё такія дѣла возбуждались по собственному почину правительственныхъ установленій: искать защиты у власти даже и «отъ нетерпимой жестокости»
саминъ пострадавшимъ законъ воспрещаль подъ угрозою строгихъ карь.

Крѣпостиме крестьяне, какъ им уже говорили, составляли самую безправную общественную группу въ крѣпостной Россіи. Поетому здъсь всего арче и неприкрытье выступали впередъ характерныя черты общественнаго строя, основаннаго на крѣпостномъ правъ.

Другую, болье сиягченную форму зависимыхъ отношеній представляли собою порядки, господствовавшіе въ управленіи крестьянъ государственныхъ, причислявшихся, по терминологіи закона, къ разряду «свободных» сельских» обывателей». Если въ крвностной деревий париль голый и мичемъ не отвещений произволь помещика, то быть врестьянь государственныхь подчинень быль самой мелочной регламентаців и опекв, распроотранявшейся на вов проявленія не только общественной, по и частной живин крестьянина. Выполнялась такая опека цілою сётью учрежденій и начальствь, большехъ и малыхъ, начиная оъ сельскихъ старость и кончая министромъ государственныхъ имуществъ. Всё эти внасти должны были заботиться не только объ охраненіи порядка и закона, но н о поддержавии правственности среде государственныхъ крестьянъ. Законъ вивняеть это въ обязанность и сельскить старостамъ, и сельскому старшинъ, и волостному головъ. Цълый рядъ статей «сельскаго полицейскаго устава» и «устава сельскаго судебиаго» содержить въ себъ иногообразныя запрещения и предписания, касарщіяся правиль поведенія государотвенных крестьявь. Заботливость закона въ этомъ отношение шла очень далеко. Въ полицейскомъ устави заключались и постановления со обязанщостяхъ относительно вёры», и «о сохраненіи правиль правотвенности», и «объ обхожденін государствени мув крестьянь между вобою и от проважени». Строгія кары усгановлены были за пыявотво и за мотовотво и расточительность. «Кто влообычень въ шьян-

отвъ-говоретъ 496 ст. сельск. суд. устава-или болье времени въ году бываеть пьянь, нежели трезвы, того наказывать розгами». То же наказаніе назначалось и тімт, «кон стануть покупать виноподъ залогъ одежды и прочей домашней утвари, а также подъ заногъ скота, земледельческихъ и другихъ необходимыхъ орудій вполевыхъ произведевій, осебенно еще не снятыхъ и остающихся на корев» (ст. 497). Напивающіеся пьяными въ празденчиме дик, до окончанія об'єдни, приговаривались къ заключенію подъ стражу (ст. 493). Точно также должны быле сажаться подъ стражу, а во второж разъ наказыванись телесно все те, «кои будуть играть на деньги въ карты и другія игры (неключая игоръ азартныхъ, за которыя подвергается виновный уголовному суду)» (от. 529). Законъ воспрещаль, подъ строгимъ наказаніемъ, не только поступки безиравотвенные, но и опасные и вредные для самого виновнаго. «Кто, не смотри на вапрещение начальства, -- говорить от. 513 сельск. судеби. уст. -пойдеть черезь раку по мьду, когда уже по немъ опасно ходить, вин же будеть переважать при бурномъ вытры, а также тогда, вогда ледъ идетъ по реке, того приговаривать въ простому ваключенію подъ стражу на одень день». Государственным крестьянамъ предписывалось (ст. 284 уст. сельск. полиц.) «не употреблять въпишу плодовъ недозрелыхъ, хлеба недопечена го, имса и рыбы протухлых, мертвечным и вообще принасовъ несважихъ и потому для здоровья вредныхъ»; воспрещено было «употребленіе копорскагочая (ввань-чай) какь одного, такь и въ смёшеній съ китайскимь> и «сборъ саной травы, изъ которой чай копорскій составляется (от. 285)»; воспрещалось также «употреблять для варенія пищи ван питья издеме не луженые самовары, чайники, кострюли в всякую издную посуду, не имеющую полуды» (ст. 286). Предусмотрительность сельскаго полицейскаго устава простиралась даже до установленія правиль о томъ, какъ поступать въ случав, если дакіе животиме «сами собою оставить гейзда и коговища свои, перейдуть въ другое мъсто и будуть въ немъ водиться» (ст. 273)... Но, не смотря на все это обиле всяких уставовъ, виструкцій, наказовъ, не смотря на весь бунажный, бюрократическій формализмъ, государственный крестьяник нисколько не быль ограждень отъ вмоупотребленій со стороны многочисленных начальствъ, надъ нимъпоставленных. Онъ быль безправень предъ чиновинкомъ, какъ вриностной крестьянить быль безправень предъ помещикомъ. И здесь, въ отношениять между носителями власти, крупными и мелжими, и подвижетными имъ обывателями господствовалъ произволъ, переплетавшійся от цілью отвененій и ограниченій, давящих на врестьянина и сковывавших всякія проявлевія его личности в санодвительности.

Остальныя группы вресть нескаго населенія (которых насчитывалось довольно много въ крипостиси Руси) занимали промежуточное положеніе между государственными и помищичьним крестьянами, приближаясь по распорядкамъ евоей жизни къ тому или другому изъ этихъ типовъ дореформеннаго склада крестьянскихъ общественныхъ отношеній.

Но въ общественной жезне крестьянства существовало и другое руководящее начало, помемо начальственной опеки у крестьянь государотвенныхъ и помещичьиго усмотрения у престыява владельческихъ. Этамъ руководящимъ началомъ быль народный обычай. Авторитетъ обычая операдол на общее признаніе его обязательной силы; онъ вивль ва собою и вившиюю санкцію въ вида принудительной власти «міра», общества, которая могла быть обращена противъ ослушника, нарушавшаго традиціонные порядки жазна. Но, конечно, не въ этой вижшжей снив лежали главные залоги устойчивости и опредвляющаго значенія обычая въ креотьянской жизни. Обычай быль живучь и силонь главнымъ образомъ потому, что обычные порядки слаганиев подъ вліянісить тіхть требованій, которыя ставились самыми условіями в оботановкою креотьянской жазин, превиущественно трудовой са отороны. Условія крестьянскаго труда диктовали и распорядки крестьянских общественных отношеній. Огромная масса крестынотва была земледёльческою; поэтому именно земледёльческій трудъ н положиль наибольшій отпечатокь на обычныя корны крестьянской общественной жазни. При преобладаніи натуральнаго ховайства и слабомъ участія крестьянства въ ибновыхъ хозяйственныхъ процессахъ, въ крестьянской средв моган выработаться и поддержаваться особыя, расходящіяся съ писаннымъ закономъ, правовыя нормы, которыма опредбивансь взаниныя отношенія внутри врестьянскаго міра, нежду его членами. Существовали обычныя формы землевладънія в землепользованія, обычные порядки наслёдованія, нзвестным особенности договорнаго и обязательственнаго права, несходене съ постановлениями гражданскихъ законовъ. Обычай регулировалъ и правовыя отношенія, и хозяйственные распорядки, и семейную и личную жизнь крестьиния. Вольшая часть крестьинотва пользовалась землею на общинномъ началь. У крестьянъ государотвенных община была увакоченными инотитутоми. Земли и угодья, отведенныя каждому селенію, считались общественнымъ ниуществомъ; владене ини предоставлялось пірскому обществу даннаго селенія, съ платежомъ оброка безъ ограниченія времени и срока. Такъ какъ-объясняеть при этомъ законъ-сін земли и угодья принадлежать во владеніе не каждому крестьяниму порознь, но всемъ вообще обывателямъ одной слободы, села и деревии, то распредаление ихъ на участки по семействамъ и внутреннее оными распоряжение принадлежить приому мірокому обществу». Не смотря на общие всихъ регламентацій быту государственныхъ крестьянъ, внутренотношению къ ніе поземельные распорядки предоставляниюь вполив крестьякокому міру,-оть всяких подробныхь, регулирующихь указаній въ этомъ случав законодательство о государственных престыянахъ

воздерживалось. У крестьянъ помѣщичьихъ, по отношенію въ земменользованію которыхъ никакихъ законодательныхъ опредѣденій не миѣлось, земельная община существовала какъ бытовой, обычный фактъ. И здѣсь, не смотря на неограниченный произволь помѣщичьей власти, коллективная жизнь крестьянства всетаки не мсчезала, и «міръ» выступалъ въ извѣстныхъ отношеніяхъ какъ мѣчто цѣлсе. Общинное, мірское начало проникало обычные распорядки и по отношенію къ другимъ—кромѣ землепользованія—сторошамъ крестьянской жизни и придавало своеобразную окраску всему обычному укладу этой жизяи.

Свойотвенныя этому укладу черты первобытнаго аграрнаго колдективизма нередко служним поводомъ въ значительной его инеализація (въ особенности со стороны старыхъ славянофиловъ, а частью-поздинишем народниковъ). Не синдуеть, однако, забывать, что крестынскіе обычан носили на себі сліды очень разнообравмых вліяній, подъ которыми они сложились. Не могли не отразаться на вихъ и гноть крипостной зависимости, и принижение личности и жестокіе нравы старой Руси. Отъ этого, рядомъ съ здоровыми элементами, рядомъ съ значительнымъ развитіемъ общеотвенности, им встрачаемся въ крестьянскомъ обычномъ уклада и еъ обычании жестовнии и рабовнии. Отъ дальнайшей эволюція врестьянской жизни, по выходё ем изъкрёпостного періода, отъ той оботановки, въ которой полжин были скланываться новыя общеотвенныя отношенія среди освобожденнаго крестьянства, завистью: вакія изь существовавшихъ въ старомъ укладів задатковъ должны были окрвнечть и получеть новыя формы, соответствующія изменившимся условіямъ соціальной среды.

IY.

Паденіе кріпостного права должно было дать толчекь къ перестройкі всіхъ общественныхъ распорядковъ кріпостной эпохи. Всі они, такъ или иначе, связаны были съ существованіемъ принудительнаго труда и личной зависимости одной части населенія оть другой. Вслідъ за раскріпощеніемъ труда естественно должно было начаться и раскріпощеніе всей общественной жизни.

Освобожденіе труда отъ вріпостных ціпей не ділало его еще, конечно, вполні независимымь и реально свободнымь. И при договорных отношеніях фактическая зависимость одной стороны, слабійней, отъ другой, обладающей экономическимь могуществомъ, можеть быть очень велика. Но эта зависимость иного рода, чімь кріпостное порабощеніе и труда, и личности работника. Власть денегь безлична. Она не требуеть тіхь конкретных формъ подчиненности труда, которыя свойствены кріпостному строю, гді именно данные работники находятся въ зависимости отъ данныхъ владільцевъ, и гді такая зависимость должна поддерживаться

вившнимъ принужденіемъ. Хозяйственные процессы, развивающіеся на почев формально свободнаго труда, неизбежно должны вести къ распространенію того же начала формальной свободы и на другія области общественныхъ отношеній. Экономическая жизнь на этой ступени своего развити получаеть характерь общей борьбы соперничающих интересовъ. Эта борьба требуеть простора для проявленія хозяйственной иниціативы и самод'ятельности. Крайнее развитіе опеки надъ общественною жизнью, характеризующее крипостную эпоху, стоямо въ разкомъ противорачия съ потребностями новаго строя хозяйственных отношеній, основанных на свободномъ трудь, — неизбыжно поэтому должны были возникнуть стремленія, направленныя къ ограниченію этой опеки и къ расширенію сферы общественной и личной самодантельности. Виасть съ этимъ въ общественную жизнь должно было привзойти и новое регулирующее начало, являющееся коррелятивомъ гражданской свободы и совершенно чуждое, по крайней мъръ фактически, кръпостному строю это именно начало права и законности. При крипостныхъ поряд-кахъ законъ неизбёжно долженъ быль оставаться мертвою буквою, хотя руководящее его значеніе и признавалось формально. Пока основою общественнаго строи являлась безконтрольная власть одного сословія надъ другимъ, немногихъ привилегированныхъ мадъ безправною массою,—вся общественная атмосфера была слишкомъ пропитана произволомъ, чтобы могло оставаться место для сколько нибудь серьезнаго и систематическаго проведенія въ жизнь начала законности.

Изменившіяся условія хозяйственной и общественной жизни не могли оставить незатронутымъ и другой устой стараго строи— сословную его организацію. Новыя силы, выступающія впередъ при смънъ народно-хозяйственныхъ формъ, выходять, обыкновенно, не изъ тъхъ круговъ, которые стояли на вершинъ общественной лестницы при старомъ порядке. Существование сословныхъ признаетій и сословной обособленности можеть только стеснять развитіе ихъ діятельности. Съ отміною закрінощенія труда сословная организація теряла подъ собою ту реальную почву, на которой она главнымъ образомъ держадась. Новыя хозяйотвенныя условія требовали и новой общественной группировки, основанной на фактическом распределении экономических силь. Вивсто сословій выступали впередъ общественные классы. Перестройка общественной организаціи должна была неизбёжно идти и далье, распространяясь и на меньшія общественныя группы, внутри отдельных сословій. Крепостная эпоха почта сововив не знала свободныхъ общественныхъ союзовъ. Мы встрвчаемъ въ этомъ періодъ, съ одной стороны, принудительныя общественныя группы сословнаго характера, принадлежность къ которымъ зависъла не оть свободнаго желанія ихъ членовъ, а опредълявсь ихъ происхожденіемъ, или обязательною для лицъ непривилегированных сосмовій, которыя должны были «нябрать себів родъжизни» «припискою» къ тому или иному обществу, цеху или иной корпораціи; а съ другой союзы патріархальные, вродів большихъкрестьянскихъ семей стараго времени. Крестьянскій «міръ» съ егообычно-правовымъ укладомъ и патріархальнымъ строемъ отношеній многими своими сторонами примыкалъ къ этому посліднему типу, оставансь вмістів съ тімъ и принудительною организацією, несущею извітстное тягло по отношенію къ поміщику и къ государству.

Индивидуалистическія тенденціи, развивающіяся на почвъ мънового, денежнаго хозяйства, неизбежно должны оказывать разрушетельное вліяніе на старыя союзныя организаців, и вившне-принудительныя и традиціонныя. Если внутреннія или вижшнія условія не допускали перехода этихъ организацій въ новыя формы, болье приопособленныя къ измънившимся условіямъ жизни, — онъ дожны были или распадаться или терять внутренній смысль и значеніе, поддерживаясь только вившнею связью. Но рядомъ съ этимъ разрушительнымъ процессомъ долженъ быль идти и процессъ противоположный. Потребности въ союзной группировки ощущаются очень интенсивно и при такъ формахъ козяйственнаго строя, которыя смънили натуральное козяйство кръпостной эпохи, — можеть быть даже еще интенсивнъе, чънъ въ періоды болье ранніе. Союзъ есть прежде всего необходимое орудіе самозащиты для слабійшихъ общественных элементовъ въ той безпощадной борьби противоподожныхъ интересовъ, которая характеризуеть эту фазу экономическаго развитія. Но этимъ же орудіемъ пользуются и болье сильныя общественныя группы. При развитыхъ формахъ денёжнагохозяйства вся общественная организація представляєть собою цідую сёть различныхъ союзовъ и федерацій этихъ союзовъ, начиная отъ самыхъ медкихъ коллективныхъ единицъ, до громадныхъ коалицій, переходящихъ за преділы отдільнаго государства и принамающихъ международный характеръ. Такимъ образомъ на место индивидуальных одиницъ въ хозяйственной жизни опять выступають впередъ цёмыя коммективныя группы, —но группы составившіяся, такъ сказать, путемъ искусственнаго, сознательнаго подбора, въ отличіе отъ бытовыхъ или принудительныхъ союзовъ стараго періода.

Историческія условія русской жизни мало способствовали осуществленію всёхъ намёченныхъ тенденцій свободнаго хозяйственнаго строя. Въ первые годы после освобожденія широкое обновительное движеніе охватило всё стороны общественной жизни, вскоре, однако, началось и обратное теченіе. Весь последующій, переходями періодъ, который мы переживаемъ и до сихъ поръ, наполненъ этою борьбою новаго со старымъ. И никакъ нельзя сказать, чтобы въ результате такой борьбы оказывалось хоти бы и медленное, но постоянное и неуклонное поступательное движеніе, ведущее къ закрёпленію и развитію новыхъ, пореформенныхъ обще-

ственных началь. Старые порядки сохранили еще за собою многія, очень кріпкія и очень важныя позиців в нерідко на протяженін последнихъ десятильтій давали общій тонъ и общую окраску всему теченію нашей соціальной жизни. Такимъ образомъ та вившняя оболочка, подъ которою формировались новыя хозяйственныя отношенія, въ значительной мірів осталась старая. Оть этого самый процессь перестройки хозяйственной структуры общества долженъ быль принять бользиенныя формы, отражаясь на слабайшихъ общественных группахъ болье своею разрушительною, чъмъ совидательною стороною. Всего тяжелье оказывалось положение крестьянской нассы. Изъ всахъ общественныхъ группъ крестьянство оказалось наименъе раскръпощенною и потому наименъе приспособденною къ новымъ хозяйственннымъ условіямъ и наиболю безващитною въ той всеобщей экономической борьбь, которою характеризуется періодъ мінового, денежнаго ховяйства, смінившій собою натуральный хозяйственный строй крипостной эпохи.

Правовое положеніе освобожденнаго крестьянства и распорядки общественной его жизни въ пореформенный періодъ опредълены были, въ главныхъ своихъ чертахъ, «Положеніемъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ кръпостной зависимости», 19 февраля 1861 года. Этотъ законодательный актъ не во всёхъ своихъ частяхъ носилъ однородный характеръ, отражая на себё следы разныхъ теченій, подъ вліяніемъ которыхъ складывалось дёло реформы. Благодаря этому, извёстная часть наслёдія крѣпостной эпохи осталась и въ пореформенномъ стров. Позднейшій ходъ законодательства и административной практики въ крестьянскомъ дёль отнюдь не способствоваль ликвидаціи этого наслёдія и не уничтожняь той двойственности, которая обнаруживалась въ законодательныхъ опредёленіяхъ «Положенія» 19 февраля.

Реформа 19 февраля дала всёмъ крестыянамъ права «своболныхъ сельскихъ обывателей» и уничтожила личную зависимость оть владыльневь и гражданское безправіе поміщичьих крестьянь, Виботь съ темъ врестьянамъ предоставлена была и значительная доля самостоятельности въ управлении своими внутренними, общеотвенными дълами. Завъдываніе этеми дълами въ каждомъ сельскоит обществъ и въ каждой волости—въ которыя группировались сельскія общества-находилось въ рукахъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ (въ составъ всъхъ домоховяевъ въ сельскомъ обществъ н выборныхъ отъ каждаго общества на сходахъ волостныхъ) и въ рукахъ поставленныхъ этими сходами должностныхъ лицъ. Въ каждой волости учреждался особый крестьянскій судь, тоже изъ выборных судей. Компетенція крестьянских общественных учрежденій—въ дёлахъ касающихся внутреннихъ распорядковъ крестьянского міра-намічена была очень широко. Для значительнаго вруга этихъ дёлъ решенія сельскихъ и волостиму учрежденій были окончательными и не допускали пересмотра по существу. Изъ

числа выборных должностных лицъ крестьянских общественных учрежденій только для волостного старшины требовалось утвержденіе со стороны администраціи.

Напуганному воображенію представителей кріпостнической реакців эти общественные распорядки освобожденнаго крестьянства, распространенные всябдь затімь и на остальныя группы крестьяскаго населенія—рисовались даже какъ установленія среди бывшаго кріпостного населенія «десяти тысячь какихъ-то республикъ, съ избраннымъ отъ сохи начальствомъ, которое вступаеть въ отправленіе своихъ обязанностей по волів варода, не нуждалсь ни въчемъ утвержденіи», — республикъ, въ которыхъ предоставленное членамъ волости право публичнаго обвиненія своихъ выборныхъ должно было поддерживать и развивать «коллективную оппозицію противъ должностныхъ лиць» *).

Дъйствительность, конечно, была слишкомъ далека отъ этихъ фантасмагорій. На самомъ дълъ волостныя и сельскія «республики» сохранили въ себъ очень много черть, перенесенныхъ изъ стараго кръпостного строя, не отошедшаго пъликомъ въ область прошлаго и послъ эмансипаціи.

Крестьяне и въ пореформенную эпоху оставались особымъ «родомъ людей» въ государстве, составляя отрозненную отъ остального населенія сословную группу, неравноправную съ другими сословіями, живущую подъ особыми правовыми нормами и не польвующуюся въ равной съ ними мірі защитою общаго закона и общаго суда. Крестьянскимъ общественнымъ учреждениямъ предостариена была, правда, значительная доля власти внутри крестьянскаго міра, въ круга даль, касающихся взаимныхъ отвошеній членовъ этого міра между собою и ихъ обязанностей по отноше-нію къ цёлому обществу. Но ихъ независимость и самостоятельность прекращалась за чертою этого міра. Крестьянское общественное управленіе подчинено было спеціально поставленному надъ нимъ надвору, организованному по «Положенію» 19 февраля на началахъ сословно-бюрократическихъ. Мировые посредники, блежайшіе органы этого надвора, вооружены были дискреціонною десциплинарною властью надъ должностными лицами крестьянскаго управленія. Волостные старшины и сельскіе старосты должны были исполнять также и полицейскія обязанности, становясь, такимъ образомъ, въ подчинение органамъ полици въ увздв. Наконецъ, за крестьянскими общественными союзами сохранился и старый тиглый карактерь по отношенію къ государству. — а до конца «временно-обязанныхъ» отношеній, т. е. до выкупа надёла, и по отно-

^{*)} Мивніе 36 членовъ редакціонных коммиссій второго призыва, напечатанное въ XII части "Матеріаловъ" редакц. коммиссін. Цитируемъ по книгв Н. П. Дружинина "Юридическое положеніе крестьянъ", 1897 г. стр. 56.

шенію къ пом'єщику. Всів казенныя, земскія и мірскія повинности должны были отбываться крестьянами каждаго общества за круговою порукою всего общества, безразлично къ тому въ общенномъ или въ подворномъ владени находилась отведенная въ налелъ обществу земля. Это фискальное тягло, наложенное на [крестынскія общественныя группы, въ значительной степени обусловливало и предоставленное имъ право самоуправленія. Но оно не могло не предавать к особаго оттънка этому самоуправлению. Фискъ находиль более удобнымь ставить свои требованія не отдельнымь инцамъ, а коллективной единицъ, цълому обществу, которому ватемъ предоставлялось ведаться, какъ знаеть, со своими членами. Коллективная отвітственность цілой группы и лучше обезпечивала неправное отбываніе всякаго рода повинностей, наложенных на врестьянство, и избавляла въдающія этими повинностями административныя учрежденія отъ большой и не всегда для нихъ посильной работы. Эта работа передагалась на крестьянскій міръ и его выборныя учрежденія. Съ другой стороны, эти учрежденія облекались и властью, необходимою для выполненія фискальных обязанностей, на нихъ воздоженныхъ.

Таковы были основныя начала общественных врестьянских порядковъ, созданныхъ «Положеніемъ» 19 февраля. Многое въ нихъ носило временный и переходный характеръ. Окончательную форму должно было дать имъ дальныйшее развитіе нашей общественной и государственной жизни въ пореформенный періодъ.

٧.

Ръзкія различія между высшими, «привилегированными» и низшемъ «податнымъ» сословіями, существовавшія въ ту эпоху, когда создавалось «Положеніе» 19 февраля и отразившіяся и въ постановленіяхь этого законодательнаго акта — были въ извъстной мъръ сглажены последующимъ законодательствомъ. Положение о всеобщей воинской повинности уничтожило разницу между лицами обязанными и необязанными рекругскою повинностью. Личная подушная подать отмінена была сначала для непривилегированныхъ группъ городскихъ обывателей, а затемъ, въ восьмидесятыхъ годахъ — и для врестьянъ (вроив несколькихъ окраинныхъ мъстностей). Еще ранъе, законъ 17 апръля 1863 г. изгналъ изъ уголовнаго уложенія плети и розги, какъ особые виды уголовныхъ дарь для сословій, «неизъятых» оть телесныхь наказаній»; остатки телесных наказаній сохранились для вобхъ «не изъятыхъ» оть нихъ категорій диць только въ форм'в наложенія оковь и бритья половины головы (для арестантовъ, лишенныхъ всёхъ правъ со-CTORHIA).

Но не смотря на эти и многія другія узаконенія, направленныя къ смягченію сословной неравноправности между различными категоріями россійских обывателей, неравноправность эта далеко не исчезла и поныні. Въ особенности это слідуєть сказать о правовомъ положенім крестьянскаго сословія.

И после отмены лечных податей крестьянство представляеть собою сословіе податное, такъ сказать, по преимуществу. Фискальная точка врвнія до свят порт еще заметно господствуеть въ ваконодательных определениях, относящихся къ крестьянскому быту. Отсюда усиленныя заботы объ обезпеченій исправнаго отбыванія наложеннаго на врестьянство податного тигла. Отсюда-же н многообразныя ограниченія въ праві свободнаго распоряженія своем личностью и своимь имуществомь, существующія исключательно для крестьянства. Возлагая на сельскія общества круговую ответственность за податную исправность ихъ членовъ, ваконъ вийсти съ тимъ вооружнять ихъ и особыми правами для достиженія такой исправности. Сельскому сходу предоставляется не только распределение между членами общества всехъ податей и повинностей, — а въ обществахъ съ мірскить пользованісиъ землею и земельныхъ наделовъ, --- но и право надвора и вибшательства въ хозяйственную и личную жизнь крестьянина, если оть оказывающихся въ ней «непорядковъ» можеть пострадать исправное отбываніе податного тягла. И въ прав' свободнаго передвиженія, и въ правъ выбора мъстожительства и оставленія того общества, къ которому они приписаны, крестьяне подчинены извъстнымъ ограниченіямь, вытека ющимь изь ихь податныхь обязанностей и отвітственности общества за выполнение этихъ обязанностей.

По отношению къ неисправнымъ плательщикамъ законъ допускаеть очень суровыя міры. Взысканіе можеть быть обращено не только на имущество недоимщика, движимое и медвижемое (причемъ не можетъ быть отобрана только выкупленная врестьяниномъ усадьба), но и на его личность. Сельское общество можеть «отдать самого недонищека, наи кого-либо изъ чденовь его семейства въ сторонніе заработки вь томъ же увадь наи въ сосъдственномъ увадь, съ условіемъ-выработанныя деньги обратить въ мірскую кассу». Такіе неисправные плательщики, «кои не платить повинностей по упорству, нерадьнію или распутству» могуть отсылаться въ заработки даже въ другія губернів. Сельскій сходъ можеть «опреділить въ недонищику опекуна, безъ разрашения котораго не дозволяется неисправному ховянну отчуждать что жибо оть его имущества или доходовъ до пополненія недоники»; онъ можеть также «вийсто неисправнаго ховянна назначить старишим во домъ другого члена той же семьнэ (ст. 188 общ. полож.).

Право вившательства общества въ семейную жизнь своихъ сочленовъ не ограничивается только такими случаями, когда податная в хозяйственная ихъ неисправность уже обнаружилась, въ видъ накопленія недоники. Это вившательство можеть имёть накок

м нредупрежденіе такой неисправности. Сельскій сходъ можеть **МРИНУДИТЬ ЖЕТЬ ВИЙСТЙ И СОООЩА ВЕСТИ СВОЕ ХОЗЯЙСТВО ЧЛЕНОВЪ** семьи, желающихъ раздълиться между собою. Ст. 51 общ. полож. о кр. выш. изъ кръп. зависим. (п. 5-й) къ числу предметовъ въдънія сельскаго схода относить и «разрішеніе семейных» разді-ловь». Такую регламентацію семейныхь крестьянскихь отношеній ивоволько трудно согласить съ разъяснениемъ 21 ст. «Положения» о томъ, что «на крестьянъ, вышедшихъ изъ крепостной зависимости, распространены общія постановленія законовъ гражданскихъ о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ». Можно было думать, повтому, что сказанное существенное изъятіе изъ этихъ общихъ ностановленій вибеть характерь только временной, переходной міры. На самомъ ділі, однако, позднійшимъ законодательствомъ оно было подтверждено и развито еще далъе. Въ 1886 г. (18 марта) изданы были особыя «правила о порядки разрышенія семейныхъ раздъювъ въ сельскихъ обществахъ, въ которыхъ существуеть общиное пользование мірскою полевою землею»,—им'явшіе цілью ограничить право сельских сходовь на разрішеніе семейных разділовъ. Эти правила ставять необходимымь условіемъ для такого разръшенія согласіе на разділь со стороны родителя или старшаго члена семьи, желающей раздалиться. Только въ случавать, когда поводомъ въ раздалу «служать расточительность или безиравственное поведение домохозянна»—сходъ можеть входить въ обсуждение по существу заявлений о раздълахъ и при отсутствін упоманутаго согласія большака семьи (ст. 2). При разсмотренін заявленій о раздёлахъ, сходъ обязанъ выяснить: «1) существуєть ли основательный поводъ къ раздёленію семьи; 2) способны ли образующіяся семейства къ самостоятельному веденію хозяйства; 3) достаточны ли принадлежащіе имъ усадебные участки для устройства на нихъ усадьбъ съ соблюденіемъ требованій строительнаго устава, а въ случай ненивнія такихъ участковъ—представляется ли возможнымъ отвести ихъ изъ мірской усадебной земли и 4) будеть ли, въслучав допущенія надыла, обезпечено исправное поступление числящихся на семьй недоимокъ н текущихъ окладовъ по податямъ, повинностямъ и другимъ казеннымъ взысканіямъ» (ст. 3). При отсутствін одного изъ этихъ условій, сходъ долженъ отказать въ дозволеніи разділа (ст. 4). Дия постановленія приговора о разрівшеній разділа необходимо большинство 2/3 голосовъ всехъ крестьянъ, имъющихъ право учаотвовать на сходъ (ст. 7) Постановленія по дъламь о разділахъ, вакъ и все вообще постановленія сельских сходовъ, въ общемъ правиль, окончательны; обжалование ихъ по существу допрокается только въ такихъ случаяхъ, когда дъло идеть о раздълахъ помимо согласія родителя или помимо согласія старшаго члена семьи; причемъ въ первомъ случав (въ далахъ детей съ родителями) можеть жаловаться только родитель при постановлении приговора, несоотвътственнаго его желанію, а во второмъ—при столеновеніи между старшимъ и остальными членами семьи — объ заинтересованных стороны.

Какъ показывають свёдёнія, собранныя кознёственнымъ денартаментомъ министерства внутреннихъ дълъ и опубликованныя въ изданномъ въ прошломъ году «Сводъ заключеній губериских» совъщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законодательства о врестыянахъ», -- суровая регламентація закона 18 марта 1886 г. не въ силахъ была остановить того процесса распаденія патріархальных семей стараго времени, который составляеть всеобщее в постоянное явленіе въ пореформенную эпоху. Рядомъ съ сокращеніемъ числа разділовъ, разрішенныхъ сходомъ, въ містностяхъ, на которыя распространено действіе закона 1886 г., прогрессивно умножились такъ называемые «самовольные раздалы». Но если такимъ образомъ оказанась недостигнутою та цель, которая преследовалась при изданіи закона о семейныхъ разділахъ, это не значить еще, чтобы тв ствененія, которыя имъ налагаются, оказывались оть этого менёе ощутительными или менёе тяжелыми. «Правила» 1886 г. рёзко выдвигали впередъ и подчеркивали взглядъ на крестьянскую семью, какъ на единицу по преимуществу таглую. Добрая воля членовъ семьи, ихъ взаимныя симпатіи и склонностивсе это отодвигалось при рашеніи семейных вопросовъ на задній планъ предъ соображеніями фискальными и хозяйственными. Сельскіе сходы, следуя букве закона 1886 г., должны были удерживать крестьянскія семьи въ принудительномъ сожитін, же взирая на нежеланіе ихъ членовъ продолжать это сожитіе и на существованіе вполив законныхъ мотивовъ для этого нежеланія, -- разъ при раздвленіи семьи оказывалось не обезпеченнымъ «исправное поступленіе чеслящихся на семьй недоимокъ и текущихъ окладовъ» податей в повинностей. Даже явная и доказанная порочность главы семьи, сама по себё,безъ наличности остальныхъ, установленныхъ закономъ условій для разрашенія раздала, не могла служить рашающимъ обстоятельствомъ для разделенія семьн. И въ такиль случаяхъ сходъ могь обязать семью прододжать иравственно для нея мевозможное сожите и совыестное хозяйничанье. Опыть показаль, чтоосуществить такое принуждение въ дъйствительности гораздо трудные, чыть постановить соотвытотвенное рышение. Но уже одно созданіе, въ результать попытокъ примъненія закона 1886 года, целой новой категоріи вивлегальных крестьянских семейныхъ единицъ-«самовольно» раздълившихся семей-не могло не внести новаго и очень крупнаго замещательства во внутренныя отношенія крестьянскаго міра, и безъ того полныя всякими замішательствами *).

^{*)} Одною наъ многочисленныхъ иллюстрацій того неудобнаго положенія, въ которое попадають нередко семьи, существованіе которыхъ не

Неравноправность крестьянъ съ остальными сословіями остается до сихъ поръ и въ области суда.

«Положеніе» 19 февраля не признало возможнымъ подчинить крестьянскія частно-правовыя отношенія всецью юрисдикцій общаго суда. На это были двойныя причины. Во 1-хъ, дореформенный судъ самъ доживалъ въ то время последніе дни, во 2-хъ, обычныя правовыя нормы, господствовавшія въ крестьянской жизни, слишкомъ резко отличались во многихъ случалуъ отъ постановленій песаннаго закона. Хранителемъ этого неписаннаго обычнаго права «Положеніе» 19 февраля и сдёлало вновь образованный врестьянскій волостной судь, назначаємый, по выбору, волостнымь сходомь каждой волости. Волостному суду предоставлено было ръшать окончательно всё дёла по искамъ и тяжбамъ собственно между крестьянами на сумму до 100 р.; споры, превышающіе эту сумму, подлежали разсмотренію волостного суда только при добровольномъ на то согласін тяжущихся сторонъ. Юрисдикція волостныхъ судовъ распространялась не только на гражданскіе споры, но на ніжоторыя категорін діль уголовныхъ. Преділы подсудности здісь были опредвлены очень эластично. Ст. 101 общ. полож. подчиняла въдъмію волостного суда дёла о «маловажных» проступкахъ крестьянъ, совершонныхъ «въ пределахъ волости, противъ липъ принадлежащихъ къ тому же состоянию и безъ участия лицъ другихъ состояній». Болье точнаго указавія о томъ, какіе именно виды нарушенія полжны считаться «маловажными проступками» законъ не пълаль. Каждый волостной судь могь толковать это по своему и такимъ образомъ въ значительной мере самъ определяль границы своей подсудности.

Производство въ волостныхъ судахъ изъято было отъ всякихъ обязательныхъ формальностей. Судьи руководствовались совёстью и «народнымъ обычаемъ». Всё рёшенія и приговоры волостного суда привнавались окончательными. По первоначальнымъ опредёленіямъ «По-

дегализировано соответствующимъ разрешениемъ сельскаго схода, можеть служеть, между прочемъ, следующій случай, недавно разсказанный провинивальною прессой. Въ Нижегородской губ. есть большое село Доскино. Село это выгорело и после пожара должно было перестроиваться вновь, «по плану»; домохозлевамъ пришлось брать жеребья на новыя усадебныя мвета. При этомъ и возвикъ вопросъ о семьяхъ, существующихъ de facto, но нгнорируемыхъ de jure, какъ самовольно отделившіяся. Земскій начальнивъ заявилъ, что на самовольно раздулившіяся семьн-по смыслу инструкцін, изданной въ развитіе закона 1886 г., - должно отводиться по одному жеребью, хотя бы ранте того онв и жили порознь, двумя домами. Такъ крестьяне и поступнии, хотя вситдствие этого пришлось сгонять вивств давно уже разошедшихся членовь бывшихъ семей. Выполнялось это съ такимъ усердіемъ, что даже и такія семьи, которыя подвінлись «самовольно» много ранбе изданія самаго закона 1886 г., не избіжали общей участи. Жалобы потеривашихъ проходили чрезъ всв инстанціи жестнаго крестьянскаго управленія, но остались безрезультатными (см. "Нижегородскій Листокъ", 1898, № 291).

ноженія» 19 февраля на нихъ вовсе не допускались жалоби ни въкакомъ порядкі. Только 5 літь спустя правило это подвергнуто было нівоторому ограниченію и, по закону 14 февр. 1866 г., разрішено было приносить просьбы объ отмінів незаконныхъ рішеній волостныхъ судовъ въ містный съйздъ мировыхъ посредниковъ, который, однако, при разсмотрініи этихъ жалобъ долженъ быль ограничеваться лишь разрішеніемъ вопроса о томъ, не нарушены ли волостнымъ судомъ преділы предоставленной ему власти и не постановлено ли по ділу рішеніе безъ вызова участвующихъ въ ділів лицъ. Самое существо рішенія ни въ какомъ случай не подлежало пересмотру.

Для волостного суда были какъ бы совствъ необязательны опредъденія закона ни съ формальной, ни съ матеріальной ихъ стороны, т. е. ни по отношению въ самой судебной процедуръ, ни по отношению къ существу постановаяемыхъ рашеній. Внутренняя, не писанная правда народной жизни, которая воплощалась въ народномъ обычав, должна была обезпечивать правосудіе. Но, каково бы ни было значеніе обычныхъ нормъ при старомъ дореформенномъ укладе народной жезни, оно не могло сохраниться въ той же силь и при совершенно иномъ строй отношеній, въ который вступнав соціальная жизнь страны. «Народный обычай», не оформленный, не им'вюшій за собою иной санкцін, кром'в общаго признанія, являлся очень мало пригоднымъ регуляторомъ въ ту эноху, когда шла ломка старыхъ патріархальныхъ устоевъ крестьянской живин, когда совершанся процессъ разслоенія крестьянскаго міра и образованія новыхъ формацій въ жизни деревни. Связанное тысячью нитей съ общимъ хозяйственнымъ оборотомъ страны, крестьянство нуждалось н въ общихъ со вовин группами населенія гарантіяхъ закона *).

Поздиващее законодательство о крестьянахъ не устранию придической обособленности крестьянства отъ другихъ сосмовій. «Временныя правила о волостномъ судь въ местностяхъ, въ которыхъ введено положение о земскихъ начальникахъ 12 июня 1889 г. значительно расширивъ компетенцію волостного суда и въ гражданской, и въ уголовной сферь, не приблизили его къ типу учрежденій, дійствующих по закону. Правила эти дали сторонамъ право обжалованія по существу рішеній волостного суда, но аппеляпіонною инстанцією поставлень быль не общій судь, а административное учрежденіе — уведный съедь земских начальниковъ. Главною, существенною чертою изменений, внесенныхъ въ крестынскіе судебные порядки «Временными правидами», являлось усиленіе административного вліянія на крестьянскую юстицію со стороны вемскихъ начальниковъ и убедныхъ събедовъ этихъ начальниковъ. Крестьянскій судь по прежнему остался отрозненнымь оть общей судебной организаціи; только теперь къ обычнымъ нормамъ, замъ-

^{*) «}Р. Б., 1897. № 3, Хроннка внутр. жизни, 189.

жившимъ въ крестьянскомъ правосудіи опреділенія формальнаго закона, присоединилось еще, въ качестві регулирующаго начала, задминистративное усмотрініе органовъ спеціальнаго надвора надъ крестьянскими учрежденіями.

Въ связи съ особымъ судомъ для крестьянъ существують ж особые виды наказаній. Крестьянское сословіе до сихъ поръ еще не изъято оть милесинав наказаній, налагаемых по суду, за «маловажные проступки». Въ въотницъ тъхъ вамованій, которыя могуть быть опредвинемы волостными судами, значится наказаніе розгами, до 20 ударовъ. Въ первоначальныхъ постановленіяхъ о волоотномъ суде (применяемыхъ и ныив въ местностяхъ, где не введено въ дъйствіе положеніе о земскихъ начальникахъ) не заключалось при этомъ почти никакихъ указаній о томъ, за какіе именно меть «маловажных» проступков» могло определяться это наказаніе. Назначеніе міры наказанія за каждый проступокъ предоставлялось усмотрівнію самого суда. Въ законі сділана была только общая -ссыяка о томъ, что «до изданія общаго сельскаго устава» волестиме судьи должны примъняться къ правиламъ, установленнымъ сельскимъ уставомъ для госуд. крестьянъ. Но руководство этимъ уставомъ «въ точности» не было обязательно для волостныхъ судовъ, а отсутствіе права обжалованія постановляемыхъ этими судами приговоровъ дълало довольно призрачнымъ значеніе всяких регулирующих на двятельность указаній. «Временныя правила» 1889 года вводять въ некоторыя рамки право примъненія телеснаго наказанія волостными судами, оставжия, однако, для него еще очень широкое поле. Въ «Правилахъ» помещенъ дливный перечень случаевъ, въ которыхъ водостными судами можеть быть назначено наказаніе розгами.

Мы вотрачаемъ здась и преступленія, такъ сказать, спеціально врестьянскія, каковы, напр., «мотовство и пьянотво, разстранваюзијя ховяйство» (по отношению во вобиъ остальнымъ обывателямъ ваконъ-ст. 153 уст. о пред. и прес. преступл. - ограничивается лаконическимъ предписаніемъ: «запрещается воёмъ и каждому пьянство», -- обчение розгами пьянствующихъ или расточительныхъ отцовъ семей составляеть privillegium odiosum одного креотьянства, и нарушенія гражданских договоровь о наймі на сельскія работы, и цілый рядь проступковь общаго характера, предусмотрънныхъ уставомъ о наказ., налаг. мировыми судьями, за которые, въ большинства случаевъ по уставу этому назначаются для обыкновенных обывателей — довольно легкія относительно взысканія. Наконець, къ телеснымъ наказаніямъ за всякіе проступки могуть приговариваться рецидивисты, уже подвергавшеся аресту, и лица, совершившия изсколько проступковъ, каждый изъ которыхъ карается по закону взысканіемъ не ниже ареста. Въ общемъ кругъ таких случевъ, въ которыхъ волостимиъ судомъ разрашено приманеніе телеснаго наказанія, намечень «временными правилами» такъ нироко, что постановленія этих правиль въ данномъ отношеніне только весьма условно могуть быть названы ограничительными. Съдругой стороны, подчиненіе юрисдикцін преобразованныхъ волостныхъ судовт, кром'в крестьянъ, также и им'вющихъ постоянное жительство въ селеніяхъ м'ящанъ, посадскихъ, ремесленниковъ и цеховыхъ, неизб'яжно распространняю область прим'яненія розгиеще на н'ісколько категорій обывателей, по отношенію къ которымъ эта карательная м'яра не практиковалась со времени отм'яны, въ-

Мы ограничимся приведенными фактическими данными. Понагаемъ, ихъ совершенно достаточно, чтобы видёть, что и законодательство, сиёдовавшее за «Положеніемъ» 19 февраля, далеконе устранило того рёзкаго правоваго неравенства между крестьянствомъ и остальными сословіями, какое существовало въ моментьэмансипаціи. И понынё несомнённо крестьяне все еще являются незшимъ изъ тёхъ четырехъ «главныхъ родовъ людей», на которые дёлятся всё русскіе обыватели. Посмотримъ теперь, какуюэволюцію испытали въ пореформенный періодъ порядки общественнаго крестьянскаго устройства *).

VI.

«Положеніе» 19 февраля предоставляло, какъ мы уже видъли,. нирокую автономію престыянскимь общественнымь учрежденіямь въ завъдываніи общественными крестьянскими дълами. Но кромъэтихъ дель, на крестьянскія учрежденія возложены были и некоторыя обязанности по общему управленію, главнымъ образомъ фискальныя и польцейскія. Волостнымъ старшинамъ и сельскимъ старостамъ законъвивняль въ обязанность «исполнять безпрекословно всв ваконныя требованія мирового посредника, судебнаго слідователя, містной полиція вовхъ установленныхъ властей, по предметамъ ихъ ввломотва> (ст. 85 общ. полож.). Эти полицейскія обязанности выборныхъ ломжностныхъ мецъ крестьянскаго общественнаго управления неизбъжно ставили ихъ въ зависимость отъ мъстной алминистрания зависимость постоянно возроставшую, по мере того какъ расширились служебныя функців волостного управленія, какъ низшей административной инстанціи встять ведомствъ. Мало по малу его служебное тягло почти совствъ заслонило и затердо первоначальный характеръ сельскихъ и волостныхъ учрежденій, какъ органовъ крестьянскаго общественнаго самоуправленія по преимуществу. Но в въ этомъ своемъ последнемъ качестве крестьянскія общественныя учрежденія не были оставлены безъ надзора, порученнаго особыть правительственнымъ органомъ, по отношению къ которымъ вы-

^{*)} Подробиве объ этомъ см. "Р. Б.", 1897, № 3, Хроника внутренней: жизни ("Пересмотръ положенія о крестьянахъ"), стр. 180 и см.

•борныя врестьянскія власти, — полновластныя внутри крестьянскаго шіра, стояли въ положеніи подчиненномъ и зависимомъ. Эта завиоммость съ теченіемъ времени не уменьшалась, а возростала. Последняя реформа 12 іюня 1889 г. подчинила контролю органовъсословно-административнаго надзора не только деятельность крестьянскихъ должностныхъ лицъ, но и всё постановленія крестьянокихъ сходовъ и рёшенія крестьянскихъ судовъ.

Постепенное наростаніе подчиненности врестьянскаго общественнаго управленія шло такимъ образомъ двумя путями—непосредственнымъ усиленіемъ власти органовъ спеціальнаго надзора надъэтимъ управленіемъ и путемъ усиленія служебныхъ обязанностей врестьянскихъ учрежденій, ставящихъ ихъ въ зависимость отъ мъстной полиціи и администраціи.

Въ первые годы посяв изданія «Положенія» 19 февраля непосредственный надворь за двятельностью крестьянскихъ общественныхъ учрежденій принадлежаль мировымъ посредникамъ, ченовникамъ, назначаемымъ губернаторомъ изъ местныхъ дворянъ номъщиковъ. Мировые посредники облечены были дискрепіонною властью подвергать должностных виць сельскаго и общественнаго управленія взысканіямъ, въ форм'я зам'ячаній, выговоровъ, денежныхъ штрафовъ до 50 руб. или аресту до 7 дней. Эта дисщиндинарная власть составляла въ ихъ рукахъ сильное оружіе для воздійствія на крестьянскія выборныя установленія. штрафовать по усмотранію крестьянь, не состоя-Правомъ щихъ должностными лицами, мировые посредники не пользовались, но это право принадлежало подчиненнымъ имъ сельскимъ н волостнымъ начальствамъ. Ст. 64 общ. полож. предоставляла сельскому староств право «за маловажные проступки, совершенные лецами, ему подведомственными, подвергать виновныхъ: назначению на общественныя работы до 2 дней, или денежному, въ пользу ивстныхъ суммъ, взысканію до 1 рубля или аресту не долве 2 дней». Такое же право, по отношенію ко возмъ крестьянамъ волости, принадлежало волостному старшинь.

Въ 1874 году институть мировыхъ посредниковъ былъ управднень. Надворъ надъ крестьянскимъ управленіямъ перешелъ въ руки коллегіальныхъ крестьянскихъ присутствій, образованныхъ въ каждомъ увздв, подъ предобдательствомъ увзднаго предводителя дворянства, въ составъ непремъннаго члена, увзднаго исправника, предсёдателя увздной земской управы и одного изъ мировыхъ судей. Изъ числа членовъ увздныхъ присутствій особою властью облечены были увздные исправники. Къ нимъ перешло право налагать дисциплинарныя взысканія на волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ, въ томъ же размърв, въ какомъ оно принадлежало прежде мировымъ посредникамъ, за нарушеніе этими должностными лицами обязанностей своихъ «по дёламъ, подвёдомыхъ увздному исправнику», т. е. податнымъ и полицейскимъ. Періодъ дъйствія

положенія объ увадномъ и губерискомъ крестьянскомъ учре жденіяхъ 1874 г. является періодомъ преничшественнаго успленія фискальных обязанностей крестьянского общественного управления н решительного подчиненія этого управленія полицейскимь властямь...

Какъ широко воспользованись убядные исправники предоставленною имъ дисциплинарною властью, можно судить отчасти последующимъ, взятымъ нами на выдержку даннымъ, основаннымъ на оффиціальных в матеріалахь. «Въ Симби, ской губернін, —читаємъмы въ изследованін г. Бржеского «Недонмочность и круговая порука сельскихъ обществъ» *)-числится 151 волостныхъ старшинъ и 2.239 сельскихъ старость; въ 1894 году число административныхъ взысканій достигаеть въ отношеніе старшинь 281 и въ отношенів старость 970.» По показанію вятскаго губернскаго совіщанія, поміщенному въ «Сводъ заключеній губ. совъщаній по вопросамъ, относящ. Въ пересмотру законод. О крестьянахъ», изданномъ земскимъотделомъ м. в. д. (подъ № 655)—«во многихъ волостяхъ, особенно бъдныхъ и недоимочныхъ, старшина почти не выходетъ изъ подъ вреств». «Озабоченные исключительно безнедонмочнымъ сбо-ромъ повинностей,--говорить пермское сов'ящание **),--чины полицін, упуская изъ виду другія, не менье важныя обяванности, возложенныя на старшинъ и старостъ, требовали, чтобы они сосредоточивали все свое вниманіе на возможно быстромъ сбор'в повинностей». Старшины и старосты отправлялись подъ аресть палыми десятками. «Въежесторыхъ мъстностяхъ существоваль даже такой порядокъ, что, находя уснаія должностныхь миць по взысканію податей недостаточно энергичными, становые пристава при рапорть отправили волостных старшинъ въ полицейское управленіе, не дожидалсь распоряженія исправника. Бывали даже случан отправки волостныхь старшинь подъ аресть, въ городь, этапнымь порядкомь».

Это односторовнее усиленіе полицейскаго и фискальнаго элемента въ строй крестьянскаго управленія не могло не отразиться: на общемъ карактера двятельности общественныхъ крестьянскихъ. уч режденій и на уровий правственных качествъ ихъ личнагосостава. «Изъ органовъ, поставленныхъ на стражъ интересовъврестьянскаго самоуправленія, сельскія власти обратились въ зависимыхь оть полицін взыскателей податей, энергія которыхь находится въ прямой зависимости отъ воздъйствія полицейскаго начальства> ***).

Въ зависимости отъ понизавшагося уровня крестъянскихъ должностныхъ лицъ, ръзво выступили наружу разныя темныя стороны врестья всеой общественной жизни, настоятельно выдвинувшія впередъ вопросъ о необходимости преобразованія врестьянскаго управ-RIHOL.

^{*)} CTp. 249.

^{**)} См. тамъ-же № 672. ***) Бржескій, Недонмочность и кругов. порука сел. обществъ, Спб.

Преобразование это осуществилось въ концв восьмидесятыхъ годовъ. Измененія, внесенныя имъ въ строй крестьянской общеотвенной жизни, шли въ направленіи усиленія опеки надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ и ограниченія его самостоятельности. При этомъ такая опека получала сословный характеръ. «Главное ядро реформы 1889 г. составляло созданіе на містахъ сильной власти, вооруженной широкими полномочіями по отношенію къ надвору за крестьянскими общественными учрежденіями и за всёмъ ходомъ врестьянской общественной жизни. Этою властью явились земскіе начальники. Съ учрежденіемъ земскихъ начальниковъ возстановлено было начало единомичного надвора, который совивщали въ собъ мировые посредники, но только полномочіл земских вичальниковъ гораздо обширнъе: это органы не надзора только, но и непосредотвенной опеки надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ, остающимся таковымъ только по названію, а не по сущности діла, уже соверменно исчезнувшей» *).

На земскаго начальника законъ воздагаетъ «попеченіе о хозяйственномъ благоустройстве и нравственномъ преуспанніи крестьянъ ввареннаго ему участка». Всё приговоры волостныхъ и сельскихъ сходовъ обязательно проходять чрезъ контроль земскаго начальника; земскій начальникъ можетъ пріостановить исполненіе всякаго приговора и представить его со своимъ заключеніемъ въ убядный съёздъ. Посябдній облеченъ правомъ отмінить такой приговоръ, который «постановисть не согласно съ законами, либо клонится къ явному ущербу сельскаго общества, либо нарушаетъ законныя права отдільныхъ его членовъ или причисленныхъ къ волости лицъ»,—тогда какъ бывшіе мировые посредники и замінившія ихъ учрежденія были блюстителями только формальной правильности общественныхъ приговоровъ.

Вийсть съ административными функціями земскій начальникъ совм'ящаеть и судебныя. Чрезъ четверть в'яка послі изданія сущебныхъ уставовъ 1864 г., въ незшей первой инстанціи общаго суда снова возотановляется такимъ образомъ то соединеніе административной и судебной власти, которое составляло общее правило въ дореформенную эпоху и устраненіе котораго являлось однимъ изъ основныхъ положеній судебной реформы. Спеціально по отноменіи къ крестьянству судебная власть земскаго начальника проявляется какъ непосредственно, такъ и чрезъ волостной судъ, который поставленъ правилами 12 іюня 1889 года въ полную отъ него зависимость.

Земскій начальникъ пользуются широкою властью наложенія взысканій и вив суда, въ административномъ порядкв. Онъ можетъ подвергать должностныхъ ляцъ крестьянскаго общественнаго управленія замічаніямъ и выговорамъ, денежному

^{*) &}quot;Русс в. Бог"., 1897, M 3, Хрон. внутр. жизни, 194

штрафу до 50 р. или аресту до 7 дней; помимо этого земскому начальнику предоставляется временно отстранять всёхъ означенныхъ должностныхъ лицъ (въ томъ числё и волостныхъ судей) отъ должностей и входить съ представленіями въ уёздный съёздъ о совершенномъ увольненіи ихъ отъ службы или о преданіи ихъ суду. Земскій начальникъ можетъ собственною властью, «безъ всякаго формальнаго производства», подвергать каждаго крестьянина или другого обывателя своего участка, подвёдомственнаго крестьянскому общественному управленію, аресту на время не свыше 3 дней или денежному взысканію не свыше 6 р., за не исполненію законныхъ распоряженій или требованій земскаго начальника. Постановленія этого рода считаются окончательными и приводятся въ исполненіе немедленно.

Дисципленарная власть, предоставленная земскому начальнику, не отменила и не сузила такой же власти убздныхъ исправниковъ.

Такимъ образомъ надъ сельскимъ обывателемъ стоитъ цълая лъстница начальствъ, большихъ и малыхъ, вооруженныхъ дискреціонною властью карать и миловать его по усмотренію. Крестьянинъ находится въ полной зависимости отъ сельскаго схода, власть котораго простирается, какъ мы видёли, на самыя интимныя стороны его жизни. Его могутъ дискреціонно штрафовать, отсылать на общественныя работы или сажать въ холодную сельскій староста и волостной старшина, -- въ свою очередь подчиненные такой же дискреціонной власти земскихъ начальниковъ и увздныхъ исправниковъ; фактически власть исправника распространяется и далее круга должностимкъ лицъ, такъ какъ всегда возможно, пригрозивъ арестомъ или штрафомъ волостному старшинъ или старостъ, заставить ихъ наложить соответственное взыскание и на подведомственнаго имъ престыянина. Земскій начальникъ, какъ мы виділи, можеть и самъ, непосредственно, подвергать такимъ взысканіямъ вськъ непривилегированныхъ обывателей своего участка. Наконецъ, каждый рядовой крестьянинъ,---не [принадлежащій къ тімъ относительно немногочисленнымъ категоріямъ сельскихъ обывателей, которыя законь избавляеть оть телесных в наказаній, -- можеть быть за самый незначительный проступовъ подвергнуть порвы волостнымъ судомъ, осли надъ нимъ не смилуется вомскій начальникъ н не воспользуется предоставленнымъ ему правомъ замънить розги другимъ видомъ наказанія.

Подведемъ итоги.

Мы видым въ первой части нашей статьи насколько велико было то тигло, которое наложилъ на крестьянство ходъ экономической эволюціи дореформеннаго періода. Это тигло прибавляло крупную величину къ пассису крестьянскаго хозяйства.

Новые порядки раскрвпощенной общественной живни должни были соответственно поднять актиез этого хозяйства.

Данныя, огруппированныя нами выше, показывають, въ какомъ чоложении находятся нѣкоторые наиболѣе крупные элементы этогоактива.

Разъ пассивъ счетовъ не покрывается активомъ, *балансъ* невзбъжно долженъ оказываться не благопріятнымъ.

Визшнить проявленіемъ этого нарушеннаго баланса врестьянской пореформенней жизни и служать тё хроническія голодовки,— бросить изкоторый світь на происхожденіе которыхъ составляю задачу нашихъ замітокъ.

Н. Анненскій.

Новая біографія Парнелля.

Ī.

Вовможны ин «герои» въ наше время? Я понимаю туть не людей, способныхъ пожертвовать всимь, включая жизнь, за други «ВОЯ, НО «Героевъ», какъ ихъ понимали авторы трагедій, т. е. людей, одушевленных одною какою либо страстью, являющеюся моторомъ всей ихъ жизни; людей, прямо идущихъ къ намъченной цели, не счителсь решительно съ темъ, что стоитъ по дорогь; людей, для которыхъ условія современнаго общества, сковывающія обыкновенных смертныхь, повидимому, существують. Героя классическихь трагедій порой ненавидять окружающіе; но все же следують за нимъ, потому что есть что-то неотразнио-обаятельное для людей слабыхъ въ этой жельзной воль, Въ отсутствіи рефлексіи, въ презрініи къ тому, что скажуть другіе, въ глубовой върв въ самого себя. Прочитавъ внимательно объемистый трудь, который въ настоящее время составляеть тему дня въ Англін, а еще больше въ Ирландін, им придемъ къ заключенію, что герон классическихъ трагедій возможны въ наше время. Трудъ, о которомъ я говорю, — двухтомная біографія Чарльза Стюарта Париелля, написанная Барри О'Бріеномъ. «Парнелль былъ самый замъчательный изъ вобхъ людей, которыхъ я когда либо встръчаль,-писаль Гладстонь;-я не говорю наиболее умственно одаренный, но наиболье замьчательный и интересный. Онъ быль феноменъ своего рода. Онъ не походиль ни на кого изъ встраченныхъ мною. Парнедль говориль и поступаль не какъ всё» *). Въ

^{*)} Barry O'Brien, The Life of Charles Stewart Parnell, v. II, p. 357.

самой вившности его было что-то обантельное для толпы: «Когда Париелль поднялся на платформу, —пишеть Horgan, —слушатели привътствовале его оглушительными рукоплесканіями. Апплодисменты повторились еще и еще. Стоя на платформъ, онъ казался королемъ: онъ быль такъ красивъ, такъ величественъ; такъ удивительно владъль собой, что народъ стояль, какъ очарованный». Не тольковообще среди современныхъ политическихъ деятелей, но даже въ самой ириандской партін были люди гораздо болье умственно одаренные, болье краснорычивые, оригинальные, болье знающе и не менъе преданные дълу, чъмъ Парнедль; но именео онъ явился «невънчаннымъ королемъ Ирландін», за нимъ последовала вся нація; ему удалось дисциплинировать партію, состоявшую на подовину изъ людей, ненавидъвшихъ его. «Абсолютное послушаніе. въ которомъ онъ держалъ партію, строгая воениая дисциплинавсе это было что-то невъроятное, писаль Гладстонь. Подъ его главенствомъ партія была всегда объединена, всегда готова къ бою, некогда не избёгала сраженія и почти всегда побёждала». Какъ герой влассической трагедіи, Парнедль испыталь вою сладость чрезмерной власти и всю горечь паденія. Его ненавидёла министерская партія и, въ то же время, искала союза съ нимъ. Вицекороль и министръ премьеръ вначаль искали повода, чтобы отправить его, по меньшей мере, въ каторжныя работы, потомъ заискивали предъ нимъ и приглашали въ союзники. Какъ въ жизни классическаго героя, женщина играла въ дъятельности Париелля роковую роль. Плутархъ говорить, что ненависть къ римлянамъ была главнымъ стимуломъ, побуждавшимъ Анибала убъждать Кароагенъ послать полки противъ Рима. Главнымъ моторомъ Парнелая была ненависть въ англичанамъ, ненависть, вакъ увидимъ, наслъдственная. «Париелль ненавидьть Англію и все англійское; ему противна была самая форма англійскаго мышленія» (Чарлызь Дилвъ) «Париелль ненавидель Англію еще раньше, чемь быль избранъ въ палату общинъ. Парламентская опытность сделала эту ненависть еще болье интенсивной. Онъ думаль, что положение ирландскихъ депугатовъ до крайности унивительно; они вымаливали милости у англичанъ, ждали, пока ихъ господа будуть въ корошемъ расположенін духа. Англійскіе министры вели себя такъ, какъ будто бы оне принадлежали къ обиженной націи; какъ будто бы они проявляль необыкновенное великодушіе, терпя ирландцевъ въ своей средь. Это пренебрежение мучило Парнелля. Не въ его натуръ было подходить въ кому бы то ни было съ понуренной головой. И онъ рвшиль вырвать силой уступки у Англіи, унизивь ее при этомъ. Ему нужно было не только удовлетвореніе, но также и ищеніе» *). Ненависть въ англичанамъ была передана ему по наследотву и усилена теми картинами страданія Ирландін, которыя онъ видыть

^{*)} The Life of Parnell, p. 98, v. L.

вокругь наследотвеннаго замка Авондейль, близь Дублина. Подобно Улфу Тону, Финджеральду, О'Конеллю, О'Коннору, Батту и многимъ другимъ ирландскимъ дъятелямъ, — Парнелль принадлежалъ въ богатой семь в ирландеких вристократовъ. Меньше всего Парнелль, ненавидівшій англичань, походиль на нрландцевь. О посліднихь говорять: It takes two irishmen to make a row, three to make a revolt, and four to make an insurrection (rgh cocepyres два нриандца, -- тамъ свадка, где три-- тамъ бунтъ, а четыре -дълають возстаніе). Ирландцы вспыльчивы, экспансивны, легкопадають духомъ, тогда какъ Парнелдь быль холоденъ, одержанъ, удивительно владёль собой *), настойчивь. Ему трудно было взять жевъстное решеніе; но, разъ сделавъ это, онъ никогда ужъ не отступаль. Его настойчивость и сила воли импонировали всемь окружающимъ. «Какимъ образомъ Париедль пріобредъ такое огромное вліяніе? — опросиль я у Макъ Карти, — пишеть Варри О'Вріенъ. Онъ ответиль: «Своимъ вліяніемъ онъ быль обязань силой своей воли и удивительной способностью угадывать, какъ именно слъдуеть поступить въ данный моменть. Въ общемъ, въ партіи его не любили; но вей преклонялись передъ нимъ, потому что вей чувотвовали, что онъ единственный человъкъ, знающій, какъ следуетъ поступить въ данный моменть; всемь было известно, что тоть путь, который онъ избереть, --путь правильный, Париелль обладаль геніемъ главнокомандующаго. Многіе ноъ насъ были полезны въ размичныхъ случаяхъ, но когда наступалъ кризисъ и нужно было сдёдать крайне ответственный шагь, могущій иметь важныя последотвія, —мы всё бывали параливованы. Тогда всё возлагали надежды на Париелля, и онъ дълать именно то, что было наиболее выгодно дан партін» **). Уиственный круговоръ Парнелля не быль широкъ. «Онъ не зналь общественныхъ дъль, никогда ничего не читаль, предпочитая разспрашивать, если ему нужны были справки». Онъ не зналь даже ирландской исторіи (O'Brien, v. II, р. 39). Онънаучелся оботрукціонняму отъ Виггара, о которомъ дальше; проекть вемельной лиги быль ому предложень Майкелемъ Дэвитомъ, проекть аграрныхъ реформъ быль для него выработанъ Хилли. Но ни Виггаръ, ни Майкель Девить, ни Хилли не могли одълать со своими ндеями и сотой доли того, что сделаль съ ними Парнелль. Отсутствіе рефлексін, которое составило бы недостатокъ въ другомъ, было достоинствомъ его, какъ «героя». У Парнелля была одна собственная вдея: это-стремление объединить всё оппозиціонныя силы страны, чтобы двинуть ихъ противъ общаго врага. Въ этомъ отношеніи, Парнелль проявиль таланть великаго организатора. «Я не кочу

**) Barry O'Brien, v. I, p. p. 224-225.

^{*) «}Я никогда не зналъ, водновало ди его что нибудь, и если водномовало, то на сколько именно: наболъе характерной чертой Парнелла было поразительное самообладаніе» (Чемберлэнъ).

быть въ зависимости отъ какой либо англійской партін, — сказаль Парнеддь разъ на метинге. — Советую и вамъ поступать такъ же. Нъкоторые совътують намъ возложить надежды на англійскую демократію; но я не знаю такой партін, которая рішилась бы воздъйствовать на правительство, если только крайняя необходимость не принудить ее. Въ силу этого я говорю вамъ: не полагайтесь чи на одну англійскую партію; не подагайтесь даже на великую англійскую демократію, какъ бы хорошо она ни была расположена жъ вамъ. Полагайтесь только на самихъ себя, на свои организаціи, разсвянныя по всей Америкв, но больше всего возлагайте надежды на нашъ народъ, живущій на нашей старой родинъ». «Англія станоть вась уважать по стольку, по скольку вы уважаете самыхь себя, -- говориль онъ на другомъ митингв. -- Англичане ничего не дадугь Ирландін изъ чувства справедливости. Они дадугь вамъ свободу не раньше, чемъ когда убедятся, что должны сделать это». Англичане согласятся на уступки, — говориль Парнелль, только тогда, когда убъдятся, что ирландское общество готово поддержать и отстоять требованія депутатовъ. «Ни одна оппозиціонная единица не должна быть потеряна для Ирландів». Онъ объединиль феніевъ со священниками, конституціоналистовъ съ фермерами и вобхъ повель въ бой. Больше всего Парнелль ненавидаль ссоры между ириандцами. Опыть доказаль, что тактика Парнелля была върная и, если бы не случайность, Ирдандія имала бы теперь самостоятельный парламенть.

Для довершенія характернотики Парнелля следуеть отметить еще одну черту, которая его приближаєть еще более къ героямъ классических трагедій: его суеверіе. Онъ боялся цифры тринадцать, считаль зеленый цвёть несчастнымъ, вёриль, что октябрь приносить ему всегда что либо непріятное, боялся спать одинъ вътемноте (и это при замечательной личной храбрости), бледнель, когда видёль три свечи и пр. Одинъ изъ сотоварищей его разсказываеть, какъ онъ набрасываль проекть «національной лиги» возле постели больного Парнелля. На столе горёли четыре свечи. Одна догорёла совсёмъ. «Вдругь, я вижу, больной поднимается, наклоняется ко мнё и дуеть изо всёхъ силь, пока не потушиль одну свёчу. Тогда онъ успокоился, снова легь и закутался въодёлло».

- Что съ вами, что вы дълаете?—спросилъ я. Зачёмъ вы потушили свёчу? Мий темно писать.—Париелль обернулся во мий, и въ глазахъ его блеснулъ испугъ.
- Развъ вы не знаете, сказаль онъ, что ничто такъ не предвъщаеть несчастія, какъ три свъчи.

Познакомимся теперь нѣсколько ближе съ дѣятельностью этой замѣчательной личности. Віографь его даеть намъ крайне богатый матеріаль. Барри О'Бріенъ съ любовью изучиль вопросъ, собраль массу писемъ, опросиль всѣхъ знаменитыхъ современниковъ Пар-

жемия. Многіе факты, какъ, напр., детали дёла Пигота, переговоры съ лордомъ Карнарвономъ, подробности Гаварденскаго свиданія съ Гладстономъ—опубликованы въ первый разъ.

Я сказаль уже, что ненавноть Парнелля къ англичанамъ была насиндственная. Его предки всегда боролись противъ англійскаго режима. Прадъдъ Парнемия дрался во время войны за независимость Соединенныхъ Штатовъ на оторонъ американцевъ; затъмъ мы видимъ въ рядахъ противниковъ Англів діда Парнелля — сера Джона, дядю и мать. О посивдней, явть тридцать пять тому назадь, ректорь Уншоо сдемань точную отметку въ своемъ журнале: «Встретился сегодня съ врайне замечательной женщиной, мислев Парнелль. Это настоящая матежница. Никогда не слыхаль я во вою мою жизнь такихь заметательных речей. Безъ всякаго повода, она открыла по всей динін огонь противъ англійскаго правительства и насъ англичанъ. И, клянусь Юпитеромъ, она задала намъ жару!» *) Ректоръ забываеть прибавить, что тв картины, которыя пришлось наблюдать мисись Парнелаь, не могак смягчить ся чувства по отношению къ ангинчанамъ. То были страшныя картины голода 1848 г., когда пять милліоновъ оказались безь денегь и безъ хлеба. Ирландцы постиган последней ступени нищеты, — писаль тогда Джонь Стюарть Миль. Далье следуеть голодная смерть. И население пришлось переступить и эту ступень. Народъ умиралъ отъ голода въ фермахъ, на улицахъ, на дорогахъ. Человъку со слабыми нервами нельзя читать такое описаніе 48 года, которое даль Сюддивань въ своей книгь «New Ireland». Началось поголовное быготво ирландпевъ за океанъ. «Корабли были биткомъ набиты эмигрантами, адъсь наблюдались, пожалуй, не менье страшныя картины, чымь въ Ирландін. Смертность эмигрантовъ увеличилась въ 12 разъ. Лишь въ одномъ Монреаль въ девять недвль умерло 800 эмигрантовъ. Въ шесть мъсяцевъ ихъ умерло три тысячи человъкъ. Изъ каждыхъ пяти эмигрантовъ умеръ одинъ. Пережившіе дорогу были въ не менве ужасномъ положеніи, чемъ на родине. Они были слешкомъ слабы, чтобы работать, и слишкомъ бъдны, чтобы жить безъ работы> **). Въ Ирландін, не смотря на голодъ, лендлорды требовали арендную плату полностью; такъ какъ фермеры, продавшіе платье, чтобы купить пищу, не могли внести ренту, то ихъ изгоняли. Кое гдв въ странь веныхнуло возстаніе, министерская партія отвётила арестами, суровыми приговорами и отменой Habeas Corpus. Такія картины видъла мать Парнелля. Чарльзъ Стюарть Парнелль родился за два года по страшнаго 48 года.

Въ 1859 г. образовалось общество для освобожденія Ирландів, мосявшее названіе «Ирландскаго Братства». Впоследствій организація стала известна подъ названіемъ «Феніанскаго общества». Во

^{*)} The Life of Parnell, v. I, p. 39.

^{**)} W. St. Gregg, «Irish History», p. 188.

славъ послъдняго стояли Джонъ О'Магони и Джемсъ Стефенсъ. Число сочленовъ быстро увеличивалось. Главнымъ образомъ, вступали молодые дюли изъ хорошо обезпеченных классовъ. Фени нивли въ виду только независимость Ирландін. Въ 1863 г. возникла въ Дублине феніанская газета «Irish People» (Ирландскій народъ). Изъ номера въ номеръ она пропов'ядовала крестовый похонъ противъ англичанъ. Между сотрудниками газеты была молодая, граціозная дівушка, которая еженедільно приносила сама въ редакцію рукопись, большею частью-боевые стихи. Эта дівунива была инсоъ Фанни Парнелль, сестра будущаго лидера ирландской партін. Феніанизмъ своро хамеуль волной въ Авоидейль, въ насивдотвенный замовъ Парнеллей. Политическія событія обсужданны вовии. Въ особенности сильно интересовалась движеніемъ мать Парнемия: она пользованась всякимъ поводомъ, чтобы высказать свои возвржиня въ томъ высшемъ кругу, въ которомъ она вращалась. Въ присутстви вине-короля она, не ственяясь, осуждала англійскіе порядки и оправливала феніевъ. Въ 1865 г. министерская партія приняла суровыя міры противь посліднихь. Редавторы и главные сотрудники «Irish People» были арестованы. Послідоваль ракь политеческихь процессовь и отибиа Habeas Corpus, a въ ответъ-неудачное, быстро подавленное возстаніе. Вожде «феніанскаго общества» были арестованы и преданы суду. Въ Авглін привыван видеть полочиными въ подобныхъ случаяхъ людей не вультурныхъ, большею частью, врестыянъ. Таковы были и «бълме ребята» и «лунные молодцы», молодые врестьянскіе парии, кальчившіе скоть дэндлордовъ. Теперь скамью подсудимыхъ занвмади «джентельмэны», хорошо воспитанные, обезпеченые. Они, вийото ващиты, доказывали судьямъ, что наступеть пора, когда вопросъ о нолитической независимости Ирландін станеть обсуждаться не въ тайныхъ обществахъ, а въ парламентв. Судьи глумились. Время повазало, ето быль правъ. «До техъ поръ, покуда есть въ моей странъ люди, готовые жертвовать свободой и даже жизнью за родину,-она не погибла еще»-говорият одинт изъ подсуднимихъ, Люби. Въ Авондейлъ лихорадочно слъдили за вовми перипетіями процессовъ. Парнеллю было тогда 19 леть, Все окружающее не могло не подъйствовать на него; но особенно сильное впечативаю произвель на него манчестерскій процессь «трехъ невиновныхъ» *)

^{*)} Въ 1867 г. въ Манчестеръ, на улицъ, феніи сдъдали нападеніе на тюремную карету, въ которой перевозили двухъ вождей феніанства: Келли и Диви. Желая сонть замокъ, одинъ изъ напавшихъ вистрълиль изъ пистолета. Пуля сонла замокъ, но прошла сквозь дверь карети и убила стражника. По подозръню были арестованы впослъдствія Алленъ, Ларкинъ и Кондонъ и предани суду. Противъ нихъ не было уликъ, но судъ полагалъ, что необходимъ «примъръ». Въ силу этого обвиняемые были осуждены. Не смотра на протестъ, поданний журналистами, стенографировавшими процессъ, не смотря на петицію, подписанную Миллемъ, Гербертомъ Спенсеромъ, Льюнсомъ и др.,—осужденые были казнены. Въ Англін казнь произвела удручающее впечатленіе.

Въ Ирдандів казнь вызвала ужась и верывъ негодованія. Дублинь устровив торжественныя похороны казненнымь. Съ техъ поръ, мадгробный гиннь, сложенный тогда— God save Ireland сталь боевынь гимномь правидневь. На Парислая процессь проязвель сильное впечативніе. Такія натуры, какъ Парнелль, уп'яють сильно ненавидеть. Ненависть ихъ не ослабаваеть, а наобороть, разгорается все сильнее и сильнее. На северо-востоке Сибири часто оставляются путешественниками по тундрамь не потушенные костры. Торфъ вагорается съ трудомъ, крайне медленно, но разъ загоръвшись, онъ уже ве тухнеть. Подземный пожарь захватываеть все большее и больше пространство. Снязу подъ вемлей тлееть не угасающее пламя, сверху все покрыто снегомъ, блестящимъ, крепкимъ, покрытымъ застругами оть леденящаго вътра. Но воть въ одномъ мъсть прованися сейгь, и рёдкій путешественникь поражень столбомь пламени, внезапно вырвавшимся наружу. Нёчто подобное представднеть намъ Париедиь. У него «пламя» не скоро вырвалось наружу. Прошло еще нъсколько вътъ прежде, чъмъ Париелль выступиль на арену общественной деятельности. «Онъ не дывать никогда имчего поситино, а обдуниваль каждый вопросъ. Прежде, чемъ следать -шагь, онь пытанво осматривался вругомъ, за то, разъ избравъ путь, -пикогда уже не сворачиваль об него и не огладывался» *).

Двадцать второго апраля 1875 г. Парнелль быль избрань въ пармаменть. Ирландская партія поддержала его, такъ что онъ, какъ протестанть и дендлордь, могь быть полевень, но оть него не ждали . ничего. Полагали, что онъ будеть одникь изъ тахъ «намых» денутатовь», которыхъ такъ много въ парламентв.

Во главъ привидской партін, состоявшей тогда изъ 59 человъкъ, -отоять Исаанъ Ватть, прайне интересная и прупная личность въ моторін Ирдандін. Адвокать по профессін, онь выдвинудся во время феніанскихъ процессовъ своими защитительными рачами. Убъяденія его были далеко не крайнія. Въ 1870 г. Батть выраоботамъ проектъ меотнаго самоуправленія для Ирландів. На метнега, состоявшенся тогда въ Дублина, была основана «Home Rule League», лига самоуправленія, во главі которой сталь Ватть. Онь вірель въ возможность подъйствовать на нравственное чувство министровъ. Каждый годъ регуларно въ парламентв повторялась одна и та же спена. Баттъ вносилъ биль о самоуправлении Ирландии, а парламенть отвергаль проекть. Надъ Баттомъ подшучивали, надъ нимъ -смвались, но старнев, какъ всегда закинувъ голову съ длинными съдыми кудрями, по прежнему произносиль горячія річи на тему о справедивости. На внесеніе Баттомъ били смотріми, какъ на париаментскій водевниь. На ряду съ проектомъ гомъ-руля, Батть отстанваль необходимость аграрнаго закона, известнаго теперь подъ мазваніемъ «Трехъ Ф», устанавливающаго справедливую ренту,

^{*)} The Lifeof Parnell. v. I, p. 51.

право фермера продавать тв улучшенія, которыя онъ сділать, же ограничивающаго право дендлорда изгонять фермера. По англійски три прилагательныхъ, опреділяющихъ всй три перечисленныхъ пункта, начинаются съ буквы F (Fixity of tenure. Fair rent, Free sale of tenant right).

II.

Въ париаментв въ то время на скамъяхъ, занимаемыхъ ирмандской партіей, быль одинъ депутатъ, который не симпатизировалъ тактикв вождя. Если бы онъ зналъ по ивмецки, онъ, навърное, обратился бы къ лидеру со словами Гейне:

> "Rede Dolche, rede Schwerter! Sei nicht mehr die weiche Flöte. Das idyllische Gemüth... Sei Kanone, sei Karthaune".

Каждый разъ, когда Ватть поднимался и, картинно тряхнувъ **Ф**АДЫМИ КУДРЯМИ, СОБИРАЛСЯ ВНОСИТЬ ОБЫЧНЫЙ БИЛЛЬ, КОТОРЫЙ ДОЛжень быль быть туть же отвергнуть, — слышался грубый и резвій бась: и все это глупости, сэрь! Этоть недовольный быль Джоржь Джинив Виггарь, богатый дублинскій купець. Онъ явился въ париаменть, какъ говориль, только для того, чтобы убъдиться, съ какой стороны можно причинить Англіи возможно больше вреда. Биггаръ не обладаль ни ораторскимъ талантомъ, ни образованіемъ. Онъ презераль книги и тахъ, которые читають ихъ; но Биггаръ быль умень, проницателень, практичень и безстрашень. Онь поставиль себв двв цвли: во первыхъ, возможно болве причинить непріятностей палать общинь; во вторыхь, сділать все возножное, чтобы его венавидали въ Англіи. Нужно сознаться, и въ томъ в въ другомъ Биггаръ услълъ замъчательно. Именно онъ напалъ на мысль объ обструкціонизм'в, которою такъ воспользовалась впослідствін на ландская партія. Внесень быль министерствомъ новый coercion bill для Ирланців. Биггаръ поднимается и предлагаетъ поправку. Онъ говориль батыхъ четыре часа. Нужно нивть въ вилу, что депутать не можеть связать трехъ фразъ. Парламенть намученъ, но Биггаръ не истощиль еще своего запаса. Онъ вытаокиваеть ворохъ старыхъ газеть и начинаеть читать длиниващіе столбцы пефръ, повидимому, не имъющихъ никакого отношенія къ темъ ръчи; затъмъ, на смъну, является груда синихъ книгъ, которыя Биггаръ начинаеть цигировать отъ страницы до страницы. «Мы не можемъ даже пытаться суммеровать четырехчасовую рачь м-ра Биггара, писаль Таймсэ.-Мы не знаемь, въ чемъ сущность ея». Но Биггаръ и не думалъ сказать что либо существенное; его намъреніе было лишь-причинть возможно больше непріятностей пардаменту. Въ чемъ онъ и успълъ. За ръчью Биггара все время съ величайшимъ интересомъ следилъ молодой Париелль. Онъ убъдился,

что можно затормозить діла парламента и сділать сміннымь засівданіе его, что эта система обструкціонизма можеть превратиться въ искусныхъ рукахъ въ могучее оружіе.

Въ 1875 г. Париелль почти не участвоваль въ обсуждении общественных дель: онъ наблюдаль и язучаль. Къ концу года онъ пришелъ къ заключению, что система Батта совершенно ошибочна, что пармаментская партія можеть имёть лишь тогда виаченіе, когда она опирается на соединенныя силы всей страны. Парнемь пришель къ выводу, что объединение всехъ депутатовъ еще не гарантируеть уступокъ въ пользу Ирландін; необходимо, чтобы выв парламента находилась сила, которан можеть поддержать требованія приандских депутатовъ. «Какая польза оть того, что мы вносимъ билли, — говорилъ онъ. — Мы въдь ихъ не можемъ проводеть. Англичане отвергають наши билли. Почему же намъ не остановить ихъ билли? Нётъ биллей для Ирландін, такъ пусть же не будеть и бизлей для Англік». И онъ решиль принять систему обструкціонизма, придуманную Биггаромъ. Но последній быль грубъ, неуклюжь, Парнель же быль утонченно въжливь, изящень, вполев «ажентельмень». И у Париелля обструкціонизмъ приняль сововмъ особую форму. Повидимому, молодой депутать вносиль лишь поправку къ правительственному биллю; повидимому, поправка была серьезная, между тэмъ, дебаты затягивались до безконечности, очередные законы первой важности не могли обсуждаться и должны были быть отложены до следующей сессии. Париелль быль замечательный стратегь. Онъ отлично зналь ту черту, до которой можно дойти въ обструкціонизм'в, не вызывая взрыва негодованія (если только этотъ взрывъ не былъ надобенъ ему). И аттаку онъ вель, имъя за собой всего лишь пять депутатовъ. Остальные привидцы, съ Баттомъ во главъ, были противъ системы обструкціонивма, считая ее недостойной парламента. Въ 1877 г. въ парламенть для всьхъ уже было ясно, что Парнедль — могучій боецъ, съ которымъ борьба будеть очень не легка. Баттъ уронилъ себя въглазахъ Ирландіи, выступиль противъ Парнелля, обличая систему обструкціонизма. Министерская партія апплодировала Батту, но эти апплодисменты были, своего рода, ударами молота, заколачивавшими въ гробъ политическую карьеру стараго вождя. Съ пятью товарищами Парнелль, при помощи системы обструкціонизма, боролся съ целой палатой. Заседание продолжалось 26 часовъ, и маденькая группа осталась побъдителемъ: очередной билль не могъ слушаться. Къ концу 1877 г. Парнелль быль, по словамъ біографа, нанболее ненавистнымъ человекомъ въ Англін. Въ Ирландін же его считали героемъ. Въ сентябръ 1877 г. Париелль былъ избранъ, вивсто Батта, лидеромъ прландской партіи.

«Ирландін дороги всё оппозиціонныя силы, — говориль онь. — Она не можеть пожертвовать никамь». Въ силу этого, первой его заботой было объединить всё оппозиціонныя силы страны: чистые

конституціоналисты, феніи, священники, фермеры—вов были необходимы, чтобы сформировать огромную армію и двинуть ее противъ общаго врага. Нужно было, кром'в того, дисциплинировать нармаментскую нартію, сдімать ее послушной, какъ роту солдать. Нужно иметь въ виду, что Парнеллю приходилось иметь дело съ впечатлительной, сварливой, самолюбивой группой, привыкшей къ раздорамъ и дрязгамъ. Онъ выказалъ талантъ не только замвчательнаго стратега, но и диктатора. Узооть взглядовъ придала его действіямъ необыкновенную прямолинейность. Гордый, самоувіренный, настойчивый, онъ шель, не уклоняясь ин на шагь оть разъ наивченнаго пути. «Ирландія должна быть свободна. Англичане захватили ее грабежомъ. Въ силу этого, все средства, при помоще которыхъ можно отнять заграбленное, не только дозволены, но даже похвальны. Кром'в того, ириандскій фермерь им'веть право на ту земию, которую обрабатываеть и которан принадлежала его предвамъ, покуда англичане не отобрали ее». — Таковъ быль политическій символь вары Парнелля. Около двукь лівть борьба велась скорее партизанскимъ путемъ; но воть Парнеллю предлагають проекть организаціи, и вождь уб'єждается, что именно она необходима по условіямъ времени.

Въ октябръ 1879 г. Майкель Дэвить, недавно освобожденный наъ каторжныхъ работъ, предложнять проекть борьбы съ ланддордизмомъ, выработанный имъ въ тюрьмв. Это быль проекть эсмесьной мин (National Land League); вемин должна была стать основой привидской національности. Въ это время уже вполив вывсиндось, что земельный акть 1870 г. не улучшаеть положенія Ирланнін. Законъ долженъ быль уничтожить произвольныя изгнанія фермеровъ. Въ силу его фермеръ могь получить вознаграждение за вов оделанныя имъ улучшенія; но законъ не даль никакихъ практическихъ результатовъ. Власть и произволь дендлорда остались прежними. Для всёхъ было ясно, что необходимо что-то сдёлать для урегулированія земельных отношеній. Вивотв съ Дэвитомъ, Париелль полагалъ, что соглашение между лэндлордомъ и фермерами невозможно. «Одинъ изъ нихъ долженъ удалиться, — говорилъ Париелль; — гораздо легче удалиться немногимъ (т. е. лэндлордамъ), чемъ всемъ». Кроме того, Парнелль виделъ, что необходимость защищать интересы лендлордовъ, какъ киасса, не позволить англійскому правительству дать самоуправленіе для Ирландів, пока лендлордизмъ будеть существовать какъ классъ. Въ Ирландія въ то время дъла были очень плохи. Урожай погибъ. Странъ угрожаль голодь. Не было ни запасовь, ни денегь. Почти ворду фермеры, чтобы не умереть отъ голода, должны были прибъгнуть въ общественной благотворительности. Это не помещало изналордамъ особенно настойчиво потребовать ренту. Недоныщики были изгнаны. Въ 1879 г. изгнали четыре тысячи фермеровъ. Земельная лига нивла целью составить союзь фермеровь, рашившихъ

уплачивать лишь такую ренту, которую считають возможной и оправедливой въ этоть голодный годь. Лига имала огромный успахь. Предсъдателенъ ся быль избранъ Парислль. Англійское правительотво рашило замирить край террористическими марами. Полицейские отряды посылались охотно, чтобы помочь ландлордамъ изгнать жендательщиковъ. Наступила сессія 1880 г. Ирландскіе депутаты требовали немедленнаго законодательства для облегченія страны. Министръ Форстеръ, допуская важность такихъ законовъ, заявиль, однако, что въ этомъ году нёть времени обсуждать ихъ. Депутаты тогда потребовали временнаго закона для пріостановленія изгнаній фермеровъ, покуда биль будеть внесенъ; но и туть получили отпоръ. Внесена была лишь одна поправка къ закону 1870 г. Въ силу ед окружные судьн (county court judges) мозми присуждать вознаграждение изгнаннымъ фермерамъ, если найдуть, что несостоятельность фермеровъ вызвана исключительно неурожаемъ. Поправка не устраняла изгнаній, поэтому она не удовлетворила ирландскихъ депутатовъ; тъмъ не менъе, консерваторы осуждали ее, какъ рево-люціонную мъру. Поправка прошла въ палатъ общинъ, но была отвергнута палатой лордовъ. Число изгнаній быстро увеличилось. Лендлорды боялись, что въ объщанномъ билъ будеть какой вибудь пункть, ственяющій ихъ свободу по отношенію къ фермерамъ, по-этому спешили избавиться оть всехъ недоимщиковъ. Весть о томъ, что поправка отвергнута лордами, проезвела въ Ирландіи страшное впечативніе. Начались всюду аграрныя преступненія. Ирландцы называли «земельными захватчиками» тёхъ, что снимали участки, -оъ которыхъ согнали фермеровъ. Въ такихъ «захватчиковъ» стръдели изъ-ва угла, жгли ихъ хавоъ и калечили ихъ скоть. Повоюду возродились среди крестьянъ тайныя террористическія общества «бімыхь ребять» (White boys). Рычи вождей земельной лиги стали тоже болье зажигательными. Вожди осуждали убійства и другія формы террора; они предлагали для борьбы другую мъру, извъстную теперь подъ-названіемъ «бойкоть». Первый формулироваль эту мъру Парнелль въ-ръчи въ фермерамъ въ-Энисъ. «Если вы откажетесь платить незаконную ренту, если вы не возьмете фермъ, изъ которыхъ только что изгнаны другіе,—земельный вопросъ будеть разрёшенъ, притомъ такъ, что вы будете довольны. Теперь скажу вамъ, что следуеть делать съ фермеромъ, что снимаеть участовъ, съ котораго прогнали другого. Отворачивайтесь от него, если встретите на дороге; отверинтесь отъ него въ давив, въ полв, на базарв, въ церкви. Тъмъ, что вы оставите его совершение одного, какъ въ старину поступали съ прокаженными, вы покажете ему то отвращене, которое вы питаете къ совершонному имъ преступлению». Черезъ три дня агентъ лорда Эрна, —капитанъ Бойкоттъ отказался взять предложенную ему ренту и издалъ приказаніе объ изгнаніи фермеровъ. На следующій же день капитанъ быль оставлень совершенно одинъ. Ушли кучера, горенчныя, кухарки. Лавочники не хотым ничего продавать ему.

Прачка не брала его бълья. Между тъмъ наступило время жатвы: Хлебъ осыпался, но рабочихъ нельзя было достать. Чтобы спастипрестижъ власти, правительство послало 50 рабочихъ подъ конвоемъ 7,000 солдать, и хайбъ и картофель были убраны. По равсчету, каждый фунть убраннаго картофеля обощелся, такимъ обравомъ, правительству въ 1 шиллингъ. При всемъ желаніи, вожди лиги не могли уничтожить аграрныхъ преступленій. Правда, ихъ было меньше, чемъ прежде, они не носили такого жестокаго характера (убійства почти прекратились; главнымъ образомъ, бълме ребята калечили скоть); но ихъ все же было очень иного. Вожда лиги объясняли аграримя преступленія изгнаніями фермеровъ в страданіями Ирдандін; правительство же ставило лигв эти преступленія въ текущій счеть. Въ декабрі 1880 года главные дівятеля лиги были преданы суду по обвинению въ заговоръ. Судъ продолжалоя 19 дней и кончился ничемъ, такъ какъ присяжные раздедились. Въ январъ 1881 г. Форстеръ потребовалъ суровыхъ законовъ для усмиренія Ирландіи. Онъ говориль, что прежде, чемъ вносить вемельный билль, необходимо провести законъ объ осадномъ положения (coercion bill). Последній быль очень суровь: правительство получало право арестовать безъ суда и держать въ тюрьив всяваго, заподозръннаю въ измънъ, въ заговоръ или же въ устрашенія другихъ. Законъ имъть обратную силу, такъ что могь быть посажень вь тюрьму каждый, когда либо прежде защищавшій бойкоть. Ирландцы были возмущены не столько саминъ биллемъ, сколько тъмъ, что его проведи раньше земельнаго закона. Въ Ирландін было тогда 40,000 фермеровъ, подлежавшихъ изгнанію. На обвяненія въ томъ, что дига не остановила террористическихъ покушеній, — она отвічала, что странно обвинять ее въ этомъ, если правительство съ 25,000 солдатъ и 14,000 полицейскихъ не могло ничего сдёлать. «Пусть правительство издасть законь, который остановить изгнанія, и не будеть надобности въ coercion bill; пусть реформирують аграрные законы, и земельная лига прекратится»,сказаль Парнелль въ парламенть. Начался правительственный терроръ. Многіе вожди лиги, въ томъ числе Майкелъ Девить, были арестованы; земельная лига была признана противозаконной органезаціей. Въ тюрьмахъ сидели около 1000 ирланцевъ, задержанныхъ по подозрвнію. Форотеръ требоваль суровыхъ міръ противъ того, кого считали душой движенія, противъ Парислия. 12 октабря 1881 г. кабинетъ ръшилъ арестовать вождя. Черезъ два дня Парнемь быль арестовань въ Дублина и посажень въ Кименгенскую тюрьму, где сидели уже многіе видные деятели лиги. «Аресть Парнемя радостно приветствовам въ Англін, какъ будто это была побъда, одержанная англичанами надъ ненавистнымъ и страшнымъ врагомъ», —пишетъ серъ Уимисъ Гидъ, авторъ вниги «Life of the Right Hon. W. E. Forster». Банкиры Сити устронии овацію Форстеру, когда онъ имъ сообщилъ на парадномъ обеде, что Парнелль сидить въ тюрьме.

Вожди лиги изъ тюрьмы выпустили воззвание из ирландскому народу, предлагая отвътить на аресть—поголовнымъ отказомъ платить ренту. Въ данномъ случав Парнелль не зналъ, насколько подготовлена Ирландія къ отпору. Воззваніе появилось въ «United Ireland» въ номерѣ оть 17 октября, но не произвело желаемаго результата, а послужило лишь врагамъ Парнелля.

Вообще говоря, условія тюремной жизни не были тагостны. Одно время Париелль быль даже выпущень на честное слово для повядки во Францію для свиданія съ больной сестрой. Повадка продолжалась двв недвли. Ирландцы, осужденные, напр., въ 1868 г. отбывали каторжныя работы вивств со всвии уголовными преступниками: щипали пеньку, дробили камии, вертыли безсмысленное орудіе пытки, «мельницу топчавъ». Но Парнеляю была въ тягость и облегченная тюрьма. Медленно тянулись мёсяцы за мёсяцами. Между тыть, въ Ирдандін новый форстеровскій coercion bill установиль царство террора. Форстеръ заявилъ въ парламенть, что всв лица, отранявшія изь за угла и кальчившія скоть—извастны полицін; они остаются безнаказанными, такъ какъ противъ нихъ имъются лишь подозрвнія. Съ изданіемъ coercion bill, дозволяющимъ аресть подозрительныхъ, --- всъ преступники будуть сразу схвачены, и Ирдандія успоконтся; преступленія прекратятся. Законъ быль изданъ. Тюрьмы въ Ирландіи и въ Англіи не только наполнились, но даже переполнились. Хватали безъ разбора всёхъ; но аграрныя преступленія не только не уменьшились, но даже увеличились. Онъ приняли притомъ же болве опасный характеръ. Всюду возникали общества поджигателей и убійцъ. Кружки эти были совершенно самоотоятельны. Земля въ Ирландін дымилась кровью. За десять місяцевъ, предшествовавшихъ изданію coercion bill, въ Ирландіи было семь аграрныхъ убійствъ, 21 случай стралянія изъ за угла и 62 случая стрелянія въ окна. Въ десять месяцевъ после изданія coercion bill аграрныхъ убійствъ было 20, сділаны были 63 покушенія и 122 раза стредили въ окна. «Всё советовали намъ отмемить Habeas Corpus,—заявиль вице-король, пордъ Кауперъ:—нам'вотники графотвъ, полиція, судьи. Полиція сбила насъ совобиъ съ прямого пути. Она свазала, что внастъ всехъ преступниковъ и можеть изловить ихъ, если Habeas Corpus будеть отменень. Мы убъдились впоследствин, что полиція ошиблась» *). Безваконіе порождаеть беззаконія. Правительственный терроръ и презрініе къ правамъ личности породили, какъ антитезу, тайныя общества «не-«нобъдимых», «истителей» и т. д. Даже тогда, когда правительство -вахотью переменить политику, — не было уже никакой возможности

^{*)} The Life of Charles S. Parnell, v. I, p. 330.

ства; подъ ножомъ участниковъ одного изъ нихъ палъ впоситдетвів рыцарски честный, нисколько неповинный въ coercion bill человъкъ-лордъ Кавендишъ. То, что терроръ не замиратъ Ирландів, поняль въ числе первыхъ Гладотонъ. Въ апреле 1882 года онъ вотупниъ черезъ Макъ Карти и капитана О'Ши въ переговоры съ Парнеллемъ. Въ тюрьмъ последній набросаль проекть того земельнаго закона (Arrears Bill), который черезъ несколько месяцевъ быль проведень, какъ правительственный акть. Этоть бильмерный договоръ между парнеллистами и либеральнымъ министеротвомъ. Интересна следующая черта, характеризующая суеверіе Парнелля. Билль набрасывался въ тюрьий спишно. Нужно быле отправить его непремённо съ первой почтой, чтобы министеротво успело напечатать его и раздать для ознакомленія членамъ парламента. За полчаса до отхода почты биль готовъ. Парнелль просматриваеть его и считаеть параграфы. Вдругь онъ бледиветь и заявляеть, что все нужно переделать.

- Какъ, развѣ что нибудь не вѣрно?—спросваъ товарищъ по камерѣ Хили.
- Нътъ, но въ биллъ тринадцать параграфовъ. Все пойдетъ къ чорту. Съ такимъ проклятымъ числомъ законъ не можетъ имътъ усиъхъ.

Пришлось на скоро прибавить еще одинъ пункть, иначе Парнель не хотель отправлять биль. Вице король, ничего не знавшій о переговорахъ, быль поражень, когда получиль письмо оть Гладотона съ извъщениемъ, что париеллисты должны быть освобождены. «Извёщенія, которыя мы получили, вкратцё формулируются такъ,--писалъ Гладстонъ:--намъ известно, что Парнелль и друзъя его отказываются совершенно отъ уговаряванія фермеровъ не нлатить ренту, если правительство приметь биль, облегчающій положеніе фермеровъ недоимщиковъ и дающій имъ возможность уплатить недоники». «Предложение освободить париеллистовъ поразило меня до крайности, — писалъ вице-король. — Повидемому, мы потеряли надежду возстановить порядокъ и выпускаемъ парнеллестовъ подъ условіемъ, что они намъ помогуть замирить врай». Приказъ объ освобождении быль немедленно подписанъ в 3 ная парнеллисты вышли на свободу. Вице-король и Форстеръ подали въ отставку. Во всей Ирландін, кром'в Ольстера, приветствовали освобожденія Парнелля, какъ національную победу. Но тайныя общества, порожденныя coercion bill, не могли быть уничтожены сразу. Шестого ман 1882 г. въ Дублинъ прівхаль новый вице-король графъ Спенсеръ, а въ тотъ же день, въ семь часовъ вечера, въ Фениксъ-паркъ, близь дворца, были убиты новый министръ дордъ Фредерикъ Кавендашъ и товарищъ министра Форстера Беркъ. Впосавдствін выяснилось, что убійцы хотван убичь лишь Берка. Лордъ Кавендишъ палъ лишь случайной жертвой. Трагедія въ Фениксъ-паркі провівела всюду потрясающее впечативніе. Едва ин не болве всяхь быль потрясень Парнелль. «Мнъ нанесли ударъ книжаломъ въ спину», -- говорилъ онъ. Убійство подъйствовало такъ сельно на Париелля, что онъ думаль отказаться совсимь отъ общественной двятельности. Парнеллисты выпустили тотчасъ же «воззваніе» къ нрландскому народу, въ которомъ осужданось убійство и выражанась надежда, что убійцы окоро предстануть передъ судомъ. Странно сказать, трагедія привела въ восторгь партію Форстера. Она теперь громко восхваняла правительственный терроръ и осуждала какія бы то ни было уступки. Вся страна, всв опповиціонные элементы были сліпаны ответственными за убійство, совершонное н'всколькими лицами. Одиннадцатаго мая министерство внесло новый «crimes bill» для замиренія Ирдандін сняой меча. Проекть закона быль набросань дордомъ Кауперомъ. бывшимъ ирдандскимъ вице-королемъ. Въ иткоторыхъ случаяхъ, въ онлу этого закона, судъ присяжныхъ замъняяся судомъ правительотвенныхъ чиновниковъ, допросъ могь быть произведенъ тайно; дина могли быть арестованы по подозраню. Насколько широко воспользовалось правительство новымъ биллемъ, видно изъ следуюmaro.

Въ зиваръ 1883 г. арестовани Дэвита, Хили и Квина; такъ какъ ихъ преступление не подходило подъ современные законы, то выкопали законъ, не примънявшійся съ XVII въка, со времени Карда I. Опять возродилесь аграрныя убійства. 1882 г. быль особенно богать ими. Каждую недалю газеты приносили новую страшную въсть. На Парнелля извъстія эти производили удручающее впечатавніе. «Его удручало не то, что общественное мевніе Англік было «потрясено», —пишеть Барри О'Бріень. —Парнелль не въриль въ искренность англичанъ. По его мевнію, это-нація лицемвровъ. «Англичане убивають и грабать по всему свёту, -- говориль Парнелль, -- но лишь только кого либо убысть въ Ирландін, они поднемають вой, потому что въ этомъ убійства нать выгоды для нихъ». Варывъ беззаконія въ Ирландін волноваль Парнелля потому, что онъ винты въ немъ вредъ для національнаго двеженія. Земельная лига была запрещена. Для легальной борьбы была основана 17 октября 1882 г. «Національная лига», во глава которой сталь Парислль. Первымъ пунктомъ программы «лига» выставила самоуправленіе тия Ирианији, ватћиъ сивдовали вомельныя, зомскія и муниципальныя реформы. Земельныя реформы должны были стремиться къ тому, чтобы сдалать фермеровъ собственнивами арендуемыхъ ими земельныхъ участвовъ.

Между тімъ, производилось слідствіе по поводу убійства въ фениксъ-паркі. Одинъ изъ участниковъ, Джемсъ Кери, сділался предателемъ и за обіщанную свободу раскрыль все. Ті, которые вели слідствіе, изъ всіхъ силъ старались привлечь къ отвітственности и ирландскихъ депутатовъ, а главнымъ образомъ Парнелля. Во враждебныхъ ирландскому движенію органахъ печати появля-

лись, повидимому, инспирированныя статьи, въ которыхъ объщались публикв «поразительныя равоблаченія»; внущалось, что оть этихъ разоблаченій «мыльный пувырь, именуемый гомъ-румемъ», разовется безсявано. Таймсь, забывь обычную чопорность, заявляль, что разоблаченія «собыють маленько спесь съ ребять» («will take the starch out of the boys), T. e. CL HPHAHACKHYL HEITYTATOBL. M BOTL Форстеръ, пылая местью за внезапную отставку, выступняв въ парламенть съ рядомъ обвиненій противъ Парнелля. Въ этомъ инцидентв характеръ лидера выяснился необыкновенно рельефно. Бывшій министръ въ началь речи звявиль, что онъ докажеть, что тоть. съ которымъ Гладстонъ вступалъ въ переговоры; тотъ, съ которымъ интриговаль Чемберлень, - въ дъйствительности, - врагь Англіи, «главарь противозаконной и мятежнической агитаців, им'вющей п'ялью всадить ножь въ сердце имперіи». Рачь Форстера была напоена ядомъ и желчью. «Преступленіе-тесный союзникъ лиги», -- говориль онь. «Я обвиняю въ нихъ достопочтеннаго представителя города Корка *)... Не разъ констатировалась и доказывалось фактами, что убійства следовали непосредствено за агитаціей земельной лиги. Ръшится ли достопочтенный депутать опровергнуть это положение? Я тогда все же стану настанвать на моемъ заявлении. По всей въроятности, въ зданіи парламента никто еще никогда не выступаль противь депутата съ такими тяжкими обваненіями. Я не говорю, что самъ достопочтенный представитель Корка подготовляль и замышляль убійства; но онь или потакаль имь, или не употреблядъ всего своего вліянія, чтобы предупредить ихть. Въ сущности говоря, весь фактическій матеріаль Форстера быль очень бъденъ, точиве говоря, онъ равнялся нулю. Форстеръ могь сомдаться лишь на памфлеть «Правда о вемельной лигь» (The Truth about the Land League), въ которомъ были приведены выдержки изъ ръчей нъкоторыхъ главарей организаціи. Но отсутствіе локазательствъ не мъшало оппозиціи (консерваторамъ) апплодировать после каждой фразы. Видно было, что многіе изълибераловъ стали бы тоже апплодировать, если бы не сознавали, что аттака эта следана не только противъ Париелля, но и противъ Гладстона. Форстеръ кончивъ. Всв ожидали, что Парнелиь вскочить, какъ ужаленный, и ответить тому, кто обвиняль его. Но Парнелль сидель совершенно спокойно, какъ будто бы ръчь шла не о немъ. Ему ръшительно все равно было, что стануть думать о немъ англичане. Онъ презираль ихъ общественное мивніе, въ какой бы формв оно ни выразилось. Ирландскіе депутаты должны были умолять Парнеми отвътить. Онъ согласился. На следующій день, 23 февраля 83 г., парламенть быль набить биткомъ. Весь цветь Лондона собрался послушать, что скажеть Парнелль. Отвёть лидера заклю-

^{*)} Т. е. Парнелля. Въ парламентъ депутаты не называются по фамиліямъ.

чался лишь въ гордомъ вызовѣ. «Во время моей политической двательности я привыкъ считаться съ общественнымъ мивніемъ техъ, которымъ хотель помочь, и техъ, вместе съ которыми я боролся за свободу и благосостояніе Ирландіи. Если и скажу теперь нъсколько словъ, то только для ирландцевъ, живущихъ на родинъ и разсъянныхъ по всему свъту». Вся дальнъйшая ръчь Париелля была проникнута гордымъ презръніемъ къ обвинителямъ. На чемъ основаны обвиненія? На насколькихъ газетныхъ выразкахъ. Но не въ томъ даже дъло. Кто такой Форстеръ? Человъкъ, вышвырнутый за негодностью собственною партіею. Какое право онъ имъеть задавать вопросы? Какое право имъють вообще ангинчане требовать отчета у ирландцевъ, отстанвающихъ то, что вахвачено у нихъ грабежовъ? «Что касается меня, я върю въ будущность Ирландіи, продолжаль Парнель, хотя горизонть и покрыть тучами, я вёрю, что нашъ народъ вынесеть гнеть, какъ онъ перенесъ гораздо большія несчастья. Хотя діло освобожденія медленно, но оно все же ндеть. Наступить время, когда депутаты этого парламента и англійскій народь поймуть, что они обмануты, что они апплодировали темъ, которыхъ должны были бы стыдиться. Парламенть и англійскій народь поймуть тогда, какъ преступно они поступали, желая управлять благороднымъ, храбрымъ, великодушнымъ и отзывчивымъ народомъ. Тогда, я надёюсь, англичане отвернутся отъ своихъ вождей, которые указывали имъ ложные пути, какъ отвернулись отъ достопочтеннаго депутата города Вредфорда (т. е. Форстера)». Смыслъ рвчи быль тоть, что Парнелль, присланный въ парламенть волей ирландскаго народа, -- считается лишь съ мивніемъ посявдняго.

Попытка открыть участіе ириандскихъ депутатовъ въ аграрныхъ преступленіяхъ не удалась. Въ политической жизни Парнелля наступить долгій интерваль. Причиной было, отчасти, слабое здоровье; а главнымъ образомъ то, что въ этому веріоду относится сближеніе съ миссисъ О'Ши, которая сыграла такую важную роль въ жизни вождя. Но объ этомъ дальше. Въ это время положение английскихъ политическихъ партій было крайне характерно. Консерваторы и либералы не могли уже более держаться на техъ старыхъ принципахъ, которые заложены были въ основу партій столько легь. На врену общественной жизни выступали новыя силы; нужно было ни пойти на встречу имъ и выставить на своемъ знамени новые лозунги, или же остаться безъ поддержки. Ни лабералы, ни консерваторы не ръшанись сделать этоть шагь и искали другихъ союзниковъ. Такимъ казалась великоленно десциплинированная ирландская партія, состоявшая изъ восьмидесяти слишвомъ депутатовъ. Правда, во главъ этой партін стояль человъкъ, котораго ненавидъли и либералы, и консерваторы; но нужно было выбирать либо союзь съ нимъ, либо соглашение съ невъдомымъ новымъ избирателемъ, который выступаль съ такой массой требованій. И воть

передъ выборами 1885 г. за Парнелленъ начинаютъ укаживать со всёхъ сторонъ. Въ парламенте лордъ Рандольфъ Черчиль обличаеть «coercion bill». «Правительственная политика привела въ отчание вспыльчивыхъ, но великодушныхъ и благородныхъ прландцевъ,-сказаль онъ, если бы министерство осталось у власти, то вов штыки, имеющеся въ наличности, не удержали бы странцаго варыва». Консервативныя газеты были шокированы этимъ « wooing Parnell> (кокетничаніемъ съ Парнеллемъ). «Лордъ Рандольфъ Черчиль обличаль не только дорда Спенсера, но всёхъ англійскихъ вицекоролей и судей», -- ворчаль старый Таймсь. Вице-король, лордь Карнарвонъ, сделалъ прямое предложение Нарнеллю вступить въ союзъ съ консерваторами. Съ другой стороны, съ нимъ вели переговоры Чемберлень, помышлявшій самь о премьерстве, и Гладотонъ. Париолль холодно и спокойно взвёшиваль то, съ къмъ выгодине для Ирландін заключить союзь. Если бы пришлось избрать партію, онъ выбраль бы консерваторовь, потому что полагаль, что только они могуть провести билль о гомъ-руль въ палать лордовъ; но вакъ человъка, онъ предпочиталъ Гладотона. Онъ глубоко уважаль его силу и стратегическій таланть. Въ конців концовъ, послі кратковременнаго союза съ консерваторами, Парнелль соединился оъ Гладотономъ. «У насъ въ программъ лишь одинъ пунктъ теперь, -- заявиль Париелль въ августв 1885 г. -- національная независимость». Идеаль его остался тоть же: видьть фермеровь, симщихъ на собственныхъ участкахъ; но Парнельь убъдился, что идеаль недостижниь, пока будеть лендлордь; последній же останется, пока Ирландія не станеть независимой. Первая попытка Гладотона провести билль о гомъ-руль окончилась, какъ навъстно, пораженіемъ министерства. Оно просуществовало лишь 175 дней. Двадцать шестого іюля 1886 г. премьеромъ сталь во второй разъ маркизъ Салисбюри. Это было министерство крупныхъ лендлордовъ, и вопросъ объ устранении тажимъ или инымъ путемъ Парнелля, грозившаго уничтожить лендлордивить въ Ирландін-сділался особенно острымъ. Въ то время вліяніе Парнедля было особенно сильно. Въ Ирландін его называли не вінчанным в королемъ. Когда принцъ Узльскій посътилъ тогда Ирландію, то, не смотря на увъщанія вождя не дълать никавихъ демонстрацій, населеніе выв'яшивало знамена съ надписью: «У насъ одинъ король-Чарли» (т. е. Чарльяъ Парнелль). Признательность населенія выразилась и осязательно. Когда сділалось извъстнымъ, что денежныя дъла Парнелля пошатнулись, въ короткій періодъ по подписке было собрано 40,000 ф. ст., которыя и поднесли вождю, какъ знакъ признательности отъ родины. Въ декабръ 1886 г. началась опять аграрная война, когда министерство Салисбюри отвергло земельный биль. Она продолжавась три года. Правительство отвётнио coercion bill. Въ то же самое время какія то невидимыя руки совидали процессы, которые должны были погубить вождя ирландцевъ. И въ первую очередь было внаменитое дело Пигота.

III.

Въ 1885 году въ Дублинв основалось консервативное общество «The Irish Loyal and Patriotic Union», во главъ котораго сталъ молодой журналисть Джемсь Хаустонь. Главной задачей «патріотическаго союза>--было разгромить національную партію и спасти выпорію. Съ этой цілью Хаустонъ заручился содійствіємь ніжовго Ричарда Пигота, или Дика, извъстнаго очень хорошо, какъ въ применения применения полици. «Почти всв, соприкосновенные съ примидской политикой, внали Дика Пигота, или слыхали про него. Онъ быль издателенъ газеты «Ирландець». Сдёлавъ своей профессіей патріотизиъ,--онъ готовъ быль при первомъ удобномъ случав продать всёхъ патріотовъ. Вольшинство избегало его, какъ своего рода правственную проказу, одно соприкосновение съ которой заразительно». Въ 1881 году Пиготь обратился съ просьбой къ Форстеру, правительственному секретарю въ Ирландін (т. е. министру)---субсидировать «Ирландца» въ интересахъ правительства. Въ томъ же самомъ году Пиготъ просиль казначен земельной лиги, Патрика Игана, помочь ему какъ патріоту. Пока еще не прибыль отвёть оть земельной лиги, Пиготь писаль министру, предлагая ему свое содействие для разгромлевія лиги. За все онъ просиль субсидію для своей газеты, да еще 1500 ф. «Эта сумма небавила бы меня отъ долговъ. Я бы могъ покончить съ моими кредиторами, если бы у меня было даже хоть 1,000 фунт. стери. Если правительство мив дасть авансомъ одну изъ этихъ суммъ, — я стану самымъ върнымъ, послушнымъ и полезнымъ слугою его». Черезъ три дня Форотеръ отвётиль. Дика знали уже хорошо, поэтому, щедрое вообще на подвуны англійское правительство въ Ирландін — не спѣшило съ пріобретеніемъ «вернаго, послушнаго и полезнаго слуги». «Уже несколько месяцевь, какъ я обратиль внимание на тонъ передовыхъ статей вашей газеты, —писалъ министръ. Я думаю, что эти статьи принесли большую пользу и было бы крайне печально, если бы ваша газета прекратилась; но, къ сожальнію, я не могу удовлетворить вашу просьбу объ авансв». Черезъ несколько дней Пиготь отправляеть Патрику Игану, секретарю земельной лиги, ольдующее посланіе. «Мив предлагають 500 ф. за опубликованіе документовъ, которые, хотя большею частью сфабрикованы, но, твиъ не менве, могуть сильно повредить вамъ». Далве Пиготь распространяется о своихъ денежныхъ делахъ и говоритъ, что если лига не придеть къ нему на помощь, -- онъ долженъ будеть заключить сдёлку съ правительствомъ. Иганъ отвётиль на эту попытку шантажа рёзкимъ отказомъ. «Насколько я васъ понимаю,-писалъ

онъ, — вы грозите напечатать поддёльные документы, компрометирующіе лигу, если мы вамъ не пришлемъ къ извёстному сроку 500 ф. ст. Я не имёю никакого права распоряжаться фондами лиги; но если бы даже и имёлъ, то ни за что не далъ бы вамъ ни одного фартинга. Если вы напечатаете фальшивые документы, — мы уже будемъ знать, какъ защищаться». Пиготъ тогда опять обратился къ Форстеру съ просьбой о субсидіи для газеты. Министръ вновь отказалъ, но согласился помочь Пиготу «изъ собственныхъ денегъ» и прислаль ему 100 ф. ст. «Пусть васъ не безпоконть этотъ долгъ; не спёшите отдачей», —любезно писалъ Форстеръ. Вообще, Дикъ Пиготъ никогда «не спёшиль отдачей», такъ что слова министра были совершенно излишни.

Въ 1885 г. Пиготъ былъ занятъ собираніемъ матеріаловъ для памфлета «Разоблаченный Парнеллизмъ» (Parnellism Unmasked). Онъ обратился къ нѣкоторымъ виднымъ уніонистамъ съ просьбой дать деньги на изданіе. И вотъ, предсѣдатель «Патріотическаго союза» рѣшилъ остановиться на ренегатѣ, какъ на спасителѣ отечества отъ Парнелля. Хаустонъ нашелъ «Дика» и предложилъ ему 60 ф. на напечатаніе «Разоблаченнаго Парнеллизма». Памфлетъ появился безъ имени автора и произвелъ нѣкоторое впечатлѣніе въ рядахъ уніонистовъ. Но Хаустону желательно было имѣтъ противъ Парнелля какое нибудь болѣе острое оружіе, чѣмъ анонимный памфлетъ. Ему котѣлось имѣтъ документальныя доказательства связи парнеллистскаго движенія съ аграрными преступленіями. Въ декабрѣ 1885 г. Хаустонъ предложилъ Пиготу найти подобные документы.

- Это невозможно, отвётиль Дикъ.
- Попробуйте, настанваль Хаустонъ. Я вамъ стану платить по гиней въ день, да покрывать всй ваши дорожные расходы и счета въ гостиницъ пока будуть продолжаться поиски.—Щедрое предложение отврывало совершенно новые горизонты передъ задолжавшимъ кругомъ Пиготомъ. Онъ ответилъ, что попробуетъ поискать документовъ, и тронулся въ путь. Дикъ посетиль Лондонъ, Парижъ, Лозанну, перебрался затымь въ Нью-Іоркь, разыскивая всюду, какъ онъ сказать, феніевъ. Хаустону онъ писалъ, что ляжеть костьми, но найдеть документы, на основание которыхъ можно будеть послать Парнелля на вистинцу или же котя въ каторжныя работы. Въ мартъ 1886 г. въ штабъ-квартиръ «патріотическаго союза» было великое ликованье: Пиготь присладь телеграмму, состоявшую всего изъ одногс слова: «Нашелъ»! Вскоръ прибыло и подробное сообщение. Дынъ писаль, что нашель компрометирующие документы, собственноручныя письма Парнедля и Игана. Документы хранятся въ Парижа, «Въ черномъ мъшкъ» у нъкоего Келли, который «купилъ ножи для убійцъ горда Кавендиша». Пиготъ привезъ одиннадцать копій съ етихъ писемъ. Но англійскіе судьи такъ упрямы: они ни за что не вахотять послать человева на виселицу на основание копи, хотя

бы она была доставлена такимъ идеально честнымъ и достовърнымъ свидетелемъ, какъ Дикъ Пиготъ! И вотъ Хаустонъ предлогаеть Дику достать подлиненки. Въ іюль последній отправляется за ними въ Парижъ въ сопровождении вождей «патріотическаго союза»: Хаустона и др. Магира. Черезъ три дня, ночью, Дикъ танкственно входить, съ «чернымъ мешкомъ» въ рукахъ, въ номеръ «Hôtel des Deux Mondes», гав остановились патріоты.—Воть документы!-сказаль Пиготь.-Люди, продавшіе мив ихъ, тамъ, внизу. Они хотять получить сейчась же деньги.—Патріоты вынули письма, разсмотреди ихъ и решили, что они настоящія. Пиготу, въ силу этого, было передано 650 ф. ст.: пятьсотъ «людямъ внизу», а 150самому Дику за коммиссію. Съ драгоцінными документами въ ружахъ патріоты посившили въ Лондонъ, въ радакцію газеты Times. Письма были переданы эксперту, который рашиль, что они настоящія. Тогда редакція Тітез пріобрівла ихъ въ собственность. Хаустонъ, хотя и горячій патріоть, не брезгаль и земными благами: на письмахъ онъ получиль огромный барышъ. Онъ даль за нихъ Пиготу 650 ф., а продадъ газета за 2530 ф. ст. Спеціальная коммиссія, назначенная впоследствін парламентомъ, открыла еще несколько любопытныхъ подробностей. Хаустонъ получиль отътой же газеты «ва коммиссію» 27500 ф. ст. Выходило такъ, что все время за спиной «патріотическаго союза» стояла могучая газета Сити. Сельного марта 1887 г. въ Таймст появилась первая статья серін «Парнеллизмъ и Преступленіе», подписанная псевдонимомъ «Громовержецъ». Авторъ доказывалъ, что парнеллизмъ — революціонное движение, стремящееся къ изсильственному ниспровержеанглійскаго правительства въ Ирландін. Газета, повидимому, решила добить окончательно Парнелля и покончить съ нимъ. Восемнадцатаго апреля Таймсъ поместиль миле письма ирландскаго вождя къ одному изъ главарей феніевъ. Париелль извиняль убійство въ Фениксв-паркв. Воть что говорилось въ письмъ: «Милостивый Государь! Меня не удивляеть гибвъ нъкоторыхъ изъ вашихъ друзей, но вы должны знать, что намъ только и оставался одинь исходъ: осуждать убійство. Последнее намъ необходимо было сдълать изъ политическихъ соображеній. Но вы можете сказать «ему» (т. е. убійці) и всімь соприкосновеннымь съ «этимъ», что котя я и сожалью о смерти лорда Кавендиша, но сознаю, что Беркъ получиль по заслугамъ. *) Вы, если хотите, можете показать «ему» и другимъ върнымъ людямъ мое письмо. Не сообщейте только моего адреса. Пусть пишуть мив въ палату об-

^{*) «}Ничто такъ не опозорило Ирландію за пятьдесять літь борьбы за политическія и соціальныя реформы, какъ это низкое и подлое убійство дружественно расположеннаго иностранца. Пятно будеть лежать до тіхъ поръ, пока убійцы лорда Кавендяща и Мр. Берка не будуть преданы суду»,—писали въ «Manifest to the Irish people» ирландскіе депутаты по поводу трагедіи въ Фениксъ-паркъ. Первый подписаль «манифестъ» — Парнелль.

щинъ. Вашъ Чарльзъ С. Парнель». Письмо произвело впечатлене бомбы. О немъ говорилъ въ то утро весь городъ. «Наконецъ - то нанесенъ смертельный ударъ главарю шайки мятежниковъ и убійцъ,—писала въ тоть день ультра-консервативная С. Джемсова Газема. Гомъ-руль теперь убитъ». Такъ думали тогда всв уніонисты. «Вечеромъ того же дня Парнелль, не подозр'явая ничего, спокойно явился въ парламентъ,—пишетъ Гарингтонъ.

- Видели ли вы сегодня Times?—спросиль я.
- Нѣтъ! отвътняъ вождь. Онъ почти никогда не читалъ газеть, если только не обращали его вниманія на какую нибудь статью. Я ему сказаль въ чемъ дѣло.
- А!—спокойно замётнять Парнелль, пойдемть въ читальню, посмотримть, въ чемъ дёло. Онъ развернуль номерть Таймса и внимательно прочелъ письмо. Я ожидаль, что онъ вскипить и воскликнеть въ негодовании: Какой отчалиный негодяй! Какой наглый подлогъ! Или что либо въ этомъ родё. Но я ждаль напрасно, Парнелль указалъ мит пальцемъ на букву «S» въ своей подписи и совершенно хладнокровно, какъ о вещи безразличной, сказалъ:
  - Я уже съ 1878 г. не пишу такихъ буквъ.
- Боже мой!—подумаль я, если онъ такимъ образомъ захочетъ защищаться въ парламенть,-не будеть не одного англичанина, который не станеть думать, что письмо написаль именно Парнелль» *). Въ тоть же вечеръ Парнелль заявиль въ парламенть, что все письмо, оть первой буквы до последней, - грубый подлогь. «Мий непонятно, какимъ образомъ редакторъ большой, и считающей себя корректной, газеты могь быть настолько ослещень, обмануть и обойдень (so hoodwinked, so hoaxed, so bamboozled), чтобы поместить такую глупую выдумку, какъ мой автографъ. ...Содержажаніе письма неліно по очевинности. Фразеологія глупа. Каждан буква его дышеть подлогомъ. Повидимому, англійскіе политики сбиты совсемъ съ толку, если вождю парламентской партін въ 86 депутатовъ приходится защищаться отъ анонимнаго подлога, учиненнаго утромъ Таймсомъ». Этимъ объясненіемъ вопросъ о письмів быль на время исчерпань. «Громовержень» продолжаль, между тысь, печатаніе статей «Парнеллизмъ и преступленіе». Въ Times'в появились также письма, будто бы, написанныя Иганомъ, казначеемъ земельной лиги. Но воть Парнелль вынуждень быль сделать решительный шагь.

Одинъ изъ членовъ парламента О'Доннель счелъ себя оклеветаннымъ статъями «Громовержца» и привлекъ газету къ суду. Защитникъ Тіте, стряпчій по діламъ казны (Attorney-General) заявиль, что газета обвиняеть въ преступленіяхъ только одного Парнелля, а не О'Доннеля. Вождю ирландской партіи пришлось тогда предпринять рішительный шагъ. Парнелль потребовалъ назначенія

^{*)} The Life of Charles S. Parnell, v. II., p. 197-199.

опеніальной параментской коммиссін для насл'ядованія подлинности письма. Правительство соглашалось назначить трехъ судей для провърки всехъ обвинений, выставленныхъ «Громовержцемъ». Въ сентибре 1888 г. спеціальная воминскія открыла свои заседанія. Каждая изъ сторонъ пригласила самыхъ лучшихъ и ученыхъ адвокатовъ Англін: со стороны Times быль стряпчій по діламъ казны (Attorney-General), со стороны Париелля—лордъ судья, дордъ Россель. Парнелив состредоточнив все свое внимание на подложномъ письм'в. «Обвиненія, выставленныя Громовержцем», не стоять такъ денегь, которыя я заплачу адвокату, чтобы опровергнуть ихъ,товориять онъ. -- Если мий удастся доказать, что письмо подложно, все остальное рухнеть само собою. Если я не въ силахъ буду сдёжать это, то пусть коммиссія оправдаеть меня по всёмь пунктамь, въ глазахъ публики, я все же буду осужденъ. Нужно розыскать человака, поддалавшаго письмо, и поставить его свидателемъ подъ перекрестный допрось». Въ словахъ этихъ виденъ замечательный политическій стратегь, никогда не теряющійся, стратегь, который проницательнымъ взглядомъ сразу уметь определить, куда следуеть двинуть полки, чтобы оъ нанменьшими утратами добиться наибольшихъ результатовъ.

Но какъ узнать, кто совершиль подлогь?

Тітемев, между прочими документами, пом'єстиль автографъ письма Патрика Игана. Въ немъ была характерная, хотя не зам'єтная на первый взглядь ореографическая ошибка: слово «hesitancy» (соминне) было написано черезъ е (hesitency). Мы виділи, что Иганъ велъ переписку съ Пиготомъ. Вспомнивъ письма последняго, Иганъ категорически заявилъ: «это характерная ошибка Дика Нигота. Онъ подд'явалъ письмо». Союзники выработали планъ кампавіи. Агенты высл'єдни Дика и сказали ему, что его желають видіть по важному ділу нісколько друзей, прибывшихъ изъ Америки. Свиданіе должно было произойти въ дом'є Лабушера, редактора Ттити Дикъ попаль въ ловушку. На квартирі Лабушера онъ встрітился съ Парнеллемъ, который ему прямо заявиль, что подліваль письмо онъ, Пиготъ.

— Пиготъ, —вићиватся адвокатъ Парнелля, —письмо поддёлали вы. Мы имбемъ многочисленныя доказательства. Вы можете сдёлать одно изъ двухъ: или сознаться и сказать газетъ, чтобы она извинилась, или же продолжать быть безстыднымъ, т. е. явиться въ судъ свидётелемъ и подъприсятой показать, что письмо подлинное. Въ послёднемъ случав вамъ не миновать каторжныхъ работъ за подлогъ и клятвопреступленіе.

После несколькихъ минуть колебанія Пиготь сознался. Решено было сойтись завтра опять для снятія формальнаго письменнаго сознанія въ подлоге. Но на другой день Пиготь раздумаль. Онърешиль «быть безстыднымъ до конца» и дать ложную присягу. Въ аналахъ англійской юриспруденція на вёчныя времена записань

перекрестный допросъ Пигота пордомъ Россемемъ, адвокатомъ Парнелля. Повидимому, предавая Парнелля, въ то же время Дикъ думаль о предательстве техъ, которые купили его. За несколько дней до появленія статей «Громовержца»—Пиготь писаль дублинскому архіепископу, близко принимавшему въ сердцу діла ирландской національной партін: «Вы можете быть ув'врены, что я пишу съ полнымъ знаніемъ дела и что я могу доказать все то, что сообщаю. Далье я могу увърить ваше высокопрессвященство, что знаю, какъ предупредить грозящую опасность... Едва ин я долженъ прибавить, что, считай и націоналистовъ повинными въ техъ преступленіяхъ, которыя будуть возведены на нихъ, --- я не посм'ять бы внушать вашей милости мысли заступиться за нихъ. Я долженъ прибавить, что съ вижшеей стороны обвинения очень убъдительны, и, на основаніи нув, англійскіе присяжные навірное вынесуть соответствующій приговорь. Я хочу отвратить большую опасность оть головы народа, которому, какъ извъстно, вы сочувствуете. Я лично не играю роли въ томъ, что случится съ парнеллистами, хотя знаю всё подробности». Письмо, конечно, заканчивалось просьбой денегь. Этоть документь въ рукахъ адвоката Парнелля послужиль исходнымъ пунктомъ. Путемъ необыкновенно искуснаго перекрестнаго допроса дордъ Россель добился полнаго совнанія отъ Пигота.

Дикъ бёжаль въ Мадридъ и застрёлился, когда пришли арестовать его. «Таймсъ» долженъ быль по приговору суда заплатить Парнелию 5 тысячъ ф. ст.

Періодъ, следовавшій за этинъ пропессонъ, быль санынь блестящимъ въ жизни Парнелля; но могучій врагь, пораженный разъ, не считаль себя окончательно сраженнымь и высматриваль лишь удобный моменть для новаго нападенія. Онь не заставиль себя ждать долго и на этотъ разъ повель къ трагическому концу. Парнемы быль тогда въ апогей славы. Барри О'Бріенъ говорить объ этомъ періодь въ нъсколько приподнятомъ тонь: «Парнелль заставиль замолчать клеветниковъ, подавиль распри, уничтожиль соперничество, примириль противоположныя силы, соединиль конституціоналистовъ съ революціонерами, потушиль старинную вражду между церковью и феніями, организоваль и дисциплинироваль партію, сильнее которой нието еще не видаль въ парламенте; однимъ словомъ, онъ объединилъ ирландскую расу, разсвянную по всему міру, и сталь во глава не только партін, но цалой націн. Онь разбиль почти всёхъ своихъ враговъ. Форстеръ быль подавлень, папа — отраженъ, Гладстонъ — побъжденъ, Times — опрокинутъ, тори потрясены, либералы разовяны или же подчинены. Не было человъка, не было партін, которые не выносили бы изъ боя съ немъ глубокихъ. ранъ» *).

^{*)} Life of Parnell, v. II, p. 235.

IV.

Близились общіе выборы. Парламентская сессія 1890 г. была но невероятности скучна и не интересна; но воть газеты заговорили разомъ по поводу одного процесса. Торійская печать, съ Таймсомо во главъ, употребляла всъ усили, чтобы раздуть скандаль въ огромный пожаръ. Взвинченная газетами одна часть англійскаго общества пережена тоть острый припадокъ пуританскаго бъщенства, который, по словамъ Маколен, овладъваетъ англичанами періодически, каждые семь леть. Въ ноябре 1890 года назначенъ быль разборь бракоразводнаго процесса. Капитанъ О'Ши требоваль развода съ своей женой, обвиния ее въ прелюбоденній съ Парнеллемъ. Капитанъ О'Ши, разорившійся ирдандскій пом'ящикъ, отчасти быль нав'ястень въ политическихъ кружкахъ, хотя большую часть своего времени проводель въ игорныхъ домахъ, въ ресторанахъ и на скачкахъ. Онъ называлъ себя выгомъ и охотно вступать въ сделки съ представителями англійскаго правительства въ Ириандін, которые употребляли его, какъ агента и парламентера. Въ 1880 году Парнелль повнакоменся съ О'Ши на общихъ выборахъ. Капитанъ тоже выступиль тогда кандадатомъ. Тогда же Парнелль познакомился съ мистрись О'Ши. Съ 1881 г. до самой смерти, по словамъ біографа, Парнелль и она жили, какъ мужъ съ женой. Такимъ обравомъ, связь была долгая; о ней знали всё и прежде всёхъ капитанъ. Въ 1881 г. онъ вызвалъ Парнелля на поединовъ; вождь не отказался отъ вызова, но дузль не состоялась. Вскор' стало изв'ьотно, что капитанъ согласнися взять деньги за то, чтобы предоставить свободу своей женв. Вліяніе г-жи О'Ши на Парнелля принадлежить въ той же категорія загадокь, какъ вліяніе жень Гете. Руссо или Гейне. Оно было сильно въ особенности въ первые два года: Парнелль тогда почти совершенно удалился отъ общественныхъ дълъ. Связь сильно вотревожила друвей и политическихъ соренековъ Парнелля. Грубый Бринъ посладъ ему резкую и лаконическую телеграмму: «Mrs O'Shea will be your ruin». (Γ-жа O'Ш н будеть вашей погабелью). О характеры отношеній О'Ши къ Парнедию знали всё вожди политических партій. Нёсколько разъ Парнемы посываль г-жу О'Ши делегатомы къ Гладстону. Съ ней и съ капитаномъ велъ всв переговоры Чемберленъ. И этой-то многолетней связью воспользовалесь невидимые враги, чтобы погубить Парнемия, когда не удался пиготовскій ходъ. Повидимому, проницательный, не терявшійся никогда вождь не представляль себі возможности процесса. Париелль хорошо зналь капитана и думаль, что тоть хочеть «сорвать» съ него новый кушъ. Онъ подагаль, что одной тысячью фунтовъ можно успоконть О'Ши. Парнелль не поняль, что за спиной капитана стоять другіе, располагающіе мно-

гими десятками тысячь фунтовъ ст. Пятнадцатаго ноября началож процессъ. Защиты не было. Семнадцатаго ноября судъ высказался за разводъ. Трудно себъ даже представить ть грошовыя обличительныя статьи, которыя появились по поводу этого процесса въ консервативныхъ газетахъ и, въ особенности, въ «Тайисв». Читая ихъ, можно подумать, что съ техъ поръ, какъ стоить Англія, никогда еще не было такого грвха; можно подумать, что судьи спасли родину отъ страшнаго чудовища, покусившагося на сіяющую, какъ сныть на вершинъ Эвереста, общественную правственность. Въ своей «Pall Mall Gazette» Стодъ «блёднёль оть ужаса» при мысли. какія опасности угрожають англійской правственности, если такія «чудовища безиравственности», какъ Париелль, останутся на посту. Интереснъе всего то, что ниенно въ «Pall Mall Gazette» и именно повъ перомъ г. Стода появилнов панфлеты «Maiden Tribute of Modern Babylon», о которыхъ я говориль въ прошломъ письме. Автору памфлетовъ, конечно, было извъстно, что въ Лондонъ существуютъ гораздо болье ужасныя преступленія, г. Стоду было навъстно, что виновниками этихъ преступленій являются благородные лорды. же было принято рашеніе суда націоналистами? Восемнадцатаго ноября, т. е. на следующій день после приговора, состоядось въ Дублине заседание национальной лиги. Лепутаты решили остаться върными Парнеллю. «Прежде всего я желаю выравить мою глубокую преданность Парнеллю. Сохрани Господь, чтобы мы броским въ трудную для него минуту вождя, который такъ мужественно вель насъ въ то время, какъ политическій горивонть нашей родины быль обложень со всёхь сторонь грозовыми тучами. Я считаю величайшей честью для себя то, что находился возле вождя, когда онъ произносиль пятнадцать леть тому назадъ свою первую ръчь. Еще болье я буду гордъ сознаніемъ, что боролся ряпомъ съ нимъ до последняго момента». Это говорилъ Свифтъ Макъ Нейль, черезь несколько дней оставивившій Парнелля. Черезь день въ Freeman's Journal, въ оффиціальномъ органа націоналистовъ, появилось следующее сообщение. «Мы уполномочены свавать, что Париелль не ниветь ни малейшаго намеренія сложить съ себя обяванность вождя ирландской парламентской партів... Пусть это твердо помнить та часть печати, которая повинна въ махинаціяхь Пегота. Быть можеть, тогда она одной ложью меньше пустить въ обращение среди публики и одной нивостью сдёлаеть меньше *). М-ръ Париелль избранъ ирландскимъ народомъ, и лишь последній имееть право такь или иначе вліять на его обществен-

^{*)} Тонъ нриандскихъ газетъ, вообще, рёзко отличается отъ такового англійскихъ. Говорятъ, нриандци по рожденію заговорщики, оратори и публицисти. Не знаю, насколько это върно, но привидскіе публицисти иншутъ порой не черпилами, а желчью. Изъ одной статьи привидской газети можно выбрать столько энергичныхъ выраженій, сколько не наберете изъ англійской газеты за цілый годъ.

сную деятельность. Лживыя, дикія и безстыдныя завыванія пиготистовъ отнюдь не могуть повліять на отставку мистера Парнелля». Еще черезъ день, Джонъ Дилонъ, нынашній вождь анти-парнел-инстовъ, писаль: «Я не вижу въ томъ, что случилось, ни малайшаго повода къ тому, чтобы Парнелаь сложиль съ себя обязанность вождя. Подобный шагь нивиь бы габольныя послёдствія». Подобнаго же мивнія были и либералы, въ то время— политическіе союзники приандцевъ. Двадцатаго ноября состоялся въ Дублинъ большой митингъ союзниковъ. Будущій вождь анти-парнеллистовъ, Джюстинъ Макъ Карти, предложилъ выразить довёріе Парнеллю. Резолюція была принята единогласно. «Если Парнелль отнажется, то его выберуть немедленно опять»,—заявиль Хили, черевъ не-дълю сдълавшійся однимъ изъ самыхъ ожесточенныхъ противнижовъ лидера. «Мы поступинъ глупо и преступно, —продолжалъ онъ, если по такому поводу оставинъ великаго вождя, съ которынъ мы одержали столько побъдъ; мы будемъ измънниками, если присоединимся къ воюющей шайкъ, устронвшей скандалъ». Другіе ора-торы совершенно справедливо указывали на то, что рыцарскіе пріемы въ политической борьбъ—совершенно неизвъстное явленіе; что здысь на первый планъ выступають хитрость, интрига и предательство». Изъ ирландцевъ тогда только двое строго осуждали Париелля и доказывали необходимость отреченія его. Одинъ изъ нихъ стояль на религіозной почей; это быль священникъ Хегь Прайсъ Хегсъ. Другой, именно Майкель Девить, стояль на мораль-ной почве. Но воть выступаеть новый деятель, и въ приандской партін образуется расколь. Среди націоналистовь распространяется слухъ, что Гладотонъ заявилъ, что либералы потерпятъ поражение на общихъ выборахъ, если Париелъ останется вождемъ. Двадцать четвертаго ноября стало извёстнымъ содержание письма Гладотона въ Морлею, воторое и либералы, и націоналисты сочли ультиматумомъ. Оно было истолеовано такъ: «вли Гладотонъ, или Парнелль». Такого ультинатума Гладотонъ не ставиль. Письмо было составлено не особенно ясно. Великій старецъ воздавалъ должную оцінку заслугамъ Парнелля, но предсказываль «неисчислимыя бъдствія» для либеральной партіи на общихь выборахъ, если Париелль останется лидеромъ. «Въ подобномъ случай, мое вліяніе, какъ вождя либеральной партін, выставившей на знамени прежде всего самоуправление для Ирландін, —будеть почти подорвано», —писаль Гладотонъ. Изъ книги Барри О'Бріена мы знаемъ, что Гладотонъ не хотель полной отставки Париелля, а думаль лишь о временномъ устраненін отъ діль. Письмо съ поразительной быстротой появилось въ печати и прежде всего въ консер-вативномъ «Standard». И либералы, и націоналисты, и консерваторы поняли письмо въ томъ смысле, что, по мивнію Гладстона, либеральная партія потерпить пораженіе на общихь выборахъ. если Париелль останется лидеромъ.

Наканун'в опубликованія письма ирландскію депутаты, собравшись въ парламентв (сессія открывалась черезъ день), избрали своимъ лидеромъ Париелля. Вождь быль спокоенъ холоденъ и неприступенъ, какъ всегда, пожалуй, даже больше, если върить наивному заявленію одного изъ привидскихъ депутатовъ: «Парнеддь явился къ намъ съ такимъ видомъ, какъ будто бы мы свершили прелюбодъяніе съ его женой». Письмо-Гиадотона приозвело сильное впечативніе. Немедленно ирданицы собранись въ париаментв. Это было черезъ день после того, какъсостоялось избраніе лидера. Въ партін начинался расколь. Один. какъ Барри, советовани лидеру выйти въ отставку, другіе, какъ полковникъ Ноланъ, доказывали, напротивъ, настоятельную необходимость «to stand to his guns», т. е. не оставлять баттарен, какъ выражаются ирландцы. Засъданіе ничемъ не окончилось. Назначили лишь рашающій митингь на первое декабря 1890 г.: но уже въ тогь же вечеръ выяснилось, что Диллонъ, Вилльянъ. О'Бріенъ и Т. О'Коноръ ни въ коемъ случав не пойдуть за лидеромъ.... Ирландскіе журналисты очень много писали о причинахъ, вызвавшихъ. расколь. Другь друга обвиняли не только представители различныхъ партій, какъ напр., Диллионъ и Редиондъ, но даже представителиолной и той же группы. Всего лишь на дняхъ вышель ядовитый, писанный желчью памфлеть Хили: «Why Ireland is not Free?» Наэтоть вопрось авторь отвичаеть: «потому что Диллонь вмышивается въ общественныя діла». Къ несчастью, ирландскія діла служать нагляднымь доказательствомь, какь много теряють партін, которыя вижето того, чтобы соединиться для борьбы съ общинъ врагомъ, губять общее дъю взаимными раздорами. Почему произошель расколь? Анти-париеллисты боялись, что если Париелль останстся. уйдеть Гладотонъ; если уйдеть последній, будуть проиграны общіевыборы. Пораженіе же либеральной партін на общихь выборахъозначало, по мивнію депутатовъ, смерть гомъ-рудя.

Парнедль гордо объявиль вызовъ всёмъ противнивамъ, опубликовавъ манифесть къ нрландскому народу. «Пестнадцать лёть тому
назадъ, — писалъ онъ, между прочимъ, — задумалъ я организоватьприандскую парламентскую партію, независимую вполий отъ англійскихъ партій. Десять лёть тому назадъ я былъ избранъ лидеромъ этой партін. Все это время она оставалась независимой и,
въ силу этого именно, англійскій народъ пришель къ сознанію, чтосамоуправленіе для Ирландіи — необходимо. Я не вёрю, чтобыгомъ-руль подверганся теперь опасности оттого, что ирландскій народъ станеть педдерживать меня. Но если бы даже была та опасность, которой грозить намъ либеральная партія, то, мий кажется,
лучше подвергаться ей, чёмъ вступать въ компромиссы, унижающіенаше національное достоинство». Перваго декабря, т. е. черезътри дня послё опубликованія манифеста, всё ирландскіе депутаты,
собрались въ парламентё, чтобы окончательно рёшить вопросъ о-

лидеръ. Одинъ изъ депутатовъ сразу предложилъ такую резолюцію: «Парнелль отнынъ не можеть оставаться болье вождемъ». Оставащіеся върными Парнеллю предлагали перенести митингъ въ Дублинъ. Они разсчитывали, что общественное митине тамъ выскажется за стараго вождя. Это предложеніе было разбито 44 голосами противъ 29. Горячіе и страстные дебаты не привели ни къчему. Тогда Джюстинъ Макъ-Карти заявилъ, что совершенно безполезно продолжать дебаты, такъ какъ онъ и друзья его рёшили оставить совъщательный комитетъ. Сорокъ пять депутатовъ удалились. Парнелль остался съ 24 послёдователями. Расколь произошелъ.

Арена борьбы теперь была перенесена изъ Лондона въ Ирландію. Предстояли выборы въ Килкеней. Они должны были служить первымъ доказательствомъ того, перешла ли страна на сторону анти-париеллистовъ, или же она осталась върной еще старому вождю. Въ округъ духовенство имъло сильное вліяніе. До послъдняго времени оно поддерживало Париелля, хотя не могло симпатизировать протестанту, находящемуся, какъ думало духовенство, въ такихъ близкихъ отношеніяхъ съ феніями. Теперь же духовенство высказалось противъ Париеля. Въ Дублинъ лидера встрътили восторженно. Онъ собралъ большой митингъ. «Я не стану увърять, что моя личная жизнь всегда была безъ всикаго пятна, — сказалъ, между прочимъ, тогда Париелль; но я торжественио заявляю, что никогда на однимъ поступкомъ, словомъ или помышленіемъ не измѣнилъ Ирландіи и не нарушилъ довърія, оказаннаго ею мивъ.

Прежде чёмъ Париелль оставиль Дублинъ, ему пришлось взять приступомъ газету «United Ireland». Она прежде была органомъ париеллистовъ; но затёмъ перешла въ анти-париеллистамъ. Чтобы изгнать ихъ изъ редакціи, пришлось осаждать ее и выламывать двери, такъ какъ новые сотрудники забаррикадировались. Изъ окна взятой приступомъ редакціи Париелль обратился къ апплодировавшему и махавшему ему платками народу: «я полагаюсь на Дублинъ, — сказаль онъ; Дублинъ — въренъ Ирландів. Что Дублинъ говорить сегодня, то вся Ирландія скажеть завтра».

Выборы въ Килкеней продолжались десять дней. «Это была борьба, главнымъ образомъ, между париеллизмомъ и влерикализмомъ»,— говорить Барри О'Бріенъ. Париелль быль разбить; кандидать, предлаженный имъ, получить 1362 голоса, тогда какъ представитель другой партін—2527 голосовъ. «Мы разбиты,—писаль Париелль,— но это лишь первая стычка. Я буду сражаться, покуда живъ». Черезъ три мѣсяца Париелль снова быль разбить на выборахъ (въ Сѣвериомъ Слайго). Наружно Париелль оставался, повидимому, такъ же спокоенъ, какъ и всегда; но онъ страдаль жестоко. Для него вся жизнь была борьба. «Я не отрицаю моихъ ошнбокъ; я совершиль ихъ множество,—мрачно сказаль онъ тогда одному изъсвоихъ друзей; но одной ошнбки не могу простить себъ. Я не быль явъ достаточной степени непреклоненъ. Они звали меня диктато—

ромъ. Къ сожально, я не вполив быль имъ. Я дозволять двлатьслишкомъ многое; но этого больше не будетъ». Но Парнеллю больше не пришлось уже бороться. Седьмого октября 1891 г. его нестало. «Передайте Ирландіи, что я страстно любиль ее». Таковыбыли последнія слова вождя. Одвинадцатаго октября Дублинъ хоренилъ національнаго героя. Не далеко отъ стариннаго собора св.
Патрика въ Дублинъ есть небольшое кладбище. Еще издали видиана немъ высокая круглая башня съ конической крышей. Она выстроена по типу техъ круглыхъ башенъ, развалины которыхъ виднытамъ и сямъ въ Ирландіи. Подъ ней зарытъ прахъ «величайшагоирландца» — О'Коннеля. Рядомъ съ этой-то могилой похороненъПарнелль.

Діон**ео**.

Идейное пробужденіе Франціи.

(Письмо изъ Франціи).

Тяжело жилось до самаго последняго времени во Франців-90-хъ годовъ; тяжело, конечно, всемъ темъ, которые искреннолюбять эту страну великихь словь и великихь дель, этотъ героическій народь, этоть безпримерный городь, обильнее политывкровью, нежели целыя сотии квадратныхъ миль иного государства! Реакція торжествовала по всей линін, и, можно сказать, въ теченіе последнихъ пятнадцати леть каждый новый день прибавляль. лишнюю черту къ этой общей мрачной картинь. То было, сейчасъ же вслідь за побідой надъ монархическими партіями, свиріпое расхищение государственнаго пирога стасй наголодавшихся при-Имперін «мудрыхъ и практичныхъ» республиканцевъ, торжествооппортунестской политики, которая отдала всю страну на корилевіе крупнымъ и мелкимъ представителямъ режима, и ихъ роднымъ, знакомымъ и креатурамъ. То было, по закону реакціи, нелъпое двежение массъ въ сторону цезаризма, черной логади в генеральскаго султана Буланже, въ которомъ значительная частьнаселенія, науськиваемая реакціонными и мнимо-радикальными вожавами, видела «національнаго героя», спасителя Франціи отъполитическихъ и экономическихъ бъдъ. Затемъ последовалъ, вслъдъза отраженіемъ буланжистской армін, новый пиръ побідителей, новая оргія «правительственных» республиканцевъ», при самомъначаль своемъ, впрочемъ, прерванная грандіозной панамской катастрофой. Этоть принесь, повалившій стольких столновь оппортунизма, вызваль лишь, въ концъ концовъ, накоторую перетасовку въ

составъ правящаго персонала, замънать черезчуръ скомпрометированныхъ Несторовъ режима молодыми, но изъ раннихъ Улиссами,
а виъстъ съ тъмъ усилиль ту клерикальную реакцію, которая стала
ирокидываться вскорт после подавленія буданжизма въ свободомыслящихъ до того времени правительственныхъ сферахъ. Можно
прямо подумать, что за свою собственную масляницу онъ, эти
сферы, хотъли наложить великій пость на всю страну: то было
время, когда, въ отвътв на макіавелевскую политику и авансы папы,
Спюллеръ счелъ долгомъ ваявить о «новомъ духъ», и когда первые
«присоединившіеся» къ республикъ реакціонеры вошли въ республиканскую цитадель съ тъмъ, чтобы отворать ея ворота врагамъ
республики...

Право, живя среди этой вакханаліи реакціонных силь, можно было порою отчаяваться въ будущности Франціи, какъ можно было сомніваться, дійствительно ли это та самая героическая, борющаяся за всеобщее счастіе страна, къ которой лился бурнымъ потокомъ восторженный гимнъ энтузіастовъ свободы вродів Мишля:

«Вотъ она, эта Франція, сидящая, словно Іовъ, на вемлі посреди своихъ подругъ, другихъ націй, которыя пришли утішать ее, разспрашивать, помочь ей, если можно, работать для ея спасенія. «Где твон корабли, твои машини»? говорить Англія. А Германія спрашиваеть: «гдв твон философскія системы? Нёть ли у тебя, по крайней мёрё, какъ у Италін, произведеній искусства для показа»? Добрыя сестры, вы, которыя приходите утешать Францію, позвольте мив ответить за нее. Ви видите, она больна; она склонела голову, она не хочеть говорить. Если бы люди захотъм сложить вивств все, что каждая нація издержала и золота, и прови, и усилій всяваго рода ради безкорыстиму вещей, которыя должны были пойти на пользу всему міру, пирамида Франціи поднялась бы до небесъ... Нътъ, не промышленный машинизмъ Англін, не схоластическій машиневиъ Германіи составляєть жизнь міра; ее составляєть дыханіе Францін, въ вакомъ бы состоянін она ни находилась... Духъ Францін можеть морою засычать въ ней, но онь всегда сохраняется цвлъ, всегда готовъ въ могущественному пробуждению» *).

Еще недавно эти пламенныя строки могли бы показаться насмёшкой надъ современной Франціей, надъ Франціей, въ которой процессъ Золя обнаружиль самое наглое торжество реакціи: читатели, следящіе за мовми письмами, найдуть въ одномъ изъ нихъ выраженіе того тяжелаго настроенія, которое охватило въ началё этого года воёхъ искреннихъ друзей великаго народа и поклоиниковъ его историческаго пропилаго. Но теперь заключительныя слова идейнаго патріота - историка получають даже какъ будто пророческій смысль: уснувшій духъ Франціи пробудился, и тоть, кому дано судьбой жить въ это нервное время въ Парижъ, чувствуеть горячее дыханіе зитузіазма, исходящее отъ взволнованной толпы этихъ студентовъ, этихъ старыхъ профессоровъ, этихъ недавно еще умёреню либеральныхъ публицистовъ, этихъ торгов-

^{*)} J. Michelet, Le peuple; crp. 253-254 брюссельского изд. 1846.

цевъ, ремесленниковъ, рабочихъ, которые собираются чуть не каждый день на многочисленныхъ публичныхъ митингахъ, чтобы протестовать противъ произвола военной клики. Союзъ народа и интеллигенціи во имя справедливости—вотъ знамя этого идейнаго движенія; и, говоря такъ, я даже не даю отъ себя какой-нибудь обобщающей фразы, а беру цёликомъ само выраженіе у публицистовъ демократической буржуваїи вродё Прессансэ.

И, знаете-ли, что? Можеть быть, я и ошибаюсь, но, жадно прислушиваясь къ этому первому весеннему грому, возвъщающему конецъ зимеей спячки Франціи, я не могу отділаться отъ той мысли, что и на этотъ разъ великій народъ сыграеть свою обычную историческую роль: быть популяризаторомъ назравающей иден и иниціаторомъ дійствія. Обратили ли вы вниманів, что съ легкой (дучше сказать тяжелой) руки Золя, сорвавшаго маску съ военной Өөмиды, которая такъ удачно воплощается въ подполковникъ Дюпати-де Кламъ, переряжавшемся въ даму подъ вуалемъ, обратили ли вниманіе на то, что теперь чуть не въ каждой странв нашлись свои Дрейфусы, свои жертвы судебных в ошибокъ, и поднялись свои защитники пострадавшей невинности, свои борды за попранную справедливость? Въ началь этого года такая агитація возникла въ Бельгін; теперь мы присутствуемъ при подобномъ же движение въ Голландии и въ Германии... И этимъ, коиечно, дъло не кончится: воть они, законы-то подражанія, свидетельствующіе, въ слову свазать, о томъ, что не однъ мерзости исходять отъ воллевтивностей, но и благородные поступки!.. Этимъ, повторяю, двло не кончится: вопросъ переросъ Дрейфуса, переросъ приговоръ отдельнаго военнаго суда, переросъ пресловутый военный кодексъ Францін (выработанный въ реакціонную эпоху второй Имперін, въ 1857 г.). Рвчь идеть теперь о пересмотрв всемірно-исторической системы несправединвости, которая пышно разрослась за последніе тридцать леть въ Европе. Какъ естественная любовь въ родине, къ своимъ ближайшимъ людямъ-братьямъ выродилась въ крикливый и гнусный шовинизмъ? Какъ желаніе каждой націи охранить свое право на развитіе на-какъ бы это сказать?-личную ноту въ великомъ федеральномъ концертв народовъ привело къ чудовищной военщинь? Какъ борьба противъ эксплоатаціи человька человькомъ могла ореди темныхъ массъ дать, точку опоры для презрънной антисемитствующей демагогіи? Шовинизмъ, милитаризмъ, антисемитизиъ-вотъ вопросы, которые Франція ставить теперь въ своемъ лиць для всего міра, отправляясь по обыкновенію отъ конкретнаго факта и по обыкновенію доходя до самыхъ абстрактныхъ общечеловаческих выводовь. И въ этомъ великая важность дала Дрейфуса: какъ чисто-научному астрономическому выводу Ньютона надо было пройти черезъ волшебную реторту Вольтеровскаго ума для того, чтобы стать дозунгомъ новаго всемірнаго міровозарінія, оснобожнающаго дюдей отъ философскихъ суеверій, такъ отдельному

факту несправедивости, совершенной надъ евреемъ - офицеромъ, надо было произойти во Франціи, чтобы борьба противъ насилія -сейчасъ же приняла общечеловіческій характеръ и повела за собой пересмотръ всего стараго міровоззрінія, какъ домовой тяготіющаго надъ современной Европой....

Не забывайте читатель: намцы, швейцарцы, бельгійцы, англичане, итальянцы, русскіе могуть негодовать на французовъ; пишущій эти строки самъ страдаль, волновался, скорбиль за Францію, когда она оставалась, повидимому, глуха къ протесту противъ неправды. Но, въ сущности, кто даваль намъ въ данномъ деле первый толчовъ въ негодованію, вто снабжаль насъ матеріаломъ для глубокаго нравственнаго возмущенія, и кто, какъ не сами французы, кто какъ не Золя, Клемансо, Жоресъ, Гойе, эти герои убъжденія, которые вначаль составляли небольшое верно, а теперь увлекли за собой все, что есть во Франціи мыслящаго и честнаго? Когда въ началь этого года мнь приходилось выдерживать жаркія стычки со многими знакомыми французами, я совершенно откровенно гово. риль имъ, что вопросъ Дрейфуса — всемірный вопросъ, и что поэтому французамъ нечего обижаться на то, что другія націи вившиваются въ это якобы чисто-національное французское діло. Noblesse oblige: персіянинъ, туровъ, какой-нибудь другой азіатъ могуть проделывать что имъ угодно у себя на дому, на то они азіаты-Франція не можеть; ся внутреннія ндейныя поб'єды явияются всемірной поб'єдой иден; ея внутреннія идейныя пораженія отбрасывають все человічество назадъ. Реакція во Франціи позволяеть поборникамъ мракобісія и произвола въ другихъ странахъ душить пробуждающееся сознаніе варода циничнымъ указаніемъ на внутреннія слабости Франціи и ехидными кивками на республику: «воть видите, моль, чего же вы хотите, когда угомонилась сама взбалмошная Маріанна! Не типично ли въ самомъ деле, что несколько месяцевъ тому назадъ, когда въ Германіи обсуждались изміненія въ военно-судномъ законодательотвъ, реакціонеры съ торжествомъ затывали глотку искреннимъ прогрессиотамъ, стремившимся къ введенію гласности разбиратель. ства, указаніемъ на французскіе порядки...

Признаться, я быль крайне доволень, когда нашель эту точку зрвнія тамь, гдв не могь предполагать ее, и, замітьте, въ самый разгарь шовинистской бури. Весной этого года, одинь изъ сотрудниковь «Фигаро», поставившій своею спеціальностію изданіе сборниковь французских и иностранных каррикатурь, писаль вътексть къ сборнику, посвященному «ділу Дрейфуса»:

Европейское общественное мизніе!» скажете ви, «да развіз существують Европа?» — Да, конечно, и эта-то Европа по всюду и карандашомъ, и перомъ заставляеть обратить вниманіе на свой голось. Она, эта Европа, оживляется, страстно волнуется, не скрывая боліве своихъ чувствъ, вмражая свое удовольствіе или свою печаль, сообразно съ тімъ, за Францію ли она или противъ нея, сообразно съ тімъ, видить ли она въ нашей странъ наслъдственнаго врага деспотняма или великую освободительницу ума человъческаго... Не надо забывать, что нъкогда им перевернули до основанія всю Европу, напитали ее нашимъ духомъ, нашими нравами, что им заставили ее раздълать нашу счастливую и несчастнуюсудьбу, что прежде, чъмъ наложить на нее ярмо императорскаго деспотизма, им дали ей надежду, дали ей своболу, такъ что, чтоби ни случалось, Европа съ тъхъ поръ не перестаетъ обращать взори на Францію... *).

Какъ же произошелъ тотъ повороть въ настроеніи французовъ, который изъ упомянутаго выше верна героическихъ защитниковъправды сдѣлалъ простой кадръ многочисленной и все растущей армін? О, это очень интересный процессъ, процессъ, наводящій на серьевныя соображенія и проливающій свѣть на нѣкоторыя стороны «соціальной динамики или общей теоріи естественнаго прогресса человѣчества», сказалъ бы Кентъ, или, выражусь попрощея—на тѣ пріемы, которые оказываются наиболѣе цѣлесообразными для того, чтобы общественное движеніе по возможности скорѣе раврослось. Я попрошу лишь читателя при дальнѣйшемъ изложеніи не забывать, что я предполагаю его достаточно ознакомленнымъсъ главнѣйшими перипетіями безконечно-усложняющагося дѣла Дрейфуса. Новости дня и многочисленные факты, которые наслояются на основномъ ядрѣ этого дѣла, могуть найти мѣсто лишь въ газетѣ: въ моихъ письмахъ дѣло идеть объ общей оцѣнкѣ событій...

Для того, чтобъ изъ протеста единичныхъ лицъ выросло сельное движеніе, которое, несомивино, увлекаеть теперь количественно значительное меньшинство, а качественно наилучшихъ дюдей изъ францувовъ, для этого надо было героямъ иниціативы подъйствовать на общественное мевніе страны, не обращая вниманіе на біленство и влевету профессіональныхъ «патріотовъ», на ревъ толпы на улицъ, на враждебность и индифферентизиъ массъ. Миъ уже нъсколько разъ приходилось указывать читателю на двё основным черты французскаго характера: воспріничивость и общественность. Первая обусловиваеть ту импульсивность, съ какою французъ реагируеть на вившнее впечативніе; вторая придаеть этой импуньсивности коллективный характеръ. Легкомысліе и стадность явдяются дишь оборотными оторонами упомянутыхъ положительныхъ качествъ. Вы поймете, почему французу очень легко привести свою мысль въ исполнение, осли она соответствуеть коллективному настроенію; но поймете также, почему ему трудно рішиться на поступовъ, идущій въ разрізь съ общимь теченіемь. Геронческому жизнерадостному существу нътъ, напр., ничего легче, какъ взойти со своими товарищами на баррикаду въ борьбъ за ндею, когда коллективный энтувіаннь доводить до высшаго напряженія вов силы человека и заставляеть въ самой смерти видеть самый великольпений, самый интенсивный акть жизни,—ибо что за жизнь бозъ

^{*)} John Grand-Carteret, «L'Affaire Dreyfus et l'Image»; Парвих, безъдати (вишла въ марте этого года), стр. 69—71, passim.

мден? Но для француза, когда онъ чувствуеть себя одинокимъ, нестерпимъе всякой смерти и страшнъе всякихъ ружейныхъ дулъвраждебный взглядъ толпы, которымъ она встръчаеть смъльчака, осмълившагося идти ей наперекоръ. И на этотъ-то по истинъ геройскій поступокъ отважились иниціаторы движенія въ пользу Дрейфуса.

Дайствительно, вы представить себв не можете, не живи вофранціи, до какой степени идолопоклонства — и фальшиваго, в
искренняго — дошло у этого фрондирующаго и свободолюбиваго
народа преклоненіе передъ арміей или, вёрнёе, передъ мундиромъ
и султаномъ. Я уже говорнять въ свое время о томъ, какъ нікола,
парламентская трибуна, печать, улица учать націю этому положительно слепому обожанію всего, что прямо или косвенно касается
военнаго элемента. И этой наукв, этому упорному гипнотизированію
массъ блестящими погремушками милитаризма насчитывается цёлая
четверть вёка. Только благодаря этому обстоятельству военная
власть выросла во Франціи въ гигантскую силу, которая осмёливается смотрёть на себя, какъ на верховный общественный принципъ, не подлежащій критикв и обсужденію, и откровенно смёстся
надъ гражданской властью, составляющею на самомъ-то дёлё основу
всего современнаго строя.

Съ 1871 г. и по 1898 г. Франція издержала на армію и флотъ 28 милліардовъ франковъ, и скоро діло близится къ круглой цифра тридцати милліардовъ. И что же? Въ то время, какъ пардаменть проводиль порою целые дии, препираясь изъ-за какой нибудь тысячи франковъ въ той или другой главь бюджетной сметы, военных издержки вотированись, что называется, зажмуря глаза и подъ громъ апплодисментовъ «представителей верховнаго народа». Нъть ничего типичиве засъданій палаты, когда дело идеть о военномъ бюджеть: для парламентарныхъ патріотовъ мало того, чтобы **Еритика** падала у подошвы ботфортовъ военнаго министра,—неть, вадо, чтобы спрашиваемый министерствомъ кредить быль принять единодушно вобить парламентомъ. «Не давайте, ахъ, не давайте поводовъ наблюдающемъ насъ изъ дипломатической ложи иностраннымъ посламъ замечать наши разногласія: Франція въ деле національной защеты выотупаеть вся какъ одинъ человівсь». И депутаты, действительно, старались, по возножности не разсуждан, принимать любую смету министерства. «Добровольное рабство» такъ бы окрестиль Этьенеъ-де-ла-Бозен эти пріемы французской палаты.

А самый докладъ коминссін, изучающей бюджеть военнаго минестерства? Боже мой! сколько обыкновенно находится патріотической поэзін въ этой сухой пров'я! Какими голосами сирень поють всё эти цифры, участвующія въ танці милліардовъ! Какъ ум'яло докладчикь проскакиваеть мимо докучливыхь вопросовь серьезнаго контроля и какъ нетерп'яливо онъ несется къ финальному апоесозу

и прославленію «твиь жертвь, которыя Франція, не щадя усилій, приносить на адтарь отечества!» Когда три года тому назадъ Кавеньякъ, еще не успавшій выказать себя больнымъ и упрямымъ честолюбцемъ, решилъ въ своемъ докладе приподнять лишь уголъ Изидина покрывала, окутывающаго проделки военных интендантовъ и ворыстное снисхожденіе въ нимъ властей, то этоть элементарный акть контроля приведь въ несказанный трепеть большинство представителей страны въ пармаментв и печати: такъ необычна показалась подобная продервость! Когда вначаль этого года, депутать Ле-Эриссо, — замътьте, бывшій буланжисть — вынуждень быль заговорить о злоупотребленіяхь протекціей въ военныхь сферахъ, злоупотребленіяхъ, благодаря которымъ разные папенькины сынки (les fils à рара) и изящные танцоры забъгають далеко по службъ впереди серьезныхъ и работающихъ офицеровъ, «правительственные республиканцы» постарались съ негодованіемъ отвергнуть такое обвинение. Когда несколько леть тому назадъ Амонъ (Hamon) въ своей «Психологіи профессіональнаго военнаго», Люсьенъ Дэкавъ въ своихъ «Унтерахъ» развернули рядъ фактовъ, типовъ и сценъ изъ военной жизни, противъ нихъ было возбуждено преследованіе за нападки на армію, хотя всё эти темныя стороны милитаризма извёстны всёмь и каждому, и лишь о нихъ считается непристойнымъ говорить вслухъ. И въ данный моменть парламенть далъ свое благословение на преследование Юрбэна Гойе за сборникъ его статей «Армія противъ націи», хотя большинство утвержденій автора заимствовано изъ оффиціальныхъ документовъ, судебныхъ отчетовъ, газетныхъ корреспонденцій. Словомъ, согласно старинной фразв, армія, подобно женв Цезаря, не должна быть ни въ чемъ подозрѣваема.

Немудрено, что при такомъ настроенія въ правящихъ сферахъ и темной массъ представители военной власти составили изъ себя прочную корпорацію, особое государство въ государствъ, высшую васту, смотрящую съ презрѣніемъ на какихъ-те копошающихся тамъ, внязу, штафирокъ, которые работають, производять, учительствують, служать наукв и справедливости. «Увы! им черезчуръ избаловали генераловъ», признался на этихъ дняхъ извёстный гамбеттистъ сенаторъ Ранкъ, который такъ долго поддерживалъ оппортунистскую политику и спохватился лишь какихъ нибудь два-три года, когда реакція распустила свои черныя крылья надъ всей страной. Само собою понятно, что эта система «баловства» должна была гибельно подъйствовать на высшее офицерство. Въ самомъ дъль, надо быть ангеломъ, чтобы остаться скромнымъ и убъжденнымъ ващитникомъ отечества, чуждимъ высокомбрія и виастояюбія, въ этой средь, которая одна является безконтрольной силой въ республикь, въ то время, какъ все, вплоть до самыхъ коренныхъ основъ жизни, принадлежить во Франціи критивъ и обоужденію. А какіе же ангелы всё эти генералы Мерсье, де-Буадеффры,

де-Пелье и т. п.? Большинство ихъ, уже по самому своему промехожденію, средё и взглядамъ, представляетъ заклятыхъ враговъ республики. Откуда вербуются они? Изъ такъ называемой аристократіи или буржувзін, которая тоже тянется въ знать. Но что это такое французская аристократія? Я рекомендую читателю любопытныя статьи, печатающіяся въ «Revue des Revues» за подписью Виконта А. де-Ройе (вёроятно, псевдонима) и произведшія шумъ въ благородномъ муравейникв. Съ одной стороны оказывается, чтомяъ 45,000 аристократическихъ фамилій Франціи.

едва ин есть 450 фамилій, которыя на самомъ деле могутъ претендовать на благородное происхожденіе *),

что объясняеть проническую тираду автора, обращенную къславнымъ обитателямъ Сенъ-Жерменского предмёстья:

И развів Сэнь-Жерменское предмівстье не усвоило себі издавна этогопрекраснаго німецкаго девиза: Man muss leben und leben lassen (живи самъ да и другимъ жить давай)? Каждый соглашается въ немъ терпіть. извівстнихъ маркизовъ или принцевъ, чтобы избіжать оспариванія своихъсобственныхъ званій герцога или графа. Такимъ образомъ, благодара этому режиму взаимной синсходительности, Франція сділалась самымъбогатымъ разсадникомъ потомковъ крестоносцевъ ***).

Но съ другой стороны это, казалось бы, невинное тщеславіе чревато очень вредными соціальными последствіями:

Французское дворянство является въ настоящее время не болёе какъприманкой, пустымъ словомъ, и однако представляеть еще собой страшную общественную силу. Прежде всего оно—убъжище реакцій или, върнъе, всевозможныхъ реакцій. Какой нибудь буржуа, просыпансь «благороднымъ», открываеть въ себё въ то же самое время и чувства, почитаемыя «благородными». Его религіознымъ идеаломъ станетъ Римъ съ его нетерпимостью, а его политикожномическія мечтанія будуть сосредоточиваться на преобладаніи капитала и пергамента. Онъ будетъ тъмъ сильные держаться за свою новую религію, что она представляеть для него прелесть незаконной связи ****).

Воть изъ какихъ дюдей вербуется главнымъ образомъ франнузское офицерство! Для укрупленія реакціонныхъ традицій и предразсудковъ этой среды имуются даже спеціальныя заведенія для юношества, въ которыхъ директорами состоять явные или тайные ісзуиты и прочія лица духовныхъ орденовъ, а преподаваніе ведется въ строго-католическомъ и консервативномъ духъ. Такова, напр., въ Парижъ гимназія Станислава, у подъёзда которой

^{*)} A. de Royer, «Avons nous une noblesse française»; «Revue des Revues», n° отъ 1-го октября 1898 г. (я цитирую по отдъльному оттиску,

^{***)} Cm. статью вторую: «Les Fantomes de «vieille roche»; ibid., n°. 1-е ноября, стр. 238.

^{****) «}Autour de nos articles sur la noblesse»; ibid., n° 15-го ноября, стр. 385—386.

(на уминь Notre-Dame-des Champs) вы можете видьть зачастую длинный рядь изящныхь экипажей съ более или менее фантастическими гербами. Одна лишь эта клерикальная гимнавія закиючаеть въ своихъ ствиахъ болбе 1,500 учениковъ, а сколько такихъ заведеній разовино по всей Франціи, и сволько детскихъ головъ систематически набивается чудовишными средневъковыми идеями, воторыя исключають всякую критику и малейшее проявление самостоятельной мысли! И такъ какъ военная карьера стала въ последное время главнымъ прибежищемъ отпрысковъ аристократических фамилій, которыя воть уже несколько десятковь леть блещуть поравительнымъ отсутствіемъ талантовъ въ своей средь, то нечего удивляться, какая громадная пропорція клерикаловъ находится среди здішняго офицерства, возрастая по мірів того. какъ поднимается по ісрархической лістниць. Ибо не надо забывать, что вов эти птенцы католической реакціи образують собою ивчто вродъ священнаго братства, которое тянеть за уши своихъ и строить всяческія козни «чужинь».

Эта сторона діла хорошо представлена въ выходящей теперь выпусками закулисной исторіи діла Дрейфуса, написанной Паскалемъ Грусся:

Вынужденные со времени франко-германской войны проходить, подобно всемъ прочимъ гражданамъ, черезъ службу въ армін, внуки шуановъ и эмигрантовъ скоро заметили выгоду отъ занятія въ ней офицерскихъ мъстъ. Военная профессія, долго презиравшаяся ими, снова стала аристократической. Ісзунты систематически толкали своихъ учениковъ въ разсадниви офицерства, прибъгая ко всевозможнымъ средствамъ для проведенія ихъ въ спеціальния военния школи, -- включая сюда предварительное сообщение темъ на конкурсныхъ экзаменахъ и настойчивое жинченье передъ экзаменаторами. Всемъ известно, что, по выходе, учениви, принадлежащие из иступскому ордену, найдуть у него покровительство, опору и даже, благодаря ему, женатся на богатой невъстъ. А скоро только на ихъ долю и будеть выпадать повышение въ чинахъ. Искусный и незаметный подборь, производимый постоянно действующей темной властью, мало-по-малу заместиль теми, которые могуть служить политикъ ордена, всъ высшія должности, зезаменаціонныя коммиссім при военной школь, главные посты въ генеральномъ штабъ и армін. Медленно, но верно развивансь, эта система принесла плоды. И такимъ образомъ въ теченіе немногихъ літь, благодаря этой тактиві, тімъ болве гибельной, что она казалась совершенно естественной и опирающейся на условія вонкурса, на военный уставь, на прерогативы чина, — всь высшія и несменяемыя должности, все действительныя функціи командованія во францувской армін достались приверженцамъ ісвунтскаго ODIEHA *).

Знаменателенъ уже самъ по себъ тотъ фактъ, что четверть офицеровъ сухопутной армін (около 7,000 изъ 28,000) и половина флотокихъ офицеровъ (900 изъ 1,800) проходять чревъ клерикаль-

^{*)} Paschal Grousset. L'affaire Dreyfus illustrée et ses ressorts secrets. Histoire documentaire; Naphers, 1898, Bunycks II, crp. 16.

ныя школы. Но еще знаменательное окончательный результать жиерикализма въ войско: громадная пропорція главныхъ постовъзанята потомками техъ французскихъ «благородныхъ» эмигрантовъ, жоторые сто лоть тому назадъ составляли такъ называемую «армію Кондэ», изменнически сражавшуюся противъ своего отечества подъ немецкими, австрійскими и англійскими знаменами. Когда Юрбону Гойе пришла въ голову остроумная мысль сравнить фамиліи теперешнихъ офицеровъ съ фамиліями ренегатовъ прошлаго въка, то сейчась же, лишь на основаніи неполныхъ документовъ, талантливый авторъ нашелъ, что

болъе тисячи фамилій, носимихъ нъсельними тисячами офицеровъ, оказались совершение тождественными въ войскахъ: Кондэ и въ кадрахъ-современной французской армін. Цълмя семъи лишь перемънили, такъ-сказать, форму. Порою онъ располагають одинаковимъ числомъ одинаъ и тъхъ же дъленіяхъ армін. Такъ, кавалерія, въ которой ми служимъ теперь, воспроизводить удачно-своими кадрами кавалерію Кондэ... Драгуни Ангэна и Клермонъ-Тоннерра, кавалери Короны, благородиме кавалеристи Ангуляма находятся теперь во главъ нашихъ польовъ и нашихъ бригадъ.. Старый воевный феодализать, про-являвшій столько гнета и ненависти, непримиримий врагъ современнаго духа, держить въ настоящее время въ своихъ рукахъ власть болье острашную, чъмъ веф его старинным привилегіи. Армів Кондэ, цълнюмъ перенесенная въ наши ряди или, върнъе, поставленная во главъ нашей, располагаеть по своему произволу арміей Республики, а, при номощи армін, угрожаеть всей націй *).

Эти свойства офицерства, разросшіяся на почві фактической безконтрольности и поддерживаемыя шовинистскимъ обожаніемъ мундира со стороны толпы, достаточно объясняють сцены, разы-кгравшіяся въ началі этого года при процессі Золя.

И однако, какъ мы сейчасъ увидимъ, за этимъ, казалось, окончательнымъ паденіемъ идейнаго элемента во Франціи последовало тутъ же пробужденіе великой страны...

Пробужденіе это вызвано усиліями здішней интеллигенціи, среда которой возникло безкорыстное идейное движеніе въ пользу нарушеннаго права и во имя общечеловіческой справедливости. Такое движеніе крайне любопытно хотя бы уже потому, что вносить въ современную исторію Западной Европы новый элементь и указываеть намъ на необходимость существенной поправки въ теоріи и практикі общественнаго развитія. Странное діло, чімъ внимательніе я присматривался въ упомянутому движенію, чімъ боліе вдумывался вънего, тімъ настойчивіе выплывали въ моей памяти различных перипетіи нашего домашняго спора о роли интеллигенціи, спора, имівшаго такое значеніе въ Россіи начала 80-хъ годовъ. Нікоторыя подробности до такой степени совпадали въ обоихъ случанхъ, что порою мий казалось, будто я вижу сонъ на яву, будто я снова

^{*)} Urbain Gohier, «L'Armée de Condé. Mémorial de la Trahison» Парежъ, 1898, нзд. 2-е, стр. 6—10, passim.

въ Россіи и участвую въ знакомыхъ и страшно близкихъ сердцу дебатахъ. Сколько разъ мив хотвлось воскликнуть вивств съ Гейне, но воскликнуть не иронически, а съ волненіемъ:

> Не на родинѣ ин милой Я ужъ слышалъ эти звуки?..

Начать съ того: людей, занимающихся умотвеннымъ трудомъ, было всегда во Франціи много; но отчего же только за последній годь возникло здёсь слово «intellectuel», очень близко соответствующее нашему слову «интеллигенть», подобно тому какъ выраженіе «le parti des intellectuels» можеть быть прекрасно переданонашимъ терминомъ «интеллигенція»? Говорять, нашу «интеллигенцію» выдумаль г. Боборыкинъ; враги здёшняго идейнаго движенія утверждають, что «intellectuel» (въ его новомъ спеціальномъ значеніи существительнаго, ибо какъ прилагательное это слово давноживеть въ языкъ) сочиненъ Клемансо. Но какъ бы то ни было, не указываеть ли этоть смысль слова и на то, что возникло новоепонятіе?

Далье. Во время нашего домашнято спора, мыслящіе людистарались выяснить, что если интеллигенція и буржувзія могуть временами идти рука объ руку, и даже совпадать, тоэто лишь возможный частный случай, а не непремыное правило; что если въ Европъ упомянутое совпадение и замъчадось раньше, то теперь уже этого нельзя сказать, ибо, рядомъ съ интеллигенціей буржуазной, тамъ существуеть и интелдигенція четвертаго сословія, да и не мало есть интеллигентныхъбуржуа, идущихъ противъ своихъ влассовыхъ интересовъ; что въ Россін (дело было въ начале 80-хъ годовъ) интеллигенція менье, чыть гдь-либо, можеть сознательно защищать интересыбуржувзін, такъ какъ насмотрёлась на нгру этихъ интересовъ на Западъ; что если думающимъ людямъ въ Россіи и можно дать навваніе интеллигенців, то вовсе не ради удовлетворенія ихъ гордооти, а потому что, дъйствительно, интересы мысли и нормальнагообщественнаго развитія имъ кровно дороги, или, какъ выразвися одинъ изъ представителей русской интеллигенціи:

Мы можеть съ чистою совъстью свазать: ми—интеллигенція, потомучто мы многое знаемь, обо многомъ размышлям, по профессім занимаемся наукой, искусствомъ, публицистикой; слъпымъ историческимъ процессомъми оторвани отъ народа, ми — чужіе ему, какъ и всё такъ называемые цивилизованные люди, но мы не враги его, ибо сердце и разумъ нашъсъ нимъ *).

Выяснено было во время этого спора и то обстоятельство, что не оффиціальный чинъ ученаго, и не дипломъ, и не количество лъть, проведенное въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, ставятъ человіка въ ряды интеллигенціи, а его вдумчивое и сознательное отно-

^{*)} Н. К. Михайловскій, Сочиненія, т. V, стр. 538; Сиб., 1897.

шеніе къ общественной жизни и взглядъ на работу мысли, какъ на важнайшую цаль существованія...

Съ тёхъ поръ прошло немало лёть, и значеніе «интеллигенціи» вмёстё съ самымъ словомъ кануло у насъ въ Лету «забытыхъ словъ». Разные Иваны, не помнящіе родства, ввели даже въ моду фификанье надъ интеллигенцій и приписыванье ей горделивыхъ замысловъ, въ которыхъ она, бёдняжка, по теперешнимъ временамъ не можетъ быть виновна. И вдругъ и слово «интеллигенція», и бывшій дотолё спеціально русскимъ смыслъ слова, и сама вещь возникаютъ во Франціи.

Какъ вы, напр., находите следующее разсуждение Полана, одного изъ выдающихся философскихъ мыслителей современной Франціи.

Общее условіе, необходимое для того, чтобы принадлежать въ темъ, которие могуть представлять, — не исключительно, но более, чемъ ихъ сограждане, — сознаніе народа, условіе, которое предполагается всёми другими условіями, это — спеціальное упражненіе мысли, и особенно мысли независимой. А это значить, что тв, которые удовлетворяють этому условію, являются существеннымь образомь «интеллигентами» (intellectuels). И сабдуеть не заблуждаться относительно симсла слова «нетеллегенть»: это-тоть, ето делаеть изъ упражнения мысли главное занятіе своей жизен,--или одно изъ главныхъ, потому что можно въ одно и то же время быть и интеллигентнымъ человъкомъ, и человъкомъ чувства или действія. Нельзя поэтому противоставлять безусловно «интеллигента» тому, кто занимается такой профессіей, въ которой упражненіе ума играетъ второстепенную роль, или даже ручнымъ ремесломъ. Интеллигенты есть и между рабочими, потому что есть рабочіе, которые мыслять и интересуются более своими идеями, темъ своимъ ежедневнымъ трудомъ. Встречаются также интеллегенты и между торговцами и промышленниками, какъ встречаются они среди судей и чиновниковъ. Харавтеристичная черта интеллигентовъ вовсе не заключается въ томъ, что они должны быть романистами или профессорами сансирита. Между ними есть и такіе, которые мало или совсвив ничего не писали и никогда не поучали оффиціально аудиторію. Конечно, въ силу разнихъ причинъ и хотя бы уже потому, что выборь карьеры указываеть въ извъстной мъръ на способности и вкусы, или потому еще, что имъ возможно развиваться и упражняться, интеллигенты будуть многочеслениве въ техъ профессіяхъ, которыя требують прежде всего работы ума. Нечего, слъдовательно, удивляться, если въ интересующій ихъ вопрось вившалось больше профессоровъ, чемъ машинистовъ, или литераторовъ, чемъ подметальщивовъ улицъ *).

Воть оно, русское определение интеллигенции, и определение, повторенное двадцать леть спустя въ стране, которая въ своемъ политическомъ развити скоре забегаеть впередъ прочихъ странъ, чемъ остается позади ихъ. Работа мысли и существенное жизненное значение, придаваемое этой работе, —таковъ основной признакъ «интеллигенци» по мевнию француза, принадлежащаго къ ней.

^{*)} Fr. Paulhan, «Le droit des Intellectuels»; въ Ж отъ 1-го овтя бря 1898. «Granderevue», стр. 735.

^{№ 12.} Отдѣлъ II.

Но туть является сейчась же другой вопросъ: откуда же фактически взялась французская интеллигенція, выступленіе которой на историческую сцену въ тяжелый и смутный моменть погребовало даже созданія новаго слова? Эта поднявшаяся на защету справедливости интеллигенція главнымъ образомъ вышла изъ рядовъ буржувани: писатели, профессора чиновники — вотъ тв слон, гда преимущественно вырось и созраль протесть. Люди, османвинеся пойти противъ колоссальныхъ силъ реакціи, которыя обнаруживались въ армін, судь, парламенть, и противъ свирьной восности массъ, рисковали своимъ спокойствіемъ, положеніемъ, жизнью и — что страшиве всего! — своей репутаціей честных и безкорыстных граждань. Вовиъ этимъ рисковали они и темъ не мене пошли. Въ то же самое время, какъ я уже писаль въ одной изъ своихъ корреспонденцій, дві великія общественныя силы, наполняющія теперь весь мірь шумомъ своей борьбы, - капитализмъ и сопіализмъ, - остались почти совоймъ вий грандіознаго столкновенія, подблившаго всю Францію на два лагеря. Говоря такъ, я ноключаю, конечно, отдъльных личностей, активное выступление которых лишь подтверждаеть, лишь подчеркиваеть общую неподвижность въ данномъ случав двухъ упомянутыхъ враждебныхъ силъ. И если соціалистическая партія Франціи мало-по-малу вышла изъ такого выжидательнаго положенія и, наконець, направилась въ сторону «идеологовъ», то это движеніе до самаго последняго времени далеко не было дружно и ръщительно

Все это заставляеть меня рашиться на сладующій выводь: теорія классовой борьбы, а особенно борьбы на почей однихълишь экономическихъ интересовъ, должна быть дополнена существенной поправкой, и поправка эта касается все возрастающей роли нравственнаго элемента и убажденія въ соціальномъ движеніи нашихъ дней. Было бы неумастно входить здась въ теоретическое обсужденіе сравнительнаго значенія экономическихъ и другихъ условій; мий пришлось бы повторить мою обычную мысль о важномъ, но не единственномъ вліяніи «матеріальнаго» фактора. Но во всякомъ случай, даже и признавая общую варность теоріи классовой борьбы въ широкомъ смысла, я не хочу закрывать глаза на очень интересный соціологическій фактъ, который доставляеть именно современная Франція: самое сильное общественное движеніе, которое обнаружилось въ ней за посладнюю четверть вака, вырослю на почва страстнаго исканія «справедливости».

Всё силы реакціи заключили тесный союзь противь жертвы шовинизма, милитаризма и антисемитизма. Во французской армін находится человекь, который быль вначале противь Дрейфуса и который, сознавь свою ошибку, употребляеть теперь всё свои усилія, чтобы открыть настоящаго предателя, ставя на карту въ этой борьбе съ ложью свою карьеру, жизнь и честь. И что же? Подполковникъ Пикаръ, этоть «ведикій честный человекь, этоть солдать, выказавшій гражданское мужество, въ тысячу разь болёе рёдкое и благородное, чёмъ военное мужество, столько доказательствъ котораго онь даль въ Алжиріи и Тонкинё», этоть «дважды герой», какъ называеть его Прессансе *), посылается, благодаря интригамъ штабныхъ, въ Тунисъ, и шайка враговъ-сослуживцевъ ждетъ не дождется, когда же, наконецъ, мёткая пуля кочевника закроетъ на всегда уста этого опаснаго искателя истины.

Во французскомъ сенать одно изъвице-президентскихъ креселъ было занато богатымъ эльзасцемъ, искреннимъ республиканцемъ, стариннымъ сподвижникомъ Гамбетты: пренебрегая своимъ спокойствиемъ и положениемъ, онъ ръшается подълиться со своимъ давнимъ другомъ, генераломъ Билльо, въ то время военнымъ министромъ, своимъ убъждениемъ въ невинности Дрейфуса. И что же? Другъсенералъ предательски подставляетъ ножку Шереру-Кестнеру, и последний величается въ шовинистской прессъ «выжившимъ изъ ума старымъ дуракомъ и подкупленнымъ измённикомъ», а сенатъ при новой баллотировке прокатываетъ неосторожнаго Донъ-Кихота правды на вороныхъ.

Матье Дрейфусъ, брать мнимаго предателя, вынужденъ, наконецъ, формально обвинить майора Эстергази въ составлени «бордеро»: «негодяй, мерзкій жидъ, смѣешь ли ты сомнѣваться въ чести» этого.... интернаціональнаго мошенника и средневѣкового кондотьери, лишеннаго малѣйшаго нравственнаго чувства, — вопитъ постыдная печать и вторящая ей улица; и Матье Дрейфусу вмѣняется въ преступленіе его рѣшимость не пожалѣть всего своего имущества, лишь бы доказать невинность брата. А презрѣнный шпіонъ Эстергази оправдывается при громѣ патріотическихъ трубъ и литавровъ, рукопожатіяхъ и радостныхъ слезахъ французскихъ генераловъ и офицеровъ и, скатываясь тріумфаторомъ съ лѣстницы военнаго суда, падаеть на грудь герцога Орлеанскаго, чтобы, прибъжавъ къ себѣ домой, получить оффиціальное свидѣтельство въ добропорядочности отъ генерала де-Пеллье, титулующаго его въ письмѣ «дорогимъ коммендантомъ».

Быль также во французской литературурь одинь изъ крупивишихъ романистовъ современной эпохи, произведенія котораго читаются на всемъ пространствів цивилизованнаго міра, которому, казалось бы, только жить да поживать среди славы и богатствъ, пріобрітенныхъ литературнымъ трудомъ: «я обвиняю», вдругь вылилось изъ подъ пера Зола, разносясь по всей Франціи и всему світу, и въ теченіе нісколькихъ місяцевъ не было ни одной клеветы, ни одного площадного ругательства, ни одной угрозы, которымъ не служить бы мишенью этоть смілый гражданинъ, возставшій противъ неправды.

^{*)} Cm. Francis de Pressensé, «Un héros. Le lieutenant-colonel Picquart»; Парижъ, 1893, стр. XV предисловія въ внигь.

И сколько можно было бы насчитать этихъ жертвъ реакцін, наи, върнъе, этихъ героевъ убъжденія, которые не остановились ни передъ чъмъ, ни передъ какими эгоистическими соображеніями, а исполнили свой подчась очень тяжелый долгь. «Идеологи» Францівявились въ эпоху переживаемаго кризиса цветомъ и гордостыю націи, и имъ мы обязаны идейнымъ пробужденіемъ страны. Какъуложить ихъ дъятельность въ игру изтеріальныхъ интересовъ в паже въ рамки классовой борьбы? Сколько намъ ни приходилось слышать ревностныхъ партизановъ обновляющаго третью республику движенія, и великихъ, и малыхъ, и ученыхъ, и простыхъ смертныхъ, - у нихъ одна фраза на устахъ: мы боремся во имя общечеловъческой справедливости! И не говорите, что то обыкновенная реторическая фраза, пустая декорація, за кулисами которой скрываются низменные интересы: эти люди самою деятельностію своеюдовазали, что слово не расходилось у нихъ съ дёломъ, ибо они отдавали ему честь и жизнь. Кто видёль Парижъ и вообще Францію въ это тяжелое, безумное время, тоть сознается, что туть въть никакого преувеличенія.

Да, я увъренъ, что современное идейное теченіе во Франців указываеть намъ на приблежение той эпохи, когда наиболее чуткое, а поэтому и наиболье жизненное, наиболье сильное меньшинство будеть руководиться преимущественно убъжденіемъ, а не матеріальными и даже не классовыми интересами, и когда слово «справединвость» будеть объединяющимъ знаменемъ для людей разныхъ общественныхъ положеній. Я слышаль это слово на пубдичныхъ собраніяхъ изъ усть кабинетныхъ ученыхъ, какъ изъ усть привычныхъ къ агитаціи рабочихъ ораторовъ, и кімъ бы оно на произносилось, оно вызывало и вызываеть трепеть энтузіазма въ толив. Не буду даже спорить противъ того, что понятіе о справедливости и содержание убъждения выросли на почвъ реальныхъ людскихъ отношеній и интересовъ: съ меня довольно того, что нравственный элементь взломаль теперь своимъ могущественнымъ роотомъ ту первоначальную почву, гдв зрело его свия, и неудержимоотремится вверхъ, на просторъ, къ солнцу и свъту. Пусть такъ, но слово «справедливость» является теперь для насъ терминомъ, при помощи котораго мы можемъ столковаться. Ибо если мъняется содержание справедливости, сообразно эпохъ и средъ, то настроеніе, при которомъ а соверщаю известный справедацеми, по моему иненію, акть, само этонастроеніе отличается уже несравненно большей специфичной устойчивостью. Говоря съ вами о справедливомъ и несправедливомъ, хотя этимъ формамъ сознанія соотв'ятствують изв'ястные объективные элементы, я дёлаю то же самое, что дёлаю, говоря съ вами въ правтикъ жизни о врасномъ и фіолетовомъ цветахъ вивсто того, чтобы толковать о 395 или 763 билліонахъ колебаній въ секунду.

Да, «справедливость» становится въ современной Франціи вое боле и боле регулирующимъ элементомъ и въ известной степени

начинаеть связывать между собой даже борющеся классовые интересы: вы можете теперь услышать чуть не ежеминутно на собраніяхъ въ честь Пикара, какъ и ученые изъ буржуваной среды и рабочіе выражають сильное желаніе идти рука объ руку и впредь, и после торжества правды въ деле Дрейфуса, какъ они обещають продожжать это «взаниное общеніе» другь съ другомъ и разрішать возможныя недоразумьнія добросовьстнымь обсужденіемь разділяющихъ ихъ классовыхъ вопросовъ. Пока важно одно: съ той и съ другой стороны падають витайскія стіны разобщенности и влассовыхь предразсудковъ. Профессоръ Исихари, зять Ренана, развернулъ передъ ВЗВОЛНОВАННОЙ и растроганной аудиторіей картину недавняго умственнаго состоянія ученых спеціалистовь, отділенных оть народа и выразителей его стремленій глубокимъ рвомъ незнанія и предвзятыхъ мивий: «мы черезчуръ ушли въ свою узкую спеціальность, мы сидели надъ своими книгами и микроскопами, какъ бы въ комнать, окна которой никогда не выходили на улицу, а куда-нибудь на задній дворъ... Но чувство справедливости сблизило насъ для общаго діла, и всів мы, и съ той и съ другой стороны, принуждены были отказаться отъ взаимныхъ предразсудковъ». Не знаменательно ли, что теперь самъ Жозефъ Райнакъ находить возмутительными законы 1893 г., въ вотировкъ которыхъ онъ принималь такое участіе? Съ другой стороны и активные діятели, противъ которыхъ направлены тв законы, и теоретизирующіе представители ихъ заявляють, котя бы устами Моклора, что имъ остается только преклоняться передъ гражданскимъ мужествомъ ихъ новыхъ союзянковъ, профессоровъ и ученыхъ, надъ филистерствомъ которыхъ было такъ принято сибяться въ революціонной средь.

Мић, можеть быть, следовало бы остановиться несколько на позорной роли парламента въ деле Дрейфуса; на обоюдоострой функціи печати, которая, подобно языку въ сказке Эзопа, явилась въ данномъ случав и самой великой, и самой низкой вещью; на гражданскомъ мужестве, проявленномъ высшимъ судомъ во Франціи при печальномъ паденіи всехъ другихъ и военныхъ, и гражданскихъ трибуналовъ. Но это черезчуръ удлинило бы мою статью, посвященную общему изображенію идейнаго пробужденія Франціи. Да, кроме того, дело Дрейфуса далеко еще не кончено, и мив придется вернуться снова къ нему. Здёсь же я хотёлъ бы подвести некоторые боціологическіе итоги, вытекающіе изъ этого безпримернаго въ своемъ родъ общественнаго движенія, волны котораго далеко перекатились за предёлы Франціи и расходятся по всему цивилизованному міру.

Однимъ изъ главитанихъ итоговъ приходится признать значеніе въ жизни страны ея интеллигентнаго меньшинства, а въ этомъ интеллигентномъ меньшинства вліяніе сильныхъ иниціативою личностей, обращающихся въ народу во имя общечеловъческихъ идеа»

новъ справедливости. Если допустить, что Франція указываетъ другимъ странамъ путь политическаго развитія, то отсюда вытекаетъ, что вопросъ о роли интеллигенціи можетъ получить вскоръ повсюду такой существенный интересъ, что съ нимъ придется считаться теоретикамъ голой классовой борьбы.

Другимъ выводомъ является признаніе почти магическаго могущества убъжденія, которое при упорномъ и смѣломъ дѣйствіи на толпу можетъ вызвать необыкновенно сильное движеніе даже тамъ, гдѣ, казалось бы, не было никакихъ шансовъ на успѣхъ. Сравните степень мужества уЗола, Клемансо, Жореса со степенью мужества господина, подписавшагося въ послѣдніе дни на листахъ лицъ, протестующихъ противъ военнаго суда надъ Пикаромъ, напр., господина № 10,001 (въ первый день, какъ извѣстно, подписалось уже 10,000 человѣкъ на одномъ лишъ листѣ газеты L'Aurore). Я просматривалъ эти подписи: по истинѣ психологія господина № 10,001—цѣлая поэма, ибо я узналъ въ этомъ господинѣ знакомыхъ мнѣ газетчиковъ, архитекторовъ, докторовъ, депутатовъ, которые, страха ради іудейска, притворялись до сихъ поръ убѣжденными въ виновнссти Дрейфуса, и которыми теперь словно плотину прорвало на листахъ протестантовъ... Ну, да Богь съ ними!...

Интереснымъ выводомъ можеть явиться и указаніе на новое направленіе научной и критической мысли, которая черезчуръ полго во Франціи (какъ и въ другихъ странахъ) разбивалась и работала по узкимъ каналамъ спеціальности, и застанвалась и запратала въ нихъ, а теперь снова обнаруживаеть отремленіе слиться въ одно общее русло, пытаясь освёщать жгучіе вопросы современности (ср. ръчь профессора Круаза въ Сорбонив). И. паралмельно съ этимъ, среди интеллигентной буржувзім вырабатывается стремленіе нести свою науку въ народъ, расширять его горизонть, пробуждать въ немъ способность самостоятельной оценки, которая бы исключала возможность увлеченія демагогическими и пезаристкими идеями. Католическая реакція обратила, наконець, на себя вниманіе либеральной буржуазін, и опасность, исходящая изъ Рима, не считается болье, какъ въ печальной памяти время Мелина, простымъ пугаломъ, выдуманнымъ лишь свободными мыслителями. Съ пругой стороны, либеральная буржувана начинаеть сознавать. что исключительное преследование ею материальных интересовъ и борьба во имя ихъ съ трудящимися массами должны, въ конпъ конповъ, отчуждать буржуазную интеллигенцію отъ интеллигенців рабочей, отъ народа, вообще отъ техъ общерныхъ слоевъ, на которые буржуазін приходится опираться хотя бы даже ради интересовъ своей мысли и своего развитія. Буржуазная интеллигенція кастся въ своей многольтней винь и объщаеть народу обратить винотъ съ нимъ свои усилія на коренную реформу правительственныхъ в общественныхъ учрежденій.

Какъ бы то ни было, но легче стало здёсь дышать, Франція пробуждается, и хотёлось бы думать, что мы, можеть быть, стоимъ наканунё знаменательныхъ событій.

H. K.

Политика.

Мирный трактать между Соединенными Штатами и Испаніей.— Новое положеніе, занятое Америкой.— Мирная конференція.— Окончательное улаженіе критскаго вопроса.—Французскія внутреннія діла.—Германія.— Текушія событія.

I.

28 ноября (10 декабря) наконецъ подписанъ въ Париже окончательной тексть испано-американского мириаго договора. Подписаніе это было замедлено темъ обстоятельствомъ, что американцы предъявели испанцамъ новое требованіе, не условленное прелиминарівми, подписанными въ Вашингтовъ. Эти предиминаріи предвидели, что относительно опособа умиротворенія Филлипинскихь острововь рішеніе будеть постановлено въ окончательномъ договорі. Въ Вашингтонь сочин вовножными истолковать эту статью въ томъ смысль, что этимъ способомъ умиротворенія можеть быть и присоединеніе Филминескаго архипелага въ Соединеннымъ Штатамъ. Невозможно сомевваться, что это присоединеніе представляется наиболве вврнымъ способомъ умеротворенія архипелага и возстановленія на немъ порядка и безопасности. Испанцамъ пришлось бы вести упорную н разоретельную войну съ тувемными инсургентами, чтобы возота-MOBETT CBOD BEACTE E, COME DEMENTE BO BEHMANIC, TTO, COLESCHO Вашингтонскииъ предиминаріямъ, Испанія несомивино признада ва Соединенными Штатами право контроля надъ способомъ умиротворовім и водворенія порядка, а Штаты оъ своей стороны, получивъ это право, не могли бы имъ не воспользоваться для покровительства своимъ союзникамъ, филиппинскимъ инсургентамъ, то едва-ли и для самой Испаніи не является самымъ удобнымъ исходомъ уступка архипелага, затребованная американскимъ уполномоченнымъ на парижекой конференціи. Все это когично, но для нспанцевъ было неожиданно. Они пробовали сопротивляться, затигивали переговоры, но, въ конце концовъ, не вида на откуда помощи и поддержки, согласились на требованія американцевь, заявивъ, однако, что считаютъ эти требованія не отвічающими точному смыслу предименарій и что уступають только силі. Какъ бы

то ни было, договоръ подписанъ и одинъ изъ печальныхъ эпизодовъ, омрачившихъ собою последніе годы века, сталь уже достояніемъ исторіи, а не современной политики.

Оффиціальный текоть парижскаго договора 10 дек. еще не опубликовань, но въ последнемь полученномъ номерё Times'а онъ изложень очень подробно. Приведемь здесь существеннёйшім черты изъ этого изложенія.

. Испанія отказывается оть верховныхъ правъ и всякой власти на Кубъ. Испанцы очищають Кубу, американцы же ее оккупирують и, во весь срокъ оккупація, принимають на себя охраненіе порядка, личной и имущественной безопасности на островъ. Испанія уступаеть Соединеннымъ Штатамъ — Порто-Рико и вой другіе острова, которыми она владела въ Весть-Индін, а также островъ Гуапъ въ архипедате Маріанскихъ или Разбойничьихъ острововъ. Сверхъ того, Испанія уступаеть Соединеннымъ Штатамъ архипелагъ, называемый Филлипинскими островами, причемъ въ теченіе десяти лътъ отъ ратификаціи этого договора испанскія коммерчесвія суда и испанскіе товары пользуются на Филипинахъ твив же правами, какъ и американскіе. Немедленно по ратификаціи до говора Соединевные Штаты отправляють на свой счеть въ Испанію вску военопленных испанцевь, взятых американскими войсками въ Манивъ, причемъ возвращають имъ взятое у нихъ оружіе. Съ своей стороны, Испанія немедленно по подписанім договора освобождаеть всёхъ лицъ, задержанныхъ по участію въ шесуррекцін на Кубь, Порто-Рако наи Филлипивать и по прикосновенности къ окончившейся войнъ. То же дълають и Соединенные Штаты. Оне такъ же освобождають воёхъ военнопленныхъ и примуть мёры къ освобожденію испанцевь, находищихся въ плену у кубинскихъ и филлипинскихъ инсургентовъ. Всй освобожденные Испаніей и Соединенными Штатами на основаніи этого постановленія возвращаются въ отечество — освобождаемые испанцами на очеть Испанів, освобождаемые американцами — на счеть Штатовъ по принадлежности. Испанія и Соединенные Штаты взаниво откавываются отъ всякаго военнаго вознагражденія, вознащенія военныхъ расходовъ и убытковъ, понесенныхъ объими націями и ихъ гражданами за весь срокъ отъ начала кубянской инсуррекцін до дня ратификаціи договора.

На всей территоріи, отъ которой Испанія отказалась или которую уступила, испанцы (уроженцы Пиринейскаго полуострова) им'ютъ право заявить, въ теченіе одного года со дия ратификаціи договора, о свсемъ желаніи сохранить испанское гражданство. Въ такомъ случать они признаются американскими властями за испанскихъ подданныхъ и пользуются всёми правами, какія будутъ предоставлены другимъ иностранцамъ, полною личною и имущественною безопасностью, правомъ жительства и занятія по выбору, отвёчая за совершонныя преступленія и правонарушенія по общимъ законамъ отраны. Испанія учреждаеть, гдё сочтеть нужнымь, консульства для покровительства своихъ подданныхъ. Не заявившіе въ теченіе указаннаго срока о желанін сохранить испанское гражданство признаются съ того срока принявшими гражданство территорів, на которой живуть. Что касается правъ и гражданскаго положенія туземцевъ, обитающихъ на уступаемыхъ территоріяхъ, то определеть ихъ предоставляется конгрессу Соедененныхъ Штатовъ. Обезпечивается свободное исповедание католической релегии. Обезпечивается также свободное обращение испанской литературы, науки и произведеній искусства на десять леть, со дня ратификація. Испанское авторское право и испанскіе патенты сохраняють силу на дарованные испанцами сроки. Испанія и Соединенные Штаты взанино для своихъ коммерческихъ судовъ признають права наиболье благопріятотвуємой націи съ правомъ прекратить это обязательство во всякое время, но предупредивъ за шесть ивсяцевъ. Всв эти обязательства Соединенные Штаты принимають на себя и по отношению къ Кубъ, но въ этомъ случав только на срокъ ся окнупаціи американскими воснивми силами.

Таковъ въ существенныхъ чертахъ испано-американскій мирный трактать отъ 10 дек. 1898 года, который очень существенно измінияєть историческое положеніе въ моряхъ Весть-Индія и въ водахъ Тихаго о кезна омывающихъ крайній юговостокъ Азін. Старам владычица Новаго Світа, его открывшая и колонизовавшая, окончательно изъ него изгиана и иншена всякаго значенія, какъ колонізальная держава. За то столь долго замкнутая въ себі сіверо-американская нація внезапно выступня въ роли новой міровой державы и сразу заняла выдающіяся военныя и торгово-промышленныя позвціи въ обонхъ окезнахъ, омывающихъ съ востока и съ запада берега великой заатлантической республики.

Куба только оккупирована, правда, но посланіе Макъ-Кинлев въ вашингтонскому конгрессу при открытіи его сессіи 5 дек. (23 нояб.) говорять, что оккупація продлится до тіхъ поръ, пока населеніе острова не окажется въ силахъ само учредить устойчивое правительство и охранять порядокъ. На этомъ основания уже двадцать леть длится оквупація австрійцами Боснін и Герцеговины и шестнадцать леть оквупація Египта англичанами. Трудно предсказать, насколько склоним будуть американцы последовать этимъ примерамъ, подаваемымъ старою Европою. Весьма возможно, что они серьезно отнесутся въ принимаемому передъ исторіей обязательству, но и въ этомъ случав оккупація продлется долго и, по всей ввроятности, подготовить добровольное присоединение Кубы въ Соединеннымъ Штатомъ. Въ настоящее время, следовательно, Кубу можно во всякомъ случав считать главнымъ опорнымъ пунктомъ американской оным въ этой части Атлантическаго океана. По военному законопроекту, недавно внесенному въ Вашингтонскій конгрессь, гаринвонъ Кубы определенъ въ 30 тыс. человеть регулярной армін, т. е.

въ размёрё, какого до войни съ Испаніей едва достигала вом северо-американская армія. На Порто-Рико темъ же законопроектомъ опредъявется гариннонъ въ 7,000 комбатантовъ и на Филипины—20,000 чел. Вся же чесленность регулярной американской армів, по упомянутому законопроекту, опреділена въ 100 тыс. чедовът, такъ что за видъленіемъ вышеупомянутыхъ контингентовъ около 60 тыс. человикъ (вышеперечислено 57,000, нако еще прибавить небольшіе гаринзоны на Кулебру въ Весть-Индін, на Гавайскіе острова и на Гуанъ въ Маріанскомъ архинскать), соботвенно въ предъяжь Штатовъ остается 40,000 комбатантовъ Соотрытотвенно об этимъ развитиемъ военно-сухопутныхъ силь овверо-американской республики, идеть и развитие военно-морскихъ силь. Во время войны съ Испаніей американцы располагали пятью броненосцами эскадреннаго боя. По новому законопроекту, внесемному на ликъ въ конгрессъ морскимъ министромъ, предполагается довести это число до пятивдцати. Если им скаженъ, что въ настоящее время подъ русскимъ флагомъ плаваетъ четырнадцать эскадренныхъ броненосцевъ, а подъ германскимъ шестнадцать. то значеніе американских проектовь выяснится довольно отчетливо. Черевъ три года Соединенные Штаты на морѣ будуть уступать только Англін (52 вокадренныхъ броненосца) и Францін (27 вок. брон.). Надо замітить, что крейсерскій флоть Штатовь и теперь не слабве русскаго или германскаго, и развите его проектировано парадиельно развитію эскапреннаго флота.

Таковы перспективы, открываемыя новымь мирнымь договоромь. подписаннымъ недавно въ Пареже. Договоръ этотъ представляетъ собою интересь и съ инкоторыхъ другихъ сторонъ. Такъ испаниы тщательно выговаривають своимъ согражданамъ личную и имущественную безопасность, право свободнаго жительства и труга на уступаемых территоріяхъ. Казалось бы, это лишиее въ концъ XIX въка и, по отношению въ Соединеннымъ Штатамъ, пожалуй. въ самонъ деле лишнее. Однако, береженаго Богъ бережеть. Ведь тридцать лёть тому назадь его бы могь думать, что такія предосторожности не будуть иншивии по отношению въ Германіи? И однако, если бы, по Пражскому миру 1866 года, Авотрія выговорека для своекъ подданныхъ аналогичное постановление, ей не пришлось бы теперь терпёть разнувданный произволь прусскихъ властей по отношению въ австрийско-подланнымъ, проживающимъ въ прусскихъ предвиахъ. Такимъ образомъ, испанцы, пожалуй, и не совоймъ не правы, включивъ въ мирный договоръ постановленія, даровать которыя американцамъ ничего не отонло.

Гораздо болве серьезное обязательство приняли Соединениме Штаты, приняль на себя освобожденіе испанцевь, пленных у нисургенговь Кубы и особенно на Филлипинахъ. Какихъ хлопотъ это будеть отоить американцамъ, видно изъ инцидента на Филлипинахъ еще до подписанія мирнаго договора. Одинъ американ-

скій пасторъ, какъ-то попавшій внутрь острова Люсона, сообщенъ генералу Отосу, командующему американскими военными силами въ Манилъ, что инсургенты очень плохо обращаются съ планимими испанцами. Тогда Отосъ 17 (5) ноября обратился къ Агвинальдо съ предложеніемъ освободить изъ плана, по крайней мёръ, всёхъ невоенныхъ, но, какъ сообщаетъ Тімев, получиль отъ Агвинальдо отказъ, мотивированный тамъ, что и невоенные могуть быть призваны въ милицію. Конечно, теперь, когда миръ подписанъ, американцы сумъють настоять на объщанномъ освобожденіи, но, въроятно, это имъ дастся не особенно легко.

Изъ другихъ фактовъ, свидътельствующихъ о выступленіи Соединенныхъ Штатовъ на ноторическую арену въ качествъ активной международной силы, отивтниъ: планы укрвпленія уже упомянутаго выше острова Кулебры (лежить къ востоку оть Порто-Рико и является дучшимъ наблюдательнымъ пунктомъ для восточной части Весть-Индін), пріобритеніе угольной станціи на берегахъ республики Коста-Рика (въ Каранбокомъ морв) и, наконецъ, самое главное-планы относительно соединения каналомъ Тихаго и Атлантическаго океановъ. На дняхъ въ вашнигтонскій сенагь внесень билль о сооруженін такого канала черезь территорію республики Никарагуа при участін Штатовъ, причемъ предполагается всякое такое сооруженіе, имівющее связать каналомъ два океана, омывающіе Америку, поставить подъ обязательный политическій контроль Соединенныхъ Штатовъ. Правда, такое постановленіе, по международному праву, не можеть быть установлено одностороннимъ законодательствомъ державы, не вибющей державныхъ правъ на территорію, о которой идеть річь. Однако, віроятно, Штатамъ не соотавить особаго труда склонить центрально-американскія республики къ закимченію договоровь, которые могуть уже совершенно законно установить право такого контроля со стороны Соединенныхъ Штатовъ за водяными путями сообщенія между Атлантическимъ и Тихимъ окезнами. А какую громадную и военно-политическую, и экономическую силу это дасть американской республикв, не трудно сообразить и безъ спеціальнаго изученія вопроса. Посл'я того, какъ европейская половина британской націи стала твердою ногою на Сурцкомъ каналь, такое же владычество американской половины той же націн на будущемъ Панамскомъ каналі передаеть въ руки этой соединенной націи власть надъ всеми морскими сообщеніями и обезпечить ее оть всякаго соперничества на мора. Между тамъ. сплоченіе, если не сліяніе, двухъ половинъ британской націи представляется теперь для всякаго внамательнаго наблюдателя лишь вопросомъ времени, и вёроятно не очень отдаленнаго времени.

Въ будущемъ году предполагается въ Вашингтоні большой съйздъ разныхъ американскихъ діятелей по случаю столітней годовщины со дня смерги перваго американскаго президента Георга Вашингтона. Комитеть по устройству этого чествованія памяти

этого основателя обверо-американской республики счель возможнымъ обратиться къ наследнику англійскаго престола принцу Уэльокому съ приглашениемъ почтить своимъ присутствиемъ это чествованіе. Повидимому, приглашеніе это передано оффиціально, потому что Times, откуда я ваниствую это известие, прибавляеть, что превиденть республики, съ своей стороны, поручиль при этомъ передать принцу Уэльскому, что онъ будеть въ высшей степени радъ видьть Его Королевское Высочество гостемь въ Баломъ Домь (такъ называется дворецъ президентовъ въ Вашингтонъ). Такое приглашеніе отъ имени президента республики могло быть сділано только оффиціально черезъ диплематическое представительство. Это приглашение принца Уельскаго на чествование памяти Вашинггона, и особенно его появленіе на этомъ чествованіи (если это появленіе будеть иметь мёсто), можеть явиться очень серьезнымь моментомъ въ деле объединения двухъ половинъ великой націи, разорвавшихъ союзь около века тому назадь, а имей все ясийе обнаруживающихь стремление его возстановить. Империалисткая и аггрессивная политика, имий возобладавшая у британцевъ по обй стороны Атлантическаго океана, можеть въ этомъ отношении сослужить и добрую и плохую услугу для дъла сближенія. Весь вопросъ, сумъють ли оми избёгнуть раздора тамъ, гдё ихъ интересы оталкиваются, или, вотупивъ здёсь въ компромиссы, направить общія усилія на тё болёе многочисленные пункты, гдё ихъ янтересы солидарны, одинаково сталкиваясь оъ интересами другихъ націй.

II.

Среди широко задуманныхъ и въ Америкв, и въ Англіи плановъ вооруженія, продолжается не торопливое обсужденіе русской ноты о разоруженія народовъ. Нельзя сказать, чтобы много благопріятиве стояло дёло мира я разоруженія въ большинстві другихъ велякихъ державъ.

16 (4) ноября быль открыть итальянскій парламенть тронкою річью короля Гумберта. Въ этой річн, конечно, король отозвался сочувственно къ нинціативі русскаго правительства. Иначе відь нельзя. Это заявленіе оффиціальнаго сочувствія инсколько не помітало тронной річн потребовать новых значительных кредитовь на усиленіе флота. Италія и теперь иніветь эскадренный и минный флоть не слабію германскаго или русскаго, уступая этимъ державамъ лишь во флоті крейсерскомъ, который Италіи, какъ державі неколоніальной, и мало надобень. Некрейсерскій флоть и теперь предполагаеть усилить итальянское правительство. Тяжкое финансовое положеніе страны и экономическія бідствія, приведшія еще недавно къ самому серьезному внутреннему потрясенію, не остановили итальянцевь оть этого новаго отягченія финансовь и плательщиковъ. Очевидно, на миръ мало разсчитывають. На конфе-

ренцію, пожануй, и того меньше, а больше всего стараются не нвивнить старой римской мудрости: Si vis pacem para bellum. Много горя принесла народамъ эта ветхан мудрость. И прежде всего саменъ рандянанъ, которые всегда были готовы къ войнъ и тамъ не менае всегда воевали. Вариве было бы сказать, оне всегда были готовы въ война и поэтому постоянно воевали. Другіе народы, ниъ современные, не переняли этой римской мудрости и всегда готовымъ римлянамъ было всегда соблазнительно воспользоваться этою готовисстью при неготовности другихъ. Нынв, однако, вся Европа усвонла ремскую мудрость и всё постоянно готовятся въ войнь. Горя и разоренія отъ этого человьчеству не менье, нежели отъ поотоянныхъ войнъ при римлянахъ. Пора убъдиться, что поотоянное приготовление въ война авляется наибольшею и нанопаснъйшею угрозою миру Европы и благосостовнію всего чедов'яноства. Призывъ въ этой простой и исной идей, составляющій основную коту русскаго царкуляра о мирной конференцін, не нашель, однако, отзыва въ настроенін другахъ правательствъ. Оффапіальныя похвалы предложенному разоружевію и, рядомъ съ этимъ, въ томъ же документе (вроде тронной речи короля Гумберта). требованіе новых вооруженій, таково господотвующее содержаніе большенства праветельственных программъ, заявленныхъ въ посивнеее время. Мы видвли это содержание въ програмив втальянскаго правительства. То же увидемъ и въ большинствъ другихъ великолержавныхъ программа.

5 декабря (23 ноября), черезъ двѣ съ половиною недѣди послѣ открытія итальянскаго парламента, открылась сессія американскаго конгресса. Мы уже видѣли, какіе обширные планы вооруженія на сушѣ и на морѣ обпаружило правительство Соединенныхъ Штатовъ. Это нисколько не помѣшало президенту Макъ-Кинлею упомянуть въ своемъ посланія къ конгрессу сочувственно о русскомъ мириомъ циркулярѣ. «Разоруженіе къ намъ не относится», замѣчаетъ посланіе президента, «потому что мы и теперь мало вооружены». Но зачѣмъ же вновь вооружаться, если примыкаещь въ предложенію о необходимости разоруженіа?

На другой день посий открытія сессів вашангонскаго конгресса, 6 дек. (24 ноября) открыта въ Бериний сессія германскаго рейкстага. Тронная ричь императора Вильгельма тоже не могла обойти молчаніемъ русскаго циркуляра о разоруженіи. Она упоминаєть объ этомъ циркулярів въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ. И тімъ не менйе, рядомъ съ этимъ, та же тронная річь возвінщаєть о новомъ общирномъ планій морскихъ вооруженій, а такъ же о необходимости усилить мирный составъ армін на двадцать шесть съ половиною тысячъ комбатантовъ. Можно бы спросить, зачімъ эта двойная игра? Ясно, однако, зачімъ. Оффиціальное сочувствіе требуется комвенансами международнаго положенія, а лихорадочное вооруженіе являєтся в естественнымъ продолженіемъ европейской

нсторіи последняхъ тридцати леть, и выраженіемъ стремленія большинства великодержавныхъ правительствъ.

Эти противорвчія между оффиціальными сочувотвіями идев раворуженія в безостановочно усиливающимися вооруженіями взялся отчасти истолковать маркизъ Салисбюри въ одной изъ своихъ подитических рачей посладняго времень, именю на обычномъ банкеть при водворенія новаго лордъ-мера. Англійскій премьерь указаль прежде всего на невозможность сразу остановить начатыя вооруженія. Онъ, однако, почувотвоваль, что программа гигантскахъ морскихъ вооруженій, только теперь вносимая правительствомъ въ парламенть, никакъ не можеть быть объяснена этимъ способомъ: эта программа еще не начата. Надо было найти другое объяснение. И вотъ это объяснение: «Еще гораздо важиве то соображение, которое намъ внушается событіями современной исторіи и которое убъждаеть насъ, что въ настоящее время войны вспыхивають совершенно неожиданно и съ ужасающею быстротой. Военныя тучи появляются на горизонть съ быстротою, не поддающеюся никакому вычисленію, и можеть случиться, что не пройдеть місяца или двухь місяцевь со дня появленія перваго тревожнаго симптома, а вы уже себя увидите вовлеченнымъ въ войну, отъ исхода которой вависить само существование ваше». Поэтому надо готовиться. Если, однаво, эти соображения справеданны, то надо бы просто отвергнуть русское предложение. Никакая конференція не можеть изм'єнить техъ фактовъ, на которые ссылается благородный маркизъ. Разоружаться, стало быть, невозножно. Въ такомъ случай, зачимъ было говорить въ той же речи нижеследующія обязывающія слова? Именно: «Отъ Его императорскаго величества императора Россіи мы получили приглашение привять участие въ конгрессь по вопросу о разоруженін націй. Я отдаю самую сердечную оцінку мотивамъ, продиктовавшимъ это приглашение. Я удивляюсь возвышениему характеру, его внушившему, и по скольку наше сочувствие и наша поддержка можеть содыйствовать осуществлению задачи, имъ предпринятой, это наше сочувствие и эта наша поддержка будуть оказаны въ полной мере». Сочувствіе и поддержка будуть оказаны міропріятію, которое, однако, какъ выше сказано, ораторъ считаеть угрожающимъ безопасности націй! Такимъ образомъ, британскій премьеръ не только не согласиль обычнаго этою зимою противоречія въ заявленіяхъ великодержавныхъ правительствъ, но только усугубилъ его и показать воочію, съ какими чувотвами и наміреніями большинство великодержавных правительствъ отправляется на петербургскій конгрессь мара.

Ораторское искусство маркиза Салисбюри не подлежить сомийвію. И річь, изъ которой мы только что привели нікоторыя цитаты, только вновь обнаруживаеть это качество маститаго премьера. Ораторское искусство не можеть замінить догики и не можеть создать небывалых фактовъ. Оно можеть только временно затеммить догику и временно затушевать существующіе факты. Это и сдінано маркизомъ Салисбюри въ вышеприведенномъ краснорічномъ місті, призванномъ доказать необходимость безостановочныхъ вооруженій. Отбросивь всё эти «военным тучи», «неподдающуюся никакому вычисленію быстроту ихъ появленія» и прочіе подобине же цвіти элоквенціи, что тамъ останется? Не боліе двухъ фактовь:

1) неожиданность и внезаписсть возникновенія современныхъ войнъ, и 2) віроятность такихъ войнъ, въ которыхъ само существованіе той или другой націи можеть быть поставлено на карту. Разсмотримъ оба эти аргумента.

Можно бы фактически оспаривать первое положене. Всё серьезшке дифференды между державами извёстны и обостреніе одного
изъ нихъ едва-ли справедливо будеть назвать неожиданностью.
Однако, допустить справедливость перваго положенія британскаго
министра. Чёмъ можеть бить объяснены эта неожиданность и особенно эта внезапность возникновенія современныхъ войнъ? Главвымъ образомъ именно тёмъ, что возможные противники всегда
стоять съ ногь до головы вооружениме. Пусть они сложать оружіе
и для рёшимссти начать войну имъ понадобится и гораздо больше
временя, и гораздо больше энергін, и гораздо больше смёности.
Продолжайте, напротивъ того, вооруженія, и вы сдёласте возникновеніе войны все легче, все быстріє, все внезапнісе и все неожиданніє. Усиленіе вооруженій именно и усиливаеть то зло неувірениссти и неустойчивости, противъ котораго цитаруемый ораторъ
и призываеть это самое усиленіе вооруженій.

Такъ же мало догично и такъ же не совоймъ отвичаеть действительности и второе положение маркиза Салисбюри. Едва ли въ самомъ деле самая разоретольная война угрожаеть самому существованію какой лебо европейской націн. Это часто говорится, но не пожагаю, что бы часто этому веренось. Несомнено, однако, что опасности войны нынь возросли непомърно и возросли именно всявлотвіе непомврных вооруженій. Вторженіе 60 тысячь непріятеля, какъ то бывало прежде, конечно, грозить меньшими бъдотвіями, нежеле вторжение 5-6 меллионовъ, какъ это могло бы быть пре современных войнахъ. Но это возрастаніе бідотвій при войнахъ обязано именно усиленіемъ вооруженій. И опять таки рекомендуемое британскимъ министромъ усядение вооружений болве всего усыяваеть то вмо страшных бедотвій будущихь войнь, противъ котораго его и призывають. Логических аргументовь противь иден разоруженія привести невозможно, но можно провалить покуда все это дело фактическимъ сопротивленіемъ, прикрытымъ фразами оф-Фицального сочувствія.

Повиденому, нокренийе других великих державъ откликнузась на русскій церкулярь о разоруженія Аветрія. Річи гр. Тупа въ Віній и барона Ванфи въ Буданештій не ділають никакихь оговорокъ и обіщають полную поддержу русскому начинанію. Еще важние то обстоятельство, что не въ Вине, не въ Буданеште не внесено въ парламенты, не въ делегація никакихъ новыхъ плановъ вооруженія. Извистное миролюбіе престарилаго австрійскаго виператора служить ручательствомъ некренности этого поведенія австро-венгерскаго правительства. Недавній поздравительный визитъ императора Франца-Іосифа въ русское посольство по случаю торжественнаго дня 6 (18) декабря тоже комментеруется, какъ доказательство желанія Австріи сердечнаго сближенія съ Россіей именно на почви разоруженія и умиротворенія.

Если прибавемъ, что во французскій парламенть тоже внесень планъ усиленія морскихь вооруженій, то этямъ закончимъ обзоръ фактическато ответа великихъ державъ на русскій циркуляръ отъ 12 августа. Тамъ не менёе, конференція соберется въ Петербургі, но, по слухамъ, будетъ состоять не изъ спеціально уполномоченныхъ, сопровождаемыхъ спеціалистами, какъ то прежде сообщалось, а изъ пословъ и посланниковъ, аккредитованныхъ при петербургскомъ правительстви. Это значительно умаляеть тв надежды и ожиданія, которыя были возлагаемы на конгрессъ мира измученными и разоряющимися народами континентальной Европы.

Ш.

Отчетный масяць не богать событіями. По прежнему, весь цивыявзованный міръ вообще, Францію-въ частности и въ особенности волновало дело Дрейфуса и Пикара. Кассаціонная палата постепенно и систематически изучаеть дело. Она пріостановила военный судъ надъ Пикаромъ, затіянный штабиой партіей и уже созванный генераломъ Пурлинденомъ. Покуда эта новая жерува вырвана изъ рукъ все еще отстанвающей свою позицію партін, которой нужно молчаніе и темнота, чтобы коё-какъ себя реабилитировать. Въ последнее времи кассаціонная палата потребовала нзъ воениаго министерства тайное dossier по двиу Дрейфуса. Не безъ некотораго колебанія Фрейсине нополинль это законное и пемануемое требование кассаціонной палаты. По этому поводу въ налать депутатовъ произошель характерный нициденть. Когда зашла рвчь о выдачв тайнаго dossier кассаціонной палать и нькоторые шовинисты стали отъ министровъ требовать отказа въ выдачь суду тайнаго dossier, Бриссовъ поднался и заявиль, что накакого тайнаго dossier не существуеть. Онъ, Бриссонъ, вийоти съ Сарріеномъ и Кавеньякомъ разсматривали въ военномъ министеротвъ всъ бумаги по дълу Дрейфуса. На это Кавеньявъ возразиль. что dossier существуеть, но что онь его не показаль Вриссону н Сарріену, затемъ его скрывани отъ своихъ коллегь по министерству и Пурлинденъ, и Шануанъ! Фрейсине тоже подтвердилъ существование тайныхъ документовъ. Теперь они препровождены въ кассаціонную палату.

Кром'в дела Дрейфуса—Пикара, Франція была занята ликвидаціей и другого наследія не добром'в быть помянутаго министерства Мелина. Парламентское следствіе обнаружило, что во время законодательных выборовъ въ май настоящаго 1898 года находившееся тогда при власти министерство Мелина практиковало самое беззастенчивое давленіе на избарателей, повторяя во многом'ь избирательные маневры и пріемы временъ второй имперін. По запросу соціалиста Вавіани состоялись пренія по этому вопросу и палата подавляющамъ большинствомъ голосовъ заклеймила поведеніе кабинета Мелина. Дюпюн присоедянняся къ этому осужденію. Отъ этого удара едва ли скоро оправится Мелинъ, этотъ любимецъ правой и raillés.

Вольшой интересъ представляеть и ходь дель вь германскомъ рейхстагь, но тамъ еще не вполнъ выяснилось положение. Оппозиція военнымъ законопроектамъ и осужденіе прусскаго произвола при административной высылка иностранно-подданных изъ преділовъ Германін собрани значительное число сторонниковъ. Еще не выяснилось положеніе, которое займеть центрь. Если онъ поддержить оппозицію, то германскому правительству придется пережить довольно затруднательное положеніе. Административная высыява иностранцевъ, о которой им уже упоминали въ прошедшей нашей летописи, причинила германскому правительству и международныя непріятности. Данія, конечно, принуждена молчать, но въ Австрін серьезно обиделись, и гр. Тунъ въ ръчи въ парламентъ прямо пригровия в соответственными репрессалами, то есть высылкою германско-подданных взъ австрійскихъ предвловъ. Это нанесло бы германцамъ гораздо больше убытковъ, нежели какая угодно массовая высылка австрійцевъ изъ Германія. А покуда эта угроза страшно обидьла германских немцевь и они далеко неумеренно осынали нападками австрійское правительство, которое, повидимому, не желаеть уступить. Собственноручное письмо императора Вильгельна въ императору Францу-Госифу должно было уладить нециденть, но, повидимому, не удадило еще, и германскому правительству придется, важется, выбирать между отказомъ отъ своего произвола и охлаждения съ Ванов. Не улаживается покуда и діло о владітельной фамилів Липпе-Детмольдь. Еще не дальше, какъ 20 ноября, детмольдскій судъ посадиль въ тюрьму одного журналиота за непочтительный отзывь о какомъ-то члене правлящей фаменін, признавъ ее фаменіей внадетельной. Известно, что имень этого не желаль признавать Вильгельнь.

Австро-венгерскія діла все еще продолжають состоять въ томъ же печальномъ, чтобы не сказать стыдномъ, состояніи. Дикія сцены возобновняєю въ вінскомъ парламенть. Ими заразняся и буда-пештскій парламенть, сессія котораго и отсрочена королевскимъ декретомъ. Что теперь будеть съ ausgleich'омъ, віроятно, ни самъ императоръ, ни его министры обінхъ половинъ монархіи не знають. Все ето печально для австрійцевь и венгерцевъ, но покуда живъ

престарвный императоръ, сосвди могуть быть спокойим. Если. однако, это разложение не будеть остановлено при жизни Франца-Іосифа, то его уже не остановить никто и Европ'я придется считаться съ вопросомъ объ австрійскомъ наследстве, гораздо боліе опасномъ, нежели вопросы о наследотвахъ турецкомъ или китайокомъ. Не должно, однако, считать дело австрійскаго возрожденія совершенно безнадежнымъ. Для намцевъ Австрія полезна, какъ проводница и вмецкой культуры и поприще для и вмецкой коложизацін. Для не измецких мелких народностей, населяющих территорію, подвилотную Габобургамъ, Авотрія тоже нужна, какъ лучшая гарантія на самобытности и національной свободы. Рано или повяно это могуть понять и намцы, и мадъяры, и славяне. Они отъ этого не полюбять другь друга, но поймуть необходимость поддерживать общее отечество, которое теперь своими примо постыдными расприми велуть къ погибели и разложению. Конечно, возможно, что они и запоздають совнашемъ этой простой истины. Тогда Европ'я очень будеть затруднительно рашить авотрійскій вопрось безь общаго CTORREOBORIA.

Восточный вопросъ, эта вичая угроза всеобщаго столкновенія, сділань еще одинь этапъ по пути своего разрішенія. Крить, накснець, освобождень. Турки очестили островь. Королевичь Георгій, назначенный верховнымъ коминссаромъ четырехъ державь покровительниць на три года, прибыль на островь. Адмиралы сдали ему власть и многострадальный островь получаеть наконець давно желанную и давно заслуженную свободу. Разоренный турецкимъ товяйничаніемъ и многолітнею неравною борьбой, Крить съ его благодатною природою и энергическимъ населеніемъ, колечно скоро возродится къ новой жизни и благосостоянію. Это новое небольшое европейское государство съ населеніемъ немного больше 200 тыс. душъ могло бы, однако, вмістить больше милліома жителей, и мы віроятно, увидимъ быстрое возраставіе населенія не только естественнымъ приростомъ, но и притокомъ населенія назвий, прешмущественно турецкихъ грековъ.

Окончательное улаженіе критскаго вопроса совпало съ навістіємъ о новомъ набісній армянъ у Вана и о новомъ безчинствахъ баши-бузуковъ на границахъ Сербій и Волгарій. Оба правительства, білградское и софійское, оділали представленія въ Константинополів. Великія державы тоже послади узнать о ванскихъ событіяхъ. Много еще предстоить поработать европейской дипломатіи на этой почвів, но успіхъ критскаго діла вселяєть надежду, что порою и двиломатія европейскаго концерта умість достачь благихъ результатовъ. Армянскій и македонскій вопросы теперь на первой очереди. Они были отсрочены вслідствіе обостренія критскаго вопроса и греко-турецкой войны. Теперь, когда то и другое, такъ нля ниаче, улажено, европейской двиломатіи остаєтся время возвратиться къ прерваннимъ занатіямъ. Извістно, что

тремя державами, Англіей, Россіей и Франціей, быль выработакъ проекть реформъ для Арменів и проекть быль утверждень султаномъ. Шакеръ-паша былъ назначенъ коминссаромъ по введению реформы, но векоръ отозванъ. Страшныя избіснія въ Константинополь заставили подумать, достаточень ли выработанный проекть. до сихъ поръ не только не введенный, но даже и невводимый. Теперь надо прежде всего возобновить это введение реформъ подъ контролемъ державъ, и затемъ парадельно съ этемъ дополнить проекть. Это должно быть первою заботою европейской дипломати въ Комотантинополе. Здесь на этомъ пути все-что было уже слалано въ 1894 году, и дипломатія виветь накоторую почву подъ могами для возобновленія своихъ трудовъ надъ устройствомъ тоdus'a vivendi для христіань цити арминскихь вызайстовь (Эрверумь. Ванъ, Витинсъ, Кариутъ и Діарбекиръ), коти, конечно, ега почва очень ненадежная и весьма подозрительная. Важно, однако, висть ноходную точку. Для Македонін в такой ноходной точки дипломатія не вибеть, покаместь. Правда, Берлинскій трактать заключаеть постановленіе, по которому Македовія, освобожденная было по Санъ-Стефанскому договору, возвращается подъ турецкое господство оъ темъ, что ей будеть даровано самоуправление на началаль. которыя будуть выработаны державами и Портою. Прошло двагцать леть и никакого самоуправления македоняне не получили по. сель. На Крить и въ Арменіи дви отчасти облегчилось самоустраненіемъ туркофильскихъ державъ, Германін и Австрін. Въ накодоновомъ вопросъ этого самоустраненія ожидать нельзя, а если въ этому прибаветь печальныя постыдныя распри между македонскими греками, болгарами и сербами и соперинчество между ихъ своболными единоплеменниками, то съ прискорбіемъ должны будемъ конотатировать громадиня затрудненія, лежащія на пути европейской нипломатін, передъ которой вдобавокъ не прежиля Порта 1894 года, трепещущая Европы и извёрившаяся въ свои силы, а победоносная Турція, операющаяся на дружбу Германіи. Какъ в когда возобновать константинопольскіе депломаты свой труды по арманскому и македонскому вопросамъ, въ печать не проинкло еще и слуховъ. Это не должно означать, что эти вопросы предавы забвенію, но это не поощраєть ожидать и бистраго движенія ліда въ желанномъ направление.

На Дальнемъ Востокѣ по прежнему дѣла очель катанути. Дворповая революція въ Пекинѣ, исторію которой мы передали въ нашей октабрьской хронвкѣ, не вызвала сколько набудь серьезныхъ несуррекціонныхъ движеній, какъ того многіе ожидали. Изсуррекція въ Южномъ Китаѣ, правда, продолжается, но большихъ успѣховъ не достигаетъ, и для Пекина это такъ далеко, что тамъ вовое и не безпоконлясь бы этими безчинствами на отдаленной окраниъ, если бы мятежники оставляли въ покоѣ европейцевъ. Между тѣмъ этого удовольствія пекинскимъ правителямъ несургенты дѣлать не

желають и недавно захватили францувскихъ мяссіонеровъ. Франція требуеть оть некинскаго правительства освобожденія плівнимхъ мносіонеровь, угрожая военными репрессаліями. Переговоры еще некончены, но что въ самонъ дълъ могуть савлать пекинскіе мандарины, которые побъдить мятежниковъ не умъють, а приказать имъ. но могуть? Развъ рашатся выкупить планных. Если же рашатся предоставить французамъ самимъ двинуть войска для освобожденія павника, то предется за это заплатить еще дороже. При полномъвоенномъ безсилін пекнискаго правительства, инциденты, подобныемынашнему, возможны постоянно и въ этомъ кростся главная опаспость для европейскаго мира. А между твиъ на военное безовие китайское правительство себя осудило на долгое время. Реакція, маступившая после кратковременной эпохи реформъ и выразивправод въ упомянутой дворцовой революціи, нымі вполив окрыпла E OT'S BEAUTH OTOTPARCHIE BOB, KDOME CAMBLES SPINES KOROCPBRITOPOBL, даже Ли-Хунъ-Чанъ, отправленный въ почетную ссылку въ качестве вице-короля Шантунга. Ли-Хунъ-Чанъ все таки считалъ полезныть вое-что перенять оть Европы, котя бы войска, флоть, оружів, желізныя дороги, телеграфы, почту, пароходы, банки. Ничего этого не признають имившийе правители Небесной Имперіи. Выть можеть, это только ускорило бы паденіе жаднаго и невіжеотвеннаго нандаринскаго правленія, есля бы Китай быль предоотавленъ соботвенной участи, но еще более жадный, хотя и вооруженный образованіемъ и культурою, овропеець стережеть этоть ожидаемый моменть на горе Китаю и Европе, трудовому, комечно, Китаю и трудовой Европв, на радость Европв хищинческой.

Изъ другихъ событій отчетнаго месяца достойно отметить немногое. Норвежскій стортнигь приняль въ третій разъ законопроекть объ неключение язъ ворвежского флага эмелемы единения съ Швеціей. Діло въ томъ, что въ шведскомъ флагів ни въ какомъ закоульть не отведено мъсто для норвежских цевтовъ. Норвежим находять, что оставнение въ одномъ изъ угновъ норвежскаго флага. мъста для шведскихъ цвътовъ безъ взаимности, какъ бы нарушаеть равноправность двухъ союзныхъ народовъ, изъ которыхъ ви одинъ не быль завоевань другимъ. Король Оскаръ, болве шведскій монархъ, нежели порвежскій, отказаль въ утвержденіи постановленія порвежского отортинга объ новлючении шведовихъ цветовъ изъ угла норвежскаго флага. Норвежская конституція не даруеть, однако, воромо права абсолютнаго veto, но мишь относительнаго. Законопроекть, трижды принятый отортангомъ, хоти бы и тражды не утвержденный королемъ, становится закономъ. Стало отныей закономъ и постановление отортанга объ уничтожении въ норвежскомъ флага всякой эмблены единенія съ Швеціей. Какъ симптомъ настроенія морвежскаго народа, эта ноторія о флага не лишена серьезнаго вінореня.

Въ Капландін низвергнуто новымъ пармаментомъ, заключающимъ

толландское большинство, министерство Сесиля Родев. Это не помъщало канскому парламенту вотировать значительную субсидію. Англін для усиленія флота. Кром'й того, канскій парламенть причиль избирательную реформу, усиливающую представительство 16 новыми депутатами и вводящую значительное перераспреділеніе. Голландцы находили, что прежнее распреділеніе избирательныхъокруговъ было составлено какъ бы съ принымъ разсчетомъ дать перевість англичанамъ надъ голландцами. Новымъ закономъ эта несправединвость устраняется, если только не создастся обратная.

Французы очистиле Фашоду в англо-оглитано оо уже заняли. Оне начинають затемъ прежение вверхъ по Нику навотрачу англійской экспедицін, спускающейся изъ Уганды и Уніаро внизъ по Наму, все теченіе котораго отвына составляєть неотьемлемую соботвенность британцевъ, не болье оспариваемую, чамъ Индія, где на обверо-западной гранний англичане, наконецъ, добились совершеннаго замиренія. ВъЮжной Ивдів въ Сервегапатамі (бывшей -отолицъ знаменитаго Типо-Санба) произошли 18 ноября серьезимя анти-чумныя волненія. Не мало убитыхь и раненыхь. Чума пережинулась было и на Мадагаскаръ, въ главный порть острова, городъ Таматаву, но энергическими карантинными иврами, принитыми францувами, распространение ся остановлено и, по последнимъ вавьстіямь, почти уже погашено. Если сопоставить этоть факть съ такимъ же успрхомъ карантинной системы у насъ въ Туркестане, то едва не не пора англійскимъ врачамъ подумать, правильно не ихъ превржене въ карантинамъ? Въдь воть уже третій годъ чума невовбранно овирепотвуеть въ Индін, очень плохо помавансь одникъ санитарнымъ и терапентическимъ средствамъ.

Если мы отметимъ еще междоусобіе въ Абиссиніи, где негусъ Менеликъ мдетъ усмирять раса Мангашу, сына бывшаго негуса Ісанна, то мы исчерпаемъ все, достойное некотораго вниманія въ политической живии человёчества за отчетный месяцъ.

С. Южаковъ.

Хроника внутренней жизни.

Продовольственная нужда и номощь благотворительности.—Власть «недоразумений» въ области народнаго просвещения.—Къ вопросу объ отмене телесникъ наказаний.—Оффициальное разъяснение по андижанскому делу.

М. В. Загоскинъ.

Приблежаются рождественскіе праздники. Въ столицахъ идуть приготовленія, чтобы встрётить и провести ихъ какъ можно болев оживленно и весело, въ чаду развлеченій, по театрамъ, на концертахъ, вечерахъ, а то и просто по увеселительнымъ мёстамъ и ресторанамъ. Этого рода публику не смущаеть зниняя стужа, которан крёпнеть съ каждымъ днемъ: она обёщаеть лишь свёжій колорать зниняхъ впечативній. Но иныя чувства приносить съ соборжима, надвигающаяся со своими морозами, деревенскому населенію внутренней и восточной Россіи, разоренному и обезенленному.

«Такъ что же?» скаженъ ны словани Л. Н. Толотого изъ отчета его объ израсходованіи сумиъ, полученныхъ инъ и членами его семьи въ 1891—92 гг. въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. «Неужели опять голодающіе? Голодающіе! Столовыя. Голодающіе. Вёдь, эго ужъ такъ старо и такъ страшно надоёло.

«Надойло вам'я въ Москве, въ Петербурге, а здёсь, когда оннов угра до вечера стоятъ подъ окнами или въ дверяхъ, нельзя по улицамъ пройти, чтобы не слышать все однихъ и техъ же фразт: «Два дня не вли, последнюю овцу проеди. Что делать будемъ? Последній конецъ пришелъ. Помирать значить?» и т. д. Здёсь, какъ ни стыдно въ этомъ признаться,—это уже такъ наскучило, что какъ на враговъ своихъ смотришь на нихъ.

«Да, намъ надойло. А имъ все также кочется йсть, также кочется жить, также кочется счастія, кочется люби»...

Въ теченіе послёдняго місяца появняюсь въ газеталъ не мало писемъ и извістій, показывающихъ, что въ губерніялъ, пострадавшихъ отъ неурожая, положеніе многочисленной группы населенія, по чему либо лишенной продовольственной ссуды, уже въ ноябрі місяці представлялось отчаяннымъ. Въ первыхъ числахъ этого місяца въ «С.-Петербургскихъ Відомостихъ» было напечатано и перепечатано въ другихъ газетахъ воззваніе къ помощи добрыхъ людей со стороны Ольги Булыганой изъ с. Красный Яръ, Чистопольскаго уйзда Казанскей губерніи. Ссылаясь на приміръ 1891 г., когда частныя пожертвованія дали ей возможность прокормить вою волость съ октября до іюля, т. е. до новаго хліба, она выражаєть надежду, что и теперь на ен призывъ откликнутся добрыя сердца.

«Нынашей голодъ, пашеть она, еще ужаснае, чамъ въ 1891 году: не только нъть кавба, но нъть ни картофели, ни капусты, ни гороха, никакихъ овощей, которыми привыкли питаться креотыне. Голодаеть народь, голодаеть и скотина за невивнісить соломы. Рожь была необыкновенно иняка, а провыхъ совремъ не было. Работь неть некаквать въ нашемъ глухомъ углу, и работникамъ, не получающимъ продовольственной ссуды, остается умирать съ голоду. Толпами ходять они просеть работы или хлёба, и некто нев насъ не можеть дать имъ ни того, ни другого. Умодяють они меня открыть пекарии по прамару 1891 года, но у меня нать на это средствъ. Своего хавба едва хватить для рабочехъ въ усадъбъ, а пожертвованных денегь всего 125 рублей. На эти 125 рублей я купила около 160 пудовъ муки, которую раздаю манболее нуждающимся въ тёхъ деревняхъ, гдё еще не получають продовольственной ссуды. Въ 1891 г. мной были открыты пекарии во всехъ дванадцати деревняхъ нашей волости. Народъ очень дорожиль ими, такъ какъ, заработавши нёсколько копескъ, можно было купить себъ кабба, который продавался неже стоимости, а невибющемъ возможности инчего заработать давамся даромъ. Во всёхъ деревняхь были у насъ также устроены столовыя для детей, для женщинь, имеющихь грудныхь детей, и для старухь. Кром'в того, мы надвини мукой, по 30 ф. въ месяцъ, всехъ неполучающихъ ссуды. О отоловыхъ вынче и думать нечего—за невивнісиъ въ нашемъ крав на крупъ, ин овощей. Хотвлось бы устроить хотя цеварии и имъть возможность надълить мукой не получающихъ ссуды, чтобы спасти народъ онъ голодной смерти».

Въ «Недви» (№ 45) помъщено письмо изъ Самары извъстнаго писателя и изсъеда народной жизни А. С. Пругавина подъ заглавіемъ «Начало годода». Онъ пишетъ, что тревожныя опасенія, что населенію губернін предстоить пережить въ этомъ году отрашное, огромное бъдствіе, начинають сбываться гораздо ранье, чъмъ то думали.

«Изъ увздовъ, —говорять г. Пругавинъ, —то и дело приходять печальныя, тревожныя вести. Воть, напринеръ, что писали намъ несколько дней тому назадъ изъ Ставропольскаго уезда. Въ деревняхъ Новой Маныкив, Куликовке и Александровей голодъ появился въ полной мере, такъ какъ у большей части населена этихъ деревень (чуваши) и тетъ никакихъ запасовъ, а урожая въ нынешиемъ году здёсь совсемъ не было. По словамъ должноотныхъ ницъ волостного правления, въ этихъ деревняхъ ссме семейства, которыя деле сумокъ ничею не въм. Почти то же самое происходить и въ селахъ, и деревняхъ Старо-Бесовской волости, того же уезда. Многіе ученики перестали ходить въ школы и отправлянсь по окрестивнъ селамъ съ сумочкой на спинъ, чтобы Христовымъ именемъ выпрашивать на пропитаніе...»

Точно также сообщають о необходимости безотлагательной по-

мощи изъ ивкоторыхъ обществъ Николаевскаго увяда, гдв уже теперь многія семьн «питаются хавбомъ изъ ржаной муки оъ громадной прим'єсью лебеды и куколя». Но и этого хавба, по словамъ крестьянъ, хватитъ у насъ не более какъ на ивсколько дней... И здёсь, какъ и въ Ставропольскомъ увядъ, многіе крестьяне посынаютъ своихъ дътей собирать Христовынъ именемъ въ соседнія более благополучныя, по ихъ мивнію, села, и этими подавніями кормится вся семья. Бёдныя дъти одёты крайне плохо: вм'єсто рубашекъ жалкія лохистья, а ноги босыя. Во многихъ семьяхъ нётъ никакого привара; запасъ капусты въ 2—3 ведра на всю зему им'єстся лишь въ несколькихъ более зажиточныхъ семьяхъ.

«Въ Ставропольскомъ и Бугульминскомъ увздахъ крестьяне начали есть хлёбъ изъ молотыхъ желудей съ небольшой примъсью ржаной муки. О вліянін подобнаго питанія на организмъ сообщаєть женщина-врачь С. П. Давыдова, живущая въ селё Старомъ Кувакъ, Бугульминскаго увзда. Упомянувъ, что въ ея практикъ въ последнее время нередки случаи голоданія и даже отравленія отъ сурротатовъ, г-жа Давыдова останавливается на следующихъ двухъ случаяхъ. «Въ деревнё Спиридоновке заболела семья, состоящая изъ семи человекъ, отъ употребленія хлёба съ примёсью молодыхъ желудей. Получилась картина отравленія: кислая рвота, поносъ, головная боль и боль во всемъ теле, съ опуханіемъ живота и нежнихъ конечностей. Другой случай—въ деревнё Федоткине, въ которой заболела семья, состоящая изъ пяти человекъ, отъ той же самой причины, т. е. отъ употребленія «голоднаго хлёба». Въ объ-

«Насъ утвивють твиъ, что съ февраля подумають о лошадяхъ; только, спрашивается, у кого же онв останутся до февраля? У кулаковъ? Теперь у насъ крестьянская лошадь идеть въ среднемъ но 4—5 рублей. Покупають татары на мясо. Для нихъ это выгодио, такъ какъ шкура продается обыкновенно за 3 руб. или за 3 р. 50 к.; следовательно, за рубль-полтора татаринъ имеетъ пудовъ 8—10 мяса. Неожиданно и преждевременно наступившая зима ускорила кризисъ. Крайне необходимо было бы немедленно же открыть хоти инсклахъ».

По словамъ «Самарской газеты», въ сам. губ. зен. управу присмали изъ Николаевскаго увяда образцы хибоа, которымъ питаются тамъ въ настоящее время крестьяне. По словамъ газеты, «на видъ хибоъ представляеть изъ себя черную сухую массу, похожую на высущенный комъ черной земли. На вкусъ онъ очень киселъ, но если разжевать его, то во рту остается раземичатая, леприятнаго вкуса и совершение земилеподобная масса. Мука сильно хрустить на зубахъ, почти не вязкая, очень неприятная на вкусъ».

По сообщению врача П. П. Крылова, организующаго въ той же губерий помощь голоднымъ детимъ, «продовольственная ссуда, на которую по уставу нижить право дёти оть 1 года до 18 лёть,

женщины, старики свыше 55 лёть и калёки,—исчислена земствомътолько въ 4 уёздахъ Самарской губ. (Самарскій, Ставропольскій, Вугурусланскій и Вугульминскій) на 508 тмс. чел. Число малолітичихъ дётей до 10 лёть, входящихъ въ эту группу, по приблизательному разсчету, не менёе 150 тмс. Въ дёйствительности, спросъ на помощь дётямъ окажется значительно большимъ, такъ какъ въ вышеприведенный разсчеть не вошли два многолюдныхъ и сильно пострадавшихъ уёзда (Николаевскій и Новоузенскій), предположившихъ справиться съ неурожаемъ мёстными хлібоными запасами и продовольственными капиталами. Питаніе ребенка въ нашихъ столовыхъ обойдется около 1 р. 20 к. въ мёсяцъ, или 9—10 р. за все время до мовой жатвы». (Бирж. Вёд.).

Эта огромная детская нужда еще более усугубляется вследствіе распродажи коровъ и скуднаго ихъ питанія. Попечительства общества Краснаго Креста, открывающія кое гдв свою двятельность, безсильно останавливаются передъ огромностію задачи. Такъ попечительство, основавшееся въ с. Вогородскомъ, Чистопольскаго узада, по предварительному подсчету пришло въ тому, что «свыше 400 человых нуждаются въ помоще попечительства н только отъ него могуть получить ее, а съ другой отороны, по пред-Варительной смёть, сдёнанной въ засёдание попечительства, тёхъ денегь и хавба, которые сейчась на лицо, если открыть столовую, **ТВАТИТЬ ЛИШЬ НА НЪСКОЛЬКО ДНОЙ; МОЖДУ ТЕМЪ ПОМОЩЬ НАСОЛОНІЮ** мужна настоятельно и безусловно. Есть семьи, которыя уже сейчасъ сидять безъ хавба; въ некоторыхъ пищу, какая случится, дають только детямъ, а верослые не получають ровно инчего; скоть весь распродань за безціновь (дойным коровы продаваннов по 7-8 р.), соломы сейчась не купешь на за какую цвну, заборы н крыше раскрыты на топливо» (В. В.).

Но, поведемому, не въ одной изъ неурожайныхъ мъстностей населеніе не дошло до такой крайности, какъ въ Мензелинскомъ увадь Уфинской губерин. Въ той же казанской газеть писали, что въ мъстное увядное земское собраніе поступняв докладная заниска одного волостного старшины. Последній докладываль собравію, что «населеніе Ирехтинской волости всябдствіе неурожан пришло въ такое состояніе, что многіе распродали для пропитанія себя ръшительно все, даже самое необходимое, какъ, напр., последнюю нодушку и платье. Есть такія семьи, которыя не им'яють нечего. чъмъ-бы прикрыть свою наготу. Старшинъ невозможно даже показаться ни въ одной деревив, —такъ приступають къ нему толпы оборванцевъ, со отономъ просящихъ о помощи. Волостной отаршина DEMICTS MARKS, TO OHE HE HANDETS CHORS, TOOM ORIGINAL HOLOMEміе деревии. «Видаваемый земотвомъ паскъ въ 30 фунтовъ, язъ воего приходится уділять 5 и боліве фунтовь на уплату за прововъ, достаточенъ только на 12-15 дней; чемъ же населению интаться остальные поливонца?» Далее волостной старшина доводить

до свёдёнія собранія, что «половина населенія волости часто сидить чуть як не по недёлямь совершенно безь клюба, поддержирая свое существовавіе питьемь какой либо травы вийото чам». Вовторомь заявленін, поданномь уже оть имени всей волости, имёнотся слёдующія строки: «...До настоящаго времени помощью ссуды оть земства вы количестві 30 фунт. вы місяць, кое какы пробивались, распродавая начисто весь домашній скоть и прочее имущество. Теперь же, оставшись рімпительно безь всего, даже безь необходимой одежды, мы не знаемы, какы будемы жить»!!. Эти безкитростныя строки, продиктованныя безвыходнымь положеніемы, проязвели на земское собраніе тяжелое впечатлініе. Гласный Татищевь прерывающимся оть волненія голосомъ настанваль на томы, чтобы всё суммы, которыя должны ядти на общественным работы, щли на немедленное продовольствіе».

Но вемское собраніе не приняло предложенія г. Татищева: ононе въ прав'я было это сдёлать.

Телеграммы приносять намъ извъстія, что діло организація помощя нуждающемуся населению или закончено, или быстро подвигается-Но онв же приносить и сообщения (оть 5 дек.), что въ Казанской губ. уже появился тифъ, что перевозка хайба гужомъ изъ Казанской губ. въ соседнія еще только вмёнть начаться въ виду установевшагося саннаго путе, что притокъ местныхъ пожертвованій въ организуемыя уполномоченнымя общества Краснаго Креста попечетельства не можеть восполнять всахъ потребностей. Влагодаря условіямъ навигацін, доставка жавба и корма скоту ногла производеться уже въ началь декабря только въ блежайшихъ въ некоторымъ губерновимъ центрамъ местностихъ. Между темъ оффиціальный органъ министерства земленвијя, на основани полесени своихъ корреспондентовъ, признастъ, что въ районъ восточныхъ губерній «нуждавъ продовольственномъ хлебе стала ощущаться во многехъ местностихъ уже въ началь осени, или въ лучшемъ случав собственнаго ильба могло кватить до Новаго года; недостатовъ же въ кормахъ быль настолько значателень, что уже вь октябрь почти повсемъстно шла массовая распродажа скота; даже зажиточные крестьяне оставляли на зиму лешь самое ограниченное количество скота, большая же часть посибдняго распродавалась по крайне низкимъ ценамъ или же резалась на мясо. Кроме того, въ названномъ районв, вследствіе плохого сбора яровых хлебовь, весною ожидается сельный недостатовь въ съменахъ». Сельная нужла въ корме на скота ощущается не только въ указанныхъ восточныхъ, но и во вовхъ центральныхъ земледвльческихъ губерніяхъ.

«Московскія Відомости», подводя общій итогь продовольственной помощи пострадавшему оть неурожая населенію, уже теперьболіве чімь въ 30 мнл. пуд. зерна (на продовольствіе и обоімененіе), находять, однако, что «эту цифру смітныхъ назначеній придется значательно увеличить» въ виду того, что продовольствен-

ная потребность исчислена только по 1 мая 1899 г., нежду тымъ, какъ результатовъ будущаго урожая можно ожидать только въ концё іюля. По словамъ «Нового Времени» общая сумма ассигнованій на поддержаніе скота въ нуждающихся крестіянских хозяйствахъ неурожайнаго района нечесляется—на покупку сына, лошадей и хабба для скота,—въ 2.687,000 руб.,—причемъ на долю Уфимской губ. пришлось 894 т. и Казанской 734. Въ общемъ, по словамъ «Новаго Времени», вся эта операція должна обойтись въ 8 — 9 мил. руб., причемъ забота о скотъ поставлена въ «нанвозможно узкія рамки». Что это такъ, показываеть следующій разсчеть по отношенію въ 6 убздамъ Самарской губернія: Самарскому, Ставропольскому, Бугурусманскому и пр. Число рабочаго скота у нуждающихся по этимъ убздамъ въ корив исчисляется въ 717 тыс. головъ, выдавать же всриъ рёшено по количеству скота въ 170 тыс. головъ.

Это отремлене въ экономін, на ряду съ признаніемъ всей серьезности положенія, сказывается и у м'ютныхъ д'ятелей въ пораженныхъ пеурожаемъ губерніяхъ. Открывая недавно саратовское губернское земское собраніе, саратовскій губернаторъ кн. Б. Мещерскій обратился въ гласнымъ съ річью, въ которой предостерегалъ
нхъ отъ стремленія выдавать ссуды въ возможно широкомъ размірів, исходя нать тіхъ соображеній, чтобы не увеличивать разміры
задолженности и не обращать помощь на тіхъ, кто можеть безъ
нея обойтись. Неразборчивая раздача ссудь, безспорно, діло неразумное и даже вредное, но не показала ли намъ практика прошлыхъ літъ, что, удерживая разміры помощя въ границахъ, нествівчающихъ дійствательной потребностя, легко прядти въ результатамъ, которые лешають эту помощь большей доля ся значенія.

До сихъ поръ мы говорили, однако, о населени, которое имъетъ право на продовольственную помощь въ той или нной формв, въ томъ наи иномъ размъръ. Но за спиной этого населения деревии стоять паный мірь «захребетниковь». Во всякомь села нап деревна, вав общей линіи селенія, на задахъ или на краю улицы, по склонамъ овраговъ и косогоровъ вы всегда увидите покосившіяся дачуги или «кольи», полуприкрытыя старой извётрившейся соломой. безъ воротъ, безъ плетня и повътей. Въ этих кельяхъ живутъ «бобыли» и «сироты». Здёсь и вдовы съ малолётними дётьми, помощене, дряхане стариви, старыя девицы, бывшіе дворовые, старые солдаты и проч. Не ниви надвла, частью по собственному безский и неспособности нести тажесть земледальческого труда и соеденскимых съ неми повинностей, частью по воль міра, вов эти семье и одиночки живуть всетаки около земли и отъ вемли. При отсутствін у насъ, въ деревив, правильно организованной системы общественнаго призранія, трудно сказать даже въ обывновенное время, какъ добываютъ многіе изъ нихъ средства пропитавія. Способные еще въ работе занимаются всякаго рода подевщиной, старики и пъти жевуть главнымъ образомъ подаявіемъ, ходять въ своемъ околожев.

гді ихъ всі знають и подають, ето хийбомъ, ето картофелемъ, ето чімь попало, зная, что сами они инчімь не ограждени оть подобной же участи въ случай перваго несчастія. Но тімь безпомощийе положеніе всіхь этихъ людей въ моменти общаго бідствія, подобнаго имнішнему неурожаю, когда чувство личнаго самосохраненія заставляеть всіхь и каждаго думать только о своей судьбів. Источники народной благотворительности изсикають. Помощи земства и правительства эта часть сельскаго населенія не подлежить, такъ какъ она не входить въ составь круговой поруки, обусловинвающей собою выдачу продовольственной ссуды. И воть, всі эти захудальни и біздствующія семьи, каліжи и немощиме, вдовы и сироты остаются въ полюженіи безысходномъ, полномъ отчаянія и безнадежности. Ихъ развалившіяся лачуги первыя посіщають страшные спутники не-урожайныхъ годовъ—голодь и эпидемическія болізям.

Эта часть деревенскаго населенія неурожайныхь містностей, о численности которой трудно судить, коть, безъ сомивнія, ока весьма значительна (Главное управленіе общества Краснаго Креста въ своемъ воззвание опредъяють ее въ 23°/о общаго количества всего крестьянского населенія застигнутых неурожаемь губернін), можеть разочитывать лишь на помощь частной благотворетельности. Другой ведъ несомевниой и настоятельной нужды представляеть собою нужда въ помощи учащимся въ сельских школахъ. Являясь изъ дому въ земскія школы голодными, дёти въ часы перерывовъ въ занятіяхъ отправляются побираться «по кусочки» въ сель или ближнехъ деревняхъ. Но чемъ дальше, темъ чаще приходится имъ возвращаться такими же голодными, какъ ушли, полузамерашими въ своей рваной одежде и дырявой обуви. А между темъ земскія школы переполенится учащимися: родителе чуть не гонять вхъ въ училеща, съ одной сторовы, чтобы избигнуть вида полуголодныхъ дётей, съ другой, въ разочете, что тамъ имъ чемъ нибудь помогуть. Извъстія о подобномъ положенін учащихся приходять нев войхъ неурожайныхъ губерній, указывая на крайнюю и неотложную необходимость организацін школьных столовыхь. И школьныя столовия устранваются, по сообщеніямъ газоть, или увздении попечетельствами Краснаго Креста или земствами, казанскимъ, симбирокимъ и др. Отпуская ученикамъ пищу, покупая бъдивишимъ бълье, одежду, обувь, они оказываютъ незамвнимую помощь. Но средства ихъ ограничены, недостаточность ихъ ошущается въ самомъ началь дела, и только деятельное и постоянное участіе въ судьбе школьных отоловых со стороны частной благотворительности межеть поддержать и сохранить ихъ существование до той поры, когда минуеть въ нихъ нужда.

Общество Краснаго Креста съ начала понбря приступило уже въ организація благотворительной помощи и на м'ютахъ нужды. Главное управленіе его командировало въ губернів Казанскую, Симбирокую, Вятскую, Пермскую и Саратовскую главноуполномочен-

наго ген.-и. Шведова и въ губернів Самарскую в Уфикскую, выдъленния въ особый районъ въ виду ихъ исключительно бъдственнаго положенія, уполномоченнаго шт.-роти. кавалерг. полка Александровскаго. И тоть и другой, прибывь на мёста вмёстё съ привомандированными къ немъ на помощь лецами и приступевъ къ выполненію своей трудной задачи, въ сайдующемъ видь описывають положеніе вещей въ телеграннахъ, напечатанныхъ въ «Вестинев Общества» во второй половени ноября. Ген.-м. Шведовъ сообщаль взъ Казави: «Нужда есть и будеть возростать, къ весей ожидаются еще большіе расходы. Хотя заявленія получены не оть всёхъ комитетовъ, но уже теперь выяснивсь необходимость въ дополнительномъ ассигновани еще восьмидесяти тысячь. Въ общемъ условія неурожая подходять из неурожаю 1891 г. Особенно силенъ пелородъ въ увядахъ: Чистопольскомъ, Спасскомъ, Лаишевскомъ, Мамадышскомъ, Тетюшскомъ, Казанскомъ, Свіяжскомъ, частію Паревоковшайскомъ, Чебоксарскомъ. Обнаруживается сыпной тифъ въ Чистопольскомъ, Спасскомъ, Ланшевскомъ увздахъ. Предложилъ мёстисму управленію готовить санитарный отряда».

Изъ Уфы отъ шт. роти. Александровскаго была получена телеграниа следующаго содержанія: «По обсужденін губернаторомъ, администрацією и земотвомъ, которыми уже произведено точное обсладованіе пострадавшихъ мастностей, выяснилось особенно бадотвенное положение Мензелинскаго, Белебеевскаго, Бирскаго узадовъ. Въ Мензелинскомъ увяде два года подъ-рядъ-полный неурожай, на мёстахъ недостатокъ людей, при поголовной нуждё отсутствіе хабоных запасовъ у населенія; запасовъ хватеть только на ноябрь; ноложеніе, особенно Мензелинскаго увзда, затруднетельное, требующее неключительной благотворительной помощи; открыты мъстами столовыя, организована продовольственная посильная помощь; недостатокъ деятелей, огромныя разотоянія между пострадавшеми селеніями, дикость инородческаго населенія препятствовали расширевію благотворительной помощи; по приблизительному разсчету губерискаго попечительства, на предварительныя надобности теперь же потребуется еще пятьдесять тысячь рублей, о чемъ оно постановило ходатайствовать; въ Мензелинскомъ уёздё небольшія вспышки тифозной эпидеміи».

Указывая на серьезность положенія, неотложную необходимость помощи, недостаточность средствъ, телеграммы отмічають еще и недостатокъ діятелей, въ частности для Уфинской губернів. О недостаткъ людей не мало говорилось и въ 1891 году. Однако опыть этого же года явно показаль, что людей, готовыхъ безкорыстно и самоотверженно служить народу, не мало, лишь была бы возможность приложенія ихъ желанію. Разразилась біда, и на широкій призывъ нашлись люди самостверженные и безкорыстиме на містахъ и со стороны, и молодежь оъ одушевленіемъ ринулась на помощь голодающему и гибнущему оть тифа и холеры населенію. Но для этого надо, чтобы форманизиъ и чрезиврная недовірчивость не ограничивали свободное предложеніе силь.

А какова цёна той глухой подозрительности, которую всегда готовы проявить по этому поводу изкоторые органы прессы, показываеть одедующій примеръ. Въ сентябов месяце мы отметили, какъ г. Водиско въ «Моск. Въд.» выражалъ сомивніе въ цілесообразномъ израсходованіи сумиъ, прошедшихъ для раздачи нуждающимся въ прошломъ году черевъ редакціи газеть и разныхъ обществъ, въ существованін правильной отчетности по этимъ суммамъ. Въ № 265 «Русокихь Вёдомостой» им находимъ напечатанными отчеты нёкоторыхъ лицъ, организовавшихъ на подобныя средства правильную и энергичную помощь въ пораженныхъ неурожаемъ местностихъ: учетельницы Н. П. Ермоловой, Г. М. Хрущова, Ю. В. Андреевой, врача А. И. Шингарева въ общемъ на сумму 22,450 руб. Отчеты оти оъ перечесленемъ поступавшихъ суммъ, съ указаніемъ, гдв и какъ эти суммы израсходованы, стани приходить въ редакцію гавоты еще латомъ и осенью, причемъ они оказались настолько подробными, обстоятельными и сложными, что газета нашла возможнымъ помъщать у себя дешь извлечения изъ имъь. Но и эти праткія извлеченія могуть вполив удовлетворить всякаго жертвователя, любопытотвующаго о судьов пожертвованных вить сумить. Удовлетворять ли они г. Водиско? Соминтельно, когда человъкъ идеальные порядки благотворительности склоневъ видеть въ дореформенныхъ домахъ общественнаго приврвнія.

Странную судьбу испытываеть у насъ діло просвіщенія. Повидимому, все убеждены въ его высокомъ завчения и готовы содвиствовать ему всёми свлами. А рядомъ съ этимъ прак тика жизии на каждомъ шагу ставить его развитию различныя препятотвія и препоны. И слишкомъ часто, обращалсь къ источнеку происхожденія этихъ препятотвій, находимъ его ни въ чемъ еномъ, какъ въ «недоразумени». Но, ведь, надо же признать, что въ основи этихъ недоразуминій должно лежать ийчто общее. Чтобы не ходить далеко за приміромъ подобныхъ недоразуміній, укажемъ хотя бы на следующее. Дерекція народныхъ училещь пря открытін школь въ населенных пунктахъ, где вмеются уже школы духовнаго вёдомотва, должны входить въ сношение съ епархівль нымъ начальствомъ для полученія отвыва со стороны последняго сбъ унветности открытія новой школы. На практикв установилось обыкновеніе смотрёть на этогь отзывь духовнаго вёдомства, какъ на вивющій характеръ разрішенія, считалось, что безъ согласія е «рхівльнаго начальства виспоктора народных» учиниць и училицные советы не въ праве стерывать новыя школы. Вопросъ со- этомъ правѣ дошемъ до сената, который и разъяснивъ его еще « концв прошлаго года указомъ, обнародованнымъ лишь недавно. И ъ указа этого видно, что менестерство народнаго просвъщенія своимъ распоряженіемъ отнюдь не предписывало училищь совітамъ и инспекторамъ народныхъ училищъ открывать новыя школы лишь съ согласія епархіальнаго начальства, такъ какъ такимъ предписаніемъ министерство отмінило бы установленный закономъ порядокъ открытія школъ; министерство своимъ распоряженіемъ лишь рекомендовано, въ указанныхъ выше случаяхъ, запрашивать миний епархіальнаго начальства, которое ни для училищъ накакого обязательнаго значенія не имбетъ, а принимается ими лишь къ свідінію для соображеній при разрішеніи вопроса объ открытів школы въ населенномъ пункть, въ которомъ уже имбется яшкола духовнаго відомства. («Образованіе», № 12).

А между тамъ, сколько, можеть быть, лишнихъ и столь необходимихъ школъ не было открыто въ свое время изъ-за возникавшихъ на почвъ этого «недоразумънія» разногласій?..

Аналогичный случай представляеть собою вопрось о примъневін министерскаго каталога при подбор'є книгь для безплатных в народных в беблютекъ-читаленъ. Наблюдающие за беблютеками нередко отказыванись допускать въ беблютеке внеге, которыя быле разръщены для этой цъле ученимъ комететомъ министерства народнаго просвещенія, после изданія министерскаго каталога, укавывая на то, что въ библютеки могуть быть допущены только тв книги, которыя перечеслены въ названномъ каталоге. Недавно со сторожы министерства народнаго просвёщенія послёдовало разъясненіе, причемъ вопрось этоть рішень въ благопріятномъ для библіотекъ симсяв. Менестерство разъясняю, что «къ допущенію въ безплатныя народныя библіотеки и читальни изданій, одобремныхъ ученымъ вомитетомъ после неданія министерствомъ каталога для сихъ чаталенъ, не можетъ быть никакихъ препятствій, разъ они одобрени ученымъ комитетомъ для означенныхъ читаленъ и поименованы въ книжкахъ «Журнала Министерства Народнаго Просвещения», въ отделе правительственныхъ распоряженій».

Во власти всякаго рода недоразумвий находится, какъ указывало недавно «Новое Время», и суднов воскресныхъ школъ. Повидимому, предубъщение противъ нихъ, сохранившееся со времени первыхъ опытовъ открытия ихъ въ шестидесятыхъ годахъ въ Петербургъ, болье чъмъ за 35 лътъ должио было бы изгладиться. Въ настоящее время правительство не препятствуетъ открытию воскресныхъ школъ, если только учательский персоналъ удовлетворяетъ тъмъ условиямъ, какия къ нему предъявляютъ законъ и задминистрация. Но на дълъ открытие и ведение всскресныхъ школъ ръдко обходится безъ отолкновений и лишней трати силъ и времени.

Такъ, правительствомъ разръшено въ Курскъ «Общество для содъйствія начальному образованію въ Курской губернін»; въ продрамму общества входить, между прочимъ, открытіе воскресныхъ школъ, но мёстная газета не сочла возможнымъ напечатать даже пренія, происходившія въ Обществі по поводу предполагаемаго, съразрішенія каждый разь подлежащаго начальства, открытія школь. Въ другомъ значительномъ городі центральной Россіи, кажется, если не ошибаемся, въТамбові, въ разрішенной властью воскресной школі учителямъ містнаго училища сначала было запрещено преподавать, но потомъ вскорі это распоряженіе было отмінено.

Не менье характерные въ этомъ отношени факты даеть вытельность попечительствъ о народной трезвости. Въ последнемъ «Отчеть Главнаго управленія необладных» сборовь и казенной продажи питей за 1896 г.» есть не мало указаній на то, какими затрудненіями обставлена діятельность попечительствъ при выполненіи возложенной на нихъ задачи распространенія здравыхъ понатій ореди населенія и отвисченія его оть пьяногва путемь организаціи народимую чтеній, читалонь, чайныхю и пр. Такь, въ Самарской губ. комитетами въ этомъ направления никакихъ меръ въ 1896 г. не принималось, такъ какъ не было получено разръшенія по возбужденному ходатайству объ открытів народемиъ чтенів. То же сообщають изъ Пермской губ.: девитью увздими комитетами этой губернін микакихъ мёръ не предпринималось по той же причинъ. Изъ Солекамскаго у. пешутъ, что «читаленъ пре VARIENTE NO EMBOTCH, NOTH ECMETOTE COSHACTE, VIO CE OTERNICIEME нав чайныя могуть служить для населенія местомъ для препровожденія свободнаго времени съ пользою-въ разговорахъ и въ чтенін, но, къ сожальнію, открытіе читалень сопражено съ большими формальностами» (стр. 429). Въ г. Содивамскъ, хотя министерствомъ народнаго просвещения и были разрёшены народныя чтенія, но отъ містнаго директора народных училищь не было получено распораженія и потому чтевія не были открыты. Екатеринбурговій комитеть ходатайствоваль объ открытін чтеній въ 1895 г., разръщение же получиль лишь въ 1897 г. Мы не перечисляемъ вобкъ фактовъ этого рода, приведенныхъ въ упомику-TOME COTTOTES.

Въ Сызрани есть одно весьма дъятельное и полезное общество: «Общество организаціи народныхъ библіотевъ и дешевыхъ чайныхъ и столовыхъ». Преслідуя свою ціль—содійствовать просвіщенію народа, общество главныя усилія свои прилагаеть въ распространенію сельскихъ мародныхъ библіотевъ. При этомъ комитету общества, какъ сообщается въ корреспонденціи «Русск. Від.», пришлось встрітиться со слідующимъ обстоятельствомъ.

Главитишимъ затрудненіемъ при учрежденіи библіотевъ, какъ свидітельствуєть отчеть, служить недостатокъ поміщеній. Исходи изъ того соображенія, что сельскія народныя библіотеки служать дополненіемъ къ задачамъ, которыя преслідуєть в сельская школа, и что для осуществленія библіотеки приходатся отыскивать въчерть селенія лишь уголь комнаты, куда можно было бы поставить

шкафъ съ кингами, комитетъ Общества 3-го февраля 1897 года обратился въ виспектору народныхъ училищъ Сызранскаго уйзда съ просьбою о разрёшеніи пользоваться помёщеніемъ сельскихъ школъ для устройства въ нихъ библіотекъ. На это инспекторъ сообщилъ комитету, что, «по существующимъ законоположеніямъ о народныхъ библіотекахъ, последнія могутъ быть помёщаемы въ школьныхъ зданіяхъ, но при условін, если помёщенія библіотекъ будуть отдёлены отъ классовъ капитальными стінами, имёть отдёльный ходъ, будуть предоставлены полному контролю учебнаго начальства, если выдача книгъ будетъ производиться по праздничнымъ двямъ, когда учащіеся не будуть ниёть возможности встрёчаться въ училищахъ со взрослыми читателями».

Газета совершенно справедино замѣчаетъ, что отвѣтъ г. ниопектора вызываеть евкоторое недоумение: согласно действующемь узаконеніямъ, открытіе публичной библіотеки въ зданіи училища не всегда оботавияется наличностью тёхъ условій, на которыя указывается въ бумаге инспектора. Такъ, наприи., согласно п. а параграфа 19-го инструкціи инспекторамъ народныхъ училищъ, публичная библіотека въ училищномъ дом'в съ разрішенія министра народнаго просвищения можеть быть открыта при соблюдении сатадующих условій: 1) чтобы выборь кингь для сихъ библіотекъ производнися на нначе, какъ съ разръщенія начальствъ училищь и 2) чтобы публика ни въ какомъ одучай не была допускаема къ чтевію въ пом'вщеніе библіотеки, а польвовалась кингами лишь для чтенія на дому; книги же должны быть выдаваемы въ опредвленные дии и часы и отивдь не въ теченіе класснаго времени. Отовда сабдуеть, что открыть публичную библіотеку въ училещномъ вданін возможно и при отсутствии «капитальных» отвих, отделяющих» ее оть влассовь», и при отсутствін «отлильнаго входа». Наличность этихь двухъ условій, согласно равъясненію сената по рапорту пермскаго губернатора отъ 18-го января 1894 года, требуется лишь при отврытие въ учелещныхъ зданияхъ публиченихъ библиотекъ, находящихся въ въдъніи министерства внутренних драз (Рус. Въд. **№** 242).

Если органы прессы какого либо опредвленнаго направленія высказывають свое убъжденіе по тому или неому вопросу, то можно сспаривать, что мейніе ихъ есть дійствительное выраженіе общественнаго мейнія. Но если органы печати всевозможних оттінковъ и направленій, являющіеся выразителями взглядовъ самыхъ размообразныхъ общественныхъ группъ, сходятся въ одномъ утвержденія, можно ли не признавать за нимъ голосъ общественнаго майнія, насколько печать восбще можетъ считаться его выразительницей? Такой именю характеръ всеобщности и единодушія вийсть стисшевіе печати къ вопросу о тілесномъ наказанів. Докторъ Жбан-

KOBL BL CBOHYL OTOPKAYL HO STORY HPOZNETY, HOTATADHENCE BO «Врачь», пишеть, между прочимъ, следующее: «Вся русская нечать, за исключеніемъ двухъ извёстныхъ изданій, высказывается болье или менье рызко и съ разнихъ сторонъ противъ розогъ. Духовные органы «Церковный Вастина» и «Духовный Вастина» Грузинскаго экзархата» указывають на несовивотность твлесныхъ наказаній съ духомъ евангельскаго ученія о любви, на подрывающее вліяніе ихъ на нравотвенность и семейную жизнь. Военный журналь «Развёлчевь» находеть телесные наказанія и побон несовийствими съ честью и достоинствомъ вознашать. Славянофильскіе журналы «День» и «Русь» приписывали происхожденіе въ Россін телесных наказаній татарамы и немцамы; К. Аксаковы писаль въ нихъ: «Телесное наказале или можеть быть допущемо для вобхъ, еле вовсе не можеть быть допущено... Твлесное наказаніе есть возведеніе побоевь въ законь, есть узаконеніе грубой силы... Побон, возведенные въ законъ, становятся явленіемъ положательно безиравотвеннымъ, такъ какъ этотъ взглядъ ихъ оправдываеть, утверждаеть, здесь уже слышится, чувствуется принципъ». Юридаческіе органы—«Юридаческій Вістинкъ» и «Юридическая Газета»—поместини целый рядь статей противь розогь и доказы. вали ихъ несостоятельность съ точки зренія правосудія и справедливости. Вов медицинскіе органы всегда высказывались противателесных наказаній. Кроме правственных и спеціальных соображеній, они указывали и на крайне вредное вліяніе такихъ наказаній на здоровье и наказуемыхь, и наказующихь. Админестративныя изданія—«Гродненскія», «Курскія» и «Архангельскія Губернскія Відомости»—тоже относятся очень неодобрительно къ розгамъ и признають вредное вліяніе ихъ на крестьянскую жизнь. особенно на семейныя отношенія и на влоупотребленія сельских властей. Наконецъ, и вся остальная общая печать-газеты и журналы, отолечные и провинціальные, консервативные и леберальные органы—вов, кром'в двухъ изв'ястныхъ изданій, высказывались и продолжають высказываться противъ розогъ».

Сознаніе того, что тілесное наказаніе есть грубый анахроннямъ, наслідство, перешедшее въ намъ оть эпохъ, запечатлічныхъ жестокостью и несознаніемъ, утверделось въ значетельной степени в въ укахъ тіхъ, кто не только теоретически касается вопроса о тілесныхъ наказаніяхъ, но и держить въ своихъ рукахъ власть практическаго ихъ приміненія. Такъ, хотя положеніе 12 іюля 1889 года и предоставило земскимъ начальникамъ право утвержденія тілесныхъ наказаній, налагаемыхъ волостнымъ судомъ, однако, намъ извістны цільке уїзды, гді наказаніе это не приміненства совершенно, какъ напр., Одесскій уїздъ, и губерній, гді приміненіе ихъ по нісколькимъ уїздамъ считается единичными случаями.

Недавно «Сиоленскій Вестинкъ» сообщаль, что въ Гжатскомъ убадь, Сиоленской губернін, телесным наказанім по приговорамъ

волостных судовь почти вышли изъ практики: «волостные суды познакомившись от въскими доводами бывшаго земскаго начальника т. Чернова, книгу когораго они выписали, а также вполит убъдившись въ безиравственности и безполезности грубаго и жестокаго наказанія, перестали приговаривать къ наказанію розгами, а если гат и приговаривали, то знали, что приговоры не будутъ утверждены земскими начальниками, откликнувшимися на справедливый и гуманный призывъ г. Чернова объ изгнаніи розги».

«Вирж. Вид.» напоминали на дняхъ, что только пять губерискихъ земствъ-владимірокое, вятокое, орловское, харьковское и ярославокое не возбуждали ходатайствь объ отивай телеснаго навазанія, что, какъ навъстно, по указу сената отъ 17 сентября 1896 года не превышаеть компетенція земства. Всй же остальныя земства касались этого вопроса въ той или вной формв. Въ наотоящее время въ числу ихъ присоединяется и владимірское вемотво. По сообщенію корреспондента «Неж. Лестка», владимірская губериская управа вносить въ предстоящее очередное губ. вемское собраніе докладъ о ходатайстві передъ правительством в объотивні талесныхъ наказаній для крестьянь по приговорамъ волостинахъ судовъ. Поводомъ въ этому послужило постановление объ этомъ гороховецкаго увзднаго земскаго собранія, бывшаго въ октябрв мъсяць. Иниціатива возбужденія этого вопроса принадзежить гл. зомскому начальнику П. П. Вулысину, который заявил в на убядномъ собраніи, что «хотя въ Гороховецкомъ увядь уже не одышно, чтобы волостные суды когда либо и къ кому либо примъняли это поворное вамоканіе, но во 1-хъ-нельзя быть увереннымъ, что случан ети не явятся въ будущемъ, а во 2-хъ, вопросъ о твлесномъ наказанів ниветь принципіальное значеніе: стоя близко къ народу въ качествъ земскаго начальника, онъ (докладчикъ) убъднася, что не только евть надобности когда либо примънять твлесное наказанів, но сомлась на мивнів товарищей, береть сивлость утверждать, что, кроив вреда, ивть ничего и быть не можеть оть примененія этой несовременной, позорной и иншающей не только чести но и евкоторыхъ правъ-меры». Лица, подвергніяся твлесному наказанію, лешаются права быть выбранными въ старосты, участвовать въ собраніяхъ. «Наказаніе это,—заявиль г. Булыгинъ, овлобляеть человёка, даеть ему поводъ думать, что онъ, какъ лишенный чести, можеть не сдерживать своихъ худшихъ инстинктовъ; ножно указать не одинъ случай озлобленія наказаннаго человъка, ознобленія, доводящаго до арестантских в роть». Въ виду этого онъ проседъ собраніе «ходатайствовать передъ правительствомъ черезъ губ. вем. собраніе-снять оъ крестьянскаго населенія тиготвющую надъ нимъ поворную возможность подвергаться телесному наказанію». Гласный И. И. Царовъ (волостной старшина) заявиль, что онь-4 года отаршиной и продобдателемъ суда и убъделся, что примънять телесное наказанію неть надобности, я

при этомъ добавиль, что знасть недавий случай неутверждению одного крестьяника въ должности десятскаго потому, что этотъкрестьяникъ былъ наказанъ. Уйздимй предводитель дворянства-В. А. Шумиловъ, отмътивъ, что въ Гороховецкомъ уйздъ тълесносмаказаніе не примъняется, констатируеть, что еще въ 1858 году владимірскій губернскій комитеть призналъ тълесное наказаніе ненужнимъ. Гл. А. А. Невскій, присоединясь къ заявленію г. Булична, мотивироваль необходимость отмъны тълеснаго наказаніятьмъ, что эта мъра признана врачами бевусловно вредной для физическаго здоровья. Въ этомъ же смыслё высказались и другіе гласиме. Собраніе постановило ходатайствовать черезъ губ. земскоесобраніе передъ правительствомъ объ отмънѣ тълесныхъ наказаній крестьянъ по приговорамъ волостивкъ судовъ.

Надо думать, что и губериское собраніе окажется въ этомъвопросі на одинаковой высоті съ убяднымъ, и тімъ внесеть своюдолю содійствія рішительной и полной отмінів отживающаго господства розогь.

Прискоровное событие въ Андижант 18 мая настоящаго года, жертвою котораго пали 22 человтва нашихъ нежнихъ ченовъ вызвало, какъ извъстно, учрежделие особой военно-следственной коминссии. Выясняя причины, способствовавшия возникловению замысла ишана и его сторонниковъ, следствие главную изъ икъ указало во влинии религизнато фанативна мусульманъ, для которыхъ идея «газавата» (священной войны) сохранила и доный свою силу и значение. Но въ заключение своего доклада, въ свое время напечатаннаго въ«Правительственномъ Въстникъ», она указала, какъ на обстоятельство, способствовавшее возможности появления и распространения заговора, на примънение въ управления и судебныхъ порядкахъ края Положения 1886 г., допустившаго, между прочимъ, отдъление судебной и административной власти.

«Введеніе въ Туркестань новой независимой и нерадко недружелюбной къ чинамъ администраціи судебной власти,—читаемъ мы възтомъ докладь,—разко отдъленной отъ административной во войхъ инстанціяхъ, до народныхъ судовъ включительно, содъйствовало умаленію въ глазахъ населенія значенія русской власти вообще. Рядомъ съ потерявшимъ значеніе увздинмъ начальникомъ возникли сильние, хотя и исполненные неправды народные суды съ общирными компетенціями, и былъ поставленъ менте властимй русскій мировой судья, не всегда знакомый съ туземнымъ бытомъ, воспитанный въ понятіяхъ, непряменнимъ въ недавно покоренной мусульманской странъ. Слёдствіе приводить случай оправданія мировымъ судьей виповныхъ в прекращенія дала о буйствъ на выборахъ, завершившихся нанесе-

місих побосвъ сельскить властямь и оскорбленіемъ дійствіемъ участковаго пристава, который быль капитаномъ русской армін. Выли приміри вызова уйздимхь начальниковъ въ камеру мирового судьи въ качестві свидітеля, показанія котораго провірялись и контролировались показаніями самыхъ преступныхъ и низменныхътужемцевь».

Это заключеніе кеммессін, разслідовавшей андежанское діло, заставляло опасаться, что оно не останется безъ вліянія на приміненіе незадолго передъ тімъ опубликованняго закона о судебной реформів въ Туркестанів и Степномъ краї. Можно было ожидать существенныхъ отступленій отъ судебныхъ порядковъ, опреділяюмыхъ началами уставовъ Императора Александра II. Однако недавно въ «Правительственномъ Вістинкі» было напечатано свідующее ражисе правительственное сосбщеніе:

«Особая коминссія, производившая разследованіе объ андежанскихъ бевпорядкахъ, указада въ заключение своемъ, какъ на одну вет причень печальных событій, бывшахь въ Андежань въ мар текущаго года, на недостатки Положенія 1886 года, къ числу конкъ отнесла и введенное симъ Псложеніемъ судебное устройство въ край, съ отделеніемъ власти судебной отъ административной. При этомъ коминскія обратила вниманів на существованіе нежелательных отношеній между судебными чинами и администрацією и привела единичные случан производства мировыми судьями дель. нев конкъ въ одномъ-постановленное судьею рашеніе, а въ другехъ-практековавшійся порядокъ судебнаго разбирательства могин. по мивнію коминссів, вліять на умаленіе въ глазахъ туземцевъ значенія русской власти. Засниъ, намічая рядь мірь для упорядоченія діла управленія краемъ, коммессія, въ чеслі нхъ, указала и на необходимость предоставленія м'ястному генераль-губерматору: а) особыхъ правъ по надвору за судебными учрежденіями имъющими быть введевными въ край въ будущемъ 1899 году, и б) рашающаго участія въ далахъ объ увольненін судебныхъ чиновъ со всехъ безъ нскирченія должностей и о назначенін на высшів судебныя должности. По поводу сего заключенія коминссів, приведеннаго въ сообщении отъ 7-го октября 1898 года («Правит. Влотн.», № 217, и «Русскій Инвалидь», № 217), представляется необходивыва, во набъявніе возможных ведоразуміній, разіленить, что закимченію это отимдь не можеть служить выраженіемь по указавному предмету мизина всеннаго министерства, которое далеко отъ имени какъ обсбщать приводнимо коммессиею случан нессотватотвующаго, по ся мевнію, производства и рашевія мировыми судьями изкоторыхъ дёлъ, такъ и придавать имъ неподобающее вначение. Вопросъ же объ основанияхъ предстоящей судебной реформы въ Туркестанв уже оксичательно разръщенъ Высочайше утверждением 2-го імня сего года временним Правилами. При предварятельной съ участіемъ всеннаго министерства разработка.

сихъ правиль быль подвергнуть самому тщательному разсмотрению н вопрось объ отношеніяхь судебныхь ченовь къ высшей ивстной адменистратевной власти, причемъ признано невозможнымъ колебать основной принципъ вводимыхъ въ прав судебныхъ уставовъ Императора Александра II-независимость чиновъ судебнаго въдомотва и отправление правосудия вий надзора мистиой административной власти. Во вниманіе же къ ноключительнымъ условіямъ Туркестана, обязывающимъ съ особенною заботинвостью относиться въ поддержанию престижа мастиаго генераль-губернатора, найдено необходимымъ, въ изъятие изъ общаго порядка назначения мировыхъ судей, установить, чтобы назначеніе, перем'вщеніе и увольженіе означеним доминостими лиць проезводелось минестромъ мостипін по предварительному съ нинь сношенію, что и выражено въ ст. 5-й Правиль 2-го іюня. Правило это, а также нікоторыя другія міропріятія, предположенныя министерствомъ котиція въ осуществлению въ инструкціонномъ порядка, въ достаточной степени обезпечать интересы администраців; введеніе же въ крав объединяющей судебной власти въ лица старшаго предсёдателя и прокурора палаты, которые будуть находиться въ месте постояннаго пребыванія генераль-губернатора, послужить, какъ надо надвяться, къ исчезновенію случаевь столкновенія и нежелательныхъ нророканій можду чинами администрація и органами потиців».

Въ виду приведеннаго можно надваться, что реформированные судебаме порядки нашей средневзівтской окраним не будуть въ связи со случайнымъ и прискорбнымъ событіемъ въ Андижанъ лишены столь коренного принцила судебныхъ уставовъ 1864 года, какъ независимость судебныхъ установленій отъ администраціи.

М. Плотниковъ.

25 октября въ Иркутскі въ ореді містиму интераторовь быль отпраздновань юбилей сорокалітней литературной діятельности сибирскаго публициста Мих. Васил. Загоскина. Эготь окроминій праздникь, которому устроители отарались придать тісний семейный характерь, имбеть, однако, для Сибири значеніе общественнаго событія. М. В. Загоскинь быль основателень и редакторомь газеты «Амурь»; это была первая частная газета въ Сибири, и поэтому вобилей его быль въ то же время и празднованіемь почти полувівового существованія сибирской областной журналистики.

М. В. Загоскить уроженець Иркугской губернін, высшее образованіе получиль въ казанской духовной академія, изъ Казани вершулся на родину и вою свою живнь прожить безвыйздно частью въ Иркугски, частью въ пригородкой деревни Грановщини. Службу

свою на родина М. В. началь педагогической даятельностью въ разныхъ праутовахъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1860 г. вружовъ пріятелей. Вілоголовый, Паленковъ и Поповъ дають ему денежныя «средства, и М. В. основываеть газету «Ануръ». Въ 1862 г. «Ануръ» прекратель свое существование. Четырнадцать леть спустя М. В. смова берется за редакторское перо; съ этого года до 1886 г., т. е. въ течене десятилетія онъ руководить вновь основанной частной газетой «Сибирь». Въ газеть «Амуръ» сотрудниками М. В. были петрашевцы (Спешневъ, Львовъ, Петрашевскій), въ «Сибери» вовругь него собраннов народившіеся сибирскіе писатели. «Сибирь». жакъ поздиве «Восточное Обозрвніе» Ядринцева, также была газетой ов нем выраженией областинческой тенденціей; въ ней были подняты и подвергнуты обсужденію всё м'ястные сибирскіе вопросы, которые и теперь продолжають занимать сибирокое образованное общетво. Начало сибирской журналистики совпадаеть съ зарей провинціальной періодической печати въ европейской Россіи; въ большенотве случаевь эта последени состониа изъ листковь, которые издавались съ торгашескими целями; Сибирь была однимъ изъ немногихъ счастливыхъ исключеній въ ряду другихъ областей Россіи; цензура въ Сибири, конечно, тяжелье, чвиъ гдв-нибудь въ Имперіи, но, не смотря на то, многія другія містности Имперіи могуть позавидовать началу сиберской журналистики; немного найдется масть, гдв первое по времени періодическое провинціальное изданіе явилось бы не торговой спекуляціей, а убъжденнымъ словомъ, какъ ть два веданія; которыми руководиль М. В. Загоскинь.

Містная газета можеть имість воспитательное значеніе для провинцін только подь условіємь, если въ газеті ясно, какъ въ зеркалі, отражается гражданскій обликъ редактора. Для читателя не безразлично, кто пропов'ядуеть,—уб'яжденный ли челов'якъ или искусный только ораторъ. Такинъ идеальнымъ редакторомъ и былъ М. В. Загоскинъ. Не блескомъ и не остроуміємъ производила дійствіе газета, а стойкимъ характеромъ редактора и его візрой въ правоту своихъ идей. Мы увірены, что инкто даже и изъ враговъ редактора «Сибири» никогда не заподозр'яль искренность его р'ячей. Имя М. В. Загоскина не будеть забыто въ исторіи провинціальной спечати въ Россів.

Открыта подписка на Namectondobahhym Bhdaioteky < Hnbh> Ha 1899 которая будетъ содержать въ себъ:

Большое роскошно-иллюстрированное изданіе in felie

ТРАГЕДІИ ФАУСТБа. ФЕТА. ПЕРЕВОДЪ

Въ двухъ частяхъ, съ 25 эстампами, гравированными на мѣди, м 132 гравюрами на деревъ по рисункамъ знаменитаго германскагохудожника Энгельберта Зейбертца, исполненнымъ, въ гравюръ извъстнъйшими граверами.

Роскошное изданіе "Фаустъ" выйдеть въ свъть въ теченіе 1899 года въ видъ-12-ти ежемъсячныхъ выпусковъ (по одному выпуску въ мъсяцъ).

Въ обширной, неисчерпаемо-богатой и разнообразной сокровищницъ европейских литературь найдется немного таких перловь, таких совершенных и изумительных твореній человическаго генія, какт гётевскій "ФАУСТЪ"... Каждому, приступающему къ чуднымъ его страницамъ, "ФАУСТЪ" доставляетъ особое, своеобразное наслажденіе: пылкій, жизнерадостный юноша находить въ немъ предестную повёсть любви Фауста. и Маргариты, съ ся печальною развязкою; зредый человекъ видить въ Фауств геніальное воплощеніе того алчущаго правды духа человічноскаго, который вёчно стремится впередъ; наконецъ, на склоне лётъ, человекъ находить целый мірь идей въ каждомъ стихе, въ каждомъ слове, въ каждомъ намекъ великаго творенія, словно въ зеркаль, отразившаго въ

себѣ всѣ движенія человѣческой мисли за послѣднія три столѣтія. Классически образцовый переводъ А. Фета не только передаеть слововъ слово оригиналъ прекраснымъ стихомъ, но и снабженъ, въ примъчанияхъ, всеми объяснениями трудно понимаемыхъ мъстъ, а также необходимыми комментаріями, чамъ значительно облегчено чтеніе второй части

"ФАУСТА".

Предлагаемое нами теперь новое удешевленное изданіе "ФАУСТА" по формату, качествамъ бумаги, эстампамъ, гравюрамъ и печати будетъ до такой степени соответствовать первому дорогому взданію, стоившему въ переплете 40 р., что ихъ нельзя будеть отличить другь отъ друга. Но, вивсто 40 руб. (а съ пересылкой свыше 45 руб), подписная цвиа для дешеваго изданія назначена нами въ 14 р. (съ перес. 16 р.), причемъ, чтобы облегчить подписчиковъ, допускается еще разсрочка платежа. По-

натно, что тотчась по заключенім подписки ціна булеть возвышена до 20 р. О высовомь качестві нелюстрацій въ "ФАУСТУ" могуть дать нівкоторое понятіе копін съ эстамповъ на мёди, пом'єщенныя, въ значительно уменьшенномъ видъ, въ иллюстрированномъ объявлении о подпискъ на "ФАУСТА", которое по первому требованию, высымается безплатно.

Подписмая цъна на все изданіе, выходящее въ 12-ти выпусвахъ, по одному выпуску въ мъсяцъ: Безъ доставия: 1) въ С.-Петербургв—14 р.; 2) въ Москвъ, въ конторъ Н. Печковской (Петровскія линіи) и въ Одессъ, въ книжи. магаз. "Образованіе" (Ришельевская № 12)—15 р. Съ доставной въ С.-Петербургъ и съ пересыяной во всъ города и мъстности Россін— 16 руб. Съ перес. за границу-20 р. Разсрочка допускается въ 2, 3, 4 в

6 сроковъ.

Отдъльные выпуски "ФАУСТА" не продаются, и изданіе, по подпискі, съ наложеннымъ платежомъ и въ переплета не висылается. Только первый выпускъ, для ознакомленія съ изданіемъ, продается отдёльно за 1 р., съ перес. 1 р. 50 к. (можно присыдать почтовыми марками въ заказныхъ письмахъ). Лица, выписавшія первый выпускъ "ФАУСТА", могуть подписаться на все изданіе со 2-го выпуска, уплачивая меньше: городсків подписчики на 1 р., а иногороднів—на 1 р. 50 к.—Им'вется въ отд'яльной продаж'я роскошний переплеть на "ФАУСТА" изъ лучшаго англійскаго коленкора, съ кожанииъ (шагреневииъ) корешкоиъ, украшенний золотыми тисненіями, —по цінів 8 руб., съ перес. 4 руб.

Илиюстрированное объявление о подписки съ подробными условиями

равсрочки платежа высылается безплатно. Требованія и деным адресовать: въ контору изданій А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургъ, Малая Морская, № 22.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

(начатый проф. И. Е. АНДРЕЕВСКИМЪ)

подъ уедакшей

R. R. APCEHLEBA M SACHYMORHAYO HPOGOGGOPA O.O. HETPYINEBCRATO

при соучастім редакторовъ отділовъ

Проф. А. Н. Велетовъ (біологич. науки), С. А. Венгеровъ (веторія дитера туры), проф. А. И. Воейковъ (географія), проф. Н. И. Карфевъ (меторія) А. И. Сомовъ (явин. некусства), проф. Д. И. Мендельевъ (химико-технич и фабрично-завод.), проф. В. Т. Собичевскій (сельско-хосяйственный и касоводство), Владиміръ Соловьевъ (философія), проф. Н. Ө. Соловьевъ (MYSHES).

Энциклопецическій словарь выходить каждие два місяца сопутомами, въ 30 мест. убористой печати. Въ настоящее время выним 48 полут. Всего полутомовъ предполагается до шестидески. Ціна за каждый полутомъ (въ переплеть) 8 руб., за доставку 40 ком. Въ Москвъ и других университетских городахь за доставку не платять.

Споварь обнимаеть собою свёдёнія по войм'я отрасиям'я наука, повусотив, интературы, исторін, промышленности и привладных знаній.

Текотъ, номъщвеныхъ въ сноваръ отатей, соотавиются самостоятельно русскими учеными и спеціалистами, причемъ все касающееся Россіи обрабатывается наиболю полно и тнательно.

Заявленія о подписнъ принимаются: въ конторъ журнала «Русское Богатство»—Петербургь, уг. Спасской и *Басковой ул.*, д. 1—9.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА на сийд. услов.: при подписки вносится вадатовъ отъ 10 руб., мость чего выдаются инфющеся вы-инцо полутомы; остальная сумма докта вынивчивается ежемъсячными ваносами отъ четырехъ рублей, независямо отъ платежей, производимыхъ за остальные полутомы.

Meratere: Ф. A. Sportayst (Jeffiners), И. A. Eddoh's (C.-Петербурга).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1899 ГОДЪ

на ежедневную

политическую, общественную, литературную и торговую газету

Въстникъ рловскій

(Двадцать седьмой годъ изданія).

Подписная цъна съ даставк. на домъ въ Оряв и пересыяк. въ др. города

на ГОДЪ—7 рублей, 11 мёс.—6 р. 50 к., 10 мёс.—6 р., 9 мёс.—5 р. 50 к., 8 мёс.—5 р., 7 мёс.— 4 р. 50 к., 6 мёс.—4 р., 5 мёс.—3 р. 50 к., 4 м.—6 р., 3 мёс.—2 р. 40 к., 2 мёс. 1 р. 70 к., 1 мёс.—90 к., полиёс.—50 к.

Для удобства подписчиковъ подписка прянимается и съ разсрочкой, съ платою не менёе какъ 1 р. въ мёсяцъ, до выплаты всей суммы, причемъ высывка газеты прекращащается въ соответственный ваносу срокъ.

Въ Ориб подписка принимается въ конторъ «Орловскаго Въстника». «PYCCROR BOTATCTBO».

ОТВРЫТА ПОДПИСВА НА 1899 ГОДЪ.

на ежедневную литературно-политическую и художественную газету

Жизнь и Искусство

надаваеную въ г. Кіевъ

съ двухнедъльными иллюстрированными приложеніями.

Условія подписки

Подниска на газету принимается только съ 1-го числа каждаго мъслца и линь до конца текущаго. Подписная пъна съ доставкой и пересылкой: на 1 годъ—10 руб., на 6 мъс.—5 руб., на 3 мъс.—8 руб., на 1 мъс.—1 р. безъ доставки: на 1 годъ—8 руб., на 6 мъс.—4 р., на 3 мъс.—2 р. 25 к., на 1 мъс.—75 коп.

Для годовых подписчивовь допускается разсрочка: при подписка 5 р., къ 1 мая—3 руб. и къ 1 іюля—2 руб., а для служащихъ въ административныхъ судебныхъ, общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ по 1 руб. въ первые десять мъсяцевъ.

Подписка принимается въ Главной Конторе газети: Кіевъ, Большая Васильковская, № 10.

Редавторъ-издатель М. Е. Краинскій.

1899

Годъ изданія З-й. ОТКРЫТА ПОДПІ годъ

РЫТА ПОДПИСКА на ежедневную газету

ETHE OEOZPEHIE,

выходящую въ ОДЕССВ въ формать больших столичныхъ газетъ Съ воскресными иллюстраціями въ текств.

Рисунки событій дня, портреты общественныхъ двятелей, копін съ картинъ изв'єсти. художниковъ, виды м'єстностей и т. д.

ВЪ «Южном» Обозримия принемають участіє:

Л. А. Авилова, А. Н. Алексвевь, Н. А. Александровь, проф. Г. Е. Афанасьевь, К. Д. Бальмонть, И. А. Бунинь, Ю. А. Бунинь, И. А. Білочсовь, В. И. Бурдесь, А. А. Ворзенко, Н. Г. Вучетичь, Г. Г. Ге, П. Т. Герцо-Виноградскій, М. В. Городецкій, П. И. Добротворскій, А. А. Евренновь, А. С. Изгоевь, Кармень, Е. И. Карповь, А. А. Коринфскій, А. И. Вупринь, А. В. Лазарись, Е. Н. Любичь, Н. В. Левитскій, Н. Н. Ленетичь, В. Н. Ладыженскій, А. Н. Лисовскій, Д. Н. Маминь-Сибиравь, В. Н. Маракуевь, С. Д. Махаловь, Л. М. Медвідевь, В. М. Михеевь, А. Б. Михайловь (Шеллерь), П. Н. Невіжнить, А. О. Недолинь, А. Невабудень, Вас. Ив. Немировичь-Данченко, К. Н. Новосельскій, П. А. Нилусь, М. И. Писаревь, Г. М. Пекаторось, Л. Падалка, Л. Ріонь, К. Рогийдичь, проф. Л. Н. Овсянико-Куликовскій, С. И. Смирнова, Ф. В. Соллогубъ, А. П. Субботань, С. Т. Семеновь, Н. Д. Телешовь, Н. И. Тимковскій, Л. А. Хитрово, Н. П. Цакин, проф. Н. Яснопольскій, А. М. Өедоровь и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЪНА на газету «Южное Обозръние» (съ пересылкой) на годъ 8 руб., на 6 мйс. 4 руб., на 3 мйс. 2 руб. на 1 мйс. 80 коп.

Допускается разерочна илатежа. Отдъльние МЖ продаются по 3 коп.

Требованія адресуются: Въ Одессу, въ главную контору газети "Южное Обозрініе", Гаванная ул., д. Михайловой. Редактовъ-издатель А. В. ЛАЗАРИСЪ.

Годь ХУШ.

1899 г.

Голъ ХУШ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на газету ПРІАЗОВСКАГО КРАЯ

ТАГАНРОГСКІЙ ВЪСТНИКЪ

Редакція «Таганрогскаго Въстника» ставить своей задачей разработку вопросовь мъстной, экономической и общественной жизни, отводя въ тоже время мъсто и интересамь современной государственной и общественной жизни Россіи.

Газета выжодить три раза въ недвию: ПО ВОСКРЕСЕНІЯМЪ, СРЕДАМЪ И ПЯТНИЦАМЪ, въ разиврв полнаго листа, не исключая и дней послъпраздничныхъ,

ПОДПИСНАЯ ЦВНА:
Съ пересыявой. На 12 мвс. 7 р.—На 11 мвс. 6 р. 50 к.—На 10 мвс. 6 р.—На 9 мвс. 5 р. 50 к.—На 8 мвс. 5 р.—На 7 мвс. 4 р. 50 к.—На 6 мвс. 4 р.—На 5 мвс. 3 р. 50 к.—На 4 мвс. 3 р.—На 8 мвс. 2 р. 50 к.—На 2 мвс. 1 р. 70 к.—На 1 мвс. 85 к.

Подписка принимается: въ Таганрого въ конторо редакціи,

Николаевская улица, домъ № 5-й.

Тарифъ за объявленія: За строку петита или занимаемое ею м'ясто: на 1-й страниці: за 1-разъ 20 к., за послідующіе 10 к.; на 4-й страниці:

ва 1-й разъ 10 к. за последующие 5 к.

За кругими годъ во всихъ номерахъ плата за объявленія по взаимному соглашенію. Объявленія на нісколько разъ печатаются не менёе одного раза въ неділю. За украшенія—надбавка 10% плати. Доставляющимъ значительное колечество объявленій ділается уступка 10%. За рассмику при газеті объявленій отдільными приложеніями взимается по разсчету труб. съ 50) экземпляровъ и 8 руб. съ 1000 экземпляровъ. Объявленія принимаются на русскомъ и другихъ языкахъ въ конторів редавцій при типографіи, Николаевская улица, д. № 5. Издатель М. А. Мироноез.

Редакторъ М. И. Красноез.

Открыта подписка на 1899 годъ

на ежедневную газету.

Смоленскій В встникъ.

Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго ийсяца.

Годовая цвна 6 рублей и пересыщей

Допускается разсрочка платы: 2 руб. при подпискъ, къ апръля 2 руб. и къ 1 іюля остяльные 2 рубля.

Для народных учителей, училищь, церковно-служителей и благотворительных учрежденій ціна гозоты 5 руб. въ годъ съ разсрочною платы по 1 руб. при подпискъ, 1 марта, 1 ман, 1 іюля, 1 сентября.

Въ случат особой важности извъстій будуть выпускаться особыя прибавленія въ праздничнымъ №№ и разсылаться въ тъ дни, когда газета не выходить.

Редакторъ В. В. ГУЛЕВИЧЪ.

Издательница Ю. П. Азанченская.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ на ежедневную политич. и литературную газету

НОВОЕ ОБОЗРЪНІЕ

(Четырнадцатый годъ изданія).

Въ 1897 г. «Новое Обозреніе» будеть выходить въ Тифлисъ, какъ въ прошлые годы, ежедневно, по программе больших столичных газетъ. Вя истекшемъ году, кроме местных силъ, въ газете принимали уча-

Вя истекшенъ году, кромѣ и встныхъ силъ, въ газетв принимали участіє К. С. Баранцевичъ, И. Ивановичъ, В. В. Лункевичъ, В. В. Лесевичъ, проф. Н. Я. Морръ, К. В. Назарьева, М. А. Прогопоновъ, А. Хах-овъ,

акад. Ячевскій й др.

Условія подписки съ пересмикою и доставкою на годъ—10 р., на подгода—6 р., на три м'ясяца—3 р. 50 к., на одинъ м'ясяцъ—1 р. 50 к. За границу на годъ—17 р., на полгода 9 р., на три м'ясяца—5 р. (Подписка принимается не иначе какъ считая съ перваго числа любого м'ясяца). Для сельскихъ учителей льгота: подписная ц'яна на годъ—7 р., полг.—4 р.

Для годовых в подписчиковъ, обращающихся непосредственно въ койтору редакци, допускается разсрочка на следующих условіяхъ: при подписке вносется 3 р., къ 1-му марта—2 р., къ 1-му мая—3 р. и къ 1-му

сентября—2 р.

Подписка и объявленія принимаются въ Тифлисв, въ конторѣ газеты, Варятинская ул., № 8.

ХХХІУ ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ХХХІУ

РИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1899 годъ
на самую распространенную въ Астраханскомъ край газету

,, Астраханскій Листокъ"

Газета будеть издаваться по расширенной программѣ и въ значительно увеличенномъ форматѣ.

Редавція стремится доставить читателямъ: своевременния, точныя и разнообразныя, какъ общія, такъ и мѣстныя, краевыя извѣстія; откликв на текущія событія; свѣдѣнія изъ судебныхъ и административныхъ сферъ; постоянный фельетонъ общественной жизни гор. Астрахани, Астраханской губерній и всего Волго-Каспійскаго района; обзоры жизни городовъ: Парицына, Камышина, Саратова, Самары, Казани, Симбирска, Нижняго, Баку, Тифлиса и друг., библіографія; оригинальную и переводную беллетристиву; новости наукъ и искусствъ; новости судоходства; астраханскія свѣдѣнія торгово-промышленнаго характера, смѣсь и пр. Въ торговомъ отдѣлѣ даются подробныя свѣдѣнія по рыбному, нефтяному, шерстяному, дѣсному, бондарному и пр. дѣламъ, о движеніи персидскихъ товаровъ, а также о фрахтахъ. Постоянныя корреспонденціи изъ всѣхъ пунктовъ Астраханскаго края. О всѣхъ книгахъ, присылаемыхъ въ редавцію, бу-дуть даваться отзывы.

Плата за объявленія со строки петита: передъ текстомъ 20 коп., послів текста 10 коп. Плата за объявленія производится впередъ. Печатающіе боліве трехъ разъ пользуются скидкой 10 проц. Годовыя объявленія

по соглашению съ конторой редакци.

Подписная цѣна съ пересылкой:

1 г.—7 р. 50 к. ^{1/2} г.—5 р., 3 м²с.—3 р. 25 к., 1 м²с.—1 р. 25 к. Подписка принимается въ Астрахани, въ конторъ редакціи "Листка", по. Ахматовской улиць, домъ Агамжановких».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА Годъ ху. TOPE XV. HA

на 1899 годъ

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО, кром'в дней посяв праздинковъ, когда городскіе подписчики получають телеграфиме бюллетени.

ПОДПИСНАЯ ЦВНА:

Годъ-9 руб., 6 мъсяцевъ-4 руб. 50 коп., 3 мъсяца-2 руб. 25 коп. и і мѣсяцъ-75 коп.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ И ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЕТСЯ: въ ТОМСКЪ въ конторъ редавцін: Ямской пер., д. О. Х. Пушникова; въ МОСКВЪ: въ отдъленін рецавцін: Бол. Лубянка, Варсанофьевскій пер., д. Рабушинскаго, вв. № 10 и въ конторъ объявленій Тор. Д. Л. и Э. Метць и К°; въ ПЕТЕРБУРГЪ—въ отдъленін этого Торговаго Дома и въ домъ Сыгова, на углу Большой Московской и Свёчного пер.; въ ВАР-ШАВЪ: Лешно, 26; въ БАРНАУЛЪ: Бійская улица, домъ А. И. Мерцалова. Редакторъ Издатель Г. В. Прейсманъ.

ОТКРЫТА

на 1899 годъ

НА ПОЛИТИЧЕСКО-ОБЩЕСТВЕННУЮ и ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

ЕНИСЕЙ

Выходить въ Красноярски, три раза въ недвлю. изъ программы газеты:

Передовыя статьи, касающіяся жизни русскихь областей, совивстно съ интересами сибирскихъ губерній, сопринасающихся съ бассейномъ

реви Енисея, а также вопросы русской политики на Востокъ.

Статьи и очерки по вопросамъ Енисейскаго края и соприкасающихся съ нимъ губерній Сибири, — по городскому и земскому хозяйству, статьи по сельскому хозяйству, экономическія, торговыя, по фабрично-заводскому производству и горной промышлепности. Обзоръ общественной жизни Сибири и Россіи. Городская хроника. Театръ и музыка.

Корреспонденцін изъ раздичныхъ м'ястностей бассейна р'яки Енисея и сопривасающихся съ нимъ губерній, а также сообщенія изъ Россіи. Научный отділъ.—Отврытія и путешествія по Сибири и ея окран-

намъ, сведения по истории, статистике и промышленности.

Литературное обозрѣніе, – критика и библіографія, оособенно сочине-

ній объ Авій.

Фельетонъ, романы, повъсти, разсказы, очерки, сцены, наброски, ле-

тучія замітки и стихотворенія.

Подписная цена: съ доставкой и пересылкой, на годъ 7 рублей, на полгода 4 рубля, на четверть года 2 руб. 50 коп., на одинъ мъсяцъ 1 рубль. Подписка принимается: въ контор'я редавцін «ЕНИСЕЙ», собствен. домъ Воскресенская ул., въ Ачинскъ въ отдъленіи конторы при типографіи Е. Ф. Кудрявц ва; въ Томскъ въ отдъленіи редакцін «Енисей», Дворянская ул., и въ книжномъ магазинъ Михайлова и Макушина; въ Иркут-скъ въ книжномъ магазинъ Михайлова и Макушина; въ Петербургъ и Москвъ въ центральной конторъ объявленій торговаго дома Л. и Э. Метцель и К. Редакторъ-издатель Е. УДРЯВЦЕВЪ. ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

XAPЬКОВСКІЯ РУБ. ВБДОМОСТИ

выходить ежедневно

Постоявныя рубрики газеты следующія: І. передовыя статьи по во-просамъ внутренней и визшней политики. 2. Отдальныя статьи, посви-щенныя обсужденію местныхъ и общихъ вопросовъ. 3. Местныя известія (городскія и изъ уездовъ). 4. Последнія известія (меропріятія, слухи, проекты и т. п.). 5. Телеграммы. 6. Обзоръ періодической печати (столичной и провинціальной). 7 Корреспонденціи. 8. Новости разки, ди-тературы и искусства. 9. Театръ и музыка. 10. Внутреннія известія. 11. Земская и городская хронька. 12. Висшнія известія. 13. Судебный от-дель. 14. Фельетонъ (беллетристика оригинальная и нереводная, крити-ческія статьи, научные очерки и проч.). 15. Вибліографическія заметки. 16. Смесь. 17. Справочный отдель.

Подписка принимается въ Харьковъ, въ конторъ «Харьк. Вѣд».

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ перес.: на 12 мвс. 10 р. 11 мвс. 9 р. 50 к., 10 м. 9 р. 9 мвс. 8 р., 8 м. 7 р., 7 м. 6 р. 20 к., 6 мвс. 5 р. 75 к., 5 мвс. 5 р., 4 м. 4 р., 8 мвс. 8 р., 2 мвс. 2 р. 10 к., 1 м. 1 р. 20 к.

открыта подписка

на 1899 годъ

НА ОБШКСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

минскій листокъ,

выходящую три раза въ неделю, по вторникамъ, четвергамъ и воскресеньямъ.

Кром'в постояннаго м'встнаго фельетона, передовой статьи по м'встнымъ и общемъ вопросамъ и широко поставленнаго отдёла «м'юстной хроники» и корреспонденцій изъ всёхъ главнейшихъ пунктовъ С'яверо-Западнаго края, газета даетъ литературные и научные федьетоны, а также журнальное обозрвніе и обозрвніе текущихъ злобъ для нашего края. Особенное вниманіе обращено на изученіе жизни нашихъ увздовъ. Кромѣ того,

въ «Минскомъ Листиѣ» печатаются:

1) объявленія управленій Либаво-Роменской и Полесских ж. д. о торгахъ, поставвахъ н не востребованныхъ грузахъ 2) объявленія м'естнаго управленія Государственных имуществь о назначенін торговь и проч.; 3) свёдёнія о ценахь на хлёбь и продукты первой необходимости; 4) списки дёль, назначенныхь въ разсмогрёнію въ минскомь окружи. судё и 5) общій «справочный листок».

подписная цъна:

Съ доставкой и перес. на 12 м/вс. 4 р.; 9 м/вс. 3 р.; 6 м/вс. 2 р. 50 к. 3 мъс. 1 р. 50 к.; 1 м. 75 к. Подписка принимается въ главной конторъ: Минскъ, Захарьевская ул., д. Ландау и въ мъстныхъ книжныхъ магазинахъ. Допускается разсрочка подписной плати.

За редавтора Издатель И. П. Фотинскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1899 годъ

на ежедневную

политическую, общественную, литературную и экономическую газету

УРАЛЪ,

издающуюся по программи больших столичных газеть въ г. Екатеринбурга, Периской губернія.

Газета посвящена преимущественно разработкъ многочисленныхъ вопросовъ, касающихся общирнаго горнозаводскаго и торгово-промышленнаго Уральскаго края.

Цъна съ пересылкой и доставкой на годъ 8 руб., на полгода 4 руб. 50 коп. на 3 мъсяца 2 руб. 75 коп., на 1 мъсяцъ 1 руб.

Редакція газеты "Уралъ" предприняла въ 1899 году ивдакіе

"Путеводителя по УРАЛУ",

который могь бы служить справочной настольной внигой и пособіемъ для ознавомленія съ этимъ врасмъ.

Изданіе поступить въ продажу въ январ'я м'ясяц'я 1899 г. Ц'яна вниги 2 р. 50 к., въ изящномъ переплет'я 3 р. Выписывающіе непосредственно изъ конторы редакціи газеты «Ураль» за пересылку не платять.

Издатель В. Г. ЧЕКАНЪ.

Редавторъ И. И. ЦЪВИНЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1899 годъ

на ежедневную газету общественной жизни, политики, литературы и торговли:

"КУРСКУЮ ГАЗЕТУ"

годъ П.

Подписва принимается въ г. Курскъ: въ конторъ газети—Московская

улида, д. Кананова.

Вступая во второй годъ своего существованія, «Курская Газета» нашіврена и впредь уділять особенное вниманіе всімъ проявленіямъ общественной самодінтельности и прежде всего вопросамъ земсваго и город-

ского самоуправленія.

Отсутствіе въ Курской губернін спеціальнаго земскаго органа, въ связи съ желаніемъ расширить по возможности этоть отдёлъ, побуждаетъ Курскую Газету съ 1 Января 1899 г. начать вмиускъ особихъ еженедёльныхъ приложеній, посвященныхъ спеціально вопросамъ земской и городской жизни съ присоединеніемъ статей по сельскому хозяйству. Такія приложенія должны, по мысли редакцін, хоть отчасти заменить для деятелей земскаго и городского самоуправленія спеціальный земскій и городской органъ, на необходимость котораго неоднократно указывалось, какъ въ печати, такъ и земскихъ собраніяхъ и коммиссіяхъ.

подписная цѣна:

На 1 годъ 7 р.; на ½ года—8 р. 50 к.; на 1 мъсяцъ 60 к. Допускается разсрочка: при подпискъ 4 р. и къ 1 іюля 3 р.

Издательница С. А. Григорьева-Сидорова, За редактора І. А. Михайловъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 г.

САМАРСКУЮ ГАЗЕТ

литературно-политическую и экономическую, выходящую ежедневно,

кром'й дней посл'впраздничныхъ.

Согласно своей задачь, газета даеть особенно обширное мъсто корреспонденціямь изъ болье важныхъ пунктовъ области и особенно подробно будеть следить за жизнью Симбирска, Уфи, Оренбурга и другихъ, более важнихъ пунктовъ области. Въ газете печатаются также ежедневно фельетоны изъ местной жизни, еженедельно въ стихахъ, а также фельетоны изъ обще-русской и поволжской жизни.

Въ торговомъ отделе газеты печатаются сообщения о ценахъ на хлебъ на биржахъ-самарской, либавской, ревельской, петербургской, калашинковской, данцигской и кенигсбергской. Помещаются также сообщения о прияже на скоте на московскоме и с. петербургскоме скотопригонныхе

дворахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦЪНА съ пересылкой:

Ha 12 mbc. 7 p.—Ha 11 mbc. 6 p. 60 s.—Ha 10 mbc. 6 p.—Ha 9 mbc. 5 p. 60 s.—Ha 8 mbc. 5 p.—Ha 7 mbc. 4 p. 60 s.—Ha 6 mbc. 3 p.—Ha 9 mbc. —Ha 5 mbc. 3 p.—Ha 4 mbc. 2 p. 60 s.—Ha 3 mbc. 2 p.—Ha 2 mbc. 1 p. 20 s.—Ha 1 mbc. 70 s.

Иногородніе адресують подписныя деньги: въ Самару, въ контору редакцін «Самарской Газеты».

Редакторъ издатель С. И. Костерина.

ОТВРЫТА ПОДПИСКА на 1899 ГОДЪ

Tasety

(XIX годъ изданія).

Въ 1899 году "Каспій", въ Баку, ежедневно, будеть выходить по преж-ней программ'в газеты литературной, общественной и политической, съ обширнымъ нефтанымъ отделомъ, при той же самой подписной цене.

ПОДПИСНАЯ ЦВНА

съ пересынкой: на 12 мъс.—8 р. 50 к., на 11 мъс.,—7 р. 50 к., на 10 мъс.—7 р., на 9 мъс.—6 р. 50 к., на 8 мъс.—6 р., на 7 мъс.—5 р. 50 к. на 6 мъс.—5 р., на 5 мъс.—4 р. 50 к., на 4 мъс.—4 р., на 3 мъс.—3 р. на 2 мъс.—2 р. н на 1 мъс.—1 руб. 50 к.

ЗА ГРАНИЦУ:

На годъ..... 13 руб. На полгода .... 7 руб. Допускается разсрочка платежа подписныхъ денегь на слъдующихъ условіяхъ: при подпискъ вносится не менье 4 руб. 50 коп. затыть 15-го февраля 2 руб. и 15-го марта 2 руб.

Иногородные адресують свои требованія, въ Баку, въ редакцію газеты «КАСПІЙ».

2-й годъ изд. ОТКРЫТА ПОЛПИСКА 2-й годъ изд. на 1899 годъ

HA CHECHEBHYD HAYTHO METEDATYDHYD, HOMETHTECKYD H OKOHOMITECKYD FASCTY

Іриднѣпровскій

издаваемую въ г. Екатеринославъ М. С. Копиловимъ. Гавета будеть издаваться въ 1899 году подъ тою-же редавціей (В. В. СВЯТ-ЛОВСКАГО), при томъ-же составъ главныхъ сотрудниковъ и по той-же

программъ. Между прочемъ, въ 1899 году будутъ печататься изследованія, пред-принятыя редакціей для описанія заводовъ и рудниковъ Приднепровыя и всего Донецкаго Бассейна по особой составленной общирной программъ.

Описаніе будеть илиюстрировано чертежами и рисунками. Съ 1899 года «Приднъпровскій Край» будеть выходить въ значительноувеличенномъ формать и также, какъ въ минувшемъ году, ежедневно, т. е. и въ праздники и въ послъпраздничиме дни. Всъхъ номеровъ увеличеннаго формата будетъ выпущено 859 и, такимъ образомъ, въ теченіе года газета не выйдетъ лишь всего 6 дней. Форматъ газеты будетъ восьмистолбцовый въ размъръ большого листа по образцу "Новаго Времени". Кромъ того, газета будетъ давать особо по восвресеньямъ второй листъ (8 страницъ) съ издюстраціями, рисунвами и безлетристическими произвеленіями.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1899 г.

Съ пересынкой на 12 мвс. 12 руб. — На 11 мвс. 11 руб. — На 10 мвс. 10 р.—На 9 мвс. 9 р.—На 8 мвс. 8 р.—На 7 мвс. 7 р. 20 к.—На 6 мвс. 6 р. 50 к.—На 5 мвс. 6 р.—На 4 мвс. 5 р. 25 к.—На 8 мвс. 4 р.—На 2 мвс. 2 р. 75 к.—На 1 мвс. 1 р. 40 к.
За границу. На 12 мвс. 23 р.—На 11 мвс. 21 р.—На 10 мвс. 19 р.—На 9 мвс. 17 р.—На 8 мвс. 15 р.—На 7 мвс. 13 р. 50 к.—На 6 мвс. 12 р.—На 5 мвс. 10 р. 50 к.—На 4 мвс. 9 р.—На 3 мвс. 7 р.—На 2 мвс. 4 р. 50 к.—На 1 мвс. 2 р. 50 к.—

Отдъльные номера продаются въ Кнатеринославѣ и повсе⊷ MECTHO TO 5 Kon.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1899 г.

на сжелневную газету политики, литературы и общественной жизни

PPF

Газета "Курьеръ" въ 1899 году будетъ издаваться увеличенномъ форматъ.

6 ноября минуль первый годь изданія газети "Курьерь". Симпатін, кото-рыми встрытило общество начинанія молодого изданія, заставляють редажцію съ особой энергіей продолжать начатое дело и принять все меры въ тому, чтобы «Курьерь» и въ будущемъ году продолжалъ быть живниъ и отзывчивниъ органомъ печати. Редакціей, между прочимъ, обращено особое внимание на отдель телеграфиихъ известий: кроме обычныхъ корреспонденцій всв важивншім сведенім сообщаются корреспондентами «Курьера» по телеграфу, благодаря чему читатели «Курьера» имеють возможность следить за всеми выдающимися событами вакъ русской, такъ

и заграничной жизни безъ всякаго промедления.

Въ газетъ принимаютъ участіе: Л. Н. Андреевъ, В. И. Анофріевъ, Н. П. Ашешовъ, проф. П. В. Безобразовъ, С. С. Блументаль, Andrè Beaunier, Г. Н. Браунъ, В. М. Владиславлевъ, Глаголь, проф. М. Ю. Гольщевъ, В. А. Гольцевъ, Е. П. Гославскій, А. Д. Гриневскій, В. Е. Ермиловъ, М. К. Іогель, П. С. Коганъ, проф. М. С. Корелинъ, В. М. Лавровъ, L'амі, проф. М. А. Липинскій, Д. Л. Мордовцевъ, П. М. Невъжинъ, проф. С. П. Никоновъ, И. Д. Новикъ, И. Н. Потапенко, В. П. Преображенскій, М. Н. Ремезовъ, проф. А. Р. Свиршевскій, Н. А. Селивановъ, А. С. Скляръ, кн. А. И. Сумбатовъ (Южинъ), Д. И. Тихомировъ, Н. В. Тулуновъ, Д. А. Фейгинъ, Ант. П. Чеховъ и др. Газета имъетъ постоянныхъ собственныхъ корреснондентовъ въ Берлинъ, Вънъ, Константинополъ, Лондонъ, Мюнхенъ, Неаполъ, Нью-Іоркъ, Парижъ, Рикъ и др. городахъ. и заграничной жизни безъ всякаго промедленія.

Парижв, Римв и др. городахъ.

ПОДПИСНАЯ ЦЪНА съ доставной въ Москвъ и пересылной въ другіе города Россіи:

Ha 1 rogs. 6 py6.—Ha 11 mbc. 5 p. 60 g.—Ha 10 mbc. 5 p. 20 g.—Ha 9 mbc. 4 p. 80 g.—Ha 8 mbc. 4 p. 40 g.—Ha 7 mbc. 4 p.—Ha 6 mbc. 3 p. 50 g.—Ha 5 mbc. 8 p. 10 g.—Ha 4 mbc. 2 p. 60 g.—Ha 3 mbc. 2 p.—Ha 2 mbc. 1 p. 40 g.—Ha 1 mbc. 75 g.

При годовой подпискъ чрезъ главную контору допускается разсрочка: при подпискъ 2 руб., къ 1-му апръля-2 руб. и къ 1-му іюля—2 руб.—Подписка принимается только съ 1-го числа каждаго мъсяца и не далъе конца года. При перемънъ адреса уплачивается 20 коп.

Главная контора газеты помещается въ Москве, Петровскія линін, подъвздъ № 3.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

..СИБИРСКІЙ ЛИСТОКЪ"

на 1899 годъ.

ВЫХОДИТЬ ВЪ ТОБОЛЬСКЪ ДВА РАЗА ВЪ НЕДЪЛЮ ПОДПИСНАЯ ЦЪНА.

Для иногороднихъ на годъ 5 р., полгода 3 р. 75 к., 3 ивсяца 1 р. 50 к. Подписка принимается въ Тобольскѣ, въ библіотек $oldsymbol{t}$ $oldsymbol{A}$. $oldsymbol{C}$. $oldsymbol{C} y$ -

Иногородніе адресують: Тобольскь, Редавція «Сноврскаго «Листва».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

HA

іжегородскій Листокъ"

въ 1899 году.

Редакція обращаеть особое вниманіе на м'єстную жизнь въ губервін. Помимо корреспонденцій, итсколько разъ оъ неділю пом'ящаєтся фельстонъ «ИЗЪ ЖИЗНИ ГУБЕРНІИ», въ которомъ осв'ящаются факты изъ увадной жизни.

Въ 1899 году въ «НИЖЕГОРОДСКОМЪ ЛИСТЕВ» будуть помещаться нортреты общественных и государственных даятелей и рисунки иллострирующіе нанболье выдающіяся событія изъ НИЖЕГОРОДСКОЙ, обще-русской и заграничной жизни.

русской и заграничной живии.
Въ Нижегородскомъ Листкъ принемаютъ участіе: Н. П. Ашешовъ, А. И. Богдановичъ, Е. Ф. Волкова, Н. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій), В. А. Гольцевъ, С. И. Гриневицкій, И. В. Ермаковъ; А. М. Ещинъ, Е. М. Ещинъ, Ивановичъ, Вл. Г. Короленко, П. И. Кошевичъ, С. И. Лавровъ, В. А. Мосолова, А. Д. Мысовская, М. А. Птотниковъ, С. Д. Протополовъ, А. М. Пѣшковъ (М. Горькій), А. А. Савельевъ, Н. А. Скворцовъ, К. М. Станоковичъ, С. Л. Тейтель, В. Е. Чешихинъ, Е. Н. Чериковъ (Е. Валинъ), А. А. Пітевенъ и ми. друг.

Подписная цъна на 1899 годъ:

' Для нногородн. подписчивовъ: 1 м.—1 р. 25 к.; 2 м.—1 р. 50 к.; 3 м.—
2 р.; 4 м.—2 р. 75 к.; 5 м.—3 р. 50 к.; 6 м.—4 р.; 7 м.—4 р. 50 к.; 8 м.—
5 р.; 9 м.— 5 р. 50 к.; 10 м.—6 р.; 11 м.—6 р. 50 к.; 12 м.—7 р.

Для годовых подписченовъ допускается разсрочка на следующихъ условіяхъ: при нодписке 1 р. 50 к. и по 50 к. ежем всячно 20 числа, на-

чиная съ января 1809 г. до ущаты всей подписной суммы. ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Въ Нежнемъ Новгородъ въ главной конторъ «Нежегородскаго Листка» Большая Покровка, домъ Приспът-

Редавторъ-Издатель Г. Н. КАЗАЧКОВЪ.

подписка на газету

32 [0]] **3**.

10НЪ

(Въ Воронежѣ) на 1899 годъ

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Со 2-го февраля 1899 года газета «Донъ» начинаетъ 32-й годъ своего изданія. Просуществовавъ больше 30 дъть, газета тъмъ самымъ доказала прочность своихъ связей съ жизнью того провинціальнаго района, отголоскомъ котораго она служила почти треть столътія, поэтому, открывая подписку на 1899 годъ, редавція ограничивается лишь указаніемъ этого факта, безъ всякихъ объщаній: что можно будеть сділать для улучшенія газеты—то будеть сдвавно.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ пересылной на годъ 7 руб., на полгода 4 руб., на 3 мъс. 2 руб. 50 коп., на 1 мъс. 1 р. Редакторъ-издатель В. ВЕСЕЛОВСКІЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

Саратовскій Листокъ

въ 1899 году

(37-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Встуная въ тридцать седьмой годъ изданія, "Саратовскій листовъ" остается при прежнемъ составъ редакцін и сотрудниковъ, Къ этому считаемъ нужнымъ прибавить, что газета наша пріобріла постоянныхъ кор-респондентовъ въ Парижъ, Лондонъ, Берлинъ, Вънъ, и нъкоторыхъ др. важныйшихь городахь Европы. Редакція расширяеть также отдель оригинальной беллетристики.

Редиторъ-издатель Π . О. Лебедевъ. Издатель Π . П. Горизоитовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦЪНА:

Съ пересыл. на годъ 8 р.; 11 м.—7 р.; 10 м.—6 р. 50., 9 м.—6 р. 8 м.—5 р. 50 к.; 7 м.— 5 р.; 6 м.—4 р. 50 к.; 5 м.—4 р.; 4 м.—3 р. 50 к.; 8 м.—3 р.; 2 м.—2 р. 40 к.; 1 м.—1 р. 20 к.

Редавція допусваеть разсрочку подписной платы для годовыхъ под-

писчивовъ. При подписка 4 руб. и 1-го мая 4 руб. Подписка принимается съ 1-го и по 1-ое каждаго мъсяца и не дагъе конца года.

Подписка принимается въ конторъ редакціи: Саратовъ, Нъмецкая, домъ Онезоргъ, въ Вольскъ-у И. Ф. Волкова.

Объявленія принямаются: на 1-й страниць 20 к. за строку петита, на Объявленія принимаются: на 1-и страница 20 к. за строку петита, на 8-й 4-й—по 7 к. Годовыя объявленія пользуются особой уступкой.— Оъявленія изъ за-границы и всёхъ нёсть Россійской имперіи, кром'в Саратовской, Тамбовской, Цензенской и приволжск. губ., принимаются исключительно въ центральной контор'в объявленій бывш. Метць, въ мскв'е, на Мясницкой ул., въ д. Сытова. Для этихъ объявленій такса: на 1-й страницѣ 20 к. и посл'я текста 10 к. за строку петита.

открыта подписка

на ежедневную общественно-политическую и литературную газету

Прибалтійскій Листокъ

въ г. Ригъ, на 1899 годъ.

кинадей стол уг

ПОДПИСНАЯ ЦЪНА: Съ пересылкой: на годъ 7 р., на 6 м. 4 р., на 3 м. 2 р. 50 к., на 1 м. 1 р. За границу на годъ 14 р., на 6 м. 8 р., на 8 м. 4 р. 25 к., на 1 м. 2 р. 50 к. Объявленія принимаются по 25 коп. впереди и по 10 коп. посл'я текста за строку петита въ одинъ столбецъ. За объявленія, помъщаемыя

подъ телеграммами, взимается по 20 коп. со строки въ одинъ столбецъ.

Прибалтійскій Листокъ,

независимый органъ русской интеллигенціи и містныхъ интересовъ, выходить въ формать и объемь другихъ большихъ газетъ, заключая въ себъ, вромъ передовихъ и другихъ статей по общерусскимъ и мъстнымъ вопросамъ, все новости вавъ городской, тавъ вообще и прибалтійской жизни.

Составъ редакціи и сотрудниковъ газеты пополненъ новыми силама. Несколько столичныхъ и провинціальныхъ журналистовъ назавили готовность работать въ газетъ.

Подписка на газету и заказы на объявленія принимаются въ конторъ и экспедиціи газеты (Рига, уголь Малой Кузнечной и Крипостной улиць,

Газета печатается въ собственной типографіи.

Редакторъ В. В. Тронциан. Издатель А. А.Крюгеръ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 годъ

"ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРЪНІЕ",

ГАЗЕТУ НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНУЮ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ восемнадцатый годъ изданія.

"Восточное Обозрвніе" будеть издаваться КЖКДНКВНО, кромь іпосльпраздничныхь дней.

Цвна газеты: въ Россія за годъ—9 р., полгода—5 р., три месяца—3 р. и за одинъ месяца—1 р., за границу за годъ—12 р., полгода—6 р. 50 к., три месяца—3 р. 75 к., на одинъ месяцъ—1 р. 40 к. При газете издается "Сибирскій Сборникъ". Цена 2 р. въ годъ. Объявленія по 10 к. за строчку петита на 4-й страницъ и 20 к; на 1-й страницъ,

Адресъ: Иркутскъ, Редакція газеты «ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРЪНІЕ». Редавторъ-издатель И. И. Поповъ.

ЕЖЕНЕДЪЛЬНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ

посвященная всёмъ отраслямъ влинической медицины и гигіены и всёмъ вопросамъ врачебнаго быта, будеть выходить и въ будущемъ 1899 году-подъ тою же редакціею и по той же программъ, какъ и въ первыя 19 дъть. Статьи въ (заказныхъ бандерозяхъ) высызаются на имя редактора

Вичеслава Авксентьевича Манассенна (Петербургъ, Симбирская, д. 12;

KR. 6).

Піна за годовое изданіе, какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Цетербургі, 9 р.; за полгода 4 р. 50 к.; за 3 місяца 2 р. 25 к. Подписка принимается у издательницы—Ольги Александровны Риккеръ (Петербургъ, Невскій, 14). Къ ней же исключительно сліддуєть обращаться и по всемъ хозяйственнымъ вопросамъ вообще (относително высылки гонорара, отденных оттисковь, неполученных ЖЖ и т. д).

ЕЖЕДНЕВНАЯ ОБЩЕДОСТУПНАЯ ГАЗЕТА

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

издающаяся въ г. Томскъ

Знавомя читателей черезъ ежедневно получаемия телеграмии и на Онаковы читателей черезь съедневно получасями телеграним и на основании русских и иностранных вазеть и журналовь съ выдающимися явленіями русской и заграничной жизни въ области государственной и общественной деятельности науки и искусства,—Редакція обращаеть особенное вниманіе на проявленія сибирской жизни въ возможно боль-шемъ районт нашей общирной окранны. Статьи и заметки, имеющія своимъ предметомъ прошлое и настоящее Сибири, а также корреспонденціи изъ разныхъ мъстъ Сибири, составляють главные и основные отдалы

Въ газета принимаютъ участіе накоторые изъ профессоровъ Томскаго

университета.

Bijamuiaca coditia u sthorpaфujeckie ojepku njamcypupymica подписная цъна:

Съ пересыякой на годъ 5 руб., 9 мёс. 4 руб., 6 мёс. 3 руб., 1 мёс. 50 в., съ пересыякой заграницу на годъ 9 руб., 9 мёс. 7 руб., 6 мёс. 5 руб., 1 мъс. 90 к.

Подписка и объявленія принимаются: въ книжнихъ магазинахъ и

типо-литографіяхъ П. И. Макушина въ Томскі и Иркутскі.

Иногородніе требованія свон адресують: въ г. Томскъ, въ контору редакцін газеты «Сибирская Жизнь». Редавторы II. Макушинъ. Издатель П. Макушинъ

Открыта подписка на 1899 годъ

HA ANTERATYPHYD, HOANTHYCCKYD, OGWECTBENHYD N KONNEPYCCKYD FASCTY

ВОЛЖСКІИ ВѣСТНИКЪ

ВЫХОДЯЩУЮ ВЪ Г. КАЗАНИ ЕЖЕДНЕВНО.

СЕМНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Основная задача газети: возможно полное изучение изстнаго Камско-Волжскаго района и всестороннее представительство его нуждъ и интересовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦЪНА:

Дая иногородных подписчиков:

На годъ 9 р.—На полгода 5 р.—На 3 мёс. 2 р. 75 к.—На 1 мёс. 1 р.
Допускается разгрочка: при подпискё 8 р., 1 апрёля 3 р., 1 іюля 3 р.
Подписка принимается: въ Казани въ главной конторъ Волж. Вёстняка на Покровской ул., д. Пермяковой; въ Симбирскъ—въ отдалени конторы (Бъляевской пер. д. Руне), въ Вяткъ—въ книжномъ магазинъ Тиханова, въ Сарапуль-въ типографіи Колчина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1899 г.

на издающуюся въ Ростовъ на Дону

ежедневную политическую, литературную и экономическую газету

IPИA30BCKIЙ KPA

IX годъ изданія. Подписва принимается: въ Ростове на Д., въ главной конторе газети «Приазовскій Край»

Условія подянени въ Россін:
Съ доставной 12 м. 9 р., 11 м. 8 р. 50 н., 10 м. 8 р., 9 м. 7 р. 25 к., 8 м. 6 р. 50 к., 7 м. 5 р. 75 к., 6 м. 5 р., 5 м. 4 р. 25 к., 4 м. 3 р. 50 к., 3 м. 2 р. 75 к., 2 м. 2 р. 1 м. 1 р.
За пересылну газеты за границу взимается, сверкъ подписной цъны, 60 к. въ мъсяцъ. За перемъну адреса платится 50 коп.

Подписка принимается исключительно съ каждаго 1-го числа и не далве конца гола.

Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ подписывающихся съ 1-го января на годъ на сгъдующихъ условіяхъ: 1) въ два срока— при подпискъ 5 р. и въ 1 іюля 4 р. и 2) въ три срока—при подпискъ 4 р., къ 1 мая 3 р. и къ 1 сентября 2 р.

Редавторъ и ответственный издатель С. Х. Аругоновъ.

открыта подписка на 1899 годъ. ЛЕВЯТНАЛЦАТЫЙ ГОЛЪ ИЗЛАНІЯ.

газета общественная, политическая и литературная. выходить сжедневно, безь предварительной ценвуры. Попписная цъна на 1899 г.:

сь пересылкою иногороднимь: 11 m. 10 m. 9 m. 8 m. 7 m. 6 m. 5 m. 4 m. 3 m. 2 m. 1 m. P. E. P. 11 — Допускается разорочка платежа за годовой экземплярь по согла-

шенію съ редакціей.

Подписка и объявленія принимаются въ Харьковъ—въ конторъ газеты «Южний Край», на Сумской улиць, въ домъ А. А. Іозефовича, Ж 13. "Южный Край" печатается въ размъръ большихъ сто-

личныхъ газеть. Редавторъ-издатель А. А. 103ЕФОВИЧЪ.

Велавно вышедшія изланія Л. Ф. Пантелвева.

Сърошевскій, В. Л. На враю лівсовъ. Съ иллюстраціями. Ц. 1 р. 50 в. Вагмеръ, В. Л. Вопросы зоопсихологін. Ц. 1 руб. 50 воп. Вотье. Мъстное управление въ Англин. Пер. съ фр. В. Водовозовъ Ц 2 р. Шимкевичъ, В. Наследственность и попытки са объясненія. Ц. 1 руб. Фонъ Шанкъ, А. Ф. Исторія норманновъ въ Сицилін. Пер. съ нѣмецваго Н. М. Соколовъ. Ц. 2 руб. 50 коп.
Лазарияло изъ Тормезъ. Перев. съ испанск. Ц. 75 коп.
Могра. Послѣдніе дни одного общества. Перев. съ франц. Ц. 3 руб.

Асаю. Исторія монархических учрежденій датиної русадимскаго королевства, Пер. съ фр. Ц. 2 р.

Спенсерь, Г. Основныя начала. Перев. съ англ. Ц. 2 руб.

Гиро. Историческія чтенія. Частная и общественная жизнь грековъ. Перев.

съ франц. Ц. 8 руб. Штраусъ, Ф. Ульрихъ ф. Гуттенъ. Пер. съ нём. подъ ред. Э. Л.Радлова. Ц. 3 р. Курье. Сочиненія, ч. І. Цёна 2 руб.

мурье, Сочинения, ч. 1. Цзна 2 рус.

Нидерае. Люди въ доисторическую эпоху. Пер. съ чешскаго подъ ред.
проф. Д. Н. Анучина. Ц. 5 рус.

Тепъ-Бриниъ. Пекспиръ. Пер. съ нѣн. П. И. Вейнбергъ. Ц. 75 коп.

Сеайль. Леонардо да-Винчи. Пер. съ франц. Ц. 2 рус.

Вамъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. Перев. съ франц. нодъ ред.
Э. Л. Раддова. Т. І. Ц. 2 руб. 50 коп.

Ларра. Общественные очерки Испаніи. Пер. съ исп. М. В. Ватсонъ. Ц. 2 руб. 50 коп.

Левесь. Женскіе типы Шекспира. Пер. съ нім. Ц. 2 руб. Кенеть Грээнъ. Золотой возрасть. Пер. съ англ. Ц. 75 коп.

Метенъ. Соціализмъ въ Англін. Пер. съ франц. Ц. 1 руб. 50 воц.

Рейбо. Жеромъ Патюро въ поискахъ сопіальнаго положенія. Пер. съ фр. Ц. 1 руб. 25 коп.

Пасналь. Инсьма о моради и политивъ језунтовъ. Ц. 2 руб.

Амордив. Прогрессь и бъдность. Ц. 2 руб. Риголамъ. Соціологія Конта. Пер. съ фр. Ц. 2 руб. 50 коц. Бельшевскій. Жизнь Гёте. Пер. съ нъм. подъ ред. Ц. И. Вейнберга, т. І.

П. 2 р. 50 коп. П. Леруа-Болье. Новыя англо-саксонскія общества. Австралія и Новая Зеландія. Южная Африка. Пер. съ франц. Ц. 2 руб.

Скиадъ изданій въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова: Петербургъ. Литейная, 46, Москва, Моховая, д. Коха (бывшій), Варшава и Вильно.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ МАСТЕРСКАЯ УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ И ИГРЪ.

ОСНОВАНА ВЪ 1873 Г.

Поставщики учрежденной по ВЫСОЧАЙШЕМУ повельнію Постоянной Коммиссіи народных чтеній, Московской Коммиссіи публичных народных чтеній и мног. друг.

МЕЦАЛЬ 'ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Техническаго Общества ЗА САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ установку изготовленія водшебныхъ фонарей и ихъ ЛОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ.

МЕДАЛИ на выставкахъ въ Филадельфіи («ЗА ИЗОБРЕТА-ТЕЛЬНОСТЬ, ОРИГИНАЛЬНОСТЬ И ДЕШЕВИЗНУ»), Въ Парижѣ, Мооквѣ, С.-Петербургѣ и многихъ другихъ.

Золотыя медали

на выставкъ при II-мъ Съъздъ дъятелей по техническому и профессіональному образованію въ Москвъ 1896 г. и на Всероссійской выставкъ въ Нижнемъ-Новгородъ 1896 г.

Иллюстрированный спеціальный каталогь № 7

Волшебныхъ фонарей

и картинъ къ нимъ

СЪ ПРИБАВЛЕНІЕМЪ КЪ НЕМУ, ИЗД. 1897 г.

Каталогъ заключаеть въ себѣ волшебные фонари и полюрамы съ керосиновымъ, гавовымъ и электрическимъ освѣщеніемъ. (Аппараты изготовлены Мастерской для большинства аудиторій народныхъ чтеній, для ИМПЕРАТОРСКИХЪ театровъ, для профессорснихъ ленцій, для многихъ полювъ и военныхъ судовъ), ЕСА Е ТЕТЕТЬІ (всего болѣе 8000 №№) на стеклѣ черныя и раскрашенныя; простыя, поліорамныя; механическія и юмористическія.

Принадлежности для народных заудиторій при чтеніи съ водшебным фонаремъ.

Списовъ брошюръ, разрышенных для народных чтеній.

СПИСОНЪ полленцій картинъ къ народнымъ чтеніямъ. Каталогъ высылается вмёстё съ прибавленіемъ за 50 коп. почтовыми марками.

Учебныя пособія.—Шнольная обстановна.—Гигіеническіе классные столы.—Дѣтскія книги.—Образовательныя игры и занятія для дѣтей, болѣе 200 собственныхъ изданій.

Справочный каталогь учебных пособій и игръ высылается за 14 к. почт. марк.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Троицкая улица, 9. 🔀

Дозволено цензурой. С.-Петербургъ 14 Декабря 1898 г.

Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъйзжая ул. 15.

ПОДПИСКА на 1899 г.

"РУССКІЯ ВЪДОМОСТИ"

(86	годъ	изданія):
-----	------	-----------

Въ москвъ	Нагорода	Заграницу						
, съ доставной	съ пересылкой	съ пересылкой						
413 12 mbc. 10 p R.	на 12 мъс. 11 р. — к.	на 12 мъс. 18 р. — к.						
. 6 . 5 . 50 .	, 6 , 6 , — , ·	,6,9,-,						
. 3 . 3	3 3 3 3 5 5 0 3	3 3 4 80 3						
· 1 · 1 · - ·	> 1 > 1 > 20 >	> 1 > 1 > 90 >						

"Русскія Відомости" будуть выходить ежедневно, не исключая дней члоскі празднячныхъ, лестами большого формата, съ приложеніемъ, по міррі надобности, добавочныхъ листовъ.

Составъ постоянныхъ сотрудниковъ и программа газеты остаются прежніе.

Гг. подписчики благоводать обращаться съ требованіями о подпискі въ -Мосиву, въ ноитору «Русскихъ Въдомостей», Никитская, Чернышевскій пер., 7.

Для гг. иногородныхъ подписченовъ, затрудняющихся единовременнымъ веносомъ годовой платы, допускается разсрочна при непремённомъ условін непосредственнаго обращенія въ контору газеты, а не черезъ княжме магазины: а) при подпискё 6 р. и къ 1-му іюня 5 руб. или б) при подписке 5 р., къ 1-му марта 3 р. и къ 1-му августа 8 р. Въ случай невноса денегъ въ срокъ дальнёйшая высылка газеты пріостанавливается. Для воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, учителей и учительницъ городскихъ и сельскихъ школъ съ Москос съ досменой на 1 мёсята 1 руб.

сицъ-85 коп., съ пересывной съ другие города на 1 мъсяцъ 1 руб.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

С.-Петербургскія Въдомости.

въ 1899 г.

ПОЛПИСНАЯ ПВНА: Безъ казенныхъ прибавленій:

															n BC					
·Съ	доставьой п	o rop.	POI	rb	16	p.	_	K.	9	p.	-	E.	4	p.	50	E.	1	p.	80	E.
	пересылкою																			
3a	границу				26	*	_	"	14	•	_	>	8	>	_	×	3	20	_	*
			Съ	Kase	HH	M	H D	ри	бав.	1eb	(Ri	H:								

на годъ. 6 mbc.

Подписка на газету съ вазенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступають.

Допуснается разсрочна платема подписныхъ денегъ чрезъ гг. казначеевъ (по особому съ ними соглашенію); для частныхъ же лицъ, обращающихся мрямо въ контору редакцін: 7 руб. нри подпискъ, 5 руб. въ концъ марта и 5 руб. 1 августа.

Для духовныхъ лицъ, воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, преподавателей народных училищь и всехъ средних и висших учебных заведеній, а равно для общественных библіотек и читален под-нисная ціна: 12 руб. въ годъ или по 1 руб. въ місяцъ (исключительно черезъ контору "СПБ. Відомостей"). Подписчикамъ, не внесшимъ въ

срокъ подписнихъ денегъ, висилка газети прекращается. Подписка принимается: въ Петербургъ, въ главной конторъ "С.-Петер--бургскихъ Въдомостей", Шпалерная, 26 и въ книжномъ магазниъ Мелье -(Невскій пр., № 20); въ Москвъ, въ конторъ Н. Печковской, Петровскія линін, № 61.

Иногородные адресують: С.-Петербургь, Шиалерная 26. Редакторъ-Издатель инязь Э. Э. Ухтомскій. Открыта подписка на 1899 годъ на вженъсячный литературный и научный журналь

PYCCKOE BOLATCIBO,

издаваемый

Вл. Г. Короленко и Н. К. Михайловскимъ.

Въ	СПетербургъ въ конторъ журнала-ул. Спасской	ď							
-	подписка принимаьтся:								
•	За границу								
		1							
-	На годъ съ доставкой и пересылкой 9 р.	١							
•	Подписная цѣна:								

Басковой ул., д. 1—9.

Въ Москвъ-въ отделени контори — Никимскія ворома
д. Газарина.

При непосредственном обращении съ контору или съ отдъление, доп склется разорочка:

· · · для городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ съ доставкой:

при подпискъ . . . . 5 р. или при подпискъ . . . 8 р. или къ 1-му иправа . . . 8 р. и къ 1-му иправа . . . 8 р. и къ 1-му иправа . . . 8 р.

Не приславшимъ доплатъ въ означенные сроки высылка журнал прекращается.

ДЛЯ ГОРОДСКИХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ ВЪ Петербурга и Моску безъ доставки допускается разсрочка по 1 р. въ изсяцъ съ прате жомъ впередъ: въ декабра за январь, въ январа за февраль и т. д. поль включительно.

Книжные магазины, доставляющіе подписку, могуть удерживає за коминссію и пересыку денегь только 40 коп. съ каждаго годова: экземплара.

Подписка въ разерочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается

4 P cs I

